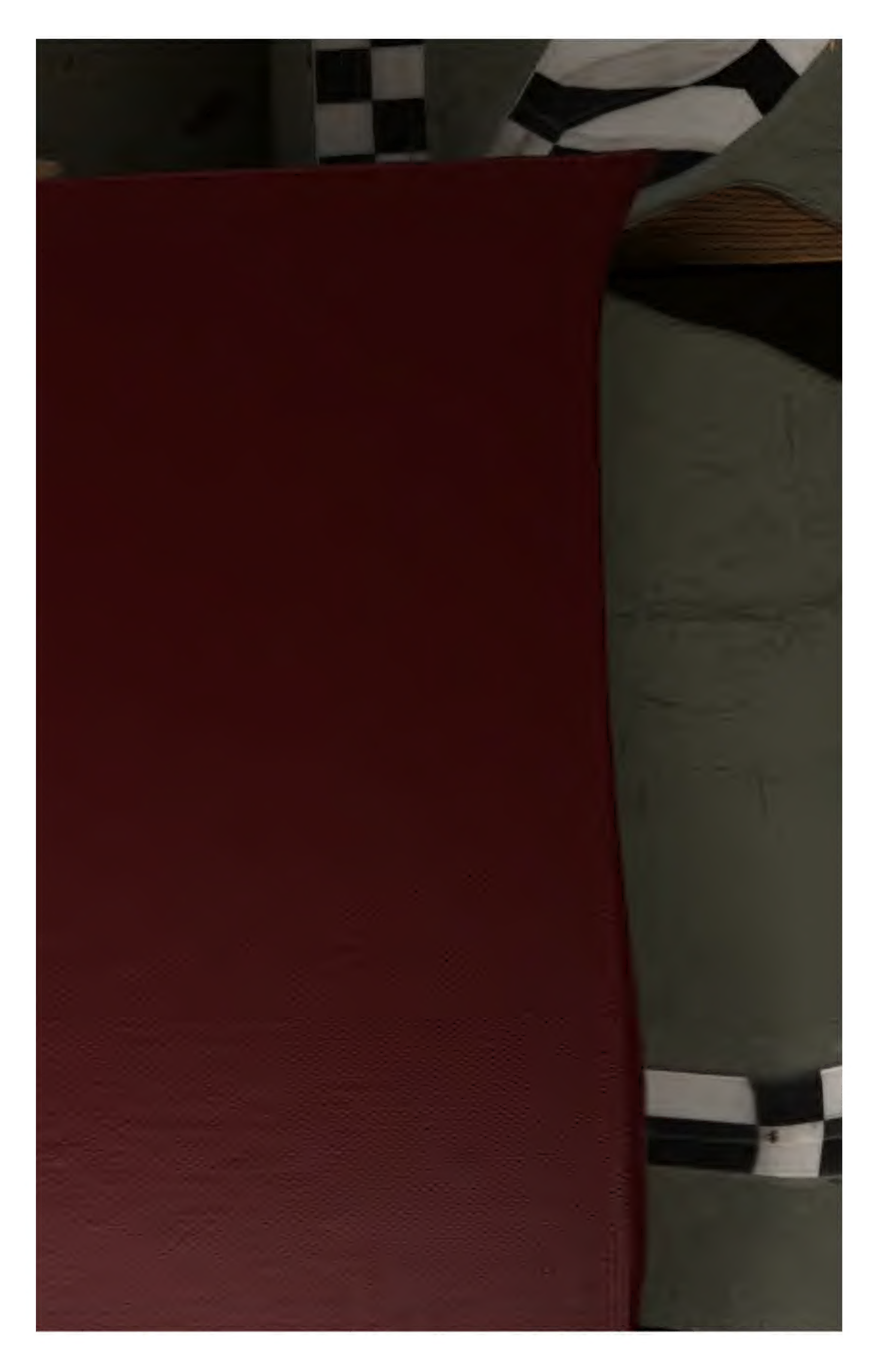

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ · ЛИТЕРАТУРЫ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-ая.

ФЕВРАЛЬ. 1871.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 2-ая. — ФЕВРАЛЬ, 1871.

БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ

въ

СВОЕМЪ ВОТЧИННОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

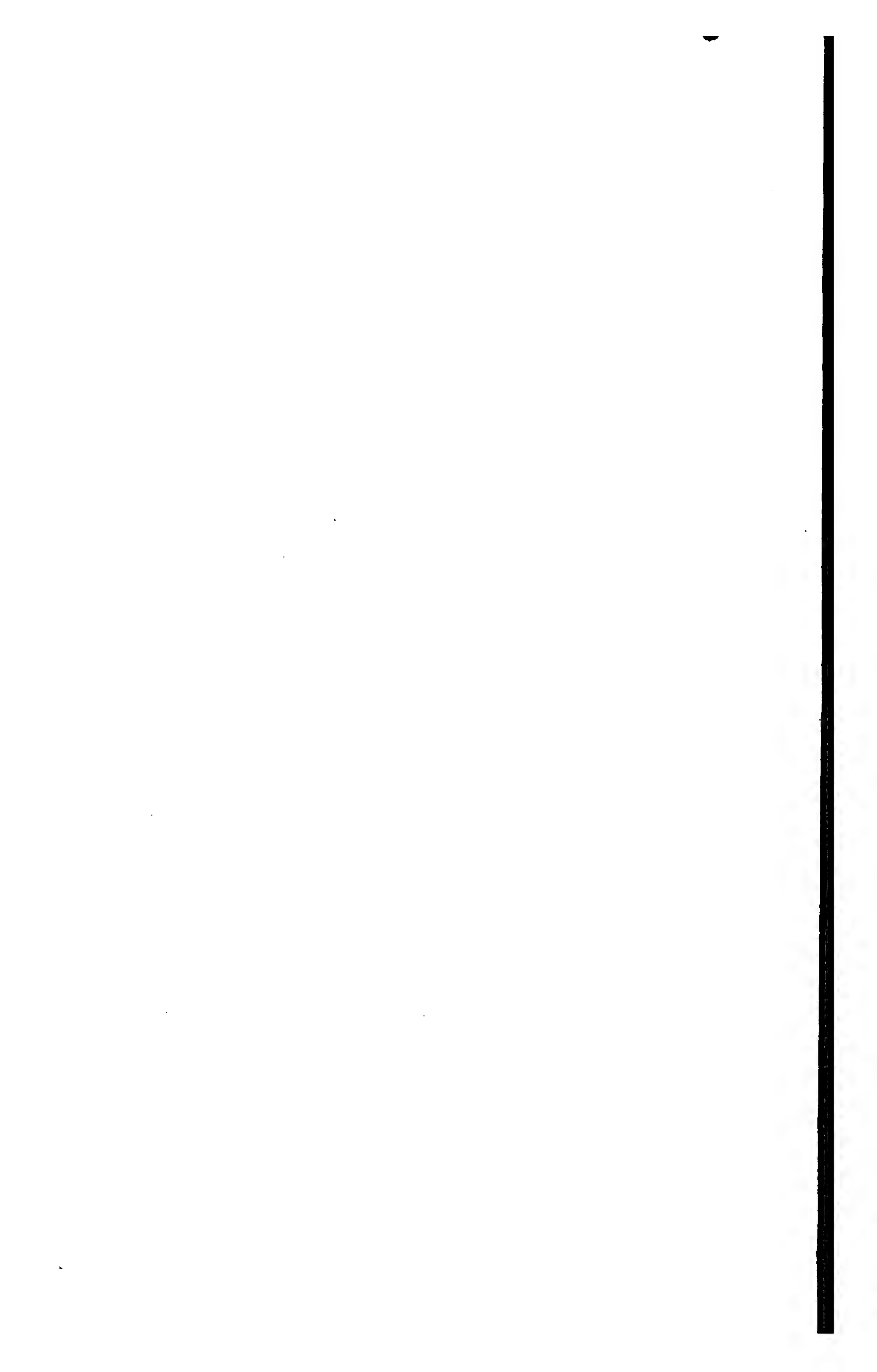
XVII-й вѣкъ.

II *).

Крѣпостная работа. — Опыты посѣва заморскихъ сѣмянъ. — Отбываніе крестьянами барщины. — Стойкость крестьянскаго міра. — Боярскіе промыслы: винокуреніе, откупа, добываніе поташа и желѣза. — Вотчинныя отношенія къ сосѣдямъ, къ казнѣ, къ духовенству. — Прикащичьи отношенія. — Московскій боярскій приказъ и люди дворовые.

Другіе счеты бывали у нашихъ сельскихъ хозяевъ со своими крѣпостными. По тогдашнему обычаю, бояринъ въ своихъ приказахъ очень обстоятельно описывалъ, какъ исполнять пахатное дѣло. «Какъ станутъ пашню пахать—говорилось въ такихъ приказахъ — чтобы пахали безъ цѣлизенъ и выпахивали нá-мягко, пахали-бъ въ пору, не опоздавъ, бороновали-бъ мягко-жъ. И будетъ крестьяне станутъ пахать съ цѣлизнами и нá-мягко не учнутъ выпахиват́ь, и хлѣбъ на той пашнѣ будетъ недоброй, а у нихъ крестьянъ, на ихъ жеребьяхъ въ тѣхъ годахъ хлѣбъ родится добръ; и тотъ доброй хлѣбъ велятъ съ ихъ жеребьевъ имать на боярина, а имъ отдавать съ боярской пашни худой хлѣбъ... И сѣяли чтобъ хорошо, и высѣвали хлѣбъ весь и хит-

*) См. выше: янв. 5 стр.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-ая.

ФЕВРАЛЬ. 1871.

ПЕТЕРБУРГЪ.

нарошно ѣздюка для того, что сѣно почато косить; и о томъ, что ты государь укажешь, велишь ли косить или пообождавъ; а по сторонамъ государь косятъ у князь Никиты Ивановича Адуевскаго, да у князь Ивана Алексѣевича Воротынскаго и въ Степановскомъ. А рожь, государь, въ Ильину дни поспѣетъ, будетъ Богъ дастъ ведро...» Бояринъ отвѣчалъ, чтобъ понорови сѣно косить до его указу. Наконецъ, по новому указу, сѣнокосъ начался, но пошли дожди и прикащикъ не зналъ опять, что дѣлать. «Велѣно мнѣ сѣно косить и сѣно подкошено въ Глуховѣ всѣ луги да въ Павловскомъ подкошено Игумновъ лугъ да Ведедиковской—и почали, государь, нынѣ дожди перепадывать и о томъ мнѣ, что ты укажешь, велѣть ли косить или понаровить, для того, государь, что трава худа, дождями вобьетъ въ землю. А будетъ изволишь косить и ты, государь, укажи быть съ Москвы закащику, чтобы сѣнокосному дѣлу замотчанья не было и поноровки бы не было-жъ наряжать къ работѣ. А іюля по 13 день сгребено сѣна въ Глуховѣ на плоскомъ лугу 713 копенъ, а сметано 7 стоговъ; да въ Устиновскомъ лугу сгребено 70 копенъ, а сметано — стогъ; а гребли и сметали при мнѣ холопѣ твоемъ».

Мы видѣли, что въ Павловскомъ подъ пашню и сѣнокосъ сѣкли лѣсъ наемными людьми; наемные же дѣловые люди тамъ жали рожь и косили сѣно. Кромѣ того на это дѣло употреблялись тамъ и колодники, провинившіеся крѣпостные, особенно дворовые, которыхъ бояринъ исправлялъ этою работою. «Посланъ къ тебѣ будникъ Ѳедька, писалъ онъ однажды къ прикащику, и тебѣ его принять и посадить въ кандалы и отдать въ работу къ дѣловымъ и беречь крѣпко, чтобъ не ушелъ, а желѣза ножныя, которыя на немъ, прислать къ Москвѣ».

Въ низовыхъ вотчинахъ пашня и сѣнокосы тоже постоянно увеличивались новыми розчистями, которыя въ тамошнихъ мѣстахъ производились, какъ тягловое издѣлье, крестьянами, повытно, съ десяти вытей по десятинѣ (въ 1650 г.), причемъ бояринъ приказывалъ также: «велѣть и монастырскимъ и поповымъ бобылямъ, всѣмъ по головамъ лѣсу вычистить, гдѣ доведется подъ сѣнные покосы 4 дни; и къ нимъ приставить приставовъ добрыхъ, чтобъ чистили, не огуряючись; а чистить бы лѣсъ, выбирая низкія мѣста, гдѣ угоже подъ покосы, и прохожихъ дней не зачитать имъ въ тѣ 4 дня, велѣть чистить 4 дни ровно». Въ селѣ Мурашкинѣ съ деревнями было 184 выти безъ четверти; они чистили только подъ пашню 18 десятинъ слишкомъ, что исполнено и всѣми другими вотчинами въ своихъ земляхъ.

Употребляя всѣ мѣры, болѣе или менѣе строгія, а подчасъ и

жестокія, дабы устроить свое пашенное хозяйство какъ возможно прибыльнѣе, Морозовъ не упускалъ случая воспользоваться и всякою, даже небывалою, какою-либо заморскою новиною. Такъ онъ провѣдалъ, что сосѣдъ его въ низовыхъ вотчинахъ, нѣмецъ полковникъ Еганъ Графортъ сѣетъ на своей землѣ какое-то заморское сѣмя *реинзатъ*. Тотчасъ полковникъ былъ приглашенъ произвести опытъ своего посѣва и въ боярскомъ имѣніи. 23-го мая 1651-го г. Морозовъ писалъ прикащикамъ селъ Мурашкина и Богородскаго: «Поѣхалъ къ вамъ въ вотчины мои полковникъ Еганъ Александровъ Графортъ земли обыскивать, которая бъ земля годилась посѣять на меня заморскимъ сѣмянемъ реинзатомъ. И какъ онъ пріѣдетъ и гдѣ обыщетъ мѣсто и вы бъ землю велѣли готовить, сколько десятинъ ему надобно, и по скольку велитъ перепахивать землю, такъ все по его и дѣлать. А какъ землю станутъ перепахивать, полковникъ станетъ самъ смотрѣть. А будетъ, гдѣ онъ обыщетъ мѣсто и въ лѣсахъ, и вамъ бы тотчасъ велѣть то мѣсто вычистить, сколько ему надобно десятинъ. Одноличто бъ вамъ, гдѣ онъ мѣсто изыщетъ въ Мурашкинѣ, или въ Богородскомъ, или въ иныхъ моихъ Нижегородскихъ и Арзамазскихъ вотчинахъ, — тутъ велѣть готовить землю и дѣлать такъ, какъ онъ станетъ указывать. А у него-де тожъ заморское сѣмя посѣяно на своей землѣ, а поспѣетъ де то сѣмя къ Петрову дни. И какъ онъ учнетъ то сѣмя на своей землѣ жать, и вамъ бы велѣть въ то число быть и смотрѣть Артюшкѣ Мишевскому да крестьянамъ человѣкамъ двумъ или тремъ, которымъ смышленымъ, чтобъ они видѣли, какъ станутъ то сѣмя жать и молотить и прятать, и тобъ имъ перенять. А какъ на моей землѣ станетъ сѣять и они бъ, крестьяне мои, и того смотрѣли, чтобъ все перенять же. А Артюшка Мишевской тутъ же былъ бы и смотрѣлъ тово, какъ станутъ сѣять». Намъ неизвѣстно, чѣмъ окончился этотъ опытъ.

Когда наставала засуха, то по деревнямъ, по наказу боярина, принимались обычныя въ то время мѣры: молились всѣмъ міромъ о дождѣ и береглись отъ пожара, для чего воспрещалось топить печи. Въ 1652-мъ г. по такому случаю бояринъ писалъ прикащику подмосковнаго села Павловскаго: «Тебѣ бы въ нынѣшнее воскресенье велѣть священникамъ праздновать пророку Ильѣ, вечерню и заутреню и обѣдню пѣть и ходя со кресты кругомъ села и по полямъ молебствовать, чтобъ Господь Богъ далъ дождя на землю; а крестьянамъ и дворовымъ людямъ всѣмъ велѣть у церкви быть и за кресты ходить; и какъ отпразднуютъ и молебны, ходя со кресты отпоютъ и тебѣ бы дать священникамъ, дворовымъ людямъ и крестьянамъ и дѣловымъ (вольно-

наемнымъ) 30 ведръ пива и велѣть имъ пить со смиреніемъ, чтобъ у нихъ драки и брани и никакого шуму не было. Да заказать бы тебѣ накрѣпко всѣмъ дворовымъ моимъ людямъ, чтобъ они отнюдь избъ не топили; а будетъ кто указу моего не послушаетъ и избы станутъ топить и того бить батоги нещадно; а кто не уймется и оттого, и его бить кнутомъ. А для печенья хлѣба и варенья, ѣсть велѣть на улицѣ, чтобъ отъ двора моего и отъ слободы было далеко, для пожарнаго времени збить печни, сколько доведется и велѣть покрыть, и въ тѣхъ печняхъ всѣмъ велѣть хлѣбы печь и ѣсть варить. А государевъ указъ: отъ кого грѣхъ учинится, гдѣ загорится отъ небреженья, и тѣмъ смертная казнь».

Впрочемъ, боярскіе указы о мірской молитвѣ по случаю бездождія, равно, какъ и о томъ, чтобъ по праздникамъ крестьяне ходили въ церковь и не работали, не вездѣ и не всегда исполнялись. Однажды прикащикъ Коломенской вотчины села Ивановскаго писалъ боярину: «О яровыхъ посѣвахъ овса и пшеницы, что они окончены, высѣяно овса въ Ивановскомъ и въ деревнѣ Каменкѣ 123 четверти, пшеницы 11 четвертей съ четверикомъ, да въ деревнѣ Косякиной овса 8 четвертей; и всходы были хороши, да по грѣхамъ стала засуха, яри всѣ посохли; а крестьянамъ я говорилъ, чтобъ къ церкви идти и молебны пѣть о дождѣ; и они, государь, мнѣ отказали, къ церкви не пошли. Да твой государевъ указъ (есть) ко мнѣ, что по воскреснымъ днямъ не работать, и они, государь, работаютъ въ-тай на себя. А у сосѣдей въ селѣ Алексѣевскомъ и по деревнямъ въ воскресные дни работаютъ; и крестьяне потому мнѣ отказываютъ, говорятъ: вотъ на сторонѣ дѣлаютъ, намъ для чего не дѣлать? Да на Петрово заговѣнье къ церкви, государь, Божіей ни одинъ къ завтрени и къ обѣдни не бывалъ и въ томъ, государь, вели свой государевъ указъ учинить». Отвѣтный боярскій указъ былъ таковъ: «Тебѣ бы крестьянамъ къ церкви велѣть приходить ежевоскресеней и по праздникамъ по господскимъ и богородичнымъ, и молебны о бездождіи пѣть; а будетъ который крестьянинъ не придетъ къ церкви въ воскресный день или въ господскій или въ праздникъ богородиченъ или иного какого великаго святого, и на тѣхъ имать, который впервые не придетъ по двѣ деньги, а который въ другоредь не придетъ и на немъ взять грошъ; а въ-третіе который не придетъ и его бить батоги и взять на немъ пени алтынъ, и тѣ пенные деньги класть въ ящикъ».

Относительно работъ по воскресеньямъ, бояринъ указалъ: «Тебѣ бы крестьянамъ заказать накрѣпко, чтобъ отнюдь по воскреснымъ днямъ на мою работу не ходили и своего никакого

дѣла не дѣлали; а гдѣ по сторонамъ дѣлаютъ и то не въ образецъ; а у меня во всѣхъ моихъ вотчинахъ нигдѣ по воскреснымъ днямъ не работаютъ; а кто моего указу не послушаетъ и его за то бить батоги передъ міромъ, чтобъ на то глядя и иные такъ не дѣлали и моего указу слушали».

Когда эти указы пришли въ вотчину и прикащикъ собралъ сходъ, а сельскій попъ Василій прочелъ на немъ боярскую грамоту, то четыре человѣка крестьянъ на прикащика почали кричать съ большимъ шумомъ: «ты де прикащикъ на насъ пишешь, *заставливаешь сильно молиться*... и учали крестьяне ходить толпами. То у нихъ невѣдомо какой умыслъ, убить ли меня холопа твоего хотѣли», прибавлялъ въ своемъ донесеніи прикащикъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что рядомъ съ непослушаніемъ идти въ церковь, прикащикъ описывалъ боярину и *огурство* крестьянъ; т.-е. лѣность и уклончивость отъ боярскихъ вотчинныхъ работъ. Поэтому толпы были возбуждены повальнымъ обвиненіемъ крестьянъ въ неисполненіи боярскихъ приказовъ. Это огурство, по разсказу прикащика, заключалось въ слѣдующемъ: «Крестьяне, государь, огурливы на твое дѣло, писалъ онъ: чистили государь лѣсъ и выборный Игнашка Романовъ дѣловца (работника) лѣсу чистить не далъ, а живетъ на полутору осмакѣ, да Ѳедька Буркинъ всегда на твое государево дѣло посылаетъ робенка, и я съ дѣла сбилъ, ударилъ дважды батогомъ и тотъ Ѳедька на меня шумитъ, на твое дѣло ходить огуряется, а на него глядя и иные также робятъ посылаютъ; дѣлали мельницу, Ивашка Остафьевъ не далъ дѣловца. И прежде я къ тебѣ государю про огурщиковъ писалъ, что ходятъ не рано на твое дѣло; вели государь въ томъ свой указъ учинить, который передъ своимъ братомъ опоздаетъ, а у меня въ наказѣ того не указано, который опоздаетъ или огурится на твое дѣло, что надъ нимъ учинить».

Бояринъ отвѣтилъ: «Которые мои крестьяне огуряются, на мое дѣло сами не пошли и дѣловцовъ не прислали, а иные и прислали и то робятъ, и тебѣ бы ихъ передъ міромъ бить батоги нещадно, а тѣ дни велѣть впредь заработать; да и впередъ, которые станутъ огуряться, на мою работу не придутъ или робятъ малыхъ пришлютъ и тебѣ бы робятъ ссылать, а за огурство ихъ бить батоги нещадно на сходѣ и тѣ дни велѣть заработывать, а робятъ малыхъ посылать не велѣть, а велѣть имъ самимъ приходить или дѣтей, или племянниковъ, или братей посылать, не малыхъ робятъ, чтобъ на моемъ здѣльи прогулки не было». Вотъ эта-то боярская грамота и произвела шумъ между крестьянами, почали кричать прикащику, «и огур-

ство де на насъ пишешь! и учали ходить толпами, при чемъ выборный Игнашка въ грамотѣ, государева указу слушать, и совсѣмъ не пришелъ, а Ѳедька Бурка не дался бить батогами». «Да ходили, государь, съ образы—прибавляетъ прикащикъ,—на Каменское и на Ивановское поле молебствовать, и тотъ Игнашка къ церкви Божіи за образы на поле не выходилъ, и твоего государева указу не послушалъ. Да онъ же Игнатъ на свадьбѣ въ поѣзду, пріѣхавъ къ церкви попа Ивана убилъ (зашибъ), и тотъ попъ пришелъ на него Игната бить челомъ; то было въ замолотѣ, и Игнашка при Осипѣ Мишевскомъ (другой дворовый) и при мнѣ билъ плетью попа и мы попа у него отняли, а его Игнашка посадили въ колоду».

На этотъ разъ прикащикъ, пользуясь случаемъ, выводилъ на крестьянъ всякія вины, по той причинѣ, что шла у него съ ними ссора. «Да на меня холопа твоего, — писалъ онъ помѣщику,—вывели на сходѣ при всемъ мірѣ, будто я отдалъ твою государеву землю къ селу Троицкому за Митковымъ врагомъ, а будто я взялъ кувшинъ вина. И въ томъ, государь, вели имъ допряма довесть буде я отдалъ землю или взялъ хотя кубышку вина, вели въ уголь зжечь меня, да и въ вѣкъ у тебя-государя своего милости не прошу; то имъ на меня и зло, чтобъ они на твое дѣло ходили по своей волѣ; за то меня и не любятъ, чтобы я имъ былъ потаковщикъ». Далѣе онъ объяснялъ, что велѣно было ему землю въ десятины измѣрить, и какъ сталъ онъ мѣрить, то крестьянинъ Игнашка съ товарищами своровали, пустовой *осмакъ* (пустовой тяглый надѣлъ) утаили, изрѣзали въ малыя дольки по себѣ и насѣяли ярового хлѣба, а онъ это открылъ и осмакъ у нихъ отнялъ; да Игнашка тутъ же еще своровалъ, билъ челомъ боярину ложно, будто у него усадьба тѣсна и просилъ дать земли въ промѣнъ на свою полевую, да и отдалъ въ промѣнъ не свою землю, а долю этого пустового осмака. Кромѣ того, какъ крестьянинъ Мишка Козелъ съ пасынками просилъ поверстать его въ землѣ противъ своей братьи, въ *усадьбѣ* и въ *полѣ*, то выборный Игнашка съ товарищами боярскаго указу не послушали, поверстать въ землѣ не дали, отводятъ ему землю помѣтную худую, съ собою его ровно не верстаютъ, а сказываютъ ему: ты паши тамъ, гдѣ навозилъ, а что нажилъ и ты съ нами подѣли, тогда мы тебя съ собою ровно и поверстаемъ». Слова очень примѣчательныя, характеризующія внутреннюю жизнь крестьянской общины, которая, несмотря на крѣпостное свое состояніе и на указъ полновластнаго помѣщика, стойко хранила свои права въ земляной равномѣрной разверсткѣ крѣпостного надѣла, и полагала основаніемъ

этого надѣла даже раздѣлъ на общину личнаго достатка со стороны вновь приходящаго. Припомнимъ, что точно такимъ же способомъ измѣщались люди и въ монастырскихъ иноческихъ общинахъ, которыя требовали всегда отъ вновь приходящаго извѣстный вкладъ. Въ отношеніи своей тягловой земли крестьянскій міръ былъ очень силенъ. Платя съ нея здоровые оброки, онъ отстаивалъ ее крѣпко, особенно противъ новичковъ, противъ крестьянъ пришлыхъ, которые еще не дѣлили съ міромъ всѣхъ тягостей оброка. Такія дѣла и самъ вотчинникъ всегда отдавалъ на рѣшеніе міра. Въ 1652-мъ г. одинъ подмосковный крестьянинъ билъ боярину челомъ, что работалъ онъ съ осмака, а нынеча устарѣлъ, а сынишка одинъ, да два внука подрастаютъ; просилъ, чтобъ бояринъ велѣлъ тянуть ему съ полуосмака, а на другую половину дать льготы, т. е. освободить отъ оброка. Бояринъ приказалъ: буде онъ старъ и работать съ осмака не въ силу, велѣть на полосмака дать льготы на сколько (времени) доведется, какъ міромъ приговорятъ.

Промышленный бояринъ, зная очень хорошо не слишкомъ большую податливость и крутой нравъ въ работѣ своихъ велико-русскихъ крестьянъ, крѣпостныхъ и наемныхъ, заселялъ нѣкоторыя свои вотчины, именно подмосковныя села Павловское, Иславское, Котельники, работниками бѣлорусцами, а отчасти и поляками, вызывая ихъ изъ-за рубежа, давая имъ льготы и ссуды. Счастливая польская война 1654-го г. подъ предводительствомъ самого царя, въ которой и бояринъ Борисъ Ив. Морозовъ въ государевомъ собственномъ полку былъ первымъ *дворовымъ* воеводою, очень много способствовала переселенію изъ западнаго русскаго края въ восточный разныхъ досужихъ людей, начиная со всякаго рода ремесленниковъ и оканчивая земледѣльцами. Въ 1657-мъ г., всѣ такіе поселенцы бѣлоруссы, въ вотчинахъ Морозова, для крѣпости, чтобъ не разбѣжались и чтобъ бѣжавшихъ можно было потомъ найти, были переписаны «въ рожей и примѣты и въ лѣта», съ женами и съ дѣтьми и съ братьями и со всею роднею каждый. Перепись производилась изъ приказу холопьяго суда, и составленныя книги послужили вотчиннымъ документомъ на этихъ новокрѣпостныхъ людей [1]).

Поляки вызваны были работать, какъ увидимъ, на поташныхъ и желѣзныхъ заводахъ и большею частію по найму, а не въ крѣпость. Иные изъ нихъ оставались во дворѣ боярина, поступая въ число дворовыхъ людей и получая потомъ мѣста вот-

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи, книга Писцовая, № 266.

чинныхъ прикащиковъ. Для исправленія въ православной вѣрѣ бояринъ отдавалъ ихъ къ старцамъ въ монастырь, гдѣ обучали ихъ и русской грамотѣ. Въ 1652-мъ г. одинъ изъ такихъ поляковъ писалъ боярину слѣдующее челобитье: «Государю Борису Ивановичу бьетъ челомъ холопъ твой Христофорко полякъ. Изволилъ ты государь мнѣ холопу своему быть у Спаса на Новомъ подъ началомъ, и я холопъ твой, будучи подъ началомъ, выучился русской грамотѣ азбуку, а часовника мнѣ учиться не почемъ; а у меня государь къ русской грамотѣ пристала охота большая. Умилостивися государь Борисъ Ивановичъ, пожалуй меня холопа своего, вели государь мнѣ для ученья дать изъ своей государевы казны часовникъ. Государь, смилуйся пожалуй!» На челобитной положена помѣта: «160 г. марта въ 22 день по сей челобитной Борисъ Ивановичъ пожаловалъ велѣлъ ему дать часовникъ».

При весьма значительныхъ запасахъ хлѣба въ вотчинахъ боярина должно было процвѣтать и винокуреніе, которое давало большія выгоды и отъ продажи вина на мѣстѣ въ вотчинныхъ кабакахъ, а также и отъ подрядныхъ поставокъ въ казну. Изъ нижегородскихъ вотчинъ бояринъ подряжался ставить вино обыкновенно въ Казань. Въ 1651-мъ г. этотъ казанскій подрядъ простирался до 10,000 ведръ, при чемъ изъ Мурашкина было поставлено 4,000, а изъ Лыскова 6,000 ведръ, по четыре гривны за ведро. Вино отпускалось на судахъ, по Волгѣ. Деньги получались тоже въ Казани, съ утвержденія воеводы; вотъ почему въ этомъ году, когда въ Казани воеводствовалъ родной братъ боярина, Глѣбъ Ивановичъ Морозовъ, смѣненный вскорѣ кн. Н. И. Одоевскимъ, бояринъ, 17 апр., строго наказывалъ мурашкинскому прикащику, чтобъ «подрядное вино одинолично все сполна въ Казань довезть и деньги взять всѣ сполна при братѣ Глѣбѣ Ивановичѣ, недожидаючись боярина кн. Н. И. Одоевскаго», который, вѣроятно, не сталъ бы по родственному мирволить въ пріемѣ или по родству же особенно помогать пріему, чего Борисъ Ивановичъ вполнѣ ожидалъ отъ брата. Такимъ образомъ, несмотря на свое верховенство въ государствѣ и въ думѣ, Морозовъ все-таки побаивался постороннихъ людей и избѣгалъ съ ними встрѣчи по своимъ вотчиннымъ промысламъ, не всегда, стало быть, на чистоту проводимымъ въ дѣлахъ съ Казанью. Это мы также замѣтимъ и въ поставкѣ хлѣба.

Помѣщичьи вотчинныя винокурни отдавались и на оброкъ своимъ крестьянамъ и стороннимъ людямъ. Въ 1660-мъ г. просилъ у боярина винокурню на оброкъ московскій житель Кадашевецъ, при чемъ писалъ: «Умилостивися государь, вели мнѣ въ своей

вотчинѣ въ Арзамаскомъ уѣздѣ въ селѣ Благовѣщенскомъ бывшую винокурню со всякимъ деревяннымъ заводомъ отдать въ оброкъ на три года; а для вѣдомости вели, государь, мнѣ въ томъ селѣ ключи извѣдать, въ которомъ мѣстѣ вино выходнее и винокурнѣ быть пригожее, и тебѣ бы, государю, впредь было прибыльнѣе; и будетъ на которыхъ ключахъ вино будетъ выходно и винокурнѣ быть мочно, вели, государь, имать съ меня съ той винокурни оброку по сту ведръ на годъ, государевыхъ московскихъ ведръ кружечнаго двора, и платить то вино въ откупное число, съ котораго числа винокурню построю и вино курить учну; а будетъ въ томъ селѣ ключей погожихъ къ вину нѣтъ и вино будетъ не выходно и винокурнѣ быть не мочно, и того винного оброку не вели имать на мнѣ. А только учну вино въ оброчные годы курить, вели государь своимъ приказнымъ людямъ меня и работниковъ и прикащиковъ моихъ во всемъ отъ своихъ крестьянъ и отъ стороннихъ людей, ото всякаго дурна своею милостію оберегать». Собственные крестьяне, занимавшіеся виннымъ промысломъ, обязывались, кажется, давать помѣщику особый оброкъ именно съ этого промысла. Въ томъ же 1660-мъ г. крестьянинъ села Лыскова Ивашко Демидовъ поставленъ былъ на правежъ за 250 ведръ вина, которые слѣдовало съ него получить на обиходъ боярина. Онъ объяснялъ, что виннымъ промысломъ уже не занимается, тому третій годъ, и что было винокуренной посуды, котловъ и кубовъ и всякаго повареннаго заводу, то все распродалъ давно, и въ селѣ Лысковѣ и на сторонахъ винныхъ промысловъ у него нѣтъ, а промышляетъ онъ низовымъ промысломъ и просилъ, поэтому, дать пощаду: вмѣсто вина, взять съ него деньгами, почемъ бояринъ укажетъ: «умилостивися государь Борисъ Ивановичъ, заключалъ онъ свою челобитную, пожалуй меня сироту своего, не вели, государь, меня бѣднаго въ томъ своемъ государевѣ винѣ на правежѣ замучить»! Бояринъ указалъ взять съ него сто рублей, отсрочивъ, если заплатить не въ мочь, съ 1 февраля, когда данъ указъ, до 1 сентября, т.-е. до Семена дни.

Само собою разумѣется, что бояринъ, какъ настоящій откупщикъ, очень заботился о томъ, чтобы сбывать свое вино по кабакамъ и, по естественной причинѣ, долженъ былъ распространять въ народѣ пьянство. Такимъ образомъ, заведя у себя производство поташа, онъ спаивалъ изъ-за прибылей своихъ же рабочихъ. «Писано къ тебѣ,—наказывалъ онъ мурашкинскому прикащику,—чтобы ты посылалъ на Сергачь вино продавать къ будникамъ (работники у поташныхъ заводовъ), и впредь вино посылать туда, потому что они на чужихъ кабакахъ пропьются-

жъ; только-бъ будному дѣлу порухи не было». Прикащикъ конечно всѣми силами старался угодить боярину и распространялъ продажу вина сколько возможно, такъ что въ иныхъ мѣстахъ оказывалась и поруха боярскимъ выгодамъ. «Вѣдомо мнѣ учинилось,—писалъ къ нему бояринъ,—которые дворяне (окрестные помѣщики) пріѣзжаютъ и они сказываютъ, что ты приставилъ у буднаго дѣла двухъ цѣловальниковъ съ продажнымъ виномъ, и будники и въ работные дни пьютъ вино безпрестанно, а отъ того питья будному дѣлу чинится большая поруха и мотчанье (замедленье); и ты мнѣ въ томъ много прибыли учинишь рублевъ 50, а потеряешь 500. Вели продавать въ воскресные дни, а въ работные отнюдь не продавать».

Въ селахъ Лысковѣ и Мурашкинѣ у боярина существовала своя крѣпостная *таможня* и крѣпостные *кабаки*. Точно также, какъ въ государствѣ, и здѣсь въ таможенные и кабацкіе головы и въ ларечные цѣловальники ставились выборные люди изъ вотчинныхъ же своихъ крестьянъ. Обыкновенно ихъ выбирали на годъ, съ 1-го октября, всѣмъ міромъ; выбирали людей добрыхъ и прожиточныхъ, кого съ какое дѣло станетъ, кто дѣло не потеряетъ и кому въ казнѣ помѣщика можно-бъ было вѣрить. Кромѣ головы и ларечнаго цѣловальника выбиралось и много другихъ служебныхъ таможенныхъ и кабацкихъ чиновъ, конечно главнымъ образомъ *рядовыхъ* цѣловальниковъ. Въ Лысковѣ на эту службу ходило каждый годъ 36-ти человѣкъ. Сверхъ того, всею вотчиною крестьяне строили всякіе кабацкіе заводы: поварни, выходы, анбары, избы. Ясно, что эта финансовая вотчинная статья ложилась тяжелымъ гнетомъ на всѣхъ крестьянъ, и по преимуществу на бѣдныхъ. Богачи, разумѣется, благоденствовали и на таможенныхъ и на кабацкихъ службахъ и завязывали даже личныя денежныя отношенія съ самымъ бояриномъ, занимая у него при случаѣ весьма значительныя суммы. Но и они всегда тяготились своими мѣстами, ибо черезъ эту службу очень много теряли въ своихъ собственныхъ промыслахъ. Для примѣра вотъ одно обстоятельство. Былъ у боярина въ селѣ Лысковѣ крѣпостной его крестьянинъ Ивашко Онтроповъ, человѣкъ, повидимому, очень богатый. Очень понятно, что онъ скоро попалъ и въ таможенные головы. Онъ занимался *низовымъ* промысломъ и торговалъ солью, вывозя ее изъ Астрахани. По случаю таможенной службы дѣла его было-запутались, такъ что помоги онъ долженъ былъ просить у своего же боярина; онъ просилъ у него взаймы 2,000 р., объясняя слѣдующее: «вышло у меня изъ Астрахани съ солью два суднишка, и работнымъ людямъ, которые на тѣхъ суднишкахъ моихъ вышли, на расплату на-

добно, государь, тысячи съ двѣ; а промыслить было изъ товаренцовъ безъ меня некому: братъ былъ въ Астрахани, а я на Москвѣ, а нынѣ я, по твоему указу, въ селѣ Лысковѣ у таможеннаго сбору въ службѣ и промыслить мнѣ денегъ вскорѣ негдѣ, а отъѣхать нельзя отъ твоей службы. Умилостивися, государь Борисъ Ивановичъ, вели меня сироту своего пожаловать, дати на ссуду изъ своей казны въ селѣ Лысковѣ и Мурашкинѣ изъ таможеннаго сбору и изо всякихъ своихъ доходовъ 167 г. (т.-е. изъ доходовъ прошлаго года, о которыхъ еще не былъ сданъ отчетъ) 2,000 р. или сколько ты, государь, пожалуешь; и вели поруки по мнѣ взять въ селѣ Лысковѣ своихъ же государевыхъ крестьянъ добрыхъ; а тѣ деньги заплачу въ твою казну съ твоими же оброчными деньгами и съ таможенными отчетными книгами вмѣстѣ, какъ твои приказные люди поѣдутъ съ денежною казною изъ вотчинъ къ Москвѣ въ нынѣшнемъ году (1659 г. окт. 28)». Въ тотъ же день Морозовъ указалъ дать ему взаймы 2,000 р. или сколько въ сборѣ денегъ будетъ, хотя и меньше, и о томъ дать грамоту къ прикащикамъ. Тотчасъ была отпущена и грамота, въ которой приказывалось: «по немъ Иванѣ въ тѣхъ деньгахъ собрать поручную запись съ добрыми поруками моихъ крестьянъ, а хотя-бъ порукою были и иногородные люди и то добро, чтобъ было кому вѣрить». Однакожъ прикащики деньги выдать не спѣшили, такъ что 14-го дек., т.-е. чрезъ полтора мѣсяца, бояринъ снова посылалъ грамоту: «вы и по се число денегъ ему взаймы не давывали; и вы то учинили худо, указу моего не слушаете». Съ такимъ мягкимъ выговоромъ, бояринъ подтверждалъ, чтобъ деньги были выданы, и возвращены, по уговору, какъ будутъ сдавать вотчинные счеты и отчеты, т.-е. какъ поѣдутъ въ Москву прикащики, а они ѣздили обыкновенно къ Рождеству и во всякомъ случаѣ не позже послѣдняго зимняго пути, т.-е. масляницы. Такимъ образомъ, боярская ссуда давалась всего мѣсяца на два. Чѣмъ дѣло кончилось — неизвѣстно; но Онтроповъ, вѣроятно отъ разстройства своихъ дѣлъ, съ горя тогда-же запилъ, почему бояринъ послалъ къ нему лично особую грамоту: «Отъ Бориса Ивановича въ нижегородскую мою вотчину въ село Лысково крестьянину моему Ивану Онтропову. Въ нынѣшнемъ во 168 году вѣдомо мнѣ учинилось, что ты пьешь бражничаешь и безобразно, дома, невыходя; и въ таможнѣ не сидишь и моимъ таможеннымъ сборомъ не радѣешь, и прибыли ни въ чемъ не ищешь, и всегда де пьянъ бываешъ. И какъ къ тебѣ ся моя грамота придетъ, и тебѣ-бъ Иванъ отъ пьянства унятца, пить и бражничать перестать и въ таможнѣ сидѣть и таможеннымъ сборомъ радѣть.

А что въ селѣ Лысковѣ и въ селѣ Мурашкинѣ въ таможнѣ какой недоборъ учинитца и тотъ таможенный недоборъ весь велю на тебѣ Иванѣ доправить и впредь моей милости за пьянство къ себѣ не увидишь. Однолично-бы тебѣ отъ пьянства унятца и радѣть не оплошно».

Таковы были отношенія боярина къ своимъ богатымъ крестьянамъ. Видимо, что онъ ихъ берегъ и жилъ съ ними дружелюбно. Это доказываетъ приведенная сейчасъ грамотка, которая писана, надо помнить, отъ перваго верховника въ государствѣ. Съ рядовымъ крестьяниномъ бояринъ такъ не сталъ бы разговаривать и навѣрное приказалъ бы исправить его батогами. То обстоятельство, что Онтроповъ не получилъ вб время ссуды, надо приписать проискамъ и взяточничеству боярской приказной дворни, которая даромъ, безданно безпошлинно, никогда не пропускала мимо себя дѣлъ подобнаго рода. Цифра ссуды также достойна вниманія; 2,000 р. были въ то время великими деньгами. Она вообще свидѣтельствуетъ, какіе крѣпостные богачи жили въ вотчинахъ Морозова и особенно въ богатомъ Лысковѣ. Выдача подобныхъ ссудъ была дѣломъ обычнымъ въ боярскомъ хозяйствѣ. Въ 1650-мъ г., въ ноябрѣ, Морозовъ велѣлъ выдать тоже взаймы 1,000 р. крестьянину села Лыскова, Онтропу Левонтьеву, быть можетъ, отцу предыдущаго, который тоже вбвремя денегъ не получилъ отъ лысковскаго прикащика, несмотря на три боярскія грамоты, прикащикъ отзывался, что у него нѣтъ столько въ приходѣ. Деньги были даны изъ таможеннаго и кабацкаго сбору села Мурашкина, на такой же срокъ и съ такою же порукою. Выдача меньшими суммами случалась еще чаще. Бояринъ, разумѣется, всегда напоминалъ прикащикамъ о срокахъ, съ кого слѣдуетъ заемъ возвратить. «Да занялъ у меня вотчины моей села Лыскова крестьянинъ мой Петрунка Клинской сто рублей денегъ, а срокъ прошелъ; и тебѣ-бъ,—писалъ бояринъ мурашкинскому прикащику, — тѣ мои деньги взять съ него въ мою казну; а будетъ онъ Петрунка въ селѣ Мурашкинѣ денегъ платить не похочетъ и ему велѣть тотчасъ на Москвѣ деньги заплатить и заемную кабалу выдадутъ».

Лысковскіе тысячники промышляли и виннымъ откупомъ на сторонѣ. Однажды, въ 1651-мъ г., крестьянинъ Потѣха Прокофьевъ откупилъ-было кабаки и таможню и винокурню въ вотчинахъ боярина князя Мих. Петр. Пронскаго въ селѣ Ватрасѣ и въ Онаньевкѣ. Дѣло на первыхъ порахъ позамялось; въ печатныхъ государевыхъ пошлинахъ и во всякихъ харчахъ ему искупиться стало не чѣмъ, т.-е. недостало денегъ на поддержку откупа. Чтобы поправить дѣло, онъ припустилъ въ тѣ таможни

и кабаки и винокурни въ четвертый *пай* Кадашевца Степана Баженова и взялъ у него въ складъ 100 р., давши пріемную запись, что выдать ему Степану въ томъ промыслѣ прибыли четверть и прочь его Кадашевца не оттереть и никакихъ убытковъ не учинить, *истинными* его деньгами и прибылью не завладѣть. Однако, впослѣдствіи, видя себѣ прибыль большую въ томъ промыслу, Потѣха оттеръ Кадашевца, не уплачивалъ ему не только прибыли, но и *истины*, т.-е. складныхъ денегъ, а вскорѣ и умеръ и такимъ образомъ оставилъ Кадашевца отвѣтчикомъ въ откупу передъ посольскимъ приказомъ, который завѣдывалъ откупомъ и которому Потѣха тоже не выплатилъ откупныхъ денегъ. У Потѣхи остались дѣти, на которыхъ Кадашевецъ и искалъ на судѣ у Морозова.

Таможенная и кабацкая служба въ головахъ и въларечныхъ цѣловальникахъ требовала вообще большой осмотрительности; на ней можно было и много выиграть и много проиграть, ибо эти лица отвѣчали за недоборъ той суммы, какая обычно собиралась въ теченіи года. При всякомъ случаѣ, гдѣ предвидѣлись такіе недоборы и убытки, голова съ цѣловальниками тотчасъ же извѣщали боярина, оговариваясь, что за послѣдствія они не отвѣтчики. Такъ, въ 1651-мъ г. вновь выбранные голова и цѣловальники били челомъ Морозову на стараго голову и цѣловальниковъ, что они брали пошлину передъ прежнимъ гораздо слишкомъ и тѣмъ иногородныхъ торговыхъ людей со всякими товары и Черемису съ животиною отогнали, что и свои крестьяне торговые люди стали торговать въ отъѣздахъ на иныхъ городахъ, что и судовые хозяева изъ Перми и изъ Астрахани перестали продавать соль въ Лысковѣ, что вообще отъ большой ихъ пошлинной налоги на соль и на всякіе товары таможенные сборы стали передъ прежнимъ скудны.

Нѣтъ сомнѣнія, что пошлины были увеличены по указанію самого же боярина или по крайней мѣрѣ вслѣдствіе его требованія новыхъ прибытковъ, на что голова и не могъ иначе отвѣчать, какъ возвышеніемъ побора. Въ другой разъ таможенный голова жаловался, что въ Мурашкинѣ перемѣненъ торгъ съ воскресенья на понедѣльникъ, а въ близкомъ селѣ Покровскомъ (въ 10-ти верстахъ) стали торговать по воскресеньямъ—всѣ туда и стали ѣздить, и притомъ торгуютъ тамъ безпошлинно, такъ что мурашкинская ярмарка стала пустѣть. Заявляя объ этомъ боярину голова съ цѣловальниками ставили на видъ, чтобъ имъ отъ недобору въ конецъ не погинуть и совсѣмъ не разориться и на правежѣ замученнымъ не быть, ибо бояринъ на нихъ же всегда доправлялъ недоборныя по окладу деньги.

Въ вотчинахъ Морозова стояли на откупу не только вино и пиво, но также и квасъ и сусло. Откупъ на эти напитки возникалъ самъ собою тотчасъ, какъ скоро гдѣ обнаруживалась достаточная въ нихъ потребность, т.-е. прибыльная торговля ими. Являлись промышленники и предлагали помѣщику новую статью дохода. Такъ, въ 1660-мъ г. въ селѣ Якменѣ торговали квасомъ и сусломъ четыре крестьянина и откупу ничего не платили, стало быть торговля ими и началась. Но видно, она давала большую прибыль. И вотъ нашлись умные люди, смѣтили въ чемъ дѣло и подали помѣщику челобитную, что такіе-то квасъ и сусло держатъ, а ничего не платятъ: умилостивися государь Борисъ Ивановичъ, пожалуй насъ сиротъ твоихъ, вели намъ кормиться на Якмени и на Катаршѣ (другое селеніе) держать квасъ и сусло безъ перекупу на шесть лѣтъ, чтобъ иные крестьяне не держали, а мы тебѣ, государю, бьемъ челомъ съ году на годъ по десяти рублевъ. Кромѣ того откупщики, мурашкинскій крестьянинъ да крестьянинъ того же села Якмени, просили держать напитки, т.-е. торговать ими въ выморочныхъ крестьянскихъ избахъ, слѣд. просили и помѣщеніе. Бояринъ утвердилъ просьбу, назначивъ только срокъ откупу три года и приказавъ за ними смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобъ они пьянаго квасу не держали и не продавали, а за ихъ бы откупомъ иные мои крестьяне квасовъ не держали и не корыстовались. Бояринъ всегда держался того порядка, чтобы откупныя статьи отдавать на малые сроки. Въ томъ же селѣ квасъ и сусло однажды прикащикъ отдалъ на 10 лѣтъ, бояринъ писалъ, что то сдѣлано не гораздо, въ такіе дальніе годы не отдаютъ. Впрочемъ, въ иныхъ мѣстахъ квасъ и сусло сдавались выбранному цѣловальнику на вѣру, который и сбиралъ деньги въ боярскую казну въ особый запертый ящикъ. Надо замѣтить, что вмѣстѣ съ квасомъ и сусломъ продавались и разные ягодные морсы, особенно малиновый. Такъ въ темниковскомъ селѣ Рожественѣ въ квасницѣ въ погребѣ, между прочимъ, стояла бочка возовая морсу малиноваго.

Другіе боярскіе промыслы въ тѣхъ же нижегородскихъ богатыхъ вотчинахъ заключались въ производствѣ поташа и желѣза.

Извѣстно, что въ нашей торговлѣ, въ половинѣ XVII-го стол. поташъ составлялъ весьма важную статью заграничнаго отпуска. Производствомъ его занималась большею частью казна; по крайней мѣрѣ она доставляла лучшій товаръ. Но по отзыву Кильбургера, несравненно лучшій поташъ готовился на заводахъ

Морозова, который велъ имъ значительную торговлю. Его поташъ былъ такимъ образомъ самымъ лучшимъ въ Европѣ, ибо въ Европѣ въ то время вообще предпочитался поташъ русскій, по особымъ своимъ качествамъ и достоинствамъ. Кильбургеръ показываетъ также, что Морозовскій поташъ шелъ изъ Сибири. Но это едва ли вѣрно, ибо неизвѣстно, были ли у Морозова вотчины въ Сибири. Можно полагать, что Кильбургеръ вмѣстѣ съ своими товарищами, иноземными купцами, въ этомъ случаѣ получилъ ложное свидѣтельство, цѣль котораго со стороны Морозова могла заключаться въ томъ, чтобы, сказавши о дальней перевозкѣ товара, возвышать ему цѣну. Или же это простая описка, по которой, вмѣсто имени Сергачь, гдѣ процвѣтали у Морозова поташные заводы и откуда шелъ лучшій поташъ, употреблено имя Сибири, какъ болѣе извѣстное. Какъ бы ни было, но мы знаемъ, что производствомъ поташа у Морозова занимались всѣ его нижегородскія вотчины, Лысково, Мурашкино и другія села съ деревнями, а особенно, какъ упомянуто, мѣстность Сергача. Оно заведено около 1650-го года, немного раньше или позже, именно съ того времени, какъ эти государевы вотчины поступили въ собственность Морозова (1646 г.). Производство это называлось у насъ *буднымъ дѣломъ*, отъ слова *буда*, заводъ въ смыслѣ заведенія и въ смыслѣ особаго мѣста, площадки или постройки, приспособленныхъ къ подобному производству, именно въ родѣ склепа, печи, горна, ямника съ котловиною и т. п.

Впрочемъ такое мѣсто называлось собственно *майданомъ;* будою же именовалась вѣроятно самая печь или костеръ дровъ, вышиною въ избу или будку, зажигаемый для добыванія поташа. Поэтому и самые майданы, въ отличіе отъ селитреныхъ и другихъ, обозначались *будными майданами*. Производство заключалось въ томъ, что сначала изготовленные дрова извѣстныхъ породъ лѣса, преимущественно изъ дуба, ольхи, пережигали въ золу, а потомъ изъ золы готовили жидкое тѣсто, которымъ обмазывали поленья сосновыя или еловыя и складывали ихъ въ костеръ, покрывая каждый рядъ поленъ новымъ слоемъ золы, и затѣмъ зажигали костеръ. Пережженная, расплавленная такимъ способомъ зола и доставляла новый ея видъ — поташъ.

Въ 1651-мъ г. Морозовъ писалъ мурашкинскому прикащику, чтобъ тотъ завелъ у себя два майдана; «а всѣхъ бы въ вотчинахъ моихъ (мурашкинскихъ) завесть 12 майдановъ, а заводить на моихъ земляхъ и угодьяхъ, а не къ чужимъ землямъ [1]); на

---

[1]) Это замѣчаніе о чужихъ земляхъ было необходимо, чтобы останавливать излишнее усердіе прикащиковъ, которые, зная силу своего барина, очень часто про-

каждомъ майданѣ заводить по 24 или и по 30 корытъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ бояринъ посылалъ пять человѣкъ *поливочей*, которые были главными руководителями буднаго дѣла и назывались такъ, вѣроятно, по описанному сиособу обмазывать и поливать золою будный костеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ ихъ умѣнья разводить дровяную золу для поливки въ кострѣ вполнѣ зависѣла доброта поташа, ибо бояринъ наказывалъ прикащикамъ, чтобъ прибыли ему поискали и за поливочами смотрѣли, чтобъ они дѣлали поташъ добрый. Прикащики всегда присылали къ боярину въ Москву на дощечкѣ опытъ или признакъ *поливанью* поташа работы того или другого поливоча.

Поливочамъ онъ назначалъ жалованья по 5 р. Съ ними же посылалъ 14-ть человѣкъ *будниковъ*, которые устраивали буду, костеръ, назначивъ каждому жалованья по 3 р. Сверхъ того, посланы были еще трое недорослей съ жалованьемъ одному 2 р., двумъ по 1 р. Рабочіе отпущены съ женами и дѣтьми, т. е. семьями. Бояринъ велѣлъ давать имъ хлѣбъ и *вологу* и соль, а женатымъ, кромѣ того, велѣлъ дать по коровѣ. Въ тоже время бояринъ приказывалъ: изъ крестьянъ или ихъ дѣтей выбрать 10 человѣкъ добрыхъ и умныхъ и отдать къ будному дѣлу въ ученье и сильно (насильно) и приказать, чтобъ учились неоплошно.

По всему видно, что боярское будное дѣло для крестьянъ было настоящею каторгою, тяжелымъ бременемъ, отъ котораго они старались уходить всякими средствами. Какъ только начались въ Мурашкинѣ майданы, бояринъ тотчасъ распорядился, чтобы крестьянъ, которые бѣдны, и взять на нихъ нечего, посылать къ будному дѣлу работать вмѣсто охочихъ людей и зачитать въ оброкъ, «или тѣмъ бѣднымъ людямъ за оброкъ велѣть жечь золу въ моихъ лѣсахъ и угодьяхъ и возить къ будному дѣлу; а за четверть зачитать имъ по алтыну или по два гроша а то ужъ большая цѣна, что за четверть по 10 денегъ». Но никто не пошелъ на эти работы: крестьяне сейчасъ же принесли *сказки* (свидѣтельства) за поповыми руками, что оброкъ платить готовы. Бояринъ предписывалъ: велѣть готовить оброкъ весь сполна и сбирать безо всякаго переводу. Такимъ образомъ, будное дѣло являлось въ вотчинахъ лучшею понудительною силою вносить оброки безъ всякихъ отговорокъ.

стирали свои захваты и на чужія земли. Такъ было однажды сдѣлалъ лысковскій прикащикъ. Бояринъ, останавливая его, писалъ: «а что ты въ мордовскіе лѣса хочешь посылать мѣстъ пріискивать, къ Мордвѣ гдѣ быть майданамъ, и тебѣ бъ отнюдь въ мордовскіе лѣса не посылать и майдановъ незаводить; много у меня и своихъ лѣсовъ».

Въ другой разъ бояринъ указалъ Курмышской вотчины бурцовскимъ крестьянамъ жечь золу и дрова ставить на лысковскіе майданы, противъ лысковскихъ крестьянъ, — на выть дровъ ставить по 12 саж., а золы жечь на выть по 120 четвертей. Крестьяне отъ того *гораздо ужаснулись*; многіе были скудны, безлошадны; старинныхъ было не много, все схожіе, т.-е. вновь поселенные. Самъ ихъ прикащикъ поѣхалъ къ главному приказчику въ Лысково, говорилъ, чтобъ не вдругъ *издѣлье* большое накладывать; но тотъ безъ боярскаго указу ничего сдѣлать не смѣлъ. Узнавъ объ этомъ, бояринъ приказывалъ опять съѣхаться прикащикамъ «и о томъ *вопче* помыслить и велѣть золу и дрова крестьянамъ поставить, какъ бы имъ въ мочь по тамошнему вашему разсмотрѣнью, чтобъ крестьянъ *не изжестать* и тѣмъ ихъ не изогнать и моя имъ милость сказывать, что въ дровахъ и въ золѣ пощада есть.»

Очень трудно было и прикащикамъ угождать и той и другой сторонѣ, ибо за всякій собственный ихъ промахъ и послабленіе въ производствѣ неслась изъ Москвы боярская гроза, отъ которой всегда жутко становилось провинившемуся.

Однажды, въ 1659-мъ году, провинился такимъ образомъ прикащикъ Арзамазской вотчины села Кузмина Усаду и села Замятнина, Кондратій Суровцовъ. «Тыжъ ко мнѣ писалъ,—отвѣчалъ ему разсерженный бояринъ,—что у тебя майданъ запаленъ былъ іюня съ 1 числа и по се де число было двѣ ломки полныхъ, а третья ломка не полна; съ двухъ ломокъ поташу выломано 632 пуда, а въ неполной 153 пуда, всего 786 пудъ; а въ ломкахъ было по 25 огней, а въ неполной 11 огней, потому что золы нѣтъ; потому что были дожди, потому де будному дѣлу и мотчанье учинилось, а какъ де золы приготовятъ и ты де и послѣднюю ломку довершишь и мнѣ вѣдомость учинишь. И ты дуракъ бл....ъ сынъ не таися, пьяница, ненадобный бражникъ; все ходишь за брагою, а не за моимъ дѣломъ и мнѣ не радѣешь и прибыли не ищешь, своимъ ты пьянствомъ и нерадѣньемъ многую у меня ты казну пропилъ. Во всѣхъ моихъ вотчинахъ на майданахъ огни запалили въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а у тебя въ іюнѣ. Для чего такъ у тебя поздо, съ половины лѣта, стали огни палить; да и тутъ у тебя, пьяница, и золы не стало. Не токмо чтобъ и въ новый годъ (въ сентябрѣ) запасть золы и дровъ. Никто такъ, ни въ которой моей вотчинѣ такой порухи казнѣ моей не учинилъ, какъ ты, дуракъ, пьяница, здуровалъ. Довелся ты за то жестоваго наказанья и правежу большого. Да и такъ тебѣ, дураку, не велю спустить даромъ. И тебѣ бъ одномично, зола и дрова велѣть готовить, чтобъ май-

данное дѣло безъ простою шло и къ новому бъ году золы и дровъ запасти гораздо слишкомъ....» «Въ иныхъ моихъ вотчинахъ,— прибавлялъ бояринъ въ другомъ приказѣ,—сдѣлано на майданахъ по 100 бочекъ и слишкомъ, а у тебя и сказать нечего (25 бочекъ, 786 пудъ); или у тебя и поливоть не радѣлъ и тебѣ бъ ему до указу и жалованья не давать».

По изготовленіи поташа прикащики должны были донести въ Москву, обыкновенно въ ноябрѣ, и прислать боярину росписи, сколько въ которой вотчинѣ на майданахъ, Богъ послалъ, уломано пудовъ поташу, и что бочекъ набито и у кого каковъ поташъ, вездѣ ли самый добрый или гдѣ есть и худой?

Изготовленный поташъ должно было набить въ бочки. Бояринъ сначала приказывалъ набивать въ каждую по 50-ти пудовъ, но потомъ набивали обыкновенно по 30-ти пудовъ и на бочкахъ ставили особое боярское вотчинное клеймо. Пріемка поташу на мѣстѣ, на майданахъ, отъ рабочихъ, заключала всегда вѣсу меньше, чѣмъ потомъ оказывалось на таможенныхъ казенныхъ вѣсахъ. На боярскихъ вѣсахъ такимъ образомъ пудъ былъ тяжеле, чѣмъ на казенныхъ. Такъ, въ 1651-мъ г., зимою въ Лысковѣ изъ 27-ми майданныхъ огней выломано поташу 452 пуда, который и набитъ въ 15 бочекъ; а на *конторъ* бочки привѣшены, и поташу опроче бочекъ вышло 502 пуда, а въ порозжихъ 15-ти бочкахъ 48 пудъ три чети. Стало быть противъ боярскихъ вѣсовъ прибыло 50 п. Въ томъ же году марта 4-го весь собранный поташъ былъ уже въ Нижнемъ и оттуда его отпускали на Вологду, всего 118 бочекъ, въ нихъ вѣсу на нижегородской таможенной конторѣ явилось 5,494 пуда; въ томъ числѣ провѣсу стало передъ тѣмъ, какъ вѣсили на майданахъ, 969 пудъ. При отправкѣ на Вологду были наняты подводы, которымъ за провозъ заплачено отъ 16 бочекъ по 60 алт. за бочку, а отъ 102-хъ бочекъ по 2 р. На Вологдѣ бояринъ ставилъ свой поташъ до времени въ государевыхъ (казенныхъ) анбарахъ или же въ анбары Кириллова монастыря, пользуясь такимъ образомъ выгодами своего боярскаго властнаго положенія и большой дружбы съ монастыремъ.

Изъ Вологды потомъ отправляли поташъ на судахъ къ городу Архангельскому, на продажу нѣмцамъ, причемъ въ сопровожденіе товара посылался одинъ изъ прикащиковъ или довѣренное лицо изъ московскихъ дворовыхъ.

Пользуясь расположеніемъ государя, Морозовъ при этомъ случаѣ всегда выпрашивалъ грамоту, освобождавшую его поташъ и вымѣненный на него товаръ отъ всякихъ пошлинъ, во весь путь изъ вотчинъ до Архангельска и обратно. Въ Архангельскѣ

поташъ продавался нѣмцамъ слишкомъ по полтинѣ за пудъ, такъ что бояринъ получалъ съ этого промысла среднимъ числомъ до 3,000 р. въ годъ, не платя въ казну ни копѣйки.

Получая такими путями огромныя выгоды отъ продажи поташа, бояринъ, разумѣется, употреблялъ всѣ способы къ распространенію его производства особенно въ нижегородскихъ вотчинахъ, гдѣ лѣсу было изобильно. Время отъ времени онъ приказывалъ крестьянъ и дѣтей, которые смышленые, учить поташу дѣлать и поливоть, и заводилъ новые майданы, обыкновенно осенью межъ дѣловой поры. Однако крестьяне тоже всѣми силами отбивались отъ этой работы. Однажды изъ села Троицкаго бѣжали два крестьянина съ женами и съ дѣтьми; «и иные,—писалъ прикащикъ,—приходя на сходъ похваляются розно брести, что де майданныя дѣла стало дѣлать не въ силу». Сергачскіе крестьяне говорили: боярская милость была на одномъ майданѣ работать, а нынѣ, въ 1660-мъ г., заставливаютъ работать на трехъ... И всѣ крестьяне въ этомъ году били челомъ, что хлѣбнымъ недородомъ и майданною работою оскудали и просили пожаловать въ оброкахъ пощаду учинить. Но мы видѣли, что бояринъ не очень сдавался на такія челобитья и въ этотъ разъ денежнаго простилъ только третью долю, а столовые обиходы велѣлъ взять сполна.

Заводы въ полномъ ходу существовали только, кажется, до смерти боярина (1661 г.). Послѣ, къ 1668-му г., изъ нихъ осталось только при селѣ Сергачѣ 5 майдановъ, гдѣ жило 84 человѣка рабочихъ, да и то все *польскіе* люди.

Большого боярина очень занимало также желѣзно-рудное дѣло, которое въ нижегородскихъ мѣстахъ издавна производилось крестьянами и доставляло имъ большія выгоды. Промышленный умъ не могъ оставить этой статьи безъ особаго вниманія. Прежде всего бояринъ сталъ заводить *рудню* у себя подъ Москвою, въ мѣстностяхъ Звенигородскаго села Павловскаго. Съ этой цѣлью былъ вызванъ изъ-за границы мастеръ руднаго дѣла, который здѣсь и устроилъ мельницу — водою желѣзо ковать. Извѣстно, что въ это время существовали уже нѣмецкіе желѣзные заводы верстахъ во 100 отъ Москвы, одинъ за Окою Петра Марселиса, другой на Протвѣ—Тильмана Акемы. Бояринъ, вѣроятно, по ихъ примѣру и образцу устроивалъ и свой заводъ. Но въ этой мѣстности руда добывалась изъ болотъ и была, какъ видно, плохого качества, почему и производство не равнялось съ упомянутыми нѣмецкими заводами; по крайней мѣрѣ такъ отзывался о Павловскомъ заводѣ Кильбургеръ, когда, по смерти Морозова, заводъ находился уже въ казенномъ вѣдомствѣ. Боя-

ринъ, заводя *рудню* подъ Москвою, въ тоже самое время собиралъ справки о рудномъ дѣлѣ въ своихъ вотчинахъ, намѣреваясь и тамъ поставить это производство на болѣе выгодную ногу, такъ что московскій заводъ являлся у него какъ бы школою для приготовленія подъ нѣмецкимъ руководствомъ болѣе опытныхъ и искусныхъ мастеровъ. Съ цѣлью узнать, каково желѣзно-рудное дѣло въ нижегородскихъ мѣстахъ, онъ переписывался съ тамошними прикащиками, изъ числа которыхъ мурашкинскій прикащикъ доставилъ ему подробныя свѣдѣнія. Въ отвѣтъ ему, 1651-го г. апрѣля 17-го бояринъ писалъ между прочимъ: «Посылалъ ты села Стараго Покровскаго крестьянина Ваську Кузнеца смотрѣть за рѣкою Волгою, на рѣкѣ Мозѣ, какъ дѣлаютъ желѣзо Макарьевскаго монастыря крестьяне; а мастеръ у нихъ села Лыскова крестьянинъ Ѳедька Боберъ. А руда желѣзная отъ монастыря верстъ съ семь, а емлютъ руду въ болотѣ; а руды много въ болотахъ, лежитъ де въ оборникъ на верху мѣстами, а не съ одново (т.-е. не сплошь); а выходитъ де у нихъ изъ горнъ на сутки по семи крицъ и по восьми; а крица у нихъ ставится по 4 деньги; а изъ крицы выходитъ по 4 прута желѣза, а прутъ такой купить по торговому по 8 денегъ; а желѣзо де хвалятъ. А того не пишешь, по скольку у нихъ работныхъ людей на сутки у руднаго дѣла работаетъ. По 8 крицъ, а изъ крицы по 4 прута, — ино будетъ у руднаго дѣла прибыль не малая. Васькѣ Кузнецу сказывалъ мой крестьянинъ Ѳедоръ Боберъ: Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря вотчины село, словетъ Рознѣжье, и деревня Рознѣжье; тутъ де сказываютъ большую желѣзную руду; а мастеровъ у нихъ нѣтъ; а руда лежитъ въ-стоячь человѣка, — емлютъ и кладутъ въ анбаръ; а желѣзо дѣлать у нихъ некому, обыскали де недавно. А ту благовѣщенскую руду лучше макарьевской хвалятъ; а мастеришки у нихъ, дѣлаютъ желѣзо, худые; у добраго мастерства и промыслъ будетъ: и мнѣ бъ велѣть то мѣсто у архимандрита изоброчить, чтобъ макарьевскіе крестьяне на то мѣсто не перешли. И тебѣ бъ взять у властей то мѣсто на оброкъ лѣтъ на 10 или и больши и укрѣпиться съ ними записьми и завесть рудное дѣло, взявъ кузнецовъ добрыхъ изо всѣхъ моихъ вотчинъ и велѣть на меня руда варить и желѣзо ковать». Затѣмъ бояринъ приказывалъ, «смѣтя все по тамошнему, какова будетъ прибыль, взять человѣкъ 5 или 6, а будетъ чаять (ожидать) прибыли большой, ино завесть къ рудному дѣлу и 100 человѣкъ; все смѣтить, отъ сколька человѣкъ сколько крицъ и изъ крицъ батоговъ на сутки выдетъ и что будетъ прибыли; а по твоему письму, присовокуплялъ бояринъ, надо чаять (ожидать) при-

были большой. А изъ-за рубежа (изъ-за границы) ко мнѣ мастеръ руднаго дѣла пріѣхалъ, кой на мельницѣ водою желѣзо куетъ, и нынѣ у меня въ Павловскомъ на мельницѣ рудню заводитъ. А по твоему письму и безъ мельницы, если и людьми желѣзо ковать, и то прибыль большая будетъ. А которые мои кузнецы у макарьевскихъ крестьянъ желѣзо дѣлаютъ, и тѣмъ кузнецамъ ковать на меня, а я имъ за работу велю тожъ давать. Да прислать къ Москвѣ ко мнѣ тотчасъ Ваську Кузнеца да мурашкинскихъ два человѣка, добрыхъ и смышленыхъ, а имъ побыть у руднаго дѣла, чтобъ тому дѣлу поучиться.

Между тѣмъ, пока выучивались рудному дѣлу свои крѣпостные мастера, въ Павловскомъ явились рудники иноземцы, поляки, которые, быть можетъ нарочно, были наняты или приглашены бояриномъ для низоваго нижегородскаго производства. Почему-то они оставались въ Павловскомъ довольно долго безъ всякаго дѣла, но безпрестанно просили о томъ, чтобъ ихъ поскорѣе отпустили на низъ, дабы вб время изготовиться къ рудному дѣлу. По этому случаю Павловскій прикащикъ писалъ къ боярину, въ іюлѣ 1652-го г.: «изволилъ, государь, ты, чтобы послать поляковъ рудниковъ и угольщиковъ...„ И по се государь число ко мнѣ, холопу твоему, объ нихъ твоего государева указу не бывало. А они, государь, здѣсь живутъ и работы никакой не работаютъ; а хлѣбъ, государь, нынѣ дорогой, ѣдятъ даромъ; а хлѣбъ, государь, имъ идетъ противъ *двороваго* съ лишкомъ, а *вологa* противъ двороваго; и они сказываютъ, что хлѣба и вологи мало. А хорошо-бы, государь, имъ хлѣбъ и волога давать слишкомъ, видячи къ тебѣ, государю, какая работа и то бы по твоему государеву указу; а *безъ твоего государева указу кому смѣть прибавить хоть одно зерно*». Рудники кромѣ того просили у боярина взаймы на заводъ 20 руб. денегъ и предлагали, чтобъ имъ дѣлать желѣзо своими наемными людьми, на своемъ хлѣбѣ и за то ихъ пооброчить, почему имъ давать на годъ желѣзомъ или деньгами; т.-е. они желали взять все производство на свой счетъ съ уплатою извѣстнаго оброка. Всѣхъ ихъ, кромѣ младенцевъ, было 20 человѣкъ. «А не изволишь государь отпустить ихъ на Низъ, — заключалъ прикащикъ, — и твой бы государевъ указъ былъ, что имъ въ Павловскомъ дѣлать, и даромъ бы имъ хлѣба не ѣсть». Но бояринъ не оставлялъ своего намѣренія. Осенью въ селѣ Лысковѣ заводилась уже рудня. Тамошній прикащикъ извѣщалъ, что рудню бы додѣлали ноября въ 21 числѣ, да за тѣмъ дѣло стало, почала Волга ставиться, и за Волгу лошадьми и пѣшимъ перейти никакъ нельзя, ледъ не перепуститъ. При этомъ объ устроителѣ рудни прикащикъ приба-

влялъ: «А се рудникъ Ѳедоръ глупъ и упрямъ, столько не дѣлаетъ, что портитъ и моимъ плотникамъ воли не даетъ. А руды и уголья припасено много; а какъ Волга станетъ, и того часу опытъ учиню....» На Рождествѣ, 26-го декабря бояринъ наконецъ послалъ туда и рудниковъ иноземцевъ Остафья Сущевскаго, Мартына Башинскаго, Якова Сопоцкаго и приказывалъ прикащику, чтобъ тотъ велѣлъ имъ рудню додѣлать и ѳурму направить, а если руды много и руда добра и можно ожидать впередъ прибыль въ желѣзѣ, то и другую рудню завесть. А рудникамъ къ рудному дѣлу дать учениковъ изъ нижегородскихъ и арзамазскихъ вотчинъ, изъ кузнецовъ или и не изъ кузнецовъ, ково бъ съ такое дѣло стало, кто бъ выучился; а кто выучится и я тѣхъ пожалую, писалъ бояринъ, велю обѣлить; а буде кто и охочіе будутъ изъ тѣхъ моихъ вотчинъ и имъ велѣть учиться и мою милость имъ сказать; а какъ выучатся и я ихъ потомужъ пожалую». Бояринъ почему-то не приказывалъ только брать учениковъ изъ села Мурашкина и изъ села Лыскова и писалъ: «а про тобъ тебѣ никому не сказывать, что изъ села Мурашкина и изъ села Лыскова учениковъ имать не велѣно; а къ рудному дѣлу изъ тѣхъ селъ кузнецовъ посылать въ *рядовую*». Объ иноземцахъ онъ писалъ: «а какъ рудни вдѣлаютъ, огни заведутъ и фурмы направятъ и руду почнутъ дуть, и желѣзо станутъ ковать, и учениковъ выучатъ, а похотятъ они рудники къ Москвѣ и ты бъ ихъ отпустилъ съ вѣдомыми ѣздоками, а похотятъ остаться у дѣла въ вотчинѣ моей, въ селѣ Лысковѣ, и ты бъ велѣлъ имъ жить. А ихъ рудниковъ велѣть поить и кормить, чтобъ ничѣмъ скудны не были, а вина имъ давать на день по двѣ чарки, а пива давать всѣмъ и прежнимъ и нынѣшнимъ на день по два ведра».

Дополнимъ нашъ обзоръ вотчинныхъ дѣйствій боярина нѣкоторыми новыми свидѣтельствами о его вотчинныхъ же отношеніяхъ къ сосѣдямъ, къ казнѣ, къ духовенству, къ своимъ прикащикамъ и дворовымъ, и объ отношеніяхъ прикащиковъ между собою и къ подвластному имъ крестьянскому міру.

Бояринъ строго наблюдалъ, чтобъ его прикащики и крестьяне жили съ сосѣдними помѣщиками и крестьянами по сосѣдски, смирно и беззадорно и въ совѣтѣ. Онъ очень хорошо зналъ, что былъ первымъ верховникомъ у царя и что поэтому, какъ обыкновенно водилось, и прикащики его и даже крестьяне, чувствуя всевластную силу своего господина-государя, могли тоже забываться и своевольничать по сторонамъ. Подобные слу-

чаи бывали не разъ, и бояринъ всегда разбиралъ дѣло съ полною справедливостью и за явное своеволье наказывалъ жестоко. Однажды изъ Коломенской вотчины прикащикъ доносилъ, что «подъ селомъ Ивановскимъ подошелъ лугъ разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ села Алексѣевскаго, а къ тому селу подошла Морозовскихъ крестьянъ пашня по рѣкѣ по Сѣверкѣ и нынѣча та пашня паренина, съ этой паренины крестьяне травятъ чужіе покосы и ночью и днемъ, да травятъ также и съ своего телятника, откуда проходы въ лугъ просты; что онъ многажды говорилъ, чтобъ въ чужой покосъ не пускали, а они пускаютъ и травятъ; и говорятъ: «мы де и за прежнимъ помѣщикомъ жили да лугъ травливали, а ты насъ заперъ; а и нынѣча намъ для чего не травить».

Сосѣдскій прикащикъ извѣщалъ, что потравлено на 70 копенъ, но искать отказался, говоря, что крестьянамъ Бориса Ивановича онъ не истецъ, только чтобъ впредь не травили. Тогда бояринъ далъ прикащику указъ крестьянамъ заказать на крѣпко, чтобъ лошадей своихъ и никакой животины въ чужіе луга не пускали и луговъ не травили и въ томъ ссоры не чинили, на тобъ не смотрѣли, что за прежнимъ помѣщикомъ плутали и стороннихъ людей изобижали, а которые указу моего не послушаютъ и будутъ на нихъ челобитчики и ихъ животину ловить и чья животина, того при челобитчикахъ и при стороннихъ людяхъ и при всемъ міру бить батогами да править на нихъ потраву и отдавать челобитчикамъ.

Въ другой разъ, 1660-го г. апр. 12 присылалъ къ боярину говорить, т.-е. жаловаться окольничій Михайло Ивановичъ Морозовъ, что вотчины его села Арати бобыль Максимко поводчикъ, кормится медвѣдемъ, зашелъ въ нижегородскомъ уѣздѣ въ монастырскую деревню Карташиху и человѣкъ Бориса Ивановича Осипъ Лунинъ велѣлъ у него медвѣдя отнять да у него же отнялъ 7 рублевъ денегъ; что прикащикъ Михайла Ивановича посылалъ къ Осипу, чтобъ онъ медвѣдя и деньги велѣлъ отдать, и онъ не отдаетъ, а сказалъ, что медвѣдь ему самому надобенъ. Бояринъ тотчасъ послалъ приказъ мурашкинскому прикащику: сыскать подлинно въ правду всѣми крестьянами, такъ ли было, и если было такъ, то медвѣдя и деньги тотчасъ взять и возвратить поводчику, а его Осипа бить батогами безъ пощады, вмѣсто кнута, чтобъ ему впредь такъ дуровать было не повадно; одноличнобъ ему учинить наказанье жесточью. «А если ты такъ не учинишь, прибавлялъ бояринъ, и моего указу не исполнишь и промѣняешь меня на Осипа Лунина, и тебѣ самому отъ меня быть въ кручинѣ (зачеркнуто: и въ жестокомъ наказаньѣ)». Само

собою разумѣется, что бояринъ понапрасну своихъ не выдавалъ и строго берегъ послѣдняго крестьянина отъ всякихъ обидъ.

Одинъ его крестьянинъ жилъ въ наймахъ у чужого монастырскаго крестьянина Николы на Угрѣшѣ, деревни Гремячей. Однажды ѣхалъ онъ съ лошадьми въ стадо, и велъ на обратахъ три лошади, а крестьянскій сынокъ той деревни Макунка легъ на дорогѣ, выворотя зипунъ и сталъ лошадей пужать. Лошади испугались и которыя были въ поводу бросились въ сторону, стащили сѣдока съ той, на которой онъ сидѣлъ, и испортили ему руку. Прикащикъ Морозова вступился, ѣздилъ въ монастырь ко властямъ, гдѣ самъ келарь разбиралъ дѣло; крестьянинъ повинился, что его сынъ лошадей пугалъ. Келарь велѣлъ сына бить плетми, а отцу приказалъ увѣчнаго лѣчить и кормить. Но крестьянинъ излѣчить его не умѣлъ и билъ ему челомъ на лѣчбу рублемъ. Прикащикъ однако побоялся идти на такой миръ, рубля не взялъ и донесъ объ этомъ боярину. Какъ рѣшилъ бояринъ, неизвѣстно. Вообще, за хребтомъ такого боярина жить было вполнѣ безопасно; всегда можно было найти праведный судъ и расправу, разумѣется при извѣстныхъ взяткахъ со стороны прикащиковъ, такъ какъ они были ближайшими защитниками; но это обстоятельство, какъ дѣло самое обыкновенное въ то время, ставилось ни во что, лишь была бы найдена справедливость. Подъ защиту Морозова прибѣгали иногда и сторонніе люди, особенно изъ церковниковъ. Такъ, въ 1651-мъ г. онъ взялъ подъ свое покровительство одного попа и писалъ по этому случаю мурашкинскому прикащику: «Билъ мнѣ челомъ погоста Работки Дмитровской попъ Логинъ—велѣти бы его и бобылей его отъ сторонъ поберечь и въ обиду никому не дать. И ты Поздей (прикащикъ) его попа, гдѣ доведется, отъ сторонъ бы въ правдѣ поберегъ и въ обиду никому не далъ, а ему сказать, чтобъ онъ надѣялся на мое имя, никого за посмѣхъ неизобижалъ и не продавалъ». Подобныя отношенія, это исканіе защиты и охраны у сильныхъ людей, которое въ то время было очень распространено въ частномъ быту, обнаруживаетъ вообще безсиліе государства по водворенію безопасности и, стало быть, великую силу всякаго самоволія и своеволія, и въ частныхъ, и въ правительственныхъ отношеніяхъ, для обузданія которой такъ надобны были сильные люди изъ той же правительственной среды. Система управленія коренилась еще въ понятіяхъ частнаго права, по коимъ всякая сила и власть, даже и административная, почитала себя самовластнымъ вотчинникомъ въ отношеніи безсильной или управляемой среды, почитала и всякую должность или завѣдываніе чѣмъ бы то ни было

своею вотчиною, отчего всюду расцоряжалась самовольно и своевольно и вынуждала, такимъ образомъ, отыскивать защиты у какой-либо другой сильнѣйшей власти. Впрочемъ, указанное самоволіе всегда встрѣчало, такъ сказать, естественные для себя предѣлы въ отношеніи къ инородцамъ, которые нерѣдко поднимались всею землею для защиты себя отъ сосѣдскихъ русскихъ насилій и притѣсненій. Вотъ почему правительство, какъ и частные властные люди держались крѣпко той политики, чтобы съ инородцами всѣми мѣрами жить въ дружбѣ и ихъ не обижать.

Въ нижегородскихъ вотчинахъ по сосѣдству съ крестьянами Морозова жила Мордва. Бояринъ особенно заботился, чтобъ прикащики и крестьяне жили съ нею миролюбиво и постоянно наказывалъ, чтобъ Мордву отнюдь не изобижали и не продавали ихъ напрасно и изгони никакой бы не чинили. Въ своихъ челобитныхъ къ боярину Мордва именовала себя приближенными его милости. Однажды она просила ходить свободно въ его бортные лѣса для дровъ, лубья, мочалъ и для всякой домашней угоды. Бояринъ пустилъ ее въ свои лѣса съ приказаніемъ, «чтобъ ходили смирно и не блудили, пчелъ не выдирали и дѣльнаго деревья съ пчелами и безъ пчелъ и холосцу, кой въ дѣло годится, не подсѣкали и не поджигали и не подчеркивали и лубья на продажу не снимали и коры не обивали, брали бъ только про свою нужду, что имъ въ домашнихъ житьяхъ надобно, и при этомъ строго наказывалъ жить съ ними по-сосѣдски, а будетъ они какую дурость покажутъ и станутъ жить не пососѣдски и тебѣ бъ, писалъ онъ прикащику, на нихъ бить челомъ въ городѣ и о томъ ко мнѣ отписываться, а самому не управливаться».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ нижегородскихъ вотчинахъ инородческія отношенія, а также близость Волги, этого вольнаго пути для всякихъ опасныхъ людей, вызывали и особыя условія для утвержденія безопасности среди тамошняго населенія. Такъ, богатыя торговыя села, Лысково и Мурашкино, потребовали нѣкоторыхъ статей стариннаго городского устройства. Въ приволжскомъ Лысковѣ существовалъ острогъ, небольшая крѣпостца для защиты и отъ волжскихъ разбойныхъ людей, а также и отъ Мордвы и Черемисы, тогдашнихъ сосѣдей этихъ мѣстъ.

Острогъ назывался Оленьимъ и содержался слободою стрѣльцовъ въ числѣ 10-ти дворовъ, которая заведена, кажется, въ 1651-мъ году, когда бояринъ выдалъ имъ на постройку дворовъ по три рубли на дворъ. Стрѣльцы въ селѣ сторожу стерегли и

въ посылки ѣздили, за что получали отъ боярина жалованье по 2 р. на человѣка.

Точно также и въ селѣ Мурашкинѣ въ 1660-мъ г. для воинскаго дѣла устроенъ былъ земляной валъ, насыпанный окрестными поселянами. Было тогда время бунтовое и бояринъ заранѣе принималъ мѣры для защиты своихъ богатыхъ вотчинъ. Для сторожи и защиты въ Мурашкинѣ, которое было центральнымъ торговымъ мѣстомъ тамошняго края, существовала особая, казацкая слобода, заведенная еще при царѣ Ѳедорѣ Ив. въ 1692-мъ году, гдѣ поселено было 50 служилыхъ казацкихъ дворовъ: пятидесятникъ, три десятника и 46 челов. рядовыхъ казаковъ. Они сидѣли, какъ и крестьяне, на пашнѣ, и владѣли 1,500 десят. середней земли, по 10 десятинъ на человѣка въ полѣ.

Въ военное время Морозовъ выводилъ этихъ казаковъ на службу, какъ это случилось, напр., въ 1651-мъ г. во время бунтовъ. «Прислать къ Москвѣ, писалъ онъ тогда прикащику, всѣхъ казаковъ 50 человѣкъ, быть имъ на службѣ; что у нихъ есть ружья: пищалей, бердышей, рогатинъ, топорковъ, все брали бы съ собою: на подъемъ имъ дать по полтора рубли человѣку до Москвы; а какъ пойдутъ на службу, денежное жалованье велю имъ выдать здѣсь на Москвѣ, а на службѣ пить и ѣсть имъ мое, а ѣхать на своихъ лошадяхъ. Чтобъ были тотчасъ, часу не мѣшкая», прибавлялъ бояринъ. Тогда же бояринъ прибѣгъ и къ другому способу собирать домашнее войско: это были, такъ-называемые, *даточные*, которыхъ на государеву службу давало все земство; а бояринъ такихъ даточныхъ нанималъ по вольной цѣнѣ. Въ этотъ разъ онъ приказывалъ приговорить въ даточные охочихъ людей съ поруками, человѣкъ 100 и больше, на годъ, на службу; договориться, почему возьмутъ; «пить ѣсть — мое, порохъ и свинецъ мой, а на ихъ хлѣбѣ». Но чтобы покрыть издержки найма, бояринъ деньги все-таки собралъ съ вотчинныхъ людей, со всѣхъ и съ крѣпостныхъ и съ церковниковъ, съ крестьянъ, бобылей, захребетниковъ, съ поповъ, дьяконовъ, дьячковъ, пономарей, просвирницъ, съ поповыхъ и монастырскихъ бобылей, по двѣ гривны съ двора.

Свои вотчинныя отношенія къ самому большому сосѣду—къ казнѣ, Морозовъ устроивалъ съ большою хозяйскою осмотрительностью, почитая обычнымъ правиломъ въ своей вотчинной промышленности обходить кривою дорогою ея требованія и при случаѣ сбывать ей предметы похуже и подешевле. Въ 1660-мъ г. въ мартѣ, по указу государя, велѣно было въ Нижнемъ

Новгородѣ взять изъ житницъ Морозова 10 тысячъ четвертей ржи *самой доброй*, и велѣно ее принимать гостю Ивану Гурьеву съ товарищи. Въ то самое время изъ вотчинъ Морозова возили въ Нижній свѣжій лучшій хлѣбъ. Въ житницахъ же лежало много хлѣба стараго, который, по разсужденію боярина, и слѣдовало отдать въ казну, притомъ самому государю, на его государевъ обиходъ. Но присутствовавшій при пріемѣ тайныхъ дѣлъ подьячій смѣтилъ это дѣло и наговорилъ гостю, чтобъ принималъ новый хлѣбъ, а не старый. Прикащику нельзя было противорѣчить, ибо указано было принимать рожь самую добрую. Однако онъ нашелся, сказалъ, что той новой ржи всего будетъ только четвертей сотъ пять-шесть, а самъ скорѣе послалъ спросить боярина, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Морозовъ отвѣтилъ, что ту рожь, которая уже привезена, отдать, а потомъ сказать, что рожь изъ вотчинъ вся привезена, только въ вотчинахъ и было, чтобъ принимали лучшую рожь изъ житницъ, какая въ нихъ есть. «А новой ржи въ Нижній изъ вотчинъ возить погодить, а будетъ 10 тысячъ четвертей всю взяли на государевъ обиходъ, ино изъ вотчинъ и велѣть рожь возить, буде можно». Такъ первый въ государствѣ бояринъ, воспитатель и дядька самого государя, не стыдился, по хозяйской части, обманывать своего государя-воспитанника, отъ котораго самъ же былъ кругомъ облагодѣтельствованъ.

Въ томъ же году, въ іюлѣ, нижегородской воевода Измайловъ собиралъ полоняничныя деньги и потребовалъ ихъ и съ вотчинъ Морозова. Тогда ходила между прочимъ и нововыпущенная не безъ одобренія и совѣта того же боярина Морозова мѣдная монета, цѣнность которой однакожъ такъ упала, что въ это время рубль серебра по разсчету мѣдью стоилъ 1 р. 70 к. Воевода по общему царскому указу требовалъ уплаты серебромъ. Бояринъ приказалъ платить мѣдными деньгами и говорить, что серебра нѣтъ, что и его оброкъ всѣ платятъ мѣдными. Нѣтъ сомнѣнія, что и тутъ первый бояринъ государства обманывалъ государство же, ибо не зачѣмъ было бы и отдавать такой приказъ, чтобъ платить мѣдью.

Съ своей стороны бояринъ очень хорошо зналъ всякій родъ уловокъ и хитрости, съ какими должно было встрѣчаться въ то время по всякимъ дѣламъ, особенно торговымъ и промышленнымъ. Онъ обыкновенно предупреждалъ ихъ самыми подробными наставленіями прикащикамъ, какъ нужно быть осмотрительнымъ. Однажды, въ 1660-мъ г., ему потребовалось перевезти изъ Нижняго въ Москву 5,000 четвертей ржи, для чего онъ велѣлъ загодя до полой воды подрядиться съ судопромышленни-

ками, чтобъ перевезти рожь водою на судахъ и назначилъ цѣну, какая вѣроятно тогда существовала, 25 коп. съ четверти по нижегородской таможенной мѣрѣ, ибо вотчинная мѣра не сходилась съ казенною. «Тобъ и лучше, если возмутъ меньше полуполтины», писалъ онъ прикащику, и затѣмъ дѣлалъ такое наставленіе: «А за тѣмъ хлѣбомъ на стругахъ послать людей моихъ, кого пригоже и приказать беречь, чтобъ не подмочить и судовъ на кость и на каршу не проломить и водою не залить; у пристаница смотрѣть надъ работниками и надъ ярыжными (поденщиками), чтобъ хитрости не учинили надъ рожью, не намочили нарочно, не спрыскивали и не покрали; взять той ржи въ мѣшечекъ и сравнивать дорогою, сличать и отвѣдывать съ тою, такова ль суха и въ судахъ».

Въ отношеніи церковнаго причта, крестьянскія общины, даже и крѣпостныя, въ своихъ приходахъ вольны были избрать къ своей церкви кого пожелаютъ. Необходимо было только, чтобы помѣщикъ утверждалъ такой выборъ, для чего прихожане обыкновенно подавали ему заручную челобитную. Такъ, въ 1660-мъ г., крестьяне села Лыскова вознесенскаго прихода, послѣ морового повѣтрія, когда священникъ у нихъ померъ, призвали къ себѣ другого священника и дьякона и церковнаго дьячка; между тѣмъ челобитной объ этомъ выборѣ не подавали. Избранный причтъ заявилъ имъ, что безъ вѣдома боярина у церкви служить и въ вотчинѣ его жить онъ опасается. Тогда прихожане подали обычную челобитную съ объясненіемъ, что избранный причтъ со всякою потребою къ нимъ ходитъ и въ церковной службѣ исправенъ; Морозовъ просьбу утвердилъ, разрѣшивъ причту у церкви служить, въ вотчинѣ жить безопасно и церковнымъ доходомъ *владѣть*, какъ было прежде. Иногда такой выборъ утверждали и прикащики, донося только о своемъ рѣшеніи помѣщику, какъ случилось въ нижегородскомъ же селѣ Троицкомъ, гдѣ, по крестьянскому челобитью, прикащикъ принялъ въ приходъ другого попа, на что бояринъ отвѣтилъ тоже разрѣшеніемъ: «коли крестьянамъ другой попъ надобенъ и то добро». Тѣмъ же путемъ происходила и отмѣна священниковъ, если попъ былъ гордъ, спѣсивъ, неподатливъ, къ нимъ крестьянамъ со всякою церковною потребою ходить лѣнивъ, какъ однажды отзывались крестьяне о своемъ приходскомъ попѣ, и приходя безпрестанно въ схожую избу, просили его отмѣнить.

Сельскій приходскій попъ въ крестьянской общинѣ пользовался по тому времени не малымъ значеніемъ. Во многихъ дѣлахъ очень важно было его рукоприкладство. Въ быту крестьянъ, чтó бы они ни предпринимали болѣе или менѣе важнаго въ

своихъ отношеніяхъ къ помѣщику, *попова рука* являлась крѣпкимъ доказательствомъ ихъ правды или правды того дѣла, какое они предпринимали. Попова рука утверждала правду всякихъ выборовъ, крестьянскихъ рѣшеній поступать такъ или иначе, утверждала правду розысковъ и слѣдственныхъ дѣлъ. Со стороны самихъ прикащиковъ безъ поповой руки нельзя было представить помѣщику опытныхъ ужинныхъ и умолотныхъ книгъ, и т. п.

Видимо, что бояринъ желалъ устроить на добрыхъ началахъ отношенія своихъ вотчинныхъ причтовъ между собою и къ ихъ прихожанамъ. Быть можетъ, съ этою цѣлью онъ приказалъ, когда причтъ ходитъ со святынею, собирать его доходъ не по рукамъ, какъ водилось, а въ особый ящикъ, и послѣ дѣлить, какъ подобало. Это по крайней мѣрѣ исполнялось въ 1652-мъ году въ подмосковномъ селѣ Павловскомъ. «Въ твоей государевѣ вотчинѣ въ селѣ Павловскомъ,—писалъ ему однажды прикащикъ,—ходили священники съ Богородицею, а деньги сбирали по твоему указу въ ящикъ и денегъ въ сборѣ 10 руб. 12 алтынъ полтретьи деньги; а деньги сбираны поповсвой доходъ и дьяконской и дьячковъ и понамаревъ, всѣ въ ящикъ, а не по рукамъ. И они у меня тѣхъ денегъ просятъ, чтобъ имъ раздѣлить; и я имъ отказалъ, что безъ твоего указа денегъ дать нельзя; о томъ мнѣ, что ты, государь, укажешь, почему дать попамъ и что дьякону, дьячку и пономарю»? Бояринъ велѣлъ имъ раздѣлить изъ рубля двумъ попамъ по 10 алт. по 4 деньги, дьякону 5 алт. 2 д., дьячку 2 алт. 4 деньги, просвирницѣ тоже 2 алт. 4 деньги, пономарю 8 денегъ. О тѣхъ же самыхъ попахъ и въ томъ же 1652-мъ г. января 26-го павловскій прикащикъ доносилъ боярину: «У павловскихъ, государь, поповъ стало въ церкви безчинство большое; дралися, государь, въ церкви, Иванъ попъ съ Романомъ попомъ. Романа попа Иванъ попъ ушибъ книгою и Романъ попъ въ церкви и повалился; и отдохнувъ, попъ Романъ бросилъ книгою въ Ивана попа, Иванъ попъ Романа попа въ другорядъ ушибъ книгою. А видѣлъ у нихъ тотъ бой Семенъ попъ и сказывалъ мнѣ. Генваря 24 были, государь, попы въ деревнѣ Оносьинѣ на сорочинахъ по Иванѣ Осмугинѣ и тутъ у нихъ промежъ себя учинилось безчинство большое: Иванъ попъ Романа попа убилъ и волосы выдралъ и бороду выдралъ и скуфью сбилъ; и какъ они дралися и въ тѣ поры были сторонніе люди. Да у нихъ же въ церкви пѣнія мало въ недѣли обѣдни по двѣ или и въ силахъ три въ одной церкви, а въ придѣлѣ не живетъ въ недѣлѣ ни по одной обѣдни и о томъ, государь, мнѣ какъ укажешь?» Что̀ указалъ бояринъ—не-

извѣстно, а прикащикъ между тѣмъ опять доносилъ, что «въ Павловскомъ службы нѣтъ, ни вечерень, ни завтрени; а многижды пономарь, поблаговѣстя да позвоня и ходитъ къ священникамъ, и они на переспоряхъ въ церковь нейдутъ и службы нѣтъ». Прикащикъ указывалъ новаго попа, котораго испытывалъ и въ службѣ: велѣлъ ему служить вечерню, и завтреню и обѣдню, и онъ служилъ, и служба добра гораздо. А дѣтей у него 5 сыновъ. Одинъ сынъ поетъ обиходъ весь и дванадесять праздники и ермосы», что также было весьма полезно для сельской церковной службы.

Въ большихъ нижегородскихъ вотчинахъ боярина, въ селахъ Лысковѣ и Мурашкинѣ были кромѣ того и вотчинные монастыри: въ Мурашкинѣ Преображенскій и Троицкій женскій, въ Лысковѣ Пречистенскій Казанской Богородицы, и Рожественскій дѣвичій, въ которомъ было 160 сестеръ монахинь. И здѣсь, въ монастыряхъ, какъ и въ вотчинныхъ приходахъ, выборъ черныхъ поповъ и строителей происходилъ большею частію совѣтомъ и желаніемъ братіи, а утвержденіе при посредствѣ и доступленьемъ помѣщика, хлопотавшаго о томъ въ вѣдомствѣ святительскомъ. Такъ, однажды, въ 1659-мъ г. старцы мурашкинскаго монастыря избрали себѣ еще другого чернаго попа, который, по доступленью боярина, и былъ поставленъ въ попы. Новый попъ однако просилъ боярской грамоты къ прикащику, чтобъ ему служить въ попахъ невозбранно и чтобъ и келью ему отвели. Бояринъ послалъ грамоту съ указомъ: «у церкви Божіи служить имъ двумъ попамъ, прежнему и новому, и новому быть первымъ священникомъ; а жить имъ въ одной кельѣ, которую велѣть перегородить». Въ 1660-мъ г., въ лысковскомъ монастырѣ старцы перессорились съ своимъ строителемъ за его самовольство и насильство и подали на него боярину вотчиннику жалобу, въ которой описывали: «въ прошлыхъ годахъ, въ 1658 и 1659, ѣздилъ онъ строитель Аврамій къ Москвѣ трижды не вѣдомо ради какихъ дѣлъ, *умился* съ своими совѣтниками (четырьмя другими старцами, на которыхъ вмѣстѣ шла жалоба) безъ нашего братскаго приговору; въ первую поѣздку взялъ изъ монастырской казны денегъ 15 р. да двѣ лошади цѣна 9 руб.; въ другую поѣздку взялъ 11 р. съ полтиною; въ третью—5 р., да съ бобыльковъ 6 р., да съ захребетниковъ $1^1/_2$ р., взялъ еще лошадь цѣна 5 р., ожерелье жемчужное $1^1/_2$ р., выломалъ двои пчелы монастырскихъ цѣна 2 р. и т. д.; всего казны, чѣмъ завладѣлъ строитель, старцы насчитывали 76 р. слишкомъ; а монастырь, писали они, убогой и казна не большая, и ту онъ до конца изводитъ, любитъ просторно жить и много въ ѣздахъ своихъ де-

негъ соритъ, а мы скитаемся межъ дворъ, кормимся всѣ христовымъ именемъ, милостынею. И намъ такой строитель не въ силу; въ такомъ убогомъ монастырѣ быть ему нельзя, и достальную казну расточитъ и насъ изпродастъ да и живетъ онъ въ монастырѣ не по нашему братскому челобитью и выбору мы на него не давывали». Старцы просили перемѣнить его, выбрать строителя изъ своей братьи, а деньги и разные убытки взыскать и возвратить въ монастырскую казну. Бояринъ, конечно, не могъ этого исполнить собственною властью, ибо дѣло это въ сущности не принадлежало области его вотчиннаго суда. Однако и пройти мимо его оно не могло, на то онъ былъ вотчинникъ. Поэтому и старцы просили ни чьего другого, а прямо его пожалованья, т.-е. рѣшенья въ этомъ дѣлѣ. Бояринъ въ такихъ случаяхъ бралъ на себя доступленье къ царю и выхлопоталъ въ патріаршемъ разрядѣ царскую грамоту, по которой все и исполнилось, какъ желали старцы. Безъ боярской воли они, конечно, ни въ чемъ бы и не успѣли. Въ этомъ и состояла вотчинническая власть надъ монастыремъ. Что никакое дѣло не проходило мимо вотчинника въ его вотчинномъ монастырѣ, на это есть еще случай. Въ 1650-мъ г. черный попъ мурашкинскаго преображенскаго монастыря постригъ нижегородца, посадскаго человѣка Вавилку Кузнеца, а Вавилка потомъ сказалъ, что взялъ его попъ съ кабака пьянаго къ себѣ въ монастырь въ келью вина пить, да и положилъ на него черное платье, а не постригалъ и обѣщанья у него не было. Дѣло поступило на судъ къ мурашкинскому прикащику, который съ обоихъ снялъ допросъ и отослалъ на рѣшеніе боярину. Морозовъ, выслушавъ распросныя рѣчи, далъ указъ: «отвезть ихъ обоихъ въ Нижній и отдать архимандриту или кому они судимы». «А то дѣло святительское, писалъ бояринъ, а не мое и не мнѣ ихъ *розгрѣшать*».

Въ случаяхъ, касавшихся прямо вотчинныхъ интересовъ, бояринъ обращался съ челобитьемъ къ государю. Такое челобитье государю бояринъ подалъ въ 1659-мъ г. на строителя казанскаго лысковскаго монастыря того же Авраамія, который, по словамъ боярина, своимъ наглымъ озорничествомъ пригородилъ въ монастырь проѣзжую старинную улицу села, и проѣзду нѣтъ. «Да онъ же, прибавлялъ бояринъ, мою крестьянскую дѣвку Анютку, взявъ къ себѣ въ монастырь, пыталъ, билъ плетьми безъ милости, безъ вины напрасно и держалъ у себя за приставомъ двѣ недѣли.» По челобитью велѣно было строителя выслать къ Москвѣ тотчасъ, а улицу очистить по прежнему. Объяснилось, что дѣвку онъ не пыталъ, а билъ только плетьми, розыскивая ея воровство, что украла у мачихи 4 руб. Такимъ образомъ и строи-

тель въ монастырѣ поступалъ какъ вотчинникъ въ своей вотчинѣ. Другое столкновеніе у боярина было съ игуменьею мурашкинскаго троицкаго монастыря, на которую, неизвѣстно только за что, бояринъ тоже жаловался государю, вслѣдствіе чего нижегородскому воеводѣ дана была грамота: игуменью и старицъ, которыя ея совѣтницы, сослать по инымъ монастырямъ въ Казань и въ Нижній подъ началъ.

Впрочемъ, обычныя боярскія отношенія къ духовенству, вотчинному и сосѣднему, всегда были благоволительны и сопровождались по большей части разными приношеніями на церковное строеніе и милостынею для церковнаго или монастырскаго чина. Любопытна при этихъ случаяхъ простота сношеній перваго боярина. Вотъ его грамотка въ Макарьевъ монастырь съ посылкою желѣза. «Пречестныя и великія обители пресвятыя живоначальныя Троицы и чудотворца Макарія Жолтоводскаго господамъ моимъ келарю старцу Пахомію и соборнымъ старцамъ и всей, еже о Христѣ, братіи Борисъ Морозовъ челомъ бьетъ. Пожалуйте господа, велите ко мнѣ писать о своемъ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здоровьѣ и о всемъ своемъ благомъ пребываніи, какъ васъ Богъ милуетъ. А про меня пожалуете похотите вѣдать и я при государскихъ пресвѣтлыхъ очахъ апрѣля по 4 день (1660 г.) далъ Богъ здорово, а впреди Богъ воленъ. Послалъ я къ вамъ на церковное строеніе съ Серапіономъ желѣза свицкаго (шведскаго) 729 пудъ съ полупудомъ, и вамъ бы то желѣзо велѣть принять и перевѣсить. По семъ вамъ челомъ бью».

Изъ предыдущаго обзора сношеній боярина съ прикащиками можно уже видѣть, что прикащику необходимо было обладать большою смѣтливостью, большою ловкостью и расторопностью ума, дабы попадать въ разъ и въ мѣру относительно своихъ распоряженій къ выгодамъ помѣщика. Малѣйшая несообразительность, малый какой-либо промахъ, обнаруживавшій неразуміе исполнителя, тотчась же навлекали гнѣвъ боярина, который за всѣми подобными случаями слѣдилъ неутомимо и всегда съ строгостью ставилъ ихъ на видъ погрѣшившему. У боярина давно было постановлено, чтобы младшіе прикащики обо всякихъ дѣлахъ спрашивались у старшаго, жившаго обыкновенно въ главной большой вотчинѣ. Однажды одинъ изъ такихъ прикащиковъ съ какимъ-то незначительнымъ дѣломъ написалъ и послалъ нарочнаго ходака прямо въ Москву къ боярину. «И тебѣ бы страдникъ, отвѣчалъ ему бояринъ, чѣмъ ко мнѣ къ Москвѣ писать

и ходака присылать, а до Москвы 500 верстъ, и къ Москвѣ ѣзды будетъ взадъ и впередъ недѣли четыре или пять, а къ Поздѣю (главному прикащиву села Мурашкина) тебѣ и самому ѣздить ино 2 дни, и ты бъ, страдникъ, ѣхалъ бы къ нему и о такихъ дѣлахъ спрашивался во всемъ съ нимъ». Старшій прикащикъ всегда могъ требовать къ себѣ на совѣтъ младшаго. Когда одинъ изъ младшихъ на такой зовъ помыслить вмѣстѣ съ иными прикащиками не ѣздилъ и даже рвалъ письма отъ старшаго и ни въ чемъ его не слушалъ, то бояринъ указалъ его бить за то батогами. Отношенія старшихъ прикащиковъ между собою должны были тоже основываться на постоянномъ совѣтѣ другъ съ другомъ, какъ дѣлать лучше и выгоднѣе для вотчинника. Въ 1660-мъ г. въ Мурашкинѣ былъ прикащикъ русскій, а въ Лысковѣ должно быть обрусѣвшій нѣмецъ, а вѣрнѣе полякъ, какимъ-либо случаемъ, быть можетъ плѣномъ, попавшій къ боярину въ крѣпость. Онъ назывался Левонтій Грозъ и что-то не ладилъ съ мурашкинскимъ. Тотъ жаловался боярину и бояринъ написалъ Грозу слѣдующій приказъ: «Писалъ ко мнѣ Григорій Байковъ— о какихъ де о моихъ дѣлахъ онъ къ тебѣ ни отпишетъ и ты де къ нему, противъ его письма, не пишешь и вѣдома не чинишь, и помыслить де о моихъ дѣлахъ лучится, съ нимъ не съѣзжаешься. Да и впредь де онъ Григорій отъ тебя не чаетъ послушанія. О чемъ де онъ къ тебѣ ни станетъ писать, и ты де гнѣваешься. И будетъ такъ, и ты то дѣлаешь негораздо, упрямо, и впредь моимъ дѣламъ будетъ поруха. А знатное дѣло, что учитъ и наговариваетъ тебя и съѣзжаться не велитъ шуринъ твой Трофимъ Чюбаровъ. И тебѣ бъ впредь, о моихъ о какихъ дѣлахъ станетъ къ тебѣ Григорій писать, его слушать и съ нимъ съѣзжаться, и о моихъ о всякихъ дѣлахъ мыслить, какъ бы лучше и какъ мнѣ во всякихъ моихъ дѣлахъ было прибыльнѣе. А будетъ тебѣ коли лучится какой недосугъ, и тебѣ бъ посылать Трофима Чюбарова. А къ Григорью отъ меня писано жъ, велѣно и ему къ тебѣ ѣздить и о дѣлахъ моихъ мыслить. А шурина бъ тебѣ своего Трофима Чюбарова бить батоги за то: не сваривай васъ и порухи въ моихъ дѣлахъ не чини! И впредь ссорѣ его не ими вѣры, *держи свой умъ, навыкай рускому извычею*». Слова очень примѣчательныя. Русскій обычай, по отзыву первенствующаго боярина, руководителя государствомъ, заключался въ томъ, чтобы держать свой умъ. Въ этой мысли всегда коренилась вся политика Москвы, какъ государства, съ самаго ея начала и до той эпохи, когда первенствующее правящее государствомъ сословіе стало держать чужой умъ, французскій, нѣмецкій, только не русскій, говоря, разумѣется, не по

отношенію къ европейской цивилизаціи, отъ которой и стариннная лучшая передовая Москва ни на минуту не отворачивалась, а говоря только по отношенію къ государственной внутренней и внѣшней политикѣ. Крѣпкое держаніе своего ума спасало Москву, а съ нею и весь народъ отъ чужого хозяйничанья въ русской землѣ и тѣмъ очень характерно отличало ея исторію отъ исторіи другихъ славянскихъ племенъ. Морозовъ въ этомъ частномъ мелкомъ обстоятельствѣ высказываетъ только очень старое, общее и коренное начало московскаго поведенія и именно поведенія боярской думы, которая, несмотря на случавшіяся колебанія, всегда оставалась вѣрною своему московскому корени. Надо замѣтить, что этотъ политическій корень былъ исключительно вотчинный, былъ воспитанъ и выросъ на вотчинномъ развитіи народа, и сама Москва, въ смыслѣ государства, была ничѣмъ инымъ, какъ лишь типическимъ высшимъ видомъ старинной русской вотчины; потому она и стала называться государствомъ, т.-е. собственнымъ именемъ вотчины. Вотъ почему и общая государственная политика была, въ сущности, только наиболѣе полнымъ выразителемъ частныхъ вотчинныхъ отношеній.

Государь-вотчинникъ, какимъ былъ Морозовъ, не только не отвергалъ, но и требовалъ всегда отъ подвластныхъ общаго совѣта, общаго схода для разсужденій по дѣламъ вотчины. Онъ не довѣрялъ одному уму, какъ бы великъ онъ ни былъ, и настаивалъ, чтобъ всякое дѣло обсуждалось сообща, всѣми наличными умами. Онъ не только не отвергалъ сельскаго міра, но всегда требовалъ его участія въ дѣлахъ, всегда видѣлъ въ немъ сильную опору для своихъ дѣйствій. Словомъ сказать, ему всегда нужна была *дума* подвластныхъ ему людей. Такъ точно въ своихъ дѣйствіяхъ поступало и государство — вотчина политическихъ свойствъ. И это не было только преданіемъ, или закоренѣлою привычкою къ старымъ порядкамъ жизни; это было основнымъ свойствомъ, натурою стараго русскаго ума, невѣрившаго въ личный умъ, а вѣрившаго только въ умъ мірского схода-совѣта, подъ видомъ ли боярской думы, или подъ видомъ крестьянской сходки. Изъ этого коренного русскаго начала выходило то обстоятельство, что въ вотчинномъ и во всякомъ другомъ управленіи власть прикащика какъ ни была всемогуща, но во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ всегда ограничивалась совѣтомъ товарищей или совѣтомъ общины — міра; причемъ всѣ дѣла, касавшіяся непосредственно самой общины, ей же на судъ и отдавались безъ участія даже и прикащика.

Въ вотчинахъ Морозова, когда между крестьянами, по ихъ

собственнымъ дѣламъ, возникали какіе-либо споры, счеты и т. п., они за судомъ, по обычному порядку, обращались къ самому вотчиннику, но разбирательство такихъ дѣлъ бояринъ всегда отдавалъ ихъ же міру; прикащикъ въ подобныхъ случаяхъ всегда бывалъ въ сторонѣ. Однажды, въ 1650-мъ г., лысковскій крестьянинъ Овдокимъ Оксентьевъ билъ челомъ Морозову на другого крестьянина Ивана Никитина, о счетѣ въ *артельномъ промыслу* за своего брата. Бояринъ велѣлъ ихъ считать старостѣ, цѣловальнику и выборнымъ крестьянамъ, которые счетъ вели по книгамъ товарищей артельщиковъ, а какъ за Ивановы книги принялися и онъ отъ счету сбѣжалъ; «а мнѣ холопу твоему, писалъ прикащикъ, до того счету и дѣла не было, — по твоему государеву указу и по грамотѣ считали ихъ староста и выборные». Такимъ же образомъ и того же крестьянина Ивана и прежде считали лучшіе крестьяне въ складѣ (въ складчинѣ) и въ промыслу съ вдовою крестьянина Квасникова и начли на него 130 р. Былъ также въ Астрахани одинъ крестьянинъ сидѣльцемъ у хозяина въ лавкѣ за запасомъ и за всякою мелочью 2 года, и отошелъ. Хозяинъ просилъ счетъ его съ нимъ по его сидѣльцевымъ книгамъ и по хозяйскому отпуску. Московскій главный прикащикъ велѣлъ его считать тѣми, кто ему любъ, то-есть избранными имъ крестьянами, которые и насчитали на него товару и денегъ тоже 130 р.

Московскимъ боярскимъ приказомъ управляли два человѣка — Иванъ Лунинъ и Степанъ Киселевъ. Здѣсь сосредоточивалось управленіе по всѣмъ вотчинамъ; отсюда исходили всякіе указы и приказы помѣщика ко всѣмъ прикащикамъ; сюда стягивались всякіе узлы въ дѣлахъ прикащичьихъ и крестьянскихъ. Естественно, что власть здѣшнихъ прикащиковъ бывала очень часто сильнѣе власти самого боярина, ибо у нихъ въ рукахъ были всевозможныя средства направлять, ставить по-своему всякое его распоряженіе, измѣнять направленіе всякой его мысли и намѣренія въ отношеніи особенно такихъ вотчинныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшивалась личная ихъ корысть и выгода, личное доброжелательство или ненависть къ кому-либо изъ управляемыхъ. Здѣсь всякому дѣлу давался тотъ или другой надобный, приказный свѣтъ, въ которомъ бояринъ, по естественной причинѣ, и долженъ былъ видѣть это дѣло.

Само собою разумѣется, что управленіе московскимъ приказомъ, т.-е. центральное управленіе всѣми вотчинами бояринъ поручалъ людямъ во всѣхъ дѣлахъ опытнымъ, и вполнѣ надежнымъ, въ соблюденіи выгодъ и всякихъ прибылей помѣщика. Поэтому московскіе прикащики въ нѣкоторомъ отношеніи состав-

ляли какъ бы правительственную думу боярина, мимо которой едвали проходило хотя одно дѣло; а множество дѣлъ обычныхъ рядовыхъ, невыходившихъ изъ повседневнаго порядка, они рѣшали по большей части собственною властью, согласно общему наказу, какой непремѣнно существовалъ и для нихъ, какъ и для всѣхъ вотчинныхъ прикащиковъ.

Приказный порядокъ дѣлопроизводства и въ домашнемъ вотчинномъ хозяйствѣ существовалъ такой же, какой былъ искони заведенъ въ приказахъ всего государства. Челобитныя, прикащичьи отписки и донесенія, присылаемыя сыскныя дѣла, допросныя рѣчи, читались передъ бояриномъ или передъ главнымъ прикащикомъ. Челобитныя точно также *подписывались*, т.-е. полагалась на нихъ резолюція, и затѣмъ куда и кому слѣдуетъ давалась грамота. Подпись эта заключалась въ слѣдующей формѣ: годъ, мѣсяцъ и число, по сей челобитной пожаловалъ Борисъ Ивановичъ, указалъ исполнить то-то, и о томъ дать грамоту. Или: приказалъ челобитную подписать и грамоту отпустить Иванъ Лунинъ (первый приказный человѣкъ боярскаго дома, т.-е. главный управляющій). Если дѣло рѣшалъ одинъ прикащикъ, то на челобитной подписывалось: приказалъ Иванъ Лунинъ велѣлъ дать грамоту, чтобъ исполнено было такъ-то. Въ грамотѣ, начинавшейся словами: отъ Бориса Ивановича въ мою такую-то вотчину человѣку моему такому то, прописывалось прежде и все содержаніе челобитья или прикащичьей отписки, по поводу которыхъ давалось рѣшеніе или указъ, и которые вслѣдъ затѣмъ начинались словами: и какъ къ тебѣ ся моя грамота придетъ и тебѣ бъ велѣть исполнить — то-то. Челобитныя и отписки на имя боярина вполнѣ, можно сказать, испещрялись словомъ *государь*, которое ставилось всюду, гдѣ только малѣйшій случай позволялъ дѣлать обращеніе къ лицу помѣщика. Отъ этого рѣчь непомѣрно растягивалась, а съ нею растягивался до темноты и самый ея смыслъ, требовавшій даже особаго пріема въ чтеніи. Точно также въ отношеніи къ своей личности челобитчикъ испещрялъ свою рѣчь словомъ *холопъ*, если онъ былъ *человѣкъ*, т.-е. *дворовый*, или словомъ *сирота*, если онъ былъ крестьянинъ и вообще земецъ. Примѣры того и другого видимъ въ излагаемой здѣсь перепискѣ боярина съ прикащиками и крестьянами.

Въ сношеніяхъ младшихъ прикащиковъ съ старшими употреблялась обычная въ то время форма писемъ: «Государю моему Степану Никитичу Васька Гнѣздовъ челомъ бью или челомъ бьетъ. Или: государю моему милостивому Степану Никитичу искатель государь твоей милости Тимошка Желобовской челомъ бьетъ. Буди государь здравъ на многія лѣта со всѣмъ сво-

имъ благодатнымъ домомъ, а про меня государь мой пожалуешь Степанъ Никитичъ изволишь вѣдать, и я (тамъ-то) марта по 29 день далъ Богъ живъ. Да пожаловать бы тебѣ государь Степанъ Никитичъ доложить государя нашего Бориса Ивановича....» и тебѣ-бъ государь пожаловать Степанъ Никитичъ о томъ доложить, а ко мнѣ пожаловать о томъ отписать....» и въ концѣ письма; «а я тебѣ государю своему многомилостивому челомъ бью.... или: «потомъ тебѣ государю своему много челомъ бью».

Въ отзывахъ о бояринѣ прикащики не всегда употребляли при его имени слово государь, а писывали иногда только его имя и отчество или же просто: бояринъ, доложить боярина, бить челомъ боярину и т. п. Адресы писались тоже довольно просто; на имя самого боярина: государю Борису Ивановичу; на имя своей братьи прикащиковъ: государю моему Степану Никитичу.

Пользуясь своею властью и великою силою изъ чернаго дѣлать бѣлое, домовый приказъ боярина очень часто ставилъ мѣстную власть вотчинныхъ прикащиковъ въ ничто передъ какимъ-нибудь озорникомъ крестьяниномъ, который, какъ ловкій пройдоха, успѣвалъ закупить центральную вотчинную власть въ Москвѣ. Видимо, что всякій промышленникъ въ сутяжническихъ дѣлахъ всегда находилъ въ Москвѣ твердую точку опоры для своихъ операцій. Это обстоятельство отчасти раскрываетъ московскій прикащикъ въ своей отпискѣ къ боярину, 1651-го г. дек. 2-го. Послѣ обычнаго начала, что въ вотчинѣ въ селѣ Лысковѣ и въ приселкахъ и въ деревняхъ, по это число далъ Богъ здорово, прикащикъ объясняетъ: «писано отъ тебя государя, ко мнѣ, холопу твоему, что билъ челомъ тебѣ крестьянинъ с. Лыскова, Иванъ Никитинъ, чтобъ мнѣ его ни въ чемъ не вѣдать, а вѣдать его Поздѣю Внукову, мурашкинскому прикащику, а мнѣ ему Ивану никакой налоги не чинить, а того ко мнѣ не писано, какая ему отъ меня налога». Обозначивъ это дѣйствіе боярскаго приказа, освобождавшаго надобнаго крестьянина отъ непосредственной мѣстной власти, разумѣется вслѣдствіе подкупа и для своихъ видовъ и цѣлей, лысковскій прикащикъ разсказывалъ дальше, въ чемъ именно заключалась его налога на него: какъ этотъ крестьянинъ убѣжалъ отъ мірского счета въ артельномъ промыслу съ его товарищами; какъ онъ, вмѣсто уплаты долга 130 р. по такому же счету крестьянской вдовѣ Квасниковой, поклепалъ ее въ чемъ-то и тѣмъ еще изубыточилъ ее на судѣ больше, чѣмъ на 20 р.; что онъ же по наученью Богдана Мишевскаго (двороваго приказнаго) взвелъ какое-то дѣло на отца этой вдовы, вѣроятно очень богатой, и сдѣлалъ ей

убытку больше 200 руб. «А подѣлился съ нимъ, присовокупляетъ прикащикъ, Иванъ Лунинъ (главный управитель); не вѣдаю, государь, на Степана Киселева (его товарища), а впрямь тебѣ государю пишу, что Иванъ Лунинъ подѣлился. Покойникъ Семенъ Безобразовъ (вѣроятно умершій управитель) взялъ тоже съ нее рублей съ 50, и онъ съ собою не взялъ ни рубля, всѣ остались. А Ивану Лунину (тоже) вѣсть отъ Бога есть, трясется; а и по се число не устанетъ посулу имать. Кто, государь, ни уйдетъ въ Москвѣ, убойство смертное учиня, или церковь оскверня, или бездумство — толькобъ ему добиться до Ивана Лунина, тотъ сталъ и добрый человѣкъ!» Прикащикъ продолжаетъ свои извѣты: «Пишутъ ко мнѣ отъ тебя, государя, что крестьянинъ Овдокимко Оксентьевъ захребетникъ, а онъ оброчный бобыль, оброкъ тебѣ платитъ немалый, а не захребетникъ» (т.-е. безоброчникъ). Далѣе: «живетъ у тебя, государя, цѣлый годъ Ивашко Копыловъ, и онъ за тобою ни во крестьянахъ, ни въ бобыляхъ и въ захребетникахъ не живалъ; какъ и село Лысково стало быть за тобою государемъ, онъ ни деньги тебѣ не давывалъ; только отъ него нашей братьѣ корысть: да онъ же не правымъ судомъ (отъ Ив. Лунина) крестьянина разорилъ и изъ двора выжилъ. Кто, государь, у тебя живетъ во крестьянахъ или въ бобыляхъ, того пишутъ въ захребетники, а кто за тобою не живалъ ни въ крестьянахъ, ни въ захребетникахъ и тебѣ отъ него ни по деньги нѣтъ, того пишутъ крестьяниномъ. Скопяся, государь, хотятъ отъ твоей милости меня отогнать». Такова откровенная характеристика отношеній московскаго боярскаго приказа и къ мѣстнымъ прикащикамъ, и къ крестьянамъ, и ко всѣмъ вотчиннымъ дѣламъ. Посулъ, взятка, продажа играли существенную роль въ этихъ отношеніяхъ; все можно было сдѣлать и все передѣлать, лишь бы добраться до главнаго управителя, который могъ даже, подъ предлогомъ налога, освобождать крестьянина совсѣмъ изъ-подъ мѣстной власти и приписывать его подъ власть другой вотчины, отстоявшей не близко. Посулъ господствовалъ, разумѣется, по той причинѣ, что самъ бояринъ, какъ и все тогдашнее общество и само государство смотрѣли на эту статью властныхъ отношеній какъ бы сквозь пальцы и преслѣдовали и наказывали взятку лишь въ такихъ случаяхъ, когда она явно продавала *государское*, т.-е. государево или помѣщичье дѣло, но были довольно холодны къ ея дѣйствіямъ, когда она продавала народное дѣло, т.-е. дѣло всякой подвластной и подчиненной личности, убытки, разореніе которой не были убытками и разореніемъ чего-либо государскаго.

Въ одной изъ вотчинъ Морозова былъ, напр., такой случай.

Послѣ морового повѣтрія, въ 1655-мъ г., когда въ боярскихъ вотчинахъ много крестьянъ вымерло, приказный человѣкъ села Сергача Онтипа старой *окладывалъ* всѣхъ крестьянъ вотчины въ новое тягло и одного крестьянина ни въ какое тягло не положилъ, взявши съ него за то посулу 5 руб. Когда же пріѣхалъ главный управитель, Иванъ Лунинъ и сталъ, должно быть, повѣрять тягла, то прикащикъ и на этого крестьянина положилъ *осминникъ* (восьмую долю выти, около 2 десятинъ), а денегъ посулу не возвратилъ. Года черезъ три, въ 1659-мъ г., крестьянинъ билъ челомъ Морозову, чтобъ прикащикъ деньги отдалъ. Поставили ихъ на очную ставку. Прикащикъ сказалъ, что не онъ окладывалъ, а главный управитель и посулу онъ не бралъ, тѣмъ его крестьянинъ клеплетъ. Истецъ объяснилъ, что онъ отдалъ деньги только ему одинъ на одинъ. Тогда истецъ и отвѣтчикъ имались за вѣру, т.-е.. пошли къ присягѣ, и истцовъ искъ отвѣтчикъ, прикащикъ Онтипа, взялъ себѣ на душу, т.-е. присягнулъ, что посулу не бралъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Зная очень хорошо алчность своихъ управителей и ихъ коренной обычай дѣлать крестьянамъ всякую тѣсноту, дабы вымогать у нихъ взятки, бояринъ принужденъ былъ въ иныхъ случаяхъ или останавливать чрезвычайное прикащичье усердіе, особенно въ отношеніи поборовъ, или давать своимъ приказамъ до наивности точный смыслъ. Напр., приказывалъ онъ, 28-го іюня 1660-го г., орѣхи съ крестьянъ сбирать лѣтомъ, какъ орѣхи поспѣютъ, а не зимою, какъ имъ ядеръ взять не гдѣ. Въ томъ же году бояринъ узналъ, что въ арзамазской вотчинѣ въ селѣ Богородскомъ, новый прикащикъ выбираетъ съ крестьянъ старый заемный хлѣбъ, розданный имъ въ займы прежними прикащиками, и такъ выбираетъ, что мало и не весь выбралъ; а крестьяне были гораздо скудны и былъ къ тому же хлѣбный недородъ. Бояринъ тотчасъ остановилъ прикащичье усердіе, не велѣлъ хлѣба собирать до нови, да и собранный отдать назадъ, которые отъ бѣдна бѣдны, чтобъ тѣмъ крестьянъ не изогнать, «потому что нынѣ хлѣбъ дорогой, прибавлялъ бояринъ, и тебѣ было нынѣшній годъ хлѣба и погодить всего выбирать».

Прицѣпки, вымогательство, самоуправство бывали дѣломъ самымъ обычнымъ въ вотчинномъ управленіи, и конечно, еслибы не крестьянскій міръ, который въ подобныхъ случаяхъ являлся все-таки значительною силою, то порабощенію людей не было бы конца. Крестьянскій міръ всегда вставалъ на защиту притѣсненнаго, и несмотря на свою безправность, всегда по крайней мѣрѣ унималъ расходившагося прикащика. Случилось, что крестьянинъ взялъ въ селѣ откупъ на квасъ и заручился въ Москвѣ у бо-

ярина грамотою. Вѣрно прикащику не полюбилось, что дѣло прошло мимо его рукъ. Посмѣялся онъ крестьянину, сказавъ: хорошъ ли квасъ — по пятамъ пошелъ, да потомъ и началъ его бить батогами, вырвалъ боярскую грамоту, отчего и печать сломалась; грозилъ убить откупщика до смерти. Міръ вступился, сталъ бить челомъ, уговаривать, чтобъ не билъ напрасно. Дошло дѣло до боярина и прикащикъ объяснилъ, что билъ откупщика за то, что тотъ подалъ боярскую грамоту, распечатанную, и списалъ съ нея списокъ (копію). Бояринъ на это ничего не отвѣтилъ.

Когда прикащикъ сильно насѣдалъ на богатыхъ крестьянъ, то тѣ обыкновенно выпрашивали у боярина грамоту — указъ о переводѣ ихъ подъ вѣдомство и въ подсудность другого прикащика. Такъ, извѣстный крестьянинъ села Лыскова Онтропъ Левонтьевъ, пожаловавшись на своего прикащика въ обидахъ, былъ переведенъ всею семьею и съ дѣтьми подъ вѣдомство мурашкинскаго прикащика, которому бояринъ приказалъ судъ и расправу надъ Онтропомъ чинить даже и съ лысковскими крестьянами, о присылкѣ коихъ на судъ прикащикъ мурашкинскій могъ прямо посылать въ Лысково своего пристава, или писать о томъ къ тамошнему прикащику, лишенному такимъ образомъ права судить съ Онтропомъ подчиненныхъ себѣ крестьянъ.

Такъ выгораживали себя отъ обидъ люди богатые, которые имѣли средства подкупать съ этой цѣлью приказныхъ московскаго боярскаго двора, ибо тамъ только и возможно было получить опору и поддержку въ борьбѣ съ своимъ ближайшимъ начальствомъ. Но за то крестьяне бѣдные, неимѣвшіе такихъ достатковъ, чтобъ заводить дружбу съ московскимъ приказомъ, оставались всегда въ полной волѣ, или въ полномъ произволѣ мѣстной власти. Это особенно и было замѣтно именно въ дѣлахъ судебныхъ.

Судъ надъ вотчинными крестьянами, какъ видѣли, вполнѣ принадлежалъ самому вотчиннику, и за его отсутствіемъ его намѣстнику-прикащику, который, хотя безъ старосты и выборныхъ судить не могъ, однако власть его, какъ главнаго судьи, была очень сильна и рѣшительна. Вотчинный судъ нерѣдко доводилъ людей и до пытки, которая назначалась, впрочемъ, только по указу самого помѣщика и происходила точно такъ, какъ она велась въ общихъ государевыхъ судахъ. Но самоволіе и самовластіе прикащика иногда ставило людей на пытку и безъ помѣщичьяго указа. Въ 1659-мъ г. Арзамазской вотчины села Екшени крестьянинъ Иванъ Безукладный поклепалъ жену своего односельца воровскою рухлядью (пожитками). Прикащикъ села

Воинъ Мишевскій началъ розыскъ: «ту женишку пыталъ и кнутомъ билъ, взвѣся; и ударовъ было со сто и робенка изъ нея вымучилъ; ничего не допытался; да сверхъ тоѣ пытки и огнемъ хотѣлъ жечь. И міромъ, государь, вступилися, писалъ ея мужъ въ челобитной къ боярину; при мірѣ стали спрашивать его истца Ивана. Иванъ тотчасъ повинился; сказалъ, что поклепалъ напрасно, по побранкѣ; сказалъ при выборныхъ и цѣловальникахъ и при всемъ мірѣ. А что женишка моя выкинула, то извѣстно священнику, какъ молитву давалъ, и сороковую онъ же давалъ молитву. А мнѣ сиротѣ твоему отъ тоѣ налоги Ивановы невозможно стало жить, въ конецъ погибаю отъ того Ивана. Видя мое безпомочство и простоту, умилосердися государь Борисъ Ивановичъ, дай свой праведный сыскъ, чтобъ мнѣ въ конецъ не погинуть». Это челобитье дошло до боярина уже на другой годъ, въ мартѣ 1660-го г. Поставили прикащика съ крестьяниномъ на очную ставку въ московскомъ боярскомъ приказѣ передъ однимъ изъ главныхъ управителей, Степаномъ Киселевымъ. Прикащикъ сказалъ, что жену его пыталъ, билъ кнутомъ по извѣту Ивашки Безукладнаго, что послѣ этотъ Ивашко съ нее сговорилъ, что она тому дѣлу не виновата и за то, за напрасный поклепъ ему было наказанье; а за безчестье Ивашко далъ женѣ полтину. Бояринъ рѣшилъ за увѣчье взять на немъ еще полтора рубли и отдать мужу. Тѣмъ дѣло и окончилось. Былъ ли наказанъ прикащикъ за самоволіе, неизвѣстно.

Боярскому вотчинному суду и пыткѣ подвластны бывали не одни его крѣпостные крестьяне, но даже и люди церковные, напр. дьячки. Въ 1660-мъ г., села Лыскова приселка Красной Липы одна замужняя крестьянка пришла къ церковному дьячку ночью въ баню невѣдомо для чего. Дьячекъ, заставъ ее въ своей банѣ и розболокши, билъ плетью, а она послѣ того въ третій день умерла, и синева побойные на ней знатные были. Узнавши объ этомъ, бояринъ писалъ къ прикащику: «тебѣ бъ его дьячка распросить и сыскать накрѣпко, по какому онъ умыслу ее убилъ, и для чего къ нему приходила, для какого воровства и не для-ль блуднаго грѣха, или онъ ее убилъ по старой по какой недружбѣ; а будетъ доведется, и тебѣ-бъ его и пытать въ убойствѣ, кто ему указалъ крестьянъ моихъ побивать; а повинится — посадить въ тюрьму, а распросныя и пыточныя рѣчи прислать ко мнѣ». Все это было исполнено, и дьячекъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Разобравъ потомъ дѣло, бояринъ приказалъ выпустить его, отдавъ на поруки, и взять на немъ рубль, а буде не скуденъ, ино взять и два рубли и тѣ деньги отдать по церквамъ на сорокоусты, велѣть ту женку поминать. Но непомѣрно жестокая боярская гроза падала на того изъ вотчинныхъ крестьянъ,

кто чѣмъ-либо оскорблялъ особу самого боярина. Въ 1650-мъ г., въ селѣ Мурашкинѣ въ кабакѣ бобыль Миронка Ивановъ Щека сказалъ про боярина какое-то невѣжливое бранное слово. Объ этомъ тотчасъ извѣстили прикащику площадной дьячекъ того-же села и нѣсколько крестьянъ. Прикащикъ записалъ ихъ извѣтныя слова, закрѣпилъ ихъ же рукоприкладствомъ и отослалъ къ боярину съ нарочнымъ, а крестьянина посадилъ въ тюрьму. Сидя въ тюрьмѣ, и крестьянинъ съ своей стороны послалъ къ боярину челобитье. «Въ нынѣшнемъ, государь, 1650-мъ г. іюля 11, пилъ я сирота твой въ селѣ Мурашкинѣ на твоемъ государевѣ кабакѣ, — писалъ онъ боярину, — и напився пьянъ, говорилъ я небылыя скаредныя и бранныя слова про тебя, государя. И я сирота твой въ томъ тебѣ государю виноватъ. И я сирота твой до твоего государева указу за свою я страдничью вину посаженъ въ тюрьму. Умилосердися государь Борисъ Ивановичъ, пожалуй меня сироту своего, вели меня изъ тюрьмы свободна учинить, не вели голодною смертію уморить. А въ моей страдничьей винѣ воленъ ты государь. Государь Борисъ Ивановичъ смилуйся пожалуй!» Челобитье крестьянину написалъ тамошній дьячекъ и руку вмѣсто его приложилъ. Но когда пришли извѣтныя сказки отъ прикащика, разгнѣванный бояринъ отвѣчалъ: «Тѣ сказки передо мною чтены..... И тебѣ бъ того вора Миронка бить кнутомъ безъ пощады (зачеркнуто: передъ всѣмъ міромъ, чтобъ то видѣли всѣ), чтобъ инымъ воровать, незабытныхъ словъ говорить было неповадно; и бивъ его Миронка кинуть въ тюрьму и державъ его въ тюрьмѣ небольшое время, какъ кожа подживетъ и вынявъ, велѣть въ другорядь бить кнутомъ же безъ пощады (зачеркнуто: передо всѣмъ же міромъ), чтобъ ему плуту, вору впредь воровать и незабытныхъ словъ говорить было неповадно. И бивъ его Миронка (зачеркн.: безъ пощады) кинуть опять въ тюрьму (зачеркнуто: годы на два или на три). А въ заводѣ его распросить накрѣпко, а будетъ не скажетъ, ино его и пытать, не отъ заводу-ль онъ какова такія рѣчи говорилъ (зачеркн.: и нѣтъ ли съ нимъ кого въ думѣ) и не научалъ ли его кто и не думалъ ли онъ съ кѣмъ?»

Несчастный Миронка въ распросѣ съ пытки винился въ томъ же, что невѣжливыя слова говорилъ на кабакѣ пьянски, что никого съ нимъ въ думѣ не было, говорилъ своею глупостію хмѣлемъ пьянски. Однакожъ указанное наказанье все-таки было исполнено. Бояринъ видимо очень былъ озабоченъ этимъ происшествіемъ и не зналъ, что дѣлать; велѣлъ-было Миронку привезть къ себѣ въ Москву съ женою и съ дѣтьми и со всѣми животы, а потомъ опять рѣшилъ держать его на мѣстѣ въ тюрьмѣ до своего указу. Это было уже декабря 16-го.

Такими способами вотчинники, да и всякая власть заставляли молчать подвластную себѣ среду, какъ скоро она касалась какихъ-либо нескромныхъ или вообще смѣлыхъ сужденій о предержащемъ начальствѣ. Этотъ случай, вмѣстѣ съ приводимыми выше постоянными приказами и угрозами бить виновныхъ батогами, служитъ вообще свидѣтельствомъ, съ какою строгостью бояринъ относился къ своимъ крѣпостнымъ. Тогда это было дѣломъ обычнымъ, утвержденнымъ по Домострою даже словами апостола, и Морозовъ въ отношеніи такой строгости не только не былъ какимъ-либо рѣзкимъ одиночнымъ исключеніемъ изъ общаго правила, а напротивъ прославлялся еще, особенно послѣ перваго московскаго бунта, благодѣтелемъ народа; стало быть и сказанныя его строгости были дѣломъ рядовымъ, обыкновеннымъ, вовсе незамѣтнымъ въ общемъ ходѣ тогдашнихъ житейскихъ крѣпостныхъ порядковъ. Должно полагать, что особенно строгое управленіе больше всего и чаще всего испытывали дворовые, которыхъ одна уже многочисленность, не говоря объ инстинктахъ праздности и тунеядства, требовала для своего устройства строгаго порядка. Неизвѣстно, какіе именно порядки заведены были во дворѣ Морозова, у котораго во время его похода съ царемъ въ польскую войну, когда въ Москвѣ былъ къ тому же моръ, оставалось во дворѣ 362 человѣка, слѣд. число непремѣнно меньшее даже на половину противъ того, сколько жило при бояринѣ постоянно. Для такого дворового полка необходима была команда правильная, т.-е. по тогдашнимъ понятіямъ, строгая до жестокости при неизмѣнномъ употребленіи батоговъ. О томъ, какъ на самомъ дѣлѣ велось управленіе домомъ и дворовыми, мы имѣемъ любопытныя свидѣтельства уже отъ позднѣйшаго времени, спустя ровно сто лѣтъ послѣ Морозова, именно 1763 — 1765 годовъ. Но столѣтіе въ этомъ случаѣ, какъ и часто бываетъ въ исторіи, является однимъ днемъ и только на одинъ день отдѣляетъ эту новую для Руси эпоху отъ эпохи Морозова; такъ эти свидѣтельства еще родственны XVII-му вѣку. Мы говоримъ о любопытномъ помѣщичьемъ журналѣ домового управленія, гдѣ записывались всякіе домовые приказы вотчинника съ его собственною *заручкою*, какъ онъ выражается, т.-е. подписью для закрѣпленія подъ каждымъ приказомъ, своего имени и фамиліи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такіе журналы или особыя книги боярскихъ приказаній и распоряженій въ XVII-мъ ст. существовали въ каждомъ большомъ и зажиточномъ боярскомъ домѣ, ибо безъ нихъ едвали возможно было устроить въ порядкѣ широкое домоправленіе. XVIII-й вѣкъ по крѣпостнымъ отношеніямъ былъ лишь полнымъ и послушнымъ наслѣдникомъ XVII-го

вѣка и жилъ на тѣхъ же крѣпостныхъ корняхъ, а потому едвали могъ придумать по этому предмету что-либо новое.

Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ достопамятныхъ записокъ: «№ 407. Нашимъ людемъ Алексѣю Крысину за незбираніе кушать на столъ, Матвѣю Павлову за отхожденіе изъ горницы во время дpraneванья своего, не давать имъ указнаго [1]) всего по недѣлѣ; а ежели по сему вычтено не будетъ, то у кого сей нашъ журналъ, того сѣчь (плетьми) на дровняхъ, давая по сту ударовъ нещадно. Полученъ (приказъ) сент. 17 числа 1763 года». (Такія отмѣтки о времени полученія приказа слѣдуютъ противъ каждой статьи).—№ 408. Нашимъ человѣкомъ Егоромъ Хваталовымъ, пьянымъ, ѣздя, потеряно сѣдло людское верховое, которому цѣна 4 р., узда ременная цѣна 60 к., тесакъ безъ портупеи цѣна рубль, потникъ 70 к., всего по цѣнѣ потеряно на 6 р. на 30 к., которые вычесть у него изъ положеннаго ему жалованья, въ первую дачу; а что изъ онаго жалованья вычетомъ не станетъ, то вычесть изъ мѣсечены и изъ столоваго запасу и изъ указнаго по цѣнѣ безъ упущенія; а ежели по сему вычтено не будетъ, то у кого сей нашъ журналъ, того сѣчь на дровняхъ, давая по сту ударовъ нещадно.—№ 410. Нашему человѣку Ивану Владимірову нами приказано было, чтобъ окорока свиные оба сдѣлать на буженину съ чеснокомъ, а онъ одинъ сдѣлалъ съ чеснокомъ, другой съ лукомъ, а нами велѣно лопатку сь лукомъ сдѣлать, и онъ приказу нашего не исполнилъ, за что вычесть у него въ будущей 764 годъ изъ положеннаго жалованья рубль; а ежели по сему исполнено и вычтено не будетъ (слѣдуетъ приказъ о ста ударахъ плетьми, для журналиста, повторяемый для угрозы послѣ каждой статьи журнала).—№ 417. Впредь, ежели кто изъ людей нашихъ высѣчетца плетьми на дровняхъ, дано будетъ сто ударовъ, а розгами дано будетъ семнадцать тысячъ (sic), таковымъ болѣе одной недѣли лежать не давать; а которымъ дано будетъ плетьми по полусотнѣ, а розгами по десяти тысячъ (sic), таковымъ болѣе полунедѣли лежать не давать же; а кто сверхъ того пролежитъ болѣе, за тѣ дни не давать имъ всего хлѣба, столоваго запасу и указнаго всего же; да изъ жалованья, что на тѣ дни причтетца вычитать безъ упущенія; и нынѣ, сколько Николай Кинешенцевъ да Дмитрій Ѳедоровъ отъ наказанія плетьми пролежитъ сверхъ недѣли, за тѣ дни вычесть у нихъ положенную мѣсячину да столовый запасъ да изъ жалованья, что причтетца вычесть же безъ упущенія; а ежели и пр. — № 418. Натальѣ Киселевой за худое

[1]) *Указнымъ* называлась мясная провизія, выдаваемая дворовымъ, понедѣльно или по мѣсячно, сверхъ положенія по указу боярина.

мытье нашихъ сорочекъ не давать Рожественской мясоѣдъ весь указнаго всего, а ежели и пр.—№ 420. У конюха Дмитрія Ѳедорова за лежаніе имъ отъ наказанія лишнихъ семь дней, ибо надлежало лежать только одну недѣлю, а онъ лежалъ двѣ недѣли, и за одну недѣлю то-есть за семь дней вычесть у него изъ мѣсячины муки ржаной 4 гарнца, крупъ гречневыхъ полгарнца, солоду четверть гарнца, конопель осьмую долю гарнца указнаго 3 ф. съ половиною, сверхъ того, что ему за пьянство давать онаго указнаго не велѣно годъ; да изъ жалованья вычесть за онуую же недѣлю, сверхъ того, что за пьянство же вычесть велѣно рубль, еще вычесть 8 к. и ежели и пр. (Другой наказанный плетьми Кинешенцевъ пролежалъ 18 дней, и у него по тому же разсчету вычтено за 11 дней).—№ 434. Дворовымъ нашимъ людямъ, которые имѣются въ Москвѣ отпущенные на оброкъ и въ наукѣ, чтобъ конечно всѣ по воскреснымъ днямъ въ нашемъ домѣ явились, а ежели который хотя одинъ день явкою пропуститъ, таковыхъ сѣчь розгами, давая за каждый пропускъ по тысячи (sic) разъ нещадно.—№ 441. Въ московскомъ нашемъ домѣ стоять на часахъ по очереди нашимъ людямъ, какъ лакеямъ, конюхамъ, такъ и поварамъ и прочимъ, окромѣ Ивана Порываева да Ивана Волкова и дядьки Никиты Ѳедорова, всѣмъ безъ отходно всегда конечно, а ежели кто стоять не будетъ, то таковыхъ сѣчь на дровняхъ, давая по сту ударовъ, нещадно.—№ 446. Впредь всегда нашимъ людямъ говѣть, раздѣляя постъ поровну, и людемъ также раздѣляться поровну жъ всѣмъ, а не такъ, какъ въ нынѣшнемъ 764 году, не раздѣлясь поровну, и больше половины людей говѣли на послѣдней недѣлѣ; за что не давать тѣмъ, которымъ велѣно на пятой недѣлѣ говѣть, указнаго по двѣ недѣли всего, сверхъ того, кому за прочія вины давать не велѣно. А говѣть и причащаться всѣхъ принуждать всякой годъ безъ пропуску. А ежели кто которой годъ не будетъ говѣть, того плетьми, а которые не причастятся, тѣхъ сѣчь розгами, давая по пяти тысячъ (sic) разъ, нещадно; а ежели по сему исполнено не будетъ, то у кого сей нашъ журналъ, того сѣчь на дровняхъ, давая по сту ударовъ, нещадно.—№ 452. Сего году іюня 2 числа потребны были для гостей на столъ заѣдки и надлежало Прасковьѣ Никитиной требовать у насъ отъ ящика ключи зарапье, когда мы почивать не ложились, однако она требованіемъ ихъ пропустила; а какъ мы легли почивать, то она стала требовать ключи и насъ тѣмъ безпокоила, за что вычесть у ней въ будущей 765 годъ изъ положеннаго ей жалованья рубль; а ежели и пр.—№ 465. Дѣвкѣ Дарьѣ Степановой за худое топленіе кабинета нашего, что подлѣ спальни, не давать въ рожественской мясоѣдъ указнаго всего семь дней

скоромныхъ.—№ 468. Впредь Ѳеклу Яковлеву именемъ и отечествомъ не звать никому, а звать ее всѣмъ трусихой и лживицей; а ежели кто именемъ и отечествомъ назоветъ, того сѣчь розгами, давая по пяти тысячъ (sic) разъ нещадно. — № 472. Ѳеклѣ Яковлевой за отхожденіе изъ кабинета во время нашего почиванья не давать указнаго всего семь дней скоромныхъ.— № 477. Ключницѣ Домнѣ Фроловой за подаваніе намъ худыхъ сливокъ не давать хлѣба семь дней.—№ 489. Впредь писать по всѣмъ нашимъ вотчинамъ во всякомъ приказѣ безъ пропуску, чтобъ нашимъ людямъ, лакеямъ, писарямъ, конюхамъ, поварамъ и никому денегъ ни полушки не давали, на что и не сбирать съ крестьянъ никогда; а кто захочетъ изъ выборныхъ давать, то давать имъ свои позволяется, а мірскихъ не давать никогда; а кто будетъ давать мірскія, тѣхъ сѣчь на дровняхъ, давая по сту ударовъ, нещадно.—№ 500. Лакеевъ, имѣющихся у насъ ученыхъ грамотѣ пробовать всѣхъ, по одному лакею въ день, какъ кто пишетъ и читаетъ свое письмо и печатное въ книгахъ, и ежели который худо пишетъ и читаетъ, таковыхъ учить писать и читать свое письмо и печатное хорошенько, конечно.—№ 510. Впредь, ежели когда во время ѣзды нашей въ гости не положится въ карманъ гребенка, да для чищенья платья не возмется щетка, то того, кто насъ будетъ одѣвать, да дневальнаго лакея сѣчь розгами, давая по пяти тысячъ (sic) разъ нещадно.....»

Относительно содержанія дворовыхъ, у боярина Морозова имъ было привольно. Они усердно уничтожали собираемые бояриномъ съ крестьянъ разные столовые запасы и обиходы, самая большая часть которыхъ и собиралась, главнымъ образомъ, для ихъ же прокормленія. Лучшимъ людямъ, въ спискѣ которыхъ первое мѣсто занималъ *батька* церковный и между прочими двое нищихъ *леженокъ* и дьячекъ, выдавалось, кромѣ хлѣба, на мѣсяцъ *вологи* въ зимнее время мужу съ женою свиныхъ мясъ по полупуду, куръ мерзлыхъ по полупуду, или по 5 курицъ на недѣлю; на масляницу, кромѣ рыбы, по 5 ф. масла коровья, по 50 яицъ; въ осеннее время по три гряды капусты и на двѣ недѣли по барану, по 6 ф. ветчины. Затѣмъ, выдавалось на мѣсяцъ по четверику крупъ, толокна, солоду, по получетверику гороху и сѣмени конопляннаго и т. п. Холостымъ всего этого выдавалось въ половину. Это количество вологи или мясныхъ и другихъ подобныхъ припасовъ, разумѣется, не могло быть всегда одинаковымъ и зависѣло отъ обилія привоза ихъ изъ вотчинъ; поэтому такія статьи корма назначались къ выдачѣ всегда по особому боярскому указу, отчего и назывались указными.

Таковы были порядки, обычаи и нравы стариннаго вотчиннаго хозяйства и вотчиннаго управленія. Всѣ они держались, развивались и оправдывались древнѣйшимъ правомъ пришедшей къ намъ дружины, правомъ кормленія «землею» за свою службу той же «землѣ». Десять вѣковъ это право существовало почти въ томъ же самомъ видѣ, какъ оно устроилось въ первый вѣкъ. Измѣненія происходили въ нѣкоторыхъ его формахъ, въ именахъ, но въ существѣ своихъ отношеній къ землѣ оно оставалось тоже. Оно было первою причиною закрѣпощенія всѣхъ людей этой земли.... Но поработивъ людей, сравнявши ихъ по значенію съ простыми продуктами самаго кормленія, такъ что и людей можно было продавать, какъ эти продукты, какъ эти столовые запасы и обиходы, свиныя мяса и т. п., оно, въ силу такихъ воззрѣній на крестьянство, конечно, ни разу, въ теченіи десяти вѣковъ, не могло озаботиться правильнымъ устройствомъ его быта.... Оно знало и понимало только одно: кормиться насчетъ земца и потому постоянно его разоряло, не давало ему ни на минуту опомниться, придти въ себя отъ тяжкой работы своего тягла, отъ счетовъ и разсчетовъ по уплатѣ податей и всякихъ поборовъ. Ясно, что устроиться само собою, улучшить свой бытъ крестьянство не было въ состояніи,—это дѣло было въ рукахъ «властителей и судей». Въ первые вѣка, конечно, некому, да и невозможно было думать объ устройствѣ сельской общины, ибо неустроена была еще и самая географія страны; земля еще распадалась на мелкія части, постоянно измѣнявшія свой видъ, свою обширность; она еще не была собственностью народа въ политическомъ смыслѣ, а была собственностью разныхъ княжескихъ родовъ-кормленщиковъ. Но мало думали о такомъ устройствѣ и въ послѣдующіе вѣка, когда образовалось московское государство, а потомъ и европейская имперія. Даже цивилизованные по-нѣмецки и по-французски вотчинники XVIII-го вѣка, преданные на словахъ просвѣщенію и образованности, на дѣлѣ очень бережно и строго придерживались порядковъ древняго тіунства и смотрѣли на крестьянскую среду тіунскими же глазами, почитая ее только средствомъ для своего кормленія и вовсе не заботясь, какъ она тамъ себѣ переживаетъ свои дни. Вотъ почему и въ вотчинныхъ распорядкахъ боярина Морозова, перваго сановника въ государствѣ, наклоннаго къ заимствованію всякаго добра (впрочемъ, только личнаго) тоже отъ Запада Европы, мы не встрѣчаемъ даже и мысли о томъ, чтобы улучшить бытъ хотя бы своихъ крестьянъ какими-либо общими мѣрами, т.-е. поднять крестьянина грамотностью, ремесломъ, не для личныхъ цѣлей вотчинника, а для самого крестьянина. Мы

видѣли, что бояринъ заводилъ поташные и желѣзные заводы, очень хлопоталъ о томъ, чтобы обучить этому производству смышленыхъ крестьянъ, сулилъ за то обѣлить выучениковъ, т.-е. дать имъ вольную; но все это онъ дѣлалъ лишь для своихъ личныхъ выгодъ и прибытковъ, и крестьяне очень хорошо это видѣли и понимали и только по неволѣ шли въ ученье, ибо знали, что выученика ожидаетъ только новая боярская налога, новое уже ученое тягло. Ни вполнѣ русскому по обычаямъ боярину XVII-го вѣка, ни полуфранцузскому боярину XVIII-го вѣка не приходило въ голову сдѣлать для своихъ обширныхъ, иногда почти неизмѣримыхъ, вотчинъ, правиломъ, что подлѣ сельской церкви или подлѣ боярскаго двора необходимо и неизмѣнно должна существовать и крестьянская школа, грамотная и ремесленная. Не только не приходило этого въ голову, но, напротивъ, бояре, какъ и всякія другія власти, всегда боялись народнаго образованія, какъ предмета вовсе несвойственнаго крестьянской крѣпостной средѣ, даже какъ предмета бунтового, который могъ только разрушить и совсѣмъ упразднить ихъ древнее право кормленія. Конечно, съ своей точки зрѣнія они были вполнѣ справедливы въ этомъ своемъ крѣпостномъ мнѣніи о значеніи образованія, ибо образованіе, ни въ какомъ случаѣ, не потерпѣло бы подлѣ себя дикихъ учрежденій, свойственныхъ лишь первымъ, младенческимъ вѣкамъ народной исторіи. Вѣрные своему мнѣнію, они не только не старались распространять въ народѣ образованіе, но всегда старались всѣми мѣрами затормозить его ходъ, какъ скоро, наперекоръ ихъ желаніямъ, сама государственная жизнь давала этому ходу требуемое движеніе.

Такимъ образомъ, если зарождавшееся государство, вынужденное силою вещей налечь на земца всею тягостью своего кормленія, нисколько не помышляя о его гражданскомъ устройствѣ и развитіи, нисколько не сознавая въ этомъ своей обязанности, все-таки поступало въ глазахъ исторіи съ достаточными основаніями справедливости, то укрѣпившееся государство, получившее доступъ къ европейской образованности и вмѣстѣ съ тѣмъ усилившее еще въ бо́льшей степени тяжесть кормленія землею, поступало уже со всѣхъ сторонъ несправедливо и неблагодарно къ земцу-кормителю, оставляя его трудовой бытъ все въ томъ же темномъ порядкѣ, относительно образованія и развитія, въ какомъ онъ вышелъ за сотни лѣтъ передъ тѣмъ на сцену исторіи.

Ив. Забѣлинъ.

ЕГОРКА-ПАСТУХЪ

ПОВѢСТЬ.

I.

Встрѣча въ лѣсу.

Былъ осенній вечеръ. Невдалекѣ отъ села Лебедкина, на опушкѣ лѣса сидѣлъ красивый парень, лѣтъ 22-хъ, въ худомъ старенькомъ армякѣ, въ низенькой шляпѣ, украшенной лентами. Онъ вилъ кнутъ, напѣвая пѣсню и посматривая на табунъ барскихъ лошадей, пасшихся въ глубинѣ лѣса; подлѣ него лежалъ мѣшочекъ съ хлѣбомъ, горсть пеньки съ прядями конскихъ волосъ и новый, недоконченный лапоть.

Солнце уже закатилось. Изрѣдка моросилъ дождь; на верхушки деревъ съ рѣзкимъ щебетомъ взлетали дрозды; на пасѣкѣ за оврагомъ, тянувшимся посреди лѣса, громко лаяла собака. Парень окончилъ свою работу, снялъ кафтанъ и, положивъ кнутъ на плечо, началъ обходить табунъ. Вдругъ изъ-за оврага показалась крестьянская дѣвушка въ красномъ платкѣ, въ набойчатомъ холстинномъ сарафанѣ и босикомъ. Зорко оглянувшись кругомъ, парень подошелъ къ дѣвушкѣ.

— Ты кого ищешь? Спросилъ онъ.

— Я такъ... за грибами...

— Теперь темно... не найдешь грибовъ...

— Ну, я такъ похожу...

— Ты чья? изъ какого дома?

— Изъ Губарева... Воробьевская...

— А! это что на молотилкѣ подаетъ, говорилъ парень, идя рядомъ съ дѣвушкой:—что жъ онъ твой отецъ?

— Отецъ.

— Я и тебя словно видалъ.... Что жъ, вы хлѣбъ-то весь свозили?

— Не знаю... тамъ возятъ...

— Ты, небойсь, уморилась, ходевши... пойдемъ—посидимъ...

— И—и! что ты!

— Да что жъ? Ничего!

— Тебѣ пора лошадей гнать.

— Ничего! если бы подлѣ села,—тамъ управитель, али самъ баринъ увидалъ бы; а тутъ одинъ солдатъ на пасѣкѣ...

Лошади, почуявъ время домой, подняли головы и начали ржать. Пастухъ громко хлопнулъ кнутомъ, и табунъ, фыркая, началъ опять щипать траву.

— Садись вотъ сюда—на кафтанъ. Парень и дѣвушка сѣли.—А я вотъ тутъ одинъ стерегу... дали было малаго, да онъ только верхомъ разъѣзжаетъ на лошадяхъ... совсѣмъ мнѣ не нуженъ...

— Тебѣ бы вдвоемъ веселѣй: бываетъ какая забѣжитъ въ хлѣбъ, тебѣ не справиться...

— Экая ты! одному лучше... ты не знаешь... Вотъ мы съ тобой теперь вдвоемъ... А кабы малый-то былъ, намъ бы не пришлось посидѣть...

— Да что-жъ я сижу-то? улыбаясь, проговорила дѣвушка: развѣ отъ этого какая...

— Да нѣтъ... все-таки... А что-бъ ты ко мнѣ почаще ходила? вдругъ спросилъ парень.

— Зачѣмъ же я буду ходить?

— Да такъ... можетъ спознались бы — а можетъ, я и женился бы на тебѣ...

— Нѣтъ! тебѣ жениться не придется на мнѣ... я ужъ пропита!

— Когда пропита? кому пропита?

— Еще прошлый Микитій — Краюхинымъ...

— Знаю Краюхиныхъ... ужъ не за Ваньку ли?

— За него...

— Вотъ оказія-то!..

— Да я бы вовсе не хотѣла... Знамо дѣло, все батюшка съ матушкой... Они тамъ—приставили свѣчку къ образу, помолились, выпили штофъ... а наше дѣло дѣвичье, вѣстимо: только смотри на нихъ...

— Ты бы сказала, что не пойду! Вѣдь женихъ твоего ногтя не стоитъ...

— Эхма! Отецъ съ матерью боемъ убьютъ! скажутъ исхар-

чились: тоже десятую пили за меня подъ телегой, на ярмаркѣ. Сватъ-то скажетъ, все выворoти... заплати! а намъ гдѣ жъ взять? Мы ужъ весь дворъ сожгли... Лебеда была, соломки-то нѣтъ, топить-то нечѣмъ... Къ воротамъ маленько дворъ похожъ на дворъ, а сзади нѣтъ ничего...

— Слышь! какъ тебя зовутъ?

— Прасковья. А тебя какъ?

— Былъ Егоръ. Вотъ что! выходи за меня замужъ! Я нá вѣкъ буду у барина служить. Намъ съ тобой ни дома не надо, ничего не надо!. Будемъ лошадей стеречь... А на жалованье я тебѣ куплю паневу и платокъ и полушубокъ... мы зимой будемъ жить въ господской избѣ... нанимаютъ же кухарку, ты будешь варить щи намъ... А лѣтомъ мы съ тобой вотъ тутъ... ты будешь неводъ вязать, а я лапти плесть..? Ты знаешь, я самъ изъ бѣднаго дома... ты думаешь, какъ бы богаты были, развѣ пошелъ бы лошадей стеречь?...

— Вѣдь пропита-то я!.. батюшка съ матушкой ну-ко будутъ бить... они у Краюхиныхъ взяли двѣ четверти ржи... отдать нечѣмъ, а какъ меня отдадутъ, сватъ-то можетъ проститъ...

— За рожь я заплачу! подхватилъ парень: я по три целковыхъ получаю, значитъ два мѣсяца только послужить... Это ничего!.. Парень молчалъ: ну что же, будешь отказываться отъ Краюхиныхъ?..

— Съ чего жъ... задумчиво произнесла дѣвушка: у тебя отецъ съ матерью есть?

— Матери нѣту... одинъ отецъ... онъ камни въ горѣ копаетъ... одинъ живетъ... мазанка у насъ небольшая есть... почесть вся завалилась...

— А ну-ко я останусь въ дѣвкахъ?

— Экая ты! развѣ я съ тобой смѣюсь?.. ты скажи прямо, пойдешь за меня, аль нѣтъ?.. любъ я тебѣ, аль нѣтъ?

— Неужлижъ?.. не съ Ванькой смѣнить...

— Тебѣ за нимъ пропадать надо!.. гдѣ жъ тебѣ сжиться съ нимъ?.. онъ словно блажной... а ты какъ маковъ цвѣтъ...

— За него и Ганька не пошла Андрюшина... Еремины тоже отказались... дѣвки ни къ себѣ уперлись...

— Что жъ? Уприсъ и ты...

— Бѣднота-то одолѣла! Ты не повѣришь, мы всю зиму лебеду ѣли... и той не было: покупали да за заработки брали у барина... Дѣвушка вздохнула. — Вишь, у тебя дома-то нѣтъ... наши не отдадутъ!.. Чѣмъ же ты будешь играть свадьбу-то?.. вѣдь надо попу три целковыхъ заплатить... а тамъ вина купить...

— Экая!... Попъ нашъ добрый!.. вонъ его двѣ лошади ходятъ въ табунѣ. Я у него взялъ полтора цалковыхъ, я ему отдамъ назадъ...

— Что жъ только-то?

— Да что намъ расходъ? Намъ вся сила перевѣнчаться... а это пить-то... пускай кто хочетъ, тотъ и пьетъ...

Въ это время лошади захрапѣли и столпились въ кучу: на опушкѣ лѣса показались два волка. Парень схватилъ кафтанъ и направился къ табуну.

— Постой, постой! закричала дѣвушка: я съ тобой...

— Не робѣй!.. они вонъ пошли... кабы тутъ овцы, а съ лошадью гдѣ же ему справиться? Они завсегда въ эту пору выходятъ... мнѣ уже не въ первой...

— Ахъ, грѣхи тяжкіе! вымолвила дѣвушка.

— Я верхомъ не сяду... иди подлѣ меня. Я до гумна тебя провожу, а тамъ ты пойдешь себѣ...

Парень замоталъ веревку на шею лошади, которая была привязана къ дереву и повелъ ее въ поводу. Табунъ устремился по направленію къ селу черезъ оврагъ.

— Ну, такъ слышь, говорилъ пастухъ при прощаніи, я нонѣ же пойду къ своему отцу... ты будь на своемъ словѣ вѣрна... а ужъ я свое дѣло сдѣлаю...

Парень сѣлъ на лошадь, гикнулъ и скрылся за барскимъ гумномъ.

II.

Отецъ и сынъ.

Поздно вечеромъ пастухъ стучался въ окно мазанки, стоявшей на краю деревни Чернолѣсокъ, которая раздѣлялась отъ села Лебедкина небольшой рѣчкой. Ночь была свѣтлая; единственное окно мазанки ярко блестѣло противъ мѣсяца.

— Отвори, батя!

Въ избѣ закряхтѣлъ старикъ.

— Ты что?

— Да такъ пришолъ... рубаху смѣнить.

— Зажечь-то нечего, отпирая дверь, говорилъ старикъ.

— На что? авось мѣсяцъ...

— Ты поужиналъ?

— Неужели жъ не ѣвши приду... ты самъ-то небойсь дня три не ѣлъ...

— И то парень, сказалъ старикъ, садясь около печки и по-

чесываясь: намѣсь цалковый-то ты принесъ, два пуда купилъ, увсе вышло... Кажись, одинъ живу...

— Одинъ! подхватилъ сынъ, закуривая трубку въ переднемъ углу: вѣдь у тебя хлебова нѣтъ, и кашки-то не бывало... ѣшь одинъ хлѣбъ,—вотъ оно и скоро выходитъ...

— И чудно, братецъ ты мой,—проговорилъ старикъ: какъ это скоро выходитъ! Кабы скотина была, животъ бы не болѣлъ; а то нѣтъ ни поросенка, нѣтъ ни ягненка...

— Ты что нонѣ работалъ? спросилъ сынъ.

— Работа одна: все камни копаю; нонѣ чуть глиной не придавило... Анадысь вотъ случай-то, я тебѣ разскажу: пришелъ я къ ямѣ, а въ ней сидятъ два волченка... хотѣлъ я ихъ пыймать, въ городъ отнесть, да подумалъ: волчица житья не дастъ... она запахъ чуетъ... такъ и не трогалъ: гидай ихъ голова!.. Вотъ солюшки нѣтъ, горе мнѣ... бѣда, да и только...

— Тутъ не про соль дѣло! я къ тебѣ пришелъ маленько погутарить...

— Объ чемъ? говори! аль тебѣ плохо жить?...

— Оно жить-то мнѣ покуля ничего! Да вотъ ребятъ-то все женятъ... а ты меня не женишь...

— Эхъ, Егорушка, воскликнулъ старикъ: кабы ты зналъ, какъ моя душенька болитъ объ тебѣ... ты думаешь, я самъ не смѣкаю... я у горѣ-то копаю, копаю, а все объ тебѣ думаю... Люди запиваютъ... Вонъ намѣсь Терехины Успленій пили... а я пошелъ на ярмарку лычекъ купить, иду мимо-то, — они гуляютъ... Я и вздумалъ объ тебѣ... Вотъ кабы мочь была, я бъ не хуже людей разгулялся...

— Не тужи, батя... ты смотри.

— Что намъ съ тобой смотрѣть? Намъ кабы Господь послалъ по смерть хлѣбъ-соль,—и слава Богу...

— Эко, батя... хлѣбъ-соль — хлѣбомъ-солью, а дѣло само собою. Вотъ насъ съ тобой двое; ты меня не билъ никогда, жили мы съ тобой ладно... Надо правду сказать: — полюбилась мнѣ дѣвка...

— Гдѣ же это?

— Воробьевская... знаешь, у Губаревыхъ...

— Какъ не знать! Эхъ, братецъ ты мой: голь на голь— что-жъ выйдетъ.

— Оно голь-то голь, батя! а вѣдь мы съ тобой съ голоду не помираемъ... авось Господь! И ты живешь, и я живу... Вонъ нонѣ всю зиму лебеду ѣли, а живы остались... Будемъ оба съ женою работать, — наймемся куда... а ты посмотри у работникахъ: каши не впроворотъ... ѣда хорошая... а что жъ намъ еще

надо? Мнѣ дѣвку жалко... Ее пропили, за Ваньку Косорылова... а дѣвка-то какая!

— Такъ-то такъ, Егорушка, Краюхины люди богатые, а намъ-то съ чѣмъ свадьбу сыграть? вѣдь у насъ, куда ни кинь вездѣ клинъ, нѣтъ ничего!.. вонъ путо нашолъ, другой годъ имъ подпоясываюсь... а кафтанишко — въ добрые люди и показаться нельзя... да ужъ и старъ сталъ... хорошо теперь копаю, все что-нибудь выработаешь... да хорошо какъ глиной пришибетъ? а ну-ко нѣтъ?.. я и сяду на твои руки?.. а ты бѣденъ, хозяйка еще бѣднѣй...

— Эхъ, батя! дай пожить мнѣ-то! все у насъ будетъ... я буду служить старательно, попрошу управителя, онъ прибавитъ жалованье и тебя куда-нибудь возьметъ—лѣсъ что-ль караулить... авось какъ-нибудь проживемъ... жена будетъ помогать...

— Оно вѣстимо такъ, ободряясь продолжалъ старикъ: чтожъ? лѣсъ караулить—это бы ничто!.. А вѣдь я ломомъ-то долблю, долблю,—рукъ не подымешь;—придешь домой, ляжешь на печку, поясника такъ и ломитъ... Какъ же это намъ быть-то?

— Да ты ужъ не хлопочи; я оборудую дѣло... только слухайся меня: ступай ты завтра къ Губаревымъ свататься; наперва приходи ко мнѣ въ лѣсъ, я ранехочко у прикащика выпрошу пару цалковыхъ... Ты купи вина и ступай запивай за меня... потому, я тебѣ сказываю, дѣвкѣ идти не хочется за Косорылова... мы съ ней устрѣлись въ лѣсу... она за грибами ходила... Дѣвка, одно слово, смиренная... супротивъ этой дѣвки весь свѣтъ выходи,—не найдешь... Что жъ я буду такъ жить? Ты помрешь, кто меня женитъ? И запить некому будетъ...

— Оно ничего... Что-жъ, когда такое дѣло?.. вотъ маленько у меня не докопано до саженя... десятскій пріѣзжалъ, кричалъ, кричалъ...

— Авось докопаешь! Ступай, да и разъ! тамъ ужъ запой былъ... отдадутъ за Ваньку — дѣвка пропала... а она мнѣ говорила, что со всѣмъ согласьемъ... дѣло насчетъ, значитъ, родителевъ...

— Вотъ что, малый: куда жъ мы ее приведемъ-то?

— Толкуй тамъ, куда приведемъ... а у нихъ-то что? одни ворота... двора-то нѣту... весь сожгли...

— Стало быть, вы промежъ себя будете жить?

— А то что же! Я не во дворъ ее веду, а будемъ жить по людямъ и ладно...

— Это такъ... доставая тавлинку, замѣтилъ старикъ: ну, что жъ... пожалуй...

— Вотъ что, батя: однова дыхнуть, жени меня на Парашѣ.. дюже будетъ хорошо!.. Ну, я пойду... завтра поранѣ вставай...

— Эхъ, Егорушка, говорилъ старикъ, провожая сына, я бъ тебя на комъ хошь женилъ, мочи-то не хватаетъ...

III.

Попытка.

Рано утромъ Ефимъ, такъ звали отца пастуха, зашелъ къ сыну въ лѣсъ, взялъ деньги и отправился въ деревню Воробьевку, до которой считалось отъ Лебедкина не болѣе двухъ верстъ. На пути въ кабакѣ, стоявшемъ на большой дорогѣ, онъ купилъ водки, бѣлаго хлѣба и середку ветчины.

Ефимъ вошелъ въ домъ невѣсты, сложивъ провизію въ сѣнцахъ.

— Что, хозяинъ дома? спросилъ онъ, помолившись образамъ.

— Тебѣ что надо? спросила хозяйка?

— Да я такъ пришелъ: мнѣ повидаться надо.

— Тебѣ насчетъ чего же надо-то?

— Да такъ! поговорить насчетъ одного дѣла.

— Ты откудова?

— Чернолѣскій.

Вскорѣ вошолъ хозяинъ.

— Добраго здоровья! сказалъ онъ: тебѣ что надо?

— Тутъ... насчетъ своего дѣла...

— Объ чемъ же?

— Да насчетъ, примѣру, дѣвки...

— Какой дѣвки?

— Силичъ, твоей.

— Моя пропита!

— Мало что есть! вотъ мы поглядимъ, какъ дѣло пойдетъ...

Ефимъ отправился въ сѣни, принесъ оттуда провизію и, становя ее на столъ, проговорилъ:

— Тутъ вотъ что!..

— Да это мы видали виду-то,—возразилъ хозяинъ, съ пренебреженіемъ глядя на закуску: у насъ не такіе бывали: и яблокъ принесутъ и арбузовъ... что твоей душѣ угодно... Только намъ теперь не до этого... я ужъ готовлюсь къ свадьбѣ: вонъ и ржицы на солодъ приготовилъ; бражку затѣваемъ...

— Эхъ, братъ! воскликнулъ Ефимъ, развязывая провизію: любъ-нелюбъ—повидался...

— Да что, братъ ты мой, повидался... у насъ ужъ два года дружелюбіе идё съ Краюхиными...

— Опоздалъ, батюшка, опоздалъ! заговорила хозяйка, становя чугунъ въ печку: мы ужъ никакъ больше году съ Краюхиными знаемся... и дары ужъ отдали...

— Мало что отдали! сказалъ Ефимъ: хлѣбъ-соль во снѣ хорошо, а на яву еще лучше...

— Ну такъ что же, братъ ты мой? сказалъ хозяинъ, садясь за столъ: въ чемъ же у насъ будетъ дѣло? ты чей, откулева?

— Да я — Чернолѣскій... Ефимъ... А у меня малый есть Егорка, знаешь, въ Лебедкинѣ у барина лошадей стережетъ...

— Знаю, знаю... Такъ что жъ, значитъ, кудаже это вы мою Параньку хочете взять? вѣдь я домъ-то вашъ знаю: мой хорошъ, а вашъ еще ловчѣй!..

— Э! братецъ ты мой любезный! держа въ рукахъ штофъ, заговорилъ Ефимъ: и черезъ золото слезы льются, я слыхалъ... Я вѣдь не въ домъ беру, а просто за Егорку: человѣкъ дорогъ!.. Парень тебѣ извѣстный: вокругъ васъ другой годъ живетъ...

— Живетъ-то, живетъ... нуко садись за столъ: тамъ видно будетъ... что съ тобой дѣлать—Подноси... ну, пей самъ.

— Дурья голова! завопила хозяйка на мужа, что у тебя горло-то, какъ бёрда! что хошь пройдетъ... И радъ, родимецъ те растяни, что вина принесли... а забылъ, что дѣвка давно пропита...

— Э! гость на гость, хозяину радость... во всемъ воля Божія!.. вотъ Еремины опили можетъ быть десятерыхъ... а намъ по бѣдности только другой пришелся...

— Я не къ чему что, держа передъ хозяиномъ стаканъ, говорилъ Ефимъ: не знаю, какъ имя, отчество...

— Былъ Кузьма, сказалъ хозяинъ и обратился къ женѣ: ты бы посмотрѣла на улицѣ, да хлудомъ дверь-то заперла... неравно сваты придутъ... Краюхинъ нонѣ Паранкѣ говорилъ... То-то, стало быть, баба дура!

Хозяйка заперла дверь и возвратилась въ избу.

— Садись, сватъ! продолжалъ хозяинъ, — обращаясь къ Ефиму: мы по-просту... мы народъ бѣдный... Аксинья! порѣжь ветчинки то...

— Я самъ, малый, бѣдный, не разсказывать тебѣ, объяснилъ Ефимъ, присаживаясь на конникъ: у вашего же барина

камни копаю... Только вотъ что я тебѣ скажу... Нѣтъ! давай выпьемъ по другой... Просимъ покорно!

— Отрѣжь ребрышко, сказалъ хозяинъ женѣ.

— Вся для васъ! указывая на ветчину, объявилъ Ефимъ: дѣло, видишь, какое: лежу я на печкѣ, Егорка приходитъ мой и пересказалъ мнѣ, что твоя дѣвка больно полюбилась ему...

Въ это время вошла Параша съ коромысломъ, увѣшаннымъ рубахами.

— Здорово живете! сказала она гостю, проходя къ печкѣ.

— Здравствуй, касатка! проговорилъ Ефимъ, глядя на дѣвушку: стало быть твоя дочка? спросилъ онъ хозяина.

— Моя...

— Ну, я и говорю, продолжалъ Ефимъ: куда жъ намъ, говорю?.. не сыграть намъ свадьбы... а онъ вонъ какъ: «у меня управляющій ни почемъ! Взялъ пару целковыхъ, ступай, говоритъ, запивай! Вотъ тебѣ вино, вотъ тебѣ и середка...» Удалой парень зародился...

— Знамо! что говорить? сказалъ хозяинъ, по душѣ на что лучше! Только какъ же, сватъ? гдѣ же мы свадьбу-то играть будемъ.

— Матушка! шептала за перегородкой дѣвушка своей матери: это пастуховъ отецъ?

— Онъ...

— Я видала парня-то... онъ малый хорошій... я за него съ радостью пойду!

— Погоди ты, дѣвка, дай послушать, что говорятъ.

— Да, вишь, онъ хитрый какой, продолжалъ Ефимъ: беру, говоритъ, не въ домъ, а себѣ...

— Значитъ по людямъ? спросилъ хозяинъ: а мы-то гдѣ-жъ при старости будемъ?

Ефимъ замялся, взялъ въ руки штофъ и проговорилъ:

— Вѣдь это и такъ сказать, это дѣло его! лишь было бъ согласіе!.. вѣдь не намъ съ тобой жить... Нуко, сватенекъ, давай еще по одной...

Въ это время на улицѣ раздался стукъ въ дверь... «Отпирай, сватъ»! кричало нѣсколько голосовъ...

— Я тебѣ говорилъ! воскликнулъ хозяинъ, сердито смотря на жену: это что? Бѣги, посмотри!..

— Ахъ, провалъ тебя возьми; они, и то они!.. объявила хозяйка, входя изъ сѣней въ избу...

— Ну слухай, сватъ, сказалъ хозяинъ Ефиму: ты сядь поди къ печкѣ... кабысь насчетъ колесъ пришолъ... Аксинья! прибе-

рай! поставъ посуду-то на полку... возьми середку... поправъ скатерть...

— Это кто же? боязливо спросилъ Ефимъ, отправляясь къ печкѣ...

— Экой ты, братецъ ты мой! Сваты...

— Что ты врешь?

— А ты какъ думаешь объ Параньвѣ? За ней бяда что народу!

— Батюшка! объявила дѣвушка, подходя къ столу: ты меня лучше не отдавай за Ваньку... вотъ тебѣ Христосъ, не пойду за него! За Егора—пойду!..

— Ну, ну! знать не учена давно?

— Ты забыла, подхватила мать, что у отца съ матерью на гумнѣ-то?.. кладушка одна...

Параша ушла за перегородку и сѣла на кровать.

Между тѣмъ Ефимъ, сидя у печки, разсуждалъ самъ съ собою:

— Вотъ оно, значитъ, молодо зелено... Послухалъ Егорку—и наткнулся... Ну, да чтожъ?.. я ни въ чемъ не повиненъ... плохого ничего не сдѣлалъ...

IV.

Сваты.

Толпа мужиковъ и нѣсколько бабъ, держа въ рукахъ жбаны съ виномъ, ковриги хлѣба, пироги, завернутую въ скатерть баранину, стояли на крыльцѣ. Хозяинъ безъ шапки встрѣтилъ гостей, умильно говоря:

— Добро пожаловать, добро пожаловать....

— Мы маленько припоздали, сватъ, заговорилъ самъ Краюхинъ, одѣтый въ дубленый полушубокъ: за виномъ долго проѣздили: въ городъ посылали.... я хотѣлъ тебѣ удружить.

— Ну, благодаримъ на этомъ, сказалъ хозяинъ.

Мужики вошли въ избу, помолившись Богу, снова поздоровались и начали раскладывать свои припасы на столѣ.

— Это чей-же у васъ такой? спросилъ Краюхинъ, кивая на Ефима.

— Да Чернолѣскій.... пришолъ-было передки поторговать.... Человѣкъ тоже бѣдный....

— Что жъ? замѣтилъ Краюхинъ: не замай.... Ну, что жъ,

сватики, обратился Краюхинъ къ хозяевамъ: стало быть съ Богомъ! пора помолиться въ послѣдній разъ....

— Что жъ? плаксиво сказалъ хозяинъ: давай Богъ часъ! Аксинья! вздуй огоньку, зажги свѣчку...

— Слава Богу! продолжалъ Краюхинъ: попили винца вдоволь.... дѣло сладили....

Хозяйка приставила къ образу свѣчку и всѣ начали молиться въ землю, приговаривая: «Христосъ Господь, Божія Матушка!... Самъ Миколай угодникъ и всѣ родители....»

— Просимъ покорно! сватъ! что жъ не садишься? мы пришли тебя угощать.... И ты, сватьюшка.... двигайся, двигайся дальше....

— Мнѣ-было некогда, проговорила хозяйка: ну, я сяду поближе: придется подать....

— Чего тутъ подать? у насъ все тутъ есть. Дядя Евлампій! развязывай! Крой пироги-то....

Краюхинъ, стоя передъ столомъ, расчистилъ свои усы, потеръ пальцами по животу, встряхнулъ волосами и взялъ въ руки штофъ.

— Просимъ покорно!...

— Пей, сватъ, самъ, сказалъ хозяинъ: что въ рукахъ, то въ устахъ....

— Ну, стало быть, будьте здоровы....

Остатки капель Краюхинъ брызнулъ въ потолокъ, постучалъ опрокинутымъ стаканомъ себѣ по головѣ и объявилъ: «вотъ такъ чтобы наши молодые попрыгивали....»

— Пошли Господи!

— Его святая воля!

— Помоги Богъ, что задумали, загадали...

— Авось невѣста идетъ не куда-нибудь, а въ богатый домъ....

— Мы ее не обидимъ! сказалъ Краюхинъ: у насъ и такъ бабъ мало.... работой неволить не будемъ.... была бъ только почетчица....

— Своимъ добромъ хвалиться грѣхъ, замѣтилъ хозяинъ, доставая кусокъ баранины: а мы за ней плохого не замѣчали....

— Дастъ Богъ, заживемъ знатно...

— И женихъ — малый смирный....

— Я тебѣ, сватъ, по истинной правдѣ скажу, объявилъ Краюхинъ: вотъ ему 18 лѣтъ, я отъ него вотъ чего не видалъ.... просто красная дѣвка....

— Маленько лицомъ не вышелъ, замѣтила хозяйка: ну да стерпится слюбится.... Народъ болтаетъ, что онъ какой-то блажной....

— Это я тебѣ скажу природа такая! воскликнула мать жениха: на ёмъ должно была младенская....

— Да и насчетъ работы ничего.... подхватилъ Краюхинъ: вотъ за водой все онъ ѣздитъ.... это ужъ работа за нимъ.... Ну, маленько не досмыслитъ чего, знамо, парень молодой.... мы сами молоди были.... Вонъ ноньче умные-то понадѣли красныя рубахи, пояса съ мохрами, лосные картузы — словно господа. А нашему брату за господами не угоняться....

— Да что говорить! возразилъ одинъ старикъ: эти умные избаловались на отдѣлку: пустились въ воровство, да въ пьянство.... Иной сошникъ, али курицу стащитъ съ перемета — все въ кабакъ.... Прежде ихъ сѣкли въ конторѣ, а теперь сѣчь-то некому.... Надысь мнѣ кумъ Игнатъ разсказывалъ: чей-то лебедкинскій малый пропилъ въ кабакѣ кошку — за мѣсто пѣтуха....

— Что ты врешь? раздались голоса.

— Истинная правда: къ примѣру, посадилъ ее въ мѣшокъ, и пустилъ подъ печку — къ цаловальнику. Вотъ они умные-то!...

— Ахъ, домовой-те расшиби! удивлялись мужики, покатываясь со смѣху....

— Сватъ! пора по другой! сказалъ Краюхинъ: видно не за тѣмъ принесена, чтобы ей стоять....

— Съ чего жъ? давай....

Между тѣмъ хозяйка достала изъ-запазухи красный платокъ и, подавая его Краюхину, сказала: «вотъ, сватокъ, женишку»....

— Благодаримъ покорно! сказалъ Краюхинъ и спряталъ подарокъ въ карманъ.

— А что, дядя Иванъ, бесѣдовали мужики: извозъ маленько посдался....

— Знамо дѣло, народъ таперь отработался, ѣздока стало много. Я вотъ другой годъ смотрю и колесъ не сталъ шиновать. У господъ земли много: намѣсь мы вдвоемъ у енарала целковыхъ двадцать сгладили у три дни.... А то поѣдешь въ извозъ, гдѣ колесо, гдѣ лошадь оставишь, съ однимъ кнутикомъ и придешь....

— Нонѣ, что говорить! народъ поправится.... Господь хлѣбушка зародилъ...

— Эхма! сказалъ хозяинъ: у людей — вонъ скирды, а у меня одна кладушка въ семь копенъ.... вотъ и живи цѣлый годъ.... у свата двѣ четверти занялъ, а чѣмъ отдать?...

— Слухай, сватъ! заговорилъ Краюхинъ: когда такое дѣло, вотъ тебѣ при свидѣтеляхъ говорю: рожь твоя! я не гонюсь! у насъ покелева слава Богу! молодка заработаетъ....

— Ну, благодаримъ....

— Мы другъ объ другѣ, а Богъ обо всѣхъ!... да что жъ мы пируемъ? воскликнулъ Краюхинъ: а гдѣ-жъ дѣвка-то?...

Всѣ примолкли, ожидая появленія невѣсты.

— Ну, что, сватъ! проговорилъ хозяинъ: не трогай!... не ея дѣло....

Изъ-за перегородки вышла Параша.

— Какъ же не мое дѣло? заговорила она, ставъ среди избы и сдвинувъ брови на отца: съ Ванькой-то мнѣ жить, — а не вамъ.... онъ распустилъ губы-то, вы что-ль ихъ будете цаловать?...

— Стой, что ты, что ты!... вставая изъ-за стола, заговорила мать.

— Паранька! закричалъ отецъ: съ чего это ты вздумала? въ кои вѣка... ахъ, Господи-Христосъ....

— Какъ вы хотите, продолжала дѣвушка: а я не пойду.... Хоть опейтесь до смерти! а мнѣ не быть за Ванькой....

— Вотъ таэ и разъ! возопила хозяйка: кой же родимецъ те научилъ?...

— Супротивъ родителевъ итить, подхватилъ хозяинъ: мы пили, пили.... стало быть, года два харчились... а ты все дѣло хочешь попортить....

— Вы пили, меня не спрашивались!... рѣшительно сказала дѣвушка: жить-то мнѣ!... Я сказала, за Ваньку не пойду — такъ не пойду....

— Да что жъ это такое? воскликнула мать: лихоманка тебя убей....

— Слушай, красавица! обратился къ дѣвушкѣ Краюхинъ: теперь, къ примѣру, это дѣло мнѣ стоитъ 25 цалковыхъ.... да двѣ четверти ржи, ты слышала? это я должонъ выворотить все! такъ вотъ что: у твоего отца всего имѣнія не хватитъ — и съ тобой совсѣмъ....

— Мнѣ имѣнія не надо! объявила Параша: съ голоду не помру!... Я вамъ сказываю: не быть этому дѣлу!... Я готова душеньку отдать за того, кто мнѣ любъ-то.... пускай я съ голоду помру, буду таскаться по чужимъ угламъ.... а то вы что же дѣлаете? только опиваете? а мнѣ не вѣсть за кого идти....

— Постой! Кого жъ тебѣ надо? спросилъ отецъ.

— Вонъ, указывая на Ефима, сказала дѣвушка: запивали за Егора, за него иду!... а то силкóмъ хочутъ отдать....

— Дура несуразная! тамъ нѣтъ ни кола, ни двора, куда ты пойдешь-то?

— Это не ваше дѣло!

— Какъ? воскликнулъ Краюхинъ, — глядя на хозяина: ты, сватенекъ, что же? за другого запивалъ? Ты, что, почтенный, обратился Краюхинъ къ Ефиму: съ запоемъ пришелъ сюда?

— Съ запоемъ, отвѣчалъ Ефимъ: моихъ два цалковыхъ тутъ запито....

— Что ты, что ты, милый человѣкъ, сказала Ефиму хозяйка: у насъ больше году длится дѣло.... къ чему жъ тебѣ? Грѣхъ тебѣ, право слово....

— Вотъ тебѣ два цалковыхъ, доставая деньги закричалъ Краюхинъ: дѣвка моя!

— Анъ не твоя! перебила Параша.

— Погоди красавица! у тебя отецъ, мать есть.

— Отецъ съ матерью въ этомъ дѣлѣ мнѣ не указъ....

— Угодники святые! Что жъ это такое дѣлается?

— Оказія, малый! говорилъ народъ.

— Что жъ? наше дѣло сторона....

— Иди, Параныка! я тебѣ сказываю, иди! кричалъ хозяинъ.

— Не пойду! что хотите со мной дѣлайте.... сказала — не пойду!

— Что жъ это, православные, будетъ? кричалъ Краюхинъ: будьте свидѣтели: я завтра въ судъ....

— За что жъ въ судъ? Самъ видишь, мы уговариваемъ ее....

— Угомонитесь, братцы! мало что дѣвка сказала....

— Завтра же ѣду въ судъ! Нонѣ разсчетъ съ вами коротокъ....

— Ну, въ судъ, такъ въ судъ! ты проси на дѣвку, а не на меня! Что ты съ дѣвкой сотворишь?

— Пойдемъ, малый, тутъ, я вижу, дѣло не приходится....

Вдругъ отворилась дверь, и въ избу вошелъ пастухъ.

— Здравствуйте, добрые люди, сказалъ онъ: что это у васъ такое производится? Батя! обратился онъ къ отцу:—ты что жъ? дѣло дѣлать, такъ дѣлалъ-бы.... а не дѣлать, такъ и ходить не зачѣмъ сюда....

— Ты чей такой — въ чужое дѣло встрявать? возразилъ Краюхинъ.

— Нѣтъ не въ чужое! объявилъ парень: — а въ свое собственное! ты дѣвку-то запилъ, можетъ, годъ назадъ; а мнѣ она раньше твоего запою по сердцу пришла.... Стало быть и оставайся съ своимъ виномъ.... Вотъ бы ты какъ дѣйствовалъ! обратился парень къ отцу: а ты забился въ уголъ....

— Послухай, братъ! сказалъ Краюхинъ: какую ты имѣешь праву встрявать? вѣдь я тебя притяну въ судъ....

— А ты какую праву имѣешь насильно дѣвку брать?

— Послухай, молодецъ; насчетъ запою дѣвки въ законѣ писано.... испоконъ вѣку дѣды-прадѣды наши дѣлали такъ....

— Вотъ что православные! объявилъ парень: шумите, не шумите, весь нà вѣкъ заложусь, а дѣвки не дамъ! вотъ она...: спросите ее!...

— Я пережъ тебя говорила имъ, утирая слезы, сказала дѣвушка.

— Да что съ нимъ толковать? Гоните его! крикнулъ одинъ.

— Слышите, ребята, сказалъ парень: лучше добромъ сойдемся.... А то берегитеся: я не пожалѣю краснаго пѣтуха....

— Прислухайте, добрые люди, что онъ говоритъ.... видь это значитъ разбой!

— А это не разбой, кричалъ парень: — дѣвку нá вѣкъ погубить? За кого это вы вздумали ее отдавать, за шалая? Ему не жениться, ему только фуры подмазывать....

— А ты знаешь, за эти слова вашего брата въ острогъ сажаютъ? объявилъ Краюхинъ.

— Сажай! За правду и въ острогъ сяду!

— Я вижу, братцы, толку никакого не будетъ.... А надо его вязать!

— Ну-ко, парень, иди по добру по здорову, сказалъ хозяинъ: откелева пришолъ.....

— Вяжите его! онъ не можетъ такія слова говорить....

— Ну-ко попробуй! Эко испугался! Сами собрались хуже разбойниковъ, а меня вязать? Ишь, пьяныя рожи! Пойдемъ, батя! ты, я вижу, пить вино только любишь....

— Ребята! надо за старостой сходить!

— Я до царя дойду! кричалъ парень: онъ батюшка всѣхъ ослобонилъ.... Это встарину господа дѣвокъ отдавали за кого хотѣли....

— Да ты кто такой? подступая къ парню, вопилъ Краюхинъ: одинъ кнутъ на плечѣ!

— Сказано слово — не уступлю дѣвку! Какъ вы не гомите! Пастухъ съ отцомъ вышли изъ избы.

— Что жъ ефто такое? говорили мужики: авось у насъ хрящоная вѣра: когда дѣвка супротивъ родителевъ шла?!..

— Это все ты! кричалъ хозяинъ на жену: это твоя дѣль.... избаловала дѣвку....

— Нѣтъ ты! подхватила хозяйка: говорила, погоди пропивать дѣвку; полштофъ, да калачъ принесутъ, а ты и радъ.

— Ну, сватъ, помни! грозилъ Краюхинъ: срамоту завелъ, какъ бы самому не расхлебать.... Я те нà вѣкъ въ работники

вапру.... православные! будьте свидѣтели: я сейчасъ ѣду въ судъ.... меня же опили, меня же хотятъ и поджечь....

— Постой сватъ! Надо говорить по-божьи: развѣ я тебя хотѣлъ поджечь?

— Вотъ грѣхи-то, говорилъ народъ, выходя изъ избы.

V.

Сборы къ мировому.

Кирпичная изба Краюхина, покрытая вприческу, стояла среди деревни, дворовъ черезъ пять отъ дома невѣсты: раскрашенныя ставни, узорчатое крыльцо съ скворечницей, пустые ульи на завалинкахъ, нѣсколько телѣжныхъ станковъ,—все говорило о зажиточности хозяина. Въ сѣняхъ стояло исполинское корыто для свиней, выдолбленное изъ столѣтняго дуба; на стропилахъ и переметахъ висѣли мѣшки съ саломъ, окорока ветчины, дубленыя овчины и пр.

Пришедши въ избу съ женой, Краюхинъ бросилъ шапку на нары и сѣлъ подлѣ стола. Женихъ спалъ на полатяхъ.

— Нѣтъ, я этого дѣла не оставлю! говорилъ хозяинъ, стуча кулакомъ по столу; все имѣніе просужу, а не поддамся.... Нонѣ же поѣду къ мировому....

— Посудись, попытай, возражала хозяйка, благо у тебя скирдовъ много.... Гляди, какъ бы чего хуже не было.... вонъ пастухъ-то грозитъ краснаго пѣтуха подпустить; ты думаешь, онъ своей головой подорожитъ? Бѣды—горе! У него всего имѣнія—кнутъ, а у тебя, можетъ, тысячи.... Чтó ему острогъ? Онъ просидѣлъ свое время и опять вотъ онъ! Охъ! заключила хозяйка, сложивъ руки на груди: избави Царица небесная....

— По-твоему, стало быть, все дѣло бросить? говорилъ Краюхинъ, цалковыхъ на двадцать огрѣли, да срамоты надѣлали—тебѣ этого мало?

— Не проводи съ этими судами поболѣ.... Отыскивая кудельку, замѣтила хозяйка: бываетъ, истратишься, а по-твоему ничего не сдѣлается.... Въ судъ тоже — завяжи въ узелъ, да и ступай туда....

— Стало быть и Ваньку не надо женить. Кто жъ будетъ работать-то? Бабъ вовсе нѣтъ!...

— Женить-то женить, отвѣчала жена: какъ бы грѣха не было: ты вишь, Господь свое строитъ: никакъ третью невѣсту запиваемъ, а все нѣтъ толку: малый самъ того не стóитъ, что пропили.... Кто пойдетъ за него? Ты вишь, совсѣмъ дуракъ.... какая на него польстится?...

Въ отвѣтъ на все это съ палатей раздавалось громкое, беззаботное храпѣнье хозяйскаго сына.

Въ задумчивости, побарабанивъ пальцами по столу, Краюхинъ подошелъ къ палатямъ, дернулъ сына за волосы и сказалъ:

— Эй! тебѣ только спать?

— Чаво? протирая глаза, буркнулъ парень.

— Слѣзай оттуда! крикнулъ отецъ: небойсь, лошадямъ пора давать корму....

Иванъ съ краснымъ, длиннымъ лицомъ, свѣтлорусыми волосами, высунутымъ языкомъ и бѣлыми едва пробивающимися усами, неторопливо подошелъ къ столу; глядя на отца мутными, сѣрыми глазами, онъ проговорилъ:

— Я давалъ....

— На́ вотъ платокъ отъ невѣсты, сказалъ Краюхинъ.

— А! малый.... Это я у кабакѣ на шасту видѣлъ.... съ усмѣшкой разглядывая платокъ, сказалъ Иванъ. Затѣмъ онъ высморкался и сѣлъ на лавку.

— И Господь таэ на насъ навязалъ! проговорила мать, качая головой: покуля мы съ тобой будемъ маяться?

— Бать! а что жъ колоду-то надо вытащить.... сказалъ Иванъ.

— Ахъ ты Господи! говорила хозяйка, глядя на сына: и родимецъ его расшиби — еще спитъ!... кабыдто не до него дѣло....

— Будетъ тебѣ ругаться-то, возразилъ Краюхинъ женѣ: сама, небойсь, родила его.... Чтó ты чешешься, дурила! обратился онъ къ сыну: утри слюни-то.... На васъ на обоихъ-то дрова возить. Слышь, Ванька! Ступай, запрагай бураго.... Тутъ сколько ни сиди, ничего не будетъ....

— Куда это ты? спросила хозяйка.

— Знамо куда! къ мировому! поднимаясь и отыскивая шапку, сказалъ Краюхинъ: сбирайся скорѣй! Навялился малый.... однихъ колесъ что истреплешь....

Между тѣмъ на крыльцѣ у Краюхина собралась толпа мужиковъ, бывшихъ на запоѣ. Тутъ былъ и невѣстинъ отецъ, котораго сваты уговаривали помириться съ Краюхинымъ и «*не заводить лишняго*».

— Петруха! ты куда жъ? толковали мужики....

— Что малый! хочу домой пойти... Ты вишь дѣла-то! весь хмѣль вышибя вонъ!..

— Экой ты чудной! пойдемъ! Чтожъ, пили, пили, такъ и бросить?

— Да что? У него небойсь вино-то изъ глазъ льется? Шутка ли дѣло, колько исхарчилъ... Ну, кабы не Егорка, дѣло пошло бы какъ слѣдуетъ...

— А ты слухай, Кузьма! обратился одинъ къ отцу невѣсты: мы твоей хлѣбомъ-солью довольны... только это дѣло, я тебѣ сказываю, не приходится: дѣввѣ волю давать нельзя!.. тогда и на свѣтѣ не жить....

— Я ужъ ее оттаскалъ на задворкѣ! объявилъ невѣстинъ отецъ: ужъ и каляная, пропади она! Кричитъ: руки наложу!

— Слухай-ко, — это дѣло ничего... А вотъ, Краюхинъ какъ бы не поѣхалъ къ мировому! пріѣдетъ становой... туды, сюды... замотаютъ на отдѣлку!.. Пойдемъ, — авось поуладимъ... Что-жъ хорошаго? Самъ знаешь! вѣдь Егорка пастухъ-бездомовникъ, а тутъ чего изволишь... всего слава Богу! можетъ, птичьяго молока нѣтъ...

Невѣстинъ отецъ бросилъ шапку ҩ-земь и объявилъ:

— Эхъ братцы! и не знаю, куда прикинуться! сокрушила меня эта дѣвка!

Мужики, пораженные родительскимъ отчаяніемъ, заговорили:

— Вотъ она что значитъ дитё-то!

— Эко, братецъ! вѣдь одна утроба-то!

— Что говорить! вспоилъ, вскормилъ; а она вонъ что!..

— Ну, ребята, пойдемъ! Евланъ, иди!..

Мужики вошли въ избу.

— Еще здравствуйте...

— Здравствуйте...

— Слухай Петрей! обратился къ Краюхину одинъ изъ сватовъ: чтожъ это будя? пили, стало быть, пили, а толку все нѣтъ? Мы погуторить къ тебѣ пришли... Захватили съ собой свата Кузьму! Надо чѣмъ-нибудь порѣшить... а то вѣдь уся деревня сбѣжалась на срамоту...

— Я сказалъ слово! объявилъ Краюхинъ, сѣвши опять за столъ: мое слово вѣрное! мы ему покажемъ пѣтуха!..

— Ну, вотъ что: поѣдешь ты въ судъ... протори, да убытки... и больше того пройдетъ! а лучше какъ-нибудь промежъ себя поладимъ, мало что говорится... на брань слово не купится...

— Нѣтъ, я докажу! воскликнулъ Краюхинъ: хаить малаго?.. Ваньку?.. да онъ мало того... онъ всему міру извѣстенъ!.. Кто кóся? кто пáша? кто навозъ вóзя? Вѣдь онъ вотъ — онъ! И стало-быть, дѣвки не стоитъ? Ишь какая хрелина!.. право!..

— Сватъ! сказалъ отецъ невѣсты умоляющимъ голосомъ: вѣдь это дѣло дѣвичье... какъ ты разсуждаешь! Знамо дѣло, народъ молодой, неучъ! Я вотъ сейчасъ лудилъ ее на задворкѣ... ты ушелъ, небойсь, ничего не знаешь... Стало быть, ты не судись, хоша она тебѣ нагрубила сколько-нибудь, ужъ это дѣло я по-

крбю... А то намъ обоимъ будетъ не хорошо!.. Когда я согласился съ тобой, далъ правую руку, я своему слову не измѣню!

— Когда ты далъ слово, подхватилъ Краюхинъ: я всю свою родню созвалъ къ законному дѣлу... честь честью... и никого я не огорчилъ!.. А наконецъ главное дѣло невѣста выходитъ и говоритъ, что тô, что не хочу идти!.. и я теперча остаюсь не причемъ!.. гдѣ жъ ты былъ прежде?..

— Экой ты! я со всѣмъ усердіемъ отдаваю тебѣ! сказалъ Кузьма; а вѣдь это она своей головой выдумала,—что не отецъ во власти, а дочь во власти стала... По-моему, отецъ съ матерью чѣмъ благословитъ, нужно жить! И Господь такъ велитъ... а ежели она нашла себѣ особеннаго, такъ я не зналъ объ этой части...

— Слухайте, ребята, возразилъ высокаго роста мужикъ съ сѣдой бородой: одно слово, вышла у всѣхъ горячка — къ примѣру, чего споконъ вѣку не бывало... Ты, Петрей, охлынь!.. а ты, Кузьма, недюже думай объ своей дѣвкѣ... вотъ какая вещія: — обойдется!.. Я десятую на варкѣ купилъ кобылу, помнишь?.. Насилу поймали! Заорканили, я тебѣ скажу, — того и гляди душенька вонъ изъ ней!.. А деньги всѣ отдалъ! Вотъ таэ передъ Богомъ! (Мужикъ перекрестился). Что-жъ ты думаешь? Кобыла-то какая вышла!.. Самъ знаешь, что-жъ тебѣ толковать? Колько разôвъ въ Москву ѣздила... А ты объ дѣвкѣ толкуешь!.. смотри,—обомнется,—какая баба-то будетъ!..

— Это чтô говорить! подхватилъ одинъ изъ родственниковъ Краюхина: ты знай завсягды: коли дѣвка супротивная,—значитъ будетъ добро!.. А то чтô ступу-то возьмешь? Она ни въ куль, ни въ воду!.. у ней ступень по рублю...

— Это ужъ такъ! замѣтилъ отецъ невѣсты; насчетъ дѣвки не сумлявайся! Ухожу!.. А ужъ насчетъ пастуха—дѣло не мое! Я его и знать не знаю...

— Вѣдь вотъ ты какой алырникъ,—сказалъ Краюхинъ: теперь пьешь, стало быть и съ меня и съ пастухова отца...

— Послухай, Петрей Анисимычъ; мы съ тобой спознались еще съ энтой десятой, ужли-жъ я тебя промѣняю на какого-нибудь межедворника? ты самъ знаешь, вѣдь я его не звалъ къ собѣ въ домъ... Неужели-жъ я какой? Былъ я на задворкѣ, да потомъ въ избу, гляжу, онъ тутъ и есть съ кошолкой... со всѣми припасами... Ну, знамо дѣло, отъ двора отгонять не приходится... Завели мы съ нимъ балы... а тутъ и вы пришли.

Хозяйка подошла къ мужу:

— Петрей! начала она: будетъ тебѣ калякиться! вишь сваты пришли... по добру по здорову... къ какому-то тамъ мировому!

Вѣдь всѣ тутъ въ собраніи: порѣши дѣло, и съ Богомъ! какъ съ сватомъ вы перва́ запили, такъ и нужно сходиться... Ты знаешь пословицу: кто первый бракъ разлучаетъ, тотъ царствія небеснаго не получаетъ!..

— Вотъ что дѣло, такъ дѣло! Заговорили мужики: а то нонѣ тоже и въ судѣ за рубль отдашь пять... Да не бойсь, не прикажутъ дѣвку срамить сколько-нибудь... А вотъ что: ты Кузьма ступай, зови свою хозяйку и дѣвку захвати, да тутъ сообча при всемъ честномъ народѣ и порѣшимъ дѣло...

— Ты ее постегалъ, она, небойсь, опамятовалась... поумнѣла... Говоритъ пословица: не бить, добра не видать!...

— Что вы! закричала хозяйка: развѣ дѣвку къ жениху въ домъ водятъ?.. это отродясь не бывало...

— Ничего, Сергѣвна! толковать еще! Ужъ коли на срамоту пошли—такъ и быть!

— Я ее сюда не поведу, сказалъ Кузьма: а отпытаю отъ ней рѣчи... что̀ она скажетъ?..

Кузьма вышелъ.

— Ничего! обойдется,—успокоивали мужики Краюхина: слѣдовательно чѣмъ она гребуетъ? идетъ въ богатый домъ!.. объ чемъ ей горевать? А ты, сватенекъ, покель станови на столъ штохъ! мы засядемъ... погуторимъ...

— Погуторимъ-то погуторимъ, въ раздумьи проговорилъ Краюхинъ: оно, къ примѣру, хоть и повѣнчаешь... дальше-то что будетъ? какъ бы опосля чего не было?..

— Да что-жъ опосля? жить будетъ у твоемъ домѣ, работать будетъ... Неужли-жъ ты пастуха къ себѣ на дворъ пустишь! А коли такое дѣло: взялъ да въ судъ его!.. волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить! что такое пастухъ? что̀ такая за птица? что онъ на колесницахъ, чтоль, ѣздитъ? Важное дѣло! Развѣ онъ смѣетъ такія слова говорить? вѣдь это уголовщина!.. всѣмъ намъ будетъ бѣда, не одному тебѣ, какъ онъ подпуститъ кочета́-то!..

Вошелъ отецъ невѣсты и объявилъ:

— Что, братцы, дѣло плохо!

— Какъ такъ?

— Запировала бяда! говоритъ: хоть оселъ цапляйте на шею, не пойду!...

— Ты бы ее съукротилъ...

— Куда тебѣ! Завертѣлась въ поле, изъ виду вонъ!

— Кудажъ это она?

— Вихоръ ее знаетъ! ребята сказывали, побѣжала по гуменникамъ прямо къ лѣсу...

— Мотри, малый, это она къ Егоркѣ...

— Знамо дѣло... къ кому-жъ больше?

— Нѣтъ, ужъ ихъ видно, братецъ ты мой, не разведешь!

Краюхинъ выпрямился во весь ростъ и закричалъ:

— Это что-жъ такое будетъ? чтó я вамъ на посмѣховствó, чтоль, достался? Ванька! Запрягай лошадь! кажись, мой домъ не изъ послѣднихъ въ деревнѣ!..

— Слухай, сватъ... чаго тамъ?.. авось не важная штука...

— Нѣтъ! я вижу, вамъ только горло заливать? А вы готовьтесь-ка въ судъ... Ванька! подмазывай телѣгу...

Мужики стали выходить изъ избы. Краюхинъ кричалъ имъ вслѣдъ:

— Я докажу! у меня вся деревня узнаетъ, что значитъ Краюхинъ... живой въ руки не дамся!.. Я пять мировыхъ куплю!..

Вышедши на улицу, мужики толковали:

— Ну, малый! пойдетъ теперь судьбище! и насъ всѣхъ потянутъ... Пропали мы съ этой дѣвкой...

— Что-жъ? мы такъ и покажемъ: пришли, попили... а насчетъ дѣвки дѣло не наше... Кто ихъ знаетъ, какъ они тамъ тамъ сходились?..

Краюхинъ надѣлъ армякъ, велѣлъ женѣ поймать курицу — «подарить писаря мирового», и отправился съ сыномъ на задворокъ. Приготовивъ пехтерь съ сѣномъ и подмазавъ телѣгу, онъ велѣлъ сыну искать возжи, а самъ началъ заводить въ оглобли лошадь. Въ это время мимо задворка проѣхалъ верхомъ Лебедкинскій староста въ дубленомъ полушубкѣ. Увидавъ Краюхина, онъ повернулъ назадъ и остановился напротивъ воротъ.

— Далеко, Петръ Анисимычь, отправляешься? спросилъ староста, снявъ шапку.

— Да хотѣлъ-было къ мировому...

— Какая тебѣ неволя пришла?..

— Да тутъ занялся я съ человѣкомъ!.. сосваталъ невѣсту!.. Я такъ полагалъ, дескать человѣкъ бѣдный, я ему могу пособить во всякомъ дѣлѣ, а онъ надѣлалъ кляузы... Давай, говорятъ, возжи-то! обратился Краюхинъ къ сыну. Иванъ вмѣсто возжей вынесъ тяжи. Краюхинъ сурово посмотрѣлъ на сына и проговорилъ: ахъ, муракъ-те скудахталъ...

— Какія-жъ кляузы? спросилъ староста.

— Да вотъ какія кляузы: прежде говорилъ, что дѣвку отдаю, что оченно любопытно, а после того дѣвка запировала, — да откуда ни возьмись наскочилъ пастухъ... На запоѣ такія

грозы надѣлалъ!.. какъ есть всѣхъ повязалъ!.. Кричитъ, всѣхъ сожгу... Онъ вашъ Лебедкинскій...

— Что ты врешь? это Егорка, должно быть?

— Онъ самый!.. кабы я зналъ-вѣдалъ — блаже-бы я не связывался съ такимъ человѣкомъ...

— Погоди-жъ, сказалъ староста: я управителю скажу. Эвой! ты плохъ!

— Какъ плохъ? Я тутъ-же заявилъ міру...

— Ты долженъ старшину просить...

— Нѣтъ, я хочу прямо къ мировому! Что старшина? такой же плутъ... онъ судить не судитъ, а рюмки собираетъ... Тамъ просудишь жеребца, а дѣловъ никакихъ не будетъ...

— Что-жъ на ночь глядя ѣдете?

— Придется, въ дорогѣ ночуемъ... это такое дѣло! Что дѣлать съ разбойникомъ... Краюхинъ сѣлъ въ телѣгу, перекрестился и сказалъ: Ну, прощай!

— Счастливо! дай Богъ тебѣ...

VI.

У мирового.

На другой день утромъ Краюхинъ сидѣлъ въ передней мирового судьи, гдѣ было человѣкъ до десяти просителей. Въ ожиданіи разбирательства вполголоса шелъ разговоръ:

— Ты насчетъ чего? спрашивалъ одинъ кучеръ другого.

— Да оно дѣло-то пустяковское, а все въ нонѣшнее время не приходится... Ѣхали мы съ управителемъ изъ города поздно вечеромъ; подъѣзжаемъ къ имѣнію-то, а тутъ пни... Вихоръ ее знаетъ, пристяжная начала бѣситься... Не успѣлъ я образумиться, вся тройка понесла... Мы и пошли прыгать по пнямъ-то... А управитель у насъ балухманный: давай меня оплеухами кормить... А нонѣ за оплеуху-то 25 целковыхъ!

— Стало быть тебѣ придется денегъ въ волю...

— А вотъ увидимъ...

— А со мной какая оказія, говорилъ мѣщанинъ огороднику: заѣхалъ я къ одной барынѣ, стариннаго завѣта, насчетъ птицы. А у барыни есть дочка. Я спрашиваю барыню: отъ чего вы въ домѣ не заведете мужчину?.. дочка ваша, напримѣръ, на возрастѣ, слѣдовательно сейчасъ и надоть ихъ пристроить за человѣка хозяйственнаго, благочестиваго,—а не токмо что за вертопраха... Дворяне нонѣ не женятся, потому жалуются на недостатки... Такъ вамъ на что лучше въ соблюденіи разсчета пристроить дочку за человѣка изъ нашего брата, примѣрно хоть

по куриной части... А за дочкой-то десятинъ полтораста приданаго. Пріѣхалъ я домой, думаю, дай письмо напишу этой самой барынѣ, и нимало немедля, что въ положеніи долженствовать нужно, пишу, стало быть: «Милостивая государыня! Найпаче обàполо благородства обращаюсь къ вамъ на слабодѣ касательно своей участи... и таперь стало быть въ расчетѣ на васъ курятникъ... какова ни мѣра прикажите заѣхать сдѣлать предложеніе, — и мы заѣдемъ къ вамъ будто бы насчетъ птицы...» Она возьми это письмо да къ мировому!.. Я ей по душѣ говорилъ... потому домъ у ней почесть развалился, прислуга вся сбѣжала, а я разсчитываю себѣ: тогды можно все перестроить...

— Я отродясь, милый человѣкъ, не бывалъ у мировыхъ, обратился Краюхинъ къ одному кучеру: какъ это тутъ дѣлается?

— А вотъ выйдетъ мировой, увидишь...

— Такъ-то такъ, да съ чего начать-то?

— Извѣстно, подай жалобу. Ее запишутъ въ книгу и будутъ разбирать...

— У меня дѣло насчетъ свадьбы... тутъ это вышла у насъ дрязгá съ сватами...

— А у меня вотъ жена забаловала, говорилъ одинъ лакей управляющему: женился я недавно... дивчонка попала смазливая... баринъ, значитъ, и облюбовалъ ее... Думаю себѣ, уйтить?.. жалованье хорошее, а мѣстовъ мало... Взялсá ее бить!.. Она кричитъ—повѣшусь!.. хочу просить развода...

— Мы, кажется, съ вами по одному дѣлу? бесѣдуютъ управляющіе: насчетъ работниковъ...

— И не говорите: какъ пашня, какъ рабочая пора, либо прикинется боленъ, велитъ пріѣхать за собой изъ дому и глядишь—тамъ работаетъ, либо просто уйдетъ, и былъ таковъ.

— Да-съ! вотъ извольте тутъ вести хозяйство. И замѣтьте, кто нанимается въ работники!... ихъ у меня до тридцати человѣкъ — всѣ бездомовники! Разумѣется, пойдетъ ли хорошій въ работники?...

— Послушай! спрашиваетъ проходящаго лакея одинъ проситель: скоро выйдетъ мировой?

— Не знаю! въ кабинетѣ занимаются... Не шли бы судиться! мирились бы дома...

Наконецъ распахнулись двери и явился мировой судья съ цѣпью на груди, за нимъ письмоводитель.

— Вамъ что угодно? спросилъ судья управляющаго.

— Я вамъ заявлялъ, въ ночь подъ 8-е октября крестьянинъ деревни Бондуровки Епифанъ Игнатовъ воровски забрался въ

господскій лѣсъ графа Чеботаева и спилилъ корень четырехъ съ половиною четвертей. Корень этотъ мною найденъ совокупно съ сельскимъ старостой и при стороннихъ понятыхъ людяхъ.

— Знаю! преступникъ здѣсь?

— Точно такъ-съ...

— А сельскій староста?

— Всѣ здѣсь, кого изволили требовать...

Судья обратился къ старостѣ и понятымъ:

— Признаете ли вы дѣйствительность факта преступленія?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе: мужиченка онъ бѣдный, на ось понадобилась дубинка...

— А вы, Епифанъ Игнатовъ, сознаетесь съ преступленіи?

— Виноватъ, ваше благородіе....

— И у васъ своего лѣсу нѣту?

— Ни одной хворостинки.

— Значитъ, вы цѣлой деревней можете воровать подобныя оси?...

— Помилуй Богъ, ваше благородіе...

— Мое внутреннее убѣжденіе говоритъ, что вы поголовно со двора на дворъ можете повторять подобныя преступленія; а потому, въ видахъ пресѣченія зла, возлагаю штрафъ на означенную деревню по три рубля съ души, а на преступника десять рублей...

— Ваше благородіе! чѣмъ же мы виноваты? возразилъ староста: мы въ лѣсъ не ѣздили!

— Вы не ѣздили, но можете ѣздить... Я васъ очень хорошо знаю, любезные...

— Коли попадемся, тогда штрахуй! за что́ жъ невинно-напрасно подати платить?

— Это не подати, а единовременный штрафъ... Такъ какъ у васъ во всемъ круговая порука, то вы должны отвѣчать за каждаго негодяя въ своей деревнѣ!... Я знаю, какъ въ настоящее время помѣщику трудно охранять свою собственность.... Можете идти... Вамъ что угодно? обратился судья къ лакею.

— Я вамъ докладывалъ, недавно я женился... и супругу мою нашелъ въ незаконномъ видѣ... Вы намъ приказали явиться...

— А жена ваша здѣсь?

— Здѣсь! вотъ она!

— Вы почему не хотите жить съ мужемъ?

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе... что ни ночь—бьетъ меня чѣмъ ни попадя! Я ужъ сплю съ сѣнными дѣвушками...

— Правда это? спросилъ судья лакея.

— Точно такъ-съ! Невозможно, господинъ мировой судья... Иной разъ, такія оказіи дѣлаетъ... уму непостижно!

— Словомъ, вы другъ друга ненавидите?

— Точно такъ-съ...

— И желали бы жить врозь?

— Эвдакаго азіата на бѣломъ свѣту нѣту, сказала горничная: сохрани Господи, съ нимъ вмѣстѣ жить...

— Такъ вы можете разойтись...

— Ваше благородіе! а какъ же мое приданое-то, спросила горничная...

— Приданое вы можете взять назадъ... Вы, конечно, отдадите? обратился судья къ мужу.

— Чортъ съ ней-съ! ни покуда маяться!

— Такъ вотъ слушайте рѣшеніе: съ завтрашняго дня вы расходитесь врозь... Довольны вы рѣшеніемъ?

— Покорно васъ благодаримъ...

— Ваше благородіе! объявилъ Краюхинъ: я это запилъ дѣвку... Пили... пили!...

— Ты кто такой?

— Пили мы десятую... пили два Микитія...

— Я спрашиваю, ты чей, откуда?

Въ это время у подъѣзда загремѣла карета и въ камеру вошла, небольшого роста, худощавая барыня съ черным вуалемъ, въ бархатномъ бурнусѣ. Не поднимая вуаля, она обратилась къ судьѣ:

— Я къ вамъ, Ѳедоръ Иванычъ, насчетъ оскорбленія моей Мими...

— Позвольте узнать, кто это Мими?

— Моя собака...

— Извините, сударыня, законъ обязываетъ меня объяснить вамъ, что въ нашемъ судебномъ уставѣ не упоминается объ оскорбленіи животныхъ... Я думалъ, что Мими ваша служанка. Впрочемъ, не угодно ли вамъ разсказать, какъ было дѣло?

— Вообразите: я Дуняшкѣ приказала для Мими готовить бульонъ, а она съ лакеемъ Алешкой изволитъ кушать его... Я замѣчаю день, другой:—Мими худѣетъ!... Вы не можете представить, что стало съ несчастной собакой... Смотрю однажды въ окно: Мими выскочила къ воротамъ, а тамъ сидѣли лакей съ горничной. Они схватили собаку и начали ее бить по щекамъ... да приговариваютъ: «изъ-за тебя намъ отъ барыни достается!...» Это я слышала собственными моими ушами....

— За послѣднее время жалобы на прислугу до того увеличились, сказалъ судья, что я не предвижу, чѣмъ все это кон-

читея... Мнѣ сдается, что ваша прислуга имѣетъ настойчивое стремленіе оскорблять именно васъ... позвольте узнать, когда вы свободны?

— Я постоянно свободна...

— Не угодно ли вамъ пожаловать въ понедѣльникъ... тринадцатаго числа....

— Какъ звать вашу прислугу? спросилъ судья.

— Дуняшка и Алешка.

— Я ихъ вызову...

Барыня раскланялась и уѣхала. Краюхинъ снова началъ:

— Я, ваше благородіе, изъ Воробьевки... насчетъ запою...

— Ты кого запилъ?

— Дѣвку!...

— Какую дѣвку?

— У сосѣда дворовъ черезъ пять...

— Тоже у крестьянина?

— У хрестьянина.

— Дѣла между крестьянами разбираются волостнымъ сходомъ...

— Вѣдь я, ваше благородіе, насчетъ пастуха... онъ не нашей барщины...

— Это все равно... пастухъ — крестьянинъ...

— Вѣстимо хрестьянинъ... Хорошо! только эта мы гуляли... больше году!.. дѣвка со всѣмъ согласьемъ...

— Я тебѣ сказалъ, обратись въ волостное правленіе...

— Откуда ни навернись пастухъ... говоритъ: ежели на что пойдетъ, я не пожалѣю краснаго пѣтуха...

— Павелъ! выведи вонъ...

Лакей взялъ Краюхина за пельки.

Вотъ оказія-то! разсуждалъ Краюхинъ, выведенный на улицу. Какой это мировой? слова не дастъ сказать... Куда жъ теперь? Неужели въ волость?...

Подошедши къ телѣгѣ, въ которой спалъ Иванъ, Краюхинъ почесалъ затылокъ, растолкалъ сына и крикнулъ:

— Ты что-жъ сѣна-то не далъ лошади? для тебя что-ль подъ голову взяли хрептугъ!

Въ это время Краюхинъ увидалъ на дорогѣ проѣзжавшаго мужика.

— Эй, братъ! закричалъ Краюхинъ: — погоди-ко...

— Что ты тамъ?

— Да погоди... Гдѣ бы мнѣ тутъ разыскать мирового?

— Да ты отъ его хорбмъ идешь... вонъ онъ!

— Это не нашъ должно... Господь его знаетъ!

— Ужъ не знаю, какъ те сказать... у насъ есть... да тоже пожалуй не вашъ...

— Гдѣ-жъ къ нему проѣхать?

— Вотъ ты подъ взволокъ съѣдишь, придетъ перехрестокъ, ты такъ-то не ѣзди, а заверни на право прямо по овражку, вдоль овражка-то и ступай... пріѣдешь къ рѣкѣ, черезъ мостъ прямо въ нее!...

— Куда-жъ въ нее-то?

— Въ мировиху!...

— Я на счетъ мирового тебя спрашиваю...

— Экой! въ энтой деревнѣ, Антоновкой называется, у меня кумъ живетъ. Онъ съ ей почесть зады съ задами...

— Кто жъ такая мировиха?...

— Да нашего мирового жена... дѣло какъ правя ловко! Знамо, можа, чего и недосмысля, ну тамъ писарь на то есть... живой рукой разбярё!...

— А мировой-то гдѣ жъ?

— Да онъ, вѣстимо дѣло, баринъ богатый: гдѣ ему заиматься? со всякой бездѣлицей лѣзутъ... а онъ, значитъ, не привыченъ къ эвтому... и жилъ-то все въ чужихъ земляхъ...

— Ну насчетъ свадьбы она можетъ разобрать?

— Я тебѣ говорю баба—насчетъ всѣхъ дѣловъ! Мы обиды отъ ней не видали...

— Ну спасибо...

— Какъ разсказывалъ, все поѣзжай...

VII.

Мировиха.

Краюхинъ пріѣхалъ въ деревню Антоновку. Крытый желѣзомъ барскій домъ, съ ярко раскрашеннымъ балясникомъ и двумя каменными воротами, стоялъ на крутой горѣ. Въ сторонѣ тянулся длинный рядъ анбаровъ съ жирными, соломенными навѣсами, на которыхъ висѣли чугунныя доски. За барскимъ домомъ виднѣлся садъ. Въѣхавъ въ деревню, Краюхинъ постучался въ окно мужицкой избы и сказалъ:

— Хозяинъ! Что, тутъ живетъ мировиха?

— Какая мировиха, спросилъ мужикъ, выходя изъ избы.

— Стало быть мнѣ такъ сказали...

— Да! Силичъ Пятровна? почесываясь сказалъ мужикъ: это коли самого барина нѣтъ... и то не одна, съ писаремъ...

— Мнѣ-было къ ней нужно... Можно тутъ лошадь отпречь? Не украдутъ?

— Отпрягай! у насъ смирно...

— Ты ужъ, братенекъ, проведи меня... а то собаки на отдѣлку съѣдя...

— Что-жъ, пожалуй... У ней псы здоровые... Они насъ-то признали... Глядѣть-то они дюже страшны, а то вѣдь ничего!... иную пору хоть на языкъ наступи... Ты отпрягай, а я зипунъ надѣну...

— Ахъ ты Господи! говоритъ Краюхинъ, отпрягая лошадь: кабы сынъ-то у меня былъ какъ слѣдуетъ, развѣ быть бы мнѣ тутъ? Куда заѣхалъ! гдѣ съ роду не бывалъ... Ну пойдемъ, милый человѣкъ, увидавъ вышедшаго мужика, сказалъ Краюхинъ.

— Ты откулева? Насчетъ чего засудился?

— Я Воробьевскій... А дѣло-то у меня насчетъ свадьбенки...

— Что-жъ это, знача, родня что ли, али на счетъ годовъ?.. Мы тоже сами вокругъ вешней Миколы до алхирея доходили... тоже, стало быть, мому куму приходилась Аксиньина дочь, — съ Петрухой-то они родные были... Агаѳья крестила Петруху-то...

— У насъ родни николи не было... Я насчетъ запою...

— Знамо дѣло... усякія дѣла бываютъ... Ну вотъ теперь иди... прямо, какъ взойдешь на дворъ, на-лѣво заверни... Ишь холопьевъ-то нѣтъ ни одного... Ступай! дай Богъ часъ!...

Краюхинъ вошелъ въ переднюю и положилъ рукавицы съ шапкой у дверей, на полу.

— Надежда Павловна! крестьянинъ пришелъ! доложилъ лакей пожилой, худощавой, барынѣ.

— А гдѣ-жъ Скворцовъ?

— Они на охоту ушли...

— Пошли за нимъ...

Накинувъ большой барсовый платокъ на плечи, барыня вышла въ залъ, гдѣ стоялъ письменный столъ съ кипами бумагъ и два кресла съ высокими спинками.

Краюхинъ вошелъ въ залъ, помолился на образъ и сказалъ:

— Здорово живете, сударыня.

— Здравствуй! Ты что?

— Къ вашей милости. Дѣло у насъ завязалось насчетъ свадьбенки; я у Кузьмы запилъ дѣвку за своего малаго... дѣло тянулось долго...

— Петръ! притвори двери... сказала барыня: да принеси мнѣ папиросъ... Такъ въ чемъ твое дѣло?

— Это значитъ, сударыня моя, запили мы съ Кузьмой... расходъ былъ мой...

— То-есть ты запилъ невѣсту.

— Такъ точно.

— Понимаю.

— Только пришло дѣло къ концу, навернись ни оттуда, ни отсюда Егорка... онъ и навостри своего отца запивать, — а дѣвка ему полюбилась... Вотъ мы приходимъ съ хлѣбомъ съ солью, а Егоркинъ отецъ тамъ... Мы сѣли за столъ, какъ слѣдуетъ по положенію... выпили маненько... только вдругъ приходитъ Егорка—и ну пировать! А дѣвка выскочила на конъ, себѣ взбѣсилась... пошелъ крикъ, да бушеванье... Егорка говоритъ: я вамъ такіе-сякіе краснаго пѣтуха подпущу...

— Послушай, мой другъ, я тебя не понимаю... Ты хочешь сказать, что тебя оскорбили?

— Оскорбленіе ништо!... а тутъ осталось недѣли двѣ до свадьбы, а дѣла разстроились, а все вина вотъ Егорка!

— Да чѣмъ же онъ виноватъ?

— Знамо дѣло, съякшался съ Параньской; а мой-то парень не досмыслитъ... дѣвка-то и заартачилась.

— Ты засваталъ невѣсту за своего сына, а Егоръ перебиваетъ, такъ ли?

— Точная правда, сударыня: да еще кочета хочетъ подпустить... А я истратился—Боже мой! цалковыхъ на двадцать съ прибавкомъ... и даро̀въ не мало было!...

— Такъ ты хочешь вознагражденія?

— Коё награжденіе! мнѣ дѣвку надо!... Я ему еще двѣ четверти ржи далъ... Не будетъ ли ваша милость—приказать ему, и росписочку мнѣ пожалуйте, чтобы онъ не смѣлъ перебивать... а чтобы наша свадьба у законѣ была...

— Видишь, другъ мой: все-таки безъ разбирательства нельзя положить рѣшенія... форму исполнить надобно... Мы твою жалобу запишемъ, разошлемъ повѣстки кому слѣдуетъ, назначимъ день и тогда разберемъ и рѣшимъ...

— Матушка сударыня! воскликнулъ Краюхинъ, кланяясь барынѣ въ ноги; будь милосердна! Заставь вѣчно Бога молить... вѣдь всего двѣ недѣли осталось до свадьбы... У насъ значитъ праздникъ престольный: харчи за одно̀! дѣло осеннее... убоина есть... а тамъ коли ее играть?

— Нельзя же, мой другъ... я бы рада, но вѣдь законъ... Барыня показала Краюхину книгу.

— Ваше благородіе! книжка въ вашихъ рукахъ... чтожъ? разя она поперёча у чомъ?

— Я тебѣ говорю... мы всѣ подъ закономъ...

Барыня встала и начала ходить по комнатѣ, повидимому, придумывая, нельзя ли какъ помочь мужику... Краюхинъ снова упалъ въ ноги и взмолился:

— Сударыня барыня! не взыщи на насъ на дуракахъ...

— Встань, что можно я и такъ сдѣлаю...

— Коли такое дѣло, нельзя ли разобраться хоть завтра... мы бы и управились...

— Нѣтъ, завтра нельзя, сказала барыня, глядя въ окно.

Въ это время лакей, держа руки за спиной, подошелъ къ барынѣ и тихо произнесъ:—Вы о чемъ изволите безпокоиться?... вѣдь у письмоводителя есть подписные листы... бариновой подписи цѣлый столъ...

— Знаю! сказала барыня и обратилась къ мужику: такъ ты пріѣзжай завтра часовъ въ десять... только ты можешь ли вызвать всѣхъ, кого нужно...

— Они всѣ въ одной деревнѣ...

— Ахъ, вотъ и Скворцовъ пришелъ, проговорила барыня, увидавъ входившаго письмоводителя. Такъ, значитъ, снова обратилась она къ Краюхину, ты получишь эти бумаги, они будутъ написаны на волостное правленіе, а для скорости отдай самъ этимъ лицамъ...

— Ты какой волости? спросилъ Краюхина письмоводитель.

— Брендеевской.

— Позвольте! въ нашемъ участкѣ Брендеевской волости нѣту, возразилъ письмоводитель. Вотъ я каталогъ посмотрю: Березовская, Буслаевская... нѣтъ нѣту! Это четвертаго участка... ты ступай къ мировому Вилюхину...

— Э! Братецъ ты мой, взмахнувъ руками, воскликнулъ Краюхинъ. А вѣдь я велѣлъ дома борова зарѣзать!...

— Какого борова? спросилъ письмоводитель...

— Тутъ у нихъ свадьба затѣвается, объяснила барыня...

— Какъ же теперь быть? говорилъ Краюхинъ... Коé доѣдешь, коé что... я и то ужъ у одного мирового былъ... въ Петровкѣ...

— У Окулова? спросила барыня. Это опять третій участокъ... а вашъ пятый...

— Тебѣ что жъ сказалъ Окуловъ? спросилъ письмоводитель.

— Тамъ сказали, въ волостную надо... а я, знамо дѣло, поопасался: въ волостной-то жмутъ нашего брата... а мировой лучше разбяретъ...

— Ты съ кѣмъ судишься? спросилъ письмоводитель.

— Вѣстимо, беремъ у своего брата...

Письмоводитель подошелъ къ барынѣ и шопотомъ сказалъ:

— Вѣдь мы не имѣемъ права судить...

— Почему же?

— Онъ приноситъ жалобу на крестьянина, а крестьяне съ крестьянами разбираются волостнымъ судомъ.

— Такъ вотъ видишь, другъ мой, сказала барыня Краюхину: тебѣ ни къ какому мировому не надо! ты прямо отнесись въ волостное правленіе....

— А можетъ пѣтухъ-то мировому подлежитъ, сказалъ Краюхинъ....

Эти слова озадачили барыню, и она обратилась къ письмоводителю:

— Справьтесь въ уставѣ насчетъ поджоговъ.

Письмоводитель началъ листовать уставъ, бормоча: штрафы, взысканія, дѣла по имуществу, сроки арестовъ.... Нѣтъ-съ... Нечего и искать.... тамъ прямо сказано: если крестьянинъ приноситъ жалобу на крестьянина....

— Ну, значитъ, ступай! сказала барыня Краюхину: очень жаль, мой другъ....

— Что ты будешь дѣлать! повертываясь къ дверямъ, проговорилъ мужикъ.

— Ну, что братъ? Какъ рѣшили? спрашивалъ мужикъ Краюхина, когда онъ пришелъ къ телѣгѣ.

— Что, милый! толкòвъ никакихъ нѣтъ! Я думалъ, барыня-то ловчѣй разбярẽ.... она, видно, одна статья!

— Бать! крикнулъ Иванъ, сидя въ телѣгѣ: я не ѣлъ!...

— Эко пасть-то разинулъ! сказалъ отецъ: я самъ изъ тебя не жравши другой день....

— Такъ что-жъ теперь? Какъ твои дѣла? спрашивалъ мужикъ.

— Что дѣла! нѣтъ ли у тебя хлябнуть чего! а то, братъ ты мой, у брюхѣ щелкая!... Намъ хоть штей влей....

— Съ чаго-жъ?... Я скажу бабамъ.... нонѣ капустки Богъ зародилъ....

— Пожалуйста.... Я тебѣ заплачу.

— Идите въ избу....

— Ванюха! подымайся! пойдемъ, хлябнемъ....

— Бабы! кричалъ въ сѣняхъ хозяинъ: гдѣ ихъ вихоръ взялъ? Эко окаянныя!

Снадворья показалась баба съ пенькой въ рукахъ.

— Гдѣ васъ разнесло? кричалъ мужикъ.

— Аль не знаешь? пеньки мяли, сказала баба.

— Улей проѣзжимъ штецъ....

— А хлѣбъ-то у нихъ свой?

— Какой свой? Развѣ тутъ большая дорога?... Сходи въ чуланъ....

Отецъ съ сыномъ сѣли за столъ и принялись за щи. Хозяинъ сидѣлъ съ боку на конникѣ и говорилъ:

— Такъ тебя, братецъ ты мой, наша барыня не разобрала? Вѣдь она усѣхъ разбирая! Баринъ-то забубенный.... а она сердечная всѣ дѣла правитъ за него.... Николи не слыхать, чтобы она обиждала.... Знамо, писарь подсобляя.... гдѣ-жъ бабье дѣло одной? Оно что-жъ? и баринъ до насъ ничего.... да тамъ у нихъ промежъ себя вышло.... кто ихъ разбяре!... дѣло не наше....

— Она ничего, сказалъ Краюхинъ: такая умильная.... да закону, значитъ, нѣтъ.... Кабы я засудился съ прикащикомъ, али что.... она разобрала-бы.... А наше хрестьянское дѣло въ волостную...

— Такъ! сказалъ мужикъ: оно, малый, въ волостной нонѣ тоже не доберешься толку.

— Отъ чего-жъ я ѣзжу по мировымъ-то? А что я хочу спросить: тутъ поблизости, обаполо нѣтъ мировыхъ? Ужъ за одной заѣздкой попыталъ бы, чтобъ въ другой разъ не собираться.... А къ ночи домой....

— Что жъ? сказалъ мужикъ, зѣвая: поѣзжай! вотъ прямо на бугоръ.... какъ выѣдешь, управѣ будетъ видна деревня.... на нее и держи.... потомъ придутъ двѣ лозинки.... тамъ успросишь....

Краюхинъ вылѣзъ изъ-за стола, помолился Богу и сказалъ хозяину:

— Благодаримъ покорно! За хлѣбъ за соль.... Что-жъ положишь за хлебово?

— Ну, Христосъ съ тобой! авось у насъ не большая дорога.... приведется, мы побываемъ у васъ....

— Ну, спасибо.... Ванька! Поди, изъ телѣги принеси курицу.... Жива чтоль она?... мы ее здѣсь оставимъ.... а то врядъ до двора довеземъ.

— Это на что-жъ вы возите курицу? спросилъ хозяинъ.

— Да хотѣли подарить писаря мирового.

— То дѣло!...

Иванъ принесъ мѣшокъ и объявилъ:

— Бать! она издохла!

— Это, небось, ты ее придавилъ.... Ахъ дураково поле!... Ну, малый, обратился Краюхинъ къ хозяину, подпоясываясь кушакомъ: не приведи Богъ по судамъ ѣздить.... Я вотъ къ третьему мировому.... а дѣло правое....

— Бать! сказалъ Иванъ, ухмыляясь: шапка пропала....
— Мотри въ телѣгѣ-то,—съ шапкой пришелъ, аль нѣтъ?
— А кто ее знаетъ....
— Что-жъ, стало твой сынокъ? спросилъ хозяинъ....
— Да! вздохнувъ сказалъ Краюхинъ: Господь навязалъ!
— Что-жъ, его женить хочешь?
— Его, да дѣвки не подыщешь.... ужъ и запивалъ-то.... что втб не дѣлалъ.... бабъ въ домѣ нѣтъ.... Ничего не подѣлаешь.... А эта попалась хучь и бѣдная, да мóторная.... Ну, прощавай...., благодаримъ покорно....
— На здоровье собѣ!...
— Такъ стало быть на бугоръ?
— Вотъ прямо черезъ рѣчку, мимо кустиковъ....

Уже смеркалось, когда Краюхинъ въѣхалъ въ имѣніе третьяго мирового судьи. Старинный барскій домъ съ деревянными колоннами, поросшими мхомъ, съ двумя прудами и винокуреннымъ заводомъ стоялъ среди дубоваго лѣса, замѣнявшаго садъ. Маленькій присадникъ передъ балкономъ украшался мраморными статуями.

— Почтенный, гдѣ тутъ къ мировому проѣхать? спросилъ Краюхинъ кучера, шедшаго за возомъ соломы къ барскимъ конюшнямъ.

— Поѣзжай прямо къ хлигелю.... тамъ для вашего брата сдѣлана слега.... къ ней привяжешь лошадь.

— А это какія-жъ такія статуи стоятъ? указывая на присадникъ, спросилъ Краюхинъ.

— Это богá! скáзалъ кучеръ.
— Краюхинъ снялъ шапку.
— Только не наши.... объяснилъ кучеръ. Тебѣ на чтò къ барину-то?
— Насчетъ своихъ дѣловъ.
— Барина нѣтъ дома. Онъ уѣхалъ во Владимирскую губернію, у него тамъ имѣніе....
— Кто жъ разбираетъ?
— Тутъ жалобы записываетъ конторщикъ.... Ступай запиши, а когда пріѣдетъ, разберетъ....
— Колѝ-жъ разбяретъ? Намъ не досугъ!...
— Онъ такъ приказалъ...., недѣльки черезъ двѣ пріѣдетъ....
— Нѣтъ, что-жъ! сказалъ Краюхинъ: намъ не рука.... Ванюха, поворачивай! Я вижу, настоящихъ дѣловъ не доберешься.... Чтó будетъ не будетъ — поѣду въ волостную....

VIII.

Волостной судъ.

Въ воскресный день, часа въ два пополудни, въ лебедкинское волостное правленіе сбирались судьи изъ крестьянъ. Въ присутственной комнатѣ съ развѣшанными на стѣнахъ печатными и писанными объявленіями носилась клубами пыль; полъ былъ загрязненъ до того, что нельзя было разобрать, земляной онъ, или деревянный; воздухъ былъ насыщенъ махоркой, капустой и пр. Виднѣвшіеся между плотно забитыми, двойными рамами кирпичи съ солью еще болѣе наводили уныніе на свѣжаго человѣка. Въ переднемъ углу висѣла икона мученика Пантелеймона, присланная съ Аѳонской горы. У оконъ стоялъ письменный столъ, покрытый клеенкой, съ грудами бумагъ и массивною волостною печатью. По стѣнамъ стояли скамейки для судей. Въ ожиданіи старшины и писаря, въ присутственной комнатѣ два старика разсуждали между собою.

— Наши судьи, Антонъ Игнатычъ, грѣхъ сказать, плохова! Старый старшина малый смирный.... И Андрюшка Косолапый,— хоть онъ маленько и съ горломъ.... оретъ, чтó на умъ взбрядетъ, но за себя постоитъ! И мы съ тобой.... Знамо дѣло, винца выпьемъ, а вѣдь за полштофъ никого не промѣняемъ.... А приносятъ — надо пить! И проситель тоже: сухая ложка ротъ дерé.... въ праздничное время почему-жъ не выпить?

— Ванюха тоже мужикъ хорошій, да похмыра, — говорилъ другой, слова не доберешься.... А Листратъ хоть молвитъ слово старшинѣ! Человѣкъ книжный.... надо такъ сказать!...

Пришелъ старшина въ новомъ дубленомъ полушубкѣ, за нимъ писарь, нѣсколько просителей и судей. Старшина положилъ на столъ свою бѣлую крымскую шапку и обратился къ просителямъ.

— Вы что лѣзете?

— Къ вашей милости, Захаръ Петровичъ: у меня нонѣ ночью замокъ сломали....

— А у меня Парашка прибила мовó ребенка.

— Постойте, постойте! Засядемъ, тогда и жалуйся.... А Воробьевскіе — всѣ собрались?

— Всѣ, сказалъ сторожъ: они на крыльцѣ....

Старшина подошелъ къ письменному столу и вдругъ всплеснулъ руками.

— Стой!... Куда цѣпь дѣвалась?

— Должно быть обронили, сказалъ писарь: это судьи должно маленько потерлись — свалили, вотъ она!

— Зачѣмъ ихъ безо времени пускать! замѣтилъ старшина: вѣдь это вещія царская.... Ну, что же? пора начинать!

Судьи размѣстились на скамейкахъ, писарь сѣлъ за столъ, старшина стоялъ среди присутствія, наблюдая за порядкомъ.

— Сватъ! дай табачку, вполголоса говорилъ одинъ старикъ.

— Что малый! у Петрухи отсыпалъ. Намѣсь махорки купилъ, сталъ это, братецъ ты мой, тереть съ золою.... натеръ, понюхалъ — ничего не берé!...

— Будетъ вамъ калякать! замѣтилъ старшина: не накалякались! Здѣсь присутственное мѣсто....

— Ничего, Петровичъ, мы промежъ себя....

— А то не хуже Егорки-пастуха.... Онъ сдуру слово-то ляпнулъ на міру, а теперь другая недѣля сидитъ....

— Петровичъ!... Кого-жъ перва наперво будемъ судить?

— Развѣ не видали? сказалъ старшина: вотъ въ прихожей стоятъ!

— Нѣтъ, Петровичъ, для правды не лучше ли Егорку сперва судить, а эти только пришли....

— Егоркино дѣло, возразилъ старшина, ты молчи! Его разбирать надо съ толкомъ... А ты наперва разбяри платву-то.... вишь она лѣзетъ! у сундучка замокъ сломали....

— По мнѣ что жъ? проговорилъ одинъ старикъ: кого хошь вяди!

Писарь сдѣлалъ полоборота къ судьямъ и объявилъ:

— Вотъ что, господа судьи: платву-то оно платву.... она отъ насъ не уйдетъ.... а по-моему лучше взяться за пастуха — а то какъ бы онъ на себя руки не наложилъ.... кто его знаетъ?... долго ли до грѣха....

— Что-жъ, Петровичъ, вяди его! Когда-нибудь не миновать — судить надо!

— Сторожъ! крикнулъ старшина, зови сватовъ сюда....

Въ правленіе вошелъ Краюхинъ, невѣстинъ отецъ и мужики, бывшіе на запоѣ. Послѣдніе, вздыхая, бормотали:

— Вотъ оно винцо-то что дѣлаетъ! выливается наружу.... не знаешь, гдѣ попадешь....

— Невѣрная его нанесла!... у меня вонъ конопи не вытасканы....

Сторожъ привелъ пастуха. Парень былъ въ изорванномъ полушубкѣ, въ худыхъ сапогахъ и тяжовыхъ, полосатыхъ, домашняго издѣлія, штанахъ. Онъ сильно похудѣлъ, всклокоченные волосы падали на глаза и всего его охватывала дрожь. Сторожъ

постановилъ его на средину комнаты. Въ эту пору все затихло; видно было, какъ пыль слоями улегалась на всемъ, что было въ правленіи.

— Ну, разсказывай, братецъ ты мой, началъ старшина: какого пѣтуха ты хотѣлъ подпустить? Евсигнеичъ! прочти-ко жалобу.

Писарь всталъ и прочиталъ: «18... года, дня..., въ лебедкинское волостное правленіе принесена словесная жалоба крестьянина деревни Воробьевки, Петра Краюхина, въ томъ, что казенный крестьянинъ деревни Чернолѣсокъ, Егоръ Ивліевъ, злонамѣренно подущалъ родителя своего Ивлія Карпухина запивать дочь крестьянина деревни Воробьевки Кузьмы Ерохина и во время послѣдняго запитія произвелъ бунтъ, а также возмутилъ запитую невѣсту къ сопротивленію противъ родителей и произносилъ угрозительныя слова».

— Ну вотъ, слышишь, какая на тебя принесена жалоба? обратился старшина къ пастуху.

— Вотъ что, Захаръ Петровичъ, началъ парень: на первой я тебѣ скажу: — дѣвки я не перебивалъ, она сама не хочетъ за Ваньку итить.... Родителя то-есть своего я заслалъ сватать,— это у законѣ. Никто мнѣ не смѣетъ помѣхи дѣлать. Отдали— отдали! а не отдали — вольному воля! Онъ тоже съ угощеніемъ пришелъ, небойсь изъ послѣдняго.... Середку-то у Мотюхиныхъ, небойсь, цалковый отдалъ.... А что это значитъ насчетъ краснаго пѣтуха-то, это мало что говорится! Кабы ты видѣлъ, что тамъ было, такъ не то скажешь! Аль я съума спятилъ — деревню жечь? Авось я тоже хрященый.... развѣ я себѣ лиходѣй!

Судьи всѣ молчали. Писарь скрипѣлъ перомъ. Старшина, сидя въ креслахъ, поглаживалъ бороду. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Положимъ, что ты запивалъ ... Это дѣло не наше! тамъ валандайся съ сватами сколько знаешь.... А вотъ насчетъ пѣтуха-то, малый, дѣло наплевать....

— Вѣдь я, Захаръ Петровичъ, сказалъ тебѣ: пѣтухъ дѣло пустое! Это я у этой у страсти сбрехалъ....

— Сбрехалъ-то сбрехалъ, подхватилъ старшина: а ты, небойсь, слыхалъ пословицу: слово не воробей, а вылетитъ не поймаешь: тебѣ бы не нужно этихъ рѣчей и говорить; пришелъ, попилъ сабѣ, покалякалъ.... Вышло дѣло такъ, а не вышло, насилукъ милъ не будешь. А то иде бесѣда, а ты сейчасъ краснаго кочета....

— Что-жъ, Захаръ Петровичъ! воскликнулъ Егоръ: я спокаялся тебѣ.... въ горячахъ слово сказалъ.... а насчетъ чтобы тоись того.... не приведи Богъ лихому лиходѣю этакими дѣлами

займаться.... спроста сказалъ, ей-же Богу! дѣвка очень пондравилась....

— Слухай Егоръ! сказалъ старшина: коли ты молвилъ, стало быть у тебя на умѣ лихое было!...

— Вотъ те лопни мои глаза, провались я сквозь землю, чтобы что-нибудь было такое.... кабысь одно маненько взяло: не чѣмъ взять, наше дѣло бѣдное, она и сорвись съ языка.... А чтобы насчетъ настоящаго.... Я нехай вѣкъ по чужимъ угламъ буду биться, а на это дѣло николи не соглашусь....

— Ну что жъ? объявилъ старшина: допросъ снятъ. Будетъ съ тебя! Сторожъ! отведи его!...

Пастуха вывели. Краюхинъ выступилъ впередъ и объявилъ:

— Захаръ Петровичъ! Я у трехъ мировыхъ былъ.... Усѣ поряшили, что за евдакія дѣла хвалить не слѣдуетъ.... Только имъ нельзя съ Егоркой справиться, потому они судятъ промежъ господъ.... Будь ваша милость! Засади его въ острогъ! незымь его подумаетъ, какъ кочетовъ подпускать....

— Разбяремъ, разбяремъ, это дѣло наше! сказалъ старшина и обратился къ свидѣтелямъ:—вы были на запоѣ, когда Егорка бушевалъ?

— Что-жъ, Захаръ Петровичъ, проговорили мужики: мы не отрякаемся.... только мы не съ тѣмъ пришли, чтобъ бушевать....

— Ну какже дѣло было?

— Это значитъ, пришли мы, заговорилъ одинъ: сѣли за столъ какъ слѣдствуетъ, поѣли студень.... Подали хлёбово.... Знамо дѣло, выпили по стаканчику, — дѣвка и закандрычься.... хлёбово похлебали, побалакали, откуда ни навернись—Егорка. И началъ бушевать: мы ально ужахнулись.... И пошла промежду насъ нескладица.... А онъ и началъ тращать: «мотри! говоритъ, коли не будетъ по моему, вся деревня слетитъ!»

— Что-жъ, такъ было, какъ Ѳедотъ показывая? спросилъ старшина остальныхъ свидѣтелей.

— Точно такъ, Захаръ Петровичъ: пастухъ оралъ благимъ матомъ, хоть бяги вонъ изъ избы....

— Ну, ступайте теперь, сказалъ старшина мужикамъ: мы разбяремъ безъ васъ. Посидите въ избѣ....

Мужики вышли. Въ правленіи остались одни судьи и старшина съ писаремъ.

— Что-жъ, старички, началъ старшина: какъ дѣло-то порѣшимъ?

— Говори! сказалъ одинъ судья другому.

— Говори ты!

— Что жъ, подтвердилъ старшина: какъ думаешь, такъ и говори!

— Вонъ Ѳедосеичъ что скажетъ? Онъ кабысь постарше насъ....

— Ай я одинъ у міру! возразилъ сѣдой старичокъ, закладывая одну руку за пазуху, — другую опуская въ карманъ: по мнѣ какъ міръ, такъ и я...

— Ѳедосеичъ! воскликнулъ одинъ рябой, высокій мужикъ въ худомъ армякѣ: ты все-таки мужикъ пожилой, ну, значитъ, пчелъ имѣешь.... и съ тобой всякое бывало на вѣку.... Ты, примѣрно, какъ знаешь, такъ и говори.... А то вонъ пожалуй спроси Фильку: онъ сбреша такую оказію, самъ не радъ будешь!

— Что жъ такое знача? заговорилъ приземистый мужикъ съ рожей на щекѣ: аль меня на смѣхъ призвали? Мы тутъ усѣ ровны.... Что онъ судья, что я судья.... Разя у него больше моего въ головѣ?

— Стой! стой! тутъ не мѣсто! прервалъ старшина: это вотъ кончимъ дѣло, тогда кричи сколько влѣзя!... Ну что-жъ, судьи? какъ порѣшимъ?

— Вотъ наперва что скажетъ Ѳедосеичъ, послухаемъ....

Ѳедосеичъ кашлянулъ, посмотрѣлъ въ полъ и заговорилъ:

— У насъ споконъ вѣку не слыхано такихъ дѣловъ.... У насъ бывало ребята валяются на палатяхъ, аль на сѣнѣ — и не знаютъ, кого мы запиваемъ.... Принесешь платокъ отъ невѣсты, швырнешь ему.... платокъ красный, ну знамо, парень и радъ.... никакихъ пустяковъ не было! А это вотъ нонѣшніе ребята маненько стали изъ послуханія выходить.... Займаться чѣмъ не слѣдуетъ..... вѣстимо, балоство!... не смысляны.... худа-то не видали!... Егорку что говорить! хвалить нечего.... Да вѣдь іонъ признался при всемъ суду, что пошутилъ.... Отрастку дать ему слѣдуетъ, чтобы упережь не выдумывалъ чего не надо.... Что-жъ налегать-то на него! Я слышалъ, управитель его разсчелъ за эвти дѣла-то....

— Какже! подхватилъ рябой мужикъ, вставая и размахивая руками: іонъ, братецъ ты мой, приходя къ управителю, а тотъ ему говоритъ: ты что тамъ надѣлалъ? какую деревню хотѣлъ спалить? Намъ такихъ негодяевъ держать въ имѣніи не приходится.... получи разсчетъ и убирайся съ Богомъ....

— Вотъ что, ребятушки, объявилъ богатый мужикъ съ черной, окладистой бородой:—слухалъ я, слухалъ ваши добрыя рѣчи и ничего не говорилъ... По-моему я такъ полагаю: Егоръ парень молодой, допёрежъ за нимъ мы ничего плохого не видали.... А что дюже онъ зазарился на дѣвку.... и наболталъ не вѣдомо

что.... Глупъ еще! Кабы онъ семьей жилъ.... поучить некому.... сьмальства по чужимъ угламъ ходилъ.... Господь съ имъ! довольно съ него, что недѣлю отсидѣлъ въ чижовкѣ за одно слово! Незымь, идетъ куда хочетъ! Ежели мы его будемъ казнить, онъ остервянится.... Его въ волости не придержишь.... А вы, господа честные, рѣшайте дѣло по-божьи.

— На это я тебѣ скажу вотъ что, Алистратъ Моисичъ, возразилъ старшина: ежели онъ остервянится, ты говоришь, такъ у насъ, братецъ ты мой, Сибирь не почата! На каторжную работу друга милаго спровадятъ!... Забудетъ пустяками займаться....

— У Сибирь, обратившись къ старшинѣ, подхватилъ плотный, съ добродушнымъ лицомъ мужикъ, подпоясанный веревкой:— у Сибирь тоже міромъ ссылаютъ! ежели мы не пустимъ, никто не могé его тронуть! Что Ваньку Ерохина сослали? Небойсь у міра спросили.... анъ шишъ!... а онъ остепенился, да мужикъ-то сталъ за мое почтенство! хоть куда! И семья, значитъ, за нимъ не пропала.... Уробѣлъ — еще смирнѣй сталъ жить....

— Да опять и то сказать, замѣтилъ тощій, съ рѣденькой бородкой мужичекъ: вѣдь іонъ дѣвку то еще не перебилъ, отъ Краюхина она не ушла.... Что-жъ его неволить-то? Онъ одинъ сынъ у отца и есть.... отецъ, чуть не по міру ходитъ.... Сгидай его голова! Пустимъ его!...

— Балакали, балакали!... началъ старшина, облокотившись на столъ: а все дѣло плохо.... Ежели мы теперече будемъ всякаго прощать, тогды на бѣломъ свѣту житья не будетъ! А помоему, братцы, потакать только баловать!... Опять, что-жъ насъ начальство на смѣхъ чтоль суда посадило? У васъ, скажетъ, законы подъ носомъ, а вы ничего не видите? Евсигнеичъ! обратился старшина къ писарю: покажи-ко имъ статью....

Писарь съ перомъ за ухомъ поднялся и объявилъ судьямъ, прикладывая къ своей груди правую руку.

— Ежели мы тому и другому будемъ прощать, тогда слѣдовательно будутъ большіе поджоги и разбои.... Какъ я называюсь писарь — и ничто иное, какъ наемный, а вы избранные и принявши присягу должны судить по закону,—не щадить ни отца, ни мать!... Я какъ постоянно нахожусь при правахъ (писарь указалъ на письменный столъ) и обязанъ вамъ давать знать, то я отвѣчаю и рѣшаюсь своей головой.... Но потому что съ насъ съ писарей мировой посредникъ спрашиваетъ и приказываетъ смотрѣть больше въ правá, то я не самъ изъ себя говорю.... А пастухъ, подвергнутъ по доказательству уголовному.

Писарь окинулъ глазами слушателей и опустился въ кресло. Старшина, слѣдуя его примѣру, тоже всталъ и обратился къ судьямъ:

— Хотя хучь я и не граматный, но я имѣю у себя писаря.... и спрашиваю его: погляди-ко-ся въ права́... Что́ тамъ права̀ говорятъ? Но какъ писарь вамъ сейчасъ предлагаетъ, то вы должны слушать его. А ты, Евсигнеичъ! говоришь по правамъ! и напрасно ты эти слова принимаешь тѣ, которыя самыя дрязги....

— По-моему, дѣло рѣшено: и іонъ сознался.... и сваты доказали... вѣдь это уголовшина! надо къ судебному отправить....

— Что жъ къ судебному? сказалъ богатый мужикъ: засадятъ его въ острогъ, черезъ годъ пожалуй судить будутъ, а тамъ, мотри, оправдаютъ, — острожнаго-то къ намъ въ деревню и пришлютъ.... онъ тамъ съ острожными понашуркается, — онъ хуже нечистаго будетъ! Тогда и бѣда съ нимъ.... Вонъ у Шепелевки у старости Нехведа Андрюшка — сжогъ скирды, его подержали въ острогѣ, да и пустили.... настоящихъ примѣтъ нѣту. Онъ теперь и ходя по деревнѣ, всѣмъ грозитъ: «не то будя!» На всѣхъ такого холоду нагналъ — пдютъ, — какъ у праздника.... А мой сгадъ—посадимъ его еще на недѣльку и крѣпко накрѣпко накажемъ.... а не то отпоримъ....

— Нѣтъ, ужъ, Савостьянъ Трофимычъ, пороть не надо! воскликнулъ одинъ судья: а то онъ продрамши-то еще злѣй будетъ! А вотъ что: коли такое дѣло, ежели онъ напримѣрича отъ судебнаго еще пуще подозжё, то и сажать не зачѣмъ.... Пощуняемъ его и пустимъ.... на слабодѣ онъ скорѣй почувствуя!... мало что бываетъ!

— А что̀, Егорычъ, твоя рѣчь правая! замѣтилъ подпоясанный веревкой: онъ судомъ-то нашимъ будетъ доволенъ, а ужъ его, коли онъ такая голова, у чижовкѣ не выучишь.... А то, мотри, и намъ съ нимъ встрѣтца нельзя будетъ...

— Что-жъ, это куда дѣло-то пошло? возразилъ старшина: куда-жъ мы законъ-то дѣнемъ? на что-жъ онъ намъ данъ?

— Что-жъ законъ? сказалъ одинъ судья: мы народъ неграмотный.... Что́ Господь на душу положитъ, то и говоримъ.... другое дѣло мы закону не ослухаемся.... Знамо, по мужичью!...

— А то кажное воскресенье тутъ сидишь, сидишь, подхватилъ другой судья: у меня вонъ картохи остались не рыты.... все въ отлучкѣ.... А при чемъ мы тутъ? Вишь, — рѣшено Егорку пустить, а тамъ говорятъ не такъ!...

— И то правда, заговорило нѣсколько голосовъ: зачѣмъ же насъ избрали? Кажинный разъ бьемъ, бьемъ, а ничего не выхо́дя....

— Вы что же забушевали? воскликнулъ старшина. Я можетъ у земствѣ не жрамши три дня просидѣлъ, и то не супротивлюсь....

— Экой ты! заговорили судьи: ты вонъ мядаль имѣешь, у посредственника у почетѣ, по міру разъѣзжаешь—всягды сытъ, доволенъ.... опять жалованье получаешь....

— А подводы-то? крикнулъ высокій мужикъ: онъ нонѣ съ обчества слизалъ полтораста цалковыхъ; нанялъ работника: онъ и разъѣзжая и кстати па́ша....

— Стой! закричалъ старшина: нешто васъ призвали о подводахъ разсуждать?

— Ну что-жъ ты насъ держишь? заговорили судьи: дѣло порѣшили!

— Какъ порѣшили?

— Егорку простить... али недѣлю посидитъ, да и ладно....

— Вотъ что судьи! сказалъ старшина: совсѣмъ пустить не годится.... Я вамъ говорю, — какое-нибудь, да наказаніе ему подобаетъ.... надо еще у Краюхина спросить, не будетъ ли онъ искать, если мы Егорку своимъ судомъ рѣшимъ.

— Ну, зови Краюхина! сказали судьи.

Вошелъ Краюхинъ.

— Слухай, Петрей, объявилъ старшина: судьи поряшили Егорку выпустить.... а я настоялъ, чтобы ему какое-нибудь наказаніе опредѣлить.... Какъ ты хочешь? Отпороть его?...

— Нѣтъ, Захаръ Петровичъ, пороть не надо! ужъ лучше приприте его! а то онъ не дастъ свадьбу сыграть!

— Ты не будешь искать, если мы своимъ судомъ рѣшимъ!

— Я боюсь, сказалъ Краюхинъ, какъ бы онъ послѣ-то не выворотилъ....

— Судьи говорятъ, продолжалъ старшина, что ежели его въ судебному отправить, хорошо, какъ его допекутъ!... А если отпустятъ, тогда и держись....

— Это точно, Захаръ Петровичъ.... онъ обозлится хуже. Мнѣ бы только далъ онъ въ покоѣ свадьбу сыграть.... до праздника осталась одна недѣля....

— Ну, на недѣлю его и посадить въ чижовку! заговорили судьи....

— Что-жъ, такъ, такъ, такъ! подхватилъ Краюхинъ,—сажай его, Петровичъ, и ладно....

— Что-жъ ты, развѣ поладилъ съ нареченнымъ-то? спросилъ старшина.

— Нѣтъ, Захаръ Петровичъ, объявилъ Краюхинъ, въ судѣ толку мало! мы сошлись съ нимъ опять.... Стало быть, не хочемъ этого дѣлать.... Онъ вонъ тамъ на крыльцѣ... Господь насъ надоумилъ обоихъ! видно, что ни дальше въ лѣсъ, то больше дровъ....

— Это доброе дѣло! сказалъ старшина: а то поди возжайся....

Еще судьи какъ бы осудили, не то по-твоему, не то по-свату. А нонѣ какъ судьи осудили, то на нихъ жалоба не принимается. Сторожъ! веди сюда Егорку. А ты, Петрей, обратился старшина къ Краюхину, выдь отсюда!

Сторожъ ввелъ пастуха.

— Ну, вотъ что, братецъ ты мой, сказалъ старшина,—стоя предъ подсудимымъ: по закону тебя надыть бы отправить къ судебному, это силичъ, въ острогъ... а тамъ ни вѣсть что будя!.. а вотъ судьи сжалились надъ тобой... жалуютъ тебя посадить въ чижовку на недѣлю... такъ я тебѣ объявляю ряшеніе...

— Я и то, Захаръ Петровичъ, восьмой день сижу, сказалъ Егоръ: за что сажать-то? мало что сказано... вѣдь я такъ...

— Нѣтъ, Егоръ: ты не супротивься, сказалъ богатый мужикъ: это мы тебя помиловали...

— Значитъ ты осужденъ на недѣлю въ чижовку! подхватилъ старшина: сторожъ! веди его!

— Нуко пойдемъ, братъ, къ праздничку, сказалъ сторожъ подхватывая Егора подъ руку.

— Нельзя ли, братцы, ослобонить, взмолился пастухъ: что жъ? вѣдь ничего не будетъ! Мнѣ отсидѣть не важная штука!

— Коли рѣшено, ты не ослухайся! сказалъ старшина.

— Ну да. Ничего! Веди! встряхнувъ головою, произнесъ пастухъ и вышелъ.

Всѣ судьи встали.

— Пятровичъ! заговорили нѣкоторые: платву до другого воскресенья отложимъ... вишь ночь на дворѣ. Пора расходиться... лошадямъ не мѣсили...

— Чтожъ, пожалуй, сказалъ старшина и обратился къ писарю: Евсигнеичъ! надо бы выпить!

— Вина въ волю! сказалъ писарь: Краюхинъ привезъ полведра, да Ереминъ тоже за энто дѣло, помнишь? привезъ полштофъ.

— Экіе подлецы! сказалъ старшина развѣ оно полштофомъ пахнетъ? А ты Евсигнеичъ мотри насчетъ бумагъ, какъ бы какая не пропала.

— Кому они нужны? Народъ безтолочь!

Судьи призвали въ правленіе Краюхина и потребовали съ него магарычъ. Сторожъ принесъ полведерный боченокъ. Всѣ выпили, поздравивъ Краюхина съ окончаніемъ дѣла.

— Что, ребятушки! говорилъ послѣдній, закусывая кренделемъ, завязался я эвтимъ дѣломъ, а ужъ горе меня уѣло,—не роди мать на свѣтѣ!

— Что жъ? вѣдь по-твоему рѣшено, говорили судьи.

— Рѣшено-то рѣшено, да Егорка-то разбойникъ! возразилъ

Краюхинъ: черезъ недѣлю-то онъ вольный казакъ! Ты и гляди: онъ пожалуй на похмѣльи-то, послѣ свадьбы, какъ снѣгъ на голову!... Да и дѣвка-то ухо!... Краюхинъ затрясъ головой.

Всѣ выпили еще по стаканчику и начали расходиться...

IX.

Два свата.

Въ сумеркахъ Краюхинъ съ сватомъ Кузьмою, бывшимъ на судѣ въ качествѣ свидѣтеля, возвращались въ деревню Воробьёвку. Кое-гдѣ въ домахъ свѣтились огоньки, на улицѣ слышались голоса судей... На дорогѣ хляскала грязь и скрипѣли телѣги воробьевскихъ мужиковъ, ѣхавшихъ за Краюхинымъ и Кузьмою. Сваты еле тащились и сидя въ одной телѣгѣ бесѣдовали между собой:

— Вотъ что, сватъ! говорилъ Кузьма: дѣвка, я тебѣ скажу, на все взяла!... Что молотить, что рукодѣльемъ,—а умна-то: выродокъ выродился! я на нее не нарадуюсь...

— Затѣмъ-то, сватъ, мы и гонимся, потому сами видимъ...

— У насъ съ тобой, чтобъ было хорошо, продолжалъ Кузьма, я ужъ у ней допросился... Ты на нее не смотри... Какъ пастуха засадили въ чижовку-то, да какъ узнала она, что его отставили отъ должности, — вдругъ присмирѣла. Да и я-то молвилъ: чтожъ я теперь, дочка, куда отъ тебя пойду? побираться али въ работники? При старости я и пойду за тебя страдать? Намъ свату отплатиться нечѣмъ!

— Ну что же она на это? спросилъ Краюхинъ, видимо интересовавшійся словами невѣсты.

— Она это говоритъ: потому что я не знала этихъ дѣловъ... вы мнѣ тогды не сказали, какъ наперва запивали... По мнѣ домъ жениха будь хоть золотой! Кабы я плохая дѣвка была?... а ты за слюнтяя пропилъ! А опослѣ видитъ: некуда податься!..

— То-то сватъ! мотри, чтобъ не было посмѣшья никакого! вѣдь ты слышалъ, сколько я мировыхъ объѣздилъ? а все черезъ тебя, да черезъ твою дочь!... Кабы дѣвка не зартачилась, я бы ни одного мирового не видалъ и не слыхалъ...

— Я самъ, сватушка, хлѣба рѣшился! воскликнулъ Кузьма... все уговаривалъ... вѣдь и такъ сказать: дочь она хучь и моя, а умъ у ней свой... развѣ скоро ее супретишь!...

— Вѣстимо дитё! замѣтилъ Краюхинъ: а не знаетъ того: она у меня словно барыня будетъ ходить: такую шубу ей сошью! У меня теперь овчины выдѣланы—все старика!... Какъ же, сватъ,

надо объ дѣлѣ поговорить: завтра, стало быть, мы поѣдемъ къ попу... а на праздникъ, Господь дастъ, свадьбу сыграемъ: отъ тебя много-ль будетъ родни?...

— У меня своякъ, еще двоюродный братъ, да кумъ Павелъ... хозяйки ихнія... ну, и будетъ съ меня!...

— Ты вели имъ приготавливаться, лошадей подкармливать... Будочки коли нѣтъ, я дамъ... колокольчика два надо, довольно будетъ... ну, погромчка три, четыре... вели попроворнѣй... чтобы не прохлаждались... Я изъ неволи тебя выведу! возьми у меня свѣжинки... я двухъ борововъ убью... возьми солоду... когда взялся справлять тебя, буду справлять!...

— На эвтомъ бладаримъ, Петръ Анисимычъ...

— Готовься! подтвердилъ Краюхинъ: ты ни на что не смотри! Справимъ свадьбу за первый сортъ... А пастухъ не замай посидитъ... Ты дома скажи: его на годъ засадили... Мы съ тобой порѣшили, намъ это дороже всего...

Пріѣхавъ въ Воробьевку, Кузьма попросилъ Краюхина къ себѣ въ домъ. Краюхинъ, отговариваясь, что его ждутъ домашніе, согласился зайти на минуту. Въ избѣ тускло горѣла лучина. Мать невѣсты лежала на печи. Параша сидѣла у свѣтца за шитьемъ. Краюхинъ помолился и произнесъ:

— Еще здравствуй сватья!

— Здравствуй, сватъ! съ трудомъ проговорила хозяйка. Не взыщи! Я вотъ третій день хвораю...

— Ишь когда вздумала хворать! А ты вари брагу... мы съ сватомъ, слава Богу! порѣшили... Пастуха засадили въ чижовку!...

— Засадили? спросила хозяйка...

— Нѣшто моихъ силъ не хватитъ, сказалъ Краюхинъ... Хотѣли-было въ острогъ, ну я уговорилъ годъ продержать въ чижовкѣ... Все у насъ съ вами было ладно, по согласью сходились... а потомъ вдругъ приходитъ эта самая нищета, — наше все дѣло разбила!... такъ теперь его въ сибирку!... А на свата Кузьму я просьбу окоротилъ!... Мы съ нимъ сошлись... Ну, мнѣ пора домой... Прощавайте!...

— Счастливо сватенекъ, сказала хозяйка: не взыщи, поподчивать тебя нечѣмъ.

Кузьма проводилъ Краюхина, и вернувшись въ избу, обратился къ женѣ:

— Какъ же теперь быть? небойсь, надо какое-нибудь разрушеніе сдѣлать!... Спроси у дѣвки-то: идетъ чтоль она или нѣтъ? Сейчасъ сватъ мнѣ говорилъ: ежели твое дитё за моего не пойдетъ, я и тебя засужу... почему что я тебя коштовалъ...

напитковъ разныхъ привозилъ... Идѣ-жъ, говоритъ, твоя дочь допреже была? а теперь она встрянулась, — насчетъ дѣловъ — что за дурака отдаютъ!...

Кузьма стоялъ среди избы, мрачно посматривая то на печку, то на дочь, неподвижно сидѣвшую у свѣтца.

— Ну, что-жъ, Паранька, какъ ты думаешь? грозно спросилъ Кузьма.

Дѣвушка молчала; на шитье градомъ катились слезы.

— Паранюшка! простонала мать съ печи: иди, милая, за Ивана... ты вишь... пастуха посадили въ чижовку — на цѣлый годъ!...

— Паранька! сказалъ отецъ: одумайся! за пастухомъ тебѣ не быть... Я тебѣ сказываю: я его близко къ двору не подпущу!...

— Что-жъ, батюшка, тихо произнесла дѣвушка: отдавай!... изъ твоей воли не выступаю... Дѣвушка утерла занавѣской глаза.

— Ну вотъ! подхватила мать: съ согласьемъ?

— Съ согласьемъ... когда вы задумали надъ моей головой... Не замай сватъ пріѣдетъ...

— Давно бы такъ-то, сказалъ отецъ и сѣлъ за столъ: а въ церкви не запируешь?...

— И въ церкви скажу, подтвердила дѣвушка: иду за него...

— Вотъ умница! всхлипнула мать: и странніе люди скажутъ: «стало быть оченно умна, что идетъ за этакого человѣка!... вотъ такъ дитё!... гдѣ найти такое дитё? другія дѣвки брыкаютъ... а эта родителевъ слухая...»

X.

Свиданіе съ заключеннымъ.

На другой день рано утромъ Параша съ узелкомъ въ рукахъ вышла изъ дома и, посмотрѣвъ на деревню, которая спала глубокимъ сномъ, направилась черезъ одонья къ лѣсу, стоявшему верстахъ въ двухъ отъ Воробьевки; вправо отъ него, какъ на ладонкѣ, видно было село Лебедкино съ каменною церковью. Слегка морозило. На востокѣ разливался оранжевый свѣтъ — предвѣстникъ осенняго солнца. По тропинкѣ, пролегавшей на днѣ лѣсного оврага, Параша вышла къ рѣкѣ, на берегу которой стояло волостное правленіе. Вправо и влѣво шли дороги въ село, располагавшееся на двухъ косогорахъ. На крыльцѣ волостного правленія отставной солдатъ съ небритой, сѣдой бородой, держа въ рукѣ бабій котъ, искалъ мотокъ дратвы, ругая вчерашнее засѣданіе.

— Ишь окаянные! лаптищами-то шлындали, да на ногахъ и унесли дратву...

— Что, здѣсь Егоръ парень сидитъ? спросила Параша, стоя у крыльца.

— Какой? съ недоумѣніемъ глядя на дѣвушку возразилъ сторожъ.

— Молодой парень...

— Тебѣ на что?

— Да мнѣ хотѣлось съ нимъ повидаться.

— А тебѣ онъ кто?

— Онъ мнѣ сродочъ... сдвоюродный братъ онъ намъ...

— Ну, взойди, сказалъ солдатъ и повелъ дѣвушку въ избу, раздѣлявшуюся отъ правленія сѣнями.

— Мнѣ только повидаться, говорила Параша, когда солдатъ отворялъ дверь.

Изба была широкая съ длинными лавками, съ русской печью, близъ которой при самомъ входѣ устроены были двѣ чижовки съ маленькими дверцами.

Солдатъ снялъ съ пробоя цѣпь—и въ избу вошелъ пастухъ.

— Ахъ, другъ ты мой милый! воскликнулъ Егоръ, увидавъ Парашу... Какъ это Господь занесъ тебя сюда?...

— Да вишь пришла тебя провѣдать, сказала Параша: все ли ты себѣ здоровъ?

— Я-то здоровъ, да вишь не благополучно... Этими дѣлами-то замѣшался сюда...

— Она чтожъ тебѣ доводится, спросилъ солдатъ, стоя у двери.

— Въ третьемъ колѣнѣ... проговорилъ пастухъ, сѣвши на лавку.

— Она на тебя не похожа, замѣтилъ солдатъ.

— Она мнѣ, братъ, вотъ что! вдругъ объявилъ пастухъ: нечего тутъ хлопотать... мы съ ней жили у любѣ... а потомъ, я черезъ нее въ это мѣсто попалъ... Мнѣ ее хотѣлось взять!

— А я думалъ, она тебѣ сестра, сказалъ солдатъ, ковыряя шиломъ башмакъ: такъ стало ты за то-то страдаешь?

— За самое за это! за одно слово только...

— Ну что-жъ? разговорился солдатъ: ничего! ты посидишь здѣсь, опять выйдешь... на поселенье не можно сослать за эту штуку... Авось эта исторія—не душу загубилъ... Не этакія дѣла дѣлаютъ! Ну, разговаривайте себѣ! а я пойду отъ васъ... Что хотите говорите, я васъ запру замочкомъ...

Солдатъ вышелъ.

— Ахъ Параня, Параня! какъ это ты вздумала меня провѣдать? говорилъ пастухъ. А я не только что... сижу здѣсь хлѣба не ѣвши, все объ тебѣ думаю...

— А я какъ услыхала, что ты сюда попалъ, захотѣлось мнѣ тебя провѣдать, невозможно мнѣ никакъ терпѣть... Какъ я къ тебѣ шла-то, такъ я въ слезахъ не видала слѣда... И не чаяла я съ тобой повидаться... все сердце мое изныло объ тебѣ... Одолѣла меня грусть...

Дѣвушка утерла занавѣской глаза и продолжала:

— Обманули меня... запятнали мою душу навѣчно! Что Богъ мнѣ скажетъ, а на умѣ у меня дюже чижало... Не стану я съ нимъ жить, что Богъ не дастъ!... Я пришла успросить:— надолго тебя тутъ посадили?

— Нѣтъ, на недѣлю.

— А я слышала на годъ... Я за тѣмъ-то къ тебѣ и рвалась... Какой ты худой сталъ! замѣтила дѣвушка, поднявъ на парня глаза.

— Эхма! какъ мнѣ худому не быть! сама знаешь... сердце начало сохнуть кое по тебѣ... кто ее знаетъ? бываетъ какое распоряженіе выйдетъ... хотѣли къ слѣдователю весть...

— А я принесла тебѣ рубашку, сказала дѣвушка и начала развязывать узелокъ.

— Нѣтъ, видно эту мнѣ рубашку не носить...

— Нѣтъ, носи на здоровье, перебила дѣвушка: ты у меня рубахъ не переносишь... А Ванькѣ хорошихъ рубахъ не носить... они всѣ на тебѣ будутъ...

— Что-жъ! ты развѣ выходишь за него?

— Послушай! — дѣвушка взяла парня за руку: — я этихъ дѣловъ не пугаюсь! пусть отдаютъ! ты самъ разсуди: куда-жъ мнѣ отъ него дѣваться? Никакъ я не могу противъ отца, матери попясться... Никто моей жизти не знаетъ! будутъ они меня все бить... Ужъ я колько думала объ этомъ... Убѣчь отъ нихъ. Али тебѣ стать опять перебивать? какъ бы хуже не было... Отецъ сказалъ, что и на глаза тебя не приметъ... Ужъ видно будемъ съ тобой жить такъ... А онъ для меня все равно пень горѣлый въ полѣ...

— А я думалъ, проговорилъ парень, какъ-нибудь обработаю своей силой... Какъ-нибудь свою голову заложу, да тебя возьму... Кабы ты знала, какъ моя душа прилегла къ тебѣ! Я Богъ знаетъ, что могу сдѣлать надъ собой...

— Не послухать отца, матери мнѣ нельзя — вымолвила дѣвушка.

Въ это время у двери загремѣлъ замокъ и въ избу вошелъ сторожъ.

— Ступай, дѣвица, сказалъ онъ: писарь идетъ... Бываетъ я за тебя буду отвѣчать... А съ тебя, Егоръ, могарычъ! обратился солдатъ къ пастуху.

— Приставлю!

— Ну! гдѣ тебѣ приставить...

— Вотъ исторія какая! авось не сто рублей.

— Вѣдь это какая машина: она назвалась тебѣ сестрой, а то бы ее не пустилъ...

Сторожъ и дѣвушка вышли. Пастухъ въ задумчивости ходилъ по избѣ.

Наканунѣ свадьбы, вечеромъ изба свата Кузьмы была наполнена народомъ. У переборки близъ печи сидѣла въ красномъ сарафанѣ, съ лентой въ косѣ, Параша, окруженная подругами. Столъ накрытъ былъ скатертью, на образахъ висѣли полотенца. Изба, какъ и въ обыкновенное время, освѣщалась лучиною. Съ улицы въ маленькія окна смотрѣлъ народъ. Дѣвицы пѣли:

При вечеру — вечеру,
При Прасковьинымъ дѣвишнику,
Прилеталъ младъ ясенъ соколъ
Онъ садился на окошечко, —
На хрустальное стеколышко....

Такъ дѣло и кончилось «веселымъ пиркомъ да свадебкой»...

Но собственно-то дѣло кончилось иначе. Случайно пришлось мнѣ послѣ прочесть въ извѣстіяхъ одной губернской газеты настоящій конецъ того, что̀ казалось только концомъ: «21 ноября 18.... года въ управленіе N....ской части дано знать о скоропостижной смерти крестьянина деревни Воробьевки Ивана Краюхина. При осмотрѣ тѣла умершаго оказались многочисленныя ссадины и синія пятна, а на головѣ, на три пальца ниже соединенія теменныхъ костей, рана длиною въ дюймъ. Подозрѣніе въ совершеніи означеннаго преступленія пало на жену Краюхина, Прасковью Губареву, а также на крестьянина деревни Чернолѣсокъ Егора Ефимова....» Обвиненіе заканчивалось словами: «поименованныхъ лицъ на основаніи 201 и 208 ст. уст. уголовн. суд. предположено предать суду N....скаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей». Что̀-то будетъ говорить прокуроръ; чѣмъ порѣшатъ дѣло присяжные?

Н. Успенскій.

ПО ПОЛЯМЪ БИТВЪ

и

ЛАЗАРЕТАМЪ

въ 1870 г.

Изъ путевыхъ записокъ доктора.

«Я нарочно въ это ненастное время (1856 г.) поѣхалъ на сѣверную сторону (Севастополя), чтобы осмотрѣть тамъ моихъ ампутированныхъ. Я ихъ и нашелъ въ солдатскихъ палаткахъ. Можно себѣ представить, каково было съ отрѣзанными ногами лежать на землѣ по-трое и по-четыре вмѣстѣ; матрацы почти плавали въ грязи, все и подъ ними и около нихъ было насквозь промочено,.. Больные дрожали, стуча зубъ-объ-зубъ, отъ холода и сотрясательныхъ ознобовъ...» (*Начало общ. в.-полев. хирургіи, Н. Пирогова*).

I.

Во Франціи.

Война между Пруссіей и Франціей. Наше «Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ» поспѣшило также высказать все свое сочувствіе къ страданіямъ, которыхъ должны были тогда ожидать десятки и сотни тысячъ людей, и не остановилось передъ издержками для отправленія на театръ войны нашихъ врачей-хирурговъ, которые помогли бы облегчать, по возможности, участь раненыхъ. Изучивъ международный отдѣлъ парижской выставки въ 1867-мъ году, принимавъ участіе въ

международныхъ конференціяхъ въ Берлинѣ въ 1869-мъ, я не могъ отказать себѣ въ желаніи ѣхать на мѣсто дѣйствія и провѣрить на дѣлѣ многое изъ того, о чемъ могъ догадываться прежде, въ особенности въ такой войнѣ, какой слѣдовало ожидать между двумя сильнѣйшими державами Европы.

4-го августа послѣдовало высочайшее разрѣшеніе отдать въ распоряженіе нашего главнаго управленія попеченія о раненыхъ семь человѣкъ врачей, съ сохраненіемъ имъ всѣхъ служебныхъ правъ. На слѣдующій день, 9-го, я проводилъ двухъ товарищей, Ш. и М., а въ понедѣльникъ, устроивъ свои служебныя дѣла, мы пустились въ путь съ врачемъ Преображенскаго полка Б., съ которымъ и провели вмѣстѣ все время за границей. Въ проливной дождь пришлось мнѣ заѣхать къ своему семейству въ деревню, проститься съ нимъ и съ слѣдующимъ курьерскимъ поѣздомъ догонять моего спутника. 14-го, утромъ въ 9 часовъ, я уже встрѣтился съ нимъ въ Вѣнѣ, въ гостинницѣ, а черезъ часъ мы опять были на станціи, чтобы ѣхать далѣе на Мюнхенъ, въ Базель, который былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ лицъ, облеченныхъ въ международный характеръ и отправлявшихся изъ Россіи на театръ войны. Къ сожалѣнію, поѣздъ, съ которымъ мы поѣхали, остановился вечеромъ въ Зальцбургѣ и, вслѣдствіе измѣненнаго движенія поѣздовъ въ Баваріи, по случаю войны, не сообщался непосредственно съ Мюнхенской линіей въ тотъ же вечеръ. Съ 5-ти часовъ вечера до часа ночи пришлось оставаться въ Зальцбургѣ, полюбоваться его живописными пейзажами, взглянуть на домъ Парацельса и ждать терпѣливо ночного поѣзда.

15-го въ Мюнхенѣ. Въ вокзалѣ первые караульные, которые находятся здѣсь для порядка при провозѣ войскъ и транспортѣ раненыхъ, первый флагъ съ краснымъ крестомъ, обозначающій складъ перевязочныхъ и другихъ предметовъ для раненыхъ и больныхъ. Аугсбургъ, Кемптенъ, вершины снѣжныхъ горъ Баварскихъ Альпъ, Альпійское озеро, холодъ на высотѣ 2,500 фут. около Оберъ-Штауфена и Линдау на берегу Констанцскаго озера, въ прелестный день пріятно вліяли на насъ, не мало уже впрочемъ утомленныхъ путешествіемъ. Переѣздъ по Констанцскому озеру неудачный: погода измѣнилась, вѣтеръ рвалъ шапки, густой дождь заслонялъ живописныя картины береговъ. Въ Романсгорнѣ мы уже на швейцарской территоріи; здѣсь обратились къ инспектору станціи, предъявили ему наши виды съ краснымъ крестомъ, спросивъ, нѣтъ ли возможности ѣхать по уменьшенной цѣнѣ, но распоряженіе это въ Швейцаріи относилось только до швейцарскихъ врачей.

Промчались черезъ Цюрихъ, ожидая съ нетерпѣніемъ конца путешествія, такъ какъ въ Базелѣ надѣялись найти нашего делегата профессора Гюббенета и отдохнуть, прежде чѣмъ пускаться въ дальнѣйшее путешествіе. Въ Базель пріѣхали поздно вечеромъ, потому никакихъ справокъ навести не могли, но утромъ же отправились въ международное агентство, родъ канцеляріи, гдѣ намъ сообщено было, что профессоръ уже два дня тому назадъ уѣхалъ въ Мангеймъ. Въ два часа дня слѣдовало ѣхать дальше, и передъ отъѣздомъ обязательное агентство доставило намъ письмо съ сообщеніемъ, что профессоръ сейчасъ прислалъ депешу, въ которой увѣдомляетъ всѣхъ ищущихъ его, что ждетъ ихъ въ Мангеймѣ, въ гостинницѣ «Horn». Свѣдѣніе это крайне обрадовало насъ, потому что мы увидѣли, наконецъ, возможность встрѣтиться съ нимъ скоро и рѣшить дальнѣйшую нашу судьбу. Прекрасный Рейнъ, извивающійся посерединѣ города и суровый и спокойный видъ города, въ особенности въ воскресенье, во время церковной службы, навѣялъ на насъ какое-то пріятное, спокойное настроеніе духа. Дорога по Баденскому герцогству, уже начиная отъ Базеля, напоминала на каждомъ шагу близость театра войны. Здѣсь уже встрѣчались вагоны съ международнымъ крестомъ, большею частью съ предметами, назначенными для военныхъ лазаретовъ. Спорный Рейнъ съ одной стороны, и вдали Вогезы, а съ другой Шварцвальдъ дѣлали дорогу крайне интересной. Странно было подумать, что германскія войска уже давно за этими горами и далеко, далеко зашли въ непріятельскую землю. Около Мюльгейма Рейнъ удаляется отъ линіи желѣзной дороги. Постоянный дождь надоѣлъ. У Фрибурга живописные пейзажи; вечеромъ холодно. Отъ станціи Денглингенъ, въ 4-хъ часахъ (баденская мѣра пространства) отъ Страсбурга, вечеромъ я услышалъ первые залпы его бомбардировки. Жители окрестныхъ селеній, по случаю воскресенья, ѣздятъ на partie de plaisir въ Аппенвейеръ и даже въ Кель, гдѣ забираются на крыши, чтобы видѣть въ ночной тьмѣ блистающія ядра и гранаты, бросаемыя въ Страсбургъ изъ окружающей его нѣмецкой арміи, и обратно въ Кель изъ Страсбурга французами. Вагоны на этихъ станціяхъ переполнены пассажирами; въ вокзалахъ, на платформахъ цѣлыя толпы; но все это имѣетъ характеръ мирныхъ воскресныхъ поѣздовъ, какъ будто война не тутъ, а очень, очень далеко. Только желаніе скорѣе быть въ Мангеймѣ удержало и меня отъ соблазна остановиться въ Аппенвейерѣ и сдѣлать экскурсію въ Кель. По разсказамъ, нѣмецкія войска начинаютъ бомбардировку только съ вечера, чтобы скрыть свои позиціи,

французы же бомбардируютъ Кель днемъ. Въ видѣ исключенія, Страсбургъ сегодня не горѣлъ. Всѣ по дорогѣ интересуются соборомъ и радуются, что, судя по его наружному виду, онъ еще цѣлъ.

Проѣхали черезъ укрѣпленный Раштадтъ, а въ Карльсруэ, по случаю усиленнаго движенія военныхъ поѣздовъ, пришлось опять остаться ночевать. Въ Карльсруэ уже теперь болѣе тысячи раненыхъ обѣихъ армій, въ госпиталѣ, въ семинаріи, въ клиникахъ, въ барракахъ мастерскихъ желѣзно-дорожной станціи и пр. Здѣсь консультантомъ въ лазаретахъ профессоръ Фирордтъ. На станціи временная военная гауптвахта. Раненые прибываютъ преимущественно съ сѣвера черезъ этапный пунктъ Мангеймъ, а тѣ, которые могутъ быть транспортируемы далѣе, отправляются въ Раштадтъ, Баденъ, Штутгартъ и даже въ Мюнхенъ; здѣсь же остаются преимущественно трудно-раненые, которые не могутъ быть транспортируемы далеко. Контингентъ этихъ лазаретовъ составляютъ преимущественно раненые въ сраженіяхъ при Вейссенбургѣ, Вёртѣ, Зульцѣ, а въ послѣднее время прибываютъ даже изъ-подъ Метца послѣ кровопролитныхъ сраженій 2-го (14-го), 4-го (16-го) и 6-го (18-го) августа. Не далѣе какъ вчера пришелъ сюда полный поѣздъ съ ранеными этой именно категоріи.

Канонада Страсбурга до того возбудила мое воображеніе, что ночью я просыпался отъ всякаго стука дверей и принималъ его въ просонкахъ за залпы орудій. Утромъ въ 7½ часовъ, опять въ дождь и холодъ ни болѣе ни менѣе, какъ у насъ въ сентябрѣ, мы отправились далѣе и на станціи слышали о вылазкѣ французовъ изъ Страсбурга. Въ вагонѣ встрѣтили нѣсколькихъ сестеръ милосердія, которыя, съ небольшими корзинками, составлявшими, повидимому, весь ихъ багажъ, отправлялись куда-то въ лазареты. Недоѣзжая Вислоха, въ большомъ каменномъ строеніи, у самой желѣзной дороги, устроенъ лазаретъ, надъ которымъ развѣвался обычный международный флагъ. Въ Гейдельбергѣ на станціи стражу держатъ молодые обыватели, которые устраняютъ всякое скопленіе любопытнаго люда при выгрузкѣ раненыхъ изъ вагоновъ. Здѣсь пришлось мнѣ видѣть первую ихъ партію, прибывшую въ товарныхъ вагонахъ, но съ нѣкоторымъ комфортомъ, потому что болѣе трудные лежали на носилкахъ, прочіе же просто на соломѣ. Послѣ быстраго осмотра ихъ однимъ изъ частныхъ врачей города, поѣздъ этотъ двинулся далѣе, оставивъ нѣкоторыхъ трудныхъ въ Гейдельбергѣ. Въ 11 часовъ утра, мы въ Мангеймѣ, гдѣ, въ гостинницѣ «Horn», увидѣлись наконецъ съ профессоромъ Гюббенетомъ, который

принялъ насъ съ распростертыми объятіями, и докторами Ш. и М., которые выѣхали днемъ раньше насъ изъ Петербурга и, направившись черезъ Берлинъ, прибыли сюда вчера.

Нашъ уполномоченный въ Берлинѣ сдѣлалъ все возможное, чтобы облегчить намъ средства дальнѣйшаго передвиженія и даже существованія, добывъ намъ карты для свободнаго проѣзда, для занятія реквизиціонныхъ квартиръ и даже, въ случаѣ нужды, для личнаго продовольствія. Билеты эти, съ краснымъ крестомъ, выдавались въ Берлинѣ всѣмъ лицамъ, приглашеннымъ для вольной помощи раненымъ и больнымъ на театръ войны, за подписью главнаго инспектора всей частной помощи въ германскихъ арміяхъ, королевскаго коммисара, графа Плесса. Карты эти составляли неоцѣненное пріобрѣтеніе, какъ мы это испытали впослѣдствіи, и служили намъ вездѣ какъ видъ, паспортъ и легитимація. Безъ нихъ передвиженіе по желѣзнымъ дорогамъ во Франціи, конечно въ территоріи, занятой нѣмецкими войсками, было бы невозможно. Въ Мангеймѣ, въ той же гостинницѣ, было бюро одного изъ делегатовъ графа Плесса, рыцаря ордена іоаннитовъ, графа Вершовца; лицо это, а впослѣдствіи другіе замѣнившіе его делегаты, оказали намъ полную готовность быть полезными во всѣхъ нашихъ сношеніяхъ какъ съ прочими нашими товарищами, такъ и съ властями на театрѣ войны, и до самаго конца моего пребыванія за границей доказывали это на дѣлѣ. Правильность такой организаціи въ тылу арміи выказывалась на каждомъ шагу. Столкновеній, повидимому, и быть не могло; лица, поставленныя на извѣстныхъ постахъ, имѣли всегда опредѣленный кругъ дѣйствій, ясно опредѣленныя права, никогда не превышали власти и всегда съ готовностью исполняли всѣ просьбы, имъ адресованныя, если онѣ не выходили изъ круга ихъ законной дѣятельности. Если впослѣдствіи пришлось слышать о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ, то это составляло столь рѣдкое исключеніе, что едва ли заслуживало, чтобы объ этомъ говорить. Сказанное здѣсь относится именно къ двумъ категоріямъ лицъ, съ которыми намъ постоянно приходилось имѣть сношенія. Къ первой принадлежали военные начальники, такъ-называемые *этапные коменданты*, на которыхъ во всѣхъ болѣе важныхъ пунктахъ этапныхъ линій отдѣльныхъ армій лежала обязанность наблюдать за правильностью дѣйствій и порядкомъ при передвиженіи войскъ, войсковаго имущества и т. п.; ко второй—*рыцари ордена іоаннитовъ*, которые, какъ делегаты королевскаго коммисара, назначены были для поддержанія связи между всѣми органами вольной помощи и арміями. Не касаясь пока первыхъ, скажемъ только о послѣднихъ:

назначеніе этихъ лицъ, большею частью достойныхъ уваженія и по образованію и по общественному положенію, было одно изъ самыхъ удачныхъ дѣйствій правительства и значительно обезпечило правильность сношеній двухъ совершенно разнородныхъ элементовъ, а именно: военной администраціи и частной благотворительности. Правда, не обошлось и здѣсь безъ исключеній: роль іоаннитовъ такъ легко могла переходить въ роль начальствующихъ лицъ съ одной стороны, съ другой же—уполномоченные частныхъ обществъ съ такимъ рвеніемъ приносили себя лично въ жертву общественному дѣлу, что незначительныя столкновенія оказывались иногда неизбѣжными. Конечно, эти неправильности легко могутъ быть на будущее время изглажены болѣе точнымъ опредѣленіемъ значенія іоаннитовъ и меньшей исключительностью администраціи, какъ будто чуждающейся на театрѣ войны присутствія лицъ не военнаго, а гражданскаго характера. Впрочемъ, къ этому вопросу придется еще возвратиться.

Не долго думая, мы составили съ профессоромъ маленькій военный совѣтъ. Дѣло было такъ: «Общество попеченія о раненыхъ», кромѣ семи врачей, назначенныхъ первоначально, прислало еще пять человѣкъ, и въ итогѣ оказалось большинство нѣмецкаго происхожденія. Докторъ Г. прислалъ изъ Берлина письмо, въ которомъ просилъ, чтобы ему дозволено было отправиться въ главную квартиру германской арміи, согласно распоряженію военнаго министерства въ Берлинѣ. Другіе врачи выразили желаніе оставаться въ Германіи. Остался мой спутникъ, докторъ М., и докторъ Ш., и профессоръ рѣшилъ, пославъ послѣдняго впередъ, въ Гагенау и Бишвейлеръ, для узнанія мѣстныхъ условій и потребностей, отправиться съ нами тремя во Францію, гдѣ, или оставаясь въ нѣмецкомъ лагерѣ или перейдя во французскую армію, мы могли бы дѣйствовать совмѣстно на пользу французскихъ раненыхъ.

Въ Мангеймѣ я имѣлъ случай видѣть доктора З., находившагося за границей съ научной цѣлью и откомандированнаго на театръ войны военнымъ министерствомъ въ распоряженіе нашего делегата. Врачъ этото нашелъ себѣ здѣсь занятіе въ лазаретѣ, и хотя съ горечью отзывался о несоотвѣтственныхъ его званію ординаторскихъ занятіяхъ (старшій врачъ полка въ нашей арміи), но нашелъ однако неудобнымъ отправиться вмѣстѣ съ нами во Францію, такъ какъ назначеніе его въ одинъ изъ Мангеймскихъ лазаретовъ послѣдовало, кажется, по распоряженію прусскаго военнаго министерства. Пользуясь временемъ, мы осмотрѣли здѣсь временной лазаретъ на канатной фабрикѣ (Sei-

lerbahn-Barracken), который находился въ вѣдѣніи профессора дерптскаго университета, Бергмана. Лазаретъ этотъ устроенъ на берегу рѣки, позади города, въ длинномъ баракѣ, въ которомъ имѣется до 130-ти больничныхъ мѣстъ. Все приспособленіе барака сдѣлано въ двѣ недѣли. Будучи самой простѣйшей конструкціи, это досчатое строеніе имѣетъ длинныя боковыя стѣны, недоходящія до крыши, и остающееся на верху пространство закрыто холщевыми полотнищами.

Нечего и говорить, что въ подобномъ, хотя и быстро импровизованномъ помѣщеніи вентиляція совершенно удовлетворительная, размѣщеніе больныхъ не оставляетъ тоже ничего желать, но, конечно, только въ лѣтнее время. Это былъ, слѣдовательно, первый лазаретъ, въ которомъ мы увидѣли болѣе сотни раненыхъ воиновъ, какъ германскихъ войскъ, такъ и французовъ, съ ихъ знаменитыми тюркосами. Всѣ раненія—огнестрѣльныя и большею частью ружейными пулями. Отличный перевязочный матеріалъ и усердная женская прислуга производили весьма хорошее впечатлѣніе. Профессоръ здѣсь работаетъ одинъ; какъ помощникъ, состоитъ при немъ только молодой студентъ, и во время нашего посѣщенія докторъ Бергманъ собственноручно долженъ былъ взрѣзывать толстыя гипсовыя повязки. При насъ онъ весьма удачно вынулъ пулю изъ лопаточной области, и показалъ намъ больного на пути къ выздоровленію, а ему сдѣлана была ампутація голени на 14-й день послѣ раненія; у другого отлично сростающійся переломъ плечевой кости по наложеніи ему гипсовой повязки, несмотря на то, что больной, лежавшій послѣ раненія подъ Метцомъ два дня, подъ орудіемъ, безъ всякой перевязки, присланъ былъ сюда съ временною, крайне неудовлетворительною повязкою (Nothverband), состоящей только изъ куска бинта безъ лубка. Къ сожалѣнію, подобные случаи неудовлетворительной первоначальной перевязки встрѣчалъ я и впослѣдствіи; но объ этомъ послѣ. Больной этотъ принадлежалъ нѣмецкой арміи.

Большинство раненыхъ перевезено сюда послѣ сраженія подъ Вёртомъ, и только весьма немногіе изъ-подъ Метца. Вообще у раненыхъ видъ отличный. Безцеремонный расходъ перевязочнаго матеріала меня поразилъ въ военное время, гдѣ, казалось бы, никакая экономія въ этомъ предметѣ не лишняя. Ирригаторы Эсмарка въ большомъ употребленіи, и, согласно послѣднему указанію этого хирурга, во избѣжаніе переноса гноя отъ одного раненаго къ другому, каждый изъ нихъ снабженъ собственнымъ каучуковымъ наконечникомъ. Понравились мнѣ желобоватые деревянные лубки Бергмана съ кольцами для подвѣски; въ связи

съ гипсовой повязкой это своеобразная модификація шинъ Ватсона и Эсмарка.

Въ Мангеймѣ насъ обрадовало извѣстіе, что вѣнскій профессоръ Бильротъ—въ Гагенау, и это немало устраиваетъ насъ въ виду завтрашней экспедиціи. Въ видахъ предосторожности, графъ Вершовецъ написалъ въ Гагенау о нашемъ предполагаемомъ пріѣздѣ и спросилъ, есть ли необходимость во врачахъ въ лазаретахъ Гагенау. Отвѣтъ былъ полученъ отрицательный, но, несмотря на то, мы рѣшились поѣхать, а докторъ Ш. отправился туда въ тотъ же вечеръ. Получивъ письменный пропускъ отъ графа Вершовца, намъ оставалось только перебраться черезъ Рейнъ; впрочемъ, пропускъ оказался лишней предосторожностью— наши карты были совершенно для этого удовлетворительны.

Регламентарное раздѣленіе военныхъ лазаретовъ на полевые, постоянные и резервные (Feld- Stehende-und Reserve- Lazarethe) здѣсь во всей силѣ, хотя общеупотребительными остались только первое и послѣднее ихъ названія. Въ тотъ моментъ, когда персоналъ полевыхъ лазаретовъ, съ принадлежащими къ нимъ вещами, удаляется, чтобы слѣдовать за войсками,—и лазаретъ переходитъ въ завѣдываніе другихъ лицъ, назначаемыхъ изъ резервовъ; такимъ образомъ, полевой лазаретъ превращается въ резервный. Такой резервный лазаретъ въ большомъ размѣрѣ устроенъ здѣсь на Exercier-Platz, и весь состоитъ изъ вновь построенныхъ бараковъ. Лазаретъ этотъ я посѣтилъ въ другое время и потому вернусь къ нему впослѣдствіи.

Въ 6 часовъ вечера мы уже были въ дорогѣ. Профессоръ, задержанный дѣлами и пріѣздомъ еще двухъ врачей, догналъ насъ только ночью въ Гейдельбергѣ. На Гейдельбергской станціи я зашелъ въ пріемную, устроенную для прибывающихъ раненыхъ. Это небольшая комната, въ которой постоянно дежуритъ кто-либо изъ мѣстныхъ врачей, на этотъ разъ одинъ изъ отставныхъ, и чиновникъ въ качествѣ секретаря. Они распредѣляютъ раненыхъ, доставляемыхъ поѣздами, въ 17 большихъ и малыхъ лазаретовъ, устроенныхъ въ Гейдельбергѣ на 550 больныхъ. Въ этотъ день ихъ состояло на лицо 450. Сверхъ того, въ постройкѣ находились еще четыре барака, на 36 мѣстъ каждый. Всѣми лазаретами Гейдельберга и его района завѣдуетъ профессоръ Симонъ. Здѣсь же Геліусъ, Фридрейхъ и другіе. Ночью прибылъ нашъ профессоръ съ врачами, которые пожелали остаться въ Гейдельбергѣ, и съ четырьмя молодыми людьми, нанятыми имъ въ качествѣ санитарной прислуги. Утро мы посвятили осмотру лазаретовъ, а именно университетскаго барака, гдѣ нашли исключительно трудно-раненыхъ нѣмецкихъ солдатъ. Въ этомъ баракѣ

профессоръ Симонъ произвелъ при насъ высокую ампутацію плеча; предполагалось собственно сдѣлать вылущеніе въ суставѣ, но трещина кости, доходившая до хирургической только шейки, дозволила ограничиться ампутаціею. Больной, кромѣ раны плеча, имѣлъ еще огнестрѣльный переломъ верхней части бедра и, казалось, мало подавалъ надежды на выздоровленіе; впослѣдствіи однако я узналъ, что онъ выздоровѣлъ; по случаю высказаннаго сомнѣнія въ пользѣ высокой ампутаціи передъ вылущеніемъ, я при свиданіи объяснялся съ нашимъ почтеннымъ Н. И. Пироговымъ, который высказался положительно въ пользу ампутаціи даже между хирургической и анатомической шейкой передъ вылущеніемъ, такъ какъ при послѣдней, вслѣдствіе значительнаго сокращенія артеріи, нерѣдко дѣло оканчивается вторичными кровотеченіями, требующими перевязки подключичной артеріи. Это одно изъ тѣхъ практическихъ наблюденій нашего севастопольскаго дѣятеля, которое всегда должно помнить, какъ ни соблазнительно кажется удалять въ подобныхъ случаяхъ остающуюся какъ бы лишнею головку плечевой кости. Между больными этого барака было нѣсколько съ переломами бедра, причемъ Симонъ изложилъ свою оригинальную теорію о вредѣ всѣхъ методовъ пользованія въ подобныхъ случаяхъ, основанныхъ на вытяженіи. Взглядъ его нигдѣ между хирургами германскими не встрѣчаетъ сочувствія, и на насъ больные, съ громадными смѣщеніями переломанныхъ концовъ бедренной кости и послѣдовательнымъ сильнымъ укороченіемъ всей конечности, оставляемые безъ всякой почти перевязки, производили самое непріятное впечатлѣніе. Уже здѣсь меня поразило то обстоятельство, что больные съ подобными важными поврежденіями, какъ огнестрѣльные переломы бедра, могли быть транспортируемы изъ Франціи въ Германію, тогда какъ эти-то именно больные должны быть пользуемы на мѣстѣ и никакимъ дальнимъ транспортамъ не подвергаться. И здѣсь, какъ въ Seilerbahn, прислуга женская, отличная. Профессоръ Беккерсъ, окулистъ, котораго мы встрѣтили, показалъ намъ свою глазную-клинику, въ которой мы нашли интересные случаи поврежденія головы. Три сквозныя раны черезъ верхнюю часть лица ясно съ поврежденіями костей, близкихъ къ основанію черепа, найдены были нами уже въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Одинъ французъ со сквозной раной груди и поврежденіемъ легкаго, уже находился на пути къ выздоровленію. Всѣ эти раненые изъ-подъ Вейссенбурга. Въ одной изъ палатъ клиники американскій докторъ Скоттъ демонстрировалъ намъ прекрасный методъ пользованія переломовъ предплечія, состоящій въ томъ, что поврежденный членъ уклады-

вается на длинную шину, къ концамъ которой, помощью эластической трубки и липкихъ пластырей, производится какъ вытяженіе, такъ и противувытяженіе. При такомъ положеніи предплечія на легкой шинѣ, больной производитъ свободно всѣ движенія въ плечѣ и отчасти въ локтѣ, мѣсто поврежденія остается вполнѣ открытымъ, и неподвижность переломленной кости достигается вполнѣ. Методъ этотъ составлялъ тезисъ диссертаціи Скотта и, по моему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія военныхъ хирурговъ. Его же—методъ пользованія переломовъ бедра: всей конечности дается положеніе слегка приподнятое на нижней части голени помощью липкихъ пластырей, производится вытяженіе черезъ кроватный блокъ, на мѣсто же перелома накладываются коротенькіе лубки (coaptations-splints); противувытяженіе оказывается уже излишнимъ, такъ какъ оно замѣняется при приподнятой конечности всей тяжестью таза. Успѣшныхъ случаевъ излеченія, по этому методу, осложненныхъ переломовъ бедра докторъ Скоттъ насчитываетъ до 17-ти; я же отмѣтилъ это только потому, что поврежденія бедра составляютъ самыя частыя поврежденія на театрѣ войны, и самыя неблагопріятныя для транспорта; вопросъ этотъ первѣйшей важности, и всѣ самые разнородные методы пользованія этихъ переломовъ испытывались въ разныхъ лазаретахъ и исключили почти совсѣмъ ампутацію бедра, столь гибельную въ военное время; впрочемъ, послѣднее слово науки по этому вопросу еще и нынѣ не сказано.

Здѣсь сію минуту получено извѣстіе, что шайка французскихъ мародеровъ возлѣ Мюльгейма перешла Рейнъ, разграбила деревню Шлингель, такъ что изъ Раштадта потребованы были телеграфомъ баталіоны войскъ; другихъ подробностей не знаемъ, но странно подумать, что только третьяго дня мы, проѣзжая эту мѣстность, удивлялись мертвенной тишинѣ и спокойствію на французскомъ берегу Рейна. Впрочемъ, это мимоходомъ. Возвращаюсь къ профессору Беккерсу; нельзя не отдать ему справедливости за его къ намъ вниманіе и любезность, съ которой онъ демонстрировалъ намъ, кромѣ раненыхъ, еще множество прекрасныхъ патолого-анатомическихъ препаратовъ, добытыхъ въ своей практикѣ по глазнымъ болѣзнямъ, и разныхъ аппаратовъ своего кабинета. Это солидный и трудолюбивый профессоръ, достойный своего знаменитаго вѣнскаго учителя Арльта. Профессоръ Симонъ на предложеніе нашего уполномоченнаго изъявилъ согласіе принять нашихъ двухъ врачей, Ю. и Б., подъ свое покровительство и дать имъ по возможности занятія въ Гейдельбергѣ. Вечеромъ прибыли два врача отъ морского ми-

министерства, Л. и К. Согласно ихъ желанію, нашъ профессоръ направилъ ихъ обратно въ Мангеймъ съ письмомъ къ Бильроту, который, къ нашему сожалѣнію, уже не въ Гагенау. Дѣло складывается такъ, что едвали наша экскурсія ограничится нѣсколькими днями, какъ предполагалось, и потому не дальше какъ здѣсь пришлось уже запастись нѣкоторыми необходимыми принадлежностями собственнаго туалета, такъ какъ весь нашъ багажъ остался въ Мангеймѣ. Мы уже здѣсь твердо рѣшились быть въ Парижѣ, и странно—несмотря на совѣты всѣхъ моихъ петербургскихъ друзей не оставлять нѣмецкаго лагеря, приходится ихъ не исполнить въ виду затруднительнаго положенія нашего уполномоченнаго отдать часть находящихся въ его распоряженіи врачебныхъ силъ побѣжденнымъ, согласно принципу международному. Направляясь къ театру военныхъ дѣйствій, мы закупили здѣсь нѣкоторую долю хирургическихъ инструментовъ, а правильнѣе сказать, опустошили уже и безъ того почти пустой инструментальный магазинъ лучшаго здѣшняго мастера; видно, потребность въ хирургическихъ инструментахъ превысила, уже въ самомъ началѣ войны, ожиданія. Ночью мы отправились въ Карльсруэ, гдѣ должны были переночевать, и гдѣ проснулись утромъ подъ звуки побѣдныхъ уличныхъ криковъ: армія Макъ-Магона разбита при Бомонѣ, и баденскіе флаги развѣваются на всѣхъ домахъ. Такое быстрое движеніе войны приводитъ насъ въ нѣкоторое недоумѣніе—не опоздаемъ ли мы съ нашей помощью. Нашъ уполномоченный имѣлъ случай встрѣтить ея императорское высочество Марію Максиміліановну, въ складѣ общества частной помощи, а Б. получилъ отъ нея собственноручное письмо къ герцогу Кобургскому — кажется, лучшая гарантія для дальнѣйшаго безостановочнаго нашего движенія впередъ. Любимый лазаретъ ея высочества находится въ баракахъ желѣзно-дорожной станціи. Только поспѣшный нашъ отъѣздъ въ Вейссенбургъ, по ея же совѣту, въ экипажѣ, такъ какъ линія желѣзной дороги была занята военными поѣздами, не дозволилъ мнѣ посѣтить этого лазарета. Въ 7 часовъ вечера мы переѣхали черезъ Рейнъ по понтонному мосту, гдѣ пришлось предъявить наши легитимаціи, и мы очутились въ богатомъ баварскомъ Пфальцѣ, который, какъ казалось спачала, долженъ былъ сдѣлаться настоящимъ театромъ войны. Вообще эта война стеченіе нечаянностей.

Послѣ небольшого привала въ одной изъ деревень, мы въѣхали уже ночью въ Вейссенбургъ, крѣпостныя ворота котораго охраняются баварскими солдатами. Ни въ одной изъ гостинницъ нѣтъ ни малѣйшаго помѣщенія. Одно средство—

употребить въ дѣло реквизицію. Въ зданіи мэріи помѣщается этапный комендантъ. Здѣсь получается билетъ, свидѣтельствующій о правѣ на полученіе квартиры въ городѣ. Въ кабинетѣ мэра старикъ секретарь его выдаетъ билетъ съ обозначеніемъ имени обывателя, которому приходится удѣлить часть своей квартиры и постели незванымъ гостямъ. Конечно, послѣднее это дѣло всегда сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями и проволочками и дѣлаетъ вообще весь процессъ реквизиціи квартиры, въ особенности усталому и ночью, крайне непріятнымъ. Въ ожиданіи разныхъ справокъ, старикъ, обрадованный нашимъ знаніемъ его родного языка, трагически разсказывалъ намъ эпизоды Вейссенбургскаго сраженія, смерть безпечнаго генерала Дуэ, котораго первые выстрѣлы прусской артиллеріи застали еще въ постели, храбрую защиту неожиданно захваченнаго Вейссенбургскаго гарнизона и т. д. Въ одномъ изъ переулковъ неосвѣщеннаго города нашли мы наконецъ свою квартиру, у почтенной вдовы m-me H. и встрѣтили пріемъ лучшій, чѣмъ могли бы ожидать въ завоеванной странѣ. Съ утра же не упустили случая осмотрѣть Вейссенбургскіе лазареты, которыми до сихъ поръ завѣдывалъ Бильротъ, а въ день нашего посѣщенія его замѣнилъ ассистентъ его, докторъ Черни, мой вѣнскій знакомый; весьма любезно провожалъ насъ іоаннитъ фонъ-Блюхеръ, который состоитъ здѣсь делегатомъ графа Плессе. Главное помѣщеніе для раненыхъ, это—военный госпиталь и «Collège Stanislas» съ находящейся въ немъ оранжереей. Всего въ Вейссенбургѣ было уже болѣе 600 раненыхъ, но теперь многіе изъ нихъ уже эвакуированы. Въ оранжереѣ мы застали русскую даму, г-жу П., которая съ изумительнымъ усердіемъ исполняла обязанности сестры милосердія. Здѣсь помѣщались преимущественно французскіе раненые. Въ военномъ госпиталѣ застали Черни за перевязкой. Изъ четырехъ сдѣланныхъ имъ ампутацій бедра умеръ одинъ; больной съ перевязкой подвздошной артеріи, вслѣдствіе вторичнаго кровотеченія при сложномъ переломѣ бедра, плохъ; въ этомъ же лазаретѣ сдѣлана перевязка брюшной начальственной артеріи(!). Желая воспользоваться скорымъ отходомъ военнаго поѣзда, мы не могли присутствовать при предстоявшей операціи резекціи лопатки и утромъ же уѣхали далѣе.

Отсюда уже частная корреспонденція посылается на особыхъ печатныхъ картахъ (Feldpost-Karte), которыя отправляются по почтѣ незапечатанными безъ конвертовъ. Это одно изъ отличныхъ учрежденій во время войны; картъ этихъ можно имѣть сколько угодно даромъ на всякой станціи, и этимъ доставлена всякому въ войскѣ возможность оставаться постоянно въ пись-

менныхъ сношеніяхъ съ тѣми, кто ему дорогъ въ оставленномъ имъ отечествѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется отчасти возможность доставленія съ театра войны тѣхъ свѣдѣній, которыхъ военное начальство находитъ нужнымъ не разглашать. Изъ Вейсенбурга мы двинулись съ баталіономъ баварскаго ландвера, причемъ нельзя было не замѣтить отличнаго, бодраго вида солдатъ. Поѣздъ сопровождали два рабочіе желѣзно-дорожной команды, у которыхъ на правомъ рукавѣ была вышита красная буква E. (Eisenbahn). На право отъ дороги у насъ осталось поле и возвышенности, гдѣ недавно происходилъ кровавый бой 23 іюля (4-го августа), послѣ котораго армія наслѣднаго прусскаго принца вошла на французскую территорію. Жители уже немного опомнились послѣ паники и занимаются своими полевыми работами, но каждый военный поѣздъ составляетъ для нихъ явленіе интересное, потому что люди собираются толпами у дорожныхъ изгородей, какъ бы считая и удивляясь огромному числу войскъ, постоянно отправляющихся на театръ войны. Въ Зульцѣ, на станціи, на платформѣ мы увидѣли цѣлую груду изорванныхъ ранцевъ, помятыхъ касокъ и поломанныхъ ружей, жалкіе остатки, свезенные съ поля битвы и неимѣющіе уже своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Тутъ же у самой станціи устроенъ временной лазаретъ въ пяти досчатыхъ баракахъ, повидимому на скорую руку; не менѣе того рейтердахъ на каждомъ изъ нихъ доказываетъ, что и при простѣйшей постройкѣ лазаретныхъ помѣщеній имѣется въ виду возможно лучшая вентиляція. Наши баварцы, ѣдущіе изъ Ингольштадта, вооружены новѣйшей конструкціи ружьями, дающими до четырнадцати выстрѣловъ въ минуту, какъ будто недостаточно и того убійственнаго вооруженія, при которомъ пали уже жертвами цѣлые десятки тысячъ народа. По полудни мы проѣхали черезъ Гагенау, который, несмотря на свои укрѣпленія, сдался безъ боя. Солдаты здѣшняго гарнизона въ домашнихъ кителяхъ сидятъ въ гостинницахъ и беззаботно распѣваютъ свои народныя пѣсни. Народъ только глядитъ на пришельцовъ и молча переноситъ свою судьбу. Въ Бишвейлерѣ большой лазаретъ устроенъ на какой-то фабрикѣ; его видно со станціи. Полагая, что здѣсь нашъ докторъ Ш., мы ему послали карточки съ сообщеніемъ, что ѣдемъ дальше и, по всей вѣроятности, въ Нанси. По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько поѣздовъ съ ранеными и французскими плѣнными. Изъ одного вагона баварскій сержантъ съ гордостью показывалъ своимъ товарищамъ французское знамя съ золотымъ орломъ. Во время остановки въ Бишвейлерѣ, наши баварцы получили горячій перловый супъ съ бѣлымъ хлѣбомъ; перваго, впрочемъ, не хватило

для всѣхъ. Обѣдъ этотъ былъ приготовленъ заранѣе въ наипростѣйшаго устройства временной кухнѣ, сколоченной наскоро изъ досокъ и стоящей у самой станціи. Котелки бѣлой жести— отличная принадлежность солдатской аммуниціи: оно и легко и опрятно, не знаю почему ихъ замѣнили у насъ мѣдными. У станціи Венденгеймъ расходятся линіи страсбургская и нансійская. До Страсбурга всего нѣсколько верстъ, такъ что между тополями видна башня собора; канонады нѣтъ, городъ не горитъ.

Уже вечеромъ мы оставили Венденгеймъ и доѣхали до Брумата, гдѣ, вслѣдствіе значительнаго скопленія вагоновъ на линіи, должны были остаться ночевать. Пришлось искать ночью, по темному городу, какого-нибудь пріюта и добывать средства пропитанія. Всѣ дома безмолвны, темны; на улицѣ, кромѣ одного, двухъ солдатъ, никого не встрѣчаешь, какъ будто здѣсь и нѣтъ ни души. По указаніямъ солдатъ, мы добрались до гостинницы, гдѣ встрѣтили неожиданно весьма оживленную картину: пятьдесятъ человѣкъ кельнско-кобленцскаго ландвера, все молодецъ на молодцѣ, сидѣли за большими столами, каждый за кружкой пива и съ сигарой въ зубахъ, и пѣли весьма не дурно и съ увлеченіемъ извѣстную пѣсню: «Wacht am Rhein». Во время послѣдняго куплета, ровно въ 10 часовъ, явился патруль, состоявшій изъ ихъ же товарищей, и хотя веселая компанія встрѣтила его громкимъ, единодушнымъ хохотомъ, но не менѣе того, зала въ одно мгновенье стала пуста, и за исключеніемъ насъ троихъ и двухъ баденскихъ военныхъ врачей, упражнявшихся на билліардѣ, никого болѣе не осталось. Казалось, что такая дисциплина имъ вовсе не тяжела. По разсказамъ нашихъ баденскихъ товарищей, населеніе здѣсь мало надежное, въ окрестностяхъ являются шайки: даже мѣстная аптека прекратила было отпускъ лекарствъ въ нѣмецкіе лазареты и уступила только понудительнымъ мѣрамъ завоевателей. Французы же жалуются, что къ ихъ раненымъ не допускаются ни французскіе врачи, ни фельдшера, и что они находятся въ полной зависимости отъ нѣмцевъ. Въ 11 часовъ ночи, подкрѣпивши немного свои силы, мы начали, подъ дождемъ и въ потемкахъ, пробираться къ своимъ вагонамъ. Неожиданно были остановлены часовымъ: «Halt! Wer da»? Оказывается, что наши спутники баварцы окружили поѣздъ, въ которомъ всѣ остались ночевать, двумя цѣпями часовыхъ. Ночлегъ въ вагонѣ 3-го класса, на жесткой скамейкѣ, былъ самый безотрадный. Въ видѣ развлеченія началась опять бомбардировка Страсбурга, и вскорѣ далекое зарево освѣтило горизонтъ по направленію къ этому несчастному городу.

На другой день, съ разсвѣтомъ, мы двинулись въ дальнѣйшій путь изъ Брумата, но, проѣхавъ не болѣе, какъ только одну станцію, должны были опять остановиться: впереди, по разсказамъ однихъ, поврежденъ былъ путь, другіе говорили, что одинъ поѣздъ сошелъ съ рельсовъ по злонамѣренности стрѣлочника, хотя всѣ стрѣлки на замкахъ. Отправлена была немедленно команда рабочихъ солдатъ впередъ для очистки дороги, а заботливые командиры баталіона распорядились покупкою быка для продовольствія порядочно уже проголодавшихся солдатъ. Подобныя проволочки чрезвычайно непріятно дѣйствовали на насъ. Казалось, что и война кончится раньше нашего пріѣзда, и трудно было найти какое-нибудь средство развлеченія въ такой пустой мѣстности, какъ эта злополучная станція Гохфельденъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ, сидя въ мѣстной гостинницѣ, услышали мы наконецъ барабанный бой, по которому всѣ разбревшіеся по мѣстечку солдаты, а съ ними и мы, направились къ поѣзду и наконецъ, подъ вечеръ, двинулись впередъ. По дорогѣ въ Савернъ мы встрѣтили поѣздъ, въ которомъ, на одномъ изъ товарныхъ вагоновъ, прочитали крупную надпись: «Eine Leiche nach Berlin».

Въ Савернѣ обогналъ насъ почтовый поѣздъ. Странно—здѣсь уже и почтовые поѣзды! Но, къ сожалѣнію, мы не успѣли имъ воспользоваться и двинулись далѣе съ нашими баварцами; здѣсь же пропустили лазаретный поѣздъ, въ которомъ имѣлось пять вагоновъ, устроенныхъ въ родѣ американскихъ, съ подвѣсными вдоль стѣнъ вагона двѣнадцатью носилками. Я не могъ только разглядѣть, къ какой странѣ Германіи принадлежали эти вагоны. Уже поздно вечеромъ мы подъѣхали къ Вогезамъ. Какія чудныя горы! Какъ зелены ихъ лиственные лѣса! Какъ живописно закруглены ихъ разные отдѣлы! Какъ хорошо вьется съ одной стороны шоссе, съ другой каналъ, соединяющій Марну съ Рейномъ. Наконецъ, мы въѣхали и въ горы. Шесть туннелей на пространствѣ полуторы станціи пронизали этотъ кряжъ и остались въ рукахъ завоевателя не только не поврежденными, но даже въ такомъ образцовомъ порядкѣ, въ которомъ могутъ содержаться дороги только во время самаго невозмутимаго, глубочайшаго мира. Пятый туннель навелъ на насъ маленькій страхъ; неожиданно мы остановились при полной тьмѣ и въ совершенной тишинѣ. Ясно, что мы оторвались, и что нашъ локомотивъ, а можетъ быть и съ войсками, занимавшими передніе вагоны, укатилъ впередъ. Конечно, ни въ вагонѣ, ни назади поѣзда не было никакихъ фонарей. Кто-то изъ пассажировъ зажегъ свѣчу, и, послѣ минувшаго перваго непріятнаго впечатлѣнія, отправился

съ нѣсколькими другими пассажирами осматривать, что случилось. Оказалось дѣйствительно, что наши послѣдніе вагоны остались одни въ туннелѣ. Тутъ начали у всѣхъ являться разныя предположенія: замѣтятъ ли на станціи случившееся, не наѣдетъ ли сзади другой поѣздъ, оберегаются ли достаточно караульными въѣзды и выѣзды туннелей и пр. и пр. Къ счастью, черезъ нѣкоторое время мы почувствовали небольшой толчекъ, происшедшій отъ того, что локомотивъ подошелъ къ намъ обратнымъ ходомъ. Еще два раза, послѣ нѣкотораго движенія впередъ, мы оставались неподвижными; наконецъ, за третьимъ разомъ насъ вывели благополучно и довезли до Пфальцбургской станціи, лежащей едвали не въ виду несдавшейся еще Пфальцбургской крѣпости. Старикъ кондукторъ вбѣжалъ къ намъ со словами, «dass er hat für uns Todesangst gehabt», когда замѣтилъ по выѣздѣ изъ туннеля, что его поѣздъ не весь. Конечно, минутное безпокойство смѣнилось шутками, и мы двинулись дальше черезъ шестой и послѣдній туннель, въ которомъ оставались 14 минутъ, ожидая ежеминутно повторенія случившагося.

Теперь мы въ Лотарингіи. Откуда взялась гроза послѣ такого чуднаго вечера; молнія, громъ и ливень въ горахъ ночью производили особенно сильное впечатлѣніе на всякаго. Какъ легко было бы въ такой мѣстности преградить путь завоевателю, если не при его наступленіи цѣлыми массами войскъ, то, по крайней мѣрѣ, при дальнѣйшихъ операціяхъ, когда длинные поѣзды съ провизіей, съ боевыми снарядами и прочими военными имуществами движутся часто съ недостаточнымъ прикрытіемъ, а между тѣмъ единственный этотъ желѣзный путь эксплуатируется нѣмцами, какъ свой собственный. Все идетъ на театръ войны по этой дорогѣ и по ней же вывозятся цѣлыя тысячи больныхъ и раненыхъ, которые, въ занятомъ краѣ, составляли бы громадное бремя для быстро движущейся впередъ арміи. Особенное счастье для бѣдныхъ жертвъ настоящей войны— оставить поприще кровавыхъ дѣйствій и очутиться въ краю, нетревожимомъ никѣмъ, на рукахъ мирныхъ гражданъ, въ отличныхъ лазаретахъ, которыми переполнена вся Германія, и о которыхъ съ такой любовью печется все общество—это дѣйствительно счастіе въ несчастіи. Уже теперь, при первомъ въѣздѣ моемъ во Францію, я вижу, какъ широка дѣятельность германскихъ обществъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Всѣ транспорты раненыхъ конвоируются лицами, посвятившими себя добровольно дѣлу призрѣнія больныхъ и раненыхъ солдатъ. На станціяхъ послѣдніе подкрѣпляются всѣмъ, что имъ заготовила частная благотворительность; въ лазареты ихъ переносятъ

граждане, а тамъ за ними ухаживаютъ женщины и пользуютъ мѣстные врачи съ такою любовью и такимъ вниманіемъ, что нельзя не преклоняться передъ такимъ человѣколюбіемъ...

Ночлегъ въ Саарбургѣ; уѣхали, значитъ, недалеко. Конечно, проголодавшіеся прежде всего ищутъ гостинницы, и мы попали въ Hôtel «Abondance», въ которомъ однако, несмотря на его обѣщающее названіе, мы не нашли себѣ пріюта. За то встрѣтившійся тутъ жандармскій офицеръ далъ намъ карты на четыре квартиры. Я съ моимъ товарищемъ обезпокоилъ адвоката Р. Старикъ — ревностный патріотъ и въ сильномъ нервномъ раздраженіи: одинъ изъ его сыновей въ Пфальцбургѣ, другой, сражавшійся при Вёртѣ, отступилъ съ арміей Макъ-Магона, которая, по выраженію нашего хозяина, не уходила, а убѣгала. Это было во вторникъ, а въ четвергъ прусскія колонны уже наводнили городъ, и Саарбургъ увидѣлъ кронпринца. Съ того времени уничтожены всѣ сношенія города съ остальной Франціей. Никакимъ извѣстіямъ, получаемымъ пруссаками, обыватели не вѣрятъ; надежда на возмездіе и на полный успѣхъ французскаго оружія не оставляетъ ихъ ни на минуту. Глухой слухъ, полученный нами въ вагонѣ, о сдачѣ Наполеопа подъ Седаномъ съ осьмидесяти-тысячной арміей, дошелъ и до Р. Разсказывая объ этомъ, онъ былъ внѣ себя отъ негодованія, но не противъ Наполеона, а противъ тѣхъ, которые рѣшаются на подобную выдумку. Р. схватилъ карту Франціи и, стуча по ней пальцемъ, доказывалъ всю нелѣпость подобнаго извѣстія; вѣря болѣе городскому говору, онъ заключилъ, что выдумка эта пущена въ баварскія войска военными начальниками, чтобы заставить ихъ двигаться дальше впередъ, такъ какъ войска оказали будто бы въ этомъ отношеніи полное сопротивленіе! Все это странно было слушать намъ, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ баварцами, которыхъ веселыя лица и беззаботность доказывали противное. Намъ пришлось успокоивать нашего бѣднаго старика и убѣждать его беречь свое, повидимому, разстроенное здоровье, надѣясь на лучшее; — старикъ наконецъ, повидимому, успокоился, но выраженіе лица его при прощаніи тронуло насъ до глубины души, и мы съ грустью подумали, сколько дѣлается тревогъ подобными ночными посѣщеніями бѣдныхъ жителей, и безъ того уже встревоженныхъ и убитыхъ горемъ.

Утромъ Р., видимо спокойнѣе и привѣтливѣе, приглашалъ насъ даже остаться обѣдать, но мы отправились къ профессору, чтобы условиться какъ ѣхать дальше. Оказалось, что вся наша компанія уже укатила съ первымъ поѣздомъ, и намъ не оставалось ничего больше, какъ ожидать на станціи слѣдующаго, чтобы ѣхать въ догонку, какъ условлено было, въ Нанси. На

станціи мы были свидѣтелями тяжелой сцены, какъ привели подъ конвоемъ молодого француза, съ отнятымъ у него плохимъ ружьемъ, изъ котораго онъ выстрѣлилъ въ нѣмецкаго часового гдѣ-то возлѣ станціи. Посаженный за рѣшетку, заливался бѣдняга горькими слезами, предчувствуя скорую и строгую расправу. Первый поѣздъ, который намъ попался, былъ товарный, но нечего дѣлать — нельзя было выбирать. Нѣсколько вагоновъ его принадлежали такъ-называемой лазаретной колоннѣ, которая отправлялась изъ Касселя въ Нанси съ извѣстнымъ комплектомъ лазаретныхъ вещей: тюфяками, одѣялами и пр. подъ наблюденіемъ лазаретнаго инспектора и нѣсколькихъ фельдшеровъ (между ними одинъ медицинскій студентъ). Съ ними ѣхалъ полевой инструментальный мастеръ изъ Берлина, съ громаднымъ сундукомъ, наполненнымъ хирургическими инструментами. Присѣвъ къ нимъ, какъ попало, въ товарномъ вагонѣ съ открытыми обѣими дверьми, я задремалъ, а на станціи Бешикуръ проснулся отъ удара въ голову. Въ просонкахъ казалось, что и въ меня вздумали стрѣлять, но это былъ ни болѣе, ни менѣе какъ препорядочный камень, который по ошибкѣ попалъ мнѣ въ голову. Дѣло въ томъ, что на станціи одинъ изъ солдатъ, желая, чтобы мы взяли его письмо къ товарищу въ какомъ-то 67-мъ полку, завернулъ въ него камень и пустилъ къ намъ на удачу; всѣ единоплеменники, сконфуженные, сочли долгомъ извиняться передъ мной за случившееся, прибавляя, «dass es war nicht schlecht gemeint». Конечно, оставалось только почесать голову и сказать, что могло быть хуже.

Блэнвиль одинокая, безлюдная станція. Только послѣ усиленныхъ просьбъ, дочь содержателя трактира отправилась на ближайшую ферму и принесла намъ немного кислаго молока и одно яйцо. Нашлись, впрочемъ, въ погребѣ еще завалявшаяся бутылка сноснаго вина, а въ кухнѣ кусокъ хлѣба, и это былъ для насъ двоихъ завтракъ и обѣдъ. За то на этой станціи подъѣхалъ почтовый поѣздъ, и мы имѣли возможность, оставивъ наши лазаретныя колонны, двинуться скорѣе въ Нанси, чтобы соединиться опять съ нашими. Кондукторъ (Zugführer) показалъ намъ копію извѣстной депеши короля Вильгельма, оканчивающейся стихомъ: «Welch'eine Wendung durch Gottes Führung!» Это было извѣстіе о капитуляціи Седана и о взятіи въ плѣнъ самого Наполеона...

Никакъ не попасть въ заколдованный Нанси. Война, думалось тогда, кончается, а мы еще въ дорогѣ, а тутъ какъ нарочно извѣстіе, что по случаю переполненія вагонами Нансійской станціи, намъ придется ночевать, не доѣхавъ до города. Къ счастію, этотъ слухъ не подтвердился, и мы, проѣхавъ между громадными товарными

поѣздами, которыми буквально завалена была станція, пріѣхали вечеромъ поздно въ городъ. Здѣсь, въ этапной комендатурѣ и канцеляріи іоаннитовъ никакихъ нѣтъ свѣдѣній о нашихъ врачахъ. По указанію секретаря этой канцеляріи, мы отправились въ «Hôtel de Paris», къ барону Ротергану, іоанниту, который представилъ насъ ростокскому профессору Винклеру и снабдилъ билетомъ для полученія въ мэріи квартиры. Въ мэріи, какъ въ Вейссенбургѣ, проволочки съ отмѣткою на билетѣ; отправились въ «Bureau militaire», гдѣ, опять благодаря французскому языку, намъ отвели порядочную квартиру у фортепіаннаго фабриканта М. Сунулись мы ужинать въ одну гостинницу—намъ сквозь щелку дверей объявили, что ничего нѣтъ, за то въ другой нашли не только ужинъ, но и цѣлую компанію прусскихъ офицеровъ, запивавшихъ шампанскимъ новое извѣстіе о седанской катастрофѣ. Профессоръ Винклеръ предложилъ намъ явиться по утру, въ 8 часовъ, на «Place Stanislas», гдѣ собираются ежедневно всѣ лица, имѣющія дѣло съ лазаретами города — врачи и іоанниты.

Такія собранія называются у нихъ appel, и служатъ къ взаимному обмѣну мнѣній и указаній по разнымъ потребностямъ въ снабженіи лазаретовъ. Въ городѣ, гдѣ всѣ разбросаны по квартирамъ, гдѣ каждый день разныя перемѣны военныхъ дѣйствій требуютъ быстраго соглашенія, подобныя appels составляютъ весьма хорошую выдумку. Кромѣ того, лица эти, въ томъ числѣ и комендантъ и завѣдующій лазаретами Stabs-Arzt, завтракаютъ и обѣдаютъ вмѣстѣ въ томъ же «Hôtel de Paris» и потому имѣютъ полную возможность обсуждать всѣ предпринимаемыя мѣры коллегіально и дружно.

Простившись съ Винклеромъ, который, къ сожалѣнію, сегодня же уѣзжаетъ изъ Нанси, или, говоря оффиціальнымъ языкомъ завоевателей, изъ Нанцига, мы начали отыскивать по гостинницамъ нашу компанію, и на станціи желѣзной дороги встрѣтились съ нашимъ уполномоченнымъ, который велѣлъ насъ ожидать послѣ своего пріѣзда одному изъ санитаровъ, но, по небрежности послѣдняго, мы напрасно блуждали цѣлое утро. Съ профессоромъ мы отправились на табачную фабрику, гдѣ открытъ большой временной лазаретъ исключительно для раненыхъ. Здѣсь мы встрѣтили бернскаго врача Демме, который намъ показалъ всѣхъ своихъ раненыхъ. Между операціями, въ хорошемъ состояніи—вчера сдѣланная резекція локтя; у одного резекція колѣна оканчивается печально вслѣдствіе піэміи (гнойное зараженіе крови). Здѣсь первый случай, встрѣченный мною, — первичной ампутаціи голени, сдѣланной на полѣ сраженія съ хорошимъ резуль-

татомъ. Въ другихъ палатахъ завѣдуютъ другіе врачи, нѣкоторые самостоятельно, нѣкоторые подъ наблюденіемъ профессора Гейне изъ Инспрука. Въ особомъ флигелѣ лежатъ французскіе раненые, которыми завѣдуетъ профессоръ и директоръ медицинской школы въ Нанси, д-ръ Симонэ. Вообще, нѣмецкіе врачи недовольны медициною своихъ французскихъ товарищей, и имѣютъ въ виду ихъ удалить. Помѣщеніе лазарета удовлетворительное: табачная фабрика, постройка которой еще не окончена, представляетъ рядъ большихъ залъ и потому легко могла быть приспособлена подъ лазаретъ. Конечно, приспособленія для вентиляціи, кромѣ окошекъ, нѣтъ никакого, но больные размѣщены просторно; постели (реквизиціонныя) хороши, госпитальное бѣлье удовлетворительное, число врачей вполнѣ достаточное; инспекція возложена на прусскаго Stabs-Arzt'а Бервинга. Впрочемъ, роль послѣдняго по лазарету болѣе административная, чтобъ не сказать исключительно таковая. Лазаретъ этотъ былъ первоначально устроенъ французами для своихъ войскъ и, если судить по нему о прочихъ временныхъ учрежденіяхъ, приготовляемыхъ французами, то нельзя не сознаться, что они хороши.

Опять привели на гауптвахту какого-то француза. Въ Ліонвиллѣ разстрѣляли семидесяти-лѣтнюю старуху (?), выстрѣлившую въ солдата. На углахъ домовъ печатныя объявленія о военномъ судѣ надъ непокорными жителями, о возвратѣ оружія къ назначенному дню и часу и т. п. Еще два врача, Т. и Б., явились къ нашему делегату. Пополудни я осмотрѣлъ Hôpital militaire, въ которомъ пользуются 125 больныхъ отъ тифа и кровавыхъ поносовъ. Госпиталь этотъ отъ французскихъ врачей приняли швейцарскіе, прибывшіе, какъ и мы, на театръ войны съ характеромъ международнымъ, съ тѣмъ только различіемъ, что штабъ-докторъ швейцарской арміи, раздѣливъ силы на два лагеря, отправилъ одну половину врачей прямо во французскую, а другую въ германскую армію. Швейцарскіе врачи здѣсь имѣли большое преимущество передъ нами въ томъ, что прибыли раньше, когда потребность во врачахъ, послѣ дѣлъ подъ Метцомъ, была болѣе ощутительна, и потому мы ихъ вездѣ заставали уже за дѣломъ, какъ это увидимъ и дальше.

Строеніе военнаго госпиталя старое, съ низкими комнатами; больные размѣщены тѣсно, приспособленій для вентиляціи никакихъ, и несмотря на громкія названія отдѣльныхъ палатъ: «Salle d'Austerlitz, de Friedland» и пр., производятъ нехорошее впечатлѣніе. Это прежній госпиталь военнаго гарнизона Нанси. Уходъ за больными лежитъ на членахъ братства св. Іоанна (frères de St. Jean), которые и прежде несли здѣсь эти обязанности. Не-

смотря на ихъ знаніе дѣла и скромность въ пріемахъ, видѣвши женскую госпитальную прислугу въ другихъ госпиталяхъ, нельзя было не отдать предпочтенія послѣдней: присутствіе женщины возлѣ кровати больного служитъ ручательствомъ, что множество мелкихъ желаній этихъ несчастныхъ будетъ лучше исполнено, чѣмъ этого можно ждать отъ самой опытной мужской прислуги. Есть тутъ тонкости, которыя трудно уловить, еще труднѣе пересказать, но ихъ какъ-то невольно чувствуешь. Женская прислуга въ госпиталяхъ должна положительно вытѣснить всякую другую; навыкъ въ этомъ дѣлѣ пріобрѣтается женщиной такъ скоро, рвеніе и услужливость до того имъ присущи въ виду страданій ближняго, что для нихъ не нужно особой школы— достаточно нѣсколькихъ дней занятій въ госпиталѣ подъ руководствомъ болѣе опытной сотрудницы. Опрятность и чистота въ палатахъ и кругомъ больныхъ вездѣ, гдѣ женская прислуга,— вещь совершенно естественная. Съ большимъ удовольствіемъ я бы увидѣлъ у насъ примѣненіе этого принципа въ военныхъ госпиталяхъ, гдѣ прислуга оставляетъ еще такъ многаго желать.

Вечеромъ нашъ врачъ Б. отправленъ профессоромъ въ Базель, съ цѣлью пробраться черезъ югъ Франціи въ Парижъ, дабы выяснить скорѣе потребность въ русскихъ врачахъ и въ противномъ лагерѣ, и по возможности не уклониться отъ задачи нашей международной миссіи. По совѣщаніи съ Stabs-Arzt'омъ Б. намъ будетъ предложенъ госпиталь въ табачной фабрикѣ, подъ управленіемъ профессора Гюббенета. Понятно, какъ это извѣстіе всѣхъ насъ обрадовало, и, кажется, если бы можно было въ тотъ же вечеръ приступить къ дѣлу, мы бы всѣ это исполнили съ особенной радостью; къ сожалѣнію, до собственнаго лазарета было еще очень далеко. Вечеромъ же, у станціи желѣзной дороги мы встрѣтили транспортъ съ больными, прибывшій изъ Туля, который, судя по слухамъ, предположено штурмовать завтра же. Въ этомъ смыслѣ нашъ лазаретъ получитъ еще бо́льшее значеніе, и никто изъ насъ не усомнился, что въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ имѣть возможность посвятить себя дѣлу той помощи, для которой мы оставили всѣ прочія свои дѣла въ отечествѣ. Транспортъ этотъ состоялъ изъ двадцати крестьянскихъ возовъ (Leiterwagen), гдѣ на соломенныхъ снопахъ, какъ въ дилижансѣ, сидѣли больные по десяти и по двѣнадцати въ каждомъ. Эти больные должны были быть размѣщены въ здѣшнихъ лазаретахъ или отправлены по желѣзной дорогѣ дальше, смотря по состоянію ихъ здоровья. Кажется, вмѣсто крестьянскихъ возовъ можно было бы ожидать съ подобнымъ транспортомъ встрѣтить прекрасныя рессорныя повозки для раненыхъ,

состоящія при арміи, образцы которыхъ прельщали насъ въ Петербургѣ, но ничего подобнаго здѣсь не было. Со станціи желѣзной дороги тутъ же провезли нѣсколько тяжело раненыхъ на рессорной платформѣ, повидимому реквирированной отъ какого-нибудь здѣшняго фабриканта; но одинъ бѣднякъ, съ переломомъ голени, во время ѣзды, отъ качки плакалъ отъ боли, и несмотря на то, что платформу окружали разныя лица съ краснымъ крестомъ на рукавѣ, никто не распорядился, чтобы его снести на носилкахъ. У самой станціи выстроены два барака самой простѣйшей конструкціи, въ которыхъ преимущественно оставляются больничные мародёры и тѣ изъ солдатъ, у которыхъ отъ продолжительной ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ опухаютъ ноги — явленіе, которому я не мало удивился, встрѣтивъ его въ такомъ множествѣ въ побѣдоносной арміи.

Мы закончили день въ «Café Stanislas» на плацу, которому нѣтъ подобнаго по красотѣ во всей Франціи. Это сборный пунктъ всѣхъ офицеровъ, которыми кофейня буквально биткомъ набита. Несмотря на войну, всѣ они одѣты такъ щеголевато, какъ будто эта кофейня не на «Place Stanislas» въНанси, а Unter den Linden въ Берлинѣ. Тоже я долженъ сказать и о нижнихъ чинахъ. До сихъ-поръ я не встрѣтилъ ни одной разорванной шинели или мундира, всѣ пуговицы на мѣстахъ, обувь превосходная, а видъ нансійскаго гарнизона также хорошъ, какъ и прочихъ войскъ, встрѣчаемыхъ мною на дорогѣ къ театру войны, не утомленныхъ еще ни бивуаками, ни сраженіями. За то въ числѣ печатныхъ объявленій весьма крупнымъ шрифтомъ объявлена, за подписью генералъ-губернатора фонъ-Болена, обязательная дача провіанта каждому солдату отъ жителей, при чемъ не забыты даже ежедневно пять сигаръ или соотвѣтственная порція табаку. Не разъ приходилось удивляться таланту такой организаціи, не упускающей изъ виду никакой мелочи, тѣмъ болѣе, что распорядительность является въ тылу арміи, во время войны, въ непріятельской землѣ и среди происшествій, приводящихъ въ изумленіе всю Европу.

Съ утра, на слѣдующій день, мы начали хлопотать о нашемъ лазаретѣ; получили извѣстіе, что еще ѣдутъ врачи; узнали, что наше общество увеличило сумму, ассигнованную на дѣло международной помощи, что переговоры съ Н. И. Пироговымъ продолжаются, такъ что, можетъ быть, я буду столь счастливъ, что увижу его здѣсь на театрѣ войны, гдѣ такъ о многомъ хотѣлось бы съ нимъ переговорить. Писемъ писать не хочется, пока нѣтъ чего-нибудь вѣрнаго относительно нашей дальнѣйшей дѣятельности. При осмотрѣ города мы увидѣли на одной изъ пло-

щадей большой лазаретный обозъ, баварское депо; при немъ большая команда солдатъ съ ружьями, ничѣмъ не отличающихся отъ строевыхъ, кромѣ бѣлой повязки съ краснымъ крестомъ на лѣвомъ рукавѣ. Казалось бы, одно изъ двухъ: или нейтральная повязка, или ружье, иначе это выйдетъ цѣлое войско нейтральныхъ лицъ. Въ особенности непріятно было видѣть тѣ же повязки у лицъ весьма двусмысленной наружности, прибывающихъ чуть не съ каждымъ поѣздомъ, въ самыхъ разнородныхъ, фантастическихъ костюмахъ — кто съ охотничьей сумой и револьверомъ, кто съ солдатскимъ ранцемъ, видимо поднятымъ на полѣ сраженія, и штыкомъ Шаспо у пояса; молодые, пожилые, дюжіе, щедушные, часто съ самыми неприличными физіономіями, но всѣ со штемпелеванной повязкой, встрѣчались въ городѣ почти на каждомъ шагу. Видимо, бо́льшая часть изъ нихъ не имѣла никакихъ занятій, а разъѣзжали они только со своими «freie Karten» по краю, занимали напрасно и безъ того уже трудно добывающіяся квартиры и продовольствовались на счетъ обывателей, которые весьма скоро начали сильно тяготиться этой своего рода бандой, весьма удачно названной здѣсь однимъ врачемъ «die internationale Lumpe». Исподоволь нѣмецкіе врачи, іоанниты и мы начали припрятывать нашу международную повязку въ карманъ и вынимали ее только тогда, когда, при входѣ въ лазаретное помѣщеніе, на станцію и т. п. приходилось требовать пропуска у часовыхъ. Мнѣ иногда приходило въ голову, что дозволеніе являться въ завоеванную страну цѣлымъ толпамъ людей совершенно безполезныхъ входитъ въ разсчетъ правительства: подобный гарнизонъ усиливаетъ значительно оставляемыя въ городахъ небольшія команды и не говоря уже о томъ, что лица эти порядочно объѣдаютъ край, они увеличиваютъ подавляющее вліяніе присутствія непріятельскихъ войскъ. Думаю только, что никому прежде въ голову не пришло, что знакъ, который долженъ сближать съ населеніемъ людей, посвятившихъ себя во время войны уходу за больными и ранеными, будетъ такъ злоупотребляемъ, и что лица, которыя обязаны его носить, вмѣсто привѣта и любви, встрѣтятъ, благодаря ему, чуть не отвращеніе и ненависть.

Все это грустно, но это такъ. Сегодня по нашему лазарету уже другое соображеніе: профессоръ Гейне не думаетъ его оставлять, и потому намъ предполагается отдать только отдѣленіе французовъ, кажется, съ пятидесятью ранеными. Я предчувствую, что наши пріятныя мечты вчерашнія разсыпятся въ прахъ. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій нашего Stabs-Arzt'a, мы намѣреваемся сдѣлать экскурсію въ Понтъ-а-Мус-

сонъ и дальше, чтобы лично убѣдиться на томъ театрѣ, гдѣ легло столько тысячъ раненыхъ, въ потребностяхъ и недостаткахъ, которымъ, согласно инструкціи нашего делегата, и мы и наше общество готовы были удовлетворить посильно. Одно еще тягостно пока—это совершенный недостатокъ необходимѣйшихъ собственныхъ вещей, которыми надо здѣсь исподоволь запасаться, имѣя полные чемоданы этого добра въ Мангеймѣ; но здѣсь все такъ неопредѣленно, что не знаешь положительно часомъ раньше, что будетъ дальше. Съ хозяиномъ нашимъ мы сошлись поближе; отъ него мы узнали нѣкоторыя подробности совершившагося переворота въ Парижѣ. Одна, двѣ какія-нибудь французскія газеты попадаютъ въ городъ контрабандой. Собираясь маленькими кружками, зрители поглощаютъ сообщаемыя свѣдѣнія и журналы передаются изъ кружка въ кружокъ. При полномъ недовѣріи ко всѣмъ извѣстіямъ, которыя получаются отъ нѣмцевъ, французы и здѣсь не имѣютъ еще понятія о всемъ размѣрѣ несчастія, постигшаго ихъ уже теперь.

Наполеонъ ненавистенъ всякому изъ нихъ; они не скупятся давать ему разныя весьма нелестныя прозвища; члены временного правительства: Трошю, Гамбетта, Крёмье, Жюль-Фавръ, Араго, Кератри — лица порядка, Рошфоръ вошелъ въ составъ комитета защиты, повидимому, съ цѣлью только вліять на парижскую чернь, но сочувствія между людьми умѣренными не имѣетъ никакого. Вчера уже была наклеена на стѣнѣ самой мэріи, между прочими объявленіями генералъ-губернатора, самая запальчивая прокламація, въ которой не забыта ни Марсельеза, ни «Mort aux étrangers» и т. д. Конечно, не долго продержалась она на стѣнѣ, но не менѣе того произвела нѣкоторое впечатлѣніе въ городѣ.

За обѣдомъ мы имѣли случай познакомиться съ однимъ изъ весьма почтенныхъ депутатовъ берлинскаго центральнаго комитета, г. Голлебеномъ. Чуть не съ первыхъ словъ онъ намъ высказалъ полное неудовольствіе противъ іоаннитовъ, которые, по его мнѣнію, въ эту войну предпочли распоряжаться и начальствовать, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать самолично. Отношенія делегатовъ общества къ іоаннитамъ для первыхъ стали невыносимыми. Общество хочетъ, чтобы армія знала, что всѣ приношенія, которыми такъ щедро снабжаютъ ее граждане края, принадлежатъ имъ, а не ордену, состоящему изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ. Съ другой стороны, іоанниты имѣли неловкость во многихъ мѣстахъ, преимущественно на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, назвать маленькіе склады вещей, назначенныхъ для проѣзжающихъ и прибывающихъ раненыхъ, «Joanniter-Depot». Впо-

слѣдствіи, эти вывѣски были вездѣ уничтожены и замѣнены надписами «Depot d. Hülfsvereines»; журналы заговорили, не обошлось и безъ крайне несправедливыхъ нападокъ; даже всѣ продѣлки толпы «крестоносцевъ», о которыхъ я упоминалъ, взваливались на іоаннитовъ, но конечно подобное злонамѣренное извращеніе фактовъ было только слѣдствіемъ неудовольствій, возникшихъ отъ неясно опредѣленныхъ ролей какъ іоаннитовъ, такъ и делегатовъ. По моему мнѣнію, дѣятельность делегатовъ должна быть самостоятельна, конечно до извѣстной степени іоанниты также совершенно на мѣстѣ какъ элементъ, образующій связь на театрѣ войны между арміей и гражданами. Изъ ордена іоаннитовъ избираются преимущественно лица, уже прежде служившія въ войскахъ; они имѣютъ военный мундиръ съ орденскимъ крестомъ на груди и на шеѣ и умѣютъ заставить себя слушать, а это для порядка необходимо. Частныя же лица съ полнымъ самоотверженіемъ рвутся впередъ, и запасы, имъ порученные, желаютъ доставлять лично на самые отдаленные пункты театра войны, забывая, что весьма легко въ число людей, достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, могутъ вкрасться личности ненадежныя, неспособныя и безполезныя, которыхъ присутствіе въ самыхъ мѣстахъ расположенія войскъ, вблизи непріятеля, вредно и не можетъ быть извиняемо никакой, хотя бы самой гуманной идеей. Правительство оказало большое довѣріе іоаннитамъ, давши имъ то значеніе, которое они имѣютъ въ настоящей войнѣ, и если бы германское общество могло считать ихъ собственными агентами, а не агентами правительства, то подобныхъ недоразумѣній не могло бы и быть.

Отдавая справедливость тѣмъ и другимъ, я не могу не сказать, что такая корпорація, какъ іоанниты, весьма бы и намъ была пригодна, если наше главное управленіе общества попеченія о раненыхъ не найдетъ другого средства сливать, напр., эти два элемента въ одинъ, что было бы еще лучше. Гольмбекъ объяснилъ намъ довольно ясно, хотя въ главныхъ только чертахъ, одну часть организаціи вольной помощи въ нынѣшнюю войну, именно по вопросу о складахъ. Такъ какъ три арміи, вошедшія во Францію, имѣли каждая свою отдѣльную этапную линію, по которой слѣдовали резервы, запасы, провизія и пр., и по которой должны были вывозиться раненые и больные отъ каждой арміи отдѣльно и неотступно по собственной только линіи, то и склады общества вблизи театра войны должны были быть расположены на этихъ линіяхъ. Тремя узлами трехъ этапныхъ линій были города: Кобленцъ для первой, Майнцъ для второй и Мангеймъ для третьей арміи. Въ этихъ трехъ пунк-

тахъ общества частной помощи образовали свои главные склады, «Haupt Depot», каждый для отдѣльной арміи. Каждый подобный складъ пополняется изъ такъ-называемыхъ резервныхъ складовъ, ближайшихъ къ мѣсту главныхъ складовъ провинцій, съ которыми первые находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ, равно какъ и съ центральнымъ берлинскимъ комитетомъ. Никакой предметъ, попадающій въ главный складъ, не можетъ быть отправляемъ назадъ, т.-е. въ лазареты, находящіеся дальше отъ театра войны, чѣмъ самый складъ. Все имущество склада направляется безусловно впередъ, упомянутые же лазареты снабжаются непосредственно изъ резервныхъ складовъ. Главный складъ получаетъ по телеграфу свѣдѣнія изъ разныхъ пунктовъ расположенія своей арміи о разныхъ потребностяхъ лазаретовъ и передовыхъ госпиталей, или узнаетъ о нихъ черезъ своихъ агентовъ, отправляемыхъ въ армію; согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, требованія удовлетворяются въ возможной скорости и всевозможными способами. Обыкновенный способъ есть отправка иногда цѣлыхъ вагоновъ съ лазаретнымъ добромъ при агентѣ, прямо къ мѣсту, заявившему объ имѣющихся нуждахъ. Гдѣ прекращается желѣзно-дорожный путь, тамъ агентъ распоряжается пріобрѣтеніемъ перевозочныхъ средствъ, т.-е. реквирируетъ, черезъ мѣстнаго этапнаго коменданта, крестьянскіе возы и доставляетъ довѣренное ему имущество прямо въ лазареты. О другомъ способѣ, т.-е. объ отправленіи санитарныхъ командъ я скажу послѣ.

При движеніи арміи впередъ на значительное разстояніе, главный складъ отдѣляетъ часть своего имущества и образуетъ отдѣленіе поближе къ арміи. Такой складъ въ Нанси составлялъ уже отдѣленіе главнаго Мангеймскаго, а въ послѣдніе дни, какъ намъ говорилъ Г., уже имѣется въ виду двинуть запасы еще дальше впередъ, такъ какъ третья армія послѣ Седана быстро двинулась къ Парижу. По словамъ Голлебена, до сихъ поръ онъ могъ удовлетворять почти всѣмъ требованіямъ, имѣя неисчерпаемый источникъ въ резервныхъ складахъ своего района и въ самомъ Берлинѣ. Конечно, человѣку, которому общество довѣряетъ такіе громадные запасы и который проникнутъ желаніемъ бѣжать всюду на помощь нуждающимся собратамъ-воинамъ, не подобаетъ подчиняться мѣстной іоаннитской власти, хотя близкія сношенія полувоеннаго іоаннита съ военнымъ комендантомъ могутъ составлять иногда, при недоразумѣніяхъ, силу непреодолимую для частнаго лица на театрѣ войны. Въ расположеніи второй арміи обязанность графа Плессе при арміи исполняетъ герцогъ Ратиборъ (іоаннитъ). Первый находится

въ главной квартирѣ при королѣ, въ Реймсѣ, а послѣдній въ Понтъ-а-Муссонѣ. Свиданіе съ нимъ нашего уполномоченнаго, кажется, необходимо, такъ какъ потребность во врачахъ не можетъ быть ему неизвѣстной, и потому поѣздки нашей мы не откладывали.

На другой же день утромъ мы на станціи, и ожидаемъ перваго поѣзда. Здѣсь приходится иногда дожидать нѣсколько часовъ на самыхъ станціяхъ, желая предпринять какую-нибудь поѣздку. Никто никогда не знаетъ опредѣлительно, когда пріѣдетъ поѣздъ, и когда можетъ быть отправленъ дальше, въ особенности въ эти дни, когда эксплуатація желѣзной дороги еще усложнилась значительнымъ количествомъ Седанскихъ плѣнныхъ. Такъ случилось и съ нами. Мы прежде пропустили цѣлый поѣздъ съ ранеными и больными, который направлялся въ Германію. Вчера провезли ихъ около 2000. Въ ожиданіи поѣзда, на платформѣ выставляются столы, на нихъ уставляется цѣлая батарея бутылокъ съ виномъ, рѣжутся хлѣба на порціи, приготовляются чашки для бульона, собираются іоанниты, мальтійцы, французскія дамы, съ международной повязкой, и съ прибытіемъ поѣзда начинается самая дѣятельная раздача этихъ даровъ частной благотворительности утомленнымъ раненымъ и больнымъ. Та же исторія повторилась и при слѣдующемъ поѣздѣ, который былъ наполненъ исключительно французскими плѣнными.

Наши дамы были, повидимому, взволнованы; какой-то часовой остановилъ было одну изъ нихъ въ ея лихорадочной дѣятельности. Раскраснѣвшаяся, запыхавшаяся, она сообщила о случившемся своимъ подругамъ, и поднялся бунтъ. Дамы объявили, что снимутъ передники и уйдутъ домой, іоанниты съ видимымъ участіемъ, но хладнокровно убѣдили ихъ продолжать начатое, и умы скоро успокоились, раздача пищи пошла своимъ порядкомъ. Сколько рукъ высовывалось въ каждое окно вагона къ подходящимъ дамамъ и рыцарямъ! Все подносимое расхватывалось въ одно мгновеніе; на всѣхъ лицахъ видно было чувство особаго блаженства при видѣ чашки горячаго бульона и куска хлѣба. Кажется, въ этотъ моментъ никто изъ плѣнныхъ не думалъ больше о Седанѣ, и объ ожидающей его крѣпости въ чужомъ краю — здѣсь говорило только чувство голода и утомленія. Народъ цѣлыми толпами собирался по обѣимъ сторонамъ у рѣшетокъ желѣзной дороги, чтобы видѣть своихъ несчастныхъ соотечественниковъ. У многихъ въ рукахъ были корзины и мѣшки съ разными съѣстными припасами, но добро это не попадало къ плѣннымъ, такъ какъ часовые близко къ

вагонамъ не подпускали, а перила моста, перекинутаго черезъ линію дороги, заколочены были даже досками, чтобы избѣгнуть наплыва любопытной толпы, а слѣдовательно и безпорядковъ.— Вотъ обязательная дача провіанта солдатамъ, о которой я упомянулъ выше и которую здѣсь списалъ съ прокламаціи генералъ-губернатора: 750 граммовъ хлѣба, 500 граммовъ мяса, 250 граммовъ сала (lard), 30 граммовъ кофе, 60 граммовъ табаку или 5 сигаръ. Въ этой прокламаціи не забыты и лошади, которымъ тоже опредѣлена обязательная отъ жителей дача фуража. Затѣмъ, новая прокламація объявляетъ объ уничтоженіи пограничной стражи на французской границѣ, уничтоженіи пошлины на ввозные нѣмецкіе товары, а обязательный курсъ гульденовъ и талеровъ уже раньше былъ опредѣленъ.

Въ 2 часа пополудни мы двинулись — всякій разъ приходится ѣхать въ дождь—къ станціи Фруаръ. Здѣсь раздѣляется линія желѣзной дороги — одна вѣтвь въ рукахъ нѣмецкихъ войскъ почти до самаго Метца, съ Понтъ-а-Муссономъ на половинѣ дороги, другая, черезъ Туль и Шалонъ къ Парижу, еще до сихъ поръ безъ употребленія, такъ какъ ближайшая крѣпость Туль, на самой линіи, еще не пала. Въ Фруарѣ—предлинная остановка; пейзажъ прелестный—по обѣимъ сторонамъ дороги гористые склоны, на одномъ изъ нихъ, вдали, живописно расположенное селеніе. Отъ нечего дѣлать мы зашли въ плохой трактиръ, такъ какъ станціонный буфетъ представлялъ самый плачевный видъ; хотя громадныя зеркала и цѣнныя занавѣсы на мѣстѣ, но на мраморномъ прилавкѣ остались только нѣкоторые слѣды прежняго роскошнаго буфета; двѣ дюжины тарелокъ, десятка съ два чашекъ, три, четыре стеклянныя вазы для фруктовъ свидѣтельствовали безмолвно о томъ, какъ быстро покинули это мѣсто жители станціи. Вообще видъ небольшихъ станцій желѣзной дороги имѣетъ теперь свой особенный характеръ. Персоналъ на нихъ самый малочисленный: прусскій начальникъ станціи, небольшой караулъ, одинъ, два военныхъ писца — вотъ и все. Никакихъ звонковъ, никакихъ сигналовъ, все дѣлается безмолвно, но не менѣе того движеніе идетъ правильно; каждый ѣдущій заботится самъ о себѣ, и хоть тихо, но все-таки преблагополучно движется впередъ. Я всегда съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ военныя команды отправлялись по этимъ дорогамъ въ порядкѣ: одинъ сигналъ горниста, чтобъ выходить изъ вагоновъ, одинъ, чтобъ входить, и никогда не приходилось никого дожидаться, никого искать. Было ли бы это такъ у насъ, въ особенности если на станціяхъ явятся одними изъ

первыхъ содержатели разныхъ питей, до которыхъ нашъ солдатъ такъ падокъ?

Въ трактирѣ я видѣлъ оригинальную сцену: нѣмца, играющаго съ ребенкомъ на рукахъ и объясняющагося по-нѣмецки съ матерью, которая отвѣчала по-французски. Тутъ же вошелъ скромный баварецъ, обратился къ хозяйкѣ съ поклономъ, проговоривъ: «Einen Kuss von den Sergeanten», и удалился, получивъ, за деньги впрочемъ, желаемую бутылку вина. Повидимому, нѣмецкіе солдаты также уживчивы, какъ и русскіе. Причина нашей остановки въ Фруарѣ та, что нѣсколько пустыхъ поѣздовъ отправлено въ Понтъ-а-Муссонъ за плѣнными, которые прибываютъ изъ Седана въ Понтъ-а-Муссонъ пѣшкомъ, и которыхъ по этой линіи приходится перевезти около 40,000. Вторая половина, вѣроятно, направлена на Ремилли, откуда по желѣзной дорогѣ направится въ Германію черезъ Саарбрюкенъ. На этой же станціи я видѣлъ особый поѣздъ, такъ-называемое «полевое желѣзно-дорожное отдѣленіе» (Feldeisenbahn-Abtheilung). Здѣсь, начиная отъ вагоновъ 1-го класса до простыхъ платформъ, имѣется весь подвижной составъ для нѣсколькихъ поѣздовъ. На платформахъ нагружены шпалы, рельсы, винты, стрѣлки, сигналы, фонари и даже доски для постройки сторожевыхъ будокъ — ничто не забыто. На каждомъ вагонѣ и платформѣ надпись: «Feldeisenbahn-Abtheilung II», — значитъ, есть еще. Дѣйствительно, такихъ отдѣленій имѣется четыре, каждое для одной арміи. Первое, кажется, прокладываетъ уже путь отъ Ремилли до Понтъ-а-Муссона, чтобы соединить Саарбрюкенскую линію съ Вейссенбургской, пока Метцъ въ рукахъ непріятеля. Четвертое направлено за арміей наслѣднаго принца, а третье въ Нанси ожидаетъ дальнѣйшихъ распоряженій. Сообщилъ мнѣ это завѣдующій третьимъ отдѣленіемъ Zugführer: они по призыву являются изъ отставныхъ кондукторовъ. На наше счастье, телеграфомъ потребованъ изъ Фруара локомотивъ. Начальникъ станціи велѣлъ отцѣпить всѣ товарные вагоны, оставивъ только пассажирскій, куда перебрались всѣ ѣдущіе, и мы полетѣли въ Понтъ-а-Муссонъ. Съ нами ѣдутъ двѣ дамы, нѣмки, подъ покровительствомъ одного изъ делегатовъ графа Плессе, розыскивать въ Понтъ-а-Муссонѣ своего опасно раненаго родственника; судя по полученнымъ извѣстіямъ онѣ мало надѣются застать его въ живыхъ. Испытавъ удобства подобнаго путешествія, я не могъ не пожелать отъ души моимъ спутницамъ, чтобы перенесенныя ими лишенія и неудобства увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Между пассажирами изъ рукъ въ руки переходилъ желѣзный крестъ, который красовался на груди ѣхавшаго съ нами молодого солдата, съ увле-

ченіемъ разсказывавшаго подробности схватки, изъ которой онъ вышелъ героемъ. Станція Дьёлуаръ, и наконецъ Понтъ-а-Муссонъ. Но что за картина! Не говоря уже о пятидесяти вагонахъ, биткомъ набитыхъ плѣнными, на самой станціи громадная толпа—около тысячи человѣкъ промокшихъ, оборванныхъ, усталыхъ и голодныхъ французскихъ солдатъ, покрытыхъ кто попоной, кто кавалерійскимъ бѣлымъ плащемъ; кто надѣлъ шерстяное одѣяло, продравъ его по серединѣ и просунувъ черезъ отверзстіе голову; тутъ и линія, и кавалерія, и зуавы, и тюркосы, однимъ словомъ, самая пестрая и самая дикая толпа. Они только-что прибыли изъ Седана пѣшкомъ и сегодня шли весь день подъ сильнымъ дождемъ, въ грязи. Часть ихъ попала на приготовленный поѣздъ, остальные могутъ быть отправлены только завтра. Человѣкъ двадцать ландвера съ заряженными ружьями окружаютъ больше для формы этотъ сбродъ. Другая толпа, это — жители и преимущественно женщины низшаго класса населенія. Они прибѣжали кто съ чѣмъ, одни съ корзинами хлѣба, другіе съ кусками варенаго мяса въ горшкахъ, и десятки рукъ черезъ плечи ландверовъ тянутся за этими съѣстными припасами. Болѣе ловкіе берутъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, другіе съ ними бранятся — шумъ, гамъ, толкотня; но стража остается совершенно спокойной, потому что нѣтъ никакихъ проявленій желанія убѣжать или неповиноваться. Нашлись и сострадательныя старушки, которыя принесли по нѣскольку паръ башмаковъ, такъ какъ обувь у многихъ была въ самомъ жалкомъ видѣ. Толпу эту на ночлегъ повели черезъ весь городъ, на другую сторону рѣки, въ церковь св. Ѳомы.

Картина эта, несмотря на проливной дождь, приковывала меня къ мѣсту, на которомъ я стоялъ, и столько же возмущала своимъ уродствомъ, сколько и наводила грусть. Нельзя сказать, чтобы войско это состояло изъ людей слабосильныхъ и щедушныхъ—ничуть не бывало, за исключеніемъ немногихъ развѣ—остальные молодцоваты, на видъ дюжіе, и не хуже мелкихъ баварцевъ, которые играли такую важную роль во всѣхъ побѣдахъ германской арміи. Не могу вспомнить о Понтъ-а-Муссонѣ, чтобы сейчасъ не рисовалась передо мной эта ужасная картина. Въ поѣздѣ, который мы видѣли на станціи, говорятъ, находился Файлльи со своимъ штабомъ, а всѣхъ плѣнныхъ прибыло уже до 8000. Банда изъ церкви отправлена на другой день дальше на Нанси, но ее предупредилъ еще одинъ поѣздъ, тоже биткомъ набитый такой же добычей.

Всѣ поиски достать квартиру въ городѣ оказались неудачными. Пришлось помѣститься намъ двоимъ въ какой-то прихожей «Hôtel de la gâre», похожаго не на отель, а больше на

кабакъ. Разостланный на полу соломенный матъ замѣнялъ тюфякъ, подушку и вообще постель, а сильный вѣтеръ черезъ балконныя двери дулъ немилосердно въ шею. Это обстоятельство и весьма подозрительный ужинъ—насъ потчивали лошадкой—были причиной, что мы оба на другой день встали больными. Вчера, за ужиномъ, мы встрѣтили двухъ австрійскихъ врачей, изъ которыхъ одинъ ассистентъ Бильрота. Они пріѣхали по собственному желанію, съ тою же цѣлью, какъ и мы, но безъ всякихъ субсидій отъ правительства или общества; поѣздили, поѣздили по разнымъ лазаретамъ, но нигдѣ не нашли себѣ занятія, и утомленные, озадаченные, кажется, возвращаются домой. Они сильно жаловались, что военные врачи съ жадностью расхватываютъ весь врачебный матеріалъ, конечно и раненныхъ, но не по силамъ, и не допускаютъ постороннихъ лицъ. Это какъ бы зависть ремесла. То, что я уже выше замѣтилъ, высказали и они: что при невозможности управиться самимъ съ множествомъ раненыхъ, военные врачи употребляютъ во зло благодѣтельную систему эвакуаціи и отсылаютъ нерѣдко такихъ, которые отлично могли и должны бы были пользоваться на мѣстѣ, если бы охотнѣе и болѣе по-товарищески принималась посторонняя, не-военная врачебная помощь. Мы бы не встрѣчали тогда больныхъ съ поврежденіями черепа, съ огнестрѣльными переломами бедра, со сквозными ранами грудной клѣтки и поврежденіемъ легкаго, во всѣхъ зарейнскихъ лазаретахъ и даже въ Берлинѣ. Отъ этого и выходитъ слѣдующее обстоятельство, что *при весьма естественномъ стремленіи всѣхъ хирургическихъ силъ къ театру военныхъ дѣйствій и чрезмѣрной и недостаточно разборчивой эвакуаціи, въ одномъ направленіи встрѣчаются хирурги безъ дѣла, а въ другомъ трудно-раненые на рукахъ терапевтовъ и акушеровъ.* Конечно, вышеупомянутая исключительность военно-врачебнаго сословія погрѣшаетъ въ этомъ отношеніи весьма и весьма много. Не надо только ошибочно понять сказаннаго и не вѣрить въ избытокъ врачей-хирурговъ въ мѣстностяхъ, гдѣ въ данный моментъ тысячами ложились войска. Бывали случаи, что въ первые дни послѣ битвы нѣсколько тысячъ раненыхъ находились на рукахъ пяти, шести врачей, но это опять имѣетъ свои другія причины, о которыхъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Нашъ профессоръ имѣлъ свиданіе съ герцогомъ Ратиборомъ, который собирается въ главную квартиру принца Фридриха-Карла въ Новеанъ, но предложенія нашихъ услугъ остались предложеніями. Я вижу, что здѣсь никто не хочетъ по этому дѣлу брать на себя почина; повидимому, все это должно было

быть заранѣе окончательно устроено въ военномъ министерствѣ въ Берлинѣ; по крайней мѣрѣ тѣ врачи наши и другихъ нейтральныхъ державъ, которые пошли этимъ путемъ, нашли скоро дѣятельность въ лазаретахъ, многіе даже весьма серьезную,—о дѣятельности же нашего маленькаго этапа, которая была пока только урывочная и, превратившись болѣе въ наблюдательную, далеко не могла удовлетворить нашимъ горячимъ желаніямъ—не нахожу даже нужнымъ здѣсь распространяться. Все это сдѣлалось еще чувствительнѣе, когда къ намъ прибыло нѣсколько новыхъ врачей и составилось цѣлое общество, полное силъ и нетерпѣнія посвятить свое знаніе и искусство несчастнымъ раненымъ. По крайней мѣрѣ такъ было до моего возвращенія въ Германію. Какова дѣятельность, которую съумѣлъ, наконецъ, выработать для нашихъ товарищей нашъ уполномоченный въ Эперне, объ этомъ они скажутъ сами по возвращеніи, а теперь продолжаю разсказъ.

Главная площадь въ Понтъ-а-Муссонѣ, передъ «Hôtel de ville», украшеннымъ какимъ-то побѣднымъ транспарантомъ, буквально завалена самыми разнородными реквизиціонными повозками и телѣгами, лошадьми, солдатами, «крестоносцами» и пр. Я попалъ сюда какъ разъ въ удачный моментъ, чтобы быть свидѣтелемъ отправленія *санитарной колонны* Берлинскаго Turn-Verein'а и другого подобнаго какого-то общества. Цѣлый рядъ повозокъ нагруженъ предметами, необходимыми для устройства лазарета; здѣсь и тюфяки, и тюки съ одѣялами, и ящики съ посудой, корзины съ перевязочными припасами, ящики съ провизіей и пр.; повозки слѣдуютъ одна за другой, а впереди ихъ въ щегольскомъ кабріолетѣ мальтійскій рыцарь со своимъ слугой, съ небольшимъ багажемъ, какъ вожатый колонны; позади повозокъ идетъ цѣлая команда молодыхъ людей, на этотъ разъ всѣ въ военныхъ фуражкахъ, чуть ли не воспитанники берлинскаго института Фридриха-Вильгельма, подъ командой почтеннаго гражданина и съ громадной бѣлой хоругвью, на которой видна надпись, означающая названіе колонны; молодежь вся идетъ въ ногу, поетъ національную пѣсню и весело отправляется въ трехдневное путешествіе къ Седану. Нечего и говорить, что на всякой повозкѣ и телѣгѣ развѣвался бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ. Это церемоніальное шествіе двухъ санитарныхъ колоннъ вокругъ площади, носящей полный характеръ военнаго времени, имѣло что-то торжественное, и достаточно было одного взгляда, чтобы оцѣнить полезное назначеніе подобныхъ санитарныхъ колоннъ, въ особенности сравнивъ ихъ съ толпами бездѣльныхъ крестоносцевъ, шмыгающихъ по всѣмъ

направленіямъ въ оставленномъ нами Нанси. Колонны эти двинулись отъ большого склада, который былъ означенъ двумя флагами—одинъ съ международнымъ, другой съ мальтійскимъ крестами.

Передъ входомъ въ складъ, подъ колоннадой, стояли новыя груды приготовляемыхъ тоже къ отправкѣ тюковъ и ящиковъ со всевозможными лазаретными снадобьями; были даже большіе ящики съ яйцами, съ надписью: «Eier-vorsichtig»! И подумайте, что все это даетъ добровольно общество, нестѣсняющееся никакими оффиціальными каталогами и табелями и всегда готовое, даже въ лазаретахъ, принадлежащихъ администраціи, оказать помощь своимъ громаднымъ имуществомъ. Насколько же, при такомъ общественномъ увлеченіи, облегчаются заботы правительства, насколько уменьшаются тѣ расходы, которые пришлось бы покрывать средствами казны, правда пополняемой опять народомъ; но здѣсь разница громадная въ томъ, что приношенія общества добровольны, и потому не только не отягощаютъ дающихъ, но даже доставляютъ имъ нѣкоторое моральное утѣшеніе.

Здѣсь уже жители поняли, что принять въ домъ свой одного или двухъ раненыхъ, значитъ облегчить себя во многихъ обязательствахъ, возлагаемыхъ на жителей завоеваннаго города, и потому на каждой почти улицѣ, въ частныхъ домахъ, видны маленькіе международные флаги, указывающіе на присутствіе въ нихъ раненаго. На углахъ улицъ я нашелъ объявленіе отъ мэра къ жителямъ, въ которомъ онъ вызываетъ желающихъ принять въ свой домъ подобныхъ лицъ заявить объ этомъ въ мэрію. Это объявленіе такъ умно, что, конечно, оно подсказано великими организаторами, нѣмцами. Конечно, мы не преминули осмотрѣть здѣшніе госпитали и первый посѣтили военный госпиталь, состоящій при женскомъ монастырѣ; — это и прежнее его назначеніе. Завѣдуютъ имъ военные врачи подъ управленіемъ почтеннаго старшаго врача. Всѣхъ раненыхъ здѣсь осталось до 70-ти. Залы большія, свѣтлыя, больные размѣщены просторно, уходъ видимо отличный, состояніе раненыхъ и оперированныхъ было и есть весьма удовлетворительное. Въ Salle st. Joseph попался мнѣ только второй еще раненый, французъ, съ первичной ампутаціей; предплечіе было оторвано ядромъ, операція сдѣлана на полѣ битвы французскимъ врачемъ, рана заживаетъ. Въ связи съ госпиталемъ находится часть самаго монастыря, гдѣ брауншвейгскій докторъ Блазіусъ показалъ намъ свое отдѣленіе въ «Asyle». Это лучшее помѣщеніе, какое я до сихъ поръ видѣлъ. Несмотря на серьезныя поврежденія, всѣ

почти раненые идутъ весьма хорошо; резекція локтя съ гипсовой повязкой оставляетъ впрочемъ многого желать: края операціонной раны ущемлены въ недостаточно большомъ окошкѣ тяжелой и неотличающейся чистотой гипсовой повязки. Здѣсь дезинфекція—девизъ. Всѣ помѣщенія, ретирадныя мѣста, постели, да и сами больные дезинфицируются, чтó желѣзнымъ купоросомъ, чтò хлористою известью, чтò карболовой кислотой, и вниманіе завѣдующаго этимъ отдѣленіемъ врача постоянно устремлено на этотъ предметъ. Страненъ вообще взглядъ многихъ врачей, съ которыми мнѣ приходилось такъ часто бесѣдовать; разсказывая о какомъ-нибудь оперированномъ больномъ, они уже по истеченіи нѣсколькихъ дней рѣшаются отзываться о немъ, какъ о спасенномъ, потому что его могли эвакуировать, какъ будто это можетъ служить мѣриломъ успѣха операціи. Невольно опять приходитъ въ голову, что здѣсь слишкомъ хлопочутъ объ удаленіи раненыхъ, и недостаточно о дѣйствительномъ ихъ исцѣленіи. Не то мы увидѣли въ Германіи: тамъ цѣлые лазареты съ начала ихъ существованія и въ продолженіи полутора и двухъ мѣсяцевъ имѣютъ однихъ и тѣхъ же больныхъ, и заботливость о каждомъ изъ нихъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Въ зарѣчной части города я заглянулъ въ лазаретъ, устроенный въ Collège; здѣсь грязно, тѣсно, больные въ скверномъ состояніи. Осмотрѣвъ первую только палату, я нашелъ уже трехъ съ піэміей, изъ нихъ одинъ послѣ резекціи локтя съ широко распространенной гангреной покрововъ всей конечности. Лазаретъ этотъ только сегодня переданъ прусскими военными врачами швейцарскимъ врачамъ. Совершенно юный товарищъ, видимо утомленный обходомъ и перевязкой столь тяжело раненыхъ, съ грустью передалъ намъ свои невеселыя впечатлѣнія, полученныя имъ въ этомъ лазаретѣ.

Самый большой лазаретъ устроенъ здѣсь въ самой семинаріи; въ церкви, принадлежащей этому учрежденію, помѣщена общая пріемная для всѣхъ прибывающихъ сюда больныхъ и раненыхъ. Немного соломы, брошенной на каменный полъ, замѣняетъ всякую постель; здѣсь лежитъ по меньшей мѣрѣ 200 человѣкъ, большею частью французовъ, но всѣ легко больные или съ незначительными раненіями; отсюда вновь прибывающіе направляются въ разные лазареты города, смотря по роду болѣзней. Крайне некрасивая картина видѣть эту толпу больныхъ въ самыхъ разнородныхъ костюмахъ, потому что всѣ еще остаются въ своемъ платьѣ, валяющихся въ безпорядкахъ на неудовлетворительной постилкѣ, въ особенности въ такомъ помѣщеніи,

какъ церковь, гдѣ вся остальная обстановка напоминаетъ благочиніе и порядокъ.

Сюда при мнѣ привезли нѣсколькихъ больныхъ изъ партіи плѣнныхъ, и мы вознегодовали на костюмъ жалкихъ тюркосовъ, который ни малѣйше не соотвѣтствуетъ климатическимъ условіямъ, которымъ эти африканскія войска подвергаются въ Европѣ. Слабенькаго линейца здоровый прусскій солдатъ перенесъ съ телѣги въ церковь на рукахъ, какъ ребенка. Д-ръ Б. изъ Кёльна показалъ намъ это импровизованное помѣщеніе, повелъ насъ въ баракъ, выстроенный здѣсь іоаннитами, въ которомъ помѣщается около 30 оперированныхъ больныхъ. Б. находится здѣсь съ 5-го (17-го) августа, слѣдовательно, прибылъ на другой день послѣ Резонвильскаго сраженія, и тутъ, при пяти врачахъ, въ продолженіе недѣли, получалъ отъ 1000 — 1200 раненыхъ ежедневно. Теперь во всей семинаріи имѣется около 700 раненыхъ, и сегодня еще 150 человѣкъ выздоровѣвшихъ возвращаются въ свои части. Въ семинаріи мы имѣли случай представиться профессору Розеру, который, какъ General-Artz и консультантъ, дѣйствуетъ въ Понтъ-а-Муссонѣ. При насъ произвелъ онъ операцію выпиливанія локтевого сустава вслѣдствіе раздробленія эпифиза плечевой кости у раненаго француза. Конечно, это поздняя операція, и потому при производствѣ ея не требовалось большого искуства; Розера окружали около десяти врачей, которымъ слѣдовало бы, кажется, профессору предложить произвести операцію самимъ, но это не въ методѣ профессоровъ-консультантовъ: военные врачи, не исключая и старшаго, завѣдующаго лазаретомъ, созерцаютъ, но оперируютъ обыкновенно консультанты сами. Хотя этотъ лазаретъ находится подъ военнымъ управленіемъ, и дѣйствуютъ въ немъ нѣмецкіе врачи, но мы и здѣсь нашли швейцарца, который намъ въ подробности показалъ всѣхъ своихъ больныхъ. Огнестрѣльныя раны колѣннаго сустава съ гипсовой перевязкой идутъ хорошо. Здѣсь второй случай, видѣнный мною, раны головы съ оставшейся пулей въ полости черепа, въ удовлетворительномъ состояніи послѣ удаленія осколковъ кости, причемъ скоро прекратились мозговыя явленія. Опять сквозная рана груди съ поврежденіемъ легкаго, съ полной надеждой на выздоровленіе. Общій видъ лазарета въ зданіи семинаріи очень удовлетворительный, работы здѣсь много, но и персоналъ достаточный. Увидѣвъ вездѣ такое изобиліе врачебныхъ силъ, у насъ явилась мысль направиться въ Метцъ, предвидя, что во французской арміи мы едва ли найдемъ такую хорошую организацію лазаретовъ, и такой присмотръ за ранеными, какъ здѣсь. Не менѣе того труд-

ности, которыя представлялись къ достиженію этой цѣли, намъ были понятны. На первое время ограничились тѣмъ, что рѣшились добраться до станціи Ars-sur-Moselle, гдѣ оканчивается движеніе по желѣзной дорогѣ, эксплуатируемой нѣмецкой арміей, не доѣзжая десятка верстъ до крѣпости. Подъѣзжая къ Новеану, мы въѣхали въ районъ расположенія дѣйствующей арміи. Здѣсь уже на дорогахъ пикеты; вездѣ караулы; никого не встрѣчаешь, кромѣ солдатъ; цѣлые обозы повозокъ военныхъ и обывательскихъ съ провизіей и провіантомъ; бивуаки въ шалашахъ изъ вѣтвей, и кое-гдѣ въ досчатыхъ, на живую нитку сколоченныхъ баракахъ, и кавалерійскія коновязи встрѣчаются на каждомъ шагу. У самой станціи Новеанъ первый лазаретъ въ четырехъ форменныхъ прусскихъ палаткахъ и трехъ временныхъ баракахъ. Сюда уже подвезено до двадцати осадныхъ орудій и особый локомотивъ широко-колесный, для подниманія ихъ на возвышенности.

На рѣкѣ, которая вьется вдоль дороги, неразоренный цѣпной мостъ и три понтонныхъ соединяютъ оба берега; на противоположномъ берегу, противъ Новеана, селеніе Корнисъ служитъ штабъ-квартирой 2-й арміи принца Фридриха-Карла, окружающей Метцъ. Конечно, здѣсь уже дѣйствуютъ исключительно военные врачи. Еще одинъ переѣздъ, и мы въ Ars, которое по этой линіи составляетъ самую передовую точку расположенія прусскихъ войскъ. Тутъ уже нѣмецкія орудія на позиціи, а въ виду, на вершинѣ горы, фортъ С. Кентэнъ, и на склонѣ ея деревня, занятые французами; вдали въ лощинѣ видѣнъ Метцкій соборъ. Станція эта мѣсяцъ спустя была бомбардирована французами. Здѣсь останавливаться было незачѣмъ, такъ какъ все, что только могло быть увозимо изъ больныхъ и раненыхъ, увозилось назадъ. И дѣйствительно, на возвратномъ пути въ Новеанъ мы должны были даже уступить свои мѣста въ вагонѣ тяжело раненымъ, которые отправлялись въ Нанси, и которыхъ приносили сюда на носилкахъ. Прочіе, также какъ и мы, помѣстились въ товарныхъ вагонахъ, гдѣ не было приготовлено ни скамеекъ, ни соломы, и мы двигались кто стоя, кто сидя на полу, что, повидимому, было весьма утомительно для солдатъ, ослабленныхъ болѣзнями и преимущественно дизентеріей. Въ Понтъ-а-Муссонѣ наши больные получили подкрѣпленіе въ устроенномъ возлѣ станціи баракѣ.

Здѣсь, какъ и въ Нанси и на прочихъ, такъ-называемыхъ, Erquickungs-Stationen, приготовленъ былъ бульонъ, вареное мясо, хлѣбъ, вино, сигары и пр. Этими дарами волей-неволей должны были воспользоваться и мы; это, впрочемъ, единственный слу-

чай, что мы продовольствовались даромъ, но напути другихъ средствъ пропитанія положительно не существовало, а холодъ дождливаго дня дѣлалъ чувство голода еще болѣе тягостнымъ. Къ ночи мы возвратились въ Нанси, въ которомъ пока не было недостатка ни въ чемъ. По дорогѣ мы слышали любопытные разсказы очевидца о вылазкѣ Базена изъ Метца 1-го сентября, съ цѣлью соединиться съ Макъ-Магономъ, разбитымъ на-голову подъ Седаномъ. Съ высоты возлѣ мѣстечка Корни, офицеры генеральнаго штаба, съ картами въ рукахъ, наблюдали за движеніемъ войскъ своихъ и непріятельскихъ. Въ Нанси разошелся-было слухъ о движеніи ліонской 80-ти-тысячной арміи на этотъ городъ; жители зашевелились, и гарнизонъ города по тревогѣ собрался на плацъ. Въ Блэнвиллѣ, трактирщикъ — не нашъ ли знакомый, — зарѣзалъ солдата; въ Парижѣ, говорятъ, терроръ. Всѣ эти слухи, въ особенности для тѣхъ, кто имѣлъ въ виду перебраться во французскую армію, крайне непріятны. О пріемѣ швейцарскихъ врачей въ Парижѣ мы имѣли неутѣшительныя свѣдѣнія отъ ихъ товарищей; имъ велѣли немедленно снять военные мундиры и разослали по лазаретамъ куда попало. Свѣдѣнія эти отбили охоту у швейцарцевъ посылать своихъ врачей во Францію, и впослѣдствіи большое ихъ количество, числомъ около 50-ти волонтеровъ, направлялись исключительно въ нѣмецкій лагерь. Вообще, неопредѣленность ли положенія, утомленіе ли физическое или нравственное, но нервная система у всѣхъ насъ въ сильномъ раздраженіи. Постоянный звонъ колоколовъ церквей, ни дать ни взять какъ у насъ на Пасхѣ, невыносимъ; Place Stanislas со своимъ Café опротивѣлъ; кажется, такъ бы и оставилъ этотъ городъ, если бы не надежды, что наконецъ добьемся собственнаго лазарета. Мы уже почти было-рѣшились возвратиться въ Мангеймъ, но Stab's Arzt Б. такъ насъ увѣрилъ въ необходимости выждать, что уѣхалъ только профессоръ, который, какъ и мы, собравшись сюда на короткое время, нуждался во всемъ необходимомъ. Принявъ на себя дальнѣйшія по этому дѣлу заботы, мы проводили профессора на станцію, гдѣ увидѣли довольно интересную сцену, а именно раненаго прусскаго солдата, который съ пріѣхавшимъ за нимъ братомъ собирался уѣхать домой безъ вѣдома завѣдующаго лазаретомъ, профессора Гейне. Прибѣжали за нимъ врачи, требовали настойчиво, чтобы онъ вышелъ изъ вагона, обратились къ этапному коменданту, вызвали этапнаго доктора и заставили бѣднягу остаться. Но ловкій братъ догадался сбѣгать къ профессору, поклониться ему и получить такимъ образомъ дозволеніе несчастному уѣхать. Спрашивается: какъ объяснить подобное

явленіе? Или больной могъ ѣхать, на что выдалъ ему записку его ординаторъ, и тогда надо было его отпустить, или переѣздъ для него былъ вреденъ, и тогда никакіе поклоны г-ну Г. не должны были имѣть вліянія. Во всякомъ случаѣ, сцена была некрасивая, раненый почти плакалъ, объявилъ, что въ свой лазаретъ не возвратится ни въ какомъ случаѣ, а этапный врачъ, который долженъ былъ рѣшить это дѣло по наукѣ, отнесся за совѣтомъ къ коменданту. Впрочемъ, нельзя же безъ маленькихъ безпорядковъ; слишкомъ сложно все это дѣло громадной эвакуаціи раненыхъ и больныхъ, чтобы не быть снисходительнымъ къ подобнымъ исключительнымъ явленіямъ.

Послѣ отъѣзда профессора уѣхалъ и Stab's Arzt Б. въ Седанъ; его замѣнилъ по всѣмъ должностямъ такой же военный врачъ, Л., человѣкъ, повидимому, вполнѣ намъ сочувствовавшій и вполнѣ готовый исполнить желаніе нашего уполномоченнаго, но нашедшій неудобнымъ отводить намъ помѣщеніе въ лазаретѣ, завѣдуемомъ уже нѣмецкимъ профессоромъ, и потому весь вопросъ немного измѣнился. Намъ слѣдовало розыскать особое зданіе въ городѣ для своего русскаго лазарета. Воскресенье прошло, конечно, безъ дѣла. Въ церкви всѣ француженки въ траурѣ молятся за убитыхъ. На плацу кто-то прокричалъ: «Vive la république», но прусскій кавалеристъ выхватилъ безпокойнаго изъ толпы и отправилъ на гауптвахту. Прекрасныя окрестности города и продолжительная прогулка въ паркѣ успокоили меня немного, и по полученіи телеграммы отъ профессора, чтобъ въ случаѣ надобности предложить даже выстроить на нашъ счетъ особый баракъ, я совѣщался съ Stab's Arzt'омъ, у котораго видѣлъ даже предписаніе главнаго врача 2-й арміи, Лёффлера, объ устройствѣ въ городѣ мѣстъ еще для 200 раненыхъ; изъ нихъ 100, по предложенію Л., должны были поступить въ наше вѣдѣніе. Л. не находитъ удобнымъ строить баракъ, такъ какъ дѣло идетъ къ осени, и потому мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ мэрію, объявили о необходимости найти помѣщеніе для большого лазарета, увѣряли, что это будетъ исключительно для французовъ, раненыхъ подъ Седаномъ, и мнѣ назначили одного изъ членовъ мэріи для совмѣстнаго осмотра разныхъ городскихъ строеній. Прежде всего мы сунулись въ maison de l'évêque. Не говоря о томъ, что это помѣщеніе не могло насъ удовлетворить, такъ какъ оно состояло всего изъ десятка небольшихъ комнатъ, обыкновенно занимаемыхъ студентами здѣшней академіи, нежелающими жить на наемныхъ квартирахъ, но архіепископъ, узнавъ о моемъ посѣщеніи, немедленно принялъ свои мѣры, чтобы помѣщеніе это не было намъ уступлено. Затѣмъ я осмотрѣлъ академію; прекрасное

это зданіе хотя кажется миніатюрнымъ для насъ, избалованныхъ громадными аудиторіями нашихъ университетовъ и академій, но оно было въ порядкѣ и чрезвычайно уютно. Конечно, здѣсь и рѣчи не могло быть объ устройствѣ сколько нибудь обширнаго лазарета — это была пустая формальность при желаніи отдѣлаться отъ нашихъ требованій. На очереди былъ лицей. Это старинное зданіе, бывшій монастырь, весьма неудовлетворительное въ санитарномъ отношеніи, находится въ центрѣ города, но по крайней мѣрѣ въ немъ есть достаточное количество дортуаровъ и столовыхъ, въ которыхъ съ грѣхомъ пополамъ можно бы помѣстить до 100 человѣкъ больныхъ. Теперь лицей занятъ особымъ гарнизономъ, а именно всѣми двусмысленными лицами, снабженными международной повязкой и картой на жительство, которые, находясь въ вѣдѣніи іоаннита барона Р., проживаютъ себѣ въ Нанси, пріѣзжаютъ, уѣзжаютъ, ѣдятъ на счетъ города и никакого опредѣленнаго характера не имѣютъ. Толпой этой тяготятся здѣсь всѣ: и баронъ, и нашъ Stab's Arzt, а одинъ изъ прусскихъ майоровъ выразился такъ: «У насъ въ войскѣ много подобныхъ лицъ. Четверть изъ нихъ профессора, четверть ѣдутъ, чтобы у нихъ учиться, а половина чтобы грабить раненыхъ». Право, выраженіе это хотя рѣзко, но отлично характеризуетъ составъ такъ-называемаго международнаго персонала въ тылу арміи въ завоеванныхъ провинціяхъ Франціи. Насколько это было намъ досадно, въ особенности при прочихъ неудачахъ и при томъ настроеніи, съ которымъ мы уѣхали изъ Россіи, это легко можетъ понять всякій. Конечно, баронъ Р. изъявилъ полную готовность вывести свою безпорядочную команду при первой необходимости, но я не могъ дождаться случая объясниться по вопросу о лицеѣ съ мэромъ города. То утромъ, то пополудни, то вечеромъ велѣли приходить, чтобы видѣть этого господина, но наконецъ я объяснился съ нимъ. Конечно, при первыхъ словахъ онъ высказался, что невозможно заражать лазаретомъ помѣщеніе для мальчиковъ, которые въ скоромъ времени должны возвратиться и поселиться въ лицеѣ, какъ будто можно было предвидѣть скорое ихъ возвращеніе при продолжающейся еще и далеко не оконченной войнѣ. Напрасно я его убѣждалъ, что это дѣлается для французовъ же, которыхъ нельзя помѣстить въ имѣющихся уже лазаретахъ, и потому остается только просить о лицеѣ. Въ отвѣтъ я получилъ тираду: «Je ne puis pas défendre le Lycée; si messieurs les Prussiens nous ont apporté le typhus, ils n'ont qu'à nous donnez encore une épidémie en plaçant une ambulance au centre de la ville; — mais comme ils sont

malheureusement les plus forts ils n'ont qu'à venir avec des bayonettes et ils auront notre Lycée». Когда мэръ успокоился послѣ перваго взрыва и послѣ моего хладнокровнаго объясненія, что если онъ имѣетъ въ виду лучшее помѣщеніе, то мы лицеемъ не дорожимъ, тѣмъ болѣе, что это старинное строеніе не прельщало насъ вовсе,—тогда, со свойственной французамъ гибкостью, онъ приказалъ немедленно приготовить мнѣ карету, нарядилъ молодого архитектора, тоже временного члена мэріи, и велѣлъ показать мнѣ казарму С. Шарль. За нетерпѣніе мэра извинялся передо мной его помощникъ, объясняя, что онъ былъ боленъ и пр.

Не менѣе того поѣздка въ С. Шарль была опять плохая для насъ шутка. Казарма эта находится въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ, вдали отъ желѣзной дороги, состоитъ изъ нижняго каменнаго и верхняго деревяннаго помѣщенія въ видѣ chalet; обязана она своимъ существованіемъ какому-то частному неудавшемуся предпріятію. Теперь верхъ былъ свободенъ, но за нѣсколько дней до моего посѣщенія въ нижней части помѣщался скотъ, пригнанный для продовольствія войскъ, и вслѣдствіе развивавшагося между животными падежа (тифъ) 100 штукъ здѣсь же убиты и закопаны не вдалекѣ. Во время моего же посѣщенія, оставшійся навозъ начинали только убирать, причемъ одинъ изъ братьевъ общины, арендующей это строеніе, жаловался на невозможность присутствовать при очисткѣ этого мѣста вслѣдствіе поразительно непріятнаго запаха, а съ моимъ архитекторомъ сдѣлалось даже дурно. Въ заключеніе я узналъ, что въ одной изъ комнатъ верхняго помѣщенія лежатъ два человѣка изъ братства въ сильнѣйшей натуральной оспѣ; — нечего сказать, мэръ не могъ указать ничего лучшаго для помѣщенія своихъ раненыхъ соотечественниковъ. Возвратившись въ городъ, я осмотрѣлъ еще Ecole communale, которая тоже съ большими только трудностями могла бы быть превращена въ лазаретъ, и мы порѣшили съ Л., что когда прибудутъ раненые, лицей будетъ взятъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Послѣ этого рѣшенія я телеграфировалъ профессору, но телеграмма должна была быть заявлена въ комендантурѣ и снабжена подписью и печатью коменданта, такъ какъ станція въ рукахъ пруссаковъ, и телеграфъ служитъ только для военной корреспонденціи. Мѣстное военное начальство заняло тоже одну типографію, и вчера явился первый нумеръ оффиціальнаго журнала: «Moniteur Officiel de Lorraine» на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, причемъ, не разсчитывая на большое желаніе населенія слѣдить за сообщаемыми въ немъ новостами, найдено удобнымъ наклеивать от-

дѣльные нумера на стѣнахъ въ разныхъ частяхъ города. Въ числѣ мѣръ для соблюденія порядка въ городѣ, можно упомянуть о томъ, что уличныхъ мальчишекъ заперли въ какой-то монастырь, рабочій классъ былъ согнанъ на канаву для городскихъ земляныхъ работъ. Одинъ изъ обывателей города арестованъ вслѣдствіе тайныхъ сношеній съ французскими войсками. Опять слухи о снятыхъ рельсахъ возлѣ Саарбурга, о захваченныхъ четырехъ крестьянахъ, убившихъ какого-то солдата. Сейчасъ протянулись похороны какой-то здѣшней знатной дамы, умершей будто-бы отъ испуга, что повторялось въ городѣ, по словамъ жителей, неоднократно. Вообще, картинки невеселыя, несмотря на всю видимую гуманность завоевателя и предполагаемое равнодушіе населенія.

Прибыли еще три врача, Р. изъ Кіева, В. изъ Петербурга и Ш. изъ Варшавы, съ извѣстіемъ, что профессоръ возвращается. Это насъ немало обрадовало, такъ какъ силы наши увеличились для предполагаемаго лазарета, но отзывы пріѣхавшихъ о трудностяхъ, встрѣченныхъ ими вездѣ, гдѣ они предлагали свои услуги, были единогласные. Интересенъ разсказъ одного изъ нихъ о старикѣ Седилло, французскомъ знаменитомъ въ свое время хирургѣ, который въ Гагенау, гдѣ находится значительное число французскихъ раненыхъ, состоитъ консультантомъ въ лазаретахъ. Онъ произвелъ тамъ до 120 ампутацій, причемъ процессъ перевязки сосудовъ, соединенія краевъ раны и наложеніе повязки возлагается на ассистентовъ; за профессоромъ остается только роль отрѣзать и отпилить. Это довольно оригинально; впрочемъ, мнѣ самому пришлось однажды доканчивать такимъ образомъ сдѣланную операцію бедра, въ одномъ изъ лазаретовъ Эльзаса. Въ Гагенау мои товарищи нашли много ампутаціонныхъ культъ съ выдающимися костями, а мнѣ пришлось тоже видѣть случаи, гдѣ вторичными ампутаціями нужно было устранять подобныя безобразія, оставшіяся послѣ неудачныхъ первичныхъ операцій, и не всегда эта неудача приходилась на долю французскихъ врачей. Жаловались они также на строптивость нашихъ нѣмецкихъ товарищей, которые, завидѣвъ новое лицо, останавливаются иногда при самомъ производствѣ операціи и спрашиваютъ недовольнымъ тономъ: «Mit wem habe ich die Ehre»? Вообще, результаты въ Гагенау неудачные: по словамъ товарищей, оперированныхъ потеряна половина. Что не всѣ нѣмецкіе врачи, имѣющіе на рукахъ раненыхъ—хирурги, это понятно, но что при операціяхъ могутъ быть перерѣзаны лоскуты кожи у основанія, это непростительно — а бывало и такъ. Цифра русскихъ врачей, отправленныхъ нашимъ общест-

вомъ попеченія о раненыхъ, возрасла уже до 28; распредѣлены они по разнымъ пунктамъ, одни по собственному желанію, другіе по распоряженію военнаго министерства прусскаго, иные личными стараніями нашего уполномоченнаго. Пункты эти были: Мангеймъ, Людвигсгафенъ, Кобленцъ, Нейвицъ, Саарбрюкенъ, Венденгеймъ, Нанси, С.-Мари (aux chênes), Шалонъ, Гейдельбергъ, а двое направлены черезъ Базель во французскую армію. Поѣзды съ больными проходятъ черезъ городъ ежедневно; иногда на нѣсколькихъ вагонахъ написано мѣломъ: «Ruhr-Kranke». Болѣзнь эта свирѣпствуетъ въ войскѣ въ сильной степени, а тифъ имѣетъ довольно злокачественный характеръ. Въ здѣшнемъ Hôpital militaire болѣзнь эта идетъ шибко, и потери значительныя. Французы это видятъ и надѣются на скорое распаденіе непріятельской арміи, возлагаютъ огромныя надежды на Парижъ, предлагаютъ даже нѣмцамъ въ своихъ газетахъ «Une république universelle». Фигаро рѣшилъ, что въ этой войнѣ за нѣмцами побѣда, а за французами слава; а нѣмецкія войска все поютъ: «Wacht am Rhein» и пишутъ на своихъ вагонахъ: «Direct nach Paris — pressant» и т. п.

Утромъ мы сошлись съ нашими вновь прибывшими товарищами въ паркѣ, или, говоря мѣстнымъ языкомъ, сдѣлали свой appel, рѣшили какъ намъ раздѣлить занятія, и къ полдню имѣли уже удовольствіе встрѣтить возвратившагося нашего профессора. Онъ привезъ съ собою предписаніе, полученное изъ военнаго министерства въ Берлинѣ, отправиться самому во вторую армію оффиціально, съ двумя врачами по его выбору. Благодаря его любезности, я получилъ всю петербургскую переписку въ первый разъ послѣ моего отъѣзда. Хорошія вѣсти отъ семейства сразу привели меня въ нормальное состояніе, и я готовъ былъ сейчасъ отправиться не только во вторую армію, расположенную кругомъ Метца, но и дальше, куда придется. Уже на другой день утромъ мы двинулись маленькимъ обществомъ по знакомой дорогѣ въ Корни. Это селеніе расположено противъ Новеана, на правомъ берегу Мозеля, и составляетъ штабъ-квартиру главнокомандующаго второй арміей. Принцъ живетъ въ комфортабельномъ дворцѣ здѣшняго помѣщика, м-сье де-Корни, а прилегающее къ нему селеніе до послѣдняго уголка все занято штабомъ. Первый нашъ визитъ былъ къ главному врачу арміи, д-ру Лёффлеру. Послѣ довольно формальной повѣрки нашего предписанія, мы получили вѣжливые, но уклончивые отвѣты относительно предложенія професссора Гюббенета устроить лазареты въ районѣ арміи, гдѣ еще оставалось много раненыхъ послѣ дѣлъ при Резонвиллѣ и Гравелотѣ. Адми-

нистраторъ этотъ сильно порицалъ распоряженіе, по которому въ Нанси могли быть устроены лазареты не военные, находя, что этотъ пунктъ еще слишкомъ близокъ къ расположенію войскъ, и потому всѣ его лазареты должны принадлежать въ полномъ смыслѣ военной администраціи. Нанси, только вслѣдствіе измѣнившихся военныхъ обстоятельствъ, очутился въ районѣ второй арміи, собственно же онъ находился на этапной линіи арміи наслѣднаго принца, т. е. третьей, потому въ ошибкѣ этой Лёффлеръ не причастенъ; — напротивъ того, онъ насъ убѣждалъ, что если мы осмотримъ всѣ лазареты собственно его арміи, то положительно нигдѣ не найдемъ вмѣшательства въ это дѣло частныхъ обществъ; однимъ словомъ, онъ выполнялъ здѣсь во время войны, насколько отъ него зависѣло, въ точности ту программу, которую такъ горячо защищалъ въ прошломъ году, въ лицѣ правительства, на международныхъ конференціяхъ въ Берлинѣ, гдѣ ясно высказывалось нежеланіе прусскаго военнаго начальства допускать устройство частныхъ госпиталей и лазаретовъ на передовыхъ пунктахъ, а предлагалось ихъ устроивать только далеко въ тылу арміи, въ своемъ краѣ (Inland). Хотя предложеніе это на конференціяхъ не встрѣтило никакого сочувствія со стороны присутствовавшихъ тамъ депутатовъ всѣхъ европейскихъ державъ, не менѣе того, высказанное пруссаками мнѣніе, заранѣе приготовленное и обдуманное, осуществлялось здѣсь, насколько это было возможно, безъ риска оттолкнуть отъ себя такого великаго дѣятеля, какъ все германское общество, жертвующее громадными средствами въ пользу раненыхъ и больныхъ. Однимъ словомъ, это предвзятая идея, а пруссаки не таковы, чтобы отступать передъ тѣмъ, что рѣшили заранѣе. О своемъ предписаніи открыть въ Нанси еще помѣщеніе на 200 больныхъ, Л. выразился вскользь; о раненыхъ, находящихся еще въ расположеніи арміи, онъ могъ только сказать, что всѣ, которые могли быть отвезены назадъ, уже отвезены, всѣ же оставшіеся не подлежатъ еще транспорту, въ чемъ мы можемъ лично убѣдиться, если пожертвуемъ нѣсколько времени для осмотра лазаретовъ арміи. Осталось только провѣрить самому на дѣлѣ, насколько все это справедливо, и надо сказать, что въ этомъ мы встрѣтили полную съ его стороны готовность. Рѣшено было завтра же ѣхать въ Горце и оттуда далѣе, за Гравелотъ; вечеръ же мы посвятили неудачной экскурсіи на гору С. Блэ, съ которой представляется прекрасная панорама Метца съ его окрестностями. Нашъ вожатый, бранденбургскій солдатъ, привелъ насъ на верхушку этой возвышенности съ остатками развалинъ прежняго какого-то замка,

но уже поздно. На этой высотѣ мы нашли цѣлыхъ три роты пѣхоты, образующія одно изъ звеньевъ желѣзнаго пояса, окружающаго крѣпость, но могли отличить только огни Метца и цѣлую линію окружающихъ его германскихъ бивуаковъ; на возвратномъ пути мы заблудились въ широко и далеко раскинутыхъ виноградникахъ и вернулись въ Корни совершенно обезсиленные этой прогулкой. Ночлегъ самый безотрадный — гдѣ-то на сѣновалѣ съ снопами пшеницы вмѣсто подушекъ, съ убійственнымъ сквознымъ вѣтромъ изъ открытаго чердака и съ топотомъ и ржаньемъ двадцати пяти лошадей внизу въ сараѣ; проснулись отъ безцеремонной молотьбы хлѣба возлѣ нашихъ головъ, напились солдатскаго кофе, поѣли супу ихъ знаменитыхъ гороховыхъ колбасъ (Erbsen-Würste) и отправились въ комендантуру за повозкой. Профессоръ нашелъ пріютъ въ комнатѣ какихъ-то походныхъ пасторовъ, а утромъ имѣлъ свиданіе съ начальникомъ штаба принца Фридриха-Карла. Господинъ этотъ выразилъ ему, отъ имени принца, благодарность, какую возбудило въ прусскомъ правительствѣ то участіе, какое оказало наше правительство и наше Общество дѣлу попеченія о раненыхъ высылкой русскихъ врачей на театръ войны; изъявилъ полную готовность содѣйствовать намъ своимъ вліяніемъ, прибавляя, что принцъ не преминетъ высказать нашему уполномоченному тоже самое лично, и съ такими прекрасными ручательствами мы сѣли въ приготовленный намъ дилижансъ, т.-е. крестьянскій возъ съ тремя снопами, и покатили въ Горце.

Въ виду недостатка крестьянскихъ лошадей и телѣгъ для разныхъ военныхъ надобностей, а слѣдовательно и для перевозки раненыхъ, прусское правительство распорядилось безцеремонно вытребовать извѣстное количество своихъ прирейнскихъ крестьянъ съ телѣгами и лошадьми на театръ войны въ дополненіе къ реквизиціи, ведущейся въ широчайшихъ размѣрахъ. Какова же потребность въ транспортныхъ средствахъ, если мѣстныя средства въ такой густо населенной мѣстности, какъ описываемая, оказались побѣдителю недостаточными? Какъ возможно вѣрить, что разныя, спеціально для больныхъ и раненыхъ придуманныя повозки могутъ удовлетворить потребностямъ военнаго времени при настоящемъ состояніи военнаго искусства? Повозки эти, здѣсь по крайней мѣрѣ, составляли такую ничтожную единицу, что надо было сильно желать ихъ найти, чтобы дѣйствительно увидѣть кое-гдѣ одну, другую, да и то болѣе стоящими въ ряду другихъ повозокъ выстроеннаго въ порядкѣ лазаретнаго обоза. Главнымъ средствомъ, за крайне малымъ исключеніемъ, перевозки раненыхъ изъ лазаретовъ, ближайшихъ къ полю сраже-

нія, къ ближайшимъ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, были всегда крестьянскіе возы безъ всякаго другого приспособленія, кромѣ нѣкотораго количества съ трудомъ реквирируемой соломы.

Всѣ повозки частныхъ обществъ, какъ-то: іоаннитовъ, мальтійцевъ и пр. встрѣчались еще рѣже. Понятно, что здѣсь никакой разсчетъ, сдѣланный въ мирное время, не можетъ оказаться вѣрнымъ. Снабдить армію достаточнымъ числомъ спеціально приспособленныхъ для транспорта раненыхъ повозокъ значитъ увеличить вдесятеро, если не больше, обозы арміи. Потому самому строить тяжелыя повозки, желая имъ дать большую помѣстительность, есть, по моему мнѣнію, тоже громадная ошибка; пусть они будутъ только легки и покойны — это все, что нужно, чтобы въ данный моментъ можно было ими воспользоваться для нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ трудныхъ раненій. Конечно, двѣ такія повозки, запряженныя парой, больше принесутъ пользы, чѣмъ одна большая, которой четверка иногда не повезетъ, если бы даже послѣдняя была втрое умѣстительнѣе, чѣмъ первая. Здѣсь все основано на подвижности. Передъ средствами, какъ мы видимъ, нельзя останавливаться—надо брать что есть подъ рукою, а этотъ-то случайный матеріалъ и составляетъ главную силу; всѣ прочія транспортныя средства, возимыя при самыхъ войскахъ, есть безконечно малая величина. Не хочу этимъ сказать, что все равно, везти ли трудно раненаго въ рессорной повозкѣ съ носилками, или въ телѣгѣ на соломѣ, но этимъ преимуществомъ первыхъ не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться. Спеціальныхъ повозокъ будетъ всегда слишкомъ мало, а безъ реквизиціонныхъ, простѣйшихъ экипажей, положительно нельзя обойтись.

Я выше упомянулъ о гороховыхъ колбасахъ. Здѣсь онѣ только третій день какъ получены въ войска. Солдаты отзываются о нихъ съ похвалой, д-ръ Лёффлеръ видитъ въ этомъ припасѣ отличное подспорье при продовольствіи такой громадной арміи, въ особенности нынѣ, когда падежъ крупнаго рогатаго скота заставляетъ уже замѣнять говядину бараниной, и мы уже видѣли цѣлыя стада барановъ, которыя прогонялись подъ военнымъ конвоемъ изъ окрестностей въ мѣста расположенія войскъ. Гороховыя колбасы изготовляются въ Берлинѣ въ огромномъ количествѣ, кажется, около 50,000 штукъ въ день, и правительство купило отъ изобрѣтателя право на это производство за большія деньги. Составъ ихъ: гороховая мука, немного свинины, сало и пряности. На руки солдату выдается трехдневная порція, что составляетъ весьма необъемистый матеріалъ. Какъ вещество питательное, колбасы эти имѣютъ за собой весьма

многое; а примѣсь вкусоваго вещества, какъ напр. мясного экстракта, дѣлаетъ приготовленный изъ нихъ супъ положительно превосходнымъ. Безъ экстракта кушанье слишкомъ приторно, и едва-ли оно будетъ долго пользоваться тѣмъ реномэ, которое получило при своемъ появленіи. Кромѣ того, препаратъ этотъ легко подвергается порчѣ, если повреждена верхняя оболочка, какъ это случилось у меня, и тогда конечно къ употребленію не годенъ.

Впрочемъ, порча продовольственныхъ припасовъ въ военное время, иногда даже въ значительномъ количествѣ, неизбѣжна. Мы встрѣчали цѣлые вагоны сухарей заплеснѣвшихъ и цѣлыя платформы на станціяхъ, нагруженныя мѣшками съ зерномъ проросшимъ и подмокшей мукой, въ арміи, которая не грѣшитъ безпорядками по части интендантской и плохой администраціей. Вообще потери матеріальныя, какія влечетъ за собой война, неисчислимы. Край, занимаемый войсками, обѣднѣваетъ ежечасно. Прекрасные виноградники, за отсутствіемъ рукъ, остаются безъ ухода, виноградъ не собранъ, зерно хлѣбовъ скошенныхъ и не убранныхъ осыпается и обсѣменяетъ поле не во время; значитъ, и первый посѣвъ пропалъ безслѣдно и для слѣдующаго нѣтъ сѣмянъ. Скотъ уничтожается мѣстами для продовольствія сотенъ тысячъ солдатъ, требующихъ мяса. Скотскіе падежи вынуждаютъ правительство прибѣгать къ радикальнымъ мѣрамъ уничтоженія цѣлыхъ стадъ, иногда до 500 головъ, съ цѣлью прекратить распространеніе этого несчастія на весь край. Лошади реквирируются нещадно и часто безвозвратно; жители находятся какъ въ чаду. Часть ихъ ушла, часть находится въ постоянныхъ обязательныхъ занятіяхъ при арміи; въ селахъ остаются большею частью только старики и старухи, которые тупо глядятъ на все, что ихъ окружаетъ. И для того, чтобы страна представляла такую печальную картину, не нужно даже, чтобы солдатъ былъ озлобленъ и лишенъ состраданія къ побѣжденнымъ. Нѣмецкій солдатъ не обидитъ ни женщины, ни старика, ни ребенка, но бремя войны само собою гнететъ населеніе и губитъ его будущность на долгое время. Конечно, и не обходилось безъ того, чтобы въ первую минуту послѣ боя войско, возбужденное неестественнымъ азартомъ и въ виду чувствительныхъ потерь, которыя принесло сраженіе, не оказалось жестокимъ въ своихъ пріемахъ при занятіи защищаемыхъ непріятелемъ и жителями домъ за домомъ селъ и мѣстечекъ. Но сильная власть начальниковъ скоро усмиряетъ эти всколыхавшіяся волны, и все повидимому принимаетъ опять характеръ спокойствія — но какого спокойствія!

По дорогѣ въ Горце мы встрѣчали много экипажей и повозокъ самыхъ разнообразныхъ формъ и видовъ, съ пассажирами, имѣющими на рукавѣ международную повязку. Можно было думать, что они отвозили впередъ цѣлые транспорты раненыхъ, между тѣмъ какъ раненые здѣсь имѣютъ только одно направленіе — всегда назадъ. Это были просто любопытные и безполезные люди, прикрытые нейтральнымъ знакомъ. Нѣсколько сестеръ милосердія направлялись тоже въ Горце. По мѣрѣ того, какъ война подвигается впередъ, сестры пріѣзжаютъ изъ всей Германіи и вступаютъ въ исполненіе своихъ обязанностей въ военныхъ лазаретахъ, удаляя всю ту случайную, вызванную необходимостью, прислугу, которая не всегда соотвѣтствуетъ своему назначенію. Но слышалъ я и жалобы французскихъ дамъ, которыя съ большимъ рвеніемъ предались дѣлу ухода за ранеными добровольно и безразлично за своими и непріятельскими ранеными, но по прибытіи нѣмецкихъ сестеръ ихъ удаляли отъ этого прекраснаго дѣла, несмотря на то, что больные явно предпочитали дамъ сестрамъ. Уходъ сестеръ имѣетъ въ себѣ что-то полуоффиціальное, для нихъ это дѣло не ново, онѣ съ нимъ свыклись и исполняютъ его безъ того видимаго участія, которое ясно высказывается въ пріемахъ посвятившихъ себя по увлеченію этому дѣлу гражданокъ. Были даже сцены ревности: сестры напоминали больнымъ, что они должны къ нимъ именно обращаться со всѣми своими желаніями, такъ какъ онѣ здѣсь для нихъ, и дамы волей-неволей должны были исподоволь уступить имъ мѣсто. На дорогѣ опять бивуачные шалаши изъ вѣтвей и вездѣ совершенное отсутствіе лагерныхъ палатокъ. Конечно, этого нельзя себѣ объяснить иначе, какъ тѣмъ, что палаточный лагерь значительно увеличиваетъ обозъ арміи, а для шалашей матеріалъ вездѣ подъ рукой. Впрочемъ, время года и климатъ дѣлаютъ это помѣщеніе довольно сноснымъ, въ особенности если снопы съ неубраннаго поля превращаются въ сухую, мягкую и не неудобную постель. Недоѣзжая города, въ большомъ помѣщичьемъ домѣ устроенъ лазаретъ для дизентериковъ. Въ самомъ городѣ, который, по чудному мѣстоположенію въ ущеліи, можно было назвать не Горце, а Gorge, на всѣхъ почти улицахъ развѣваются маленькіе флаги съ краснымъ крестомъ, обозначающіе присутствіе отдѣльныхъ раненыхъ въ домахъ жителей. Изъ госпиталей, назначенныхъ для раненыхъ, остался нынѣ только С. Шарль, старинный какой-то пріютъ для бѣдныхъ. Въ немъ теперь всего 280 раненыхъ; остальные лазареты города заняты исключительно тифозными и дизентериками. Насколько сильна была эва-

куація, можно судить изъ слѣдующаго: по словамъ профессора Лангенбека, котораго мы здѣсь встрѣтили и который находился въ Горцѣ со дня Резонвильскаго сраженія, въ этотъ злополучный день въ городъ было доставлено съ поля сраженія 4,500 раненыхъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней вся эта масса оставалась на рукахъ пяти врачей. Раненые первое время лежали на улицахъ; были случаи, что въ нихъ стрѣляли жители, и профессоръ Лангенбекъ, единственная на этотъ разъ военная власть въ Горцѣ, долженъ былъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ крутымъ мѣрамъ относительно жителей, какъ это ни не свойственно характеру врача. Съ тѣхъ поръ прошли всего четыре недѣли, а въ городѣ осталось раненыхъ не болѣе 200 человѣкъ. Послѣ осмотра С. Шарля, профессоръ показалъ намъ свои болѣе интересные оперативные случаи въ частныхъ домахъ, какъ-то: резекціи плеча, локтя, голени, и т. п.; переломы бедра онъ пользуетъ вытяженіемъ и, какъ тяжесть, оригинально употреблялъ солдатскіе мѣшки для хлѣба (Brod-Sack).

Вообще этотъ Brod-Sack вещь хорошая, его бы слѣдовало ввести во всѣ арміи. Прусскій солдатъ не идетъ на службу безъ этой части своей экипировки: она также неразлучна съ нимъ, какъ сума съ патронами. Ранецъ со всѣмъ имуществомъ, съ котелкомъ, шинелью и пр. часто излишенъ при исполненіи полево-гарнизонной службы, но мѣшокъ съ хлѣбомъ, куда конечно попадаетъ и другая провизія, сигары и пр., это—добро, съ которымъ онъ разлучается неохотно. Въ маленькихъ станціонныхъ складахъ я видѣлъ эти мѣшки, наполненные разными перевязочными вещами, какъ-то: корпіей, бинтами, компрессами, ватой, и они составляли весьма сподручный фербантъ при осмотрѣ проѣзжающихъ по желѣзной дорогѣ партій раненыхъ; да и предметъ-то не дорогой, а для солдата, который такъ любитъ свои безконечно глубокіе карманы, онъ необходимъ. Профессоръ Лангенбекъ до педантизма наблюдаетъ у своихъ оперированныхъ за правильнымъ положеніемъ поврежденнаго члена. Онъ проводитъ иногда у постели больного полчаса и не отойдетъ, пока не уложитъ его по всѣмъ правиламъ хирургіи. Это, повидимому, неважное обстоятельство, и которымъ многіе такъ непозволительно пренебрегаютъ, служитъ однако однимъ изъ главныхъ условій успѣшнаго леченія осложненныхъ переломовъ конечностей и другихъ трасматическихъ поврежденій. Лангенбекъ потерялъ сына въ тѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ самъ принималъ участіе какъ хирургъ, и былъ счастливъ, что видѣлъ погибшаго еще въ живыхъ передъ кончиной. Тѣло этого молодого человѣка, вынутое изъ временной могилы, было отвезено въ Германію, тоже вѣ-

роятно съ извѣстной надписью: «Eine Leiche nach Berlin!» Нужно профессору имѣть много силы характера и сознанія своихъ обязанностей, чтобы продолжать съ такимъ усердіемъ свои хирургическія занятія въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ получилъ столь тяжелый ударъ.

Недостатокъ врачей непосредственно послѣ этихъ битвъ, какъ мы то видѣли въ Понтъ-а-Муссонѣ и какъ узнали здѣсь, имѣетъ двѣ главныя причины: первая та, что врачи войскъ, слѣдуя за своими частями, заходятъ слишкомъ далеко впередъ, идутъ чуть не въ огонь. Въ три памятные дня, 14-го, 16-го и 18-го августа ихъ перебито нѣсколько десятковъ. Персоналъ полевого лазарета не можетъ поспѣть всегда въ данный моментъ къ перевязочнымъ пунктамъ, такъ какъ день и часъ сраженія не всегда можетъ быть опредѣленъ заранѣе. Скорострѣльныя ружья, митральёзы и мѣткія нарѣзныя орудія такъ быстро выбиваютъ изъ строя цѣлыя тысячи народа, что спокойная хирургическая помощь въ этомъ аду положительно немыслима, между тѣмъ какъ каждый врачъ, убитый въ рядахъ войскъ, лишаетъ сотни раненыхъ той помощи, которая при другихъ условіяхъ спасаетъ жизнь многихъ и избавляетъ отъ лишнихъ страданій еще большее число несчастныхъ раненыхъ. Кажется, теперь можно только желать, чтобы обученная, достаточная числомъ прислуга выносила изъ огня раненыхъ къ перевязочнымъ пунктамъ, а для врачей довольно и того, что они должны работать на этихъ пунктахъ, которые не всегда могутъ быть удовлетворительно прикрыты отъ непріятельскихъ пуль и ядеръ. Другая причина — это та исключительность, съ которой въ нѣмецкихъ войскахъ въ передовыхъ отрядахъ устраняется присутствіе лицъ, не принадлежащихъ къ войску. Кажется, что для врачей слѣдовало бы въ этомъ отношеніи сдѣлать исключеніе. Всякое другое лицо можетъ быть замѣнено, и число недостаточныхъ дополнено безъ большихъ затрудненій изъ среды самыхъ войскъ,—только не врачъ; но я, кажется, не ошибусь, сказавъ, что если частные врачи, стремящіеся такъ охотно къ передовымъ линіямъ какъ по чувству человѣколюбія, такъ и по своей безграничной преданности наукѣ и своему дѣлу, не находятъ себѣ должнаго пріема между войсковыми товарищами, то въ этомъ виновата не администрація, а какая-то сословная зависть, къ несчастію столь присущая этому классу ученыхъ.

Въ Горцѣ «Café au Croix d'Or» имѣетъ такое же значеніе, какъ «Hôtel de Paris» въ Нанси. Несмотря на то, что эта гостинница весьма плоха во всѣхъ отношеніяхъ, но за неимѣніемъ лучшей она составляетъ сборный пунктъ всѣхъ властей

куація, можно судить изъ слѣдующаго: по словамъ профессора Лангенбека, котораго мы здѣсь встрѣтили и который находился въ Горцѣ со дня Резонвильскаго сраженія, въ этотъ злополучный день въ городъ было доставлено съ поля сраженія 4,500 раненыхъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней вся эта масса оставалась на рукахъ пяти врачей. Раненые первое время лежали на улицахъ; были случаи, что въ нихъ стрѣляли жители, и профессоръ Лангенбекъ, единственная на этотъ разъ военная власть въ Горцѣ, долженъ былъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ крутымъ мѣрамъ относительно жителей, какъ это ни не свойственно характеру врача. Съ тѣхъ поръ прошли всего четыре недѣли, а въ городѣ осталось раненыхъ не болѣе 200 человѣкъ. Послѣ осмотра С. Шарля, профессоръ показалъ намъ свои болѣе интересные оперативные случаи въ частныхъ домахъ, какъ-то: резекціи плеча, локтя, голени, и т. п.; переломы бедра онъ пользуетъ вытяженіемъ и, какъ тяжесть, оригинально употреблялъ солдатскіе мѣшки для хлѣба (Brod-Sack).

Вообще этотъ Brod-Sack вещь хорошая, его бы слѣдовало ввести во всѣ арміи. Прусскій солдатъ не идетъ на службу безъ этой части своей экипировки: она также неразлучна съ нимъ, какъ сума съ патронами. Ранецъ со всѣмъ имуществомъ, съ котелкомъ, шинелью и пр. часто излишенъ при исполненіи полево-гарнизонной службы, но мѣшокъ съ хлѣбомъ, куда конечно попадаетъ и другая провизія, сигары и пр., это—добро, съ которымъ онъ разлучается неохотно. Въ маленькихъ станціонныхъ складахъ я видѣлъ эти мѣшки, наполненные разными перевязочными вещами, какъ-то: корпіей, бинтами, компрессами, ватой, и они составляли весьма сподручный фербантъ при осмотрѣ проѣзжающихъ по желѣзной дорогѣ партій раненыхъ; да и предметъ-то не дорогой, а для солдата, который такъ любитъ свои безконечно глубокіе карманы, онъ необходимъ. Профессоръ Лангенбекъ до педантизма наблюдаетъ у своихъ оперированныхъ за правильнымъ положеніемъ поврежденнаго члена. Онъ проводитъ иногда у постели больного полчаса и не отойдетъ, пока не уложитъ его по всѣмъ правиламъ хирургіи. Это, повидимому, неважное обстоятельство, и которымъ многіе такъ непозволительно пренебрегаютъ, служитъ однако однимъ изъ главныхъ условій успѣшнаго леченія осложненныхъ переломовъ конечностей и другихъ трасматическихъ поврежденій. Лангенбекъ потерялъ сына въ тѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ самъ принималъ участіе какъ хирургъ, и былъ счастливъ, что видѣлъ погибшаго еще въ живыхъ передъ кончиной. Тѣло этого молодого человѣка, вынутое изъ временной могилы, было отвезено въ Германію, тоже вѣ-

ванныхъ укрѣпленій. Прекрасные тополи по обѣимъ сторонамъ дорогъ безпощадно срублены, вѣроятно, чтобы не мѣшали артиллерійскому огню. Несчастная ферма Malmaison стоитъ одинокая какъ трупъ, безъ крышъ и оконъ, послѣ пожара, въ которомъ сгорѣли около 200 человѣкъ, укрытыхъ здѣсь французскихъ раненыхъ. Не спасъ и флагъ международный отъ ядеръ и огня. Подвигаясь далѣе на сѣверъ по направленію къ С. Мари, мы находимъ во всѣхъ селеніяхъ расположенныя войска, ожидающія вылазокъ Базэна. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ самыя просторныя строенія заняты подъ лазареты и обозначены международнымъ флагомъ. По словамъ Лангенбека, въ этомъ районѣ осталось еще, включительно съ лазаретами Горца, до 1200 раненыхъ, но всѣ они большею частью не подлежатъ пока транспорту, въ особенности по мнѣнію Лангенбека, который вообще не партизанъ через-чуръ усиленныхъ эвакуацій.

Оставшіеся здѣсь раненые большею частью имѣютъ серьезныя поврежденія большихъ сочлененій и исподоволь резецируются профессоромъ и рѣдко врачами лазаретовъ. Здѣсь уже конечно комфортъ въ размѣщеніи больныхъ и въ лазаретной постели далеко не такой, какъ далѣе въ тылу арміи. Но перевязочный матеріалъ, хирургическіе аппараты, вино, сигары въ изобиліи, такъ какъ всѣ требованія врачей, удовлетворяются быстро изъ главнаго склада частныхъ обществъ, устроеннаго въ Нанси. Въ этомъ отношеніи военная администрація охотно прибѣгаетъ къ приношеніямъ общества, но тѣмъ не менѣе всѣ здѣшніе лазареты въ ея рукахъ. Въ Германіи все основано на резервахъ: за недостаткомъ врачей въ дѣйствующей арміи вызываютъ резервистовъ, и организація военныхъ лазаретовъ не измѣняется. Зеленая книга (das grüne Buch), сборникъ всѣхъ законоположеній и инструкцій, относящихся къ военно-санитарной части, есть неотлучный спутникъ каждаго военнаго врача, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые завѣдуютъ отдѣльными учрежденіями; поэтому все имѣетъ характеръ порядка, вездѣ единство въ дѣйствіяхъ и нѣтъ недоразумѣній. Я бы только думалъ, что лица эти слишкомъ уже углубляются въ административныя тонкости и не поэтому ли предоставляютъ такое широкое поле спеціально-врачебной дѣятельности профессорамъ-консультантамъ. Это я видѣлъ не разъ во время моихъ постоянныхъ экскурсій, и не только здѣсь, въ мѣстахъ расположенія дѣйствующихъ войскъ, но и въ Германіи, во многихъ госпиталяхъ и лазаретахъ. Не то мы видимъ въ лазаретахъ неоффиціальныхъ: тамъ хозяйство болѣе свободное, дѣятельность врачей-ординаторовъ болѣе самостоятельная, и общество, устроившее подобные госпитали,

болѣе щедро въ своихъ дарахъ, чѣмъ всякая администрація, связанная каталогами и положеніями Зеленой книги.

Самый дальній пунктъ, до котораго мы добрались, было селеніе С. Мари (aux chênes). Здѣсь какъ будто все населеніе исчезло; кое-гдѣ встрѣчаешь только угрюмаго старика или суровую старуху, остальное — солдаты. Лазаретъ открытъ въ зáмкѣ. Завѣдуетъ имъ одинъ изъ резервныхъ военныхъ врачей, но подъ опекою профессора-консультанта Бурова изъ Кёнигсберга. Бесѣда Лангенбека съ Буровымъ носила нѣкоторый отпечатокъ сдержанности; разсказывалось многое весьма поучительное, осмотрѣны болѣе трудные раненые, но все это дѣлалось какъ бы съ боязнію не допустить какого-нибудь посторонняго вмѣшательства. Эти тонкости намъ еще подробнѣе объяснилъ нашъ русскій врачъ Е., который здѣсь уже давно имѣетъ на своемъ попеченіи раненыхъ; кажется, теперь дѣятельность его прекращается, и онъ желаетъ оставить этотъ пунктъ. Е—у пришлось неоднократно бѣдствовать въ этой истощенной войной мѣстности, и нельзя сказать, чтобы онъ встрѣтилъ большую предупредительность какъ со стороны своихъ товарищей-врачей, такъ и со стороны іоаннитовъ, состоящихъ здѣсь въ качествѣ представителей частной помощи раненымъ и больнымъ. Въ небольшой церкви помѣщены исключительно трудно раненые, но и здѣсь недостатка въ перевязочномъ матеріалѣ, хирургическихъ аппаратахъ и прочихъ необходимыхъ принадлежностяхъ лазарета нѣтъ.

Какъ далеко однако протянула руку частная благотворительность! Вѣдь это ужъ передовыя линіи цѣлой арміи, и нѣтъ причины сомнѣваться, чтобъ и двѣ другія двигающіяся къ Парижу арміи не пользовались тѣми же благами при той подвижной организаціи складовъ, которую я уже выше изложилъ. Учрежденіе санитарныхъ колоннъ—составляетъ первый шагъ къ тому, чтобы даже въ моментъ самаго боя частная помощь находила себѣ примѣненіе. Конечно, это еще далеко не совершенство, но нѣмецкій всеорганизующій умъ справится и съ тѣми, повидимому, непобѣдимыми трудностями, которыя неминуемо представляются при неожиданныхъ и столь убійственныхъ нынѣшнихъ битвахъ. Д-ръ Лёффлеръ разсказалъ намъ весьма интересный фактъ, а именно совершенно неожиданное появленіе въ арміи, чуть не въ день самаго сраженія, какой-то почтенной дамы (Frau Simon), которая, съ цѣлымъ транспортомъ необходимѣйшихъ для раненыхъ вещей, явилась въ самый центръ расположенія только-что открывшихся полевыхъ лазаретовъ. Появленіе ея — странно подумать — вызвало неудовольствіе мѣстной администраціи и даже іоаннитовъ (!), и Лёффлеръ долженъ былъ при-

бѣгнуть къ своему авторитету, чтобы возстановить то уваженіе, котораго заслуживалъ подобный подвигъ со стороны женщины-филантропки. Но это отдѣльныя явленія, и вопросъ этотъ требуетъ еще дальнѣйшей разработки; возможность однако есть достигнуть того, чтобы тысячи раненыхъ, даже непосредственно послѣ сраженія, не нуждались ни въ чемъ.

Изслѣдовавъ, такимъ образомъ, мѣстныя условія до крайняго предѣла во 2-й арміи, намъ предстояло только выбрать въ Горцѣ раненыхъ для транспорта. Въ другихъ лазаретахъ въ настоящую минуту объ этомъ и рѣчи быть не могло.

Ночной переѣздъ нашъ отъ С. Мари обратно въ Горцъ былъ не совсѣмъ безопасенъ; по разсказамъ жандармскаго майора, не проходило ночи, чтобы кто нибудь не выстрѣлилъ въ одинокій разъѣздъ, и такія убійства, конечно, оставались всегда безнаказанными за невозможностью открыть виновнаго въ лѣсу и ночью. Конечно, международная повязка въ этихъ случаяхъ не защита. Въ Горцѣ нашъ уполномоченный выбралъ лично цѣлую партію раненыхъ, которые и отправлены были при нашихъ двухъ врачахъ въ Нанси. Возвратившись въ Корни, мы осмотрѣли еще небольшой лазаретъ въ паркѣ дворца, занимаемаго принцемъ. Лазаретъ этотъ имѣетъ два отдѣленія: одно въ оранжереѣ, гдѣ лежатъ исключительно довольно серьезные раненые; другое—въ пяти форменныхъ прусскихъ палаткахъ, расположенныхъ живописно почти передъ балкономъ главнокомандующаго. Одна изъ нихъ только занята ранеными, прочія четыре больными. Кровати, весьма ловко сколоченныя изъ толстыхъ досокъ, постель хороша, чистота въ палаткахъ образцовая, состояніе раненыхъ удовлетворительное, и вообще этотъ небольшой, чисто-полевой лазаретъ долженъ бы служить моделью для прочихъ подобныхъ временныхъ учрежденій. Но мы знаемъ, что значитъ возить громоздкія палатки, въ родѣ прусскихъ, съ ихъ желѣзнымъ станкомъ. На театрѣ войны это та же капля въ морѣ, какъ «разныя затѣйливыя повозки» и приспособленные для раненыхъ вагоны. Оно хорошо въ паркѣ главнокомандующаго—тамъ и входъ въ палатки украшенъ былъ группами цвѣтовъ, добытыхъ изъ оранжереи, но масса лазаретовъ имѣетъ не тотъ видъ: наипростѣйшій баракъ, выстроенный изъ добытаго на мѣстѣ матеріала и на скорую руку, есть прототипъ передовыхъ лазаретовъ въ нѣмецкомъ лагерѣ въ нынѣшнюю войну. Кромѣ того просторныя строенія, не исключая даже церквей, чуть не во всякомъ городѣ и селеніи, занимаются тоже подъ госпитали. Развѣ если приходится вести войну въ степи или въ совершенно безлюдной мѣстности, тамъ нужно обременять обозъ множествомъ госпитальныхъ палатокъ, но здѣсь условія были

другія, и потому нельзя не признать вполнѣ раціональнымъ распоряженіе строить, гдѣ только есть возможность, бараки, на мѣстѣ, и занимать готовыя строенія, а не тѣсниться непремѣнно въ регламентарныхъ палаткахъ, которыхъ число всегда недостаточно даже для передовыхъ подвижныхъ лазаретовъ.

Въ описанномъ лазаретѣ обязанность одного изъ ординаторовъ исполняетъ русскій врачъ изъ Дерпта, который, однако, самостоятельно черезъ военное министерство въ Берлинѣ достигъ этой дѣятельности. На повѣрку выходитъ, что русскихъ врачей было значительно больше на войнѣ, чѣмъ то извѣстно было нашему Обществу. Я упоминалъ, что и швейцарскіе врачи являлись впослѣдствіи въ одиночку, волонтерами; вѣроятно, врачи и другихъ націй пошли тѣмъ же путемъ. Это объясняетъ ту предосторожность прусскаго военнаго министерства, которая продиктовала условія для пріема въ войска иностранныхъ врачей. Такъ какъ множество изъ нихъ не было легитимировано ни своимъ правительствомъ, ни обществами попеченія о раненыхъ, то неудивительно, если нѣмецкія власти требовали, чтобы подобныя лица трудились 14 дней безъ вознагражденія, и только по истеченіи этого срока зачислялись въ списокъ должностныхъ. Я впослѣдствіи услышалъ, что многіе считали это условіе за научное испытаніе, и отсюда не далеко было назвать это испытаніе исправленіемъ фельдшерскихъ обязанностей, въ особенности при хирургическихъ занятіяхъ, гдѣ должности ординаторовъ и фельдшеровъ по всѣмъ существующимъ законоположеніямъ такъ близко стоятъ другъ къ другу. Перевязывать раненыхъ, въ особенности трудныхъ, и у насъ обязанъ каждый врачъ самъ, фельдшеръ перевязываетъ изрѣдка легкихъ; границы здѣсь, кажется, нѣтъ; но тамъ, гдѣ женская прислуга, весьма опытная, несетъ на себѣ всѣ обязанности нашихъ фельдшеровъ, подобнаго неестественнаго явленія, какъ исполненіе фельдшерскихъ обязанностей врачами и на которое посыпалось столько жалобъ, даже быть не могло — это просто смѣшеніе понятій, которыя ясны для насъ, врачей, но легко вводятъ въ заблужденіе общество. Каждый изъ насъ дѣйствовалъ какъ могъ и часто какъ хотѣлъ, нашъ же уполномоченный не потерпѣлъ бы никогда, чтобы достоинство ввѣренныхъ ему русскихъ врачей могло пострадать отъ недостаточнаго къ нимъ уваженія. Но все видѣнное и испытанное нами было такъ далеко отъ подобныхъ подозрѣній, что несправедливость слуха, разошедшагося здѣсь, Богъ вѣсть какъ, возмутитъ всякаго изъ насъ. Скорѣе можно бы насъ упрекнуть, въ независѣвшей впрочемъ отъ насъ, бездѣятельности, чѣмъ въ несоотвѣтственныхъ нашему званію заняті-

яхъ, а наконецъ, еслибы это и было такъ, то мы должны бы были винить не нѣмецкихъ врачей, а только самихъ себя; никого изъ насъ не удерживали насильно и каждый могъ возвратиться домой къ болѣе достойнымъ его занятіямъ, когда пожелалъ.

Въ Корни, простившись съ Лёффлеромъ, мы остались недолго, но достаточно, чтобы видѣть нѣсколько трогательныхъ сценъ между жителями по случаю падежа удивительнаго скота, который околѣвалъ даже на улицахъ села. Въ pendant къ этому нельзя было не обратить вниманія на безцеремонныя посреди улицы занятія солдата-мясника, рѣзавшаго барановъ, причемъ ручьи крови впитывались въ землю; при часто повторяющихся подобныхъ операціяхъ, въ знойное время разложеніе этихъ органическихъ остатковъ, вѣроятно, не мало вліяло на распространеніе заразы, не забудемъ, что это происходило въ мѣстѣ расположенія главной квартиры арміи.

Переѣхавъ черезъ Мозель, мы не оставили безъ вниманія лазарета и склада въ Новеанѣ. На станціи, вѣроятно въ виду значительнаго количества безпрестанно транспортируемыхъ больныхъ, одержимыхъ кровавымъ поносомъ, неудовлетворительное станціонное отхожее мѣсто было заколочено, а на берегу рѣки устроенъ особый исключительно для этой цѣли баракъ, дезинфицирующійся усердно хлористою известью. Подобныя временныя ретирадныя мѣста я встрѣчалъ и на другихъ станціяхъ, даже въ Германіи, по направленію этапныхъ линій. Это вопросъ, о которомъ слѣдуетъ подумать, въ особенности въ виду того обстоятельства, что на станціяхъ транспорты больныхъ остаются иногда очень долго, а иногда имъ приходится даже ночевать, если путь не свободенъ, или если представляется опасность, какъ въ завоеванномъ краѣ, для ночного движенія поѣздовъ.

Подъ вліяніемъ видѣннаго нами въ войсковыхъ лазаретахъ, мы подняли между собой вопросъ о нашихъ хирургахъ. Прекрасная мѣра, вошедшая въ дѣйствіе съ прошлаго года, прикомандировывать къ академіи нашихъ врачей для усовершенствованія въ хирургіи, оказывается крайней необходимостью, и остается только сожалѣть, что нельзя ей дать болѣе широкихъ размѣровъ. На войнѣ хирургія—все. Правда, что эпидеміи и вообще болѣзни не исключаютъ пользы терапевтовъ, но здѣсь такъ скоро выработываются общія правила дѣйствій, что врачи никогда не станутъ въ тупикъ, чего нельзя сказать о случаяхъ хирургическихъ: здѣсь каждый раненый есть нѣчто особое, требующее всегда большей научной самостоятельности отъ врача-

хирурга, не говоря уже объ оперативныхъ случаяхъ, гдѣ потребуется отъ него еще больше.

По возвращеніи въ Нанси, намъ оставалось ждать нашего транспорта съ ранеными. Врачи, сопровождавшіе его, дѣйствительно явились скоро, но раненые .... уѣхали дальше. Легко себѣ представить негодованіе нашего профессора и насъ всѣхъ. Товарищи, сопровождавшіе ихъ, разсказали намъ всѣ перипетіи, черезъ которыя они прошли. Во-первыхъ, въ Горцѣ, въ числѣ прочихъ раненыхъ, имъ вручили пару такихъ, которыхъ они не считали надежными къ перевозкѣ. На ихъ честное заявленіе имъ былъ брошенъ въ лице отвѣтъ, что они, вѣроятно, не видывали раненыхъ, и больные были положены на повозки, но уже въ Новеанѣ этапный врачъ велѣлъ этихъ раненыхъ оставить и хотѣлъ дать всему дѣлу надлежащій ходъ, т.-е. заявить по командѣ о неправильной эвакуаціи; во-вторыхъ, къ раненымъ были приставлены отъ лазарета нѣмецкій врачъ и чиновникъ, которые получили на руки всѣ документы о больныхъ. По прибытіи въ Нанси этапный врачъ, по требованію нашихъ товарищей, началъ нехотя осмотръ транспорта, съ цѣлью оставить здѣсь тѣхъ, которые не должны быть транспортируемы далѣе, но неожиданный свистокъ прекратилъ оффиціальное занятіе, и весь транспортъ двинулся далѣе. Всѣ заявленія, дѣланныя этапному коменданту, ничего не помогли; повидимому, раненые не были авизированы въ Нанси, и сопровождавшіе ихъ нѣмецкій врачъ и чиновникъ имѣли, должно быть, другія наставленія. Кстати, тутъ мы узнали, что нансійскій мэръ, послѣ нашего отъѣзда, написалъ предлинный протестъ противъ занятія лицея подъ лазаретъ и вручилъ его генералъ-губернатору. Stabs-Artz Л. не зналъ какъ быть передъ нашимъ уполномоченнымъ и что сказать; сначала онъ обвинилъ, потомъ защищалъ этапнаго доктора, который здѣсь ни тѣломъ, ни душей не былъ виноватъ, и мы еще разъ убѣдились, что подобное дѣло, какъ открытіе лазарета иностранными врачами, должно быть разрѣшено свыше, и никакіе мѣстные Stab's-Arzt'ы, при наилучшемъ желаніи, не могутъ въ этомъ дѣлѣ ничего. Странно только — почему не сказать правды ясно и понятно? Зачѣмъ этотъ излишекъ деликатности, который насъ поставилъ въ ложное положеніе? Но нечего дѣлать: со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ. Намъ нечего было имъ указывать на всю нелѣпость подобныхъ дѣйствій, явно сопряженныхъ съ ущербомъ для ихъ же несчастныхъ раненыхъ.

Общимъ совѣтомъ мы рѣшили оставить Нанси и, возвратившись въ Мангеймъ, отправиться въ Брюссель, а оттуда перебраться въ первую армію, хотя не нужно было много догадли-

вости, чтобы предвидѣть и тамъ подобныя же невыгодныя обстоятельства. Нѣсколько человѣкъ насъ пустились въ обратный путь, съ намѣреніемъ посѣтить еще разъ Гагенау, Зульцъ и Вейссенбургъ. Порученіе нашего уполномоченнаго воспользоваться, если представится возможность, этими пунктами, хотя для нѣкоторыхъ изъ нашихъ врачей, я принялъ на себя, и въ Вейссенбургѣ удалось мнѣ его исполнить. Такимъ образомъ, раздѣлилось наше общество, сдѣлавшееся вдругъ черезъ-чуръ многочисленнымъ, такъ какъ въ день моего отъѣзда, послѣ прибытія нѣсколькихъ варшавскихъ врачей, насъ оказалось въ Нанси 14 человѣкъ.

Дорога въ Вейссенбургъ на этотъ разъ представляла уже другой характеръ. Правда, что въ это лихорадочное время, въ полтора мѣсяца многое можетъ измѣниться, но тотъ порядокъ, который и тогда не могъ не обращать на себя нашего вниманія въ тылу дѣйствующихъ армій, теперь еще болѣе высказывается во всемъ. Дорогу, на которую мы прежде употребили три дня, теперь сдѣлали въ одинъ день; на станціяхъ въ Блэнвиллѣ, Люневиллѣ и другихъ, уже развилась небольшая промышленность: жители продаютъ на дорогѣ закуски, виноградъ, фрукты и пр. Цѣлыя толпы на станціяхъ, гдѣ прежде было такъ пусто, ожидаютъ поѣздовъ съ плѣнными. Полевыя работы идутъ болѣе дѣятельно. Черезъ знаменитые туннели чудныхъ Вогезовъ мы проѣхали еще днемъ и на этотъ разъ безъ всякихъ приключеній; Гохфельденъ, Бруматъ мы проѣхали почти не останавливаясь; въ Гагенау оставили двухъ товарищей и къ ночи уже были въ Вейссенбургѣ. Теперь еще труднѣе найти себѣ квартиру, чѣмъ это было прежде, и мѣстное военное начальство должно было уже прибѣгнуть къ радикальнымъ мѣрамъ, чтобы удалить изъ города тѣхъ излишнихъ лицъ нейтральнаго характера, которыя, прибывъ изъ Германіи, располагались здѣсь какъ у себя дома и лишали даже лицъ, принадлежащихъ къ арміи, ѣдущихъ и возвращающихся съ театра войны, возможности получать удовлетворительное помѣщеніе. Когда пошло дѣло на повѣрку, то оказалось, что для однихъ только занятій на станціи желѣзной дороги здѣсь состояло 109 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ послѣднее время въ Вейссенбургѣ изъ возвращаемыхъ въ Германію раненыхъ и больныхъ оставались только весьма немногіе. Конечно, значительному числу этихъ господъ немедленно было приказано оставить Вейссенбургъ, и на будущее время всѣмъ подобнымъ лицамъ — конечно и мы не избѣгли этой участи — выдавался въ комендантурѣ билетъ только на однѣ сутки, а затѣмъ уже надо было представить доказательство въ томъ, что дѣйствительно имѣешь въ городѣ опредѣленныя служебныя за-

нятія, съ удостовѣреніемъ коменданта, старшихъ врачей лазаретовъ или другихъ членовъ эвакуаціонной коммиссіи.

Эвакуаціонная коммиссія устроена здѣсь только въ послѣднее время; ее составляютъ: этапный комендантъ, старшій военный врачъ въ городѣ и еще нѣсколько членовъ. Обязанность ея опредѣляется самымъ названіемъ коммиссіи: наблюденіе за правильной эвакуаціей раненыхъ и больныхъ, что прежде, кажется, лежало на одномъ этапномъ врачѣ. Конечно, это значительное улучшеніе въ администраціи такого труднаго дѣла, въ особенности въ тѣхъ пунктахъ, чрезъ которые, по связи разныхъ линій желѣзныхъ дорогъ между собою и вслѣдствіе извѣстнаго расположенія войскъ и лазаретовъ, сплошь да рядомъ приходилось пропускать поѣзды съ 200-ми и 300-ми больныхъ и раненыхъ. Мѣстомъ дѣйствія коммиссіи служитъ самая станція желѣзной дороги; Вейссенбургъ и Саарбрюкенъ, оба города на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ и на границѣ Германіи и Франціи, представляли, повидимому, самые важные пункты для занятій эвакуаціонныхъ коммиссій, которыя и были учреждены въ обоихъ этихъ городахъ.

Возлѣ комендантуры, на улицѣ, ночью и подъ дождемъ, остановились вмѣстѣ со мною носильщики, принесшіе со станціи какого-то больного ротмистра; я могъ только отличить въ темнотѣ, что больной былъ въ сильнѣйшей степени изнуренія послѣ перенесенной болѣзни. Бѣдная жена, пріѣхавшая за нимъ во Францію, стояла у изголовья носилокъ съ поникшей головой, а ловкій ординарецъ-гусаръ хлопоталъ пока о помѣщеніи несчастнаго на ночлегъ. Благодаря энергической распорядительности баварскаго солдата, писаря въ мэріи, противъ обыкновенія поторопились, и печальное это шествіе вскорѣ двинулось по темнымъ переулкамъ разыскивать свой пріютъ.

Во множествѣ случаевъ я убѣдился, насколько важно умственное развитіе каждаго отдѣльнаго индивидуума въ войскѣ. У многихъ солдатъ я видѣлъ между пуговицами мундира толстую записную книжку, а нерѣдко и карту Франціи въ рукахъ. Каждое отдѣльное порученіе исполняется солдатами осмысленно, при приказаніяхъ долго распространяться и толковать не нужно, а при постоянныхъ передвиженіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ, при расквартированіи нижнихъ чиновъ въ незнакомыхъ городахъ, и т. п. это весьма важно. Въ особенности въ этомъ отношеніи хорошъ ландверъ; все люди болѣе пожилые, образованные и самостоятельно занимавшіеся уже серьезными дѣлами, во время мира, и потому въ тылу арміи, гдѣ приходится оставлять незначительные гарнизоны въ непріятельской землѣ, для поддер-

жанія связи между родиной и далеко ушедшей впередъ дѣйствующей арміей, ландверъ превосходенъ. Дай Богъ, чтобы наша новая реформа по комплектованію войскъ и образованію резервовъ принесла скорѣе тѣ плоды, которыхъ ожидать можно отъ подобнаго дѣла. Военное искусство должно развиваться само по себѣ, но общее образованіе въ народѣ въ настоящее время сдѣлалось еще болѣе необходимо.

Посѣтивъ знакомый мнѣ ужъ лазаретъ въ Collège Stanislas, я встрѣтился съ французскимъ докторомъ W., у котораго на рукахъ осталось теперь 17 тяжело раненыхъ французовъ; они всѣ безъ исключенія ранены еще при Вейссенбургѣ, слѣдовательно находятся здѣсь около двухъ мѣсяцевъ. Несмотря на весьма серьезныя раненія, можно надѣяться, что, за исключеніемъ двухъ, остальные выздоровѣютъ. Едва ли это было бы такъ, если бы эти люди были несвоевременно перевозимы въ болѣе отдаленные лазареты, и этотъ маленькій образчикъ подтверждаетъ опять принципъ, что хотя система эвакуаціи есть прекрасное пріобрѣтеніе послѣдняго времени во многихъ и многихъ отношеніяхъ, но est modus in rebus—есть мѣра всему.

Кончивъ занятія въ Вейссенбургѣ, я собрался наконецъ въ Мангеймъ, гдѣ, въ ожиданіи возвращенія профессора, предположилъ употребить время на осмотръ ближайшихъ прирейнскихъ лазаретовъ, гдѣ какъ я могъ уже судить по видѣнному, долженъ былъ найти тоже громадный матеріалъ для научныхъ и другихъ наблюденій. Въ это время война вошла уже въ новый фазисъ—послѣ уничтоженія регулярныхъ войскъ Франціи, которыхъ остатки заперты въ Метцѣ, пруссаки обложили Парижъ. Сейчасъ получено на станціи извѣстіе, что Туль палъ.

И. Пильцъ.

ГРЕЦІЯ

Изъ «Гяура», Л. Байрона.

Чуть вѣетъ вѣтеръ... Чередой
Волна катится за волной
Вокругъ скалы, гдѣ спитъ вѣка
Герой Аѳинъ [1]; издалека
Его бѣлѣется курганъ,
И парусамъ, изъ чуждыхъ странъ
Бѣгущимъ къ берегу, поклонъ
Привѣтный посылаетъ онъ...

Волшебный край! Тамъ круглый годъ
Свою улыбку солнце шлетъ
Цвѣтущимъ пышно островамъ,
И голубое море тамъ
Простерло свѣтлыхъ волнъ кристалъ
Къ подножью разноцвѣтныхъ скалъ,
И дремлютъ сонныя онѣ,
Глядясь въ лазурной глубинѣ.
Тамъ перелетный вѣтерокъ,
Чуть сморщивъ водъ прозрачный токъ,
Въ долины мчится съ высоты
И будитъ сонные цвѣты,
И, преклонясь, они дрожатъ
Отъ ласкъ его и ароматъ
Въ нагрѣтомъ воздухѣ струятъ.
Тамъ пѣснью чудною своей

---

[1]) Ѳемистоклъ.

Звенитъ любовникъ — соловей
Невѣстѣ юной — розѣ горъ;
Одѣта въ свадебный уборъ,
Полна стыдливой красотой,
Она внимаетъ пѣснѣ той;
Надъ ней не вѣютъ никогда
Зимы суровой холода,
И солнца вѣчно-ясный свѣтъ
Ее цалуетъ и привѣтъ
Ей шепчетъ вѣтерка полетъ,
И смотритъ въ синій неба сводъ
Она съ улыбкою и шлетъ,
За красоту свою въ возвратъ,
На небо вздоховъ ароматъ...
Тамъ дернъ блеститъ какъ изумрудъ,
Тамъ сѣнь деревъ — любви пріютъ,
Тамъ гроты къ отдыху зовутъ,
Но лишь пиратъ береговой
Къ нимъ челнъ причаливаетъ свой
И сторожитъ, таясь, когда
Взойдетъ вечерняя звѣзда
И бѣлый парусъ на волнѣ
Мелькнетъ и въ сонной тишинѣ
Гитары разнесется звонъ;
Тогда весломъ беззвучнымъ онъ
Направитъ челнъ изъ-подъ скалы
Къ добычѣ вѣрной: среди мглы
Къ пловцу прокрадется — и въ мигъ
Пѣснь превратится въ смертный крикъ...

Не странно-ль — этотъ дивный край,
Гдѣ боги создали свой рай,
Гдѣ прелести природы всѣ
Блестятъ въ невиданной красѣ, —
Взялъ человѣкъ себѣ, чтобъ въ немъ
Жить разрушеніемъ и зломъ,
Чтобъ превратить эдемъ земли
Въ пустыню. Пышно расцвѣли
Предъ нимъ цвѣты; его рука
Не украшала ихъ вѣнка;
Но тщетно взоръ его очей
Они влекутъ красой своей:
Какъ дикій звѣрь, ожесточенъ,

Безжалостно ихъ топчетъ онъ...
Не странно-ль — гдѣ въ тиши нѣмой
Цвѣтетъ природа, тамъ грозой
Бушуютъ страсти, тамъ развратъ
И преступленье жизнь мрачатъ;
Тамъ надъ обломками руинъ
Тиранство — мрачный властелинъ —
Воздвигло свой высокій тронъ,
Чтобъ возмущать ихъ вѣчный сонъ;
Какъ демонъ, ада мрачный царь,
Похитившій небесъ алтарь,
Оно простерло власть свою
Въ странѣ любви, въ земномъ раю,
И мрачно налегло на всемъ
Проклятья роковымъ клеймомъ!

Видали-ль вы черты лица
У мертвой въ первый день конца,
Въ послѣдній день земныхъ тревогъ,
Когда стереть еще не могъ
Перстъ разрушенья роковой
Блескъ красоты ея земной?
Восторгъ таинственный проникъ
Недвижно-помертвѣлый ликъ.
На блѣдность матовую щекъ,
Какъ будто чудный отблескъ легъ.
Сомкнуты вѣки впалыхъ глазъ;
Увы, въ нихъ жизни свѣтъ погасъ,
И въ часъ веселья, скорби часъ
Въ нихъ не блеснетъ слеза свѣтло!
Какъ мраморъ холодно чело
И, мнится, замерла на немъ
Мысль о покоѣ гробовомъ;
Его недвижно-блѣдный видъ
Взоръ привлекаетъ и страшитъ:
Какъ будто тайнъ могильныхъ тьму
Раскрыть готова смерть ему...
И еслибъ не былъ такъ уму
Ужасенъ признакъ роковой
Оцѣпенѣлости нѣмой,
То въ мертвой жизнь признать, порой,
Могла бы тайная мечта:
Столь чуднымъ блескомъ облита

Ея нѣмая красота,
Столь безмятежна и ясна
Лежитъ въ гробу своемъ она.

Такъ эта дивная страна,
Такъ эта Греція мертва,
Лежитъ вѣка и такова
Она въ могильномъ снѣ: блѣдна
Тиха, прекрасна, холодна!
Невольной скорбію томитъ
Ея печальной смерти видъ;
Въ ней свѣтъ и трепетъ жизни стихъ,
Но отблескъ прелестей былыхъ
Въ чертахъ усопшей не угасъ.
Послѣднихъ думъ, въ послѣдній часъ
Въ душѣ мелькавшихъ, тайный слѣдъ
Легъ на лицѣ и, будто свѣтъ
Небесный вкругъ чела обвелъ
Позолоченый ореолъ.
Увы, тотъ пламень неземной
Блеститъ, но прежней теплотой
Его лучи ужъ не зажгутъ
Земли покинутый пріютъ,
Который долго такъ они
Лелѣяли въ былые дни!...

Земля героевъ, чьи дѣла
Безсмертны! Каждая скала,
Долина каждая была
Здѣсь храмомъ вольности святой,
Могилой славы вѣковой!
И что-жъ, ужели тамъ, гдѣ встарь
Стоялъ могущества алтарь,
Теперь остался прахъ одинъ
Печальныхъ и нѣмыхъ руинъ?
— О рабъ трусливый! Подойди:
Не Термопилы-ль здѣсь? Гляди,
Какое море льется тамъ
Волной лазурной къ берегамъ?
Вкругъ Саламинскихъ гордыхъ скалъ
Простерся этихъ водъ кристалъ!
Свободы выродокъ! слыхалъ
Ты что-нибудь о славѣ ихъ?

Возстань за вольность дней былыхъ!
Изъ пепла славнаго гробовъ
Твоихъ схороненныхъ отцовъ
Добудь священный пламень тотъ,
Что ихъ живилъ, и рабства гнетъ
Отбрось, или пади въ борьбѣ
Съ тиранствомъ! Память о тебѣ
Къ твоимъ потомкамъ перейдетъ
И гордый сынъ скорѣй умретъ,
Но славу честную отца
Не постыдитъ онъ до конца!
Когда любовь къ свободѣ разъ
Въ сердцахъ проснувшихся зажглась —
Ея огонь неугасимъ.
О Грецiя! будь вѣковымъ
Свидѣтелемъ, что тьма временъ
Не можетъ омрачить именъ,
Которыхъ славой озаренъ
Здѣсь каждый холмъ. Давно забытъ
Блескъ власти тѣхъ, чей прахъ зарытъ
Подъ грудой гордыхъ пирамидъ,
Воздвигнутыхъ рукой рабовъ,
Затѣмъ, чтобъ въ памяти вѣковъ
О ихъ властителяхъ молва
Была нетлѣнна и жива;
Но тутъ, хоть памятниковъ рядъ
Разрушенъ временемъ, хранятъ
Преданья подвиговъ былыхъ
Высоты скалъ береговыхъ —
Нерукотворный мавзолей
Безсмертной славы прежнихъ дней!
Передъ могилами людей.
Чья память вѣчно будетъ жить,
Напрасно было бъ говорить
О томъ, какъ славная страна
Унизилась, какъ шла она
Къ погибели за шагомъ шагъ:
Оружьемъ чужеземный врагъ
Не могъ убить ея, но духъ
Святой свободы въ ней потухъ —
И рабъ-народъ отдался самъ
Во власть тиранству и цѣпямъ!...

Теперь несчастная страна,
Безмолвьемъ смерти ты полна!
Нѣтъ для тебя легендъ былыхъ,
Нѣтъ славныхъ дѣлъ, чтобъ муза ихъ
Воспѣть такъ пламенно могла,
Какъ въ оны дни, когда жила
Ты славой! Гдѣ твои сыны,
Чьи души были зажжены
Огнемъ свободы, чьи сердца
Къ своей отчизнѣ до конца
Хранили жаркую любовь?
Увы, имъ не воскреснуть вновь!
А ихъ потомковъ жалкій родъ
Лежитъ во прахѣ и несетъ
Покорно тяжкій гнетъ оковъ;
Рабы — нѣтъ, узники рабовъ —
Они въ бездушіи нѣмомъ
Влачатъ позоръ свой день за днемъ
И въ преступленіи одномъ
Находятъ жизнь; на нихъ порокъ
Клеймомъ неизгладимымъ легъ;
Они безсмысленнѣй звѣрей,
И даже доблесть дикарей
Въ ихъ низкихъ душахъ и сердцахъ
Не можетъ жить: лишь гнусный страхъ,
Да хитрость древнюю они
Являютъ міру въ наши дни...

В. Буренинъ.

ЗЕМСКАЯ ПОВИННОСТЬ

ВЪ

РОССІИ.

Историческій очеркъ.

Устройство земскихъ повинностей до реформы 1864 г.—Прежній порядокъ управленія. — Уставъ о земскихъ повинностяхъ 13 іюня 1851 года. — Тягловая раскладка и значеніе ея въ податной системѣ. — Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г. — Задача, предложенная земству найти новыя основанія для раскладки земскихъ сборовъ. — Новыя основанія, введенныя закономъ 21 ноября 1866 г.—Вліяніе этого законоположенія на дальнѣйшее развитіе податной системы.—Настоящее положеніе земскаго хозяйственнаго управленія.—Постоянное возвышеніе государственныхъ и губернскихъ сборовъ.—Сравненіе поземельныхъ окладовъ съ доходностію земель.—Неравномѣрность раскладки податей и повинностей.—Сравнительная таблица раскладокъ по государственнымъ податямъ и по земскимъ сборамъ.—Предметы земскихъ расходовъ. — Стоимость содержанія земскихъ управъ.—Справедливо ли, что наше земское самоуправленіе стóитъ слишкомъ дорого [1])?

Земскія повинности раздѣляются въ Россіи, какъ извѣстно, на государственныя, губернскія и частныя. Государственныя— это собственно казенныя подати, которыя названы земскими потому только, что раскладка ихъ производится на мѣстахъ, по предметамъ или лицамъ, предуказаннымъ общими узаконеніями, и съ нѣкоторымъ участіемъ земскихъ чиновъ.

---

[1]) Статья эта составляетъ одну изъ главъ III-го тома сочиненія «О самоуправленіи», который печатается и будетъ выпущенъ въ скоромъ времени, и служитъ введеніемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію ожидаемыхъ улучшеній и исправленій въ порядкѣ раскладокъ земскихъ государственныхъ и губернскихъ сборовъ.

Губернскія (тутъ подразумѣваются и уѣздныя) составляютъ, въ строгомъ смыслѣ слова, предметъ вѣдомства земскихъ учрежденій.

Наконецъ, частныя—это повинности общественныя, дворянскія, городскія, волостныя.

Очевидно, вопросъ о земскихъ повинностяхъ обнимаетъ у насъ всѣ отрасли хозяйственнаго управленія и касается всей нашей податной системы.

Исторія этихъ земскихъ повинностей въ Россіи за послѣднее пятидесятилѣтіе пережила три періода:

Первый—идетъ до изданія устава 13 іюля 1851 года, за которымъ послѣдовало радикальное преобразованіе земскихъ повинностей.

Второй—отъ 1851 года, до изданія положенія 1-го ноября 1864 года.

Третій—отъ 1864 г. до настоящаго времени.

Положеніе земскаго управленія до 1851 г. такъ мало извѣстно, оно даже въ свое время возбуждало такъ мало интереса, что мы считаемъ нужнымъ напомнить о немъ, чтобы опредѣлить ту исходную точку, откуда отправились наши реформы; мы считаемъ этотъ возвратный взглядъ еще поучительнымъ и въ томъ отношеніи, чтобы отвѣчать на возраженіе многихъ людей, недовольныхъ настоящимъ ходомъ земскаго дѣла и изъявляющихъ сожалѣніе о прежнихъ дешевыхъ и простыхъ порядкахъ.

Слушая эти отзывы, новыя поколѣнія могли бы дѣйствительно подумать, что и при прежнихъ порядкахъ были какіе-либо порядки, что кому-либо—правительству и народу были извѣстны суммы окладныхъ сборовъ, размѣры обложенія, предметы расходовъ, правила взиманія.

Это была бы грубѣйшая ошибка.

Пишущій эти строки поступилъ, въ 1847 г., въ званіе предводителя дворянства въ одной изъ сѣверныхъ губерній и засталъ еще въ полномъ цвѣтѣ это патріархальное управленіе; по молодости лѣтъ онъ на первыхъ порахъ увлекся мечтой общественной пользы и, изучивъ уставы въ то время дѣйствовавшіе, принялся съ патріотическимъ и простосердечнымъ рвеніемъ за изслѣдованіе земскихъ и общественныхъ дѣлъ — открылось слѣдующее:

Земскія повинности управлялись на основаніи разныхъ уставовъ, разновременно изданныхъ, но сведенныхъ въ т. IV общаго Свода Законовъ въ одно будто-бы общее положеніе.

Нѣкоторыя изъ статей этого положенія были составлены въ

духѣ очень либеральномъ; смѣты, раскладки, отчеты хотя и сочинялись губернскими властями, но предъявлялись собраніямъ депутатовъ отъ дворянства и городовъ, даже вносились въ дворянскія собранія, даже могли быть обжалованы министру внутреннихъ дѣлъ; правила отчетности были въ особенности строгія, и въ статьѣ 106-й и посл. т. IV (изданіе 1842 г.) излагались съ полною послѣдовательностію.

Эта статья могла дѣйствительно внушить неопытнымъ дѣятелямъ того времени дерзкое помышленіе, что они могутъ проникнуть въ тайны приходо-расходнаго управленія губерніи и требовать отъ начальства, на основаніи закона, свѣдѣній, вѣдомостей и отчетовъ.

Въ ней, въ этой 106-й статьѣ, въ семи пунктахъ прописанъ былъ весь порядокъ, такъ-называемой хозяйственной отчетности: какъ обязывается казенная палата доставлять вѣрнѣйшія свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ земскихъ суммъ; какъ изъ этихъ свѣдѣній составляется начальникомъ губерніи хозяйственный отчетъ, въ перечневомъ видѣ; какъ этотъ отчетъ разсматривается въ полномъ собраніи всевозможныхъ начальниковъ, предводителей, управляющихъ, предсѣдателей и депутатовъ;—какія особыя перечневыя вѣдомости, и въ какой формѣ должны быть къ отчету приложены; какъ начальнику губерніи постановляется въ непремѣнную обязанность приготовлять отчеты такъ заблаговременно, чтобы они могли быть предъявлены собраніямъ и депутатамъ немедленно по ихъ открытіи, и какъ, наконецъ, министру внутреннихъ дѣлъ слѣдуетъ имѣть строжайшій надзоръ именно за этимъ порядкомъ, чтобы отчеты были предъявлены собраніямъ депутатовъ и дворянскимъ.

Такъ гласилъ законъ.

На дѣлѣ выходило иначе.

Про какого-то прусскаго коменданта разсказываютъ анекдотъ, что, встрѣчая Фридриха Великаго въ командуемой имъ крѣпости и забывъ его отсалютовать обычными выстрѣлами, онъ оправдывался длинною рѣчью, въ коей объяснялъ, что упущеніе это произошло по тремъ причинамъ, изъ коихъ первая та, что въ крѣпости не имѣлось пороха; король, прервавъ рѣчь коменданта, отвѣчалъ, что онъ довольствуется этой первой причиной и отъ объясненія другихъ проситъ избавить.

Нѣчто подобное происходило во времена оныя и съ отчетами о земскихъ повинностяхъ. Они никогда не могли быть ревизованы по многимъ причинамъ, изъ коихъ первая была та, что они никогда не могли быть сведены самимъ начальствомъ; губернаторы встрѣчали депутатовъ обыкновеннымъ привѣтствіемъ,

что отчеты не готовы, и что они просятъ ихъ погостить въ губернскомъ городѣ, покуда канцелярія окончательно ихъ перебѣлитъ и повѣритъ.

Тѣ изъ депутатовъ, которые знали дѣло, направлялись прямо къ начальнику губернаторской канцеляріи и подписавъ листъ бумаги, гдѣ свидѣтельствовалось о разсмотрѣніи отчета, отправлялись въ обратный путь.

Но бывали и ретивые депутаты, которые, принимая свои обязанности къ сердцу, непремѣнно желали проникнуть въ эти канцелярскія тайны, и съ ними разыгрывалось длинное представленіе; послѣ многихъ дней и недѣль, наконецъ, вносились письменные или даже печатанные смѣты и отчеты въ собраніе, приведенное эмиграціей большей части членовъ въ самый тѣсный составъ.

Смѣта обыкновенно начиналась статьей о зачетѣ остатковъ прежняго трехлѣтія, затѣмъ слѣдовали смѣтныя исчисленія всегда по примѣру прежнихъ лѣтъ, и въ концѣ выводился, опять по тому же примѣру, такой же точно остатокъ, какой показанъ былъ въ началѣ трехлѣтія.

Этотъ оборотъ *и зачетъ остатковъ* составлялъ, можно сказать, всю суть губернаторскаго хозяйственнаго управленія по слѣдующимъ соображеніямъ.

Въ уставѣ о земскихъ пов. (Т. IV изд. 1842 г.) была статья 24-я, по коей губернскому начальству предоставлено было право *удерживать часть остатковъ въ запасъ*, если оно сочтетъ это необходимымъ, и эта необходимость сдѣлалась постоянной, нормальной; только этими остатками, разумѣется, значущимися единственно на бумагѣ, и покрывался дефицитъ земскихъ суммъ, изъ коихъ черпали всѣ вѣдомства, всѣ начальства; только посредствомъ этого искуственнаго подведенія итоговъ и могли быть сведены вымышленные балансы земскаго кредита и дебета.

Сумма остатковъ весьма часто превышала сумму текущихъ расходовъ и сборовъ, и поэтому само собой и совершенно естественно представляется вопросъ, нельзя ли, принявъ къ зачету хотя извѣстную часть этихъ будто бы наличныхъ экономій, сбавить на соразмѣрную сумму податные, текущіе оклады на предстоящее трехлѣтіе.

Но это предложеніе считалось одною изъ самыхъ дерзкихъ попытокъ къ потрясенію правительственной власти, и, дѣйствительно, оно могло бы потрясти кредитъ администраціи по той простой причинѣ, что этихъ остатковъ нигдѣ и никогда не было на-лицо.

Такимъ образомъ выходило, что смѣтные расходы исчисля-

лись всякій разъ въ полную сумму потребностей; а остатки, по мѣрѣ ихъ накопленія, поступали въ какую-то негласную экономію, недоступную ни губернскому начальству, ни земскимъ присутствіямъ и собраніямъ.

Самыя смѣтныя исчисленія представляли хаосъ, изъ коего никто не могъ и подумать выдти и всего менѣе тѣ второстепенные чиновники, коимъ поручался неблагодарный трудъ составленія этихъ однообразныхъ перечней. Это были обыкновенно ловкіе и смѣтливые люди, набившіе себѣ руку въ счетоводствѣ, умѣвшіе сводить итоги по ошибочнымъ и примѣрнымъ счетамъ, и прятать концы тамъ, гдѣ они слишкомъ ярко выходили наружу.

Были статьи невообразимыя:

Въ Новгородской губ., въ теченіи 20-ти лѣтъ, платилось по 3 или 4-ре тысячи рублей на ремонтъ упраздненной парусной фабрики, которая во все это время чинилась и ремонтировалась изъ суммъ военныхъ поселеній.

Въ одинъ изъ высочайшихъ проѣздовъ въ сороковыхъ годахъ повелѣно было разбить почтовыя станціи на болѣе короткіе перегоны и выстроить промежуточную станцію въ селѣ Вишерѣ на московскомъ шоссе; на постройку исчислено было около 16,000 руб., и эта сумма, ассигнованная единовременно, взыскивалась въ теченіи 6-ти или 9-ти лѣтъ ежегодно, а самая постройка, вслѣдствіе открытія желѣзной дороги, была отмѣнена и никогда не производилась.

Многіе мосты, на содержаніе коихъ отпускались суммы, никогда не могли быть отысканы и давно уже не существовали.

Цѣлые тракты состояли, можно сказать, въ откупномъ содержаніи мѣстныхъ исправниковъ или строительныхъ коммиссій, которыя получали на исправленіе ихъ по нѣсколько тысячъ рублей, и свѣдома всѣхъ начальствъ и всѣхъ мѣстныхъ жителей чинили ихъ всегда натурой, нарядомъ обывателей, и то только передъ проѣздомъ губернаторовъ или другихъ сановниковъ.

Земскія смѣты были дѣйствительно не высоки. Въ губерніяхъ, гдѣ нынѣ введены земскія учрежденія, они простирались на сумму—5.186,312 р., и если сообразить, что большая часть расходовъ, на которые деньги ассигновались, вовсе на деньги не производились, а исправлялись натурой крестьянами и мѣщанами по нарядамъ грозныхъ исправниковъ, по снисхожденію смѣтливыхъ инженеровъ, больше для вида, чѣмъ для дѣла, то нельзя не согласиться, что для всѣхъ сословій, кромѣ податныхъ, эти прежніе порядки земскаго хозяйства были самые дешевые, какіе только можно себѣ представить.

Раскладка земскаго сбора простиралась, какъ извѣстно, до 1851 г., только на лица, платящія подушную подать (ст. 25 т. IV изд. 1842); сборъ причислялся къ казеннымъ податямъ, взыскивался вмѣстѣ съ ними и вносился въ казначейство въ обыкновенные сроки (ст. 68).

Съ купцовъ взимался только ничтожный сборъ по $^1/_4$ процента съ объявленнаго капитала.

Всѣ прочія лица и имущества вовсе не облагались.

Раскладка, поэтому, производилась исключительно по душамъ на крестьянъ и мѣщанъ; но денежный сборъ составлялъ самую малую часть обложенія и натуральныя повинности простирались на сумму вдвое или втрое высшую; въ Новгородской губ. большая часть селеній нанимала частнымъ образомъ стойщиковъ и подрядчиковъ для исправленія подводной и дорожной повинности, и платили имъ по первой около 30 — 40 коп. сер. съ души, по второй отъ 20—30 по квартирной повинности; цѣнность ея была приблизительно извѣстна по тому обстоятельству, что нѣкоторыя деревни и отдѣльные домохозяева, наиболѣе зажиточные, откупались у становыхъ приставовъ отъ постоя, платя имъ отъ 3 — 5 коп. съ души.

Въ нѣкоторыхъ центральныхъ и восточныхъ губерніяхъ подводная и квартирная повинности были легче, но въ степныхъ и юговосточныхъ губерніяхъ онѣ простирались отъ 1—2 р. съ ревизской души, и едва ли ошибемся, если примемъ за среднюю стоимость натуральныхъ повинностей 50 коп. съ ревизской души, что составитъ на 30 губерній съ 24 мил. ревизскихъ душъ около 12-ти милліоновъ.

Денежный окладъ былъ подушный, взимался вмѣстѣ съ казенными податями и расходовался администраціей. Земскіе сборы ничѣмъ и никѣмъ не отличались отъ прочихъ налоговъ; городскія и сельскія общества раскладывали ихъ совокупно съ подушною податью и сдавали въ казначейства. Казначейства росписывали поступающія суммы по произволу и въ дѣйствительности смѣшивали ихъ въ приходѣ и расходѣ, такъ что въ концѣ трехлѣтія не было никакой возможности отдѣлить земскія суммы отъ другихъ.

Въ 1851 г., 13 іюля изданъ былъ новый уставъ о земскихъ повинностяхъ, который ввелъ радикальное измѣненіе въ порядокъ раскладокъ и установилъ сборъ поземельный.

Главное улучшеніе состояло въ томъ, что приказано «всѣ остатки отъ суммъ земскаго сбора, оказавшіеся за дѣйствитель-

ными расходами, а равно и начеты, открытые при ревизіи, гдѣ бы и по какому вѣдомству они ни оказались, всегда причислять къ массамъ того же сбора и обращать въ зачетъ и уменьшеніе сборовъ новаго трехлѣтія».

Относительно поземельнаго сбора приняты были четыре категоріи: а) первая—для земель, находящихся при населенныхъ имѣніяхъ сверхъ 15-ти десятинной пропорціи, а равно и съ лѣсовъ и оброчныхъ статей частнаго владѣнія; съ нихъ полагается по $^1/_2$ коп. съ десятины; b) вторая—удобныя земли, принадлежащія къ населеннымъ имѣніямъ, если количество ихъ не превышаетъ пропорціи 15 дес. на душу, по 1 коп. съ десятины; c) третья — со всѣхъ незаселенныхъ и непринадлежащихъ къ селеніямъ земель, состоящихъ во владѣніи частныхъ лицъ, по $1^1/_2$ коп.; d) четвертая — съ таковыхъ же земель (незаселенныхъ) казенныхъ и удѣльныхъ по 2 коп. съ рубля валового дохода.

Несмотря на сбивчивость и неясность этого законоположенія, можно было ожидать отъ него значительныхъ улучшеній, еслибы... еслибы оно было введено въ дѣйствіе съ должными вниманіемъ и послѣдовательностію.

Но это было въ 1851 г., и поколѣніе, прожившее эти тяжкіе годы съ 1849 по 1856-й, можетъ легко себѣ представить, была ли возможность провести дѣйствительную реформу въ это время, когда всякій шагъ къ измѣненію существовавшихъ неурядицъ заподозрѣвался революціонными тенденціями. Начеты, открывавшіеся по разнымъ вѣдомствамъ, которые по буквальному смыслу вышеприведенной статьи должны были быть возвращены въ общую массу земскихъ сборовъ — не возвращались.

Остатки отъ дѣйствительныхъ расходовъ, по смѣшенію счетовъ и неисправности въ отчетахъ разныхъ начальствъ—не выводились.

Строительныя и дорожныя коммиссіи, подвѣдомственныя особому и всемогущему главноуправляющему путей сообщеній, прямо и безъ всякихъ уловокъ отвергали право ревизіи земскихъ присутствій и представляли имъ отчеты ни съ чѣмъ несообразные и какъ будто въ насмѣшку.

Частные землевладѣльцы пользовались неясностію опредѣленія закона, чтобы относить бо́льшую часть земель въ разрядъ неудобныхъ, такъ какъ, по приложенію къ ст. 55 § 4 устава о земскихъ повинностяхъ т. IV, дозволено было, «въ случаѣ неимѣнія актовъ основываться, при исчисленіи удобныхъ земель, на частныхъ свѣдѣніяхъ, представленныхъ владѣльцами и ихъ

повѣренными». Но всѣхъ болѣе воспользовались новыми правилами для разумныхъ сбереженій (?) казна и удѣлы; разсчитывая и показывая сами валовой доходъ, съ коего велѣно было взимать по 2%, эти два вѣдомства довели свои сбереженія по этой части до замѣчательной цифры; въ 1862 г. процентный сборъ съ удобныхъ земель казны и удѣловъ (болѣе 100 мил. десятинъ) составлялъ только по всей имперіи 48,787 руб., а въ 1863 году еще уменьшился и сошелъ на 36,329 р. (Стат. Врем., стр. 84 — 87).

Нѣсколько лѣтъ спустя, при введеніи крестьянскихъ учрежденій, поземельная раскладка, установленная въ 1851 г., была распространена и на расходы по этому вѣдомству; крестьянскія земли обложены подесятиннымъ сборомъ, высшій размѣръ коего не долженъ превышать 5 коп. съ десятины.

Таково было положеніе земскихъ дѣлъ, когда издано было Положеніе 1864-го года.

Чтобы представить себѣ, какое глубокое, всеобъемлющее значеніе имѣла эта реформа для хозяйственнаго быта нашей страны, надо еще разъ вспомнить и нѣсколько разъяснить экономически-фискальныя условія, среди коихъ насъ застали преобразованія новѣйшихъ временъ.

Сравненіе ихъ съ настоящими условіями доказываетъ, по нашему мнѣнію, что мы слишкомъ строги для самихъ себя, когда требуемъ, чтобы эти новые порядки такъ внезапно съ первыхъ дней и принялись на почвѣ вовсе неподготовленной къ ихъ принятію.

Переходъ этотъ былъ слишкомъ крутъ, чтобы быть полнымъ, и надо много лѣтъ и много усилій, дружныхъ и согласныхъ усилій правителей и народа, чтобы вывести насъ на тотъ широкій путь, который только-что провозвѣшенъ Положеніемъ о Зем. Учр., но еще не проложенъ.

Прежде всего надо вникнуть въ тотъ порядокъ обложенія, который доселѣ существовалъ въ Россіи и назывался подушнымъ.

Въ большей части Россіи онъ никогда не раскладывался по душамъ, и это недоразумѣніе между оффиціально-фискальнымъ управленіемъ и народнымъ бытомъ есть главный коренной порокъ всего нашего податного, земскаго и казеннаго управленія.

Раскладки всякихъ сборовъ и повинностей дѣйствительно происходили такъ:

Начальство губернское, казенное и уѣздное дѣлали всѣ свои

разсчеты по числу ревизскихъ душъ; такъ, они вносились въ росписи и смѣты, переписывались въ разныя вѣдомости, препровождались въ станы, волости, приказы, конторы. Но тутъ, достигая самихъ мѣстъ исполненія, подушная раскладка пріостанавливалась, и общій казенный счетъ по числу душъ принимался только къ свѣдѣнію. Общество справлялось только по этимъ казеннымъ вѣдомостямъ объ огульной суммѣ денежныхъ податей и повинностей, падающихъ на селеніе, на міръ. Оно даже не давало себѣ трудъ повѣрять подушный разсчетъ, произведенный начальствомъ, зная напередъ, что это былъ бы трудъ напрасный.

Но дѣйствительную разверстку, самую раскладку внутри общества міръ производилъ по-своему, вовсе не по числу ревизскихъ душъ а по другому счету, искони принятому въ земскомъ управленіи русской земли, и получившему разныя мѣстныя названія, но всего болѣе извѣстному подъ именемъ *тягла*.

Тягло въ тѣсномъ и новѣйшемъ смыслѣ слова, смыслѣ происшедшемъ изъ крѣпостного права, *означаетъ собственно взрослаго, рабочаго крестьянина, женатаго и надѣленнаго землей*. Въ селеніи считается столько тяголъ, сколько имѣется паръ рабочихъ мужиковъ и бабъ, пользующихся земельными угодьями. Молодой парень, женившись и принявъ землю, вступаетъ въ тягло; старикъ, выживая изъ рабочихъ лѣтъ и сдавая землю, сдаетъ и тягло. Въ случаѣ тяжкой, неизлѣчимой болѣзни или другого несчастія крестьянинъ испрашиваетъ у міра увольненія отъ тягла, то-есть позволенія сдать свою полосу или часть полосы и пользоваться другою частію для прокормленія.

Въ сѣверной полосѣ Россіи, гдѣ мірской бытъ развился самостоятельнѣе, чѣмъ подъ Москвою, многія крестьянскія общества, сознавая неудобства передѣловъ пахотныхъ угодій, устраивали свои тягловыя разверстки такъ, что надѣляли новыхъ хозяевъ ровно столько, сколько увольняли стариковъ и такимъ образомъ удерживали одно и тоже число тяголъ въ продолженіи многихъ лѣтъ.

Эти тягловыя раскладки обыкновенно принимаются какъ налогъ на рабочую силу, и съ перваго взгляда дѣйствительно имѣютъ этотъ видъ.

Но, вникая глубже, мы въ нихъ находимъ совершенно иное значеніе — то именно, что ни душа, ни рабочія руки сами по себѣ не подлежатъ обложенію, а только земля, недвижимое имущество въ связи съ рабочею силою.

Ни крестьянинъ, покуда онъ не держитъ земли, ни земля,

покуда она не сдана въ пользованіе и содержаніе, не несутъ тягла.

Бобыли и пустыя земли не облагаются.

Коль скоро же совершается сочетаніе поземельнаго имущества съ рабочею силою, то непосредственно возникаетъ и *тягло*, то-есть обязанность участвовать въ тягостяхъ земскаго и государственнаго устроенія.

Мы не увѣрены, чтобы эта тягловая организація была именно такова, какою она представляется въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ, но можемъ поручиться, что она была повсемѣстно введена въ сѣверной и восточной полосѣ, гдѣ міръ откупался оброкомъ отъ вмѣшательства помѣщичьей власти и защищался непроходимыми лѣсами отъ попечительства начальства и гдѣ, поэтому, мірскіе порядки росли вольнѣе и самобытнѣе.

Изъ этого видно, какая глубокая рознь раздѣляла правительственные уставы отъ народныхъ обычаевъ и какъ мало первые проникали во вторые.

Министры, губернаторы, исправники, становые вели свой счетъ по душамъ, то-есть считали обложенными податями и повинностями всѣхъ людей малолѣтныхъ и взрослыхъ, живыхъ и мертвыхъ, записанныхъ въ ревизію.

Народъ, здравымъ своимъ смысломъ, отвергалъ эту вопіющую несправедливость и исправлялъ податную систему самовольной раскладкой всѣхъ налоговъ по земельному владѣнію. Между тѣмъ, въ дѣйствительности это разногласіе не было такъ существенно, какъ оно оказалось, или, вѣрнѣе сказать, оно только тогда оказалось существеннымъ, непримиримымъ, когда по ложному направленію всей нашей внутренней политики послѣ Петра I, по иноземнымъ тенденціямъ нѣмецкихъ выходцевъ XVIII-го столѣтія, наша податная система, вмѣстѣ со всѣми прочими системами, сбилась съ народнаго пути и послѣдовала за примѣрами нѣмецкихъ и французскихъ экономическихъ и финансовыхъ ученій.

Мы здѣсь должны сдѣлать нѣсколько длинное отступленіе для объясненія нашей мысли, которая состоитъ въ томъ, что при введеніи, такъ-называемаго, подушнаго оклада, Петръ Великій вовсе не имѣлъ въ виду личнаго налога и разумѣлъ свою реформу вовсе не такъ, какъ исполнили ее его преемники. Когда для удобства управленія онъ повелѣлъ произвесть перепись и установить подушную подать, то въ томъ же указѣ 18 ноября 1718 г. спѣшилъ объяснить: 1) что всѣ сословія дѣлятся на двѣ категоріи—одни, обязанныя личной службой (помѣстное дворянство), другіе—платящіе налоги; 2) что къ послѣдней кате-

горіи относятся только тѣ лица, которыя или «пашутъ пашню» или «производятъ промыслы и торговли»; 3) что «люди гулящіе», неимѣвшіе земли или промышленныхъ и торговыхъ заведеній, должны записаться на «землю» или «въ города», и къ этимъ *гулящимъ людямъ* отнесены:

Дворяне, неявившіеся въ полки;

Духовныя лица, не занимавшія штатныхъ должностей;

Вольноотпущенные;

Выходцы изъ разныхъ странъ;

Бѣглые, непомнящіе родства;

4) Отъ оклада увольнялись слуги, кормившіеся жалованьемъ своихъ господъ, люди неспособные къ работѣ, неизлѣчимо больные и увѣчные.

Изъ этого можно положительно заключить, что подъ именемъ подушной подати Петръ Великій разумѣлъ не налогъ на лицо и еще менѣе на рабочую силу, иначе онъ не уволилъ бы отъ подушнаго оклада дворовыхъ служителей и не счелъ бы нужнымъ приказать людямъ гуляющимъ записываться на землю.

Русскій царь понималъ вѣрно русскій бытъ — видѣлъ ясно главную черту всего русскаго общественнаго строя — *что человѣкъ не подлежитъ гражданскимъ обязанностямъ и не пользуется гражданскими правами, если онъ не держитъ земли и не исправляетъ промысла или торговли*, и только изъ этихъ двухъ совокупныхъ условій лица и земли, или лица и промысла выводилъ онъ право облагать обывателя. Этому праву государства взимать окладъ онъ противополагалъ не только право, но и обязанность держать землю и повелѣлъ *всѣмъ людямъ записываться на земли.*

Но эти высокія предначертанія Великаго Преобразователя были немедленно искажены его ближайшими преемниками и иноземными правителями. Уже въ 1727-мъ г. Екатерина I-я, составивъ Верховный Совѣтъ «изъ шляхетства, знатныхъ особъ и другихъ персонъ», велѣла разсмотрѣть, «почему впредь съ крестьянъ съ душъ такъ какъ нынѣ или *по примѣру другихъ государствъ съ одниxъ работниковъ*, а особенно какъ обычай въ Швеціи, платежъ положить».

Примѣръ другихъ государствъ и порѣшилъ дѣло податного обложенія въ Россіи; указъ 1718 г. былъ исполненъ только на половину, то-есть, что обыватели были записаны въ ревизію и окладъ, но не были записаны на землю. Екатерина II-я пробовала-было возобновить тотъ многознаменательный указъ Петра I, и въ Межевой Инструкціи 25-го мая 1766-го постановила: «чтобы всѣ лица положенныя въ подушный окладъ были надѣ-

лены землей по 15 дес. на душу въ губерніяхъ многоземельныхъ и по 8 дес. въ малоземельныхъ».

Но и эта высочайшая воля не была приведена въ исполненіе; правительство, тоже самое правительство, которое громило Царьградъ, дѣлило Польшу, не было довольно могущественно, чтобы провести эту аграрную мѣру, и не только въ частныхъ имѣніяхъ, но и въ казенныхъ, гдѣ земли были въ полномъ распоряженіи казны, указы 1718-го и 1766-го гг. остались мертвыми буквами.

Послѣ смерти великаго, но суроваго императора *люди гулящіе загуляли пуще прежняго*: дворяне не являлись въ полки и не платили податей; вольноотпущенные и дворовые люди предпочитали домашнюю службу въ должностяхъ псарей, стремянныхъ, дворецкихъ, пѣвчихъ и музыкантовъ, службу, увольняющую ихъ отъ оклада, и не записывались ни на земли, ни въ города; бѣглые продолжали бѣгать и не вспоминали родства, чтобы не быть приписанными къ податному сословію; выходцы изъ разныхъ странъ пользовались льготами отъ всякихъ платежей и повинностей. Правители того времени, «*шляхетство, знатныя особы и персоны*» проводили съ неуклонною послѣдовательностію первую половину податной системы введенной Петромъ, то-есть смотрѣли, чтобы всѣ лица, которыя «пахали пашню», платили и подати; но вовсе не заботились о второй, «чтобы люди платящіе подати были надѣлены землей».

Такимъ образомъ, подушная подать, установленная въ 1718-мъ году, въ концѣ этого столѣтія превратилась дѣйствительно въ личный налогъ; но превращеніе это было противузаконное, насильственное; оно произошло отъ того, что высшія сословія уклонялись отъ личной службы, которая одна только увольняла ихъ отъ денежныхъ податей и отъ того, что, вопреки высочайшей воли двухъ государей, не всѣ люди записанные въ окладъ надѣлены были землей.

Тѣмъ не менѣе мы должны, въ оправданіе нашего мнѣнія о правѣ на землю, которое многими обзывается коммунистическимъ началомъ, сослаться на эти два высочайшія повелѣнія, изъ коихъ выводимъ исторически, на основаніи авторитетовъ, имѣющихъ свою силу въ лѣтописяхъ устроенія русской земли, на основаніи двухъ указовъ Петра I и Екатерины II, *что подушному окладу подлежали только лица державшія землю, и что всѣ лица записанныя въ окладъ имѣли право на надѣлъ отъ 8 до 15-ти десятинъ.*

Но XIX-е столѣтіе открылось уже въ совершенно иныхъ обстоятельствахъ. Дворянская грамота уже вошла въ силу и от-

вергла окончательно высокія начала равномѣрнаго обложенія, провозглашенныя Петромъ. По мѣрѣ того, какъ стѣснялось землевладѣніе, возвышались подушные сборы; они составляли:

въ 1724	году	74 коп. съ души
» 1794	»	1 рубль—и 1—2 четвериковъ ржи и 1 гар. крупъ
» 1798	»	1 руб. 26 коп.
» 1810	»	2 руб. ассигн.
» 1812	»	3 »
» 1839	»	95 коп. сер.
» 1861	»	1 руб.
» 1867	»	отъ 1 р. 30 к. до 2 р. 14 к.

Кромѣ подушной подати въ тѣсномъ смыслѣ слова, взимался совершенно подобный душевой сборъ на государственныя земскія повинности.

Онъ составлялъ, по разряд. губерній, въ средн. сложности:

въ 1853 г.	отъ 40 — 70 коп.	60
» 1857 »	» $36^1/_2$—$68^1/_2$	$60^1/_4$
» 1860 »	» 29 — 1 р. 5 к.	78
» 1865 »	» 33 — 1 » 33 »	98

Весь подушный окладъ на государственныя земскія повинности увеличенъ

въ 1860 году на сумму	3.964,000
» 1862 » » »	1.000,000
» 1863 » » »	6.109,000
» 1865 » » »	4.690,000
» 1867 » » »	11.000,000
Всего на	26.763,000

или на душу до 1 р. 20 к.

Въ податномъ окладѣ, какъ извѣстно, считались до 1865 г. крестьяне и мѣщане, а съ 1865 г. одни крестьяне.

Передъ самымъ изданіемъ новаго земскаго положенія система подушнаго обложенія казалась окончательно установленной въ Россіи; мы говоримъ казалась, потому что въ сущности въ большей части Россіи, какъ мы выше объяснили, она существовала только на бумагѣ и замѣнялась въ самомъ дѣлѣ тягловой раскладкой. Но Положеніе 19-го февраля нанесло этому коренному обычаю русскаго міра чувствительный ударъ.

Ошибка, сдѣланная при обнародованіи этого Положенія и которую несомнѣнно сознавали, но не могли предотвратить

составители крестьянскаго положенія, состояла въ томъ, что въ основаніе надѣловъ и всѣхъ оброчныхъ и выкупныхъ платежей принята была ревизская душа въ томъ предположеніи, что народъ будто-бы привыкъ къ этому счету, между тѣмъ какъ къ нему привыкли не народъ, а правители и начальники, канцеляріи и присутствія, казначейства и казенныя палаты.

Народу этотъ ревизскій счетъ былъ навязанъ какъ повинность, и въ своемъ внутреннемъ, мірскомъ быту онъ всегда его отвергалъ; но тутъ произошелъ дѣйствительно насильственный переворотъ, и когда крестьяне услышали отъ своихъ освободителей, что они получаютъ угодья по числу душъ, уплачиваютъ оброки и выкупныя ссуды по тому же разсчету, то они поневолѣ, или лучше сказать въ смутномъ ожиданіи новыхъ благъ и милостей, приняли подушную систему какъ основаніе всѣхъ будущихъ своихъ правъ и обязанностей. Обаятельная сила этого новаго устава была такова, что многія селенія принялись дѣлить и дворы, и усадьбы, и сады и огороды по душамъ, срывали цѣлые дома, вырубали и пересаживали старыя яблони, перекапывали огороды канавами и непремѣнно домогались, чтобы всѣ усадебныя земли и строенія были уравнены между семьями по числу наличныхъ душъ.

Надо сознаться, что приступая къ отмѣнѣ подушнаго оклада нельзя было придумать мѣры болѣе противной предполагаемому преобразованію, какъ переложеніе всѣхъ крестьянскихъ платежей на душу и надѣлъ крестьянъ по душамъ.

Такимъ образомъ подготовлено то смутное положеніе, въ коемъ насъ застало новое Положеніе о земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ въ 1864-мъ году.

Положеніе это было слѣдующее:

По общей росписи сборовъ на всѣ земскія повинности, государственныя, губернскія и частныя, было назначено на трехлѣтіе съ 1 янв. 1860-го по 1 янв. 1863-го г.

всего по имперіи . . . . 24.429,580 руб.

Дѣйствительнаго поступленія было немного меньше:

въ 1862 году.	22.875,921	руб.
» 1863 »	24.013,727	»

Сумма эта распредѣлялась такъ:

	1862	1863
Съ торговыхъ свидѣтельствъ . .	166,362	778,327
Сбора подесятиннаго съ удобныхъ земель всѣхъ сословій . . .	1.795,028	1.571,666
Сбора процентнаго съ казенныхъ и удѣльныхъ земель	48,787	36,329

На частныя повинности разныхъ сословій	39,210	37,678
Сбора подесятиннаго съ крестьянскихъ земель на крестьянскія учрежденія	1.335,142	3.271,305
Съ податныхъ лицъ	19.491,189	18.318,420

Мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ о томъ, сколько изъ подесятиннаго сбора падало на земли частнаго и крестьянскаго владѣнія; но полагаемъ, что на послѣдніе причиталось никакъ не менѣе 2/3, то-есть около 1 милліона, а на помѣщичьи земли около 500,000 руб.

Въ такомъ случаѣ изъ всей суммы, поступившей въ 1863 году около 24 мил. падало:

На торговыя сословія около	778,000 руб.
На казну и удѣлы	36,000 »
На частныя повинности	37,000 »
На частныхъ землевладѣльцевъ . . .	500,000 »
На крестьянъ и мѣщанъ	22.578,000 »

Къ этимъ суммамъ слѣдуетъ еще прибавить:

1) Натуральныя повинности, которыя по среднему примѣрному разсчету составляли въ это время, т.-е. въ 1860 — 62 г., около 50 коп. съ ревизской души, или съ 24 мил. душъ около 12 мил.
2) Особыя общественныя повинности мѣстностей и сословій, которыя, по общей росписи сборовъ и расходовъ на трехлѣтіе съ 1860—1862 г., составляли. 309,444
3) Наконецъ, и такъ-называемыя дворянскія пожертвованія, по той же росписи 709,966

Всѣ эти числа, за исключеніемъ разсчета натуральныхъ повинностей, позаимствованы изъ оффиціальныхъ источниковъ, а именно изъ указа правительствующаго сената 8-го августа 1860-го г., при коемъ опубликованы смѣты земскихъ сборовъ на трехлѣтіе 1860—1862 г., и изъ Статистическаго Временника, изданнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

При этомъ нужно замѣтить, во-первыхъ, что вышеприведенная статья (309,944 руб.) общественныхъ сборовъ и означаетъ только ту часть мірскихъ повинностей, которая представлена была на утвержденіе правительства по разнымъ соображеніямъ городскихъ и сельскихъ обществъ; въ дѣйствительности суммы общественныхъ повинностей и мірскихъ расходовъ на содержаніе сельскаго управленія, караульныхъ магазиновъ, лѣсной

стражи и на сдачу рекрутъ, никому и никогда не были извѣстны и простирались на нѣсколько милліоновъ.

Во-вторыхъ, статью о дворянскихъ пожертвованіяхъ (709,966 руб.) не надо разумѣть такъ, какъ будто сумма эта дѣйствительно вносилась изъ личныхъ доходовъ помѣщиковъ; дворянство, правда, жертвовало очень щедрыя суммы на разные чрезвычайные расходы, пріемы знатныхъ особъ, патріотическіе памятники, пенсіоны заслуженнымъ дворянскимъ чиновникамъ, но пожертвованія свои разлагало на крестьянъ, и вся эта сумма падала на тѣ же податныя и тягловыя сословія.

Сложивъ эти цифры окладовъ, лежавшихъ на однихъ податныхъ сословіяхъ, а именно:

Государственныхъ и земскихъ денежныхъ сборовъ.	22.578,000
Натуральныхъ повинностей около	12.000,000
Общественныхъ сборовъ	309,944
Дворянскихъ пожертвованій	709,966
мы получимъ итогъ . . .	35.797,910

Эта цифра означаетъ участіе крестьянъ и мѣщанъ въ земскомъ обложеніи, и затѣмъ на долю всѣхъ прочихъ сословій и вѣдомствъ остается по росписи 1863 г.:

съ торговыхъ сословій	778,327
отъ казны и удѣловъ	36,329
съ частныхъ землевладѣльцевъ	500,000
Итого. . .	1.314,666

Податными сословіями, какъ извѣстно, считались крестьяне и мѣщане; но эти послѣдніе участвовали въ земскихъ сборахъ только по счету недоимокъ, ежегодно отчисляемыхъ въ особую, всегда для нихъ открытую графу «*безнадежныхъ ко взысканію*. Въ сущности всѣ вышеупомянутые 33 мил. лежали на крестьянахъ.

Изъ нихъ по счетамъ казначействъ и начальствъ одна часть, около 18 мил., считалась на ревизскихъ душахъ, другая, никому неизвѣстная (натуральныя повинности не разсчитывались на деньги) на крестьянскихъ земляхъ.

Но какъ мы выше старались объяснить, подушная раскладка въ дѣйствительности не существовала и въ самомъ дѣлѣ переводилась на тяглы, то-есть на поземельные участки, состоящіе въ пользованіи взрослыхъ рабочихъ крестьянъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ докладѣ податной комиссіи, всѣхъ земель, состоящихъ въ пользованіи кре-

стьянъ европейской Россіи, считается нынѣ 109.262,664 десят. Раздѣливъ 109 мил. дес. на 35.797,910 рублей, мы получимъ средній окладъ 1 десятины крестьянской удобной земли равный 33 коп.

Остальная поземельная собственность распредѣлялась такъ: у землевладѣльцевъ въ личномъ ихъ распоряженіи считалось около 70 м. десятинъ, у казны 113 мил., которые уплачивали земскихъ сборовъ первые около полмилліона, вторая—36,000!!

Мы останавливаемся на этомъ разсчетѣ однихъ земскихъ сборовъ и ограничиваемся указаніемъ слѣдующей приблизительной пропорціи:

109	милл.	десятинъ	обложены	37.000,000	руб.
70	»	»	»	500,000	»
113	»	»	»	36,000	»

Мы знаемъ, что пропорція обложенія земель крестьянскихъ, большею частію производительныхъ и обработанныхъ, не можетъ быть равная съ землями частнаго и казеннаго владѣнія, изъ коихъ огромное большинство состоитъ изъ пустыхъ и безплодныхъ пространствъ. Но и числа нами здѣсь приведенныя еще далеко не выражаютъ настоящаго обремененія первыхъ въ сравненіи съ послѣдними, и чтобы вывести настоящую пропорцію надо еще прибавить къ земскимъ сборамъ, уплачиваемымъ съ крестьянскихъ угодій, 35.797,910 руб., да еще такъ-называемую подушную подать, взимаемую въ казну, которая точно также падала на тѣ же земли и составляла въ 1862 — 63 году 25.006,244 руб., и сверхъ того дополнительный къ ней налогъ съ поселянъ 6.004,000 рублей; и только тогда мы приходимъ къ общему заключенію, что 109 мил. десятинъ крестьянскаго владѣнія уплачивали въ 1863-мъ г.—66.808,154 р., или 1 десятина 61 копѣйку.

Принимая общую среднюю цѣнность удобныхъ земель или угодій въ 25 р. и чистый доходъ или ренту въ 1 р. 50 коп., выходитъ, что крестьянскія земли уплачивали съ чистаго дохода разныхъ податей и повинностей около 40%!

Процентъ этотъ почти тотъ-же самый, какой взимается въ Англіи съ недвижимыхъ имуществъ, съ тою разницею, что въ Англіи онъ падаетъ на высшія сословія, а въ Россіи на низшія.

Вотъ то положеніе дѣлъ, какое представилось земству при открытіи его дѣйствій въ 1864-мъ г. Хотя самые факты и числовыя данныя были очень мало извѣстны, но тѣмъ не менѣе, по инстинктивному, можно сказать, сознанію общественнаго мнѣнія, главная задача новыхъ учрежденій должна была состоять въ

томъ, чтобы ввести нѣкоторую уравнительность въ распредѣленіи земскихъ повинностей и подготовить свѣдѣнія, опыты для постепеннаго преобразованія всей податной системы, несостоятельность коей обнаруживалась съ каждымъ годомъ очевиднѣе.

Задача была трудная.

Указаній дано было весьма мало.

Въ самомъ текстѣ основнаго закона, въ Положеніи о Земскихъ Учрежденіяхъ, не было даже ни малѣйшаго намека о той новой системѣ податныхъ раскладокъ, какую предполагалось ввести взамѣнъ старой, и главныя основанія открывались только при чтеніи разныхъ Приложеній, Временныхъ Правилъ о приведеніи въ дѣйствіе, такъ что многіе могли усумниться, имѣла ли законодательная власть въ виду коренное преобразованіе, или только временной опытъ, если только можно допустить, чтобы надъ податной системой цѣлаго народа, проникающей въ хозяйственный его бытъ и житейскія условія, производились опыты.

Когда собранія, первоначально созванныя въ пяти губерніяхъ, съѣхались въ началѣ 1864-го г. для введенія въ дѣйствіе новаго положенія, недоумѣнія ихъ были глубокія. Они сознавали, что время податныхъ льготъ и изъятій миновало; что правительство, призывая къ земскому дѣлу всѣ сословія и сливая ихъ въ одни собранія, должно было имѣть въ виду и равномѣрное распредѣленіе земскихъ повинностей; что доселѣ существовавшая система раскладокъ была крайне неуравнительная, несообразная, что, поэтому, надо отыскать новыя основанія, новую единицу обложенія, новый размѣръ податного оклада.

Но всѣ эти сознанія были только догадки или предположенія. Перечитывая самое Положеніе, гласные не находили въ немъ прямого указанія, чтобы дѣйствительно надо было притянуть къ земскому окладу всѣ сословія и представители городовъ заявили положительно, что этого въ законѣ и въ умыслѣ правительства никогда не было и нѣтъ.

Но читая дальше разныя приложенія и правила, дополняющія нѣкоторыя статьи коренного Положенія, они находили однако ясные намеки на то, что земскимъ учрежденіямъ предстоитъ выработать новую и цѣлую систему податей и повинностей.

Во временныхъ правилахъ въ ст. 5 было сказано положительно, что «удовлетвореніе потребностей», признанныхъ земскими, возлагается на попеченіе новыхъ земскихъ учрежденій, *не ожидая пересмотра Устава о Земскихъ Повинностяхъ*». Въ статьѣ 8,— «что назначеніе дополнительныхъ сборовъ и раскладки существующихъ сборовъ *на новыхъ основаніяхъ* производятся впредь до изданія новаго Устава порядкомъ, установленнымъ въ Поло-

женіи о Земскихъ Учрежденіяхъ, съ соблюденіемъ особыхъ ниже-изложенныхъ правилъ.

Изъ этого слѣдовало заключить:

а) что ожидается общій пересмотръ Устава о Земскихъ повинностяхъ, помѣщеннаго, какъ извѣстно въ Т. IV Св. Законовъ.

в) что пересмотръ этотъ не долженъ пріостанавливать дѣйствія земскихъ учрежденій при назначеніи новыхъ сборовъ и новыхъ основаній раскладки.

с) что при таковыхъ ихъ дѣйствіяхъ, которыя и составляютъ полную систему самообложенія въ самомъ широкомъ смыслѣ, имъ слѣдуетъ руководствоваться единственно Положеніемъ 1 января 1864-го и правилами, изложенными въ статьяхъ слѣдующихъ за вышеупомянутой 8-й Временныхъ Правилъ, то-есть ст. 9-ою и послѣдующими.

Порядокъ составленія смѣтъ и раскладокъ, вытекающій изъ Положенія и Временныхъ Правилъ, представляется въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ:

Повинности раздѣляются на обязательныя и необязательныя (Правила о Земской Росписи § 8). Первыя опредѣляются Уставами, закономъ, но размѣръ ихъ зависитъ отъ постановленій собраній и смѣтъ, составленныхъ управами (тамъ-же §§ 9 и 10); это значитъ, что хотя дорожная повинность и признана обязательною, но уѣздное собраніе можетъ назначить на исправленіе всѣхъ дорогъ хотя бы 100 руб., и этимъ исполнитъ свою обязанность—по точному смыслу закона.

Вторыя, необязательныя не только по размѣру, но и по свойству, опредѣляются постановленіями земскихъ собраній или по предположенію управъ (§ 11).

Назначеніе расхода и сбора можетъ быть даже сдѣлано примѣрно, если нельзя впередъ опредѣлить размѣра потребности (§ 12.)

Относительно раскладокъ земскихъ сборовъ, главныя и единственныя правила, преподанныя земству, заключались въ ст. 7, 9, 11, 12, 13, 14 и 15 Временныхъ Правилъ.

Изъ нихъ слѣдовало, что предметами обложенія для дополнительныхъ сборовъ, устанавливаемыхъ вновь, должны были быть, во-первыхъ, недвижимыя имущества, а именно: земли, фабрики, заводы, промышленныя и торговыя заведенія и, во-вторыхъ, свидѣтельства на право торговли; что общимъ основаніемъ обложенія служитъ цѣнность и доходность имуществъ; что всѣ земли казенныя, удѣльныя и принадлежащія разнымъ обществамъ и компаніямъ облагаются наравнѣ съ частными, наконецъ, что всѣ повинности денежныя и натуральныя, губернскія и уѣздныя

должны быть распредѣлены правильно между крестьянами и землевладѣльцами (ст. 7 п. а. Временныхъ Правилъ).

Можно положительно сказать, что въ этомъ сжатомъ и крайне неполномъ очеркѣ заключалось все руководство, данное правительствомъ народу для преобразованія всей земской податной системы. Прочія статьи относились до разныхъ формальностей, обрядовъ, порядковъ дѣлопроизводства, выборовъ, счетоводства, но существо земскаго хозяйственнаго самоуправленія сводилось всецѣло въ эти краткія, но многознаменательныя правила.

Впрочемъ, оставалось еще одно весьма важное недоразумѣніе: вышеизложенныя правила обложенія, по точному смыслу ст. 9-й Временныхъ Правилъ, относились не только къ такъ-называемымъ дополнительнымъ сборамъ, но и распространялись, по буквальному смыслу этой статьи, на всѣ сборы существующіе. Между тѣмъ въ статьѣ 15-й Правилъ о земской росписи было сказано, что «при составленіи раскладки денежныхъ земскихъ сборовъ, а равно исчисленія и расписанія натуральныхъ повинностей, земскія учрежденія руководствуются правилами, изложенными въ Уставѣ о земскихъ повинностяхъ».

Многіе гласные утверждали, что по всѣмъ повинностямъ, существовавшимъ до введенія Положенія, остается въ своей силѣ Уставъ 1851 г. и что только къ новымъ дополнительнымъ сборамъ можетъ быть примѣненъ порядокъ раскладки вновь установленный. Ссылаясь на эту статью (15-ю) и на другую 30-ю, гдѣ сказано, что «отъ натуральныхъ повинностей изъемлются только лица, освобожденныя отъ оныхъ по прямому указанію закона», въ нѣкоторыхъ собраніяхъ большинство землевладѣльцевъ успѣло провести постановленія, прямо увольнявшія частныхъ землевладѣльцевъ отъ всѣхъ натуральныхъ повинностей, вопреки общему очевидному разуму закона и въ противность статьи 34-й тѣхъ-же Временныхъ Правилъ, гдѣ сказано, что «уѣздныя собранія, при утвержденіи раскладки натуральныхъ повинностей, могутъ, если найдутъ болѣе удобнымъ, освобождать частныхъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, непринадлежащихъ къ составу волостныхъ обществъ, отъ отправленія той или другой натуральной повинности, съ уравнительною за то замѣною, возвышеніемъ размѣра другихъ натуральныхъ повинностей или денежнаго земскаго сбора съ таковыхъ землевладѣльцевъ».

Но, къ счастію и чести великороссійскаго помѣстнаго сословія, подобныя безсмысленныя истолкованія были почти повсемѣстно отвергнуты большинствомъ самихъ землевладѣльцевъ, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ административныхъ сферахъ и, къ сожалѣнію, въ тѣхъ именно, которыя стояли всего ближе къ

земскому дѣлу, подобныя заявленія принимались снисходительно, даже одобрительно.

Большинство земскихъ собраній перваго созыва стало съ перваго шага на законную и твердую почву. Они поняли дѣло такъ: что высшее правительство, то-есть тѣ государственные дѣятели, которые составили первоначальное предначертаніе земской реформы, имѣли въ виду дѣйствительное уравненіе тягостей между всѣми сословіями; что они довѣряли земскимъ силамъ и поэтому положились на земскія учрежденія для постепеннаго разрѣшенія этой многосложной задачи, что всѣ повинности должны быть разложены на недвижимыя имущества, а души и рабочія силы освобождены отъ оклада; что Уставъ о земскихъ повинностяхъ 1851 г. и всѣ прочія сословныя льготы и изъятія отмѣняются сами собой, если новымъ учрежденіямъ предписано облагать всѣ имущества по цѣнности и доходности; что главный, первый вопросъ, предстоящій обсужденію, есть отысканіе тѣхъ новыхъ основаній, на коихъ раскладка сборовъ должна быть произведена, то-есть найти норму, хотя бы на первое время примѣрную для исчисленія цѣнности и доходности разныхъ имуществъ.

Далѣе, земство могло и должно бы надѣяться на помощь и содѣйствіе правительства.

Для всякаго добросовѣстнаго общественнаго дѣятеля было понятно, что среди великихъ и внезапныхъ преобразованій этого періода, центральныя власти не могли, не успѣвали вникнуть въ разныя подробности исполненія и примѣненія, что правительство, по всей справедливости, не хотѣло и предрѣшать разныхъ вопросовъ лучше извѣстныхъ мѣстнымъ жителямъ, чѣмъ канцелярскимъ чиновникамъ, редактировавшимъ Положеніе, и что разъясненія темныхъ сторонъ новаго законоположенія, пополненіе его и исправленіе будутъ производиться постепенно по запросамъ и ходатайствамъ земскихъ учрежденій, по внимательному разсмотрѣнію центральныхъ властей и окончательному разрѣшенію верховной власти.

Эти добродушныя, довѣрчивыя ожиданія были болѣе распространены въ губерніяхъ, чѣмъ въ столицахъ, и чѣмъ далѣе лежали уѣзды отъ главныхъ городовъ и трактовъ, тѣмъ самонадѣяннѣе они выступили на это новое поприще самодѣятельности въ твердомъ упованіи на содѣйствіе начальства.

Но это взаимное довѣріе было очень скоро поколеблено.

Первыя столкновенія произошли по поводу обложенія казенныхъ земель; вопросъ щекотливый и важный не только въ земскомъ, но и въ государственномъ отношеніи; чтобы опредѣлить

цѣнность и доходность земель государственныхъ имуществъ, надо бы было предварительно принять мѣры къ ихъ оцѣнкѣ, чего не было сдѣлано, и на основаніи свѣдѣній очевидно и завѣдомо ложныхъ, казна требовала признанія неудобными всѣхъ земель, показанныхъ таковыми въ частныхъ своихъ планахъ.

На томъ же самомъ основаніи частные землевладѣльцы могли бы предъявить спеціальные планы, по коимъ всѣ земли помѣщичьи были бы перечислены въ разрядъ неудобныхъ, и тогда оставались бы для обложенія по прежнему порядку одни крестьянскія угодья.

Вопросъ этотъ восходилъ до сената и былъ разрѣшенъ окончательно въ пользу земства.

Но сѣмена глубокаго раздора были посѣяны этимъ первымъ дѣйствіемъ казеннаго управленія и примѣръ уклоненія или попытки уклониться отъ равномѣрнаго обложенія былъ поданъ всѣмъ прочимъ собственникамъ отъ крупнѣйшаго изъ нихъ, вѣдомства государственныхъ имуществъ, располагавшаго 100 мил. десятинъ.

Затѣмъ, въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ земскія собранія, можно сказать, проводили почти все время своихъ сессій въ сочиненіи просьбъ, ходатайствъ и представленій о разъясненіи безчисленныхъ своихъ недоразумѣній, просили о сокращеніи расходовъ обязательныхъ по закону и совершенно излишнихъ на самомъ дѣлѣ, но отвѣты получали рѣдко, а разрѣшенія еще рѣже.

21-го ноября 1866-го г. послѣдовало распоряженіе объ измѣненіи ст. 9-й и 11-й Временныхъ Правилъ. Такъ какъ этой мѣрѣ мы приписываемъ роковое значеніе въ исторіи земскаго дѣла въ Россіи, ибо съ изданія ея, по нашему мнѣнію, пріостановилось вовсе преобразованіе нашей податной системы на неопредѣленное время, то мы позволимъ себѣ разсмотрѣть законъ 21-го ноября нѣсколько подробно и въ общей связи съ основнымъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864-го года.

Исходное наше предположеніе есть то, что правительство предприняло земскую реформу съ тою именно цѣлію, чтобы установить новый порядокъ обложенія и найти другую основу для распредѣленія тягостей; эта цѣль по крайней мѣрѣ была главная, иначе непонятно, для чего признано было нужнымъ созывать 660 уѣздныхъ и губернскихъ собраній, разсуждающихъ о новыхъ основаніяхъ раскладки и распредѣляющихъ всѣ повинности по цѣнности и доходности имуществъ.

Также несомнѣнно, что словами: *цѣнность* и *доходность* означалось то, что новыя основанія, о коихъ идетъ рѣчь, была та система, которая на всѣхъ европейскихъ языкахъ называется подоходною (income-tax, Einkommensteuer), и въ этомъ смыслѣ ихъ приняли и всѣ гласные нашихъ земскихъ собраній, даже и тѣ, которые не знали европейскихъ языковъ и никогда не слыхали про income-tax и Einkommensteuer.

Установить и выработать окончательно систему подоходнаго налога мѣстныя, отдѣльныя собранія, разумѣется, не могли; но подготовить этотъ переходъ, собрать свѣдѣнія о предметахъ обложенія, изслѣдовать ихъ доходность, испытать разныя основанія раскладокъ, — это было дѣло земскихъ учрежденій, и во всѣхъ странахъ, гдѣ вводился подоходный налогъ, онъ вводился въ дѣйствіе именно такимъ порядкомъ.

Къ этимъ подготовительнымъ работамъ приступлено было въ нѣкоторыхъ губерніяхъ съ полнымъ рвеніемъ, съ замѣчательной энергіей. Въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ 1864-го и 1865-го годовъ, дѣятельность нѣкоторыхъ земскихъ управъ была достойна уваженія; собрано было болѣе свѣдѣній, чѣмъ имѣлось при казенномъ управленіи за все время дѣйствій комитетовъ земскихъ повинностей; открыто было много тысячъ десятинъ казеннаго, удѣльнаго и частнаго владѣнія, уклонявшихся по сіе время отъ поземельнаго сбора; вытребованы разныя суммы, подлежащія къ зачету въ земскіе сборы.

Нѣкоторыя, еще смутныя, но довольно вѣрныя понятія о новыхъ основаніяхъ земскихъ раскладокъ начинали проявляться, и самые существенные вопросы были поставлены на очередь.

Въ этотъ моментъ, въ концѣ 1865-го или въ началѣ 1866-го года, когда въ нѣкоторыхъ собраніяхъ перваго созыва смѣты и раскладки уже прошли чрезъ двух-лѣтній опытъ, надо было ожидать, что правительство придетъ на помощь земству, поставленному въ самое тяжелое положеніе, и дополнитъ, разъяснитъ нѣкоторые существенные вопросы, безъ разрѣшенія коихъ дѣло не могло подвинуться далѣе.

Главная ошибка, главный пропускъ Положенія о зем. учр., заключается въ томъ, что оно не указало, какія основанія должны быть приняты для опредѣленія цѣнности и доходности имуществъ, и возложило на мѣстныя собранія рѣшеніе вопроса государственнаго, законодательнаго, многосложнѣйшаго изъ всѣхъ вопросовъ экономическаго быта, задачи, которая не входитъ въ кругъ дѣйствій мѣстныхъ властей и собраній, потому собственно, что требуетъ общихъ соображеній о соотношеніи доходности земель, промысловъ и торговли въ разныхъ полосахъ имперіи.

Этого указанія ожидали; ропотъ многихъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ на высокіе оклады земства былъ отчасти справедливъ.

Но, спрашивается, могло ли быть иначе, когда каждому уѣздному собранію предоставлялось не только опредѣлять размѣры своихъ потребностей, *но и свойство* ихъ; не только назначать дополнительные сборы, но и дѣлать раскладку существующихъ сборовъ *на новыхъ основаніяхъ*.

Люди, недоброжелательствующіе земству, повидимому, понимали, что чѣмъ шире и неопредѣленнѣе будетъ поприще его дѣйствій, тѣмъ скорѣе оно запутается въ этой сѣти, сплетенной изъ новыхъ и старыхъ порядковъ, изъ Положенія о зем. учр. и уставовъ прежнихъ временъ, изъ податей подушныхъ, поземельныхъ и подоходныхъ. Они воздерживались отъ всякихъ мѣропріятій, могущихъ облегчить разрѣшеніе затрудненій и съ неописанной радостію встрѣчали заявленія и жалобы о неправильности дѣйствій новыхъ учрежденій, въ особенности о тягости и неравномѣрности обложенія.

Если не ошибаемся, непосредственнымъ поводомъ къ изданію закона 21-го ноября 1866-го г. была жалоба, поданная нѣкоторыми очень крупными лѣсовладѣльцами одного изъ сѣверныхъ уѣздовъ на высокое обложеніе сплавного лѣса; жалоба эта, сколько намъ извѣстно, была вполнѣ справедливая, и вообще вопросъ этотъ объ обложеніи лѣса на корню, или при сплавѣ и продажѣ, былъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ земскаго управленія. Это прошеніе—была послѣдняя капля въ переполненномъ сосудѣ: рѣшено было пріостановить самовластіе земскихъ управъ. Статья 9-я временныхъ правилъ была измѣнена въ своей редакціи и по новому тексту закона предметы обложенія были слѣдующіе:

I. Недвижимыя имущества, къ коимъ отнесены:
  Земли.
  Жилые дома.
  Фабричныя, заводскія и торговыя помѣщенія.
  Зданія и сооруженія всякаго рода.

II. Свидѣтельства на право торговли:
  Билеты на торговыя и промышленныя заведенія.
  Патенты на винокуренные и другіе заводы.
  Патенты на питейныя заведенія.

Ст. 10-я была также измѣнена, и для раскладки сбора установлены три системы:

I. Подоходная оставлена въ своей силѣ для земель, домовъ, и всякихъ зданій и сооруженій.

II. Фабричныя и торговыя помѣщенія велѣно принимать въ разсчетъ только по цѣнности и доходности помѣщеній.

III. Для всѣхъ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ установленъ процентный сборъ, добавочный къ казенному налогу, по 25 и 10% съ цѣны уплачиваемой въ казну.

Мы имѣемъ поэтому нынѣ не одно «общее основаніе размѣра обложенія», о коемъ упоминаетъ статья 11-я, но три совершенно различныя системы, изъ коихъ общей равномѣрной раскладки нѣтъ возможности вывести.

Эти три системы совершенно противуположны: первая, для земель и домовъ, приближается къ общему типу англійскихъ подоходныхъ налоговъ, local-taxes и incometax; послѣдняя, для свидѣтельствъ и патентовъ, позаимствована изъ французскаго законодательства и совершенно подобна добавочнымъ сантимамъ, centimes additionels; средняя, объ оцѣнкѣ фабричныхъ и торговыхъ заведеній, по ихъ помѣщенію, есть совершенно новая, своеобразная и, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще не примѣненная система, совершенно противуположная понятію о цѣнности и доходности имуществъ.

Это понятіе, какъ извѣстно, по элементарнымъ правиламъ политической экономіи, слагается изъ двухъ факторовъ: 1) капитала, къ коему должны быть отнесены строенія, помѣщенія; и 2) труда, который можетъ быть личный и въ обоихъ случаяхъ опредѣляетъ оборотъ торговый, промышленный и земледѣльческій.

Земля, въ самомъ первобытномъ и дикомъ своемъ состояніи, имѣетъ тоже значеніе мертваго капитала, служащаго единственно для помѣщенія, и у кочующихъ ордъ Средней Азіи, имѣетъ такую же цѣнность, какъ жилые дома у сосѣднихъ народовъ, цѣнность опредѣляемую однимъ пространствомъ, вмѣстительностію; поземельный, подесятинный налогъ, при коемъ всѣ земли принимаются въ разсчетъ по одному ихъ пространству, по квадратной мѣрѣ, можетъ соотвѣтствовать системѣ, предложенной для оцѣнки фабрикъ и заводовъ по ихъ помѣщенію.

Но у всѣхъ образованныхъ народовъ принято, что земли, какъ и другія имущества пріобрѣтаютъ дѣйствительную свою цѣнность только тогда, когда къ нимъ прилагается трудъ и денежный оборотный капиталъ.

Земледѣльческій трудъ есть такой же промыселъ, какъ и всѣ другіе, предполагающій такіе же промышленные обороты, какъ, напримѣръ, мелочная лавка или питейное заведеніе. Поэтому, коль скоро допускается, что «промышленныя и торговыя заведенія принимаются въ разсчетъ по цѣнности ихъ помѣщенія, не вводя въ оцѣнку ни находящихся въ нихъ предметовъ и издѣ-

лій, ни торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ», коль скоро это основаніе принимается для опредѣленія размѣровъ обложенія, то и земли не могутъ быть оцѣнены иначе, какъ по пространству, по естественной ихъ стоимости (если таковая можетъ быть найдена?), не вводя въ оцѣнку ихъ обработку, которая составляетъ промышленный оборотъ земледѣлія.

Или на оборотъ, если основаніемъ обложенія должна служить доходность, то спрашивается, какъ, изъ чего ее выводить, если не принимать въ разсчетъ ни издѣлій, ни предметовъ, ни торговли, ни промышленныхъ оборотовъ.

Что такое доходность пустопорожней земли, недѣйствующей фабрики, закрытаго торговаго заведенія?

Такимъ образомъ, изъ этой новой редакціи ст. 9-й выходила очевидная несоразмѣрность въ пользу торговли и промысловъ и въ ущербъ земледѣлію; эта неравномѣрность еще увеличивалась отъ распоряженія, изложеннаго въ ст. 11-й, по коему для обложенія свидѣтельствъ и патентовъ устанавливался максимумъ, между тѣмъ какъ всѣ прочія имущества оставались подъ неограниченнымъ произволомъ правительства, возлагавшаго на земство новые обязательные сборы, и земскихъ собраній, устанавливавшихъ таковыя же повинности подъ именемъ необязательныхъ и дополнительныхъ.

Въ первоначальной редакціи Положенія о земскихъ учрежденіяхъ было много пропусковъ и недоразумѣній, о коихъ мы уже нѣсколько разъ упоминали; ихъ слѣдовало разъяснять постепенными указаніями, тѣмъ болѣе необходимыми, что всѣ эти вопросы были новые, неслыханные въ странѣ, отпущенной на волю за нѣсколько лѣтъ передъ изданіемъ этого основнаго закона.

Но распоряженія 21-го ноября не разъясняли, а прямо разрушали основанія земскихъ смѣтъ и раскладокъ, надъ коими немногіе, но лучшіе наши дѣятели уже около двухъ лѣтъ трудились неусыпно; они разстраивали весь ходъ земскаго обложенія и вводили въ это дѣло только-что начинавшіе выходить изъ неурядицы прежнихъ временъ новыя недоумѣнія и разнорѣчія.

Главнымъ изъ нихъ было то, что самый смыслъ законоположенія окончательно затемнялся.

Что такое цѣнность и доходность имуществъ? Слѣдуетъ ли разсчитывать цѣнность каждую особо и облагать ту и другую порознь, или ту или другую, и которую изъ двухъ?

Если законъ предписываетъ, какъ по новой такъ и по прежней редакціи ст. 11-й, чтобы «общимъ основаніемъ размѣра обложенія служили цѣнность и доходность имуществъ», то это значитъ одно

изъ двухъ: или что цѣнность всякаго недвижимаго имущества опредѣляется по кадастру, т.-е. по межеванію, описанію и таксаціи, произведеннымъ правительственными властями и агентами, по однообразнымъ нормамъ и инвентарнымъ правиламъ, какъ она производилась во Франціи и другихъ европейскихъ государствахъ, или что доходность исчисляется самими податными обывателями, оцѣночными коммиссіями, присяжными экспертами, выбранными отъ обществъ и земскихъ чиновъ, по ихъ разумѣнію и по совѣсти, какъ принято въ Англіи и Пруссіи.

Порядокъ обложенія въ видѣ процентовъ съ цѣны уплачиваемой въ казну предполагаетъ, что цѣна эта установлена окончательно и основательно по высшимъ соображеніямъ финансоваго управленія, какъ это сдѣлано во Франціи, гдѣ правительство употребило всѣ усилія на кадастрацію недвижимыхъ имуществъ.

Но у насъ не было ни кадастра, ни даже предположенія и возможности приступить къ этой необъятной операціи.

Съ другой стороны оказывалось, что казенная податная система требуетъ основныхъ преобразованій, что уже идетъ рѣчь о замѣнѣ подушной подати другими окладами, поземельными, подворными, промысловыми, что въ особенности гильдейскія пошлины за право торговли требуютъ радикальнаго пересмотра и общее сознаніе всей Россіи было то, что торговля, промышленность и денежные капиталы несутъ тягости несравненно меньшія, чѣмъ земля и рабочіе люди.

Постепенное привлеченіе этихъ имуществъ къ земскимъ тягостямъ была главная и высшая цѣль, указанная, или по крайней мѣрѣ предначертанная земскимъ учрежденіямъ; для достиженія его требовалась разумѣется нѣкоторая постепенность, которая была нарушена отдѣльными собраніями и управами, и которую правительство, какъ блюститель общихъ интересовъ, обязано было оградить указывая, какимъ порядкомъ доходность торговли и промысловъ должна быть исчисляема.

Вмѣсто того эти двѣ важнѣйшія отрасли народнаго богатства были однимъ почеркомъ пера выдѣлены изъ земской подсудности; доходность ихъ была изъята изъ предметовъ вѣдомства земскихъ учрежденій; она принималась такъ, какъ значилось въ казенныхъ свидѣтельствахъ и патентахъ, и не только сумма доходности, но и самый размѣръ взимаемыхъ сборовъ, размѣръ зависящій отчасти отъ повинностей налагаемыхъ казною, самый размѣръ обложенія былъ огражденъ высшей нормой 25-ю и 10-ю процентами съ цѣны уплачиваемой въ казну, цѣны гадательной, произвольной,

несоотвѣтствующей ни цѣнности капиталовъ, ни доходности торговли и промысловъ, ни оборотамъ разныхъ производствъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ можно было предсказать, что обложеніе имуществъ на общемъ основаніи цѣнности и доходности не могло быть приведено въ дѣйствіе, и въ скоромъ времени оказались плачевныя послѣдствія этихъ колебаній и недоразумѣній.

Они были обнаружены и соглашены въ оффиціальныхъ изданіяхъ, въ докладѣ коммиссіи объ измѣненіи подушной системы сборовъ и въ трудахъ той же коммиссіи о смѣтахъ и раскладкахъ земскихъ сборовъ.

Мы позаимствуемъ отъ нихъ всѣ нижеслѣдующія свѣдѣнія и представимъ общую картину настоящаго положенія нашей податной системы на основаніи этихъ данныхъ, собранныхъ администраціей.

Въ началѣ этой статьи мы представили положеніе дѣлъ въ 1860—63 г., т.-е. передъ открытіемъ земскихъ учрежденій, и теперь постараемся описать тоже положеніе по послѣднимъ свѣдѣніямъ, простирающимся до 1868-го г.

Первый фактъ и самый крупный есть непомѣрное возвышеніе земскихъ сборовъ государственныхъ и губернскихъ въ послѣдніе годы; оно выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Государственныя земскія повинности, какъ мы выше сказали, съ 1860—1868, возвысились на 26.763,000.

Губернскія и уѣздные земскіе сборы, простиравшіеся передъ открытіемъ новыхъ учрежденій на 5.186,802 руб., по смѣтамъ 1868 г. возрасли до 14.569,567 руб., по дѣйствительнымъ же раскладкамъ того же 1868 г. составляли 12.842,519, болѣе противъ прежнихъ правительственныхъ смѣтъ на 7.655,317 р.

Сложивъ эти двѣ суммы 26.763,000 + 7.655,000, мы получимъ 34.318,000, итогъ, выражающій быстрое, почти внезапное возвышеніе земскихъ повинностей съ 1860 по 1868 г.

Этотъ крутой переворотъ возбудилъ во всѣхъ податныхъ сословіяхъ сильное неудовольствіе, и такъ какъ онъ совпадалъ со введеніемъ новыхъ учрежденій, то общій голосъ приписалъ самимъ преобразованіямъ всю вину такого непомѣрнаго возвышенія расходовъ.

Это обвиненіе мы и хотимъ здѣсь изслѣдовать.

Изъ двухъ вышеприведенныхъ суммъ, первая (26.763,000 р.) относится къ государственнымъ повинностямъ всей имперіи и составляетъ, по разсчету податной коммиссіи, на ревизскую душу 1 р. 20 к.

Вторая (7.633,317 р.) выражаетъ разницу между прежними и новыми земскими сборами и относится только къ 30-ти губерніямъ, гдѣ введены земскія учрежденія и населеніе коихъ простирается на 19.978,208 душъ мужескаго пола, что составляетъ на одну душу около 38 коп.

Итакъ, въ то время, какъ государственный сборъ возвышался по разсчету на 1 жителя муж. пола на 120 коп., земскій сборъ увеличился на 38 коп.

Засвидѣтельствовавъ этотъ фактъ, мы переходимъ къ изслѣдованію двухъ важнѣйшихъ вопросовъ: 1) на кого, на какія сословія и имущества пало это приращеніе сборовъ въ той и другой категоріи земскихъ повинностей, и 2) на какіе предметы ассигнованы были добавочные расходы, введенные по смѣтамъ земскихъ учрежденій.

Государственный земскій сборъ, какъ извѣстно, остается понынѣ на подушной раскладкѣ и разлагается на податныя сословія, то-есть на крестьянъ и мѣщанъ; поэтому вся сумма приращенія (120 коп. па ревизскую душу) падаетъ на эти сословія.

Земскіе сборы переведены на земли и имущества, и изъ общей суммы раскладокъ 30-ти губерній причитается:

		проц.
поземельнаго налога	9.636,404	75
съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ .	440,351	3,4
съ торговыхъ и промышленныхъ помѣщеній, фабрикъ и заводовъ	1.127,902	8,9
съ билетовъ, свидѣтельствъ и патентовъ .	1.637,702	12,7
Итого. . .	12.842,519	руб.

Изъ этихъ четырехъ главныхъ налоговъ послѣдніе три падаютъ преимущественно на городскія и торговыя сословія, и первый поземельный налогъ на сельское населеніе.

Поземельный налогъ распредѣляется между крестьянами съ одной стороны и частными землевладѣльцами, казной и удѣлами съ другой, въ слѣдующей пропорціи:

земель принадлежащихъ крестьянамъ. . . . 70.825,923 дес.
» » частнымъ владѣльцамъ,
» » казнѣ и удѣлу . . . 75.187,129 »

Земскаго поземельнаго сбора:

съ крестьянскихъ земель. . . . . 4.811,751 руб.
» прочихъ . . . . 4.824,623 »

Изъ этихъ цифръ мы выводимъ слѣдующій разсчетъ распредѣленія земскихъ сборовъ по сословіямъ въ 30-ти губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія:

1) Съ крестьянъ взимается поземельнаго сбора . .	4.811,751 р. или процентовъ 37, 8%
2) Съ землевладѣльцевъ вмѣстѣ съ казной и удѣломъ	4.824,623 р. или процентовъ 38, 9%
3) Безъ различія сословій съ городскихъ имуществъ фабрикъ, заводовъ и торговыхъ билетовъ и свидѣтельствъ.	3.109,155 р. или процентовъ 24, 83%

Сравнивая это соотношеніе земскихъ раскладокъ съ положеніемъ дѣлъ до реформы 1864-го года, мы находимъ слѣдующее:

По смѣтѣ за 1863-й годъ вся сумма земскихъ сборовъ (губернскихъ и уѣздныхъ) въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, простиралась на 5.168,802 руб., изъ коихъ падало на крестьянъ около 3.872,000 или 74, 4%

Въ 1868-мъ г. изъ суммы 12.824,519 р. причитается на крестьянъ 4.811,751 р. или 37, 8%

Въ общемъ итогѣ оказывается приращеніе земскихъ сборовъ съ крестьянъ на 4.811,751—3.872,000=939,619 руб. или на 1 десятину крестьянской земли $1^1/_3$ копѣекъ.

А такъ какъ разница между смѣтами 1863-го и 1868-го годовъ, какъ выше сказано, простирается на 7.665,317, то, вычтя изъ нея приращеніе крестьянскихъ платежей 939,619, оказывается, что вся остальная сумма 7.665,317—939,619=6.725,698 руб. по раскладкамъ губерній, гдѣ введены земскія учрежденія, разложена была на земли частныхъ владѣльцевъ и на прочія городскія и промышленныя имущества.

Изъ этого мы заключаемъ, что земскія учрежденія исполнили честно свой долгъ; что возвышеніе земскихъ расходовъ, послѣдовавшее большею частью по распоряженіямъ правительства, было отнесено на повинность среднихъ и высшихъ сословій; что часть, причитающаяся на крестьянъ, была очень мало увеличена, всего на $1^1/_3$ коп. съ десятины—однимъ словомъ, что при всеобщемъ возвышеніи расходовъ и платежей, низшій разрядъ податныхъ обывателей былъ по возможности облегченъ.

Но въ томъ то-и дѣло, что возможности представлялось весьма мало, и что всѣ усилія земства ввести нѣкоторую уравнительность въ распредѣленіи налоговъ были парализованы причинами отъ нихъ независящими.

Одну изъ этихъ причинъ мы разсмотрѣли: это норма, поставленная въ обложеніи торговыхъ билетовъ и свидѣтельствъ; почти

во всѣхъ губерніяхъ (за исключеніемъ Петербургской и немногихъ другихъ) окладъ торговыхъ документовъ сейчасъ достигъ высшаго нормальнаго размѣра и затѣмъ этотъ предметъ обложенія выдѣлился изъ земскихъ раскладокъ.

Другая причина, болѣе существенная, заключалась въ общей системѣ государственныхъ податей и повинностей; мы выше видѣли, какъ быстро и одновременно съ введеніемъ земскихъ учрежденій возвышались казенные сборы; сумма ихъ по всей имперіи простиралась, со включеніемъ выкупныхъ

платежей, на	160.958,520
а безъ нихъ на	126.546,316

Точно такъ, какъ по земскимъ сборамъ, такъ и по казеннымъ должны мы прослѣдить распредѣленіе общихъ итоговъ по предметамъ обложенія и по сословіямъ.

Изъ общаго итога 126 мил. (откидывая выкупные платежи) взимается по разсчету податной коммиссіи:

a) *Съ крестьянъ:* подушная подать и сборы, вмѣсто подушной,

взимаемые съ низшихъ податныхъ сословій. .	47.345,791 р.
Государственный земскій сборъ, взимаемый съ мѣщанъ и крестьянъ по подушной раскладкѣ .	19.247,143 »
Оброчная подать съ государственныхъ крестьянъ	35.793,418 »
Общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ	3.353,955 »
Итого . .	105.740,307 »

b) *Съ землевладѣльцевъ:* налогъ съ поземельной собственности или съ сельскихъ недвижимыхъ имуществъ. . 5.873,268 р.

c) *Безъ различія сословій:*

Пошлины за право производства промысловъ и торговли	10.774,000 руб.
Налогъ взимаемый съ торговыхъ пошлинъ въ государственный земскій сборъ .	711,811 »
Налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ	3.070,070 »
Итого	14.557,881 руб.

Раздѣляя сумму крестьянскихъ платежей (105 м.) на число десятинъ крестьянскихъ земель по всей имперіи (122 милліона) мы получимъ частное 66 к., то-есть, что не считая ни выкупныхъ платежей, ни губернскихъ и уѣздныхъ сборовъ и не принимая въ разсчетъ части причитающейся на тѣхъ же крестьянъ изъ торговыхъ пошлинъ, крестьянскія земли уплачиваютъ въ казну 66 коп. съ десятины въ средней сложности всей имперіи, въ томъ числѣ и Сибири.

Раздѣляя такимъ же порядкомъ сумму земскаго сбора съ крестьянъ въ 30-ти губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, 4.811,751 на число десятинъ крестьянской земли въ этихъ губерніяхъ, мы получимъ средній окладъ 1 десят. около 7 копѣекъ.

Этими числами можно подвести итогъ казенной и земской податной раскладки.

Въ то время, какъ государственные сборы возрастали на 26 милліоновъ или 1 р. 20 к. съ ревизской души, земскіе сборы возвысились на 7,663,317 р. или на 38 коп. съ жителя муж. пола.

Въ то время, какъ по казеннымъ податямъ весь приростъ 1 р. 20 к. съ души, или около 19 копѣекъ съ десятины падалъ на одни низшія сословія, изъ 38 коп., выражающихъ возвышеніе земскихъ сборовъ, причиталось на крестьянскія земли не болѣе $1^1/_3$ коп. съ десятины или около $4^1/_2$ коп. съ ревизской души.

Въ то время, какъ по государственнымъ прямымъ налогамъ пропорція платежей между крестьянами и землевладѣльцами (не считая выкупныхъ платежей) была какъ 79%: 8%, та же пропорція по земскимъ сборамъ въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, была какъ . . . . . 37, 8% : 37, 9%.

Итакъ, на первый изъ двухъ вышеприведенныхъ вопросовъ— на какія сословія и имущества пало возвышеніе сборовъ по государственнымъ и земскимъ налогамъ?

Мы можемъ отвѣчать утвердительно, что по первымъ, *по казеннымъ податямъ, вся тягость лежала и продолжаетъ лежать на крестьянахъ*, между тѣмъ какъ по вторымъ, *земскимъ повинностямъ, большая часть прироста пала на среднія и высшія сословія, на землевладѣльцевъ и городскія имущества и очень незначительная на крестьянскія земли.*

Но крестьянскому сословію отъ этого не легче, ибо очевидно, что плательщики, особенно низшихъ разрядовъ, очень мало интересуются узнать, на какіе предметы и въ какія именно кассы вносятся ихъ оклады. Поэтому, чтобы выяснить вполнѣ хозяйственное положеніе нашего сельскаго населенія, чтобы узнать, въ какой мѣрѣ обременено наше земледѣліе, надо подвести общій итогъ всѣхъ обязательныхъ платежей, лежащихъ на крестьянской землѣ, казенныхъ, земскихъ, выкупныхъ или оброчныхъ и натуральныхъ повинностей.

Мы знаемъ, что противъ этого разсчета, особенно противъ включенія въ него выкупныхъ платежей, возражаютъ, что выкупъ не можетъ быть признанъ налогомъ, что онъ выражаетъ стоимость, покупную цѣну, разсроченную по снисхожденію къ

покупщику на много лѣтъ—и это возраженіе совершенно справедливо съ экономической отвлеченной точки зрѣнія.

Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сообразить, въ какой степени обложенъ одинъ изъ предметовъ народной производительности и можетъ ли этотъ предметъ вынести налогъ, то для полнаго обсужденія этого вопроса надо считать всѣ тѣ платежи, которые на имущество или лицо возложены и отъ коихъ онъ или оно освободить себя не имѣетъ права; такъ, напримѣръ, еслибъ выкупные платежи зависѣли отъ добровольнаго соглашенія обѣихъ сторонъ, то вышеприведенное возраженіе имѣло бы силу; но коль скоро обоюдности нѣтъ, коль скоро купчая операція предоставляется волѣ продавца и налагается обязательно на покупщика, то и самые платежи пріурочиваются къ обязательнымъ платежамъ и принимаютъ значеніе налога, повинности.

Право собственности, пріобрѣтенное посредствомъ этихъ долгосрочныхъ взносовъ, безъ сомнѣнія, составитъ для будущихъ поколѣній полное вознагражденіе; но при сужденіяхъ о податной системѣ нужно разсматривать не будущія блага, не отдаленныя послѣдствія, а непосредственное дѣйствіе существующихъ налоговъ на народный бытъ въ данный моментъ.

Моментъ этотъ вслѣдствіе того, что выкупная операція совпадаетъ съ возвышеніемъ поземельныхъ окладовъ, оказывается крайне стѣснительнымъ для сельскихъ обывателей въ Россіи. Мы выше объяснили постепенное приращеніе всѣхъ податей и повинностей и отношеніе между казенными и земскими платежами; для большей ясности и вѣрности разсчета мы сначала отдѣлили первыя отъ вторыхъ, выкинули выкупные платежи и натуральныя повинности и считали общую среднюю сложность податныхъ окладовъ по всей имперіи.

Если же свести общій итогъ всѣхъ прямыхъ налоговъ, лежащихъ на крестьянской землѣ, то къ вышеприсанной суммѣ податей, поступающихъ въ общіе государственные источники . . . . 105.740,307 р.

Слѣдуетъ прибавить:

выкупныхъ платежей	34.412,214 »
земскихъ сборовъ	6.949,446 »
натуральныхъ повинностей около	12.000,000 »
Итого	159.102,037 р.

Если разсчитывать этотъ общій итогъ на все количество крестьянскихъ земель, то и тогда получится очень высокій окладъ средній по всей имперіи—1 р. 30 к. съ десятины; но очевидно, что этотъ средній выводъ будетъ совершенно обманчивый, ибо

въ таковой разсчетъ входятъ не только многочисленныя губерніи европейской Россіи, но и сибирскія.

Податная коммиссія разсчитываетъ, что платежи крестьянъ-собственниковъ въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ простираются на суммы отъ 30 р. до 60 р. съ двора.
» 10 » » 13 » съ души.
» 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к. съ дес.

Таже коммиссія приводитъ частный примѣръ, именно Тверской губерніи, которая по мѣстоположенію и хозяйственному состоянію принадлежитъ къ среднему разряду, не слишкомъ бѣдныхъ и не особенно плодородныхъ или промышленныхъ губерній. Въ этой губерніи крестьянскіе платежи составляютъ:

	Съ государственнаго крестьянина	Съ крестьянина собственника
Съ 1 двора въ 3 рев. д. при 12 дес.	27 р. 70 к.	28 р. 76 к.
Съ 1 ревизской души	9 » 23 »	9 » 58 »
Съ 1 десятины	1 » 84 »	2 » 39 »

Чтобы судить о томъ, можетъ ли поземельное владѣніе вынести таковой окладъ, мы обращаемся къ оцѣнкамъ произведеннымъ земскими собраніями, и находимъ слѣдующее: принимая цѣнность въ 25 руб. (по капитализаціи изъ 6%, равную доходу въ $1^1/_2$ руб. съ десятины, оказывается, что только въ 78-ми уѣздахъ доходность десятины превышаетъ эту сумму, а въ 220-ти она ниже.

Между тѣмъ податные оклады по вышеприведенному разсчету вездѣ достигаютъ этого низшаго размѣра $1^1/_2$ р. съ десятины, и простираются до 3 р. 50 к. и болѣе.

Въ Тверской губерніи, гдѣ средній окладъ крестьянской земли равенъ 1 р. 84 к. и 2 р. 39 к., доходность показана въ одномъ уѣздѣ въ 25 к., въ другомъ въ 1 рубль, цѣнность въ прочихъ уѣздахъ отъ 8 до 25-ти рублей.

Таковы факты, выписанные нами изъ оффиціальныхъ источниковъ.

Остается только предположить, что оцѣнка земскихъ собраній слишкомъ низка,—мы и на это готовы согласиться; но, возвысивъ если угодно доходность десятины на 50 или на 100%, мы еще все приходимъ къ тому, что *сумма платежей крестьянской земли въ большей части Россіи равняется ея средней доходности* и во многихъ мѣстностяхъ *превышаетъ* ее.

На этомъ заключеніи мы останавливаемся. Разсмотрѣвъ теперь общій ходъ податныхъ раскладокъ въ теченіи послѣдняго десятилѣтія, мы хотѣли въ особенности разъяснить слѣдующее обстоятельство: съ самаго введенія земскаго положенія и

непрестанно до настоящаго года слышатся постоянныя сѣтованія о непомѣрномъ возвышеніи платежей, и чтобы придать этому обвиненію болѣе вѣсу и обратить его въ аргументъ противъ земскаго и крестьянскаго самоуправленія, администраторы нашего времени стараются представить дѣло такъ, во-первыхъ, какъ будто земское самоуправленіе особенно обременяетъ низшія сословія, такъ-называемую меньшую братію, и во-вторыхъ, какъ будто народный экономическій быть преимущественно страдаетъ именно отъ этого приращенія мѣстныхъ расходовъ, отъ увлеченія земскихъ дѣятелей, отъ своекорыстныхъ стремленій нѣкоторыхъ управъ къ возвышенію своихъ штатовъ и окладовъ.

Всѣ статьи необязательныхъ расходовъ, какъ мы выше видѣли, составляютъ по всѣмъ губерніямъ, дѣйствующимъ на основаніи положенія 1864-го года, всего . . . . 5.305,460 р.

Трудно повѣрить, чтобы именно эти 5 милліоновъ, сопоставленные съ 160-ю—казенныхъ налоговъ, могли быть причиной разстройства нашего народнаго хозяйства.

Но съ другой стороны нельзя отвергать ни того, что сельское хозяйство и народный бытъ дѣйствительно разстроились въ послѣднее время отъ быстраго приращенія податныхъ платежей, ни того, что этимъ разстройствомъ преимущественно постигнуты были низшіе разряды обывателей.

Только причиной этого печальнаго явленія оказывается не крестьянское самоуправленіе, не земскія учрежденія, не разныя отвлеченныя моральныя и болѣе или менѣе глубокомысленныя экономическія соображенія, а фактъ простой, очевидный — *неравномѣрная раскладка государственныхъ прямыхъ налоговъ.*

Земскія учрежденія сдѣлали или, вѣрнѣе сказать, начали-было дѣлать свое дѣло: сначала они принялись за равномѣрную раскладку налоговъ по всѣмъ имуществамъ по ихъ цѣнности и доходности, но были пріостановлены распоряженіями, изъявшими изъ ихъ вѣдомствъ одну категорію—торговые документы, и предписавшими для оцѣнки другой категоріи—торговыхъ помѣщеній и фабрикъ, основаніе вовсе несогласное ни съ цѣнностію, ни съ доходностію.

Тогда они по неволѣ обратились къ землѣ, какъ единственному предмету обложенія, остающемуся въ ихъ распоряженіи, но и тутъ вмѣсто содѣйствія встрѣтили сопротивленіе; казна, ограждая свои фискальные интересы, старалась изъять свои земли или часть своихъ земель изъ земскихъ раскладокъ, или отстаивала такія исключительныя для себя правила и порядки, которые понижали на значительныя суммы доходность казенныхъ имуществъ въ сравненіи со всѣми прочими предметами обло-

женія; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, къ счастію не во многихъ, крупные землевладѣльцы послѣдовали примѣру казеннаго вѣдомства и старались ввести особыя правила оцѣнки для помѣщичьихъ земель, преимущественно для лѣсовъ, или облагали сельскія строенія для облегченія поземельнаго налога.

Но эти частныя противодѣйствія не помѣшали однако успѣху общаго дѣла. Справедливость была соблюдена настолько, сколько можно было ее соблюсти при столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Все бремя налоговъ пало на землю, на одну землю, потому что другого предмета обложенія не оставалось въ распоряженіи земства: изъ общей суммы земскихъ повинностей она несла 75%; но въ этомъ безвыходномъ кругу, въ коемъ заключены были земскія учрежденія, они по крайней мѣрѣ достигли нѣкоторой, хотя еще далеко не полной равномѣрности въ обложеніи сословій и *распредѣлили поземельный окладъ между крестьянскимъ сословіемъ и частными землевладѣльцами* съ большею справедливостію, чѣмъ доселѣ.

Государственные налоги напротивъ продолжали тяготѣть на однихъ крестьянахъ, и быстро возвышаясь по мѣрѣ требованій казны, наростали на одномъ и томъ же предметѣ обложеній—на землѣ и податныхъ сословіяхъ.

Такимъ образомъ, казна, выбирая прежде всего изъ главнаго источника народной производительности, изъ земледѣлія все, что оно можетъ дать, употребляя для взиманія податей съ крестьянъ могущественныя средства полицейской и губернаторской власти, ограждая прочія имущества высшимъ размѣромъ обложенія, установляя для фабрикъ и заводовъ порядокъ оцѣнки, лишающій ихъ всякой цѣнности, исчерпывая, однимъ словомъ, до дна платежныя средства низшаго разряда плательщиковъ — въ концѣ концовъ указываетъ земству для покрытія его расходовъ тотъ же самый источникъ, который уже исчерпанъ предъидущими платежами казенными, выкупными, и предаетъ на окончательную эксплуатацію тотъ грубый и терпѣливый предметъ обложенія, который съ покон вѣка выноситъ всѣ тягости государственнаго устроенія, все тѣ же *крестьянскія, тяглыя, черныя земли.*

Земскія повинности представляются, такимъ образомъ, вѣнцомъ всей податной системы, послѣдней каплей въ сосудѣ, наполненномъ до края и ропотъ противъ нихъ особенно силенъ, потому что они явились какъ послѣднее звѣно длинной цѣпи несправедливостей, какъ послѣднее вымогательство скудныхъ доходовъ земледѣлія, подбирая ихъ остатки послѣ того, какъ государственная казна и губернское начальство уже отобрали свою часть, часть въ 10 разъ большую, чѣмъ вся сумма земскихъ и губернскихъ сборовъ.

Но ропотъ этотъ хотя и очень понятенъ, однако совершенно несправедливъ, потому *что раскладки земскихъ сборовъ несравненно уравнительнѣе, чѣмъ раскладки прочихъ налоговъ*; и отношеніе между ними выражается въ слѣдующей наглядной таблицѣ.

Взимается по сословіямъ:	Прямыхъ налоговъ по всей имперіи.		Земскихъ сборовъ въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія.	
1) Съ крестьянъ	147.102,037	83%	4.811,751	37,8%
2) Съ землевладѣльцевъ вмѣстѣ съ казною и удѣломъ	11.798,251	7%	4.824,673	37,9%
3) Безъ различія сословій	18.234,910	10%	3.109,155	24,2%

Намъ остается разсмотрѣть второй вопросъ: на какіе предметы ассигновались земскіе сборы, была ли соблюдена разумная сбережливость и употреблены ли эти суммы на расходы болѣе или менѣе производительные?

Мы выписываемъ изъ Трудовъ Податной Коммиссіи слѣдующую таблицу расходовъ по губернскихъ и уѣзднымъ смѣтамъ въ 30-ти губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія:

	Сумма.	Проценты.
1) На содержаніе мѣстнаго гражданскаго управленія.	669,718 р. 88¼ к.	4,6
2) На мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія.	2.160,257 » 56¾ »	14,9
3) На судебныя мировыя учрежденія	1.925,388 » 16¼ »	13,2
4) На отправленіе подводной повинности	2.485,972 » 87 »	17
5) На дорожную повинность	1.906,777 » 38¾ »	13,1
6) На квартирную повинность	118,080 » 77 »	0,8
7) На содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ управъ и на непредвидѣнные расходы	2.797,360 » 26 »	19,2
8) На устройство медицинской части	1.204,161 » 70½ »	8,3

9) На народное образованіе	738,859	» 27	»	5,1
10) На уплату долговъ . .	424,674	» $^1/_4$	»	2,9
11) На разные предметы .	138,316	» $73^1/_2$	»	0,9

Очевидно, что расходы обязательные не могутъ служить отвѣтомъ на эти вопросы, и что кругъ независимыхъ, самостоятельныхъ дѣйствій земства опредѣляется только необязательными расходами, исчисленными въ п. 7, 8, 9, 10 и 11 и составляющими общій итогъ 5.305.460, или въ процентахъ общей суммы земскихъ сборовъ $36^1/_2\%$.

Изъ нихъ самая крупная статья есть 7-я—содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ управъ (2.797,360 р. и 19% всѣхъ расходовъ), и если разсматривать ее, какъ издержки взиманія, то дѣйствительно оказывается, что управленіе это слишкомъ дорого.

Разсчетъ этотъ, какъ извѣстно, есть любимая тема людей недовольныхъ новыми порядками; они доказываютъ какъ дважды два четыре, что безразсудно содержать управленіе, стоющее около 3-хъ милліоновъ, для взиманія 13 милліоновъ, и что самоуправленіе только тогда и мыслимо, когда оно исправляется безвозмездной службой мѣстныхъ и крупныхъ собственниковъ.

Но, во-первыхъ, нужно замѣтить, что такъ-называемая безвозмездная служба никогда не обходится безъ приличной мзды, ассигнуемой тѣмъ второстепеннымъ служителямъ, которые исправляютъ черновую работу за почетныхъ членовъ; въ Англіи по вѣдомству о бѣдныхъ, кромѣ 15,000 Guardians, служащихъ безъ жалованья, считалось въ 1850-мъ г. 12,853 служителей на жалованьи (Collectors, Overseers, Clerks, Heasurers), получавшихъ 548,690 Ł; въ 1860-мъ г. число ихъ возрасло до 15,000 и расходы на жалованье до 660,732 Ł или рублей 4.425,124.

Итакъ, англійская аристократическая служба обходится несравненно дороже нашей земской.

Но кромѣ того надо замѣтить, что цифра земскаго сбора никакъ не можетъ быть принята за кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій и что нельзя разсматривать эту статью, содержаніе земскихъ управъ, какъ расходъ взиманія однихъ наличныхъ денегъ опредѣленныхъ по смѣтамъ.

Независимо отъ нихъ, управы завѣдываютъ еще натуральными повинностями и разными капиталами: продовольственнымъ, страховымъ, общественнаго призрѣнія и запаснымъ; хотя мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о нихъ, но можемъ безошибочно принять, что обороты этихъ суммъ и натуральныхъ повинностей много превышаютъ суммы земскихъ денежныхъ сборовъ, и, принимая ихъ въ разсчетъ, полагаемъ, что стоимость содержанія земскихъ

управъ относится къ суммѣ ихъ оборотовъ никакъ не болѣе какъ 10:100[1]).

Мы не считаемъ нужнымъ оправдывать прочія статьи необязательныхъ расходовъ: 1.204,000 на медицинскую часть, 788,000 на народное образованіе. Суммы эти такъ незначительны, въ сравненіи съ дѣйствительными потребностями, что выражаютъ только крайній низшій предѣлъ расходовъ доступныхъ земству.

Изъ всего этого мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что обвиненіе, взводимое на земскія учрежденія, будто бы они, произвольно возвышая сумму повинностей и тратя ихъ на непроизводительные расходы, были одной изъ причинъ разстройства сельскаго нашего быта, несправедливо. Оно объясняется правда тѣмъ, что по земскимъ раскладкамъ значительная часть податныхъ тягостей переведена была на тѣ классы, которые по казеннымъ налогамъ до сего времени изъяты изъ оклада и которые потому приняли это новое для нихъ бремя съ особенною чувствительностію, разразившеюся яростнымъ негодованіемъ противъ самовластія земства, противуполагаемаго прежнему льготному положенію россійскаго дворянства. Внимательное и безпристрастное изслѣдованіе напротивъ указываетъ, что, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, при коихъ дѣйствовали земскія учрежденія, несмотря на частныя уклоненія и упущенія отдѣльныхъ собраній и управъ, *система податныхъ раскладокъ, выработанная земствомъ, несравненно равномѣрнѣе, чѣмъ казенная*, менѣе обременяетъ земледѣліе, привлекаетъ къ обложенію болѣе разнообразные предметы и стóитъ не дороже, а *дешевле казеннаго управленія*, однимъ словомъ, составляетъ первый, правда, очень робкій, но вѣрный шагъ къ улучшенію нашей податной системы, если по этому первому слѣду будетъ проложенъ дальнѣйшій путь.

Кн. А. Васильчиковъ.

---

[1]) По государственной росписи 1870 года, издержки взиманія по вѣдомству государственныхъ имуществъ составляютъ 18.739.937 рублей противъ 44.851.551 руб. дохода, то-есть болѣе 41%.

НЕ ОНИ ВИНОВАТЫ

Повѣсть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ*).

Прошло уже болѣе года, какъ я была замужемъ. Зима клонилась къ концу и наступила оттепель; на дворѣ стояла пасмурная погода. Дмитрій слегка похварывалъ, и я ужъ болѣе недѣли почти не выходила изъ дому.

Разъ какъ-то, это было послѣ полудня, — мы сидѣли съ нимъ въ кабинетѣ, или — вѣрнѣе сказать, — я сидѣла и читала ему что-то вслухъ, а онъ лежалъ на софѣ, какъ вдругъ въ передней раздался звонокъ. Это была записка отъ Д., одной изъ новыхъ моихъ пріятельницъ, въ домѣ которой меня какъ-то особенно полюбили.

Она пеняла, что я совсѣмъ ее позабыла, удивлялась, что я не была у нихъ въ понедѣльникъ, бранила, что я балую мужа, который былъ ужъ почти здоровъ, когда она ко мнѣ заѣзжала и звала къ себѣ непремѣнно, вечеромъ. «Загляните хоть на часокъ—писала она въ заключеніе—у меня будутъ сегодня Лиза и Анна Васильевна, и *Кудряшовъ...*»

Кудряшовъ этотъ, Богъ-знаетъ для чего подчеркнутый, — былъ молодой человѣкъ очень простой и милый. Я видѣла его всего раза два у Д., а въ послѣдній разъ говорила съ нимъ долго о новыхъ безплатныхъ школахъ, которыя въ ту пору устраивались и въ которыхъ онъ принималъ большое участіе.

— Отъ кого это? спросилъ Дмитрій.

---

*) См. выше: янв. 133 стр.

Я показала ему записку.

— Она проситъ отвѣта—замѣтилъ онъ, прочитавъ. Ты поѣдешь?

Я посмотрѣла ему въ глаза нерѣшительно, желая узнать, не хочется ли ему, чтобы я осталась. «Не знаю, право — я отвѣчала — на дворѣ что-то слишкомъ ужъ мокро».

— Но она обѣщаетъ прислать карету?

— Да и ты тоже, сегодня, какой-то кислый.

— Я?.. Съ чего ты взяла? Мнѣ сегодня гораздо лучше.

Я видѣла, что онъ лжетъ; но мнѣ очень хотѣлось ѣхать, и я разсчитывала, что если вернусь пораньше, то онъ едва успѣетъ замѣтить мое отсутствіе.

— Если такъ, то я съѣзжу, пожалуй, часа на два.

— Разумѣется, съѣзди.

Ободренная тономъ его голоса, я весело выбѣжала въ прихожую и велѣла сказать, что буду. Но едва успѣли мы отобѣдать, какъ я ужъ почти раскаявалась. У Дмитрія, несмотря на его увѣреніе, что онъ чувствуетъ себя хорошо, былъ опять ознобъ. Часамъ къ восьми, однако, это прошло, и онъ задремалъ на софѣ, у камина. Я заглянула къ нему, одѣтая, но не рѣшилась его будить и уѣхала потихоньку, мысленно обѣщая себѣ непремѣнно вернуться къ одиннадцати, какъ я ему говорила. Срокъ этотъ былъ у меня въ головѣ все время, покуда я ѣхала, и я о немъ вспомнила еще разъ, когда входила въ гостинную къ Д., но потомъ, не знаю, какъ это случилось, все вдругъ улетѣло изъ памяти.

Кромѣ ожиданныхъ лицъ, была еще какая-то дама, которая привезла цѣлый коробъ новостей. Завязался живой разговоръ, мало-по-малу и я приняла участіе въ разговорѣ.

Наконецъ разговоръ затихъ; кто-то всталъ, другой посмотрѣлъ на часы.

— Полноте, какъ вамъ не стыдно! сказала Д. Еще нѣтъ часу.

— Ровно часъ.

Я вздрогнула, и чувство чего-то упущеннаго, забытаго, не яснымъ укоромъ стѣснило мнѣ грудь. «Какъ! Уже часъ!... А я хотѣла вернуться къ одиннадцати, и Дмитрій,—больной,—можетъ быть, не спитъ, поджидая меня!»

— Не безпокойтесь, ma chère amie,—экипажъ у подъѣзда, и вы въ пять минутъ будете дома, шепнула хозяйка.

Я торопливо простилась и, спотыкаясь, сбѣжала по лѣстницѣ.

«Но, можетъ быть, онъ уже легъ—пришло мнѣ въ голову, когда швейцаръ захлопнулъ за мною дверцы кареты,—и стукъ

экипажа или звонокъ разбудитъ его...» Я высунулась и велѣла кучеру остановиться, не доѣзжая до дома.

Дворникъ былъ у воротъ. Я попросила его зажечь фонарь и проводить меня черезъ дворъ, съ другого хода, — по черной лѣстницѣ. Вдвоемъ, мы съ трудомъ достучались; — кухня была пустая, и я едва дождалась, чтобы мнѣ отворили.

— Чтó.., Дмитрій Алексѣевичъ спитъ? спросила я, запыхавшись у горничной.

— Нѣтъ-съ; они дожидаютъ васъ, и чай не пили...

«Фу, какъ это глупо!» подумала я съ досадою, и отдала приказаніе, ставить скорѣй самоваръ.

Сбросивъ на руки горничной шубу, я скользнула, какъ тѣнь, по корридору, черезъ столовую, въ залу, все еще думая: «можетъ быть, спитъ».

Въ залѣ было темно и вездѣ тихо; но въ кабинетѣ свѣтъ.... Подкравшись на цыпочкахъ, я заглянула черезъ опущенную портьеру и чуть не ахнула.

Дмитрій сидѣлъ у стола, облокотясь на него и сжимая руками виски... Глаза его были красны.

«Уже!» промелькнуло у меня въ головѣ; но я не успѣла дать себѣ яснаго отчета въ истинномъ смыслѣ этого слова. Въ испугѣ, я распахнула портьеру и, сдѣлавъ шагъ, остановилась, какъ вкопанная.

Онъ вздрогнулъ, поспѣшно отёръ глаза и, увидѣвъ меня, инстинктивно сдѣлалъ усиліе надъ собой, чтобы усмѣхнуться; но, должно быть, мое лицо было тоже невесело, потому что вмѣсто улыбки, губы его какъ-то болѣзненно покривились, и онъ оставилъ эту ребяческую попытку спрятаться. Онъ понялъ, что было поздно, что онъ открытъ и пойманъ. И я поняла. И онъ понялъ, что я поняла. Мы глядѣли другъ другу въ лицо, какъ два зеркала, отражающія въ себѣ бездонную глубину....

Я такъ и ждала, что онъ что-нибудь скажетъ. Но онъ ничего не сказалъ. Ему вдругъ стало жалко меня.

Я угадала это и по его лицу и по тому порыву, съ которымъ онъ протянулъ мнѣ обѣ руки, и по мягкому звуку голоса, съ которымъ онъ произнесъ: «Наташа, мой другъ! что съ тобой»?

Оцѣпенѣніе мое въ одинъ мигъ исчезло. Не успѣлъ онъ договорить, какъ я прижимала лицо къ его разгорѣвшемуся лицу и цѣловала его.

— Ахъ! Что съ тобой? Что съ тобой? шептала я въ свою очередь, вмѣсто отвѣта.

— Такъ, ничего, мой другъ;... это вздоръ... Ты испугалась,

бѣдная!... Это пустяки, ничего,—успокойся... Я просто боленъ, и нервы мои разстроены.

— Зачѣмъ ты не спишь? говорила я. И чай не пилъ! Ну, можно ли это?... Меня задержали... съ каретой... Я такъ растерялась, что едва понимала, что говорила.

— Я ожидалъ тебя—отвѣчалъ онъ. Съ одиннадцати, все думалъ, что ты сейчасъ пріѣдешь.

— И чай не пилъ?

— Не хотѣлось.

— Дмитрій, мнѣ все это больно. Я.... я не стою того... Я... дурная жена. Я не должна была уѣзжать сегодня, какъ я уѣхала... оставлять тебя одного, больного!... Бѣдняжка! Милый мой!

— Ну, полно! перебилъ онъ. Что за бѣда, что я тебя подождалъ... Зато тебѣ было весело.

Мы пили чай вмѣстѣ... Буря, повидимому, прошла. Онъ оживился и разспрашивалъ у меня, что я дѣлала и кто былъ у Д.

— А Кудряшовъ былъ? спросилъ онъ, прежде чѣмъ я успѣла назвать ему это имя.

— Да—былъ.

— Онъ, кажется, очень дѣльный молодой человѣкъ?

— Кажется...

— Если онъ сколько-нибудь интересуетъ тебя въ личномъ или безличномъ смыслѣ...

— Въ безличномъ—прервала я.

— Ну, все равно; отчего ты не пригласишь его къ намъ?

— Но я его всего два раза видѣла — отвѣчала я, усмѣхаясь.

Это, повидимому, удовлетворило его; по крайней мѣрѣ о Кудряшовѣ не было больше рѣчи.

II.

Дмитрій скоро оправился; но, вглядываясь въ его лицо, я находила въ немъ перемѣну, которую мудрено было объяснить такою легкою и непродолжительною болѣзнью. Всякій слѣдъ недавняго счастья или того, что я принимала за счастье, исчезъ, и онъ казался старѣе, серьезнѣе, сдержаннѣе, чѣмъ я когда-нибудь его помнила съ тѣхъ поръ, какъ мы сблизились. Я поняла, что горе, котораго случай сдѣлалъ меня недавно свидѣтельницею,—не было первое его горе и что онъ долженъ былъ долго, долго страдать, ничѣмъ не обнаруживая своихъ мученій, прежде чѣмъ дѣло дошло до того, что я видѣла. Черныя мысли

летѣли цѣлыми стаями за этой печальной догадкою... Съ тоской и смущеніемъ я рылась въ воспоминаніяхъ истекшаго года, добиваясь, когда и чѣмъ я могла такъ жестоко его огорчить и сквозь какія ошибки онъ успѣлъ заглянуть въ мое сердце? Въ томъ, что онъ заглянулъ, я не имѣла уже сомнѣнія... И я не долго искала. Мало-по-малу, истинныя черты его характера начали мнѣ выясняться и по мѣрѣ того, какъ я старалась дать себѣ въ нихъ отчетъ, многое, до сихъ поръ темное, становилось понятно. Я убѣдилась, что вѣра его въ меня и въ мою любовь давно уже надломана и что, въ самомъ счастливомъ случаѣ, мнѣ будетъ до крайности трудно, почти невозможно — вполнѣ воротить утраченное. Вся старая безпечность моя исчезла, и я начала дрожать за каждое слово, за каждый шагъ. Но я сказала себѣ: «съ этой минуты — *кончено*. Я поступлю, наконецъ, какъ честная женщина, какъ любящая и преданная жена въ моемъ положеніи должна поступить. Я отдамъ жизнь за жизнь и сдѣлаю все, чтобы искупить мою вину передъ этимъ несчастнымъ, такъ горько со всѣхъ сторонъ обиженнымъ и обманутымъ человѣкомъ».

Я горячо увлеклась этой задачею, и въ первомъ пылу увлеченія хватила, что называется, черезъ край. Зная, какъ я уже знала это теперь, что онъ ревнуетъ меня, если не грубой, личною ревностью ко всякому молодому и сколько-нибудь интересному человѣку, то ужъ навѣрно къ свѣту и къ обществу, вообще я рѣшила, что мнѣ легче будетъ совсѣмъ не видѣть людей, чѣмъ въ ихъ присутствіи разрывать себя на двое, такъ-сказать, — и одной половиною своего существа слѣдить, какъ строгая гувернантка или полицейскій сторожъ, за каждымъ словомъ и жестомъ другой.

Я стала упорно отказываться отъ выѣздовъ; но это его встревожило; догадкамъ, сомнѣніямъ, подозрѣніямъ, страхамъ, допросамъ, казалось, конца не будетъ. Сначала, онъ думалъ, что я больна, и малѣйшій кашель, малѣйшій признакъ усталости — казались ему симптомомъ недуга, который я отъ него скрываю. Потомъ ему пришла въ голову дикая мысль, что, можетъ быть, я испугалась, замѣтивъ въ себѣ начало страстной любви къ какому-нибудь постороннему человѣку, и какъ добродѣтельная жена бѣгу отъ опасности мнѣ угрожающей. Но онъ одаренъ былъ крѣпкой дозою здраваго смысла, и тамъ, гдѣ вѣра не ослѣпляла его, былъ, вообще, очень зорокъ. Поэтому, всѣ эти очевидно-нелѣпыя опасенія были имъ скоро брошены, и нѣчто довольно близкое къ истинѣ смутно мелькнуло въ его умѣ....

— Вѣрно, опять отъ Д.? — сказалъ онъ, однажды, — когда я

вошла къ нему въ кабинетъ съ запиской, смятой въ рукѣ, и узнавъ, что да, нахмурился.

— Конечно, зоветъ тебя завтра вечеромъ и жалуется, что ты ее забываешь?

— Да — повторила я.

— Что же ты отвѣчала?

— Отвѣчала, что нездорова.

— Но вѣдь это неправда?

— Неправда.

— Отчего же ты не хочешь ѣхать? Я, право, тебя не понимаю, Наташа. Ты прежде такъ горячо защищала этихъ людей, и надо признаться, въ значительной степени была права, потому что смѣшно же вѣдь въ самомъ дѣлѣ подводить всѣхъ безъ изъятія подъ одну категорію. А теперь, когда ты убѣдилась такъ ясно, что ты не ошиблась въ нихъ, и что онѣ тебя искренно любятъ, ты вдругъ начинаешь отъ нихъ отворачиваться, Богъ знаетъ изъ-за чего.

— Знаешь — сказала я усмѣхаясь — мнѣ надоѣла немножко эта болтовня. Трещатъ часа три, четыре сряду, точно сороки какія-нибудь!

Онъ засмѣялся.

— Гмъ, мы становимся очень злы! Но шутки въ сторону; знаешь, мнѣ иногда приходитъ въ голову: ужъ не меня ли ты бережешь?

— Еще бы мнѣ не беречь тебя! Развѣ у меня есть на свѣтѣ что-нибудь, кромѣ тебя?

— Милый мой другъ, у тебя цѣлая жизнь впереди... Но оставимъ этотъ вопросъ. Я ничего не желаю лучше, какъ вѣрить, что я для тебя дѣйствительно дорогъ, ну хоть—по меньшей мѣрѣ — дороже другихъ... Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, чтобы я одинъ могъ замѣнить для тебя все на свѣтѣ?

— Я не знаю, что это значитъ: *все на свѣтѣ*. Но если это относится къ Д. или къ выѣздамъ, вообще, то я тебя увѣряю, что для меня они никогда не были «*все*», а составляли весьма и весьма немногое.

— Но это немногое тебя тѣшило?

— Да... на первыхъ порахъ; а теперь перестало тѣшить.

— Наташа, — это неправда!...

У меня сердце дрогнуло: онъ тронулъ прямо больное мѣсто.

— Послушай — онъ продолжалъ, нѣжно притягивая къ себѣ и говоря въ полголоса. Я знаю, что у тебя на умѣ... Мы одержимы великодушіемъ, а? неправда ли? Мы собираемся жертвовать? Мы замѣтили, что мужъ старъ, что онъ одичалъ,

что его утомляетъ общество, и мы сказали себѣ: надо его поберечь немножко... Ну, будь же умница; признайся, что это такъ.

Покуда онъ говорилъ, я обняла его и прижалась щекою къ его плечу.

— Отчасти да — отвѣчала я, заглянувъ мелькомъ ему въ лицо. Оставимъ только великодушіе и жертвы, потому что я, право, не доросла до этихъ вещей; да онѣ и не нужны мнѣ. Дѣло совсѣмъ не такъ мудрено, какъ оно тебѣ кажется... Меня начинаетъ также утомлять то, что тебя давно утомило...

Онъ вдругъ обернулся и поцѣловалъ меня въ лобъ ... Я достигла цѣли. Кусокъ, давно уже мною приготовленный для этого случая, пришелся ему совершенно по вкусу, и послѣ этого никакихъ новыхъ допросовъ болѣе не было. Но я поняла, что зашла слишкомъ далеко, и потому не противилась болѣе его увѣщаніямъ, когда онъ просилъ меня не бросать совершенно моихъ друзей.

Мы продолжали съ нимъ выѣзжать, нѣсколько рѣже прежняго и всегда неразлучно вмѣстѣ; но все удовольствіе, которое я находила прежде въ кругу людей, было испорчено для меня совершенно. Я не могла уже больше забыть, что крылья мои, однажды обрубленныя, не должны болѣе выростать; что я сама обязана наблюдать за этимъ и подрѣзывать ихъ старательно, чтобы какъ-нибудь, въ минуту забывчивости, они не умчали меня съ той низменной узкой тропинки долга, которую я себѣ предназначила. Если въ этомъ и было геройство, то, признаюсь, оно показалось мнѣ очень непривлекательно. Но едва ли тутъ было какое-нибудь геройство ... и эти крылья... какія крылья? Пустая мечта! Никакихъ крыльевъ не было, а просто, я чувствовала себя прикованною и связанною. Я не могла забыть ни на одно мгновеніе, что тутъ, возлѣ, въ пяти шагахъ отъ меня сидитъ человѣкъ, которому я предана душою и тѣломъ, который дрожитъ надо мною, какъ скупецъ надъ своимъ ненагляднымъ сокровищемъ. Эта мысль была камень, привязанный мнѣ къ ногамъ, и я не могла плавать по старому, весело и привольно, какъ рыба, выпущенная изъ сѣти въ рѣку. Я знала, что для него это было бы опять такою же пыткой, и если порою, случайно, въ минуты невольнаго оживленія, мнѣ удавалось забыться, то увлеченіе это было непродолжительно. Въ самый моментъ порыва что-то вдругъ схватывало меня за сердце, и мнѣ мерещилась мрачная, сгорбленная фигура мужа въ томъ видѣ, въ какомъ я застала его тогда. Волосы дико взъерошены... руки сжимаютъ пылающіе виски ... лицо искажено невырази-

мымъ страданіемъ!... «Нѣтъ, нѣтъ! твердила я себѣ тысячу разъ — что бы тамъ ни было, и пусть пропадетъ моя жизнь; но это больше не повторится!»

III.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Мы отжили лѣто въ скучномъ Царскомъ Селѣ и въ самомъ полнѣйшемъ уединеніи, точно влюбленные молодые супруги въ медовый мѣсяцъ ихъ новаго счастья... Дворцы, колоннада, прудъ, Молочница и китайскіе мостики опротивѣли мнѣ до тошноты.

Подъ конецъ этого времени, Дмитрій сталъ какъ-то необыкновенно задумчивъ, и я часто ловила его тревожный взоръ, украдкою на меня устремленный въ такія минуты, когда онъ думалъ, что я не замѣчаю его. Я чувствовала, что дѣло неладно; но у меня не хватило духу самой идти на встрѣчу допросу, который я ужъ предвидѣла.

— Ты что-то устала — сказалъ онъ однажды. Не вернуться ли намъ домой?

— Нѣтъ, я хочу хорошенько устать — оно, покрайней мѣрѣ... сколько нибудь похоже на жизнь — чуть-было не сказала я, но, спохватившись, не кончила.

Это было въ началѣ августа и мы бродили въ самомъ глухомъ мѣстѣ парка. День стоялъ душный. Ни малѣйшаго признака вѣтерка; отъ неба, завѣшеннаго свѣтлою, неподвижною пеленой облаковъ — палило жаромъ, какъ отъ нагрѣтой крыши; густыя вѣтви деревъ словно дремали вокругъ.

— Сядемъ — сказала я, подходя къ скамейкѣ.

Мы сѣли.

— Ты что-то не договорила? — замѣтилъ онъ.

— Я? право, не помню... Душно! — отвѣчала я, струсивъ и пытаясь замять разговоръ.

За это послѣднее время я стала особенно труслива.

— Вспомни, пожалуйста... Мнѣ хочется знать твою мысль... Ты говорила, кажется, что тебѣ нужно хорошенько устать, потому что... это»....

— Здорово — договорила я.

— Нѣтъ, это не то...

— Исторія съ ларчикомъ въ баснѣ — сказала я, усмѣхаясь. — Мы ищемъ секрета; а весь секретъ въ томъ, что никакого нѣтъ.

— Ну, слава Богу, хоть усмѣхнулась! Знаешь, я иногда по цѣлымъ днямъ жду не дождусь этой усмѣшки. Ты становишься такъ

тиха, что я съ трудомъ узнаю въ тебѣ прежнюю, своевольную, живую Наташу.

— Я очень установилась, мой другъ, съ тѣхъ поръ, какъ я замужемъ; да оно и естественно: по мѣрѣ того, какъ жизнь пріобрѣтаетъ серьёзный смыслъ, и мы дѣлаемся серьёзнѣе.

— Да, это, конечно, такъ ... Но это только одна сторона вопроса. А мнѣ бы хотѣлось знать, что ты думаешь о другой. Порадуй меня хоть на этотъ разъ, душа моя. Будь со мною, сегодня, вполнѣ откровенна. Скажи мнѣ прямо, какъ другу (отчего онъ сказалъ: *другу?* — что это значитъ?) скажи, какъ другу, чистую правду (ну, нѣтъ, этого я ужъ ни за что не скажу) ...Наташа, молодой женщинѣ, въ твои года, движеніе нужно не въ одномъ механическомъ смыслѣ. Неужли ты не чувствуешь этого? Ты не флегматикъ, я знаю тебя ... Съ твоимъ отъ природы пылкимъ характеромъ, у тебя должны быть порывы, вспышки, стремленія ...

Я заглянула ему въ глаза и, подумавъ съ минуту, отвѣчала параболой.

— Рѣчка бѣжитъ бурливо — сказала я — пока у ней на пути нѣтъ препятствія, и лодка стремится неутомимо, пока она не дошла до пристани ... Ну, остальное ты можешь и самъ угадать. Я въ пристани, я у цѣли ... Куда мнѣ еще стремиться? Чего искать дальше того, чтó уже найдено?

Онъ сидѣлъ, согнувшись, и чертилъ что-то палкою по землѣ, изрѣдка на меня посматривая; но моя притча какъ будто заставила его сильно задуматься.

— Да, это такъ ... правда — шепталъ онъ самъ про себя... Для женщины это должно быть такъ ... Но странно, въ этомъ мотивѣ слышится что-то глухое, мало того, — безличное, рабское.—

— Рабское? — возразила я горячо. — Да развѣ отъ насъ, женщинъ, ожидаютъ чего-нибудь не-рабскаго? Развѣ это не идеалъ женскаго совершенства? Эта безличность, которая тебя такъ удивляетъ,— это нашъ долгъ! Это должно быть такъ потому, что всѣ этого требуютъ, всѣ дѣлаютъ все, чтобы это было такъ! —

— Браво!— воскликнулъ онъ, откинувъ голову и смотря на меня съ какимъ-то радостнымъ удивленіемъ. Браво, Наташа! Ну, не правду ли я говорилъ, что въ тебѣ есть огонь? Да и какой еще! .. Бога ради, ты не туши его и не прячь отъ меня. Пусть онъ освѣтитъ мнѣ хоть косвенно и случайно этотъ вопросъ, на который ты не даешь мнѣ прямого отвѣта.

— Какой вопросъ? — спросила я, вдругъ, присмирѣвъ ... Я опять струсила.

— Послушай, мой другъ — продолжалъ онъ. — Я буду съ тобой говорить серьёзно и прямо. Если-бы у насъ уже были дѣти, я бы менѣе безпокоился о тебѣ. Но наши лѣта слишкомъ не равны для того, чтобы мы могли мѣрить другъ другу жизнь одною мѣркою. Для меня лично, разумѣется, ничего болѣе не нужно, кромѣ твоей любви. Но я усталъ и разбитъ, а ты молода, въ тебѣ бродятъ свѣжія силы, и я былъ-бы слишкомъ большой эгоистъ, если-бы я вообразилъ себѣ, что ты можешь быть совершенно счастлива въ этомъ затишьѣ. Подумай объ этомъ серьёзно и скажи мнѣ какъ другу (опять онъ сказалъ: другу!), — нѣтъ ли чего-нибудь внѣ круга нашей домашней жизни, что могло бы тебя занять, или хоть просто развлечь и потѣшить въ такія минуты, когда слишкомъ однообразный ходъ этой жизни начинаетъ тебя утомлять? Укажи только мнѣ что-нибудь; дай хоть намёкъ, по которому я бы могъ угадать, чего тебѣ нужно.

«Боже мой, Боже мой! — думала я — зачѣмъ онъ меня такъ искушаетъ? Вѣдь онъ не можетъ мнѣ дать того, что мнѣ нужно, да и я не могу принять, не ставъ добровольно его мучительницею. Къ чему же онъ дразнитъ меня по пустому, вертя передъ моими глазами эту приманку счастья, отъ котораго я уже разъ отреклась? Или я мало плакала, — плакала, какъ ребенокъ, у котораго отняли всѣ его золотыя игрушки и радужныя мечты!»

Я молчала, печально и робко потупивъ глаза; но онъ повторилъ свой вопросъ. Дѣлать нечего, надо было ему отвѣчать.

— Ты знаешь, мой другъ — сказала я — что я почти совсѣмъ незнакома съ жизнью, а потому она, конечно, какъ все неизвѣстное, возбуждаетъ мое любопытство. Далѣе этого, я, право, не знаю что тебѣ и сказать. Это не отвлеченный вопросъ, на который, подумавъ, можно всегда отвѣчать что-нибудь, хоть приблизительное. Жизнь одна можетъ рѣшить его для меня; — но... я до сихъ поръ почти еще не жила.... Постой! Не смотри на меня съ такимъ укоромъ! Я говорю не объ этомъ праздникѣ жизни, который у насъ съ тобой до сихъ поръ продолжается, а о ея трудовой, будничной дѣятельности, которая вѣдь должна же когда-нибудь для насъ наступить. Не вѣкъ же мы будемъ справлять нашъ медовый мѣсяцъ. Ты самъ, я увѣрена, въ сорокъ два года, не считаешь еще себя инвалидомъ и, отдохнувъ, наконецъ возмешься за что-нибудь, выберешь себѣ какое-нибудь... положеніе ... дѣло ... занятіе ...

— Можетъ быть... можетъ быть! — отвѣчалъ онъ, наморщивъ лобъ. — Я думалъ объ этомъ не разъ... и очень серьёзно... И у меня есть планы, о которыхъ мы послѣ когда-нибудь съ

тобою поговоримъ. Скажу тебѣ только одно, мой другъ: я не выберу дѣятельности, которую ты не могла бы или не желала со мною раздѣлить... Пойдемъ...

Мы встали и, сказавъ еще нѣсколько словъ, — мысленно разошлись каждый къ себѣ въ свой внутренній уголокъ съ запасомъ новыхъ вопросовъ, о которыхъ надо было подумать.

IV.

«Что такое онъ затѣваетъ?» Этотъ вопросъ ужасно меня волновалъ, и у меня едва хватало терпѣнія удержать себя отъ разспросовъ. Искушеніе было сильное. Я знала, что мнѣ стóитъ сказать два слова, и выборъ въ моихъ рукахъ.— «Гдѣ ему идти противъ меня? У него нѣтъ воли и нѣтъ желанія, которыя онъ не положилъ бы съ радостью къ моимъ ногамъ. Онъ сдѣлаетъ все, пойдетъ за мною всюду, безропотно и покорно. Но, далѣе этого не простирается моя власть. Я не въ силахъ вычеркнуть изъ его прошедшаго пятнадцать лѣтъ канцелярской каторги. Я не могу вдохнуть въ него своей молодости,— своего остраго аппетита къ жизни. Какое же право имѣю я тянуть его, усталаго, за собою, да и куда? Могу ли ему указать на путь, который еще не проложенъ? А чтобы прокладывать новый,— нужны молодые смѣлые піонеры и нужна вѣра, совсѣмъ другого рода вѣра, которую онъ давно утратилъ... Нѣтъ, это было бы болѣе чѣмъ простой эгоизмъ. Это была бы жестокость, тиранство,— а я неспособна къ тиранству. И я не могу ему указать чего-нибудь. Пусть самъ выбираетъ; а я пойду за нимъ... Худо ли, хорошо ли, пойду, потому что должна идти, пойду на этой цѣпи, которую я сама сковала своими руками. Все-же это лучше, чѣмъ задыхаться, безъ воздуха, безъ людей и безъ дѣла, какъ я задыхаюсь теперь».

«Но что такое онъ затѣваетъ?»

Любопытство мое было сильно раздражено, и я хваталась за всякій вздоръ, стараясь найти какую-нибудь путеводную нить въ лабиринтѣ моихъ догадокъ. На столѣ у него я замѣтила ужъ давно пачку какихъ-то новыхъ книгъ, съ которыми онъ часто возился. И мнѣ случалось заглядывать въ эти книги. Содержаніе ихъ было хозяйственное и рисунки какихъ-то машинъ, совершенно мнѣ неизвѣстныхъ, всегда бросались первые мнѣ въ глаза. Я рѣшила, что это по части его ученыхъ занятій и дальше не безпокоилась. А между тѣмъ, эти книги были въ прямой связи съ его затѣями, и если бы я дала себѣ трудъ прочесть

внимательно хоть однѣ заголовки ихъ, то я бы могла догадаться. Книги эти всѣ трактовали *о земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ...*

— Однако, мы съ тобой зачитались! — сказала я мужу, разъ вечеромъ, уставъ отъ напряженія, съ которымъ прослушала довольно длинную критическую статью.

Вообще, я не любила, чтобъ мнѣ читали въ слухъ; это меня утомляло.

— Ну, такъ посиди, отдохни у меня. У тебя, вѣрно, опять болитъ голова?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Отчего-жъ ты такая кислая?

— Я... не кислая.

— Отчего не сказала, что ты устала слушать?

— Хотѣлось дослушать до конца.

— Да что съ тобою,—Наташа? У тебя что-то есть на умѣ, что тебя поглощаетъ. — Ты скажешь слово и точно утонешь въ чемъ-то... О чёмъ ты думаешь?

— О тебѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ онъ весело.

— Серьезно.

— Что же именно? Ты смотришь такъ строго, что мнѣ даже немножко страшно, проговорилъ онъ шутя.

— Безъ шутокъ, Дмитрій; я хочу тебя спросить, что̀ ты думаешь съ собою дѣлать? Съ тѣхъ поръ, какъ ты женился, вотъ уже полтора года, мы съ тобою все только книги читаемъ.

Онъ немного нахмурился.

— Чтоже тебѣ нашъ *tête-à-tête* такъ ужъ очень наскучилъ?— спросилъ онъ.

— Если ты будешь такъ толковать мои слова, то я замолчу.

— Ну, ну, не сердись. Я шучу.

Я поглядѣла прямо ему въ глаза, но онъ быстро ихъ опустилъ, какъ бы не желая, чтобы я прочла его тайныя мысли.

— Я перебиралъ въ головѣ разные планы — сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь, но, признаюсь, почти всѣ они очень непривлекательны. А между тѣмъ этотъ упрекъ, который я отъ тебя уже слышалъ и прежде, — я самъ себѣ его часто дѣлаю. Меня самого мучитъ бездѣйствіе.

— Зачѣмъ видѣть упрекъ, мой другъ, тамъ, гдѣ упрека нѣтъ и не можетъ быть? — отвѣчала я. — Отдыхъ тебѣ былъ нуженъ и нечего сожалѣть, что ты имъ воспользовался. Къ тому же, все это время мы жили съ тобой на особыхъ правахъ, и съ насъ нечего спрашивать. —

— Да и некому — подтвердилъ онъ... Мы полные хозяева нашей жизни.

Мы замолчали. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, видимо очень желая, но не рѣшаясь еще приступить къ дѣлу... Я ждала въ сильномъ волненіи, страшась сама не зная чего и надѣясь сама не зная на что.

— Выборъ до крайности труденъ — началъ онъ нерѣшительно. — Время теперь такое, что нѣтъ ни одной дороги, направленіе которой было бы ясно опредѣлено, ни одного уголка въ цѣломъ зданіи, гдѣ можно бы было расположиться усидчиво и работать съ увѣренностію, что результатъ твоей работы не пропадетъ безслѣдно въ той кутерьмѣ, которая возникаетъ со всѣхъ сторонъ. Вездѣ или началась уже перестройка, или предполагается, — что по-моему еще хуже, потому что противно устраиваться въ квартирѣ, которую мы знаемъ, что завтра или послѣ завтра начнутъ ломать... Не то, чтобы я былъ противъ ломки. Она совершенно необходима. Я знаю, до какой степени старыя формы жизни сгнили и радуюсь отъ души обновленію. Но мнѣ отвратителенъ самый процессъ перестройки: весь этотъ трескъ, грохотъ, вся эта пыль, мусоръ, возня, суета, безпорядокъ, споры и раздраженіе людей, у которыхъ старая кровля надъ головою снята, а новая еще не выстроена. Все это можетъ быть сносно и даже весело какому-нибудь молодому бойцу съ непочатымъ избыткомъ энергіи, а для меня нестерпимо. Я знаю людей и испыталъ на своемъ вѣку, что значитъ быть втянутымъ въ водоворотъ ихъ ежедневнаго столкновенія, въ эту давку и тѣсноту, гдѣ нельзя сдѣлать шагу свободно и нѣтъ никакой возможности идти раціонально по избранному пути, а нужно вертѣться какъ щепка въ вихрѣ, чувствуя, что тебя подхватываетъ и несетъ какая-то неудержимая безотчетная сила....

Онъ былъ взволнованъ и говорилъ горячо, расхаживая по комнатѣ, а я сидѣла, грустно предчувствуя, куда это все приведетъ, и дивясь, какъ различны бываютъ вкусы людей. Меня манилъ именно этотъ водоворотъ, этотъ вихрь неудержимой силы, въ которомъ все мелкое исчезаетъ или становится нечувствительно, и слышенъ только одинъ широкій, могучій шумъ общественнаго стремленія.

И я не ошиблась. Онъ прямо пришелъ къ тому, что городская суетня для него нестерпима, и что если онъ можетъ еще вдохновиться новымъ движеніемъ настолько, чтобъ выступить въ роли общественнаго дѣятеля, то для него существуетъ только одинъ возможный путь, на которомъ есть нѣкоторый просторъ и свобода для личной инициативы, гдѣ общество съ его требова-

ніями не сидитъ у тебя на шеѣ и не врывается къ тебѣ въ домъ ежеминутно, не одуряетъ тебя своимъ оглушительнымъ шумомъ.

— Но главное, заключилъ онъ, и что для меня дороже всего—это путь, по которому мы могли бы идти съ тобой рука объ руку, рядомъ, работая за одно и помогая другъ другу... Наташа, ты не догадываешься? спросилъ онъ, остановясь передо мною и съ любовью вглядываясь въ мое лицо.

Я такъ хорошо догадывалась, что чуть не заплакала. «*Деревня!*» мелькнуло у меня въ головѣ... «Онъ предлагаетъ *деревню!..*» Засѣсть съ нимъ вдвоемъ, безвыѣздно, гдѣ-нибудь въ сельской глуши и не видать людей по цѣлымъ недѣлямъ! Боже мой! этого только еще недоставало! «*Конецъ!*» —шепнуло что-то во мнѣ. «Всѣмъ глупымъ твоимъ надеждамъ конецъ!..»

Но я такъ хорошо была выдрессирована за послѣдніе полгода, что не показала ему и тѣни огорченія. Напротивъ, я даже принудила себя усмѣхнуться, довольно кисло, быть можетъ; но онъ приписалъ это недоумѣнію и началъ мнѣ развивать подробно свой планъ.

Планъ былъ очень простъ: стоило только реализировать бо́льшую часть состоянія и купить небольшое помѣстье въ одной изъ хлѣбородныхъ губерній. Остальное, съ хорошимъ запасомъ наличныхъ средствъ, которыя должны были оставаться еще въ его рукахъ за этой покупкою, было легко и доступно и разумѣлось само собой... Онъ говорилъ мнѣ долго, съ одушевленіемъ, о прелестяхъ сельской жизни и кончилъ тѣмъ, что спросилъ: какъ я думаю?

Что могла я сказать? Отвѣтъ мой, хотя и не совсѣмъ искренній, въ сущности могъ быть только одинъ: «во всякомъ случаѣ, мнѣ придется идти за тобою...» Деревня, можетъ быть, даже имѣла то преимущество, что по крайней мѣрѣ, разъ навсегда, занавѣсъ будетъ спущенъ и дверь заперта... такъ лучше!

«Когда мы состарѣемся» мелькнуло у меня въ головѣ— можетъ быть —«мы станемъ похожи па Аѳанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну...»

Но я не мечтала о такомъ сходствѣ выходя замужъ!

Получивъ мое безусловное одобреніе, Дмитрій долго откладывалъ. Онъ объяснилъ мнѣ, смѣясь и весело потирая руки, что онъ давно уже имѣлъ въ головѣ этотъ планъ и съ самой весны занятъ былъ теоретической подготовкой въ той мѣрѣ, въ какой она необходима на первыхъ шагахъ.

Цѣлый мѣсяцъ (послѣ того какъ мы переѣхали въ городъ) онъ былъ въ большихъ хлопотахъ;—читалъ всевозможныя объявленія, ѣздилъ, справлялся, прицѣнивался, списывался, разу-

знавалъ. Наконецъ, въ октябрѣ, ему удалось найти нѣчто такое, что отвѣчало, повидимому, всѣмъ его требованіямъ. Имѣніе было отыскано: оно находилось въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, и всѣ справки о немъ были ужъ собраны... Оставалось поѣхать, своими глазами все осмотрѣть; и онъ рѣшился съѣздить недѣли на двѣ.

Съ недѣлю, однако, еще прошло въ колебаніи... То то, то другое его задерживало; но все это были предлоги; казалось, что просто ему не хотѣлось со мною разстаться. Раза два уже день былъ назначенъ и снова отложенъ... Наконецъ, онъ уѣхалъ.

V.

Прощаясь съ Дмитріемъ, на дебаркадерѣ, я заразилась его настроеніемъ духа и была очень грустна. А онъ-то, онъ-то, бѣдный! Никогда не забуду его лица, когда дверцы вагона были ужъ заперты и раздался послѣдній свистокъ. Ни одна улыбка не прояснила его лица; оно имѣло такой печальный, убитый видъ, какъ будто мы разставались съ нимъ навсегда, и онъ смотрѣлъ на меня въ послѣдній разъ, смотрѣлъ на все свое счастье, остававшееся за нимъ позади...

Помню,—я плакала... Тяжелое чувство разлуки лежало камнемъ у меня на сердцѣ, и это длилось еще съ минуту, покуда поѣздъ не скрылся изъ глазъ.

Но едва успѣла я выйти изъ вокзала на улицу и сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ что-то странное со мною произошло... Точно тяжелая ноша свалилась съ плечъ. Точно густая, сѣрая пелена осеннихъ тучъ надо мною раздвинулась, и солнечный лучъ пригрѣлъ холодную землю... Я чувствовала, что я одна, что я свободна... и вдругъ, на душѣ у меня стало легко, такъ несказанно, отрадно легко, какъ я не помню уже, чтобы когда-нибудь было. Въ первый разъ, послѣ долгаго времени, ни тутъ, возлѣ меня, ни тамъ дома не было чужой воли, державшей меня на привязи, не было этого перваго лица, отъ котораго ежеминутно зависѣли не только мои движенія и намѣренія, а даже и помыслы, не было, наконецъ, человѣка, передъ которымъ я вынуждена была хитрить и притворяться.

...«Да такъ-ли это?» — думала я какъ будто еще не вѣря, что я на свободѣ.—«Неужли въ самомъ дѣлѣ никто не ждетъ меня тамъ съ печальнымъ лицемъ и не тревожится, и не спроситъ, когда я вернусь, гдѣ я была? ...И я могу идти, куда мнѣ

угодно, дѣлать что я хочу, цѣлый день, сегодня и завтра, и послѣ завтра?..»

Я шла скоро, и сама не знала, куда я иду, но мнѣ не хотѣлось идти домой.

Такъ я пробѣжала Аничкинъ мостъ и театръ, остановилась у какого-то магазина съ картинками и съ минуту разсматривала ихъ съ ребяческимъ любопытствомъ; потомъ повернула назадъ, перешла улицу, въ гостинномъ дворѣ купила грушъ, и тутъ-же начала ѣсть...

Пройдя суконную линію, я повернула на лѣво, мимо голландскихъ лавокъ; новомоднаго цвѣта матерія, вывѣшенная въ окошкѣ, обратила мое вниманіе, и я остановилась.

Вдругъ кто-то схватилъ меня за руку, и знакомый голосъ весело зазвучалъ у меня подъ самымъ ухомъ:

— А! Затворница! Что вы тутъ дѣлаете?

Я оглянулась; возлѣ меня стояла Д., только-что вышедшая изъ лавки съ какой-то покупкой въ рукахъ, и смѣялась.

— Мужъ уѣхалъ — проговорилась я ей, и въ туже минуту опомнившись, вся покраснѣла.

— Надолго?

— На двѣ недѣли.

— Ну, что за несчастіе? Да вы-то что тутъ? Что вы сегодня дѣлаете?

— Не знаю.

Она опять засмѣялась и взяла меня подъ руку.

— О, если такъ, то я знаю. Вы поѣдете со мною къ Софьѣ Сергѣевнѣ, отъ Софьи Сергѣевны къ К., заберемъ ихъ всѣхъ и ко мнѣ обѣдать, а тамъ послѣ, вечеромъ, что Богъ положитъ на душу; только я васъ сегодня не выпущу; благо вашего баловня нѣтъ, такъ мы ужъ кутнемъ... не такъ-ли?

Я посмотрѣла ей въ глаза, немного сконфуженная, но въ глазахъ у нея не было никакого лукавства, и я, смѣясь, приняла ея приглашеніе.

Мы сѣли въ карету и покатили. На душѣ у меня было безконечно весело.

Часа два мы катались по городу, заѣзжая туда и сюда... Къ обѣду собралось пять человѣкъ. Было очень оживлено, пили вино и болтали безъ умолку.

Д. уговаривала ѣхать вмѣстѣ въ театръ, но послѣ обѣда пришелъ Кудряшовъ и пріѣхала Софья Сергѣевна. Въ семь часовъ, Д. вспомнила о театрѣ, но Софья Сергѣевна отвѣчала, что ей нельзя, что сегодня назначено засѣданіе въ одномъ комитетѣ и она дала слово быть тамъ.

Я спросила, что это за комитетъ.

— Да если васъ это такъ интересуетъ—сказала она,—то не хотите-ли вы лучше сами взглянуть? Поѣдемте вмѣстѣ сегодня-же?

— Но какъ-же?.. я посторонняя—проговорила я робко.

Такъ чтожъ за бѣда? Туда приглашаются всѣ, кого интересуетъ дѣло народнаго просвѣщенія... Ѣдемте?

— О, если такъ, вмѣшалась Д., то я съ вами. Я не отстану сегодня отъ Nathalie ни на шагъ. Ѣдемте всѣ, mesdames!

Мы отправились цѣлой компаніей и подъѣхали къ весьма неказистому дому, гдѣ-то въ Измайловскомъ полку. Въ прихожей я увидала солдата, стоявшаго у стола и приглашавшаго посѣтителей записывать на листѣ бумаги свои имена. Въ залѣ по правую руку стоялъ длинный предлинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ и окруженный двумя рядами стульевъ,—впереди и по бокамъ которыхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, параллельно, были разставлены такіе-же ряды стульевъ, и на нихъ уже усаживались, вѣроятно, такіе-же посѣтители, какъ и мы, потому что члены занимали свои мѣста у стола. Между послѣдними я насчитала нѣсколько женщинъ.

Мы сѣли. Возлѣ меня очутилась Софья Сергѣевна. Видя мое любопытство, она назвала мнѣ предсѣдателя, секретаря и другихъ, сообщила о чемъ будутъ пренія и сдѣлала нѣсколько бойкихъ замѣчаній на счетъ состава комитета и какого-то бюро. Но вотъ—раздался звонокъ, и засѣданіе открылось чтеніемъ отчета за послѣднее полугодіе. Потомъ, начались пренія, оживленныя, шумныя. Моя сосѣдка, къ великому моему удивленію, отзывалась рѣзко о каждомъ изъ поочередно говорившихъ ораторовъ и вообще, какъ кажется, была недовольна. Но я была въ восторгѣ.

— Какъ! развѣ ужъ кончено?—спросила я Д., когда начали вокругъ насъ подниматься. Она усмѣхнулась и показала часы. Было почти двѣнадцать. Мы встали и тоже уѣхали.

Странно и дико было мнѣ воротиться домой послѣ такого вечера. Отъ опустѣвшей квартиры пахнуло такою мертвою, непробудною тишиною.

На слѣдующій день мнѣ, разумѣется, не сидѣлось дома. Я едва дождалась половины двѣнадцатаго и, одѣвшись поспѣшно, сама не зная зачѣмъ, поѣхала къ Софьѣ Сергѣевнѣ.

Софья Сергѣевна очень обрадовалась увидѣвъ меня, точно какъ будто-бы ожидала.

— Ахъ, madame Рославлева! Вотъ кстати. Я ѣду сейчасъ къ М. (она назвала предсѣдательницу одного, недавно открытаго женскаго общества). Не хотите-ли вмѣстѣ? Мы васъ запишемъ въ члены и вы, сегодня-же вечеромъ, будете у насъ въ засѣданіи.

Черезъ часъ, я была уже членомъ и вышла отъ М. съ карманомъ, набитымъ лотерейными билетами въ пользу общества, а главное, адресами бѣдныхъ людей (которыхъ я взялась посѣщать, съ тѣмъ, чтобы представить потомъ отчетъ о ихъ положеніи),—и съ радостнымъ, гордымъ сознаніемъ, что, молъ, вотъ оно, наконецъ, дѣло, настоящее, осязательное полезное дѣло!..

Не задумываясь ни на минуту, я рѣшилась начать немедленно свою новую дѣятельность. Я прибѣжала домой въ половинѣ второго, отобрала нѣсколько адресовъ, которые были поближе, и тотчасъ опять уѣхала.

Время летѣло съ непостижимою быстротою... Не успѣвала я опомниться, какъ уже день прошелъ, а за нимъ другой, за другимъ третій... Я вертѣлась въ какомъ-то вихрѣ новыхъ знакомствъ, разъѣздовъ, посѣщеній, засѣданій. Черезъ недѣлю я была членомъ въ трехъ обществахъ. «Ну»,—промелькнуло у меня въ головѣ:—«славно-же я напроказила! Мужъ тамъ покупаетъ, можетъ быть, ужъ купилъ имѣніе; а я распоряжаюсь, какъ будто бы мнѣ тутъ сто лѣтъ оставаться. И что скажетъ онъ, когда узнаетъ, какъ я безъ него кучу? И что подумаютъ обо мнѣ всѣ эти люди, когда черезъ мѣсяцъ, другой,—я вдругъ являюсь къ нимъ въ одно прекрасное утро и скажу:—«прощайте, mesdames, я такъ—пошутила!..» Надо предупредить кого-нибудь, и я сообщила Софьѣ Сергѣевнѣ о своихъ опасеніяхъ. Но она разсмѣялась.

— Полноте, что за вздоръ! — отвѣчала она — вы шутите. Ну кто въ эту пору покупаетъ имѣніе? Всѣ рады, напротивъ,—продать, а впрочемъ, о чемъ вы хлопочете? Если вашъ мужъ и купитъ что-нибудь, то неужели вы думаете, что онъ такъ сейчасъ и увезетъ васъ туда? Теперь вѣдь не лѣто, а до весны вы, во всякомъ случаѣ, проживете здѣсь?

Все это была правда; но эта правда не утѣшила меня. Въ этотъ день я получила третье письмо отъ Дмитрія. Два первыя были съ дороги и не заключали въ себѣ ничего особеннаго, но это послѣднее испугало меня.

«Что сказать о себѣ? — писалъ онъ, окончивъ подробный разсказъ о своемъ прибытіи въ К..., и о первомъ осмотрѣ имѣнія. Съ тѣхъ поръ какъ я съ тобою разстался, черныя мысли не покидаютъ меня ни на минуту, и я напрасно стараюсь ихъ разогнать, рисуя себѣ въ воображеніи картину тихой жизни, съ тобою вдвоемъ, въ деревнѣ, въ отличномъ климатѣ, среди здоровыхъ и мирныхъ трудовъ сельскаго быта. Что-то тревожитъ меня и пугаетъ, и каждый разъ, что я вглядываюсь въ перспективу будущаго, контуры ея скрываются отъ меня, словно подернутые какимъ-то траурнымъ флёромъ... Наташа! радость моя! Мое

свѣтлое, ненаглядное солнце! Ты, ты одна могла-бы мнѣ все разъяснить, потому что я самъ, и сердце мое, и мысли, и все мое будущее, все мое счастье — въ твоихъ рукахъ. Но всякій разъ, когда я мысленно вызываю твой милый образъ, въ тайной надеждѣ, что онъ мнѣ скажетъ что-нибудь, я вижу тебя печальною и безмолвною. И напрасно я утѣшаю себя, что это пройдетъ, что этотъ ледъ растаетъ когда-нибудь, и твое сердце откроетъ передо мною сокровища безконечной нѣжности, въ немъ таящіяся, — какой-то зловѣщій голосъ шепчетъ мнѣ на ухо: «брось надежду!.. ты опоздалъ, ты пришелъ на пиръ жизни, когда гости уже разошлись и огни потушены...»

Не могу разсказать, что я испытывала при чтеніи этихъ строкъ. Мнѣ было больно и какъ-то жутко; мнѣ плакать хотѣлось и въ тоже время меня мучило безумное желаніе упасть къ его ногамъ, выплакать ему свою вину и потомъ бѣжать отъ него безъ оглядки, — куда-нибудь подальше... И мнѣ кажется, еслибъ Дмитрій въ эту минуту явился, я бы не вытерпѣла и облегчила свою наболѣвшую душу полнымъ, открытымъ признаніемъ... Къ счастью, его не было, и мой порывъ, охлажденный разсудкомъ, скоро затихъ... Четыре раза рвала я свой отвѣтъ, прежде чѣмъ попала хотя немножко въ тонъ его письма. Но я не настраивала себя на его ладъ и не выдумывала ничего. Я просто выражала ему свою благодарность за его любовь и свое сожалѣніе, что онъ не находитъ во мнѣ всего, что онъ думалъ найти.

«Брось свои черныя мысли, мой другъ,—писала я,—источникъ ихъ—это восторженное и фанатическое упорство, съ которымъ ты ждешь отъ своей Наташи чего-то необыкновеннаго. Будь вѣренъ тому, въ чемъ ты самъ столько разъ увѣрялъ меня:—люби меня такую, какая я есть, ни на волосъ лучше или иначе, люби не героиню романа, а простую, добрую, искренно преданную тебѣ жену, и ты найдешь, что счастье твое дѣйствительно у тебя въ рукахъ... ты найдешь пищу простую и трезвую, которая утолитъ твой голодъ...»

И все это было искренно, насколько я вообще могла быть искренна. По крайней мѣрѣ я не желала его обманывать для себя, и если не высказала ему всей правды, то это только по той причинѣ, что полная правда была бы безчеловѣчна.

О своихъ похожденіяхъ я не писала ему пока ничего. Это была совсѣмъ другая сфера, и ея содержаніе не смѣшивалось у меня въ душѣ со сферою моихъ отношеній къ мужу, какъ масло не смѣшивается съ водой. Я должна была сперва вынырнуть изъ одной, чтобы попасть въ другую... Но, увы!—неудер-

жимая сила тянула уже меня обратно, и едва я успѣла отправить письмо, какъ тотъ же потокъ охватилъ меня съ тою же силою...

Судя по письму, онъ долженъ былъ воротиться раньше чѣмъ думалъ, и я ожидала его въ четвергъ, или вѣрнѣе сказать,—не ожидала этого дня, а этотъ день ожидалъ меня, и я его видѣла впереди недалеко; но видѣла какъ-то урывками, въ промежуткахъ между которыми для меня ничего не существовало, кромѣ какого-то страстнаго, жаднаго увлеченія настоящей минуты. Я похожа была на героя, въ оперѣ Мейербера, съ кубкомъ въ рукахъ допѣвающаго свою послѣднюю пѣсню за двѣ минуты до неминуемаго конца.

Въ середу, наканунѣ его ожидаемаго пріѣзда, я уѣхала въ засѣданіе и читала тамъ въ первый разъ свой отчетъ. Мы засидѣлись долѣе обыкновеннаго, и я воротилась домой,—въ первомъ часу, одна, на извощикѣ.

Каково же было мое изумленіе, когда, въ передней,—первое лицо, меня встрѣтившее — былъ мужъ.

Онъ былъ страшно блѣденъ.

— Дмитрій! вскрикнула я и отшатнулась въ испугѣ.

— Наташа!.. Откуда ты? — прошепталъ онъ всматриваясь тревожно въ мое лицо. Онъ тоже, повидимому, былъ чѣмъ-то сконфуженъ или удивленъ, и стоялъ какъ растерянный, не трогаясь съ мѣста, не протягивая мнѣ даже руки.—Я цѣлый вечеръ отыскиваю тебя — продолжалъ онъ. — Былъ у твоихъ... думалъ тамъ найду. Но матушка не могла и догадки составить, гдѣ ты...

— Сейчасъ все разскажу—отвѣчала я, сбросивъ салопъ, и быстро прошла въ кабинетъ. Онъ вошелъ слѣдомъ за мною. Странность этого свиданія схватила меня за сердце.

— Да здравствуй же, другъ мой! сказала я, обернувшись и протянувъ къ нему руки. Вѣдь мы двѣ недѣли съ тобой не видались!

Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ, но какъ-то холодно. Мы сѣли, молча, и смотрѣли одинъ на другого въ недоумѣніи. У обоихъ на душѣ было горько.

— Гдѣ ты была? повторилъ онъ, съ трудомъ вынуждая себя говорить спокойно.

Я разсказала ему въ общихъ словахъ, гдѣ я была и что дѣлала.

— Ты записалась въ члены?

— Да.

— Давно?

— Съ недѣлю; то-есть немного ранѣе....

— То-есть, сейчасъ, какъ только я уѣхалъ?

Мнѣ не хотѣлось сказать ему *да*, и я не знала, чтó отвѣчать.

— Ну да, разумѣется — досказалъ онъ. И выѣзжаешь часто?

— Часто.

— Можетъ быть, каждый день?

— Да.... каждый день....

— Что-жъ тебѣ это такъ? допрашивалъ онъ, глядя на меня изъ-подлобья — зачѣмъ? Отъ скуки?

— Нѣтъ, не отъ скуки — отвѣчала я, вспыхнувъ, и начала ему объяснять серьезный смыслъ моей новой дѣятельности. Я думала, что онъ раздѣлитъ сколько-нибудь мое увлеченіе, но ему очевидно было не до того, и онъ слушалъ меня безъ участія.... Горячій тонъ моихъ доводовъ, однако, не ускользнулъ отъ него.

— Глупо же я распорядился! — произнесъ онъ, выслушавъ до конца.

— Отчего?

— Такъ.... Совсѣмъ не зачѣмъ было спѣшить.... Я думалъ, что ты тутъ одна... скучаешь, ждешь;... а ты.... точно сорвалась съ привязи.... Еслибъ я зналъ, какъ ты тутъ отпраздновала мое отсутствіе, я бы далъ тебѣ больше времени. А впрочемъ, это все вздоръ. Можешь себѣ продолжать, все равно, какъ бы меня тутъ и не было:... я тебѣ не помѣха!...

— Дмитрій! перебила я, взявъ его за руку. Богъ съ тобой! Что это ты?

— Я?... ничего.

— Какъ ничего? Ты говоришь обидныя вещи!... Я—*сорвалась съ привязи! Отпраздновала твое отсутствіе?*

— Ну, полно, не обижайся.... Это у меня такъ...

Мы замолчали. Я сидѣла, не шевелясь, какъ убитая. Сердце болѣло и невольный вздохъ вырвался изъ груди.

Онъ посмотрѣлъ на меня украдкой, и послѣ минуты колебанія, тихо придвинулся ко мнѣ.

— Ну, полно, Наташа! не огорчайся! Не стоитъ того это все.... Не изъ чего.... Чтó тебѣ? Не все-ли равно?

— Мнѣ не можетъ быть все равно! — отвѣчала я, едва выговаривая слова — мнѣ это больно! Такая встрѣча!

— Да кто-жъ виноватъ, мой другъ, что она такая? Еслибъ я зналъ, что тебя это потревожитъ, я бы пріѣхалъ завтра, или тебя предувѣдомилъ, — во всякомъ случаѣ не упалъ бы тебѣ, какъ снѣгъ на голову.

— Еслибъ я знала — говорила я въ свою очередь — что ты вернешься сегодня, я бы не уѣхала изъ дому, и не испугалась бы

такъ.... Ты былъ весь блѣдный;... я думала, Богъ знаетъ что случилось! А ты.... ты думалъ, что я не рада тебѣ!...

Онъ обнялъ меня и прижалъ къ себѣ, но не сказалъ ничего.... Мы долго сидѣли, молча; обоимъ было неловко и холодно.

— Ну что же, деревня? Купилъ? спросила я робко и принужденно.

— Нѣтъ еще.... но почти.... Слава Богу, еще не кончилъ.

— Отчего *слава Богу*?

— Оттого, что ты лучше нашла.

— Какъ лучше? Что это значитъ?

— Значитъ, что ты была бы не рада, еслибъ я купилъ деревню; а потому я радъ, что ее не купилъ, и жалѣю только, что ты не избавила меня отъ хлопотъ,—не сказала мнѣ раньше.

— Но какъ же? Вѣдь мы говорили?... Вѣдь это было у насъ рѣшено?

— Да, говорили, но не сказали правды.... Наташа! ....Не лги! Я вижу сердце твое насквозь.... Признайся мнѣ лучше прямо: ты не желала ѣхать въ деревню?

— Я.... желала этого для тебя.

— Не увертывайся.... отвѣчай прямо.

— Я не могла не желать, когда ты желалъ.

— Отвѣчай прямо!—повторилъ онъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ.

— О, Боже мой!—воскликнула я—какая пытка! Чего ты хочешь? Зачѣмъ ты смотришь на меня такъ?

— Я хочу правды.

— Да вѣдь ты ужъ знаешь ее! Ты знаешь,—что я для себя не желала.

— Почему же ты не сказала прямо?

— Потому, что я хотѣла этого для тебя.

— И ты поѣхала бы, еслибы я купилъ?

— Конечно, поѣхала бы.

— И не сказала бы мнѣ ничего?

— Ничего.

— Вотъ что ужасно!—произнесъ онъ, вскочивъ. Эти безмолвныя, тайныя жертвы! Это притворство!... Одинъ только случай спасъ меня!...

— Мой другъ, ты очень несправедливъ—перебила я. Ну, ты поставь себя на мое мѣсто: еслибъ ты зналъ, что мнѣ очень хочется чего-нибудь другого.... развѣ ты не пожертвовалъ бы своимъ желаніемъ, не отказался бы для меня отъ своего плана?

— Да, но я бы тебя не обманулъ, какъ ты меня обманула.

Я и въ ту пору,... я тебѣ высказалъ прямо и начисто все, что у меня на душѣ, а ты отъ меня все скрыла!

— Мнѣ нечего было скрывать въ ту пору.... У меня не было никакого плана. Да и теперь нѣтъ. Все это вышло случайно.... Я и въ настоящую минуту готова все бросить.... готова ѣхать....

— Ну, да, и готова опять меня увѣрять, что тебѣ ничего не жаль, что ты будешь тамъ счастлива.... Боже мой! Да неужели ты думаешь, что меня такъ легко обмануть и что я не увидѣлъ бы, счастлива ты или нѣтъ?... Наташа! этого рода вещей не скроешь.... И даже, еслибы я не вѣрилъ своимъ глазамъ, то вѣдь все же я вижу....

До сихъ поръ я была только очень огорчена, но этотъ послѣдній оборотъ рѣчи перепугалъ меня.

— Что такое ты видишь? вскрикнула я... Дмитрій! Мой милый! Ты хочешь меня съума свести!...

И въ отчаяніи, не зная куда дѣваться отъ этой пытки, не зная что дѣлать, я бросилась его обнимать.

Въ одну минуту черныя тучи, собравшіяся у него на лицѣ, разсѣялись, и это лицо просіяло.

— Ну, полно! шепнулъ онъ, цѣлуя меня. Довольно объ этомъ, полно.

Печальное наше свиданіе окончилось лучше, чѣмъ я могла ожидать.

VI.

Это былъ послѣдній проблескъ радости на его лицѣ.... Что-то гордое, неприступное и холодное, чего я прежде не замѣчала, начало появляться на немъ порой. Не трудно было понять, что онъ хлебнулъ послѣдній глотокъ отравы, вынесъ послѣдній ударъ и что, послѣ этого, вопросъ о будущемъ сталъ для него не болѣе, какъ вопросомъ времени.... Но я не могла еще этого понять и только смутно догадывалась. Я все еще судила его по себѣ и то, что мнѣ казалось возможно, считала возможнымъ и для него.... но я забѣгаю впередъ.

Право свободнаго выхода изъ моей тюрьмы было наконецъ завоевано,—какою цѣною—я этого еще не знала; но двери остались открыты и больше уже не запирались. Я продолжала свои разъѣзды и посѣщенія, — онъ самъ этого требовалъ, — нѣсколько рѣже, конечно, и прежнее, юношеское, беззавѣтное увлеченіе исчезло. Сознаніе воротилось ко мнѣ. Я не могла отдаться вполнѣ своему новому дѣлу, — я чувствовала, что я измѣнила себѣ и что

это уступка, сдѣлка, — что я иду уже не тѣмъ путемъ самопожертвованія и долга, на который я такъ торжественно себя обрекла....

Чтожъ дѣлать? Увы, геройство мнѣ удавалось плохо и я въ сотый разъ испытала на дѣлѣ, что я не создана для великихъ жертвъ. Да и Богъ съ нимъ, съ геройствомъ. У меня лежала на сердцѣ тайная мысль, которая отравляла мнѣ постоянно всѣ радости, все наслажденіе моей новой свободы, это было сознаніе, что мой новый путь отдѣляетъ меня отъ мужа. Онъ не могъ слѣдовать за мною на этомъ пути, даже еслибы и былъ лично способенъ къ этого рода дѣятельности, не могъ потому, что для него была нестерпима даже и мысль о какомъ бы то ни было раздѣлѣ. Если бы еще я занималась этимъ спокойно и холодно, безъ увлеченія, такъ себѣ, просто по чувству долга, или отъ скуки, я думаю онъ могъ еще помириться.... но онъ понялъ, что я отдалась этому дѣлу всѣмъ сердцемъ, со страстью, — и этого онъ не могъ простить моей новой дѣятельности. Я была нужна ему вся, безъ раздѣла: онъ былъ слишкомъ ревниво привязанъ ко мнѣ, чтобы чистосердечно уступить кому-нибудь или чему-нибудь долю изъ своего сокровища. Поэтому тотъ или то, что похищало у него эту долю, было ему ненавистно. Это была ревность, въ самомъ утонченно-жестокомъ и вмѣстѣ въ самомъ обширномъ значеніи слова. И ревность этого высшаго рода была въ немъ такъ сильна, что она заглушала другую, грубую; по крайней мѣрѣ, я никогда не въ состояніи была отличить эту послѣднюю отъ той первой или, можетъ быть, онъ былъ слишкомъ гордъ и скрывалъ.... Кудряшова, который началъ меня посѣщать въ его отсутствіи, онъ самъ просилъ продолжать знакомство, и никогда, ни въ присутствіи этого человѣка, ни за глаза, я не замѣтила въ немъ подозрѣнія или тревоги. Но онъ былъ вѣжливо холоденъ съ новыми лицами, появлявшимися у насъ, и обмѣнявшись нѣсколькими привѣтствіями, почти всегда оставлялъ меня съ ними одну, — придавая, или по крайней мѣрѣ дѣлая видъ, что придаетъ ихъ посѣщеніямъ дѣловой смыслъ.

Въ итогѣ, все это было несравненно легче, конечно, того, что я вынесла въ Царскомъ Селѣ, и я наконецъ почувствовала, что такъ можно жить, хотя и съ горемъ пополамъ, но все-таки жить, не задыхаясь. Предчувствіе, что все это кончится съ возвращеніемъ мужа, повидимому, обмануло меня; а между тѣмъ, странная вещь — я все еще не могла отъ него отдѣлаться, мнѣ все какъ-то сдавалось, что это не долго протянется. Откуда долженъ придти конецъ и чтó собственно кончится, я не ясно сознавала, но я боялась *чего-то*.... какъ бы то ни было, я пов-

торяю, въ общемъ итогѣ жизнь стала сноснѣе и въ ней были свои отрадныя, свѣтлыя стороны. Я не боролась уже съ потокомъ, а тихо спускалась по теченію.... Я стала спокойнѣе, веселѣе.

Около этого времени жизнь, наконецъ, улыбнулась мнѣ еще и съ другой стороны, о которой почти я не смѣла уже и мечтать. Я стала часто похварывать и, по мѣрѣ того, какъ это длилось, надежда сдѣлаться матерью, сначала неясная и гадательная, стала рости.... Какъ я боялась, чтобы она не исчезла и какая это было отрадная, успокоительная минута, когда, наконецъ, всѣ сомнѣніяпрекратились; тоска отпала и чувство новое, радостное напол нило сердце. Вотъ откуда придетъ спасеніе! думала я, вотъ якорь, который привяжетъ меня, наконецъ, твердо и прочно къ жизни! ....Что бы мнѣ ни готовила впереди судьба, у меня есть одно, что не выдастъ и не измѣнитъ, одно, что я могу назвать несомнѣнно своимъ. Это покуда точка, не болѣе; но эта точка содержитъ въ себѣ, какъ въ зернѣ, цѣлый міръ счастія, и на этой точкѣ я стану твердо, — никто не сдвинетъ меня съ нея.

И вотъ, въ первомъ порывѣ восторга, я увлеклась самыми свѣтлыми, радужными мечтами.

Все теперь кончится счастливо, продолжала я успокоивать себя. Я отстрадала свой срокъ и искупила свою вину. Остается, конечно, еще признаніе, но оно будетъ уже не такъ тяжело, послѣ того, какъ онъ успѣлъ угадать, если не всю мою тайну, то почти всю. Онъ видитъ и видитъ главное, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Его сумрачное лицо, его намеки въ минуту свиданія, ручаются въ этомъ. Конечно, онъ не успѣлъ еще сжиться съ своимъ открытіемъ, не успѣлъ выстрадать своего горя и до сихъ поръ не можетъ съ нимъ помириться, но это придетъ, когда между нами явится это новое существо, этотъ свѣтлый гость — ангелъ мира. Онъ уничтожитъ раздѣлъ и принесетъ съ собой примиреніе.

Но, — я сводила свой счетъ безъ хозяина. Я думала, что я уже знаю отлично этого человѣка; а между тѣмъ на повѣрку вышло, что я далеко еще не все знала.

Ни малѣйшаго умысла обвинять его въ томъ, что надежды мои не сбылись, я не имѣю.... Онъ былъ то, что онъ былъ и не могъ быть ничѣмъ другимъ, и тѣмъ чѣмъ онъ былъ, — онъ остался, — остался вѣренъ себѣ до конца. Это была натура цѣльная, гордая неуступчивая и, нужно-ли прибавлять, въ высшей степени непрактическая. Онъ былъ терпѣливъ и могъ ждать долгіе годы безропотно; но, рано-ли, поздно-ли, — онъ долженъ былъ полу-

чить все — или ничего. Войти въ сдѣлку съ своею судьбою и въ долю съ другими людьми для него было такъ-же не мыслимо, какъ разорвать себя пополамъ. Онъ вѣрилъ слѣпо; но разъ вѣра сломана, ничто не могло воскресить ее въ его непреклонномъ сердцѣ.... Онъ не былъ ни золъ, ни мстителенъ, а между тѣмъ онъ не могъ ни простить, ни забыть. Зло оставалось въ немъ глубокою раною, и эта рана не заживала. Прошлое для него не отличалось ничѣмъ отъ настоящаго, или, вѣрнѣе сказать, онъ жилъ въ каждомъ моментѣ его также точно, какъ онъ жилъ сегодня, и въ этомъ смыслѣ для него не было прошлаго. Такъ же какъ онъ любилъ меня прежде, когда я была его невѣстою и потомъ, когда стала женою, страстно, завистливо, исключительно также, — я въ этомъ твердо увѣрена, — онъ продолжалъ любить до конца и будетъ любить до другого конца, — до послѣдняго издыханія, и онъ не могъ любить иначе. Моя тепленькая, на половину эгоистическая привязанность была для него непонятна и невозможна.

Но къ дѣлу! Впереди еще остается самая горькая часть моей судьбы.

Вначалѣ я все боялась, чтобы истина не обнаружилась разомъ, нечаянно и случайно.

А между тѣмъ, это сбылось совершенно иначе. Нечувствительно, непримѣтно она вывѣтривалась все время медленно, ровно и неудержимо, какъ влага вывѣтривается на воздухѣ. День за днемъ собирались улики и, нанизываясь послѣдовательно, мало-по-малу составили полный, неопровержимый обвинительный актъ. Какъ только онъ былъ готовъ, всѣ колебанія прекратились, и мой приговоръ произнесенъ былъ въ сердцѣ его невозвратно.

Въ послѣднее время онъ сталъ какъ-то особенно молчаливъ и вообще очень перемѣнился. Вмѣсто прежнихъ, тревожныхъ и пристальныхъ взглядовъ, я стала теперь замѣчать, что онъ избѣгаетъ моего взора, точно боится, чтобъ я не прочла у него на лицѣ что-нибудь. Ласки его стали рѣже и принужденнѣе, — горячаго, искренняго привѣта я ужъ давно не встрѣчала. Все это, наконецъ, стало такъ явно, что я не могла уже оставаться ни на минуту спокойною. Я чувствовала, что рѣшительная минута близка и сама мысленно призывала ее скорѣе, сама готова была идти на встрѣчу полному объясненію. Но каждый разъ, что оно казалось мнѣ близко, рѣшимость моя исчезала; я трусила и откладывала.

VII.

Разъ какъ-то, вернувшись домой въ третьемъ часу, я увидала въ передней чью-то чужую шубу.

— Кто у насъ?—спросила я.

— Какой-то приказный съ бумагами, отвѣчалъ Семенъ.

— Что это значитъ? подумала я, и прошла къ себѣ въ комнату.

Минутъ черезъ пять, услыхавъ, что въ прихожей захлопнули дверь, я пошла къ мужу. Дмитрій сидѣлъ за столомъ въ раздумьи надъ какою-то форменною бумагою. Онъ былъ, повидимому, такъ занятъ ею, или своими мыслями, что едва оглянулся, когда я вошла. Я постояла съ минуту и хотѣла уже уйти, какъ вдругъ онъ поднялъ голову. Лицо его было блѣдно, взоръ пристально устремленъ на меня.

— Кто это былъ?—я спросила.

— Надсмотрщикъ изъ гражданской палаты.

— Зачѣмъ, развѣ у тебя есть дѣло?

— Да, отвѣчалъ онъ, и губы его какъ-то болѣзненно покривились. Я купилъ имѣніе, прибавилъ онъ глухо.

Я была такъ удивлена, что съ минуту стояла ни слова не говоря и едва вѣря своимъ ушамъ. Если-бы онъ сказалъ, что онъ поступилъ опять на свое старое мѣсто столоначальника въ канцеляріи, я не могла-бы болѣе изумиться... Я стояла, не шевелясь и широко открывъ глаза.

— Тебя удивляетъ это?—спросилъ онъ.

— Да.

— Сядь сюда, я хочу съ тобою поговорить.

Я сѣла, ожидая, что онъ мнѣ скажетъ что-нибудь; но онъ долго молчалъ, повидимому не зная, какъ приступить.

— Ты не тревожься — наконецъ вымолвилъ онъ — я уѣду туда одинъ.

— Надолго?

Онъ поднялъ глаза и тотчасъ опустилъ ихъ.

— Навсегда, прошепталъ онъ. Сердце у меня обмерло. Помню, что я хотѣла привстать и не могла, хотѣла сказать что-то и чувствовала, что мой языкъ не поворачивается.

Онъ взялъ меня за руку, но у него самого рука дрожала.

— Какъ ты испугалась, сказалъ онъ съ грустною усмѣшкой. А между тѣмъ, если ты дашь себѣ трудъ подумать, то увидишь, что пугаться тутъ нечего. Подумай, Наташа.

Онъ всталъ и ушелъ изъ комнаты. Я осталась одна. Въ го-

ловѣ у меня ходило кругомъ; сердце стучало внятно и тяжело.

«Уѣзжаетъ!... одинъ!... навсегда!... Что-же это такое?... Да этого быть не можетъ!... Я чего-нибудь не дослышала.... Что-нибудь да не такъ.» Я чувствовала, что я не въ силахъ ничего сообразить. Комната, столъ, окно, все какъ-то плавало у меня въ глазахъ.

Долго-ли я такъ сидѣла—не помню. Сознаніе воротилось не вдругъ, но когда оно воротилось—все стало ясно, и я поняла, что та минута, которую я предвидѣла издали и которой ждала съ такимъ страхомъ, теперь наступила... И я напрасно бодрилась, напрасно готовилась, — никакой силы встрѣтить ее лицомъ къ лицу и заглянуть ей прямо въ глаза во мнѣ не оказывалось.

Я струсила, самымъ позорнымъ образомъ струсила.

Шаги умолкли; я подняла глаза... Дмитрій стоялъ въ дверяхъ.

Онъ подошелъ и сѣлъ опять возлѣ меня.

— Дмитрій, мой другъ, что̀ ты такое сказалъ?

— Что я купилъ имѣніе и уѣду одинъ.

— Отчего одинъ?... Я не хочу оставаться здѣсь, безъ тебя. Я уѣду съ тобою.

— Нѣтъ.... ты останешься здѣсь.

— Зачѣмъ? Что это значитъ?... Развѣ я тебѣ не жена? Развѣ ты больше меня не любишь? Да говори же! говори ради Христа!

— Наташа, не выходи изъ себя, а выслушай лучше меня спокойно и постарайся понять, что̀ я тебѣ говорю... Мы не можемъ долѣе жить такъ, какъ мы жили. Мы слишкомъ долго обманывали другъ друга, прикидываясь, что мы оба счастливы. Мы не были счастливы, ни ты, ни я.

— Какъ не были? Дмитрій, ты ли мнѣ это говоришь?

— Погоди, перебилъ онъ. Оставь всѣ эти возгласы; въ нихъ нѣтъ правды и они не ведутъ ни къ чему. Пора намъ кончить эту комедію,—она тянется слишкомъ долго, и у меня не хватаетъ долѣе силы выдерживать въ ней свою роль. Наташа, мы не могли быть съ тобою счастливы, потому что ты меня никогда не любила.

— Неправда.

— Нѣтъ, другъ мой, правда. Не пробуй увертываться и отрекаться; я тебѣ не повѣрю. Ты мнѣ лгала, лгала съ той самой минуты, какъ ты отъ меня услыхала первое слово признанія.... Твоя любовь....

— Постой! перебила я, схвативъ его за руки и сжимая ихъ горячо. Если такъ, то ты все узнаешь. Но ради самого Бога,

не торопись съ своимъ приговоромъ. Выслушай, выслушай меня прежде!... Я все тебѣ разскажу; я сознаюсь, я виновата передъ тобою; но ты, можетъ быть, воображаешь больше, чѣмъ было въ дѣйствительности.... Выслушай, — я умоляю тебя, и повѣрь мнѣ, я болѣе тебя не обману. Я выскажу тебѣ все, всю правду! Я двадцать разъ уже собиралась сама это сдѣлать, но мнѣ было страшно и стыдно, и я не могла рѣшиться...

— Говори—отвѣчалъ онъ.

Я вся дрожала, дѣлая страшныя усилія надъ собою, чтобы одолѣть свое волненіе, но малодушное сердце не выдержало: — все прошлое горе проснулось въ немъ; — я вдругъ схватила себя руками за голову и зарыдала.

Онъ обнялъ меня, и наклоняя лицо, что-то тихо шепталъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ наконецъ громче. Я не могу теперь говорить. Оставимъ это покуда, Наташа, прошу тебя... Завтра, когда-нибудь.... все равно ....но не теперь.

Онъ ушолъ куда-то, велѣвъ мнѣ сказать, чтобы я не дожидалась его къ обѣду, но я не обѣдала и заперлась у себя въ спальной.

Вся прежняя увѣренность во мнѣ исчезла. Напрасно припоминала я, одинъ за однимъ, тѣ доводы, на основаніи которыхъ я строила еще такъ недавно свою надежду на счастливый и мирный исходъ; — какой-то внутренній голосъ мнѣ говорилъ, что все это ни къ чему не послужитъ, что я ошиблась горько, ужасно ошиблась.... И я плакала, плакала до изнеможенія.

А между тѣмъ, время летѣло. Въ комнатѣ стало темнѣть, совершенно стемнѣло, и свѣтъ газовыхъ фонарей на другой сторонѣ улицы, блѣднымъ мерцаніемъ, отражался на темной стѣнѣ противъ моей постели...

....Мало-по-малу, волненіе мое утихло; я вся какъ-то замерла и лежала точно убитая, безъ всякой мысли, почти безъ всякаго ощущенія.

Было уже восемь, когда я вышла изъ комнаты.... Дмитрій еще не возвращался.... я насильно принудила себя съѣсть кусокъ чего-то холоднаго отъ обѣда, и потомъ долго, долго ходила по комнатамъ.

Въ десять часовъ, наконецъ, я услыхала его звонокъ.... Минутъ черезъ пять, мы сидѣли на софѣ, у камина, въ его кабинетѣ, и я шептала ему свою исповѣдь. Я разсказала ему все, или, почти все, что читатель знаетъ уже, мои дѣтскіе годы и раннюю молодость и, наконецъ, время перваго моего знакомства съ нимъ. Я говорила безъ особеннаго усилія, до тѣхъ поръ, пока не пришлось своими руками развѣнчивать передъ нимъ

кумиръ, такъ долго бывшій предметомъ его фанатической вѣры и страстнаго обожанія.... И тутъ-то я наконецъ поняла, что это гораздо труднѣе чѣмъ я думала. Я была въ положеніи человѣка, который храбро рѣшился на трудную операцію и до послѣдней минуты не чувствовалъ колебанія, но когда хирургъ засучилъ рукава и началъ раскладывать передъ нимъ свои инструменты, — въ тайнѣ души пожелалъ быть за тысячу верстъ отъ этого ложа страданія, которое ожидало его въ двухъ шагахъ....

Дѣлать, однако, нечего было. Ложь стала давно для меня нестерпима и потребность сложить съ себя ея ненавистное бремя, потребность очиститься отъ ея отвратительной язвы дала мнѣ силу вынести это испытаніе до конца. Скрѣпивъ сердце, съ лицомъ пылающимъ отъ стыда и съ мучительнымъ напряженіемъ воли, въ короткихъ, отрывистыхъ, сжатыхъ словахъ, я высказала ему все, все до самаго затаеннаго помысла.

Онъ слушалъ молча, не прерывая меня ни жалобой, ни упрекомъ. Ни одинъ стонъ не выдалъ пытки, которую онъ терпѣлъ. Онъ не кусалъ себѣ губы, какъ дѣлаютъ очень самолюбивые люди, стыдящіеся возбуждать въ другихъ состраданіе; онъ не ломалъ себя и не ставилъ желѣзной воли наперекоръ естественному стремленію высказаться. Онъ, кажется, уже созданъ былъ такъ, что не могъ жаловаться. Его гордость была особый, самостоятельный элементъ, деспотически угнетающій все остальное; она проникала его всего насквозь, была слита съ нимъ, была *онъ,*—онъ *самъ.*

Все было высказано; — и мы долго сидѣли молча, не смѣя взглянуть другъ другу въ глаза.... У обоихъ душа полна была горечью какъ сосудъ, въ который ни капли болѣе уже не можетъ войти.... Никакихъ другихъ объясненій на этотъ разъ не было, да и быть не могло. Я чувствовала себя разбитою.... Я истратила на это признаніе всѣ свои силы и когда кончила говорить, то въ ушахъ у меня звенѣло и голова кружилась. Онъ былъ совершенно придавленъ тѣмъ, что онъ выслушалъ и сидѣлъ неподвижно, какъ мёртвый, на томъ самомъ мѣстѣ и въ томъ положеніи, въ которомъ онъ слушалъ меня все время.

Видя, что онъ молчитъ, я скоро ушла къ себѣ и провела безсонную ночь.

Одна, — одна надежда теплилась у меня какъ лампада, въ потемкахъ, изрѣдка вспыхивая и освѣщая собой на минуту густой, непроглядный мракъ. Я не сказала ему еще, что я мать.... На этой надеждѣ, какъ на волоскѣ, висѣло все мое будущее.

Къ утру, однако, и несмотря на жестокую головную боль,

во мнѣ проснулось нѣчто похожее на ту храбрость отчаянія, съ которою—говорятъ,—самые обыкновенные люди, въ рѣшительную минуту, отстаиваютъ свои родныя поля и домашніе очаги. Я не могла уступить того, что онъ явно рѣшился отнять у меня, — мужа и друга и отца моего будущаго ребёнка, не постоявъ за себя изо всѣхъ силъ, со всѣмъ упорствомъ женской, живучей природы.

И вотъ, по утру, одѣвшись наскоро, я вошла къ нему въ кабинетъ съ твердой, почти озлобленной рѣшимостью.

Онъ стоялъ спиной къ камину. Съ перваго взгляда я убѣдилась, что онъ и не пробовалъ спать, что онъ даже не раздѣвался со вчерашняго вечера. Лицо его было блѣдно, изнурено, глаза красны, но во взглядѣ и въ сжатыхъ губахъ видна была непреклонная воля.

— Дмитрій—сказала я,—ты не уѣдешь одинъ.... это невозможно....

— Отчего невозможно?—спросилъ онъ холодно и спокойно.

Я чуть-было тутъ же ему не сказала лучшей причины и, можетъ быть, глупо сдѣлала; но вопросъ: неужели ужъ я лично болѣе ему не мила и потеряла всю цѣну въ глазахъ,—зажалъ мнѣ ротъ, и я рѣшилась оставить это послѣднее средство въ резервѣ, на случай, если ничто кромѣ того не поможетъ.

— Ты пожалѣешь себя и меня—отвѣчала я—это самоубійство! Ни ты, ни я,—мы не можемъ вырвать изъ сердца прошлаго.

— Я уже вырвалъ его.

— Не говори этого, — это неправда. Неужели въ нашемъ прошломъ не было ничего, о чемъ пожалѣть? Вѣдь мы жили два года вмѣстѣ и жили дружно.

— Да, и два года усердно обманывали другъ друга.

— О! это жестоко! — продолжала я — этотъ холодъ твоихъ отвѣтовъ! Брани, упрекай меня,—я заслужила упрёки,—но не отворачивайся отъ меня съ этимъ видомъ, который мнѣ говоритъ, что все между нами кончено... Это неправда!... Все не можетъ быть кончено... Счастье намъ не далось такъ легко, какъ оно дается другимъ. Оно не свалилось съ неба къ намъ на голову, совсѣмъ готовое; но изъ-за этого приходить въ отчаяніе, не малодушно ли это?... Выждемъ и вытерпимъ; построимъ счастье камень за камнемъ, собственными руками, какъ работникъ, который въ потѣ лица зарабатываетъ себѣ свой хлѣбъ. Не лучше ли это, чѣмъ слѣпая удача людей, которые торжествуютъ, потому что они случайно влюбились другъ въ друга съ перваго взгляда, сами не зная какъ и за что?

Онъ молчалъ. Ни одинъ мускулъ въ его лицѣ не шевельнулся. Мои слова, очевидно, его не трогали.

— Будь справедливъ, будь справедливъ!—умоляла я, взявъ его за руки. Подумай,—вѣдь не все же, что ты отъ меня получилъ, было ложь. Клянусь тебѣ, я любила тебя, насколько сердце могло любить человѣка, котораго я еще мало знала, котораго я только теперь начинаю вполнѣ узнавать и цѣнить. И я была вѣрна тебѣ, — я никого не любила, кромѣ тебя.

— Наташа, — отвѣчалъ онъ въ волненіи: — ты вынуждаешь меня къ тому, что̀ я не желалъ бы произносить, потому что мнѣ это больно, больнѣе въ десять разъ, чѣмъ тебѣ. Но дѣлать нечего; разъ въ жизни надо рѣшиться и выговорить всю горькую правду, — не въ гнѣвѣ и не для обиды, а потому, что правда имѣетъ свои святыя права... Да, ты была мнѣ вѣрна, какъ крѣпостная вѣрна господину, отъ котораго она не можетъ, да и не хочетъ уйти, потому что она продана ему вся, душою и тѣломъ; но тебѣ всякій встрѣчный былъ интереснѣе и милѣе меня; тебѣ было скучно и тяжело со мною; ты задыхалась въ неволѣ и принужденіи...

— Постой,—перебила я:—кое-что̀ изъ этого было; но ты молчалъ и терпѣлъ въ ту пору, когда это было; а теперь, когда это прошло, теперь, когда я уже болѣе не скучаю и не задыхаюсь, потому что имѣю, какъ всякій другой человѣкъ, живое дѣло, котораго прежде недоставало, теперь, когда неволи и принужденія болѣе нѣтъ, потому что ложь исчезла,—теперь, какой смыслъ могутъ имѣть всѣ эти жестокія рѣчи, кромѣ того, что ты помнишь зло и не хочешь простить мнѣ моей вины?

Онъ молчалъ.

— Неужели я такъ уже виновата, что ничѣмъ не могу загладить своей вины? Вѣдь ты уже знаешь теперь, какъ все это было. Ты знаешь, что одинъ ложный шагъ повлёкъ за собой все остальное и сталъ для меня преградой, черезъ которую я не могла ступить, не потерявъ твоего уваженія и твоей любви, которыя съ каждымъ днемъ становились дороже для меня. И ты знаешь, что къ этому шагу я была вынуждена, положительно вынуждена всею своею прошедшею жизнью. И вѣдь я его сдѣлала въ такую пору, когда я почти вовсе не знала тебя, сдѣлала въ состояніи близкомъ къ отчаянію.... Вспомни же это все и прости мнѣ.... Милый мой, добрый, Дмитрій! Прости! Прости!... Слезы закапали у меня по лицу и я упала къ его ногамъ, ломая руки.

Лицо его, наконецъ, оттаяло и чувство глубокой жалости выразилось на немъ.... Онъ поднялъ меня, усадилъ на диванъ,

и взявъ меня за руки, началъ шептать мнѣ что-то такое, что я не могла понять, такъ отрывисты и безсвязны были его слова... Но, мало-по-малу, голосъ его сталъ громче и рѣчь послѣдовательнѣе.

— Наташа—говорилъ онъ:—одному Богу извѣстно, ктó изъ насъ двухъ болѣе виновáтъ и кому болѣе нужно прощеніе.... Въ сердцѣ моемъ нѣтъ чувства личной обиды; но оно полно горечи и ничему другому покуда въ немъ мѣста нѣтъ. И я бы солгалъ тебѣ, если бы сказалъ, что я могу когда-нибудь помириться съ прошедшимъ.... Оно ненавистно мнѣ, потому что я самъ, я первый въ немъ виноватъ.... Я долженъ былъ видѣть истину: она была такъ ясна, что никакихъ признаній съ твоей стороны не было нужно; ты не могла ее скрыть.... И я видѣлъ ее, и она была для меня источникомъ тайныхъ, глубокихъ страданій; но я былъ такъ малодушенъ, что нé хотѣлъ признаться себѣ, что ее вижу.... Я морочилъ себя самымъ низкимъ образомъ, изъ страха, что счастье, которое я такъ жадно ловилъ, опять ускользнетъ у меня какъ-нибудь, промежъ пальцевъ, какъ оно ускользало уже не разъ.... И этого я не могу простить ни себѣ, ни тебѣ.... Мы оба, какъ два ночные вора, украли то, на чтó ни одинъ изъ насъ не имѣлъ права, а чтобы скрыть дѣло, зарѣзали сторожа. Мы вмѣстѣ убили истину, вмѣстѣ кривили душою, и лгали и крали. Мы соучастники и не можемъ простить другъ другу не раскаявшись искренно, и не можемъ загладить своей вины, не можемъ иначе ее искупить, какъ разставшись. Мы должны разорвать нашъ союзъ, потому что онъ былъ преступный....

Я была страшно огорчена этимъ взглядомъ на дѣло, который не оставлялъ впереди уже никакой надежды, кромѣ одной, и я поняла, что теперь только это одно можетъ имѣть еще для него какое-нибудь значеніе.

— Ну, а если, — сказала я вся дрожа отъ сознанія, что участь моя должна рѣшиться сію минуту: — ну, а если тебѣ извѣстно еще не все?... Если союзъ нашъ уже воплощенъ въ третьемъ живомъ существѣ, которое непричастно къ нашей винѣ?... Неужели и оно, безвинное, должно быть наказано за наши грѣхи?

Я не успѣла договорить и не успѣла замѣтить дѣйствія своихъ словъ, какъ его лицо было уже у меня на груди.

«Прощеніе! Миръ! Онъ не уѣдетъ!»—пронеслось по моему существу какимъ-то радостнымъ кликомъ. И я обняла его крѣпко съ тѣмъ жаднымъ чувствомъ, съ какимъ мать обнимаетъ сына, котораго она считала уже потеряннымъ.

Но онъ не могъ ничего сказать. Съ нимъ дѣлалось что-то, чего я не въ силахъ была себѣ объяснить, и какъ я ни ласкала его, что̀ я ни говорила, я не могла добиться ни слова, ни знака, — ничего, что могло бы скрѣпить или опровергнуть мою радостную догадку.

VIII.

Не долго я радовалась и торжествовала, ожидая, что вотъ, вотъ онъ скажетъ мнѣ наконецъ, *все кончено и забыто; — мы не разстанемся.*

День прошелъ.... Дмитрій былъ тихъ и задумчивъ и ласковъ, и прежній мракъ исчезъ у него съ лица.... Мы обѣдали вмѣстѣ, гуляли вмѣстѣ; — просидѣли почти весь вечеръ вдвоемъ: говорили мало и почти все о постороннихъ вещахъ. Я не хотѣла его торопить и сама уклонялась отъ его разговоровъ, которые могли бы подать ему даже и видъ, что я сомнѣваюсь въ его рѣшеніи. Но я нетерпѣливо ждала, и, чѣмъ долѣе я ждала, тѣмъ тяжелѣе и тяжелѣе становилось у меня на сердцѣ. Наконецъ, я не въ силахъ была дольше крѣпиться и робко, издали, заговорила о новой покупкѣ его.

— Это то самое имѣніе, которое ты осматривалъ?

— Да — отвѣчалъ онъ.

— Ты все уже кончилъ съ покупкою?

— Все.

— Ты поѣдешь въ деревню весной, или.... теперь?

Онъ измѣнился въ лицѣ, и съ минуту какъ будто бы колебался въ отвѣтѣ.... Теперь, — отвѣчалъ онъ.

У меня духъ захватывало.... Ты.... не оставишь.... меня здѣсь.... одну?

Отвѣта не было; онъ потупилъ глаза и молчалъ.

— Нѣтъ—вскрикнула я:—я не могу выносить этой пытки!... Если ты хочешь меня убить, такъ убей разомъ; не мучь.... Скажи прямо, что все между нами кончено и что ты бросишь меня одну....

— Наташа — отвѣчалъ онъ, потупивъ глаза: — мнѣ больно, мой другъ, что я не могу утѣшить тебя.... Увертываться и лгать, въ такую минуту, было бы недостойно. Я долженъ сказать тебѣ правду. Я не могу остаться и не могу увезти тебя съ собой. Не я это рѣшилъ—это рѣшила судьба, и я не властенъ измѣнить ея приговора. Еслибъ я могъ поступить иначе, я бы сдѣлалъ это безъ всякихъ просьбъ съ твоей стороны, сдѣлалъ бы

съ радостью, не задумываясь ни на минуту и сказалъ бы тебѣ объ этомъ давно.... Но я не могу, и еслибъ ты видѣла мое сердце, ты бы знала, чего мнѣ стоило убѣдиться, что я не могу. Несмотря на то, меня утѣшаетъ мысль, что ты останешься не одна и что то, что̀ съ тобой остается, со временемъ замѣнитъ тебѣ въ тысячу разъ немногое, что̀ ты теряешь.

Съ первыхъ словъ его я поняла, что все кончено и дѣло мое проиграно невозвратно. Вся энергія моя, всѣ мечты, всѣ надежды оставили меня разомъ. Я опустилась на спинку дивана и сидѣла, чувствуя, какъ мало-по-малу мною овладѣваетъ тупое отчаяніе.

Онъ говорилъ долго, — иногда наклоняясь къ моей рукѣ и цѣлуя ее. Но я не слыхала, или не понимала и пятой доли того, что онъ мнѣ говорилъ. Помню только, что онъ сравнивалъ то, что̀ онъ теряетъ и находилъ, что моя потеря, сравнительно, очень не велика.

— У тебя двѣ жизни еще впереди—говорилъ онъ,—твоя и того существа, которое будетъ скоро лучшимъ твоимъ утѣшителемъ. А покуда, у тебя остается дѣло, которое ты любишь, и люди, съ которыми ты за одно трудишься. Неужели все это вмѣстѣ не можетъ тебѣ замѣнить меня?... Ты плачешь теперь и, конечно, искренно думаешь, что эти слёзы всегда будутъ литься, что горе твое безутѣшно. Но вспомни, мой другъ, ты плакала и тогда, когда я въ первый разъ уѣзжалъ, а черезъ день, можетъ быть, въ тотъ же день, жизнь улыбнулась тебѣ, какъ никогда дотолѣ еще не улыбалась.... А я,... я отжилъ свой вѣкъ, и ничто уже болѣе не улыбнется мнѣ, ничто̀ не утѣшитъ... Но мнѣ нуженъ покой, потому что всѣ силы мои разбиты, а здѣсь, возлѣ тебя, я не буду имѣть покоя. Тѣнь прошлаго и горькія сожалѣнія будутъ мучить меня ежеминутно, и я вынужденъ буду опять скрывать эти мученія отъ тебя, чтобы они и тебѣ не отравили каждой минуты;—и между нами опять будетъ притворство, опять принужденіе. Если ты любишь меня хоть сколько-нибудь, ты не можешь этого желать ни для себя, ни для меня....

Послѣдніе дни передъ его отъѣздомъ я его мало видѣла. Онъ былъ въ хлопотахъ, самъ пріискалъ мнѣ другую квартиру, и перевезъ меня на нее. Всѣ нужныя распоряженія на счетъ моей будущей жизни были выполнены и переданы мнѣ во всей подробности. У меня тоже были заботы. Я своими руками собрала и уложила всѣ его книги и вещи, которыя онъ долженъ былъ взять съ собою... Чувство, съ которымъ я все это дѣлала, я не могу объяснить иначе, какъ сравнивъ его съ послѣдними,

маленькими хлопотами человѣка за нѣсколько часовъ передъ казнью. Онъ моется, одѣвается, можетъ быть даже ѣстъ, его стригутъ и проч... Больно вспомнить объ этомъ тяжеломъ времени, а между тѣмъ, какъ на зло, все до малѣйшей подробности остается въ памяти.

Помню, какъ мы ѣхали съ нимъ въ каретѣ на дебаркадеръ, и вокругъ насъ лежали разныя мелочи въ узелкахъ и корзинкахъ, моими руками уложенныя, и я безпокоилась, все ли взято... И вдругъ мнѣ пришла на память минута, когда мы съ нимъ шли, по этимъ самымъ улицамъ вечеромъ послѣ того, какъ онъ только-что сдѣлалъ мнѣ признаніе. «Вотъ какъ это окончилось» подумала я.

Минуту прощенія я не берусь описать. Я рыдала, какъ маленькое дитя, умоляя его сказать мнѣ, что мы разстаемся не навсегда, что онъ вернется когда-нибудь...

Онъ не сказалъ ничего положительнаго; но обѣщалъ писать... Наказаніе было жестоко,.. почти свыше силъ.

IX.

Прошло три года съ тѣхъ поръ, и въ теченіи этого долгаго времени я испытала не мало горя; но стремленіе, съ раннихъ дѣвичьихъ лѣтъ меня увлекавшее, осуществилось: я узнала людей и жизнь.

Я не пишу своей біографіи и потому не буду останавливаться на этомъ времени. Скажу только, что я жила послѣдній годъ за границею и бóльшую часть времени посвятила на изученіе системы германскихъ народныхъ школъ и дѣтскихъ садовъ. Но всѣ лучшія мои надежды, весь жаръ и вся нѣжность души сосредоточены были на моей маленькой Олѣ, которая росла, хорошенькая и нѣжная какъ цвѣтокъ... я любила ее до безумія.

Отъ Дмитрія я получала, раза три въ годъ, короткія письма, въ которыхъ онъ справлялся о здоровьѣ моемъ и дочери, извѣщалъ о своемъ и сообщалъ кое-какія поверхностныя и очень неполныя свѣдѣнія о своей деревенской жизни. Ни разу не выразилъ онъ и намека на какое-нибудь желаніе возвратиться ко мнѣ или даже хоть просто свидѣться. Я думала уже, что я его не увижу болѣе; но мы свидѣлись еще разъ.

Я жила еще за границею, но начинала уже подумывать о возвращеніи, какъ вдругъ получила письмо отъ матушки съ извѣстіемъ, что Дмитрій пріѣхалъ по какимъ-то дѣламъ въ Пе-

тербургъ и тамъ занемогъ... Она умоляла меня пріѣхать немедленно.

На другой же день я выѣхала и на четвертыя сутки была въ Петербургѣ. Съ тяжелымъ предчувствіемъ подъѣзжала я къ дому родителей и первое слово мое было вопросъ о мужѣ; но они могли сообщить мнѣ не много: «былъ опасно боленъ и теперь выздоравливаетъ». Мать видѣлась съ нимъ; но когда я стала разспрашивать, слезы сверкнули у ней на глазахъ.

«Не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ»! сказала она, вздохнувъ. «Еслибъ ты знала, какъ онъ постарѣлъ и какой у него жалкій видъ!... Наташа! Великій грѣхъ на твоей душѣ... и покуда ты не загладишь его, не помиришься съ мужемъ (матушка думала, что мы въ ссорѣ), я не умру спокойно».

...И она долго, долго меня уговаривала, а у меня сердце болѣло и я не знала, что ей отвѣчать... Я даже не знала, ѣхать ли мнѣ къ нему? желаетъ ли онъ свиданія, и если нѣтъ, то къ чему это поведетъ? Но мое собственное желаніе взглянуть на него и пожать ему руку, можетъ статься въ послѣдній разъ, было такъ сильно, что я не могла противиться. Къ тому же, у меня была цѣль, которая имѣлась въ моихъ глазахъ, святость долга. Мнѣ казалось, что я обязана показать ему его дочь и ей сказать: *вотъ твой отецъ; посмотри на него и не забудь его*!... А онъ пусть хоть разъ приласкаетъ малютку и прижмётъ ее къ сердцу.

Былъ сѣрый пасмурный день, и несмотря на то, что май стоялъ на дворѣ, было еще очень холодно.

Съ тревожнымъ сердцемъ я выѣхала изъ дому. Дмитрій стоялъ въ гостинницѣ Демута. Я взяла Олю на руки, взошла на лѣстницу и отъискавъ его нумеръ, постучала тихонько въ двери.

Онъ самъ отворилъ мнѣ. Я узнала его сейчасъ, но какъ ни готовила я себя къ той перемѣнѣ, которую ожидала найти, я все-таки чуть не вскрикнула.

...Передо мною стоялъ старикъ сѣдой, угрюмый и сгорбленный, съ глубоко ввалившимися глазами и съ желтымъ, больнымъ, осунувшимся лицомъ.

Онъ вздрогнулъ и отступилъ, увидѣвъ меня... «Наташа!» — произнесъ онъ почти въ испугѣ. Я поставила Олю на полъ и протянула руки... Мы обнялись.... Онъ весь дрожалъ отъ волненія и долго не могъ ничего сказать. Ясно было, что онъ не ожидалъ и въ высшей степени удивленъ моимъ появленіемъ; но на лицѣ у него свѣтилась его добрая, старая, радостная улыбка. Я объяснила ему, въ короткихъ словахъ, какимъ образомъ это

все случилось, и видя, что онъ украдкой поглядываетъ на дочь, подвела къ нему Олю. Онъ сѣлъ, взялъ ее на руки и цѣлуя, не могъ удержаться отъ слезъ. Оля, увидѣвъ себя на рукахъ у незнакомаго ей человѣка, сперва вся покраснѣла, потомъ скривила губки и тоже заплакала. Онъ передалъ ее мнѣ съ тяжелымъ, печальнымъ вздохомъ.

Во все продолженіе этой маленькой сцены, намъ обоимъ было какъ-то неловко и дико. Онъ видимо чувствовалъ себя стѣсненнымъ и не зналъ, что́ сказать. Онъ разспрашивалъ меня отрывисто и почти не смотря на меня, о томъ, какъ я жила заграницею и какъ собираюсь теперь устроиться. Отвѣты мои онъ выслушивалъ молча. О себѣ говорилъ равнодушно, вяло, какъ о третьемъ и постороннемъ лицѣ. Онъ оживился только немного, упомянувъ о тѣхъ улучшеніяхъ, какія онъ сдѣлалъ въ хозяйствѣ и о добромъ своемъ согласіи съ крестьянами.

Если у меня и была до сихъ поръ какая-нибудь далекая надежда на возможность современемъ воротить потерянное, то она скоро исчезла... Передо мною сидѣлъ какъ будто другой человѣкъ, да можетъ статься и я показалась ему другой женщиною. Три года разъединили насъ такъ, что мы могли только издали и болѣе знаками, чѣмъ словами, послать другъ другу послѣдній, прощальный привѣтъ, и онъ былъ — дѣйствительно послѣдній....

Ел. Сальянова.

ОЧЕРКИ
ОБЩЕСТВЕННАГО ДВИЖЕНІЯ
ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

Окончаніе.

VIII. Послѣдніе годы царствованія.

Въ началѣ 1821-го собрались въ Москвѣ депутаты отъ разныхъ отдѣловъ Союза Благоденствія, изъ Петербурга, изъ южной арміи, нѣсколько человѣкъ, жившихъ въ Москвѣ; послѣ нѣсколькихъ совѣщаній о неудовлетворительномъ ходѣ дѣлъ Союза, они пришли къ рѣшенію закрыть Союзъ [1]). Мы упоминали, что объ этомъ рѣшеніи есть различные отзывы: даже изъ самихъ участниковъ въ этомъ рѣшеніи одни представляютъ его какъ дѣйствительное уничтоженіе общества, такъ что позднѣйшее тайное общество, образовавшееся послѣ того, считаютъ новымъ учрежденіемъ; другіе говорятъ, что закрытіе съ самаго начала считалось фиктивнымъ, что оно сдѣлано было только для удаленія колебавшихся, охладѣвшихъ и ненадежныхъ, такъ что позднѣйшее общество было только намѣренно-исправленнымъ продолженіемъ стараго [2]). Какъ бы то ни было, закрытіе Союза было

---

[1]) На съѣздѣ присутствовали слѣдующія лица: Бурцовъ, Комаровъ, Михаилъ и Иванъ Фонъ-Визины, Н. И. Тургеневъ, Ѳ. Н. Глинка, М. Ѳ. Орловъ, полк. Граббе, И. Д. Якушкинъ, М. Н. Муравьевъ, Охотниковъ, Колошинъ.

[2]) См. два эти взгляда у Тургенева, la Russie, т. I, и въ зап. Якушкина, стр. 55 — 59.

объявлено въ Петербургѣ и въ Тульчинѣ, но ревностные члены прежняго общества, и тамъ и здѣсь, не думали отказываться отъ своей дѣятельности и, не закрывая общества, стремились дать ему болѣе опредѣленную организацію, точнѣе опредѣлить его цѣли и дѣйствія, и между прочимъ утвердить согласіе между обществами сѣвернымъ и южнымъ, потому что между двумя главными отдѣлами общества уже не разъ обнаруживалось разногласіе.

Въ этомъ новомъ періодѣ своей дѣятельности, тайное общество получаетъ, повидимому, новый характеръ. Не знаемъ, насколько стало тверже и опредѣленнѣе его внутреннее устройство, насколько выработались въ немъ общія начала; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ общемъ тонѣ его являются новыя черты, какихъ не было въ прежнемъ Союзѣ или которыя, по крайней мѣрѣ, не были тамъ столько развиты и замѣтны. Эту разницу можно, кажется, указать въ томъ, что интересы Союза отъ вопросовъ общественныхъ переходятъ больше къ вопросамъ политическимъ, и что въ общемъ тонѣ или настроеніи Союза является больше раздражительнаго недовольства и наклонности къ радикализму. Члены Союза, повидимому, меньше начинаютъ думать объ исправленіи самой общественной жизни, о нравственно-политическомъ воспитаніи общества; ихъ главнѣйшій интересъ сосредоточивается на общемъ вопросѣ о причинахъ общественныхъ неустройствъ, и ихъ вниманіе останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ политическихъ формахъ, введеніе которыхъ одно могло, по ихъ мнѣнію, произвести благотворную перемѣну въ русской жизни. Меньше разсчитывая на иниціативу и собственныя усилія общества, члены Союза начинаютъ думать о практическомъ вмѣшательствѣ, о прямой политической дѣятельности, которая бы послужила къ улучшенію политическихъ отношеній. Этимъ болѣе радикальнымъ теоретическимъ понятіямъ соотвѣтствовало и болѣе возбужденное настроеніе чувства.

Если это было такъ, не трудно было бы найти объясненіе этой перемѣны и во внутреннихъ условіяхъ самого тайнаго общества, и въ обстоятельствахъ времени. Не трудно видѣть, что общество, какъ Союзъ Благоденствія, въ самомъ себѣ носило задатки того развитія, какое мы указывали. Людямъ либеральнаго образа мыслей, которые, неудовлетворяясь общественнымъ и политическимъ состояніемъ русской жизни и горячо отрицая ея многообразные недостатки, поставили себѣ цѣлью возможное исправленіе этихъ недостатковъ, этимъ людямъ, въ условіяхъ русской жизни, едвали возможно было остановиться на той идеалистической точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ сначала Союзъ Благоденствія. Они

скоро должны были увидѣть, какія непреодолимыя препятствія лежатъ на пути къ предположенной ими цѣли, какихъ усилій должно требовать достиженіе этой цѣли, какія опасности грозятъ человѣку, который бы рѣшился заявить свою открытую вражду къ старому порядку, угнетавшему общественную жизнь. Изъ такого положенія оставалось два исхода. Не говоря о людяхъ нерѣшительныхъ и безхарактерныхъ, о людяхъ себялюбивыхъ, у которыхъ личная выгода брала, наконецъ, верхъ надъ всякими идеальными увлеченіями и которымъ она вскорѣ указала другую, вполнѣ безопасную и несомнѣнно болѣе выгодную дорогу, не говоря объ этихъ людяхъ, роль которыхъ опредѣлялась обстоятельствами и отъ которыхъ нельзя было ждать какой-нибудь нравственной выдержки и послѣдовательности,—для людей серьезныхъ, составившихъ себѣ убѣжденія и не торговавшихъ ими, оставалось или потерять всякую надежду на совершеніе своихъ идеаловъ, помириться съ жизнью въ индифферентизмѣ, или напротивъ, утвердиться еще болѣе въ своей точкѣ зрѣнія, и перейти отъ идеалистическихъ мечтаній къ болѣе практическому пониманію вещей и къ бо́льшему раздраженію. Это послѣднее было естественно потому, что, въ довершеніе трудности положенія, эти либеральные порывы не имѣли въ практической жизни никакого исхода, въ которомъ эти созрѣвавшія силы нашли бы себѣ какую нибудь нормальную дѣятельность и примѣненіе, и гдѣ могла бы смягчиться рѣзкость этихъ порывовъ: невозможность дѣйствовать открыто въ пользу своихъ идей, за отсутствіемъ открытой общественной жизни, невозможность даже высказаться, за отсутствіемъ сколько-нибудь свободной печати, съ самаго начала сгнетали этихъ людей въ тайное общество, и въ этой средѣ, одинаково возбужденной, одинаково разочарованной жизнью, общая сумма опыта и недовольства производила новую степень разлада съ дѣйствительностью и раздраженія.

Внѣшнія обстоятельства могли только усиливать это безнадежное и мрачное настроеніе. Наступали послѣдніе годы царствованія императора Александра, печальные годы, въ которые должны были мало-по-малу разрушиться всѣ тѣ надежды, какія могли уцѣлѣть отъ начала царствованія и отъ временъ національныхъ войнъ. Теперь уже едвали кто-нибудь ожидалъ широкихъ, благотворныхъ реформъ, едва ли кто-нибудь надѣялся на исправленіе государственнаго зданія. Очевидно становилось, что старые порядки возрождаются съ прежней силой, уже не опасаясь никакихъ либеральныхъ нововведеній. Императоръ Александръ не выдержалъ тѣхъ принциповъ, въ которые онъ нѣкогда вѣрилъ; у него недостало силы характера и практическаго зна-

нія вещей, чтобы совершить реформу, о которой онъ такъ долго думалъ. Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какъ мистическій піэтизмъ проложилъ въ его умѣ дорогу къ совершенной реакціи, какъ онъ сталъ считать своимъ долгомъ поддерживать патріархальный абсолютизмъ и защищать отъ воображаемыхъ опасностей алтари и престолы. Всѣ дурныя стороны прошедшаго, олицетворившіяся въ Аракчеевѣ, поддерживали въ немъ извѣстный эгоизмъ власти, который долженъ былъ окончательно подавить въ немъ прежнія лучшія намѣренія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наскучалъ правленіемъ, которое при всемъ могуществѣ власти было безсильно противъ безпорядка, злоупотребленій и произвола, размѣромъ своимъ напоминавшихъ давнопрошедшія времена. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ самъ страдалъ отъ того противорѣчія, въ которое его все больше и больше увлекало безсиліе воли и недостатокъ вниманія къ дѣйствительному положенію вещей.

Извѣстно, что европейскія событія, временъ вѣнскаго конгресса и послѣ, имѣли весьма большую долю въ опредѣленіи взглядовъ Александра. Реакціонная интрига успѣла подмѣнить его роль освободителя народовъ и защитника либеральныхъ учрежденій ролью ревностнаго дѣятеля самой нетерпимой и ожесточенной реакціи. Вскорѣ послѣ вѣнскаго конгресса народы должны были разочароваться. Вмѣсто либеральныхъ учрежденій реакція создала то «полицейское государство», которое, по словамъ одного нѣмецкаго писателя, — «не знаетъ гражданъ отечества, а только управляетъ тупыми массами, какъ домашними животными, которымъ отмѣривается въ хлѣву свѣтъ и воздухъ, кормъ и пойло, стойло и подстилка, движеніе и отдыхъ, — то полицейское государство, гдѣ гражданинъ совершаетъ преступленіе, когда серьезно помышляетъ объ общемъ благѣ, гдѣ всеобщая трусость какъ цѣпь обвивается кругомъ болѣзненнаго себялюбія, самоуничиженія и внутренняго разлада умовъ, которыя явились, когда умы насильственно оторваны были отъ идеальной государственной жизни». Наступило глухое время, когда къ полной мертвенности большинства присоединился канцелярскій деспотизмъ и безсмысленное преслѣдованіе малѣйшихъ движеній общественнаго мнѣнія и политическихъ мечтаній молодежи...

Эта форма «полицейскаго государства» надолго утвердилась въ Германіи и Австріи, и въ послѣдніе годы царствованія Александра ее уже старались примѣнить къ русскимъ нравамъ, употребляли ею изобрѣтенные пріемы и терминологію, которые остались цѣлы у насъ надолго. Какъ прежде говорили о якобинствѣ и иллюминатствѣ, такъ теперь говорили о заговорахъ

и революціяхъ, подкапываніи алтарей и престоловъ, въ русскомъ обществѣ находили карбонаровъ и т. п. Всякая новая мысль въ общественныхъ предметахъ, каждый примѣръ нарождавшихся новыхъ потребностей неизмѣнно приписывались заговору и революціоннымъ внушеніямъ: извѣстно, что ставши разъ на эту точку всегда можно разработывать ее безъ конца. Въ обществѣ эта наклонность явилась едва ли даже не раньше, чѣмъ въ самомъ правительствѣ: мы приводили, въ письмѣ Уварова къ Штейну, образчикъ подобныхъ обвиненій, когда Александръ еще не предавался политическимъ подозрѣніямъ, которыя овладѣли имъ впослѣдствіи.

Примѣръ европейскихъ правительствъ имѣлъ въ этомъ случаѣ очень большое вліяніе. Въ европейскомъ политическомъ мірѣ задатки реакціи были уже давно очень сильны. Она была продолженіемъ и побѣдой тѣхъ старыхъ феодально-монархическихъ принциповъ, которые вызвали въ прошломъ столѣтіи коалицію противъ революціонной Франціи. Войны съ Наполеономъ, имѣвшія для народовъ національный смыслъ, означавшія защиту противъ иноземнаго ига, для феодальной аристократіи были только враждой къ новымъ общественно-политическимъ идеямъ, къ перевороту, нарушавшему принципы стараго режима. Эту вражду въ особенности питала Австрія. Въ Вѣнѣ въ особенности свила свое гнѣздо аристократическая реакція, которая здѣсь обдумывала свои планы: въ Вѣнѣ Меттернихъ и, особенно его правая рука, Генцъ, выработали теорію реакціи, и между прочимъ, домъ русскаго посланника Разумовскаго былъ пріютомъ ея аристократическихъ партизановъ, собравшихся въ Вѣнѣ со всѣхъ концовъ Европы. Въ русскомъ высшемъ обществѣ,— воображавшемъ и за собой политическую роль и вліяніе на дѣла Европы, — легко прививались мнѣнія австрійскихъ феодаловъ и французскихъ эмигрантовъ; люди стараго вѣка и безъ того думали, что война съ Наполеономъ есть только возстановленіе порядка вещей, существовавшаго до революціи. Такъ писалъ объ этомъ Шишковъ въ 1813-мъ году, когда императоръ Александръ думалъ еще объ освобожденіи народовъ; австрійская дипломатія въ 1813-мъ году уже заподозривала народное движеніе въ Пруссіи; старыя партіи внушали королю недовѣріе къ людямъ, произведшимъ это движеніе, какъ Шарнгорстъ, Блюхеръ, Гнейзенау, Штейнъ, предостерегали короля противъ тайныхъ обществъ и мнимыхъ заговоровъ, отклоняли отъ введенія представительныхъ учрежденій. Прусскій король легко поддавался этимъ вліяніямъ или предупреждалъ ихъ: онъ не сочувствовалъ представительству, не довѣрялъ народному

движенію и готовъ былъ преслѣдовать тайныя общества. Памфлетъ или доносъ Шмальца на Тугендбундъ, разоблаченный Нибуромъ, Шлейермахеромъ и другими, тѣмъ не менѣе доставилъ автору по ордену отъ королей прусскаго и вюртембергскаго и первый, кромѣ того, запретилъ дальнѣйшую полемику объ этомъ предметѣ. Отголоски движенія 1813-го года въ самой Пруссіи стали считаться государственнымъ преступленіемъ. Извѣстно, съ другой стороны, каковы были мнѣнія императора Франца, который не могъ слышать слова «конституція», даже въ медицинскомъ смыслѣ. Это были однако тѣ люди, съ которыми императоръ Александръ заключалъ священный союзъ, еще мечтая стоять «во главѣ движенія». Подобная обстановка не замедлила оказать свое дѣйствіе. Со времени Наполеоновскихъ войнъ европейская политика поглощала всѣ интересы Александра, и въ тогдашней дипломатіи ему пришлось имѣть дѣло почти только съ представителями реакціи, которые, мало-по-малу, успѣли внушить ему свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Мы не будемъ пересказывать тѣхъ путей, которыми дѣйствовала на Александра европейская реакція [1]); достаточно сказать, что къ двадцатымъ годамъ онъ усвоилъ себѣ ея точку зрѣнія, и послѣдніе годы его правленія представляютъ странное повтореніе тѣхъ мѣръ, какія были тогда придуманы нѣмецкимъ «полицейскимъ государствомъ» противъ мнимыхъ заговоровъ и мнимаго революціоннаго духа. Такъ, со словъ Меттерниха, онъ видѣлъ въ семеновской исторіи революціонные признаки и думалъ найти въ ней дѣйствіе тайныхъ обществъ. Такъ въ 1822-мъ году (августа 1-го) онъ издалъ указъ, запрещавшій масонскія ложи и всякія тайныя общества, прямо ссылаясь на «безпорядки и соблазны, возникшіе въ *другихъ* государствахъ» и на «умствованія, нынѣ существующія», отъ которыхъ «проистекаютъ столь печальныя въ *другихъ* краяхъ послѣдствія» [2]). Ближайшій разборъ дѣла могъ бы легко показать, что заключенія отъ другихъ государствъ не совсѣмъ примѣнялись къ русской жизни, и что въ этой послѣдней не было ни малѣйшей опасности ни отъ семеновской исторіи, ни отъ масонскихъ ложъ: но такое изслѣдованіе представлялось ненужнымъ, дѣло казалось совершенно ясно. Это заблужденіе принесло большой вредъ: запретительныя мѣры правительства давали основаніе думать, что дѣйствительно въ русскомъ обществѣ есть опасное волненіе, и онѣ оправдывали тѣхъ, кто

---

[1]) См. объ этихъ временахъ, напр., «Исторію» Гервинуса, статью г. Соловьева «Эпоха конгрессовъ» («въ Вѣстн. Евр.»), статью Р. Архива 1867, стр. 861—878 и пр.

[2]) Указъ въ П. Собр. Зак., т. XXXVIII, № 29,151.

давно вопіялъ о «разрушительныхъ ученіяхъ» и вызывалъ правительство на мѣры преслѣдованія. Эти мѣры были совершенно на руку безсмысленнымъ обскурантамъ и людямъ, которые старались ловить рыбу въ мутной водѣ и употребляли всѣ средства, чтобы еще напугать правительство мнимыми опасностями и воспользоваться его легковѣріемъ. Вредъ этой политики простирался и еще далѣе: надо представить себѣ невѣжество огромной массы общества, которая и безъ того была недовѣрчива ко всякому образованію и въ лучшемъ случаѣ считала его роскошью, нужною и возможною для немногихъ, а для большинства скорѣе вредною, чѣмъ полезною. Теперь, эту массу увѣряли, съ авторитетомъ правительственнаго заявленія, что образованіе дѣйствительно чрезвычайно опасно, что оно очень легко ведетъ къ разрушительнымъ ученіямъ, и преслѣдованія только поддерживали старинную ненависть невѣжества ко всякому образованію, какъ вольнодумству и безбожію.

Такое чисто реакціонное направленіе правительственныхъ мѣръ начинается въ особенности съ двадцатыхъ годовъ, и совпадаетъ съ господствомъ реакціонной политики Александра въ европейскихъ дѣлахъ. Семеновская исторія и закрытіе масонскихъ ложъ; еще ранѣе обскурантныя интриги министерства народнаго просвѣщенія, преслѣдованіе университетовъ, судъ надъ петербургскими профессорами; позднѣе, закрытіе библейскаго общества, судъ надъ Госнеромъ и Поповымъ и преслѣдованіе сектъ; цензурныя гоненія, сначала при Голицынѣ, потомъ при Шишковѣ; все это, если и не обнаруживало въ правительствѣ какой-нибудь сознательной системы дѣйствій,—потому что всѣ эти мѣры были отрывочны и непослѣдовательны даже въ реакціонномъ смыслѣ, — но общее ихъ значеніе сводилось къ подавленію всякихъ попытокъ умственной жизни общества. Рядомъ съ этимъ, во внѣшнихъ дѣлахъ наступила пора сомнѣній, колебаній, наконецъ открытой реакціи и гоненія противъ либерализма; Россія, ставшая союзницей новаго феодальнаго порабощенія, съ этой поры въ особенности теряетъ сочувствіе европейскаго общества, пріобрѣтенное 1812—1815 годами, и возбуждаетъ къ себѣ ту вражду, слѣдствія которой продолжаются и до сихъ поръ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь въ значительной степени находится причина той европейской ненависти къ намъ, источника которой никакъ не могутъ доискаться наши славянофильскіе публицисты. Политическое могущество Россіи послѣ Вѣнскаго конгресса давало ей сильное вліяніе на дѣла Европы, и европейское либеральное общество не могло забыть, какъ Россія въ теченіе многихъ десятилѣтій пользовалась этимъ могуществомъ.

Внутренній источникъ реакціи лежалъ и въ личномъ характерѣ Александра. Мы объясняли прежде, какъ въ немъ самомъ издавна боролись два противоположные принципа — внушенный полу-сантиментальнымъ воспитаніемъ либерализмъ и враждебные тому инстинкты, питаемые всей его обстановкой. Только сильный характеръ могъ дать побѣду лучшимъ принципамъ; этой силы недостало. Правленіе императора Александра съ самыхъ первыхъ лѣтъ представляетъ много примѣровъ такого столкновенія противоположныхъ стремленій, и этихъ примѣровъ было особенно много во второй періодъ его либерализма, съ 1815-го года. Онъ уже вскорѣ начинаетъ охладѣвать къ конституціоннымъ учрежденіямъ и къ свободѣ народовъ. Польская конституція уже вскорѣ показалась стѣснительной для авторитета власти, и не могла сохраняться. Въ греческомъ вопросѣ императоръ долго колебался между двумя различными взглядами, и наконецъ—наперекоръ сильнымъ симпатіямъ къ освобожденію Греціи въ самомъ русскомъ обществѣ, даже въ народѣ,—отказался защищать грековъ, въ угоду европейской дипломатіи; въ конституціонныхъ вопросахъ Германіи онъ стоялъ уже въ 1819-мъ на сторонѣ правительственной реакціи; онъ вмѣшивался въ дѣла Испаніи и Неаполя, и русскія войска готовы были идти на защиту ихъ абсолютныхъ правительствъ....

Когда императоръ открыто высказалъ это направленіе, оно, конечно, было поведено еще дальше исполнителями. Въ правительственной сферѣ было много людей прежнихъ царствованій, людей, которымъ никогда не были понятны либеральныя увлеченія императора и которые теперь возрадовались возвращенію правительства на путь, по ихъ мнѣнію, истинный. Реакцію представляли здѣсь конечно не Шишковъ, или не Магницкій, котораго въ особенности часто представляютъ ея олицетвореніемъ: самъ Магницкій возможенъ былъ только потому, что почва для его дѣйствій была уже готова, что его поддерживалъ весь характеръ высшихъ правительственныхъ учрежденій,—какъ же было ему не дѣйствовать, когда выслушивались даже такія предложенія, какъ предложеніе разрушить (буквально) казанскій университетъ, когда допускались и подтверждались другія его мѣры, какъ ни были онѣ безсмысленны и отвратительны. Что онъ вовсе не былъ исключительнымъ явленіемъ, что дѣйствія его и его клевретовъ разсчитаны были на общее настроеніе и невѣжество извѣстныхъ сферъ, это поразительно обнаруживается на извѣстномъ дѣлѣ петербургскаго университета (1822): министерство само допускало и поощряло дѣйствія, совершенно постыдныя. Очень рѣшительный протестъ Уварова не послужилъ ни

къ чему. «Дѣло о профессорахъ» считалось серьезнымъ даже въ государственномъ совѣтѣ, и довольно просмотрѣть мнѣнія, которыя высказывались здѣсь по этому дѣлу[1]), чтобы видѣть, на какую жалкую роль осуждалась наука вообще господствовавшими взглядами: изъ людей, разсуждавшихъ о дѣлѣ, не нашлось ни одного, который бы понялъ его какъ слѣдуетъ, сказалъ твердое слово въ защиту науки и осудилъ постыдное преслѣдованіе. Въ государственномъ совѣтѣ замѣтили только, что кн. Голицынъ слишкомъ безцеремонно требовалъ наградъ для своихъ инквизиторовъ, да Шишковъ указывалъ, что виновность профессоровъ облегчается тѣмъ, что само правительство поощряло прежде такое вольнодумство, но самаго преступленія (!) профессоровъ никто не отвергалъ...

Таковъ былъ господствующій тонъ, въ которомъ сходились люди высшей правительственной сферы къ концу правленія Александра: немногіе люди въ этой сферѣ, уцѣлѣвшіе отъ либеральныхъ временъ и питавшіе нѣкогда надежды на улучшеніе порядка вещей, или давно отказались отъ нихъ и съ равнодушіемъ смотрѣли на то, что̀ вокругъ нихъ дѣлалось, или молчали изъ опасенія, или были безсильны; оставался полный просторъ для людей, ненавидѣвшихъ всякое вольнодумство и выше всего ставившихъ старые порядки. Владычество Аракчеева было безраздѣльно.

Подобное положеніе вещей необходимо должно было производить на либераловъ то раздражающее впечатлѣніе, о которомъ мы упоминали. Союзъ, послѣ закрытія возстановившійся въ Петербургѣ и на югѣ, сталъ распространяться вновь, и въ немъ уже оставили свой слѣдъ и прежніе опыты, и новыя впечатлѣнія. Въ семеновской исторіи правительство ожидало открыть участіе тайнаго общества, — которое было здѣсь совершенно ни при чемъ, хотя въ семеновскомъ полку многіе офицеры были его членами. Исторія эта произвела тяжелое впечатлѣніе на либеральный кружокъ и усилила недовѣріе. Запрещеніе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ заставило членовъ Союза быть осторожнѣе, тѣмъ больше, что изъ разныхъ источниковъ они узнавали, что императору извѣстно существованіе Союза, что онъ называлъ имена многихъ его членовъ. Въ 1822-мъ году гвардія выступила изъ Петербурга подъ предлогомъ предполагавшейся войны, но на самомъ дѣлѣ, какъ разсказываютъ современники, потому, что опасались пребыванія гвардіи въ Петербургѣ. Походъ имѣлъ со-

---

[1]) См. эти мнѣнія въ запискахъ Шишкова (Р. Арх. 1865, стр. 1353 — 1358), въ «Чтеніяхъ М. Общ.» 1862, кн. 3, стр. 179—205, въ «Матеріалахъ» г. Сухомлинова.

вершенно другое дѣйствіе, чѣмъ ожидали. Болѣе свободные отъ службы, чѣмъ въ Петербургѣ, менѣе подвергаясь надзору, офицеры больше сближались между собой, и въ тайное общество вступило много новыхъ членовъ. Размножалось также и южное общество, главный пунктъ котораго былъ въ Тульчинѣ. Реакціонныя мѣры, господство обскурантовъ, свирѣпое управленіе Аракчеева умножали число недовольныхъ и усиливали мѣру самаго недовольства. Прежнія надежды на улучшеніе вещей самимъ правительствомъ больше и больше терялись, и въ тайномъ обществѣ возникла мысль о необходимости измѣненія порядка вещей...

Исторія общества и за эти годы такъ темна, что мы не рѣшимся характеризовать ее ясными и опредѣленными чертами. По необходимости, мы остановимся только на нѣкоторыхъ сторонахъ ея и сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Прежде всего надо кажется замѣтить, что общество и въ эту пору не имѣло строго опредѣленной цѣли, и вниманіе его развлекалось различными планами, которые впрочемъ оставались въ области предположеній и разговоровъ. Въ этомъ убѣждаютъ всѣ послѣдующіе факты его исторіи. Но общія понятія начинаютъ принимать болѣе отчетливое направленіе напоминавшее собою идеи первыхъ лѣтъ правленія Александра. Какъ въ первые годы царствованія, Александръ и его совѣтники съ самаго начала поставили себѣ вопросъ о необходимости и искомыхъ средствахъ ограничить «произволъ нашего правленія», — такъ тотъ же вопросъ становился теперь господствующимъ въ тайномъ обществѣ: и тогда, и теперь положеніе вещей казалось таково, что считали невозможнымъ помочь ему какимъ-нибудь исправленіемъ частныхъ недостатковъ, и улучщеніе казалось возможно только при перемѣнѣ самой системы.

Собственно говоря, подобныя идеи являются въ тайномъ обществѣ еще при первомъ его основаніи, но въ то время реформа ожидалась отъ самого правительства, и либералы, кажется, думали не столько о самомъ преобразованіи или измѣненіи порядка вещей, сколько о предварительныхъ и элементарныхъ общественныхъ вопросахъ, о распространеніи политическихъ знаній, объ улучшеніи общественныхъ нравовъ, о приготовленіи самаго общества къ иному порядку вещей, и т. п. Теперь, они должны были убѣждаться, что ихъ теоретическія усилія и ихъ болѣе филантропическія стремленія исчезаютъ передъ обширностью того зла, которому они хотѣли противодѣйствовать; они должны были разочароваться въ ожидаемой широкой поли-

тической реформѣ, и ихъ вниманіе, поэтому, съ особенной силой обратилось къ общему политическому вопросу.

По «Донесенію» 30-го мая, которое остается почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, планы общества представляются въ слѣдующемъ видѣ. Со словъ Пестеля и другихъ упоминается въ «Донесеніи», что въ основателяхъ тайныхъ обществъ съ самаго начала «обнаруживались мысли конституціонныя, но *весьма неопредѣлительныя* и болѣе склонныя къ *монархическимъ* установленіямъ».

Далѣе, «Донесеніе» говоритъ, что одинъ изъ членовъ общества, Новиковъ (это былъ племянникъ извѣстнаго мистика), составилъ проектъ конституціи, въ которомъ въ первый разъ была подана мысль о республиканскомъ правленіи.

Въ началѣ 1820-го года происходило въ Петербургѣ собраніе думы Союза Благоденствія, гдѣ шли разсужденія о правленіи монархическомъ и республиканскомъ: Пестель вычислялъ выгоды того и другого, и всѣ члены (кромѣ Ѳ. Глинки) высказались въ пользу республиканскаго правленія, но, по словамъ того же «Донесенія», члены общества и теперь все-таки говорили, что «если императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе законы, то они будутъ его *вѣрными приверженниками и оберегателями*». По другимъ показаніямъ, приведеннымъ тамъ же, это вовсе не было настоящее «собраніе думы» или какое-нибудь правильное совѣщаніе, а обыкновенная бесѣда о разныхъ политическихъ предметахъ; большая часть присутствовавшихъ здѣсь членовъ не были даже готовы къ этого рода разсужденіямъ, и нѣкоторые просто отказались давать свое мнѣніе.

Далѣе, «Донесеніе» упоминаетъ слѣдующіе проекты конституцій. Одинъ былъ написанъ Никитою Муравьевымъ, который «предполагалъ монархію, но оставляя императору власть весьма ограниченную, подобную той, которая дана президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и дѣлилъ Россію на независимыя, соединенныя общимъ союзомъ области». Затѣмъ, «другая конституція, съ именемъ Русской Правды и совершенно въ духѣ республиканскомъ, есть сочиненіе Пестеля»; въ ней указывается «едва вѣроятное и смѣшное невѣжество». Кромѣ того, были найдены еще два проекта: одинъ, неполный, въ бумагахъ кн. Трубецкого, былъ «ничто иное какъ списокъ конституціи Муравьева, съ весьма неважными перемѣнами»; другой, подъ именемъ «Государственнаго Завѣта», найденный у Сергѣя Муравьева-Апостола, былъ сокращеніе Пестелева проекта.

Такимъ образомъ, двумя главными выраженіями конституціонныхъ идей тайнаго общества остаются проекты Никиты Му-

равьева и Пестеля. Не слѣдуетъ однако преувеличивать ихъ значенія. Обвиненіе говоритъ, что руководители тайныхъ обществъ «уже занимались сочиненіемъ законовъ для преобразованія Россіи». По отзывамъ самихъ членовъ общества, эти проекты вовсе не имѣли подобнаго значенія, — точно также какъ упомянутыя разсужденія о разныхъ формахъ правленія вовсе не были совѣщаніемъ предводителей общества о какомъ-нибудь опредѣленномъ планѣ дѣйствій, а были, какъ видно изъ самаго «Донесенія», простымъ разговоромъ, какіе не однажды велись членами общества въ ихъ бесѣдахъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, изъ обвиненія не видно, чтобы эти совѣщанія влекли за собой какое-нибудь обязательство для членовъ общества: они продолжали оставаться при своихъ мнѣніяхъ, потому что и бесѣда не имѣла иной цѣли, кромѣ желанія выяснить отвлеченныя понятія. Такой же смыслъ имѣли и проекты конституцій. Это ясно уже изъ того, что если не считать упомянутыхъ конституцій Новикова, кн. Трубецкого и Сергѣя Муравьева-Апостола, тайное общество имѣло два разряда «законовъ», весьма несходные, потому что конституція Ник. Муравьева была все-таки монархическая, а Русская Правда Пестеля совершенно республиканская, по словамъ «Донесенія». Остается принять, что ни та, ни другая не пріобрѣли никакой обязательности для членовъ общества, что обѣ оставались частнымъ мнѣніемъ и предположеніемъ.

Отзывы самихъ членовъ общества говорятъ это положительно, и прежде всего отзывъ Н. Муравьева. Въ одной запискѣ, составленной имъ впослѣдствіи по поводу сужденій о тайномъ обществѣ, онъ прямо утверждаетъ, что упомянутые въ «Донесеніи» проекты — «суть *опыты* конституціоннаго законодательства, предпринятые *для возбужденія изысканій* по сей отрасли нравственныхъ наукъ». Дѣйствительно, въ «Донесеніи» такихъ опытовъ насчитано не менѣе пяти. По словамъ Якушкина, проектъ Ник. Муравьева составлялся въ 1822-мъ г. и это былъ «въ кратцѣ снимокъ съ англійской конституціи», во всякомъ случаѣ съ монархическимъ характеромъ. Что касается замѣчанія, сдѣланнаго въ «Донесеніи», что этотъ проектъ дѣлилъ Россію на независимыя области, соединенныя союзомъ, то Муравьевъ въ упомянутой запискѣ возражаетъ противъ неточности этого указанія. Онъ вовсе не предполагалъ никакой политической независимости областей, которая противорѣчила бы и монархическому принципу, утверждаемому въ его проектѣ; областныя собранія, въ немъ предположенныя, не облечены державной властью. «Областныя собранія среди совокупленныхъ губерній — говоритъ Н. Муравьевъ — вѣдая только

распоряженіями и расправами *мѣстными*, содѣйствовали единству управленія державнаго (эти собранія были, повидимому, въ томъ же родѣ, какъ новосильцовскіе сеймы намѣстничествъ). Эта конституція не только не стѣсняла исполнительной власти (т.-е. власти императорской), но доставляла ей свободу дѣйствія, необходимую для общей пользы; поручала ей соблюденіе державныхъ выгодъ, признавала ея необходимое участіе въ законодательной власти и надзоръ за общимъ ходомъ судопроизводства. Отдѣляя лишнія вѣтви управленія, она избавляла только исполнительную власть отъ посредничества между частными лицами, предоставленнаго самостоятельной судебной власти. Такимъ образомъ прекратилось бы смѣшеніе властей, столь гибельное въ общественномъ устройствѣ Россіи». Такъ говоритъ самъ составитель проекта. Это подтверждаетъ и г. Свистуновъ, опровергая слова автора «Записокъ Декабриста», который повторяетъ приведенное выше указаніе, будто бы конституція Муравьева была составлена «по образцу сѣверо-американской, при формѣ монархической». Г. Свистуновъ замѣчаетъ на это, что такое сравненіе даетъ очень ложное понятіе о проектѣ Муравьева. «Кромѣ принятой монархической формы правленія, — говоритъ онъ, — проектъ этотъ въ самомъ основаніи своемъ расходился съ американской конституціею въ томъ, что въ немъ проглядываетъ аристократическій принципъ ценза. Пользованіе политическими правами обусловливалось имущественнымъ цензомъ, довольно значительнымъ для избираемыхъ въ должности. Ему же подчинялись самые избиратели, хотя въ меньшемъ размѣрѣ. Относительно единства государства, была статья, свидѣтельствующая о его неприкосновенности. Въ силу этой статьи, изученіе русской грамоты ставилось непремѣннымъ условіемъ для полученія правъ, предоставленныхъ гражданину». Проектъ не установлялъ никакихъ независимыхъ областей, а хотѣлъ только нѣкоторой децентрализаціи, бóльшаго развитія мѣстнаго самоуправленія, безъ всякаго разъединенія въ политическомъ отношеніи [1])... Изъ этихъ объясненій видно, что здѣсь опять повторялись общія конституціонныя темы, какія мы видѣли еще въ планахъ Сперанскаго и Новосильцова.

«Русская Правда» Пестеля также намъ неизвѣстна, какъ проектъ Муравьева. Въ свое время она, повидимому, была больше чѣмъ этотъ проектъ распространена и извѣстна между членами общества, и въ своемъ содержаніи представляла больше оригинальности и широты взгляда. Основная мысль ея, если дѣй-

---

[1]) Р. Арх. 1870, стр. 1639 — 1640.

ствительно Пестель хотѣлъ республики, была конечно фантастическая; но нельзя опять думать, чтобы онъ считалъ свои предположенія немедленно примѣнимыми. По словамъ Якушкина, «онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы видѣть въ «Русской Правдѣ» будущую конституцію Россіи. Своимъ сочиненіемъ онъ только приготовлялся, какъ онъ самъ говорилъ, правильно дѣйствовать въ земской думѣ и знать, когда придется что о чемъ говорить» [1]. Что онъ дѣйствительно не придавалъ иного значенія своему проекту и, какъ Муравьевъ, видѣлъ въ немъ только опытъ въ политическихъ наукахъ, можно видѣть изъ того, что онъ читалъ его не только членамъ общества, какъ напр. Якушкину и другимъ, но и людямъ постороннимъ, настолько образованнымъ, чтобы имѣть серьезный интересъ къ подобнымъ предметамъ; такъ онъ читалъ «Русскую Правду» извѣстному Киселеву, который впослѣдствіи былъ министромъ государственныхъ имуществъ, а въ то время былъ его начальникомъ во 2-й арміи [2].

О планахъ Пестеля, какъ о проектѣ Муравьева, до сихъ поръ извѣстно очень мало; невозможно поэтому дать теперь вѣрное понятіе объ ихъ характерѣ. Мы упоминали, что проектъ Пестеля вызывалъ въ обвиненіи самые суровые и презрительные отзывы. Говорили между прочимъ (какъ это повторяетъ и авторъ «Записокъ Декабриста»), что Пестель и его товарищи условились съ польскимъ тайнымъ обществомъ отдать Польшѣ нѣкоторыя возвращенныя отъ нея области и что вслѣдствіе того Пестель составилъ карту съ обозначеніемъ новыхъ границъ; или, что Пестель и его товарищи признали необходимымъ дать независимость Польшѣ, отдѣльно отъ Литвы и Подоліи, и эти области съ Финляндіей и Прибалтійскимъ краемъ соединить общимъ союзомъ, опять «по образцу Сѣверо-Американской республики». Но люди, которые близко знакомы были съ этими планами, рѣшительно отвергаютъ, чтобы у Пестеля была какая-нибудь мысль о подобномъ раздробленіи. Никита Муравьевъ, въ своей запискѣ, ссылается въ этомъ на «Донесеніе» Варшавскаго Слѣдственнаго Комитета, который утверждаетъ, что члены русскаго и польскаго обществъ ни въ чемъ не могли согласиться и что между ними не было и разсужденія о присоединенныхъ къ Россіи областяхъ. По свидѣтельству г. Свистунова, Пестель, на вопросъ, не обязана ли

---

[1] Стр. 46.

[2] Объ этомъ упоминаетъ Якушкинъ. Въ запискахъ Фонъ-Визина также говорится: «Пестель... читалъ Русскую Правду не только въ собраніяхъ единомышленниковъ своихъ, но даже на вечерахъ у начальника штаба 2-й арміи генерала Киселева, любимца Александра и искренно преданнаго ему. Стало быть въ этомъ проектѣ, какъ въ умозрительномъ опытѣ, не было ничего преступнаго» (стр. 159).

будетъ свободная Россія возвратить Польшѣ независимость, отвѣчалъ, что Польша должна принадлежать Россіи по праву государственнаго самосохраненія. Г. Свистуновъ, который зналъ лично Пестеля въ 1824-мъ году и слышалъ отъ него главныя основанія «Русской Правды» и предполагавшагося имъ устройства политическихъ и административныхъ учрежденій, говоритъ, что въ ней не было и помину о федеральномъ правленіи «по образцу Сѣверо-Американской республики», и притомъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ предоставлялась такая обширная власть, при которой было невозможно существованіе отдѣльныхъ политическихъ центровъ. Всѣ толки о мнимомъ федеративномъ устройствѣ произошли, повидимому, изъ того, что Пестель, какъ Муравьевъ, считали полезнымъ введеніе болѣе крупныхъ *административныхъ* единицъ и въ нихъ большей степени мѣстнаго самоуправленія. Члены тайнаго общества отвергаютъ вообще приписываемую ему мысль подобнаго раздробленія, и мы приводили выше, на примѣрѣ Якушкина, съ какой силой ревнивое чувство единства обнаружилось въ членахъ Союза при слухѣ, что имп. Александръ хотѣлъ отдѣлить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ провинцій.

Но важнѣйшая сторона Пестелева проекта заключалась, кажется, въ другихъ его предположеніяхъ, именно въ его мысляхъ о внутреннемъ устройствѣ, политическомъ и экономическомъ. Н. И. Тургеневъ говоритъ объ этихъ мнѣніяхъ Пестеля, какъ о «соціалистическихъ теоріяхъ», за которыми онъ признаетъ прекрасныя намѣренія и благородный энтузіазмъ, но которыя считаетъ мечтами, хотя соглашается, что онѣ могутъ служить съ пользой человѣчеству, обращая вниманіе серьезныхъ умовъ на предметы, которыхъ важность безъ этого они могли бы недостаточно оцѣнить. «Однимъ изъ основныхъ положеній въ теоріи Пестеля и его друзей было—сдѣлать поземельную собственность какъ-бы общей для всѣхъ, опредѣляя ея обработку распоряженіями высшей власти. По крайней мѣрѣ они предполагали предоставить пользованіе обширными казенными землями тѣмъ, у кого не было никакой недвижимой собственности. То, что законъ королевы Елизаветы обѣщалъ каждому англичанину—право получать пропитаніе отъ налога для бѣдныхъ, за отсутствіемъ иныхъ средствъ существованія—они хотѣли обезпечить, давая каждому владѣніе или, вѣрнѣе, пользованіе извѣстнымъ количествомъ земли, чтобы помочь его нуждамъ» [1]).

Сколько можно судить вообще по извѣстнымъ теперь отрывочнымъ свѣдѣніямъ о взглядахъ и желаніяхъ тайнаго общества,

---

[1]) La Russie, I, стр. 177—178.

оно не только воспринимало тѣ конституціонныя идеи, которыя еще и въ тѣ времена занимали само правительство, но развивало ихъ дальше; не довольствуясь формальной стороной учрежденій (которую, какъ мы видѣли, весьма сходно представляли различные конституціонные проекты), оно не забывало существеннаго условія, о которомъ нисколько не думала масса общества, и отъ котораго боязливо уклонялось правительство, — и обратило вниманіе на крестьянскій вопросъ. Мы видѣли, что при началѣ тайнаго общества онъ былъ не вполнѣ ясенъ для его членовъ, ни въ теоріи, ни на практикѣ: первый уставъ Союза Благоденствія еще не говорилъ о немъ; первыя попытки членовъ общества освобождать крестьянъ были неудачны. Но въ тайномъ обществѣ уже скоро явились люди, которые понимали и выставили всю важность этого вопроса, люди, которые придавали ему столь великое значеніе, что безъ его рѣшенія считали ненужной, даже вредной самую политическую реформу, т.-е. введеніе конституціонныхъ учрежденій для привилегированныхъ классовъ. Такъ думалъ Н. И. Тургеневъ. Позднѣе, мысль объ освобожденіи крестьянъ стала однимъ изъ главныхъ положеній тайнаго общества, и въ проектахъ Пестеля вопросъ о надѣлѣ землей былъ доведенъ до такой широты, которая представлялась г. Тургеневу соціалистической. Каковы бы ни были частности этихъ «соціалистическихъ» предположеній, остается чрезвычайно характеристиченъ тотъ фактъ, что политическія мысли тогдашнихъ людей приняли это направленіе, которое свидѣтельствовало, что увлеченіе внѣшностью политическихъ формъ смѣнялось серьезнымъ вниманіемъ къ самымъ коренным вопросамъ государственной жизни: здѣсь положено было первое прочное начало политической развитости общества, положено его собственными силами и пониманіемъ. Наконецъ, члены тайнаго общества не хотѣли предрѣшать вопроса объ учрежденіяхъ: по ихъ понятіямъ, рѣшеніе его принадлежало земской думѣ... [1]).

Кромѣ введенія представительства и освобожденія крестьянъ, они желали другихъ соотвѣтственныхъ мѣръ—новаго уложенія, исправленія судопроизводства, преобразованія арміи (напр. сокращенія срока службы, улучшенія нравственнаго и матеріальнаго быта солдатъ), уничтоженія военныхъ поселеній, свободы торговли

---

[1]) Въ параллель къ этому можно указать, какъ мысль о земской думѣ уже издавна представлялась нѣкоторымъ членамъ общества. Якушкинъ разсказываетъ, какъ онъ, подъ впечатлѣніемъ бѣдственнаго положенія крестьянъ и произвола начальствъ, возъимѣлъ мысль составить адресъ къ императору Александру и просить о созваніи земской думы (Зап., стр. 43—44).

и промышленности, во внѣшней политикѣ — оказанія помощи возставшей Греціи и т. д. [1]).

Послѣ своего закрытія въ 1821-мъ г., Союзъ Благоденствія, какъ мы сказали, былъ возстановленъ и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, для него составленъ былъ новый уставъ, въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ въ первой предлагались тѣже филантропическія цѣли, какъ въ прежней «Зеленой Книгѣ», а во второй, назначавшейся для членовъ высшаго разряда, излагались настоящія цѣли новаго Союза, именно цѣли конституціонныя. Этого документа мы опять не знаемъ; но судя вообще по мнѣніямъ членовъ общества, высказаннымъ ими тогда и впослѣдствіи, взгляды общества измѣнились въ томъ смыслѣ, какъ мы указывали, — именно, они стали гораздо опредѣленнѣе, ихъ предположенія о будущемъ порядкѣ вещей, желаемомъ ими для Россіи, стали болѣе сознательны и обдуманны; вмѣстѣ съ тѣмъ, члены общества перестали ждать преобразованія отъ правительства и обдумывали обстоятельства, въ которыхъ имъ возможно было бы заявить свои политическія стремленія и дать имъ практическій вѣсъ, — хотя, какъ увидимъ, для этого послѣдняго они не могли найти ни возможности, ни средствъ.

Возстановленный Союзъ, какъ и прежде, дѣлился на два главные отдѣла, общества сѣверное и южное, которыя были не однимъ мѣстнымъ дѣленіемъ, но отчасти разнились и по своему характеру. Эта разница происходила главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ людей, которые стояли въ главѣ двухъ отдѣловъ. Въ сѣверномъ обществѣ руководящую роль занималъ въ особенности Ник. Муравьевъ (вліятельными людьми были также кн. Оболенскій, кн. Трубецкой, и только подъ конецъ Рылѣевъ), въ южномъ—Пестель. Первый отличался гораздо болѣе умѣреннымъ взглядомъ на вещи, чѣмъ послѣдній; у Муравьева гораздо больше было желанія дѣйствовать медленно для политическаго воспитанія общества, приготовлять умы къ новымъ политическимъ учрежденіямъ, которыя рано или поздно должны были основаться; Пестель, напротивъ, полагалъ, что нужно было болѣе энергическое вмѣшательство въ событія. Въ южномъ обществѣ, поэтому, было гораздо больше волненія и экзальтаціи, больше фантастическихъ плановъ, или вѣрнѣе, горячихъ разговоровъ, потому что, какъ показали послѣдствія, и въ южномъ обществѣ, какъ въ сѣверномъ, не было, собственно говоря, никакого рѣшеннаго плана. Событія

---

[1]) Ср. Зап. Муравьева, стр. 116—117.

захватили ихъ въ такую минуту, когда ни то, ни другое общество вовсе не пришли къ какому-нибудь положительному рѣшенію, къ какому-нибудь обдуманному плану дѣйствій. Существенную черту этого послѣдняго времени составляла политическая экзальтація, которая достигла теперь своего высшаго развитія. Разъ допущенная нѣсколько, свобода мнѣній распространялась въ общественной жизни, и событія, внѣшнія и внутреннія, возбуждали ее больше и больше. Эта свобода была, конечно, воображаемая, чисто случайная; но люди обманывались ея призраками, и подъ вліяніемъ этого самообольщенія, давали просторъ своему воображенію, ожидали и надѣялись того, что, конечно, показалось бы невозможнымъ для нихъ самихъ безъ этой обманчивой атмосферы. Правда, либералы сознавали непрочность своего положенія, опасались преслѣдованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали свои смѣлыя мечты; съ другой стороны правительство опасалось тайнаго общества, но преувеличивало его силу и затруднялось въ мѣрахъ противъ него. Недоразумѣніе длилось, и положеніе вещей становилось все болѣе и болѣе натянутымъ...

До сихъ поръ еще трудно сказать, какъ смотрѣлъ на тайное общество самъ императоръ Александръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ зналъ объ его существованіи. По словамъ «Донесенія» 30-го мая, въ бумагахъ императора, послѣ его смерти, найдена была записка о Союзѣ Благоденствія, составленная, повидимому, человѣкомъ, который былъ членомъ Союза. Въ запискахъ Якушкина, писанныхъ весьма правдиво и достовѣрность которыхъ въ особенности подтверждается г. Свистуновымъ, приводится нѣсколько случаевъ, гдѣ имп. Александръ высказывался о тайномъ обществѣ. По свидѣтельству этихъ записокъ, императоръ имѣлъ нѣсколько преувеличенное понятіе о силѣ общества и очень его опасался въ ту пору, когда на него оказывала особенное вліяніе европейская реакція. «У императора была въ рукахъ Зеленая Книга, и онъ, прочитавши ее, говорилъ своимъ приближеннымъ, что въ этомъ уставѣ Союза Благоденствія все было прекрасно, но что на это нисколько нельзя полагаться, что большая часть тайныхъ обществъ при началѣ своемъ имѣютъ почти всегда только цѣль филантропическую, но что потомъ эта цѣль измѣняется и переходитъ въ заговоръ противъ правительства». Тѣже записки разсказываютъ, что къ нему безпрестанно привозили бумаги, захваченныя у лицъ, подозрѣваемыхъ полиціей, но при этомъ ни разу не попадался ни одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ общества; однако, тутъ же говорится, что онъ называлъ (въ 1822 г.) кн. Волконскому поименно нѣкоторыхъ лицъ, которыя дѣйствительно были членами Союза, напр. Якуш-

кина, Пассека, фонъ-Визина, Мих. Муравьева. Тогда же онъ называлъ эти или другія имена А. П. Ермолову, который говорилъ объ этомъ фонъ-Визину, при чемъ называлъ его въ шутку «величайшимъ карбонаріемъ». Несмотря на то, императоръ не принималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Союза; одни объясняютъ это тѣмъ, что болѣзненное воображеніе императора преувеличивало значеніе и средства тайнаго общества, и что, не имѣя о немъ ближайшихъ свѣдѣній, ему трудно было дѣйствовать противъ врага невидимаго; другіе напротивъ думаютъ — и въ этомъ мнѣніи есть нѣкоторая вѣроятность,—что императоръ достаточно зналъ о Союзѣ Благоденствія и, конечно, имѣлъ средства его уничтожить, но оказывалъ относительно его терпимость потому, что, если и видѣлъ въ немъ политическую партію, онъ не видѣлъ въ немъ политически опаснаго заговора, чѣмъ-нибудь грозящаго въ данную минуту [1]). Мѣры, принятыя имъ, были нерѣшительныя. Дѣйствительно, запрещеніе тайныхъ обществъ указомъ 1822-го г., направленное, конечно, и противъ Союза Благоденствія, исполнялось весьма формально и поверхностно; имп. Александръ какъ будто не желалъ и затруднялся преслѣдовать прямо либерализмъ, который во многомъ былъ только повтореніемъ и продолженіемъ идей, нѣкогда и еще недавно раздѣляемыхъ имъ самимъ [2]).

Мы указывали прежде, въ какомъ отношеніи стоялъ Союзъ къ обществу. Люди старыхъ партій естественно съ ненавистью смотрѣли на появленіе новыхъ мнѣній. Эта ненависть оказалась съ первыхъ лѣтъ царствованія, и мы видѣли отчасти, по какимъ ступенямъ она проходила и на какіе предметы и лица обращалась. Старовѣры начали вопіять противъ тайныхъ обществъ еще тогда, когда ихъ вовсе не было; они угадывали ихъ существованіе, когда общества появились, и, конечно, стали еще громче говорить противъ революціонной заразы. При этомъ происходили забавныя недоразумѣнія: старовѣры искали этой заразы черезчуръ усердно, видѣли ее въ самыхъ простыхъ и невинныхъ мнѣніяхъ, которыя только имъ однимъ казались

---

[1]) Зап. Якушк., стр. 66, 67, 70. Ср. записку Муравьева, стр. 117; Тургенева, La Russie, I, стр. 117—119, 173—174.

[2]) Подобный примѣръ мы указывали въ исторіи библейскаго общества, — гдѣ, предоставивъ дѣйствовать Шишкову и Аракчееву, онъ однако благодарилъ И. М. Муравьева-Апостола за защиту Госнера и Попова въ сенатѣ.—Говорятъ кромѣ того, что у него высказывалось иногда и отвращеніе къ шпіонству, къ которому здѣсь и пришлось бы обратиться. La Russie II, 519—520. Ср. Зап. Вигеля III, VII, 47. Онъ считалъ Н И. Тургенева за человѣка съ очень крайними мнѣніями, но тѣмъ не менѣе оказывалъ ему большое вниманіе. La Russie I, 169—170.

ужасными, или же отыскивали ее въ библейскомъ піэтизмѣ, который, конечно, былъ какъ нельзя больше далекъ отъ какихъ нибудь политическихъ идей. Шишковъ представлялъ себѣ библейское общество не иначе какъ ужаснѣйшимъ заговоромъ противъ властей и религіи.»

Въ обществѣ образованномъ либеральныя политическія идеи распространились къ этому времени настолько, что члены тайнаго общества своимъ образомъ мыслей могли вовсе не бросаться въ глаза. «Члены тайнаго общества ничѣмъ не отличались отъ другихъ,—говоритъ прямо одинъ современникъ:—въ это время свободное выраженіе мыслей было принадлежностью не только всякаго порядочнаго человѣка, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ человѣкомъ»[1]). «Большинство либеральныхъ умовъ было такъ велико,—говоритъ другой,—что его рѣшенія считались *мнѣніемъ общимъ*, за немногими исключеніями; къ нему привыкли какъ къ закону всесильной моды; никто не смѣлъ ему противорѣчить, въ немъ сомнѣваться»[2]). Замѣтимъ, что это послѣднее говоритъ человѣкъ, который желаетъ сколько возможно бросить тѣнь на либерализмъ тайнаго общества. Образчики тогдашнихъ мнѣній, приведенные въ тѣхъ же запискахъ, показываютъ дѣйствительно, что свобода мнѣній или разговоровъ, усвоенная обычаемъ, была очень значительная. Это обстоятельство, между прочимъ, опять даетъ понять настоящую цѣну нѣкоторыхъ обвиненій, падавшихъ на членовъ общества: имъ приписывается много необузданныхъ рѣчей, но по свидѣтельствамъ современниковъ не трудно видѣть, что такой тонъ рѣчей былъ очень обыкновененъ, что рѣчи эти невозможно было принимать буквально и придавать имъ значеніе прямого замысла и намѣренія. «Сколько запутано было въ это дѣло людей, виновныхъ столько же какъ и я,—пишетъ несомнительный въ этомъ случаѣ свидѣтель, Гречъ,—людей, слышавшихъ дерзкія рѣчи и не донесшихъ о нихъ потому, что считали ихъ пустыми и ничтожными»[3]). Большая часть ихъ и дѣйствительно не имѣла другого значенія...

Вслѣдствіе этого общаго усиленія либерализма, тайное об-

---

1) Зап. Якушк. 70.

2) Зап. Греча въ Р. Вѣстн. 1868, іюнь, стр. 378.

3) Тамъ же. стр. 382. «Такъ напримѣръ,—продолжаетъ Гречъ,—упомянутый въ донесеніи слѣдственной коммиссіи отзывъ Якубовича (вы хотите быть *головами*, господа! Пусть такъ; но оставьте намъ *руки*) сказанъ былъ въ моемъ присутствіи». Такимъ образомъ, подобныя рѣчи говорились даже не въ кругѣ тайнаго общества, а въ случайной бесѣдѣ, при постороннихъ людяхъ. Надо полагать, что и весь разговоръ, къ которому принадлежали эти слова, велся при тѣхъ же постороннихъ и слѣд. былъ таковъ, что его тогда считали возможнымъ вести.

щество распространяется въ двадцатыхъ годахъ еще сильнѣе. Оно заключало въ себѣ значительную часть людей, представлявшихъ тогда цвѣтъ образованнаго, особенно аристократическаго общества. Даже люди, старавшіеся бросить сколько можно больше грязи на членовъ тайнаго общества, какъ Гречъ, по остатку добросовѣстности должны были признать за очень многими изъ нихъ замѣчательныя достоинства ума, образованности и характера. Въ высшей степени печальны обстоятельства, которыя не дали правильной дѣятельности этимъ силамъ; но безпристрастное сужденіе не можетъ отвергать, что здѣсь было много лучшихъ общественныхъ силъ, какія только представляло то время.

Не слѣдуетъ забывать, что такъ-называемые декабристы далеко не представляютъ всѣхъ людей либеральнаго образа мыслей, даже всѣхъ членовъ тайнаго общества. По словамъ «Донесенія», послѣ происшествій 14-го декабря взяты были подъ стражу или призваны слѣдственной коммиссіей къ допросу лишь тѣ, даже изъ членовъ тайнаго общества, о которыхъ «по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ должно было заключить, что они или участвовали въ самыхъ преступныхъ умыслахъ и могутъ еще быть опасны, или что показанія ихъ нужны для обличенія главныхъ мятежниковъ и обнаруженія всѣхъ плановъ ихъ». Многіе принадлежали къ тайному обществу только временно, и потомъ оставляли его не столько потому, что переставали раздѣлять его общія понятія, сколько потому, что не хотѣли подвергаться его опасностямъ; были конечно и такіе, которые перемѣняли образъ мыслей, или покидали его по разсчету. При извѣстныхъ теперь данныхъ еще трудно составить отчетливое понятіе о распространеніи тайнаго общества; но говорятъ, что въ свое время къ нему принадлежало много людей, занимавшихъ значительное положеніе въ слѣдующее царствованіе. Такъ мы видѣли въ немъ имена М. Н. Муравьева, Ѳ. Н. Глинки, Граббе; называютъ также Н. Н. Муравьева, кн. Мих. Горчакова, Кавелина (петербургскаго военнаго генералъ-губернатора), Л. А. Перовскаго, кн. А. С. Меньшикова и др. [1]. Наконецъ, было много людей, которые такъ мало, повидимому, расходились въ мнѣніяхъ съ членами общества, что послѣдніе безъ всякаго опасенія сообщали имъ свои взгляды и работы,—какъ напр. Киселевъ (впослѣдствіи министръ госуд. имуществъ), которому Пестель читалъ свою «Русскую Правду»; Ермоловъ, который, не принадлежа къ обществу, зналъ его членовъ и въ свою очередь имѣлъ въ немъ большихъ почитателей, и т. д.

[1]) Зап. Труб., стр. 12.

Выше было отчасти упомянуто, въ какія отношенія тайное общество становилось къ литературѣ. Въ литературѣ дѣйствовали нѣсколько членовъ общества, хотя по условіямъ тогдашней цензуры, они, конечно, не могли высказывать своихъ политическихъ и общественныхъ мнѣній; журналъ Н. И. Тургенева не состоялся и съ тѣхъ поръ, кажется, не было уже рѣчи о томъ, чтобы дѣйствовать на общественное мнѣніе публицистическими средствами. Быть можетъ, при тогдашней цензурѣ это было и физически невозможно. Въ кружкѣ чисто литературномъ, къ тайному обществу принадлежали Рылѣевъ (съ 1823 г.), Бестужевъ Александръ и братъ его Николай, кн. А. И. Одоевскій, Корниловичъ, Кюхельбекеръ, Ѳ. Глинка. Два первые были съ 1823 г. издателями извѣстной «Полярной Звѣзды», въ которой собирались поэтическія произведенія новаго романтизма. Пушкинъ былъ уже предметомъ поклоненія въ этомъ кружкѣ; сосланный съ 1820-го года, онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своими друзьями, и въ этихъ сношеніяхъ (до сихъ поръ къ сожалѣнію не собрана его переписка!) издатели «Полярной Звѣзды» были также частыми его корреспондентами. Вмѣстѣ съ его стихотвореніями, въ этомъ альманахѣ появлялись имена Жуковскаго, кн. Вяземскаго, Баратынскаго, Грибоѣдова, Дельвига, Гнѣдича, Ѳ. Глинки, Козлова, Плетнева, а также и писателей старыхъ школъ, Дмитріева, Крылова, В. И. Панаева.

Тогдашняя литература была чрезвычайно связана цензурными стѣсненіями. Прежде цензурѣ еще случалось пропускать вещи, имѣвшія общественное значеніе,—хотя, конечно, совершенно невинныя (какъ книги Тургенева, Куницына и т. п.); теперь, вполнѣ подъ вліяніемъ невѣжественнаго обскурантизма, она, слѣдуя приказаніямъ кн. Голицына, потомъ Шишкова, старательно истребляла малѣйшіе признаки серьезной общественной мысли, въ которой видѣла одно вольнодумство. Какъ она ихъ истребляла, это нѣсколько извѣстно изъ различныхъ анекдотовъ. Самъ Шишковъ, принимая цензурныя бразды отъ своего предшественника, удивлялся глупости цензурныхъ поправокъ, какія были тогда въ употребленіи [1]). Цензура, безъ сомнѣнія, помогла усиленію той потаенной или, какъ теперь любятъ говорить, подпольной литературы, о которой мы упоминали и въ которой былъ такъ дѣятеленъ Пушкинъ. Къ этой подпольной литературѣ принадлежало тогда и «Горе отъ Ума», потому что цензура дѣлала невозможнымъ напечатаніе знаменитой комедіи. Отъ

[1]) См. въ его Запискахъ, — въ его мнѣніи по дѣлу о профессорахъ (Р. Арх. 1865).

цензуры страдалъ не только Грибоѣдовъ, не только поэмы Пушкина, но даже невинныя баллады Жуковскаго. При всемъ томъ, въ тогдашней литературѣ не трудно прослѣдить отраженіе понятій, которыя въ то время зарождались и развивались въ болѣе образованной части общества. Романтизмъ того времени представлялъ въ литературѣ такую же оппозицію классицизму, какъ новыя либеральныя идеи были оппозиціей старымъ понятіямъ. Конечно, не всегда либерализмъ литературный соотвѣтствовалъ либерализму въ общественныхъ понятіяхъ, но вообще тѣ и другія партіи представляли любопытныя и вовсе не случайныя совпаденія. Защитники стараго слога были упорные консерваторы; романтики были вольнодумцы; сантиментальная школа Карамзина занимала между ними середину. Оттѣнки самаго романтизма находятъ свое соотвѣтствіе въ характерѣ общественно-политическихъ мнѣній. Романтизмъ въ нашей литературѣ былъ почти такое же сложное явленіе, какъ въ литературѣ западной. Съ одной стороны онъ расширялъ поэтическія и національныя воззрѣнія; съ другой увлеченіе мистическимъ идеализмомъ и національной стариной вело къ практическому равнодушію въ современной общественности или даже къ чистой реакціи. Эти элементы оказывали свое скрытное вліяніе и у насъ. Мистическая заунывность, мечтательныя стремленія въ заоблачныя страны, такъ сильно отличавшія романтическій вкусъ Жуковскаго, совпадали съ общественнымъ индифферентизмомъ Арзамаса, и въ этихъ своихъ сторонахъ поэзія Жуковскаго уже тогда, кажется, не удовлетворяла романтиковъ иного характера[1]). Членъ тайнаго общества и поэтъ, Ѳ. Н. Глинка, также развивалъ эти темы. Въ поэзіи Пушкина сказались иные мотивы: удивительная свѣжесть и сила его таланта предохранили его отъ мистическаго романтизма. Это былъ, напротивъ, поэтъ наслажденія, живой дѣйствительности; романтическіе порывы его фантазіи обращались къ русской народной жизни, и русская поэзія впервые усвоивала здѣсь истинно народные мотивы. Вліяніе

[1]) «Неоспоримо,—говоритъ Рылѣевъ въ одномъ письмѣ къ Пушкину,—что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворной слогъ нашъ—и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами своими изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ? Это болѣе можетъ упрочить славу его».

Байрона отразилось у Пушкина тѣмъ разочарованіемъ, которое впослѣдствіи прошло цѣлой полосой въ нашей поэтической литературѣ. У насъ согласно утверждаютъ, что байроновское вліяніе было чужимъ элементомъ въ поэзіи Пушкина, которая вскорѣ и освободилась отъ него, что Пушкинъ не могъ даже понять байроновскаго отрицанія во всей силѣ его общественно-политическаго и философскаго значенія; съ этимъ можно согласиться, — но это вліяніе не было однако случайностью. Оно отвѣчало его тогдашнему либеральному настроенію; недовольство настоящими порядками, съ одной стороны, дѣлало для него сочувственнымъ байроновское отрицаніе, съ другой внушало ему свободолюбивыя стихотворенія. Этотъ либеральный романтизмъ имѣлъ и другихъ представителей, въ числѣ которыхъ можно вспомнить Языкова, тогда начинавшаго свое поэтическое поприще стихотвореніями, отличительную черту которыхъ составлялъ «геніальный» разгулъ и «вольнолюбивыя мечты» [1]). Комедія Грибоѣдова имѣла столько общественно-политическаго значенія, сколько имѣли потомъ очень немногія произведенія нашей литературы, и боязнь ея смысла доходила въ цензурныхъ властяхъ до того, что мы получили первыя неурѣзанныя изданія этой комедіи только немного лѣтъ тому назадъ, — тогда, когда она сохранила одинъ историческій интересъ. Надо перенестись за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, ко времени перваго появленія ея рукописи, и представить себѣ тогдашнюю непривычку къ подобной сатирѣ, чтобы оцѣнить въ настоящей мѣрѣ значеніе «Горя отъ Ума»: передъ нами является живымъ общество двадцатыхъ годовъ, гдѣ еще процвѣтали «старинные» нравы, которые такъ восхвалялъ Шишковъ, самодовольное холопство и невѣжество чиновнаго барства, съ которыми безуспѣшно боролись люди новаго образованія и понятій. Сатира Грибоѣдова вполнѣ представляетъ точку зрѣнія молодого поколѣнія либеральныхъ идеалистовъ.

Такъ литература связывалась съ тѣми идеями, которыя въ общественной жизни главнымъ образомъ выражались стремленіями тайнаго общества. Много лѣтъ спустя Пушкинъ вспомнилъ это время, и въ стихотвореніи «Аріонъ» (1830 г.) призналъ свой союзъ съ людьми этого времени, отъ которыхъ онъ такъ отдалился нравственно въ поздній періодъ своей жизни.

Насъ было много на челнѣ...
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ

---

[1]) Таковы въ особенности его стихотворенія за періодъ 1823—25 года: Посланіе къ Н. Д. Киселеву, Къ халату, «Свободы гордой вдохновенье», Элегія («Еще молчитъ гроза народа»), Деритъ и др.

Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою...

Однимъ изъ самыхъ характеристическихъ представителей либеральной литературы въ средѣ тайнаго общества былъ Рылѣевъ. Этотъ писатель, до сихъ поръ совершенно «пропущенный нашей критикой», конечно, заслуживаетъ воспоминанія больше, чѣмъ много другихъ поэтовъ, которыхъ эта критика старательно истолковывала. Біографія Рылѣева до сихъ поръ извѣстна очень мало; немногія воспоминанія его друзей разсказываютъ въ особенности его роль въ послѣднихъ трагическихъ событіяхъ; недавно напечатанныя воспоминанія Греча стараются только загрязнить человѣка, надъ которымъ судьба произнесла свой страшный приговоръ [1]). Рылѣевъ получилъ, повидимому, скудное образованіе въ кадетскомъ корпусѣ; но качества характера, заставлявшія его искать дѣятельности, гдѣ онъ могъ быть полезнымъ человѣкомъ въ обществѣ, и его поэтическое дарованіе дали ему мѣсто въ наиболѣе просвѣщенномъ кругу тогдашняго общества. Таковы были его дружескія связи съ Бестужевыми, Николаемъ и Александромъ; переписка его съ Пушкинымъ показываетъ, что Пушкинъ цѣнилъ его личныя достоинства и его мнѣнія; имъ интересовались и люди другого круга. Гречъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ: «Съ Николаемъ Тургеневымъ Рылѣевъ познакомился у меня, 4-го октября 1822 года, на празднованіи десятилѣтія «Сына Отечества». Меня и многихъ изумило, что надутый аристократъ и геттингенскій буршъ долго бесѣдовалъ съ плебеемъ и кадетомъ, который даже не говорилъ по-французски. Могли ли мы воображать, о чемъ они толкуютъ....». Гречъ даетъ понять, что-де г. Тургеневъ толковалъ съ нимъ о тайномъ обществѣ и, навѣрное, увлекалъ его въ заговоръ. Но Рылѣевъ вступилъ въ общество не ранѣе 1823-го года; его ввелъ не Тургеневъ, а Пущинъ, и заговоровъ г. Тургеневъ, сколько извѣстно, не дѣлалъ. Есть свѣдѣнія, что Рылѣевъ встрѣчался подобнымъ образомъ и съ другими людьми, которые уже вовсе не думали основывать никакихъ тайныхъ обществъ, напр. съ Мордвиновымъ и Сперан-

---

[1]) Гречъ изображаетъ его необразованнымъ, не переварившимъ либеральной пищи, даже слабоумнымъ человѣкомъ, фанатикомъ идей, которыхъ не понималъ. Этимъ злостнымъ отзывамъ противорѣчатъ не только воспоминанія друзей Рылѣева (Н. Бестужева, кн. Оболенскаго), его роль въ литературѣ и въ тайномъ обществѣ, но и собственные разсказы того же Греча. Кромѣ того, множество фактическихъ ошибокъ и вообще недостовѣрность разсказовъ Греча о Рылѣевѣ были указаны въ статьѣ г. Кропотова по поводу записокъ Греча. Р. Вѣстн. 1869, кн. 3, стр. 229—245.

скимъ, которые оказывали ему вниманіе и находили интересъ въ разговорахъ съ нимъ потому, вѣроятно, что недостатокъ образованія не мѣшалъ Рылѣеву быть интереснѣе Греча.

Поэтическій талантъ Рылѣева не былъ талантъ сильный, но онъ не подлежитъ однако сомнѣнію; и особенно тамъ, гдѣ Рылѣевъ высказывалъ свои задушевныя идеи, сначала, можетъ быть, угадываемыя больше чувствомъ, его стихотворенія достигаютъ истинной поэтической силы и красоты. Таковы многіе стихи въ его «Временщикѣ» (1820 г.), въ его «Видѣніи» (или «одѣ на день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30-го августа 1823 года»), въ «Гражданинѣ», наконецъ въ нѣкоторыхъ думахъ, въ «Войнаровскомъ» и «Наливайкѣ». Во внѣшней формѣ стихотворенія Рылѣева имѣли свои недостатки, особенно замѣтные, когда въ литературѣ былъ Жуковскій и Пушкинъ; но, по своему содержанію, онѣ вносили въ литературу новый и оригинальный вкладъ: это была патріотическая лирика въ смыслѣ тѣхъ стремленій, какія отличали въ то время наиболѣе образованную часть общества. Въ томъ же смыслѣ Рылѣевъ обращался къ поэтическому воспроизведенію старины: онъ искалъ въ ней мотивовъ патріотизма, чувства общаго блага и дѣла, народной независимости. То чувство народности, которое мы указывали въ людяхъ тайнаго общества при самомъ его началѣ, высказалось и въ стихотвореніяхъ Рылѣева. И здѣсь можно опять замѣтить, что ихъ пониманіе народности показалось бы очень неполнымъ съ нашей точки зрѣнія; мы найдемъ въ этомъ пониманіи нѣчто искусственное, какъ вообще тогдашній романтизмъ, нѣчто чужое, потому что въ этомъ направленіи еще чувствовались слѣды вліянія европейской литературы, чувствовалась предвзятая мысль, съ которой писатель обращался къ изображенію предмета: но такое отношеніе къ дѣлу было для того времени очень естественно, потому что это былъ первый опытъ, необходимая приготовительная ступень, и только перешедши ее, можно было ждать иного, болѣе естественнаго взгляда на дѣло и болѣе живаго литературнаго пріема. Не забудемъ, что и другая ступень такъ-называемой народности, представляемая славянофильствомъ (не говоря уже объ оффиціальной народности 30-хъ и 40-хъ годовъ), также еще далеко не была настоящимъ разсудительнымъ пониманіемъ народнаго вопроса.

Въ стихотвореніяхъ Рылѣева отражается нетерпѣливый либерализмъ тогдашнихъ мнѣній, особенно между людьми тайнаго общества; такъ онъ видѣнъ уже въ рѣзкомъ, смѣломъ тонѣ перваго напечатаннаго стихотворенія Рылѣева (къ «Временщику»).

Но его общій образъ мыслей въ то время не шелъ дальше тѣхъ умѣренныхъ желаній, какими тогда ограничивались либералы Союза Благоденствія; Рылѣевъ еще надѣялся, что императоръ Александръ можетъ стать во главѣ европейскаго либерализма. Таково стихотвореніе «Александру I» (1821 г.). Въ «Видѣніи» онъ, кажется, пересталъ вѣрить настоящему и переноситъ на будущее запасъ своихъ гражданскихъ идеаловъ и ожиданій. «Исповѣдь Наливайки», напечатанная въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 г., высказываетъ его настроеніе за послѣднее время, и была какъ будто предчувствіемъ его собственной судьбы.

Въ числѣ писателей, принадлежавшихъ къ кругу тайнаго общества, является также одна изъ самыхъ симпатическихъ личностей того времени, кн. А. И. Одоевскій (1802—1839 г.). Во время событій 1825 г. онъ былъ еще юноша; съ тѣхъ поръ для него началась ссылка, въ которой онъ и провелъ всю свою жизнь. Его привлекательная личность въ то первое время внушала къ нему теплую симпатію Грибоѣдова; въ послѣднее время еще болѣе горячее дружеское чувство онъ внушилъ Лермонтову, Огареву и пр. Его немногія стихотворенія сохранились случайно; онъ самъ вообще не писалъ своихъ стиховъ, и то немногое, что извѣстно, уцѣлѣло потому, что записывалось кѣмъ-нибудь изъ его друзей. Отличительная черта этихъ стихотвореній—глубокое и мягкое чувство религіозной любви и самоотреченія. «Онъ былъ... христіанинъ, философъ, или скорѣе поэтъ христіанской мысли, внѣ всякой церкви,—разсказываетъ одинъ изъ близко знавшихъ его людей. Онъ въ христіанствѣ искалъ не церковнаго единства, какъ Чаадаевъ, а исключительно самоотреченія, чувства преданности и забвенія своей личности;... ему нужно было только подчинить себя идеалу человѣческой чистоты, которая для него осуществилась во Христѣ... Ссылка, невольное удаленіе отъ гражданской дѣятельности, привязала его къ религіозному самоотверженію, потому что иначе ему своей преданности некуда было дѣвать....» Извѣстно прелестное и трогательное стихотвореніе, которое посвятилъ Лермонтовъ памяти своего друга.

Этотъ религіозно-идеалистическій, любящій характеръ развился вполнѣ уже въ болѣе позднее время, подъ гнетомъ тяжелыхъ опытовъ ссылки и несчастія, но зародыши этого настроенія лежатъ еще въ эпохѣ двадцатыхъ годовъ. Одоевскій въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ здѣсь какъ личность характеристическая. Намъ случалось упоминать, что въ либеральномъ движеніи десятыхъ и двадцатыхъ годовъ религіозный элементъ также занималъ свое мѣсто. Это не былъ піэтизмъ биб-

лейскихъ обществъ, или масонская мистика (хотя и послѣдняя въ извѣстной степени здѣсь участвовала); религіозность, о которой мы говоримъ, была болѣе простого, человѣческаго, нравственнаго свойства, — въ ней не было ни темныхъ фантастическихъ мечтаній, ни церковной исключительности; это былъ христіанскій идеализмъ, который у Одоевскаго является особенно сильнымъ и выразился наиболѣе симпатичнымъ образомъ. Извѣстно, что между «декабристами» было вообще много людей глубоко религіозныхъ. Было бы очень естественно, еслибы религіозное чувство явилось у «декабристовъ» даже просто какъ слѣдствіе ихъ положенія, какъ единственная отрада, которая остается послѣ горькихъ разочарованій и несчастій. Но это чувство было уже принесено ими въ ссылку. Въ обществѣ того времени еще не было распространено столько раціоналистическихъ понятій, или столько индифферентизма, какъ теперь; преданія прежнихъ благочестивыхъ нравовъ были еще близки; въ тогдашнемъ образованіи отразились и вліянія европейскаго духа времени. Въ параллель съ политической реставраціей, въ европейскомъ обществѣ явились, какъ реакція противъ скептицизма XVIII-го столѣтія, романтическія идеи и особенное идеализированное христіанство, однимъ изъ крайнихъ выраженій котораго былъ и библейскій піэтизмъ. Эта европейская романтика въ различныхъ формахъ оказала свое дѣйствіе и у насъ. Религіозность нашихъ образованныхъ кружковъ далеко не всегда была религіозность церковная; напротивъ, у многихъ, какъ въ особенности у Одоевскаго, это была чисто идеалистическая религія; у другихъ, подъ вліяніемъ времени, являлась наклонность къ католическимъ теоріямъ, какъ у Чаадаева, и кажется у Лунина; третьихъ религіозная пытливость приводила къ скептицизму, какъ напр. Якушкина, но и это опять не было ни равнодушіе, ни полное отрицаніе, а скорѣе требовательное исканіе нравственнаго идеала.

Вообще и здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, мнѣнія декабристовъ, какъ онѣ существовали въ двадцатыхъ годахъ и доразвились впослѣдствіи (хотя съ нѣкоторыми отклоненіями), были зародышемъ послѣдующихъ направленій: здѣсь были задатки и славянофильской мечтательности и скептицизма кружка Бѣлинскаго.

Такимъ предисловіемъ къ позднѣйшимъ мнѣніямъ славянофиловъ были и мнѣнія декабристовъ о славянскомъ вопросѣ, мнѣнія, высказанныя отрывочно, не развитыя, но тѣмъ не менѣе имѣющія свой отличительный характеръ...

Какъ ни трудно, при нынѣшнемъ недостаткѣ свѣдѣній, фактически опредѣлять положеніе этого либеральнаго круга въ тогдашнемъ обществѣ; тѣмъ не менѣе, есть возможность указать общія черты исторической роли этихъ людей въ общественной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергнуть много нареканій, которыя взводились на нихъ тогда и впослѣдствіи. «Безусловные приверженцы всякаго существующаго порядка,—повторимъ опять приведенныя нами слова современника,—отнеслись, какъ и слѣдовало ожидать, враждебно и неумолимо на счетъ нарушителей общественнаго спокойствія, приписавъ имъ преступныя и даже постыдныя побужденія; но приговоръ ихъ не удовлетворитъ будущаго историка» [1]. И историкъ, въ особенности, долженъ будетъ отвергнуть тѣ осужденія, которыя внушены злостнымъ недоброжелательствомъ или тѣмъ прислужничествомъ, которое всегда готово бросать лишній камень въ людей, и безъ того павшихъ и преслѣдуемыхъ. Люди двадцатыхъ годовъ въ особенности нуждаются въ историческомъ оправданіи, какого имъ до сихъ поръ недостаетъ въ нашей литературѣ: надолго они были совершенно исключены отъ всякаго воспоминанія; затѣмъ они могли быть открыты только для нападеній и обличеній; защита, которую имъ давно давала одна часть образованнаго общества, не могла высказываться, и для большинства оставался непонятенъ цѣлый историческій періодъ, гдѣ эти люди явились представителями тѣхъ самыхъ общественныхъ вопросовъ, которые составляютъ и въ наше время существенную задачу нашего внутренняго развитія.

Люди либеральнаго круга составляли, какъ было уже замѣчено, значительную долю въ тогдашнемъ обществѣ и ихъ мнѣнія, защищаемыя искренно и безкорыстно, оказывали свое вліяніе на господствующія понятія. Сами современники говорятъ, что дѣятельность членовъ тайнаго общества вообще состояла очень часто только въ заявленіи своего образа мыслей, въ распространеніи своихъ теоретическихъ понятій, нравственныхъ и политическихъ. Собранія тайнаго общества — въ спокойное время его существованія — бывали часто только бесѣды людей сходныхъ мнѣній, о политическихъ предметахъ, и на этихъ собраніяхъ легко могли бывать даже люди, непричастные къ тайному обществу, даже враждебные его взглядамъ [2].

---

[1]) Р. Архивъ, 1870, стр. 1634.

[2]) Такъ бывалъ у Н. И. Тургенева проф. Куницынъ, Пушкинъ; такъ Гречъ безпрестанно проводитъ время среди членовъ тайнаго общества. Въ біографіи Карамзина, г. Погодина, упоминается о посѣщеніяхъ Карамзина къ Никитѣ Мих. Муравь-

Люди старыхъ мнѣній давно уже возстали противъ вольнодумства, по ихъ мнѣнію, заразившаго большую долю общества. Мы видѣли, какъ ратовалъ противъ вольнодумства Шишковъ, какъ возставалъ противъ либералистовъ Карамзинъ, и насколько были справедливы ихъ нападенія и ихъ негодованіе противъ людей, выражавшихъ даже самыя умѣренныя желанія перемѣнъ и улучшеній. Консерваторы не понимали новаго образа мыслей въ самыхъ скромныхъ его заявленіяхъ, и между ними вражда была неизбѣжна. Приверженцы стараго порядка расточали противъ либераловъ слова: вольнодумство, карбонарство, зажигательство и т. д. За либераловъ отвѣчалъ Грибоѣдовъ, нарисовавъ съ одной стороны Чацкаго и съ другой Фамусова съ полковникомъ Скалозубомъ.

Совершились извѣстныя событія: много людей прежняго либеральнаго круга стало ихъ жертвой; объ этихъ людяхъ надолго должны были замолкнуть не только друзья, но и противники. Но когда, съ недавнихъ поръ, въ историческихъ воспоминаніяхъ стало нѣсколько всплывать и это время, противъ этихъ людей выставленъ былъ старый и новый запасъ злостныхъ нареканій [1]), о которыхъ можно было бы не упоминать, по достаточной извѣстности ихъ автора, еслибы они не отражали въ себѣ систематическаго очерненія той эпохи, и еслибы ихъ авторъ въ особенности не приписывалъ себѣ авторитета свидѣтеля-очевидца. На мнѣніяхъ этого автора можно остановиться потому, что они сами представляютъ собою историческій образчикъ цѣлаго взгляда на вещи, который процвѣталъ нѣкогда и въ обществѣ, и въ литературѣ.... Гречъ не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ для осужденія тайнаго общества, въ особенности главныхъ его представителей; онъ зналъ очень многихъ лицъ тогдашняго либеральнаго круга, и какъ будто для того, чтобы заднимъ числомъ

еву, и между прочимъ сообщенъ слѣдующій, отрывочный, но очень любопытный фактъ. «В. Д. Корниловъ, знакомый Карамзину, читалъ мнѣ, еще студенту, въ двадцатыхъ годахъ, изъ своей записной книжки описаніе вечера въ домѣ *Муравьевыхъ*, гдѣ молодежь разсуждала съ хозяиномъ объ Исторіи. Вдругъ вошелъ къ нимъ самъ Николай Михайловичъ, жившій въ одномъ домѣ. Они обратились къ нему съ своими возраженіями. «Да не буду я первый въ своемъ отечествѣ», отвѣчалъ онъ имъ.... Но продолженія не сохранила мнѣ память»,—замѣчаетъ г. Погодинъ (Н. М. Карамзинъ, II, стр. 203, прим.). Судя по обороту рѣчи, надобно полагать, что по поводу Исторіи шелъ здѣсь разговоръ о политическихъ формахъ, какія были очень обыкновенны у этой молодежи, и вѣроятно упомянута была и та форма, къ которой легко могли относиться слова Карамзина, т.-е. республика и президентство.—Если мы не ошибаемся въ предположеніи, оказалось бы, что и Карамзинъ могъ участвовать въ политическихъ бесѣдахъ друзей Н. Муравьева, или членовъ тайнаго общества.

[1]) «Изъ записокъ Николая Ивановича Греча», въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1868, іюнь.

отчураться отъ этого стараго знакомства, онъ набираетъ противъ нихъ злобные эпитеты. Мы приводимъ въ примѣчаніи образчикъ его сужденій, гдѣ онъ, забывъ и приличіе, и самое историческое разстояніе, силится отнять у стремленій тогдашнихъ людей всякій смыслъ, заподозрить и загрязнить ихъ побужденія [1].

Насколько авторъ этихъ воспоминаній имѣлъ право на свои отзывы, объ этомъ мудрено еще говорить, за неимѣніемъ точныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ самомъ за это время. Прежде всего, читателю бросается въ глаза противорѣчіе общихъ приговоровъ автора съ его частными отзывами объ отдѣльныхъ лицахъ. По словамъ его, онъ говоритъ только о тѣхъ, кого лично зналъ, и здѣсь, исключая двухъ-трехъ лицъ (Рылѣева, Якубовича, В. Кюхельбекера, изъ которыхъ послѣдніе два вовсе не были въ числѣ «коноводовъ»), его отзывы чрезвычайно благопріятны: слова — умный, прекрасно образованный, благородный, истинный филантропъ, гонитель неправды, сопровождаютъ почти каждое описываемое лицо. При его общемъ озлобленіи противъ тогдашнихъ либераловъ, надобно думать, что только остатокъ чувства справедливости могъ вынудить его къ этимъ отзывамъ. Этихъ отзывовъ достаточно, чтобы видѣть, насколько можно вѣрить его обвиненіямъ противъ тѣхъ же лицъ въ честолюбіи, въ алчности и т. п., которыя будто бы руководили этими людьми.

Поводъ къ обвиненію дало ему и то, что въ тайномъ обществѣ было не мало людей изъ аристократическаго круга. Кромѣ алчности и честолюбія, онъ винитъ ихъ въ аристократической спѣси и высокомѣріи къ людямъ другого круга. Легко могло быть, что онъ испыталъ это на своемъ личномъ опытѣ; но изъ

---

[1]) Гречъ не иначе говоритъ о тайномъ обществѣ, какъ: скопище, сволочь, шайка и т. п.; озлобленно бранитъ даже людей, о которыхъ въ самомъ «Донесеніи» говорится сдержанно и спокойно. О цѣломъ обществѣ онъ между прочимъ говоритъ: «Ослѣпленіе и самонадѣянная спѣсь коноводовъ этого безтолково-преступнаго дѣла были таковы, что они думали сдѣлать большую честь, оказать истинное участіе, даже благодѣяніе людямъ, которыхъ допускали въ свой кругъ, въ преддверіе Сибири.... Замѣчательно, что большая часть ревнителей свободы и равенства, правъ угнетеннаго народа, сами были гордые аристократы, надутые чувствами своей породы, знатности и богатства, смотрѣли съ оскорбительнымъ презрѣніемъ на людей незнатныхъ и небогатыхъ.... и въ тоже время удостоивали своимъ вниманіемъ, благосклонностью и покровительствомъ отребія человѣчества.... Въ числѣ заговорщиковъ и ихъ сообщниковъ не было ни одного не-дворянина.... Все потомки Рюрика, Гедимина, Чингисъ-хана, по крайней мѣрѣ бояръ и сановниковъ древнихъ и новыхъ. Это обстоятельство очень важно: оно свидѣтельствуетъ, что въ то время возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій именно тѣ, которые менѣе всѣхъ отъ нихъ терпѣли, что въ этомъ мятежѣ не было ни на грошъ народности, что внушенія къ этимъ затѣямъ произошли отъ книгъ нѣмецкихъ и французскихъ.... что эти замыслы были чужды русскому уму и сердцу», и т. п.

фактовъ, между прочимъ имъ же приводимыхъ, видно, напротивъ, что одинаковость понятій тѣсно сближала въ тайномъ обществѣ людей, весьма не ровныхъ по ихъ общественному положенію. Рылѣевъ и Бестужевъ вовсе не были аристократы, но это не мѣшало имъ играть роль, и вовсе не подчиненную, въ этомъ обществѣ; самъ Гречъ разсказываетъ, что на вечерѣ у него, въ 1822 г., Тургеневъ, по его словамъ, «надутый аристократъ,» долго бесѣдовалъ съ «плебеемъ» Рылѣевымъ, который еще не принадлежалъ тогда къ тайному обществу [1]). Плебейство Рылѣева не помѣшало ему имѣть большое значеніе въ обществѣ за послѣднее время его существованія. Съ другой стороны было очень естественно, что члены общества—были ли они аристократы или нѣтъ, не принимали въ свой близкій кругъ кого попало.

Среди своихъ обвиненій Гречъ удивляется и тому, что въ то время возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій «именно тѣ, которые менѣе всѣхъ отъ нихъ терпѣли»,—и изъ этого онъ дѣлаетъ выводъ, что въ ихъ стремленіяхъ не было нисколько «народности». Авторъ не чувствовалъ, что трудно было бы сказать лучшее въ защиту людей, которыхъ онъ обвиняетъ въ честолюбіи и алчности; ему не приходило въ голову, что каковы бы ни были ихъ заблужденія, самый строгій судья, не только нравственный, но и политическій смягчилъ бы суровость своего приговора при томъ соображеніи, что источникомъ ихъ поступковъ были не разсчеты личнаго эгоизма, а чистое желаніе общаго блага, безкорыстное стремленіе къ удаленію злоупотребленій и притѣсненій, отъ которыхъ сами они терпѣли всего менѣе. Авторъ, очевидно, дивится легкомыслію и неразсчетливости людей, хлопотавшихъ о чужомъ интересѣ. Такова была степень нравственнаго чувства и пониманія народности у автора «записокъ».

Наконецъ, нареканія, которыя взялся выразить авторъ «записокъ», были вообще несправедливы тѣмъ, что на нѣсколько лицъ слагаютъ отвѣтственность за цѣлое направленіе времени, за настроеніе цѣлаго обширнаго класса общества. Мы приводимъ въ примѣчаніи слова автора, въ которыхъ онъ самъ былъ вынужденъ признать чистоту основныхъ побужденій, руководившихъ членами Союза, — и другія слова, изъ которыхъ видно,

---

[1]) «Могли ли мы воображать о чемъ они толкуютъ», замѣчаетъ Гречъ, давая понять, что они толковали непремѣнно о заговорѣ. На дѣлѣ г. Тургеневъ съ 1821 года, значительно или совсѣмъ отдалился отъ тайнаго общества, и по словамъ самаго «Донесенія» въ это время никого не принималъ. Судя по личности Н. И. Тургенева разговоръ былъ вѣроятно болѣе серьезенъ, чѣмъ какіе способенъ былъ вести Гречъ, и вѣроятно не болѣе либераленъ, потому что въ то время, какъ говорятъ другіе, самъ Гречъ имѣлъ самыя радикальныя мнѣнія.

что вообще настроеніе умовъ было тогда чрезвычайно возбужденное: по его собственнымъ словамъ, «всѣ» желали перемѣнъ и предавались «всякимъ предположеніямъ и мечтаніямъ»; большая свобода мнѣній стала обычаемъ и самыя смѣлыя мнѣнія высказывались открыто [1]). Если таково было положеніе вещей, если самъ авторъ записокъ, достаточно извѣстный по своимъ гражданскимъ свойствамъ, удивлялся, какъ онъ могъ уцѣлѣть,— понятно становится, что люди, увлекшіеся въ движеніе, понесли на себѣ не только свои личныя дѣйствія, но расплачивались за цѣлый характеръ времени. Оставляя въ сторонѣ вопросъ политическій, — можно ли поставить имъ, съ чисто нравственной точки зрѣнія, въ вину, что среди этой свободы мнѣній, среди «всякихъ предположеній и мечтаній», они серьезно вѣрили въ то, что̀ они говорили и что́ другіе говорили только для либеральнаго пустозвонства.

Повторяемъ, мы не нашли бы нужнымъ останавливаться на этихъ нареканіяхъ противъ нравственнаго характера людей тайнаго общества, еслибы записки Греча не были голосомъ цѣлой особенной школы своего рода, преимущественно процвѣтавшей въ литературѣ и обществѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ....

Послѣ событій 1825 года для декабристовъ началась продолжительная, тягостная ссылка. Они были забыты; ни одинъ голосъ не могъ сказать ничего въ ихъ защиту и примирить ихъ

---

[1]) О началѣ тайнаго общества, Гречъ пишетъ: «Пламенные молодые люди (по возвращеніи изъ Франціи) возымѣли ревностное желаніе доставить торжество либеральнымъ идеямъ, подъ которыми разумѣли владычество законовъ, водвореніе правды, безкорыстіе и честность, и въ судахъ и въ управленіи, искорененіе вѣковыхъ злоупотребленій, подтачивающихъ древо русскаго величія и благоденствія народнаго. Составилось общество, основанное, казалось, на самыхъ чистыхъ и благородныхъ началахъ, имѣвшихъ цѣлію: распространеніе просвѣщенія, поддержаніе правосудія, поощреніе промышленности и усиленіе народнаго богатства» (Р. Вѣстн., стр. 372). Въ другомъ мѣстѣ, разсказывая о настроеніи общества и расположеніи умовъ около 1825 г., онъ говоритъ: «Въ то время жалобы на правительство возглашались громко. *Всѣ* желали перемѣнъ и предавались всякимъ предположеніямъ и мечтаніямъ. Еслибы сослать всѣхъ тѣхъ, которые слышали о сумасбродныхъ замыслахъ и планахъ того времени, не нашлось бы мѣста въ Сибири. Меня перваго слѣдовало бы отправить въ Нерчинскъ.... Эти вольные разговоры, пѣніе не революціонныхъ, а сатирическихъ пѣсенъ и т. п., было дѣло очень обыкновенное, и никто не обращалъ на то вниманія.... Сколько именно въ числѣ подсудимыхъ и пострадавшихъ было дѣйствительно виновныхъ, извѣстно одному Богу: мы же, свидѣтели этихъ происшествій, пріятели и знакомые многихъ изъ сихъ лицъ, *знаемъ*, что въ числѣ ихъ было много людей совершенно невинныхъ, погибшихъ отъ злобныхъ навѣтовъ, отъ гордости и упрямства, съ какимъ они отвѣчали на несправедливыя обвиненія, отъ неосторожности, отъ случайности. Удивительно еще, какъ не погибло бо̀льшее число жертвъ».... (Р. Вѣстн., стр. 419 — 420).

съ обществомъ, изъ котораго они были исключены. Эта ссылка послужила испытаніемъ того нравственнаго характера, который хотѣли у нихъ отвергнуть или унизить, и они вынесли это испытаніе съ высокимъ достоинствомъ. Рѣдко изгнанники обнаруживали столько нравственнаго мужества, столько вѣры въ свои идеалы, столько великодушной покорности судьбѣ. Въ ихъ средѣ сохранились умственные и нравственные интересы, которыми они жили въ свое болѣе счастливое время, и въ бѣдствіяхъ ссылки они умѣли оказаться полезными далекому и полудикому краю, въ который занесла ихъ судьба. Когда, наконецъ, кончились долгіе годы ссылки, они возвратились въ общество съ такой свѣжестью убѣжденій, съ такимъ просвѣщеннымъ пониманіемъ общественныхъ вопросовъ, которыя свидѣтельствовали о большой нравственной силѣ и давали поучительный примѣръ, особенно нужный въ нашей общественной жизни, гдѣ еще такъ мало развиты нравственныя и идеальныя требованія.

Задатки этой нравственной силы, очевидно, даны были этимъ людямъ ихъ прошлымъ, тѣми стремленіями, которыя одушевляли ихъ въ былое время. Общественное сознаніе, проникавшее ихъ тогда, не только сохранилось, но продолжало развиваться, и въ то время, когда ихъ сверстники, и даже люди слѣдующаго поколѣнія, нѣкогда также къ чему-то стремившіеся, отказывались отъ всякихъ идеаловъ и общественныхъ задачъ и переходили въ консервативный лагерь, въ которомъ находили себѣ житейское благополучіе, въ это время возвратившіеся декабристы стояли въ уровень съ лучшими стремленіями молодыхъ поколѣній, искренно сочувствовали новому совершавшемуся движенію и успѣли внести въ него свою нравственную долю.

Опредѣляя мнѣнія, существовавшія въ тогдашнемъ либеральномъ кругѣ или въ тайномъ обществѣ, мы должны сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Эти мнѣнія представляли, конечно, весьма разнообразныя градаціи, и по степени ихъ силы, и по серьезности и искренности пониманія. Начиная отъ умѣреннаго либерализма, который имѣлъ тогда представителей въ людяхъ самой правительственной сферы, какъ Мордвиновъ, Сперанскій, въ людяхъ высшаго военнаго управленія, какъ Ермоловъ, Киселевъ, Воронцовъ, было, конечно, большое разстояніе до тѣхъ мнѣній, какія принимались въ кружкѣ Пестеля, гдѣ кажется единственнымъ средствомъ улучшенія вещей считался переворотъ. Весьма различна была и степень пониманія вещей. Это либеральное движеніе было первыми начатками политической мысли въ болѣе

обширномъ слоѣ общества, и естественно, что въ первыхъ опытахъ политическихъ разсужденій было много незрѣлаго уже по самой новости предмета. Мы видѣли, по разсказамъ г. Тургенева, что на первое время наши либералы въ особенности обращались къ чисто политической сторонѣ дѣла, и ожидали всего отъ преобразованія государственныхъ учрежденій. Это была та слишкомъ легкая вѣра въ конституціонныя формы, которая впослѣдствіи увлекала даже болѣе зрѣлыя политическія общества, чѣмъ наше. Людямъ, лучше понимавшимъ вопросы этого рода, приходилось становиться противъ этого увлеченія, и Тургеневъ тогда же указалъ имъ на необходимость рѣшенія крестьянскаго вопроса прежде какого-нибудь расширенія правъ привилегированныхъ классовъ.

Если уже здѣсь высказалось сомнѣніе въ пригодности конституціоннаго преобразованія при тогдашнихъ условіяхъ (главнымъ образомъ при сохраненіи крѣпостного права), то у другихъ сомнѣнія шли еще далѣе. Въ самомъ либеральномъ кругу были люди, которые не видѣли въ тогдашнемъ положеніи Россіи никакихъ условій для либеральныхъ учрежденій,—не только для какой-нибудь конституціи, но даже для такихъ учрежденій, какъ судъ присяжныхъ. Такую точку зрѣнія весьма положительно излагаетъ письмо, писанное въ 1824-мъ году кѣмъ-то изъ либеральнаго кружка и напечатанное въ воспоминаніяхъ г. Сушкова [1]). Мнѣніе о невозможности въ ту минуту для Россіи какихъ-нибудь представительныхъ учрежденій высказано здѣсь такъ рѣзко, какъ могли сдѣлать это люди консервативнаго образа мыслей, и какъ сдѣлалъ это, напр., Карамзинъ въ Запискѣ о древней и новой Россіи; — но мы увидимъ разницу въ окончательномъ смыслѣ этихъ мнѣній.

Письмо, о которомъ мы говоримъ, писано по поводу какого-то «памфлета» (какъ выражается авторъ письма), т. е. какого-то политическаго сочиненія либеральной тенденціи, гдѣ шла рѣчь о необходимости конституціонныхъ учрежденій для Россіи. Авторъ, самъ раздѣлявшій либеральныя мнѣнія и называющій себя «жертвой правленія Александра» (1824 г.), находитъ «памфлетъ» справедливымъ вообще, но мечтательнымъ и вреднымъ въ приложеніи. Онъ не сомнѣвается въ пользѣ представительныхъ учрежденій, но спрашиваетъ — во всѣ ли эпохи народнаго образованія, во всякомъ ли возрастѣ и состояніи государства полезно установленіе ихъ? Въ исторіи онъ находитъ на это отрицатель-

---

[1]) „Изъ записокъ о времени императора Александра I“, въ Вѣстн. Евр., іюнь 1867 г., стр. 193—200.

ный отвѣтъ, указываетъ примѣръ Екатерининской коммиссіи, приводитъ примѣры изъ исторіи Франціи и Англіи, и слѣдующимъ образомъ продолжаетъ свои разсужденія, очень любопытныя для того времени, по суровой критикѣ тогдашняго положенія русской жизни:

«Дайте эскимосамъ или киргизамъ какія хотите формы гражданскаго общества, возьмите грифель у Мудрости и имъ начертите для нихъ уложеніе;—чтожъ, думаете-ли, что совершили великое дѣло политики и законодательства? Нѣтъ! гражданское общество должно состоять изъ гражданъ; законы должны имѣть исполнителей; а ни тѣми, ни другими не могутъ быть ни дикія, ни полудикія дѣти природы. И вотъ почему въ Россіи не зачѣмъ еще думать о раздѣленіи власти, о системѣ правленія въ формахъ вѣка и духѣ народовъ просвѣщенныхъ.

«Не говорите мнѣ о побѣдахъ, о военной славѣ!—продолжаетъ авторъ, предвидя этотъ аргументъ, которымъ между прочимъ Карамзинъ доказывалъ величіе Россіи и совершенство ея учрежденій и изъ котораго другіе выводили вѣроятно политическую зрѣлость Россіи и необходимость преобразованія, чтобы и въ этомъ отношеніи сравняться съ Европой. И монголы, и турки побѣждали! замѣчаетъ авторъ. Но военные успѣхи не имѣютъ, къ несчастію, ничего общаго съ успѣхами разума....

«Какая, напримѣръ, мнѣ выгода въ судѣ присяжныхъ, когда они будутъ судить меня безсовѣстнѣе неприсяжныхъ, не понимая святости клятвъ и продавая свою присягу моему обвинителю, какъ теперь торгуютъ ею цѣлыя селенія и продаютъ первому, кто явится купить?!..

«Кто будутъ у насъ представители, кто избираемые и избиратели? Гдѣ среднее состояніе? Екатерина дала намъ право избирать своихъ судей и полицейскихъ агентовъ: какъ пользуемся мы симъ правомъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ? Кого выбираемъ? — Гдѣ же возьмемъ депутатовъ въ палату? Гдѣ наслѣдственныя дарованія будущихъ перовъ? Къ чему готовятся и какъ воспитываются дѣти нашихъ бояръ и богатыхъ дворянъ?...»

Авторъ изображаетъ въ самыхъ печальныхъ чертахъ жизнь русскаго общества и государства, «гдѣ привилегированный классъ народа не спѣшитъ присвоить себѣ плодовъ чужеземныхъ наукъ и искусствъ; гдѣ сей классъ не возвышается надъ самымъ послѣднимъ, отчужденіемъ его пороковъ (я говорю объ общей заразѣ сребролюбія и нетрезвости въ жизни); гдѣ безнравственность, стремленіе къ роскоши, праздность и предразсудки замѣняютъ гражданскія добродѣтели; гдѣ, наконецъ, даже умы сіяющіе блестками превосходства надъ другими (я говорю даже о

себѣ) не болѣе суть, какъ *полу-умы* по недостатку здравыхъ политическихъ истинъ, методы въ изученіи ихъ и опытности въ соображеніи». Авторъ описываетъ крайнюю грубость, невѣжество и деморализацію дворянства и выходившаго изъ него офицерскаго сословія.

Авторъ указываетъ и жалкое состояніе умственной жизни вообще, какъ она выражалась въ литературѣ. Вотъ его сужденіе о послѣдней. «Литература народа есть вѣрное мѣрило его просвѣщенія. Сообразите всѣ произведенія нашихъ литературныхъ талантовъ, и скажите безпристрастно: не есть-ли это *лепетаніе младенцевъ?* Кромѣ Исторіи Карамзина, Теоріи налоговъ—Тургенева и немногихъ страницъ Батюшкова, переживетъ ли хоть одно твореніе десятилѣтіе, въ которое родилось? Поэзія, правда, имѣетъ образцы высокіе и языкъ ея достойный, но успѣхи поэзіи свойственны дѣтскому возрасту народовъ; а свобода, безъ сомнѣнія, не можетъ быть ни нуждою, ни достояніемъ дѣтей. Воспитаніе—вотъ все, что̀ имъ нужно и полезно; и слѣдственно, необходима не власть ограниченная, а власть дѣятельнаго учителя, который съ отеческою заботливостію и съ принужденіемъ, когда нужно, обратилъ бы ихъ на путь, съ котораго они совращаться могутъ. Однимъ словомъ, намъ потребенъ *другой Петръ I*, со всѣмъ его самодержавіемъ, а не Вильгельмъ III, не Людовикъ XVIII съ ихъ конституціями; даже не Франклинъ, и не Вашингтонъ съ ихъ добродѣтелями».

Таковъ былъ взглядъ автора на положеніе вещей. Считая конституціонныя теоріи несвойственными и несвоевременными для русской жизни, онъ указываетъ для «электрическихъ головъ», которыя «кружатся надъ суевѣріемъ свободы» — другія задачи. Онъ указываетъ имъ, что надо подумать прежде объ ограниченіи ихъ собственныхъ правъ надъ дѣйствительными рабами, т.-е. надъ крѣпостными; что Александръ все-таки меньше деспотъ, чѣмъ Аракчеевъ, Гурьевы, Волконскіе; что «сіи орудія тиранства, ежели оно существуетъ, возникли *посреди насъ*, они принадлежатъ къ нашему сословію, соучастники и угодники ихъ—къ нашему поколѣнію, и многіе, если не каждый изъ насъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть не погнушались бы также раздѣлить преступное упоеніе ихъ всемогущества....». «Не очевидно-ли, послѣ всего сказаннаго, — спрашиваетъ авторъ, — что мы не созрѣли для чистыхъ наслажденій гражданской свободы?» По его мнѣнію, въ странѣ, поставленной въ такія отношенія какъ Россія,—«нечего думать объ *основныхъ законахъ*, въ смыслѣ конституціи..., и остается только желать болѣе любви къ просвѣщенію и справедливости, бо-

лѣе нравственныхъ успѣховъ, болѣе чистоты въ исполненіи законовъ уже существующихъ, которые, какъ бы ни противорѣчили другъ другу, но ни одинъ (?) не противорѣчитъ совѣсти, и всѣ имѣютъ одну цѣль — безопасность лицъ и неприкосновенность собственности». Онъ вѣритъ въ добрыя намѣренія имп. Александра, надѣется, что онъ, «въ цвѣтѣ возраста и силы», еще успѣетъ многое сдѣлать,—и совѣтуетъ терпѣніе и упованіе. «Время есть лучшій лекарь болѣзней, а гражданское общество безсмертно, и на развалинахъ одного возвышается другое. Но Россія юная, сильная, богатая, полная жизни — далека отъ паденія; младенческій возрастъ ея пройдетъ, силы и разумъ окрѣпнутъ,... тогда сами цари дарують ей *основные законы*; ибо они не могутъ быть счастливы и истинно-велики безъ счастія и величія своихъ народовъ».

Письмо, изъ котораго мы привели выписки, и именно та часть его, которая заключаетъ въ себѣ критику тогдашней общественной жизни, чрезвычайно характеристично вводитъ насъ въ кругъ идей того времени. Изъ него видно, что въ эту пору были уже подняты тѣ сомнѣнія, которыя не разъ овладѣвали потомъ лучшими умами послѣдующихъ поколѣній: въ обществѣ уже стало пропадать то наивное или лицемѣрное самодовольство, которое питалось грубой лестью національному самолюбію и не хотѣло видѣть дѣйствительнаго положенія вещей, и наступала пора серьезнаго критическаго отношенія къ жизни. Письмо неизвѣстнаго автора по многимъ своимъ подробностямъ можетъ служить хорошей параллелью и фактическимъ комментаріемъ къ рѣчамъ Чацкаго въ «Горѣ отъ Ума».

Но если авторъ сказалъ много справедливаго въ своихъ суровыхъ обличеніяхъ настоящаго, его окончательные выводы не показываютъ той же силы мысли. Напротивъ, они очень слабы; авторъ не въ силахъ одолѣть своихъ сомнѣній, онъ отказывается отъ всякихъ надеждъ и старается пріискать спокойную дорогу, на которой онъ могъ бы примириться съ дѣйствительностью; но это было не легко, и его выводы оказываются неопредѣленны и противорѣчивы. Очень можно было бы согласиться съ его мнѣніемъ, что намъ нуженъ второй Петръ Великій, — потому что, въ самомъ дѣлѣ, застоявшаяся и испорченная жизнь требовала бы въ XIX-мъ столѣтіи столь же обширной и смѣлой реформы въ духѣ вѣка, какая совершена была на границѣ XVII-го и XVIII-го столѣтій. Но потомъ авторъ приходитъ къ совсѣмъ иному, и забывая о второмъ Петрѣ, котораго онъ желалъ, хочетъ предоставить все времени, «терпѣнію и упованію», и для общества рекомендуетъ «болѣе нравственныхъ успѣховъ, чи-

стоты въ исполненіи уже существующихъ законовъ» — почти такъ, какъ это рекомендовалъ Карамзинъ. Отстраняя вопросъ объ учрежденіяхъ, авторъ дѣлалъ ту же ошибку, какую дѣлали консерваторы: учрежденія отжившія или испорченныя потому и не могли оставаться внѣ вопроса, что онѣ сами по себѣ были неодолимымъ препятствіемъ для просвѣщенія и для нравственныхъ успѣховъ; можно было бы различать относительную важность тѣхъ или другихъ изъ учрежденій, но исключать ихъ изъ круга общественныхъ стремленій и усилій значило закрывать самую возможность успѣха. Это былъ тотъ же cercle vicieux, въ которомъ пребывали противники крестьянскаго освобожденія, утверждавшіе, что надо было сначала воспитать и просвѣтить крестьянъ, чтобы приготовить ихъ къ свободѣ, и уже тогда только освобождать ихъ, — какъ будто просвѣщеніе возможно въ холопствѣ, и какъ будто рабство можетъ быть воспитаніемъ для свободы. Авторъ забывалъ объ этомъ въ потокахъ обличенія, и приходилъ, наконецъ, къ такому политическому смиренію, что даже въ «существующихъ законахъ» не находилъ недостатковъ. На дѣлѣ «существующіе законы» были въ то время вовсе не таковы, чтобы «ни одинъ» изъ нихъ не противорѣчилъ совѣсти, — прежде всего, напримѣръ, законы, и особенно обычаи, получившіе силу закона и утверждавшіе крѣпостное право. Мы видѣли, что и то дѣло, которое авторъ рекомендовалъ, освобожденіе крестьянъ частными лицами, было такъ затруднено существовавшими условіями и законами, что и оно становилось почти невозможнымъ. Однимъ словомъ, просвѣщеніе и нравственные успѣхи возможны были бы только цѣной борьбы противъ недостатковъ и непросвѣщенія въ старыхъ нравахъ и старыхъ законахъ.

Но несмотря на эту непослѣдовательность или неумѣнье справиться съ сомнѣніями, взгляды автора во многомъ очень справедливы и имѣютъ большой историческій интересъ: отсутствіе всякихъ иллюзій относительно успѣховъ нашей «гражданственности», образованія и литературы, иллюзій, которыми обыкновенно услаждалась масса общества; указаніе на ближайшую и важнѣйшую задачу для государства и общества — освобожденіе крестьянъ; мысли его о конституціонномъ «суевѣріи» и т. п. свидѣтельствуютъ, что здѣсь были уже задатки серьезнаго пониманія вещей. Но кромѣ мнѣнія о крестьянскомъ вопросѣ, взгляды автора ограничиваются одной отрицательной постановкой предмета: ему осталась ясна только чрезвычайная трудность дѣла, и онъ не находилъ изъ нея никакого исхода; подавивъ въ себѣ идеальныя требованія, онъ могъ рекомендовать только

время и упованіе. Съ противоположной стороны, онъ почти приходилъ къ тому же квіетизму, какой мы видѣли у Карамзина...

Мы не будемъ здѣсь ни разсказывать, ни характеризовать событій 1825 года. Онѣ достаточно извѣстны. Относительно ихъ значенія мы ограничимся замѣчаніемъ, что въ своемъ истинномъ свѣтѣ оно можетъ представиться только при полномъ разборѣ антецедентовъ и послѣдствій, что было бы ошибочно разсматривать ихъ какъ уединенный фактъ и въ этомъ смыслѣ выводить изъ нихъ заключеніе о всемъ тайномъ обществѣ, о революціонномъ легкомысліи его членовъ и т. д. Такой полной критики эти событія не имѣли до сихъ поръ, и къ сожалѣнію мы еще не имѣемъ для нея достаточной возможности. Оставляя въ сторонѣ криминально-политическую сторону дѣла, которая не подлежитъ здѣсь нашему разбору, мы скажемъ нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ эти событія, и о тѣхъ побужденіяхъ, которыя выростали изъ этихъ обстоятельствъ и увлекали членовъ общества. Эта, такъ сказать психологическая сторона дѣла не требуетъ большихъ объясненій. Прежде всего, событія 1825 года не были вовсе планомъ, издавна рѣшеннымъ и обдуманнымъ. Напротивъ, въ нихъ было чрезвычайно много случайнаго и минутнаго. Смерть императора Александра была неожиданностью для всѣхъ, и для тайнаго общества въ томъ числѣ. Ожидалось, напротивъ, какъ мы видѣли это сейчасъ и въ письмѣ неизвѣстнаго, что Александру предстоитъ еще долгое правленіе; въ самой средѣ тайнаго общества было много людей, которые еще ждали отъ него совершенія либеральныхъ преобразованій: въ запискахъ многихъ членовъ тайнаго общества остались, какъ отголосокъ того времени, самые сочувственные отзывы объ императорѣ Александрѣ. Извѣстіе о его смерти подѣйствовало вообще потрясающимъ образомъ, и это было не только сожалѣніе и печаль объ императорѣ, за которымъ стояло столько воспоминаній національной славы и личныхъ возвышенныхъ качествъ, воспоминаній, которыя заслоняли теперь многіе недостатки его характера и многія бѣдствія его правленія, — но это была и неувѣренность о будущемъ. До сихъ поръ объ этомъ будущемъ не думали, и ожидали скорѣе, что многое, начатое Александромъ, установится еще при немъ такъ крѣпко, что преемнику придется только продолжать утвердившійся порядокъ вещей. Теперь, надо было не только убѣдиться, что ожидавшійся порядокъ вовсе не установленъ, не только являлось сомнѣніе въ какой-

нибудь его возможности впослѣдствіи, но являлось тревожное для всей массы общества недоумѣніе о престолонаслѣдіи. Какъ велико было это недоумѣніе, извѣстно; въ этомъ вопросѣ колебались члены государственнаго совѣта; въ первое время даже лица, ближайшія къ императору Александру, находившіяся при немъ въ послѣдніе дни, увѣрены были въ наслѣдованіи Константина [1]). Эти недоумѣнія о настоящемъ, опасливыя предположенія о будущемъ, натянутое политическое положеніе вещей производили атмосферу тревоги, безпокойства, которая всего сильнѣе должна была подѣйствовать на членовъ тайнаго общества, потому что они именно были люди, въ которыхъ политическія идеи были въ наибольшей степени экзальтаціи.

Происшествія 14-го декабря и ихъ развязка бросили на тайное общество ту мрачную окраску, которая лежитъ на немъ до сихъ поръ въ глазахъ многихъ и которая, до сихъ поръ, ставила ихъ внѣ справедливой и безпристрастной исторіи. Мы видѣли отчасти, что дѣйствія тайнаго общества не были только заговоромъ, направленнымъ къ такимъ проявленіямъ, какія ознаменовали его конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни были возбуждены умы въ послѣдніе годы его существованія, какъ ни рѣзки были случайныя заявленія нѣкоторыхъ его членовъ [2]), въ немъ не было никакого опредѣленнаго плана: ни сѣверное, ни южное общество, ни соединенные славяне не были приготовлены ни къ какимъ заранѣе обдуманнымъ и условленнымъ дѣйствіямъ. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ южной арміи члены общества были въ одинаковомъ недоумѣніи; дѣйствія ихъ были отрывочны, безсвязны, случайны, и свидѣтельствовали гораздо больше объ ихъ тревогѣ, чѣмъ объ исполненіи какого-нибудь плана. Событія застали ихъ врасплохъ, ни къ чему не приготовленными,—производили на нихъ такое различное впечатлѣніе, что они въ самую послѣднюю минуту колебались и не соглашались во мнѣніяхъ. Соглашались они только въ одномъ, что въ будущемъ одинаково не видѣли никакой надежды на осуществленіе своихъ идей, и страсть, съ которой большинство ихъ предано было этимъ идеямъ, достигла высшей степени возбужденія. У нихъ не было плана, которому они могли бы послѣдовать; было поздно составлять его и собирать свои силы, — но они чувствовали, что ихъ идеаламъ наставалъ конецъ, и среди общественнаго недоумѣнія и безпомощности, ими овладѣвала

---

[1]) См. напечатанное недавно письмо кн. Волконскаго къ Закревскому; Р. Архивъ, 1870, стр. 630.

[2]) Объ ихъ случайности мы приводили выше свидѣтельство достовѣрнаго въ этомъ отношеніи Греча.

потребность какого-нибудь заявленія своихъ давнишнихъ стремленій и протестовъ. Таково было ихъ нравственное состояніе; они принимали послѣднія рѣшенія въ пылу страсти, и отчаяніе увлекло ихъ къ дѣйствіямъ, которыя стали ихъ окончательной гибелью.

Эту тревожную и безсвязную случайность происшествій 14-го декабря признаютъ и сами члены тайнаго общества, какъ напр. Ник. Муравьевъ въ своей запискѣ, которая вообще всего вѣрнѣе, кажется, выражаетъ мнѣнія декабристовъ о смыслѣ тайнаго общества и о характерѣ событій, какъ самъ Муравьевъ былъ однимъ изъ лучшихъ, наиболѣе серьезныхъ и убѣжденныхъ членовъ Союза. Есть основаніе думать, что впослѣдствіи многіе участники этихъ происшествій считали ихъ ошибкой и сожалѣли о ней; «Донесеніе» говоритъ о раскаяніи многихъ изъ нихъ....

Но истинный характеръ ихъ мнѣній уцѣлѣлъ и послѣ; страшная развязка событій не заставила ихъ покинуть того общаго образа мыслей, который они питали нѣкогда, какъ члены Союза Благоденствія, — напротивъ, онъ всегда отличалъ ихъ, составляя ихъ нравственную сущность въ ихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ. Эта нравственная сущность составитъ и ихъ историческое значеніе въ судьбахъ русскаго общества.

Правильное уразумѣніе этого значенія есть одно изъ множества тѣхъ вещей, которыхъ недостаетъ нашимъ историческимъ и общественнымъ понятіямъ. Пора было бы окончиться тому осужденію, которое столько времени тяготѣло надъ этими людьми двадцатыхъ годовъ. Пора окончиться той враждѣ, которая своими послѣдствіями затрудняла безпристрастное пониманіе этой эпохи и для всей массы общества.

Личные счеты давно покончены, и должно наступить время для серьёзной оцѣнки этого прошедшаго, для спокойнаго уразумѣнія той враждебной встрѣчи, которая раздѣлила тогда два общественные элемента — власть, представлявшую собой массы, и либеральную часть образованнаго общества, представлявшую прогрессивныя стремленія и требованія жизни. Оставляя нерѣшеннымъ этотъ историческій вопросъ, скрывая отъ себя внутренній разладъ, мы продолжаемъ стѣснять нашъ собственный опытъ и наше знаніе общественнаго развитія; умолчаніе и забвеніе объ исторіи имѣли только то слѣдствіе, что между двумя сторонами общественной жизни расширялось и усиливалось недоразумѣніе, непониманіе ими другъ друга. Разладъ, который обнаружился такъ рѣзко въ ту эпоху, былъ разладъ давній, историческій; онъ начался раньше, продолжался послѣ этого періода;

тогдашнія событія — только одинъ моментъ въ борьбѣ общественныхъ элементовъ, въ ихъ постоянномъ столкновеніи, сліяніи и взаимодѣйствіи, изъ которыхъ слагается развитіе общества. Только вникая въ идеи, руководящія различными отдѣлами общества, можно правильно понять смыслъ этого развитія, и слѣдовательно выбрать наилучшій путь для содѣйствія ему,— если принимать, что къ этому содѣйствію успѣхамъ національной жизни равно стремятся усилія лучшихъ и серьезныхъ людей всѣхъ партій.

Въ этомъ смыслѣ, либеральное движеніе Александровскаго времени и тайное общество имѣютъ обширный интересъ, не только чисто историческій, но практически общественный. Какъ бы мы ни судили объ отдѣльныхъ личностяхъ и о событіяхъ, содержаніе понятій этихъ людей остается важнымъ фактомъ нашей умственной и общественной исторіи, въ которой они оставили за собой замѣтный слѣдъ своими нравственно-общественными стремленіями и идеалами.

Ихъ историческое мѣсто опредѣляется вообще тѣмъ, что по содержанію своихъ понятій и своимъ идеаламъ, люди Союза Благоденствія представляютъ высшій пунктъ развитія общественно-политическихъ идей, достигнутаго въ Александровскую эпоху. Кругъ этихъ идей былъ у декабристовъ почти тотъ-же, который нѣкогда заявленъ былъ самимъ Александромъ и его совѣтниками, въ первыя либеральныя минуты царствованія; но теперь онъ значительно расширился въ обоихъ отношеніяхъ, и въ теоретическомъ разъясненіи самыхъ понятій, и въ распространеніи ихъ въ обществѣ. Тѣ политическія идеи, которыя въ первое время понимались очень неясно и такъ сказать книжно, теперь стали представляться гораздо отчетливѣе, практичнѣе и смѣлѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ перестали быть, какъ прежде, исключительнымъ достояніемъ очень немногихъ людей, и перешли въ цѣлый обширный слой образованнаго общества; то, о чемъ говорилось прежде въ «тріумвиратѣ», въ ближайшемъ кругу друзей императора, стало привычной темой разговоровъ, обсуждалось смѣло и открыто въ большомъ обществѣ.

Большая роль въ этомъ распространеніи политическихъ понятій принадлежитъ именно тому молодому поколѣнію, изъ среды котораго, главнымъ образомъ, собрались члены тайныхъ обществъ. Увлеченіе, съ которымъ они отдавались новымъ политическимъ интересамъ, ревность, съ которой они ихъ распространяли, чувство общаго блага, которымъ они руководились, дали новымъ идеямъ нравственную силу, которая всего больше содѣйствовала ихъ укрѣпленію въ умахъ. Мы видѣли, что даже враги

этихъ людей признавали не только высокія дарованія многихъ изъ нихъ, но и безкорыстіе ихъ мотивовъ (они возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій, отъ которыхъ «сами не терпѣли»), и послѣ свидѣтельства противниковъ мы можемъ вѣрить тому, что говорятъ о нравственномъ характерѣ общества сами его участники [1]). Наконецъ, люди тайнаго союза принадлежали къ наиболѣе образованной части тогдашняго общества, и сводя итоги содержанію общественныхъ понятій и образованія того времени, можно вообще сказать, что эти люди представляли собой высшій умственный уровень, достигнутый тѣмъ временемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пересматривая вопросы, занимавшіе тогда людей молодого либеральнаго поколѣнія, мы находимъ, съ начала царствованія, большой успѣхъ въ ихъ пониманіи: это были почти всѣ тѣ вопросы, какіе поднимало тогда само правительство, но они являются теперь въ гораздо болѣе ясномъ и обдуманномъ видѣ. Какъ тогда, такъ и теперь, «произволъ нашего правленія» былъ главнымъ предметомъ вниманія, и средства, какими хотѣли ему противодѣйствовать, заключались въ томъ же введеніи европейскихъ политическихъ формъ. Но мысль о представительныхъ учрежденіяхъ и вообще о политической реформѣ уже не походитъ на капризъ чувствительной философіи, очень конечно благородный, но крайне ненадежный; она шла также и далѣе плановъ Сперанскаго, у котораго рѣшительность общихъ положеній не сопровождалась послѣдовательностью въ ихъ практическомъ примѣненіи. Въ планахъ самихъ членовъ Союза было еще нѣкоторое пристрастіе къ аристократическо-конституціонной монархіи въ духѣ тогдашняго правительственнаго либерализма,— но между ними были однако заявлены и совершенно вѣрныя мысли объ этомъ предметѣ. Между ними были люди, которые умѣли критически смотрѣть на эти политическія формы, предостерегали отъ конституціоннаго «суевѣрія» и на первый планъ ставили одну коренную задачу — рѣшеніе крестьянскаго вопроса: они утверждали, что безъ этого рѣшенія въ Россіи были бы безполезны, даже вредны какія бы то ни было конституціи, разсчитанныя на одни привилегированные классы. Это послѣднее можно считать мнѣніемъ лучшихъ членовъ Союза, и въ этой рѣшительной постановкѣ крестьянскаго вопроса нельзя не видѣть великаго успѣха въ нашемъ общественномъ самосознаніи и положительной заслуги людей двадцатыхъ годовъ.

Крестьянскій вопросъ былъ только легко затронутъ прави-

---

[1]) Ср. записку Ник. Муравьева; La Russie, Тургенева, I, 120, и друг.

тельствомъ. Мнѣнія членовъ Союза въ этомъ отношеніи опредѣлились мало-по-малу очень ясно: необходимость освобожденія стала для нихъ аксіомой, и они уже въ то время пришли къ убѣжденію о необходимости освобожденія съ землей. Въ теоретическихъ планахъ Союза вопросъ экономическаго устройства поведенъ былъ и гораздо дальше, какъ въ упомянутыхъ планахъ Пестеля, о которыхъ, впрочемъ, мы знаемъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало...

Предполагая представительныя учрежденія, Союзъ предполагалъ и широкое преобразованіе во всемъ административномъ механизмѣ. Обычныя явленія административнаго и судебнаго произвола, крупнаго и мелкаго притѣсненія представлялись имъ такъ ясно, какъ для другихъ круговъ общества это стало дѣлаться яснымъ только черезъ десятки лѣтъ. Главнѣйшее средство къ устраненію этого коренного и всеобщаго зла они ожидали найти въ представительныхъ формахъ, въ раздѣленіи законодательства, управленія и суда, въ отвѣтственности администраціи; уже въ то время они думали о необходимости административной децентрализаціи, о развитіи мѣстнаго самоуправленія, говорили о гласности правительственныхъ дѣйствій, о преобразованіи суда въ томъ европейскомъ смыслѣ, въ какомъ задумана и начата была новѣйшая судебная реформа, и т. д.

Этотъ общественный и государственный идеалъ былъ идеалъ европейскій, какъ онъ составлялся по освободительнымъ преданіямъ XVIII-го вѣка и новѣйшему европейскому либерализму; и въ тогдашнихъ условіяхъ онъ могъ удовлетворять требованіямъ образованности и развивавшагося гражданскаго чувства. Молодое либеральное поколѣніе рѣшительно отказывалось отъ того идеала, который рисовалъ русскому обществу Карамзинъ; его нисколько не прельщали и не обманывали архаическія красоты этого идеала. Что они вѣрнѣе видѣли истинныя потребности русской жизни, это достаточно показала дальнѣйшая исторія. Общественное самосознаніе, смѣлый и искренній, свободный отъ всякихъ иллюзій и предубѣжденій, взглядъ на дѣйствительность нашей внутренней политической жизни, до тѣхъ поръ никогда еще не высказывались у насъ съ такой настоятельностью, и если были ошибки въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мнѣніяхъ этихъ людей, то нельзя не отдать имъ справедливости въ томъ, что они вѣрно чувствовали и понимали многія потребности русской жизни, сознательно выставили общую мысль и посильно старались разъяснить и распространить ее въ обществѣ. Не забудемъ при этомъ, что мы знаемъ мысли этихъ людей только въ неполной, отрывочной, случайной формѣ, насколько онѣ могли быть высказаны

въ трудныхъ условіяхъ того времени, и насколько онѣ уцѣлѣли въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ [1]).

Изъ сказаннаго можно видѣть, были ли справедливы тѣ нареканія, которыя взводились на описываемое движеніе, — что оно было только дѣломъ легкомысленнаго увлеченія западной либеральной модой, что у него не было корней, что въ немъ не было ничего народнаго и русскаго, и что это послѣднее доказывается полнымъ безучастіемъ народа къ этимъ людямъ и событіямъ. Напротивъ, глубокимъ корнемъ этого движенія было все то образованіе, которое было пріобрѣтено русскимъ обществомъ съ прошлаго вѣка и которое сообщило ему понятія о болѣе совершенномъ общественномъ устройствѣ, о принципахъ общаго блага, равноправности и общественной свободы; и въ частности, это движеніе было плодомъ цѣлаго историческаго періода, пережитаго русскимъ обществомъ при Александрѣ I. Оно было тѣсно связано исторически съ прошедшимъ, и было совершенно русскимъ и по своимъ лучшимъ инстинктамъ, и по недостаткамъ. Правда, въ немъ были сильныя европейскія увлеченія; людямъ того времени нравились западныя политическія формы, но это были единственныя извѣстныя формы общественной свободы, достиженіе которой было ихъ цѣлью, и къ этимъ формамъ они не считали совсѣмъ неспособной и русскую жизнь; но, впрочемъ, они не преувеличивали значенія этихъ формъ и меньше другихъ либераловъ увлекались внѣшними аттрибутами конституціоннаго порядка: первые вопросы, которые представлялись имъ, какъ возможные для рѣшенія и самые настоятельные, были именно вопросы существенные,—на первомъ планѣ освобожденіе крестьянъ. Трудно было бы требовать чего-нибудь болѣе «русскаго» и болѣе «народнаго». Что касается безучастія народа,—оно было очень понятно, хотя ничего не доказывало. Не говоря о событіяхъ, которыя были минутнымъ взрывомъ отчаянія въ немно-

[1]) Для полной, какая теперь возможна, оцѣнки мнѣній «декабристовъ» любопытный матеріалъ можетъ доставить третій томъ сочиненія г. Тургенева (De l'avenir de la Russie, 1847). Въ его предположеніяхъ о «будущемъ Россіи» есть конечно его позднѣйшія мысли и изученія, но въ основаніи и многихъ частностяхъ, безъ сомнѣнія остается тотъ-же взглядъ, какъ въ его мнѣніяхъ 20-хъ годовъ, которыя можно видѣть въ его различныхъ тогдашнихъ запискахъ (о крестьянскомъ вопросѣ, о судебной реформѣ и друг.), въ «Теоріи налоговъ» и пр. Въ нашей литературѣ остался до сихъ поръ почти неизвѣстенъ и не оцѣненъ не только этотъ матеріалъ, но и вообще вся дѣятельность Н. И. Тургенева; въ литературѣ европейской эта дѣятельность уже получила свое признаніе, и еще недавно одинъ изъ лучшихъ англійскихъ знатоковъ русской жизни, Рольстонъ, въ своемъ публичномъ чтеніи о Россіи (въ декабрѣ 1870), воздавалъ справедливость давнимъ трудамъ и заслугамъ Н. И. Тургенева. (Отрывки изъ этой лекціи были помѣщены въ нашихъ газетахъ).

гочисленномъ кружкѣ, все движеніе дѣйствительно не было доступно массамъ,—оно просто не было имъ извѣстно. Безучастіе народа есть столь общій фактъ, что мы встрѣтимъ его во всѣхъ явленіяхъ высшей умственной и общественной жизни. Положеніе народной массы уже съ очень давнихъ временъ было таково, что она, вообще говоря, оставалась совершенно безучастна и къ тому, чтó происходило въ высшихъ политическихъ и правительственныхъ кругахъ, и къ тому, чтó происходило въ области образованія, науки и литературы, даже къ тому, чтó мы — въ своемъ кругу — считаемъ «великимъ» и «національнымъ». Въ XVIII-мъ вѣкѣ народъ былъ равнодушнымъ зрителемъ цѣлыхъ государственныхъ переворотовъ... Точно также онъ былъ равнодушенъ, или точнѣе, не зналъ той умственной жизни, которая совершалась въ высшемъ, болѣе или менѣе образованномъ слоѣ общества, и конечно не могъ дѣлить даже тѣхъ благихъ стремленій и желаній, которыхъ предметомъ онъ былъ самъ. Трудно сознаваться, но, положа руку на сердце, можно ли сказать, что народъ и теперь знаетъ и понимаетъ имена Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, Гоголя, — какъ знаютъ европейскіе народы свои славныя имена? Точно также, знаетъ ли народъ имена людей, которыхъ дѣятельность направлялась на вопросы общественные, на вопросы народнаго развитія, народнаго просвѣщенія и благосостоянія, и которые тратили на эту дѣятельность всѣ силы своего ума, убѣжденія и самопожертвованія? Эта безсознательность народа была такова же и въ описываемое время, и людей двадцатыхъ годовъ также мало можно упрекать безучастіемъ народа,—сблизиться съ которымъ они не могли,— какъ нельзя этимъ упрекнуть и другихъ общественныхъ дѣятелей нашихъ, и раньше, и послѣ.

Оканчивая нашъ очеркъ общественнаго движенія временъ императора Александра, намъ остается указать, что либеральное направленіе, созрѣвшее къ концу этого періода, не осталось отрывочнымъ фактомъ въ нашей внутренней исторіи. Напротивъ, оно бросило прочные корни въ общественномъ сознаніи. Люди, представлявшіе либеральное движеніе, испытали трагическую судьбу въ катастрофѣ 1825-го года; противъ либерализма было направлено суровое преслѣдованіе; цѣлое поколѣніе исчезло изъ общества, но идеалы его остались достояніемъ мыслящихъ людей и продолжали жить и развиваться въ ихъ средѣ.

Періодъ, наступившій теперь, былъ очень непохожъ на прежнія времена; въ общественной жизни произошелъ переломъ, слиш-

комъ неблагопріятный для прежняго движенія умовъ; строгая опека останавливала его... Но внутри работа мысли продолжалась: идеалы предыдущаго поколѣнія сохранили свою привлекательность и пріобрѣтали новую силу подъ вліяніемъ новыхъ изученій и новаго практическаго опыта; люди, ставшіе жертвой своихъ стремленій, сохранили за собой тайныя, невысказываемыя симпатіи, которыя усиливали интересъ къ ихъ идеямъ. Несмотря на всѣ неблагопріятныя внѣшнія условія, нравственное сознаніе общества выростало и укрѣплялось, такъ что, въ пятидесятыхъ годахъ, новое царствованіе встрѣтило въ умахъ подготовленную почву для общественныхъ реформъ, которыя были имъ начаты. Возвратившіеся «декабристы» должны были увидѣть исполненіе многихъ желаній, которыя они питали въ свою молодую пору. Два далекія одно отъ другого поколѣнія и два далекіе періода сближались въ этихъ новыхъ явленіяхъ, совершавшихся въ русской жизни. Освобожденіе крестьянъ, судебное преобразованіе, возникновеніе земской самодѣятельности, начатки свободной печати—были исторической нитью, которая связывала съ нашимъ временемъ этихъ людей начала столѣтія. Исторія признáетъ за ними заслугу общественно-политическаго понимания, которое указывало имъ эти и другіе вопросы нашего внутренняго развитія; немногіе представители освободительныхъ идей въ свое время, они мало могли сдѣлать для ихъ практическаго осуществленія, но они приготовляли будущее, потому что вызывали вниманіе къ нуждамъ народа, указывали на средства общественнаго преобразованія и, наконецъ, своимъ нравственнымъ мужествомъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ давали примѣръ искренности и глубины убѣжденія.

А. Пыпинъ.

ТОРГОВЫЯ ЗАДАЧИ РОССІИ

НА ВОСТОКѢ И ВЪ АМЕРИКѢ.

Въ концѣ прошлаго года телеграфъ передалъ извѣстіе о томъ, что англійская компанія покупаетъ Суэзскій каналъ. Вслѣдъ затѣмъ извѣстіе это было опровергнуто въ англійскихъ газетахъ, но опроверженіе выражено довольно нерѣшительно и скорѣе показывало, что первоначальный слухъ только преждевремененъ, а не ложенъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что рано или поздно англичане возьмутъ Суэзскій каналъ въ свои руки. Объ этомъ говорили еще при самомъ открытіи канала всѣ тѣ, кто сколько-нибудь знакомъ съ предпріимчивымъ духомъ англичанъ, съ ихъ постояннымъ покровительствомъ своей торговлѣ и промышленности и съ ихъ всегдашнею ревнивою заботливостью оберегать всѣ пути въ Индію. Неудивительно, что объ этомъ снова заговорили теперь, когда у французской компаніи не достаетъ денегъ на поддержку сооруженій по устройству канала, и когда, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ Франціи, Лессепсу не приходится болѣе разсчитывать ни на французское общество, ни на французское правительство.

Не мѣшаетъ впрочемъ замѣтить, что коль скоро выяснилась невозможность сдѣлать Суэзскій каналъ достояніемъ международнымъ, то для торговаго міра стало рѣшительно все равно,— завѣдуется ли онъ французской или англійской частной акціонерной компаніей. Значеніе Суэзскаго канала не измѣнится до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ засыпанъ, чего отнюдь ожидать нельзя, въ чьихъ бы рукахъ онъ ни находился.

О значеніи Суэзскаго канала для русской торговли знаютъ у насъ весьма не много; объ этомъ говорили до сихъ поръ въ

чертахъ весьма общихъ, точно также, какъ и о значеніи новыхъ линій нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ Суэзскій каналъ и новыя линіи желѣзныхъ дорогъ, идущихъ отъ Чернаго моря къ Балтійскому, могутъ имѣть для Россіи и русской промышленности и торговли такое же громадное значеніе, какое имѣло въ свое время для Англіи — открытіе морского пути въ Остъ-Индію, мимо мыса Доброй Надежды. Вотъ почему, пользуясь новыми, собранными на мѣстѣ Е. И. Барановскимъ и обязательно намъ сообщенными матеріалами и свѣдѣніями о торговлѣ Россіи съ отдаленнымъ Востокомъ, Индіей и Китаемъ, а также свѣдѣніями о нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Америкой, мы желали бы выяснить русскому обществу и русскимъ торговымъ людямъ по преимуществу, насколько могутъ быть важны для Россіи новый короткій путь въ Остъ-Индію и Китай и прямое пароходное сообщеніе нашихъ балтійскихъ портовъ съ Америкой.

I.

Несмотря на то, что огромная часть Россіи лежитъ въ Азіи, что Сибирь, Приамурскій край и островъ Сахалинъ соприкасаются съ Японіей и Китаемъ, а новыя владѣнія за Ташкентомъ приблизили Россію къ Индіи, не взирая, наконецъ, на то, что сношенія Россіи съ отдаленнымъ Востокомъ начались еще при московскихъ царяхъ,—Россія, можно смѣло сказать—никакого значенія на отдаленномъ Востокѣ въ настоящее время не имѣетъ. Этого значенія не могутъ ей придать ни плавающія по временамъ въ Тихомъ Океанѣ русскія эскадры, ни успѣхи русскихъ войскъ въ Ташкентѣ или Самаркандѣ. Въ то время, когда всѣ европейскіе народы, не взирая ни на какія пожертвованія, стремятся войти въ непосредственныя торговыя сношенія съ Индіей, Китаемъ и Японіей и, шагъ за шагомъ двигаясь впередъ, завоевываютъ себѣ новые рынки для сбыта своихъ произведеній и обмѣна ихъ на мѣстные товары, — за Суэзомъ, во всѣхъ странахъ дальняго Востока, до самаго Китая, даже не слышно о прямыхъ торговыхъ связяхъ съ Россіею. Наше отечество въ торговомъ мірѣ дальняго Востока извѣстно только какъ страна, получающая, черезъ посредство Англіи, лучшіе товары, именно—лучшаго сорта хлопокъ изъ Бомбея, высшихъ сортовъ индиго изъ Калькутты, лучшій кофе изъ Цейлона, и наконецъ первосборные чаи изъ Ханькоу, Шангая, Кантона, отправляемые для Россіи также черезъ Англію. Еслибы не кях-

тинскій чай, составляющій предметъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ и не только покупаемый на наличныя деньги, но и обмѣниваемый на русскія произведенія, то насъ на дальнемъ Востокѣ слѣдовало бы, по всей справедливости, отнести къ разряду весьма выгодныхъ покупателей, получающихъ самый лучшій товаръ изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ и платящихъ какъ за товаръ, такъ и за доставку его, что̀ запросятъ. Въ торговыхъ сношеніяхъ съ дальнимъ Востокомъ мы состоимъ въ полной и безусловной зависимости отъ Ливерпуля, Лондона (откуда намъ доставляется хлопокъ, чай, кофе, индиго), Бремена (хлопокъ), Гамбурга (пряности, москательные товары, красильныя вещества, аптекарскіе припасы) и Кёнигсберга (чай). Съ русскими покупателями англичане и нѣмцы дѣлаютъ до сихъ поръ, что̀ и какъ имъ угодно. На дальнемъ Востокѣ насъ опередили, во всѣхъ отношеніяхъ, не только англичане, нѣмцы, голландцы и французы, но и швейцарцы, итальянцы, португальцы и испанцы, имѣющіе вездѣ, въ важнѣйшихъ центрахъ, своихъ консуловъ, тогда какъ Россія не имѣетъ ни одного консула въ главнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ Индіи [1]). Словомъ, всѣ европейскіе цивилизованные народы, даже не имѣющіе ни одного клочка земли въ Азіи, какъ бы политическое значеніе ихъ ни было ничтожно, въ торговомъ отношеніи стоятъ выше насъ.

А между тѣмъ положеніе этихъ народовъ гораздо труднѣе нашего. Ни у одного изъ нихъ, кромѣ Англіи, нѣтъ такихъ обширныхъ владѣній въ Азіи, каковы владѣнія Россіи, развитіе которыхъ только и возможно путемъ распространенія торговыхъ и промышленныхъ сношеній; ни одинъ изъ этихъ народовъ не поставленъ, благодаря особымъ, историческимъ условіямъ, въ такое выгодное положеніе, въ какомъ находится, напримѣръ, Россія въ отношеніи Китая. Китайцы, боящіеся американцевъ, ненавидящіе англичанъ, отравляющихъ ихъ опіумомъ, презирающіе французовъ и всѣхъ европейцевъ, относятся дружелюбнѣе къ русскимъ, быть можетъ, благодаря старинному знакомству съ ними и даже нѣкоторому сходству въ характерѣ (не даромъ русскіе путешественники по Китаю находятъ въ немъ поразительное сходство съ до-петровскою Русью). Пользуясь этими благопріятными условіями, нѣсколько энергическихъ русскихъ людей, съ весьма ограниченными средствами и безъ особенной поддержки со стороны правитель-

---

[1]) Впрочемъ, по отзывамъ русскихъ торговыхъ людей, русскіе консулы и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они есть, — немного приносятъ пользы, а служатъ только источникомъ расходовъ.

ства, проникли въ самый центръ Китая и, не ограничиваясь одной закупкой и отправкой чая въ Россію на Лондонъ или Кяхту,—сами приготовляютъ чай на принадлежащихъ имъ 18-ти фабрикахъ [1]). Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Н. А. Иванову, который, въ качествѣ агента кяхтинскихъ торговцевъ, тотчасъ по заключеніи трактатовъ съ Китаемъ отправился сначала въ Пекинъ, потомъ въ Калганъ и Тянь-цзинъ и, убѣдившись, что тамъ намъ дѣлать нечего, съ 1861-го года основался въ Ханькоу и первый пришелъ къ убѣжденію, что намъ не слѣдуетъ, подобно прочимъ европейскимъ негоціантамъ, въ Китаѣ ограничиваться одною торговлею, а можно и выгодно сдѣлаться вмѣстѣ съ тѣмъ и производителями чая въ Китаѣ для Россіи. Съ легкой руки Н. А. Иванова дѣло это пошло какъ нельзя лучше. Такимъ образомъ, наши русскіе торговые люди, въ Китаѣ, не только не отстали отъ англичанъ, нѣмцевъ и прочихъ европейцевъ, но безспорно превзошли ихъ дѣятельностью, умѣньемъ уживаться съ китайскими властями и съ народомъ, а особенно тѣмъ, что являются не только торговцами и коммисіонерами, но и производителями чая. Наши русскія фабрики кирпичнаго чая въ Китаѣ до того дѣйствуютъ успѣшно и производимый ими черный кирпичный чай до того добротнѣе дѣлаемаго на фабрикахъ, принадлежащихъ китайцамъ, что послѣдніе съ нами конкуррировать не могутъ, и весь черный кирпичный чай, отправляемый изъ Китая въ Россію, въ рукахъ нашихъ русскихъ. Въ дѣлѣ торговомъ цифры краснорѣчивѣе всего говорятъ сами за себя: въ 1869-мъ году, наши три русскія Ханьковскія фирмы отправили для Россіи черезъ Англію 67,153 пуда и на Тянь-цзинъ и Кяхту 405,564 пуда чая. Само собою разумѣется, что все это количество чая, ввезеннаго въ Россію моремъ, перевезено на англійскихъ пароходахъ, такъ какъ русскихъ торговыхъ судовъ на Востокѣ, какъ мы уже сказали, вовсе нѣтъ и русскій торговый флагъ показывался на дальнемъ Востокѣ только на нѣсколькихъ финляндскихъ парусныхъ судахъ. Насколько увеличивается съ каждымъ годомъ ввозъ въ Россію чая, идущаго моремъ на Лондонъ и Кёнигсбергъ, а от-

[1]) Эти фабрики принадлежатъ русскимъ фирмамъ и находятся въ завѣдываніи русскихъ управляющихъ. Говоря о *фабрикахъ* чая, слѣдуетъ замѣтить, что приготовленіе чая не состоитъ только въ сушкѣ собранныхъ на плантаціяхъ чайныхъ листьевъ, какъ это обыкновенно у насъ думаютъ. Чай, употребляемый для питья, *дѣлается* слѣдующимъ образомъ: собранные свѣжіе чайные листья выжимаются для извлеченія изъ нихъ сока, весьма вреднаго для человѣческаго организма; затѣмъ эти листья высушиваются, ломаются руками, просѣваются черезъ 18 ситъ и поджариваются; отъ продолжительности и способа этой поджарки зависитъ сортъ чая.

туда через западную границу, это видно изъ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ: въ 1849-мъ году ввезено въ Россію чая по азіатской границѣ 298,242 пуда на 4.892,464 рубля; въ 1859-мъ году ввезено 454,333 пуда на 7,392,353 рубля; въ 1862-мъ году, когда допущенъ кантонскій чай къ привозу моремъ, ввезено по азіатской границѣ 478,593 пуда на 8,949.649 рублей и по европейской границѣ 242.025 пудовъ на 9,405,952 рубля; съ тѣхъ поръ ввозъ по азіатской границѣ чая сталъ постепенно уменьшаться, а по европейской увеличиваться; такъ, черезъ пять лѣтъ, въ 1867-мъ году, по азіатской границѣ ввезено 398,563 пуда, и по европейской границѣ 487,188 пудовъ, а въ 1869-мъ году по азіатской границѣ ввезено 360,609 пудовъ на 5,097,594 рубля и по европейской границѣ 573,988 пудовъ на 17.424,101 руб. Правда, что значительное количество чая, ввезеннаго по западной границѣ въ первый же годъ, когда ввозъ этотъ былъ разрѣшенъ, объясняется отчасти тѣмъ, что до 1862-го года, огромное количество кантонскаго чая ввозилось къ намъ изъ Пруссіи путемъ контрабанднымъ въ такихъ размѣрахъ и съ такою безопасностью, что въ Кёнигсбергѣ существовали правильно организованыя страховыя конторы на случай поимки контрабанднаго чая. Но, во всякомъ случаѣ, приведенныя цифры доказываютъ весьма наглядно, какъ уменьшается постепенно наша сухопутная торговля чаемъ, обставленная такими неблагопріятными условіями, что, несмотря на дальность пути моремъ, мимо мыса Доброй Надежды въ Лондонъ и оттуда въ Петербургъ, и несмотря на страшно высокій тарифъ, лежащій на кантонскомъ чаѣ на западной границѣ, провозъ чая моремъ производится скорѣе и обходится выгоднѣе, нежели сухимъ путемъ.

Понятно послѣ этого, почему со времени дозволенія ввоза чая изъ Англіи и вообще съ западной нашей границы моремъ и сухопутно, т.-е. съ 1862-го года, значеніе Кяхты, въ которой сосредоточивалась торговля наша съ Китаемъ, начало падать; Кяхтѣ пришлось соперничать съ англійскимъ рынкомъ, кёнигсбергскими торговцами и правильно организованной контрабандой. Хотя съ 1 октября 1861-го года съ байховыхъ торговыхъ чаевъ вмѣсто прежнихъ 40 копѣекъ взималось въ Кяхтѣ пошлины только 15 коп., а съ кирпичнаго по 2 коп. съ фунта, тогда какъ на западной границѣ—въ портахъ и съ этого чая взималось по 35 коп., а въ сухопутныхъ таможняхъ по 30 коп. съ фунта (съ прибавкою вездѣ 10 проц. сбора), но это уменьшеніе пошлины безсильно было поддержать Кяхту [1]). Стóитъ только

[1]) По тарифу, дѣйствующему съ 1 января 1869 года, взимается на западной границѣ 38½, а по китайской 16½ коп. съ фунта чернаго байховаго чая.

сравнить путь изъ Ханькоу на Кяхту и далѣе въ Ирбить и Нижній съ доставкою чая изъ Ханькоу на Англію и затѣмъ на Кронштадтъ, или Кёнигсбергъ, въ Москву, даже не черезъ Суэзъ и не на пароходахъ, а прежнимъ морскимъ путемъ, мимо мыса Доброй Надежды, на парусныхъ судахъ, — чтобы убѣдиться въ невыгодности пути на Кяхту, которая, во всякомъ случаѣ, останется однакоже складочнымъ мѣстомъ для байховыхъ и кирпичныхъ чаевъ, потребныхъ для Забайкалья и Сибири до Томска. Кромѣ того, Кяхта при покровительствѣ тарифа будетъ снабжать байховыми чаями Ирбить и кирпичными чаями Казань, Астрахань и Нижній. Что-же касается до снабженія байховыми черными чаями Нижняго, Казани, Астрахани, и всего Приволжья, то участіе въ этомъ Кяхты должно постепенно уничтожаться.

Въ подтвержденіе сказаннаго стоитъ прослѣдить движеніе чаевъ отъ Ханькоу на Кяхту въ Ирбить и Нижній, движеніе въ высшей степени интересное, какъ образчикъ первобытныхъ, патріархальныхъ торговыхъ путей, подобіе которыхъ едва-ли можно найти еще гдѣ-нибудь въ мірѣ, кромѣ странъ центральной Азіи. Отправка чаевъ изъ Ханькоу на Кяхту начинается въ іюнѣ и продолжается до октября слѣдующимъ путемъ:

1) Отъ Ханькоу до Шангаи по Янъ-цзи-Кіангу—582 морскихъ мили, на американскихъ рѣчныхъ пароходахъ общества Russel et C°. и отъ Шангаи до Тянь-тцина моремъ, большею частью на пароходахъ того-же общества, 735 м.м., всего 1,317 миль и 8 дней плаванія, съ платою отъ 8 до 11 ланъ, т.-е. отъ 20 до $27^1/_2$ рублей за тоннъ въ 40 кубич. футовъ, вмѣщающихъ до 8-ми ящиковъ байховыхъ и отъ 12 до 14-ти ящиковъ кирпичныхъ чаевъ;

2) отъ Тянь-тцина до Тунджы на китайскихъ лодкахъ по рѣкамъ и каналамъ по 10 фынъ, или по 25 коп. за ящикъ,—8 дней плаванія;

3) отъ Тунджы до Калгана на верблюдахъ, отъ 6 ланъ 2 чанъ до 11 ланъ, т.-е. отъ $15^1/_2$ до $27^1/_2$ рублей за 10 пикулъ (36 пуд. 30 фунт.), въ которыхъ помѣщается отъ 12 до 13-ти ящиковъ байховаго чая; изъ Тунджы до Калгана 8 сутокъ пути, но въ какое бы время чай ни прибылъ изъ Ханькоу въ Калганъ, онъ долженъ лежать въ Калганѣ до сентября въ ожиданіи верблюдовъ, которые къ тому времени откармливаются. На нижегородскую ярмарку (съ 25 іюля по 5 сентября нашего стиля) этотъ чай поспѣть не можетъ, и достигаетъ нижегородской ярмарки уже въ слѣдующемъ году, т.-е. не ранѣе 14 мѣсяцевъ, и то при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Ирбитская ярмарка продолжается съ 1 февраля по 1 марта нашего стиля; на нее

чаи, отправленные изъ Калгана въ сентябрѣ или октябрѣ, могутъ еще попасть, если найдутся верблюды, что не всегда бываетъ;

4) отъ Калгана на Ургу до Кяхты на верблюдахъ 35 сутокъ, отъ 2 ланъ 50 фынъ, т.-е. отъ 6 руб. 25 коп. до 8 р. $12^1/_2$ коп. съ ящика;

5) отъ Кяхты до Иркутска, отъ 2 р. 85 коп. до 4 р. 25 коп. съ ящика, 12 сутокъ пути;

6) отъ Иркутска до Томска до 3 рублей съ ящика, 28 сутокъ пути;

7) отъ Томска до Ирбити до 3 рублей съ ящика, 28 дней пути.

Такимъ образомъ чай, отправленный въ сентябрѣ или октябрѣ на Кяхту изъ Калгана въ Ирбить, достигаетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, изъ Калгана до мѣста назначенія въ 103 сутки, т.-е. въ $3^1/_2$ мѣсяца и, можетъ быть, попадетъ на Ирбитскую ярмарку (съ 1 февраля по 1 марта); считая 24 дня доставки изъ Ханькоу до Калгана и задержку въ Калганѣ отъ 60 до 90 дней, на доставку чая изъ Ханькоу на Ирбитскую ярмарку, слѣдуетъ опредѣлить до 217 сутокъ, т.-е. болѣе 7-ми мѣсяцевъ.

Если чай предназначается на Нижегородскую ярмарку, то уже лѣтомъ онъ двигается дальше изъ Томска:

1) Отъ Томска до Тюмени отправляется водой, на что нужно 20 сутокъ пути, съ платою по 1 р. 50 коп. съ ящика;

2) отъ Тюмени до Перми сухопутная доставка стоитъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. съ ящика и требуетъ 14-ти сутокъ;

3) наконецъ, чай изъ Перми доставляется по Камѣ и Волгѣ на пароходахъ до Нижняго въ 10 сутокъ, съ платою отъ 1 руб. до 1 руб. 50 к. за ящикъ.

Этимъ путемъ чаи изъ Ханькоу попадаютъ на Нижегородскую ярмарку черезъ 14 мѣсяцевъ.

При отправкѣ же чаевъ изъ Ханькоу на Шангаи, даже мимо мыса Доброй Надежды на Лондонъ, Кёнигсбергъ, или Петербургъ, въ Москву, они достигаютъ мѣста назначенія въ 6 или 7 мѣсяцевъ. Эти чаи, опаздывавшіе, конечно, на Нижегородскую ярмарку, отправлялись, по удовлетвореніи потребностей европейской Россіи, изъ Москвы на Ирбитскую ярмарку съ платою отъ Москвы до Казани отъ 75 к. до 1 руб. и отъ Казани до Ирбити отъ 90 к. до 1 руб. 25 к. съ пуда, что составитъ отъ Москвы до Ирбити отъ 1 руб. 65 к. до 2 р. 25 к. съ пуда.

Для большаго уясненія выгодности доставки изъ Ханькоу моремъ даже прежнимъ путемъ, мимо мыса Доброй Надежды на Лондонъ, Кёнигсбергъ и Петербургъ, въ Россію, противъ доставки чая на Кяхту, можно привести еще слѣдующія, основанныя на

самыхъ точныхъ числовыхъ данныхъ, соображенія: доставка изъ Ханькоу на Шангаи и Лондонъ въ Москву фунта чая обходится въ 63 коп., а изъ Ханькоу и Шангаи на Кяхту въ 70 коп.; при этомъ самая затрата капитала при доставкѣ чая на Лондонъ не столь значительна, какъ при направленіи чая на Кяхту; такимъ образомъ, на одинъ и тотъ же капиталъ въ 15,000 руб., при одинаковой цѣнѣ въ Ханькоу (по 30 ланъ, т.-е. по 70 руб. за пикулъ или 147 русскихъ фунтовъ) на Лондонъ можно отправить въ Россію 617 пуд. 16 фун., а на Кяхту только 367½ пудовъ, т.-е. почти вдвое меньше.

Очевидно, что съ открытіемъ Суэзскаго канала и товарнаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ изъ Одессы до Москвы и Нижняго, грузъ чая изъ Ханькоу, отправившійся 24-го мая, можетъ дойти до Одессы въ 53, много въ 60 дней, слѣдовательно быть въ Одессѣ между 16-мъ и 23-мъ іюля и поспѣть на Нижегородскую ярмарку, продолжающуюся съ 25-го іюля по 5-е сентября. Во всякомъ случаѣ, доставка чая изъ Ханькоу въ Россію черезъ Суэзскій каналъ потребуетъ не 14 мѣсяцевъ, необходимыхъ при отправкѣ на Кяхту, и не отъ 6 до 8-ми мѣсяцевъ, употребляемыхъ на провозъ мимо мыса Доброй Надежды, а самое большое 2½ мѣсяца, съ значительнымъ сбереженіемъ необходимаго на закупку чая капитала. Кромѣ того, при доставкѣ чаевъ на Суэзъ и Одессу время перевозки ихъ моремъ сократится противу прежняго морского пути на Лондонъ, по крайней мѣрѣ, на 4 мѣсяца и они менѣе будутъ подвергаться вліянію сырости, а слѣдовательно получаться свѣжѣе и лучше. Единственное преимущество доставки чаевъ изъ Тянь-тцина (куда они доставляются, впрочемъ, водою) на Кяхту и далѣе, состоящее въ убѣжденіи потребителей, отчасти справедливомъ, что на этомъ пути чаи сохраняютъ лучше свѣжесть и ароматъ, уничтожится при скорой и бережной доставкѣ чаевъ на Суэзъ и Одессу на пароходахъ, и знатоки этого дѣла утверждаютъ, что между чаемъ, доставленнымъ черезъ Кяхту и чаемъ, отправленнымъ на Суэзъ и Одессу, при бережной доставкѣ, никакой разницы быть не можетъ.

Мы остановились такъ долго на русской торговлѣ чаемъ не только потому, что онъ составляетъ самый крупный предметъ изъ ввозимыхъ къ намъ моремъ съ Востока товаровъ [1]) и что удешевленіе чая въ Россіи можетъ быть однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ къ уменьшенію чрезмѣрнаго потребленія спиртныхъ напитковъ, но еще и потому, что до-сихъ-поръ многіе

---

[1]) Кантонскаго чая въ Россію ввезено: въ 1868 г. 515,792 пуда на 15.205,507 руб., а въ 1869 г.—573,988 пуд. на 17.424,101 р.

продолжаютъ вѣрить, что наши сухопутныя сношенія съ Китаемъ, по торговлѣ чаемъ, представляютъ нѣкоторыя данныя къ тому, чтобы надѣяться на дальнѣйшее развитіе этой торговли. Между тѣмъ, мало-мальски близкое знакомство съ этимъ дѣломъ убѣждаетъ, что даже теперь сухопутная торговля чаемъ съ европейской Россіей, поддерживаемая покровительственнымъ тарифомъ, при которомъ дешевые чаи не могутъ идти въ Россію, давно бы пала, еслибы нѣсколько крупныхъ русскихъ торговыхъ домовъ не поддерживали ее всѣми средствами. Но перейди это дѣло въ другія руки и тотчасъ же наша сухопутная торговля чаемъ, при которой чайные караваны (даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ не остановятъ разныя препятствія и мытарства, неизмѣнно всюду сопутствующія русской внутренней торговлѣ) достигаютъ европейской Россіи черезъ Сибирь въ 13 и 14 мѣсяцевъ, — падетъ, и вся торговля перейдетъ къ англичанамъ и нѣмцамъ, которые станутъ доставлять чай на Нижегородскую ярмарку, черезъ Суэзъ и Одессу, въ 3 мѣсяца.

II.

После чая главный грузъ, получаемый съ Востока моремъ въ Россію, есть хлопокъ, ввозимый ежегодно на сумму болѣе 9-ти милл. руб., въ количествѣ до милліона пудовъ (все же количество хлопка, потребляемаго Россіей, достигаетъ до 3-хъ слишкомъ милліоновъ пудовъ въ годъ, изъ которыхъ около 2 мил. пудовъ ввозится изъ Америки и увеличивается ежегодно до 3%, такъ какъ продуктъ этотъ дѣлается однимъ изъ предметовъ первой необходимости). Наши фабрики, производя значительное количество грубыхъ и среднихъ бумажныхъ тканей, требуютъ для выдѣлки ихъ суратскаго хлопка, который вывозится изъ Бомбея для Россіи въ количествѣ до милліона пудовъ ежегодно. Такъ какъ прямыхъ сношеній Россіи съ Индіей не существуетъ, то вся эта торговля хлопкомъ находится исключительно въ рукахъ иностранцевъ; самые оптовые склады находятся въ европейскихъ портахъ и хлопокъ выписывается оттуда въ Россію по мѣрѣ надобности. Сезонъ отправки хлопка изъ Бомбея отъ ноября до мая, т.-е. въ то время, когда наши сѣверные порты замерзаютъ и дѣлаются недоступными. Порты Чернаго моря и главнѣйше Одесса въ этомъ случаѣ суть единственныя мѣста, съ которыми сообщеніе можетъ совершаться безпрепятственно и Одесса, соединенная нынѣ желѣзными дорогами съ внутренними частями Россіи, представляетъ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться складочнымъ

мѣстомъ для всѣхъ произведеній Индіи и Китая, въ особенности же хлопка.

Другіе грузы, идущіе въ Россію съ дальняго Востока, какъ-то, индиго, на 6 слишкомъ мил. рублей, шелкъ на $5^1/_2$ мил. руб., кофе на 5 слишкомъ мил. руб., рисъ на $1^1/_2$ мил. руб., красильныя деревья, гумми, олово, цинкъ, пряности, ладонъ, чернильные орѣхи, всего на $5^1/_2$ мил. руб. [1]), пріобрѣтаются въ Бомбеѣ, Калькуттѣ, Китаѣ, Цейлонѣ иностранцами и доставляются ими въ Россію чрезъ Англію, Сѣверную Германію и, въ послѣднее время, чрезъ Тріестъ.

Интересно теперь свести счеты тѣхъ расходовъ, которые поглощаются англичанами и нѣмцами за ихъ доставку намъ произведеній Востока, получаемыхъ Россіей изъ вторыхъ и третьихъ рукъ.

Считая общее количество остъ-индскихъ и другихъ товаровъ дальняго Востока, ввозимыхъ ежегодно въ Россію, болѣе 3-хъ мил. пудовъ на $43^1/_2$ мил. руб., по свѣдѣніямъ 1868-го г., и на 3.900,000 слишкомъ пудовъ цѣнностію до 53 мил. руб., по свѣдѣніямъ за 1869-й годъ, оказывается, что за фрахтъ платится иностраннымъ судамъ болѣе $2^1/_2$ мил. руб., банкирской коммиссіи иностраннымъ банкирамъ пол-милліона рублей, страховой преміи иностраннымъ конторамъ по меньшей мѣрѣ $1^1/_2$ мил. руб., за магазинажъ, куртажъ, нагрузку и выгрузку въ иностранныхъ складахъ платится около 250,000 руб. и, наконецъ, за посредничество въ торговыхъ операціяхъ между Индіей, Китаемъ и Россіей англійскіе и нѣмецкіе торговые дома получаютъ, конечно, болѣе 2-хъ милліоновъ рублей. Такимъ образомъ мы ежегодно увеличиваемъ $15^1/_2$ процентами балансъ въ пользу стоимости ввозной иностранной торговли, и за то, что не вступаемъ въ прямыя торговыя, сношенія съ Индіей и Китаемъ, выплачиваемъ ежегодно едва ли не болѣе 7 мил. руб.

Такое печальное, зависимое положеніе русской торговли объяснялось до сихъ поръ исключительно географическимъ положеніемъ Россіи, которое препятствовало прямымъ торговымъ сношеніямъ съ Индіей и Китаемъ моремъ, такъ какъ страны эти лежали ближе къ иностраннымъ портамъ, чѣмъ къ нашимъ. На нашу долю выпадала лишь торговля сухопутная и то только съ Китаемъ, которая едва могла соперничать съ морскимъ путемъ даже при самомъ сильномъ покровительствѣ. Въ морской же торговлѣ съ этими странами являлись посредниками другія націи, ближе къ нимъ находившіяся и лежавшія на пути ихъ сообщенія. Оттого, за исключеніемъ чая, торговля всѣми другими произведеніями Индіи и Китая находится до сихъ поръ въ ру-

ковъ англичанъ, американцевъ и нѣмцевъ изъ Бремена, Гамбурга, Кёнигсберга и другихъ портовъ сѣверной Германіи, въ послѣднее время особенно усилившихъ торговую свою дѣятельность.

Съ открытіемъ Суэзскаго канала положеніе Россіи существенно измѣняется; она дѣлается однимъ изъ ближайшихъ государствъ къ Индіи, а потому теперь всякое посредничество другихъ націй, болѣе отдаленныхъ отъ Индіи, тяжко отзываясь на русской торговлѣ и промышленности, можетъ только свидѣтельствовать, что мы не желаемъ пользоваться очевидно представляющимися выгодами, что мы не умѣемъ освободиться отъ иностранной эксплуатаціи даже при самыхъ благопріятныхъ къ тому условіяхъ.

Съ открытіемъ Суэзскаго канала отдаленная Россія сдѣлалась, посредствомъ своихъ черноморскихъ портовъ, однимъ изъ государствъ, ближайшихъ къ Индіи; такъ, Бомбей, черезъ каналъ, ближе къ Одессѣ чѣмъ:

къ Тріесту на 152 мили или на 4%
къ Марсели на 832 мили или на 8%
къ Ливерпулю на 2062 мили или на 50%
къ Лондону на 2076 миль или на 50%
къ Бремену на 2462 мили или на 60%.

Такое выгодное географическое положеніе Россіи, въ отношеніи Китая и Индіи, можетъ отозваться самымъ благотворнымъ образомъ на ея торговлѣ и промышленности, если только Россія вдвремя вступитъ въ прямыя сношенія съ Востокомъ, откуда получаетъ произведенія, сдѣлавшіяся для нея предметомъ почти необходимости.

Выше мы уже сказали, что такія прямыя сношенія Россіи съ Индіей и Китаемъ сохранятъ русской торговлѣ, на первый разъ, сумму въ семь милліоновъ рублей въ годъ, сумму, которая впослѣдствіи, и притомъ очень скоро, должна увеличиться. Но кромѣ этихъ милліоновъ рублей, которые Россія имѣетъ теперь полную возможность не выплачивать англичанамъ и нѣмцамъ за ввозъ ими индѣйскихъ и китайскихъ товаровъ,—прямыя сношенія Россіи съ дальнимъ Востокомъ доставятъ ей большой новый рынокъ для сбыта ея мануфактурныхъ издѣлій, не выдерживающихъ въ Европѣ конкурренціи съ англичанами, нѣмцами и французами. До сихъ поръ наши купцы продавали только въ Китаѣ сукна, изъ которыхъ зеленое русское сукно употребляется преимущественно для обивки носилокъ и стульевъ должностныхъ лицъ, а красное для обивки мебели вообще и для женской

одежды. Но соперничество иностранцевъ современемъ вытѣснитъ и русское сукно съ китайскаго рынка, пріобрѣвшее себѣ тамъ прочное положеніе и постоянныхъ покупателей, если только русскіе фабриканты, которымъ давно извѣстны требованія китайцевъ въ отношеніи къ сукнамъ, не постараются примѣниться также къ китайскому вкусу и не обратятъ вниманія на упаковку и добротность сукна. Уже и теперь въ Ханькоу попадаются иногда партіи русскаго сукна, которое, вслѣдствіе дурной упаковки и не надлежащей добротности, вовсе нейдетъ съ рукъ.

Конечно, и то правда, что торговля съ Китаемъ, сосредоточенная въ немногихъ, открытыхъ для европейцевъ городахъ, не можетъ широко развиться до тѣхъ поръ, пока Китай не откроется для европейцевъ и американцевъ безъ всякихъ ограниченій. Сдѣлать это легче, чѣмъ думаютъ, и для достиженія этой цѣли, если надобность укажетъ, не слѣдуетъ останавливаться передъ вторичнымъ занятіемъ Пекина, откуда можно продиктовать какія угодно условія. Громадныя выгоды для торговли съ избыткомъ вознаградятъ пожертвованія, которыя будутъ принесены для открытія Китая. Съ китайскимъ народомъ, спокойнымъ и трудолюбивымъ, ладить не трудно; но корень всему злу въ Китаѣ,— это чиновничество и классъ, такъ-называемыхъ, ученыхъ. Помимо всякихъ торговыхъ и корыстныхъ цѣлей, можно ли не желать открытія Китая христіанству и европейской цивилизаціи, если даже имѣть только въ виду, что 400 милліоновъ разумныхъ человѣческихъ существъ забиты самыми нелѣпыми абсурдами и воспитываются въ слѣдующихъ убѣжденіяхъ: 1. Китай занимаетъ всю вселенную; всѣ прочія страны ему подчинены и такъ незначительны, что недостойны вниманія; подобно тому, какъ на тверди небесной существуетъ одно солнце, такъ и во вселенной можетъ существовать одинъ только государь — китайскій, а всѣ прочіе государи суть его слуги; 2. Китайцы одни достойны названія людей; всѣ не китайцы—существа, имѣющія человѣческое подобіе, или порожденіе злого духа или существа низшія; самое слово «дьяволъ» есть синонимъ слова «иностранецъ», и необразованный китаецъ, разговаривая съ европейцемъ, называетъ его въ глаза «блѣднолицый дьяволъ», безъ всякаго намѣренія оскорбить его; 3. Китайцы твердо вѣруютъ, хотя нигдѣ, въ священныхъ книгахъ ихъ нельзя найти что-либо, подтверждающее это вѣрованіе, что все благотворное и животворящее идетъ съ юга, а все тлетворное и мертвящее съ сѣвера, т.-е. по ихъ понятіямъ изъ странъ, внѣ Китая лежащихъ; отъ того и всѣ изобрѣтенія въ родѣ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ въ глазахъ 400 милліоновъ китайцевъ суть не что иное, какъ вредныя выдумки дьявола.

Возвращаясь къ русской торговлѣ на Востокѣ, слѣдуетъ замѣтить, что если ей предстоитъ въ Китаѣ только упрочить свое положеніе и развить уже начатое дѣло, то въ Индіи ей придется завоевывать себѣ мѣсто въ ряду другихъ европейскихъ торговцевъ, снабжающихъ рынокъ европейскими издѣліями. Это впрочемъ не только не невозможно, но даже и не особенно трудно, благодаря громадности населенія какъ Китая, такъ и Индіи, а вслѣдствіе того и громадной потребности въ различныхъ европейскихъ издѣліяхъ самой дешевой цѣнности и низкаго качества.

Народонаселеніе Индіи съ Цейлономъ, по самому умѣренному исчисленію, простирается до 205-ти милліоновъ. Весь этотъ людъ одѣвается хлопчато-бумажными тканями и, по отзыву самихъ англичанъ, совершенно согласному съ дѣйствительностью, только незначительная часть туземнаго народонаселенія одѣта; масса жителей Остъ-Индіи едва прикрываетъ тѣло, хотя потребность въ одеждѣ и въ хлопчато-бумажныхъ тканяхъ возрастаетъ ежегодно. Словомъ, ни туземныя, ни англійскія хлопчато-бумажныя фабрики еще не успѣли, и долгое время еще не будутъ въ состояніи удовлетворить потребностямъ народонаселенія Остъ-Индіи, несмотря на то, что въ 1868-мъ году привезено изъ Великобританіи въ Остъ-Индію хлопчато-бумажныхъ матерій около $842^1/_2$ мил. ярдовъ, т.-е. болѣе милліарда аршинъ, или по 5-ти аршинъ на каждаго изъ 200 мил. жителей.

Привозъ въ Остъ-Индію льняныхъ и шерстяныхъ издѣлій, удовлетворяющихъ потребностямъ европейскаго и зажиточнаго туземнаго народонаселенія, въ сравненіи съ хлопчато-бумажными издѣліями, незначителенъ, и въ отношеніи этихъ издѣлій, при ограниченности требованія ихъ въ Остъ-Индію, о соперничествѣ съ англичанами и думать нельзя; съ ними мы можемъ соперничать только въ Китаѣ, куда идутъ наши сукна. Хлопчато-бумажныя издѣлія,—другое дѣло; запросъ на нихъ въ Остъ-Индіи громадный. Наше русское безъ малаго 80-и-милліонное населеніе въ массѣ одѣвается льнянымъ холстомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ носятъ посконь. Наши московскія и подмосковныя хлопчато-бумажныя фабрики удовлетворяли доселѣ потребностямъ въ бумажныхъ издѣліяхъ какъ нашего населенія, такъ и средне-азіатскихъ рынковъ, по мѣрѣ спроса. Остъ-Индія такой громадный рынокъ для хлопчато-бумажныхъ издѣлій, что всѣмъ, а можетъ быть и намъ, русскимъ, найдется въ немъ мѣсто, если наша хлопчато-бумажная промышленность разовьется, независимо

отъ теперешнихъ центровъ, и въ другихъ частяхъ Россіи, особенно на югѣ, гдѣ нѣтъ недостатка и въ топливѣ.

Изъ другихъ товаровъ, ввозимыхъ нынѣ въ Индію изъ Англіи, и которые легко могли бы перейти въ руки русскихъ торговцевъ, можно указать высшихъ сортовъ пшеницу, металлическія издѣлія, какъ мелкія, такъ равно мѣдь и желѣзо въ листахъ, спиртные напитки, стеариновыя свѣчи, деготь и смола, мыло и сало баранье.

Конечно, говоря о ввозной торговлѣ въ Индію, не слѣдуетъ забывать, что, не взирая на постоянное стремленіе англичанъ къ свободѣ торговли и пониженію тарифовъ въ Европѣ,—они, въ Индіи, слѣдуютъ сами противной системѣ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ зерноваго хлѣба, пеньки, спичекъ, машинъ, табаку и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, всѣ товары, привозимые не изъ англійскихъ портовъ, обложены значительною пошлиною, соотвѣтственно цѣнности, которая опредѣлена тѣмъ же тарифомъ.

Такъ хлопчато-бумажныя издѣлія платятъ отъ $3^1/_2$ до $7^1/_2$% со стоимости, шерстяныя издѣлія отъ 5 до $7^1/_2$ %, мѣдныя издѣлія $7^1/_2$%, желѣзо 1%, свѣчи, мыло и сало также по $7^1/_2$% со стоимости. Но какъ ни значительна эта пошлина, все же она не такъ велика, чтобы уничтожить всякую возможность соперничать русскимъ торговцамъ съ англійскими, по крайней мѣрѣ по ввозу тѣхъ товаровъ, которые теперь покупаются англичанами въ русскихъ портахъ (каковы высшихъ сортовъ пшеница, деготь, сало) и только доставляются въ Индію на англійскихъ судахъ.

Итакъ, съ какой стороны ни взглянули бы мы на необходимость не медля завести непосредственныя торговыя сношенія Россіи съ Индіей и Китаемъ моремъ, — эта необходимость представляется самой настоятельной, какъ для нашей ввозной, такъ и вывозной торговли. Отвергать эту необходимость могутъ только тѣ, кто желаетъ видѣть Россію вѣчною поставщицею сырья на пользу и потребу всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, эксплуатирующихъ насъ вездѣ и во всемъ.

Но вѣдь признавать и доказать необходимость прямыхъ сношеній Россіи съ Востокомъ, — не значитъ еще установить эти сношенія. Для этого необходимы пароходы, которые бы совершали постоянные, правильные, рейсы между нашими и индѣйскими и китайскими портами, для этого нуженъ торговый флотъ.

Еслибы это дѣло приходилось начинать съ самаго начала, то прошло бы много лѣтъ прежде, нежели бы оно осуществилось. Но, къ счастію для русской торговли, у насъ на югѣ уже

есть цѣлый торговый флотъ,—это флотъ Русскаго Общества пароходства и торговли.

III.

Говоря о Русскомъ Обществѣ пароходства и торговли, мы не можемъ не остановить на немъ наше вниманіе, какъ на одномъ изъ весьма полезныхъ предпріятій, не только оправдавшемъ надежды, возлагавшіяся на Общество при его основаніи, но и далеко превзошедшемъ всѣ ожиданія. Мы не избалованы, къ сожалѣнію, правильнымъ и удачнымъ ходомъ всевозможныхъ акціонерныхъ компаній, на которыя и государство и земство тратятъ ежегодно не мало денегъ; поэтому мы не можемъ не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ такому дѣлу, которое, начавшись при сравнительно незначительныхъ денежныхъ средствахъ, успѣло въ нѣсколько лѣтъ, съ весьма умѣреннымъ пособіемъ со стороны государства, развиться въ громадное предпріятіе, имѣющее не только торговое, но и государственное значеніе.

Общество пароходства и торговли открыло свои дѣйствія въ 1857-мъ году 18-ю пароходами, стоимостью въ 1.200,000 руб., вмѣстимостью въ 2,600 тоннъ; черезъ 12 лѣтъ, т.-е. въ 1869-мъ году Общество владѣло 70-ю готовыми и строющимися пароходами и 50-ю баржами, стоимостью болѣе 10-ти милліоновъ рублей и вмѣстимостью въ 36,500 тоннъ. Постепенно расширяя свои рейсы, Общество охватываетъ, въ настоящее время, сообщенія по всему Черному и Азовскому морямъ и проникая въ Атлантическій океанъ, въ Средиземное и Нѣмецкое моря, оно завоевало себѣ почетное мѣсто между большими иностранными пароходными компаніями, поддерживаемыми гораздо значительнѣйшими субсидіями отъ своихъ правительствъ. Увеличивая свой флотъ и учащая рейсы, Общество приняло на себя перевозку почтъ во всѣ мѣста, посѣщаемыя пароходами Общества въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ и тѣмъ дало возможность уничтожить существовавшій до того времени русскій почтамтъ на Востокѣ. Общество взяло въ свои руки разработку антрацита въ Грушевскихъ копяхъ, до того времени лежавшаго втунѣ и, судя по отзывамъ знающихъ это дѣло людей, ведетъ его такъ усердно, что даетъ надежду въ скоромъ времени удовлетворить потребности всего Новороссійскаго края въ каменномъ углѣ и освободить порты Чернаго моря отъ зависимости ихъ отъ иностранныхъ рудниковъ. Устроивъ въ разныхъ мѣстахъ обширные заводы, механическія заведенія, магазины, пристани, стоимостью въ нѣсколько

милліоновъ рублей, Общество имѣло полное право поставить на прошлогодней всероссійской выставкѣ модели своихъ мастерскихъ и адмиралтейства въ Севастополѣ, такъ какъ однимъ этимъ дѣломъ Общество уже имѣетъ основаніе гордиться; въ нѣсколько лѣтъ оно съумѣло привести въ такое состояніе мастерскія и ремонтныя заведенія въ Севастополѣ, что морское министерство закрыло свое адмиралтейство въ Николаевѣ и передало Обществу все ремонтированіе казенныхъ пароходовъ, а Общество даже приступило въ собственному судостроенію и изготовленію машинъ, такъ что минувшимъ лѣтомъ уже спущенъ былъ на воду первый, построенный Обществомъ, пароходъ «Первенецъ». Независимо отъ постояннаго увеличенія морскихъ пароходовъ, Общество уже завело цѣлую рѣчную флотилію и, какъ о томъ говорили газеты, дѣлаетъ попытки къ открытію плаванія по рѣкѣ Кубани для устройства сообщенія съ Керченскимъ портомъ, что неминуемо должно имѣть своимъ послѣдствіемъ развитіе какъ Керченскаго порта, такъ и Кавказа.

Можно ли, затѣмъ, послѣ одного перечисленія того, что уже сдѣлано Обществомъ пароходства и торговли, отвергать торговое и политическое значеніе созданнаго имъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, флота, который, въ одномъ 1867 году, перевезъ до 19-ти милліоновъ пудовъ груза и свыше 300,000 человѣкъ пассажировъ, флота, который, въ случаѣ надобности, можетъ поднять одновременно сорокатысячную армію съ полнымъ ея вооруженіемъ и снабженіемъ и перекинуть съ одного берега Чернаго моря на другой.

Въ виду той почтенной роли, которую съумѣло, въ немного лѣтъ, занять Общество пароходства въ торговомъ и общественномъ отношеніяхъ, мы не можемъ не признать, что получаемая имъ отъ правительства субвенція значительно вознаградилась полученными результатами. Къ тому же, какъ ни стараемся мы всегда оберегать государственный бюджетъ отъ расходовъ непроизводительныхъ,—это не можетъ намъ мѣшать къ признанію производительными такихъ расходовъ, которые приносятъ дѣйствительную пользу обществу и государству и къ числу которыхъ слѣдуетъ причислить и выдаваемую Обществу пароходства ежегодно субвенцію.

Субвенція эта, на основаніи § 15-го устава, выдается правительствомъ въ видѣ помильной платы за сдѣланные пароходами Общества рейсы. Эта плата гарантирована Обществу въ теченіе 20-ти лѣтъ, въ размѣрѣ 1.883,000 рублей въ годъ; при этомъ, въ теченіе второго десятилѣтія, уже начавшагося въ 1866-мъ году, плата эта должна уменьшаться ежегодно на 5%, такъ, что въ послѣдній, двадцатый, годъ она

будетъ составлять только 50% первоначальной суммы. Сверхъ этой помильной платы казна выдаетъ Обществу на необходимыя ремонтныя исправленія пароходовъ, на что Общество тратитъ ежегодно до полумилліона рублей, еще по 64.000 руб. въ годъ, въ теченіе двадцати лѣтъ со дня открытія дѣйствій Общества.

Если сравнить эту субвенцію съ тѣми пособіями, которыя выплачиваютъ другія морскія державы, какъ Англія, Америка и Франція для поддержанія правильнаго морского сообщенія почти со всѣми странами, то окажется, что она не только не велика, но скорѣе мала. Такъ въ послѣднее время Соединенные Штаты учредили компанію для содержанія пароходной линіи между Санъ-Франциско и Китаемъ, платя четыремъ пароходамъ, плавающимъ по этой линіи, ежегодно до 500,000 долларовъ, т.-е. около 750,000 рублей. Французская компанія «Messageries françaises» получаетъ ежегодно 20.000 000 франковъ, а англійская компанія «Peninsular and Oriental C°.» болѣе 3.000,000 рублей въ годъ субвенціи. Между тѣмъ, несмотря на значительность этихъ пособій ни одно изъ иностранныхъ обществъ не имѣетъ такого большого и притомъ приспособленнаго для транспортовъ, флота, какъ русское Общество пароходства и торговли. Такъ изъ свѣдѣній за 1869 и 1870-й годы видно, что французская компанія владѣетъ всего 21-мъ пароходомъ, а англійская имѣетъ 46 пароходовъ; даже австрійскій «Lloyd», пользующійся большимъ пособіемъ отъ правительства, которое ведетъ съ нимъ въ настоящее время переговоры объ учрежденіи, съ новымъ пособіемъ отъ казны, правильныхъ рейсовъ между Тріестомъ и Бомбеемъ, имѣетъ всего 70 пароходовъ, т.-е. столько же, сколько и Русское Общество, но за-то не имѣетъ такого числа баржъ, служащихъ для каботажа.

Безъ помильной платы, какъ Русское Общество пароходства и торговли, такъ и всѣ большія иностранныя пароходныя компаніи, вслѣдствіе дороговизны угля, плавали бы въ убытокъ себѣ и каждое изъ нихъ, безъ правительственной поддержки, вынуждено было бы ликвидировать свои дѣла; это подтверждается и отчетами Русскаго Общества пароходства за первые десять лѣтъ его существованія, съ 1856—1866-й г. Пока не изобрѣтутъ другой движущей силы какъ паръ, или пока не замѣнятъ угля болѣе дешевымъ горючимъ матеріаломъ, до тѣхъ поръ, по общему мнѣнію, выработавшемуся въ западной Европѣ, на большія морскія пароходныя общества не перестанутъ смотрѣть какъ на предпріятія не столько частныя, сколько общественныя; если же при этомъ пароходное общество представляетъ еще и правительству, въ случаѣ надобности, транспортныя средства,

то оно уже является дѣломъ политическимъ, предпріятіемъ государственнымъ.

Необходимость правительственнаго пособія опровергается, повидимому, высокою цѣнностью акцій Русскаго Общества пароходства, которыя въ настоящее время продаются на биржѣ больше чѣмъ въ четыре раза ихъ нарицательной цѣны. Указывая на это обстоятельство, забываютъ, что цѣнность акцій представляетъ только цѣнность всего наличнаго имущества общества, т.-е. пароходовъ, баржъ, пристаней, мастерскихъ и проч., цѣнность, соотвѣтствующую и затраченнымъ акціонерами деньгамъ, и суммѣ полученной обществомъ помильной платы. Но какъ бы ни увеличивалось, при хорошемъ управленіи дѣлами Общества, его наличное имущество, и, вслѣдствіе того, какъ бы ни возвышалась цѣна акцій, ни то, ни другое не въ состояніи покрывать расходы плаванія пароходовъ по такимъ линіямъ, по которымъ сначала нѣтъ ни большихъ грузовъ, ни значительнаго числа пассажировъ. При открытіи своихъ дѣйствій пароходы Русскаго Общества ходили по линіямъ изъ Одессы и Поти въ Константинополь почти пустыми, и только спустя нѣсколько лѣтъ, когда создались цѣлыя новыя отрасли промышленности, до того не существовавшія, пароходы Общества стали обезпечены грузомъ муки, для производства которой выстроены громадныя паровыя мельницы, и мука наша усвоилась не только въ Константинополѣ, но и во всѣхъ портахъ Сирійскаго берега и въ Египтѣ; затѣмъ, одновременно съ нашей мукою постепенно нашли себѣ сбытъ въ иностранныхъ портахъ спиртъ и рогатый скотъ. Не взирая однако на подобное развитіе нашей вывозной торговли, вслѣдствіе установленія правильныхъ пароходныхъ сообщеній изъ нашихъ южныхъ портовъ, и теперь, спустя 14 лѣтъ со времени открытія дѣйствій Общества, нѣкоторые рейсы не оплачиваютъ еще расходовъ, т.-е. цѣнности сожигаемаго пароходомъ для движенія угля, и потому безъ посторонняго пособія поддерживаться не могутъ.

То, что было до сихъ поръ съ пароходными рейсами изъ нашихъ южныхъ портовъ въ Турцію и Египетъ, повторится, конечно, и съ устройствомъ правильнаго пароходнаго сообщенія съ Индіей и Китаемъ. Трудно ожидать, чтобы поворотъ торговли, съ давнихъ поръ принявшій извѣстное направленіе, могъ совершиться внезапно, и чтобы измѣненіе пути движенія индѣйскихъ грузовъ послѣдовало сразу. Поэтому нельзя не предвидѣть, что въ первые годы пароходные рейсы въ Индію и Китай оплачиваться грузомъ не будутъ и потребуютъ непремѣнно посторонней помощи. Самое устройство правильныхъ постоянныхъ

рейсовъ, на разстояніи въ оба пути болѣе 18,000 миль, потребуетъ довольно значительнаго капитала на постройку пароходовъ, ихъ ремонтъ, устройство магазиновъ и складовъ, всего до 5-ти милліоновъ рублей, затрата котораго не вознаградится до тѣхъ поръ, пока масса товаровъ, перевозившихся англичанами и нѣмцами, не попадетъ на пароходы Русскаго Общества пароходства и торговли.

Недавно въ газетахъ помѣщено было объявленіе о томъ, что въ видахъ учрежденія прямого пароходнаго сообщенія между Одессой и Бомбеемъ и между Одессой, китайскимъ портомъ Шангаи и главнымъ китайскимъ внутреннимъ чайнымъ рынкомъ Ханькоу, Общество пароходства и торговли отправляетъ въ январѣ и февралѣ 1871-го года пароходы «Нахимовъ» и «Чихачевъ», которые по пути будутъ заходить въ Портъ-Саидъ, Суэзъ, Аденъ, Поэнтъ-де-Галль на Цейлонѣ, Сингапуръ и Гонгъ-Конгъ.

Такимъ образомъ, Общество пароходства и торговли уже дѣлаетъ первый опытъ къ установленію прямыхъ пароходныхъ сношеній съ Индіей и Китаемъ. Остается только желать, чтобы этотъ опытъ удался и чтобы Общество не ограничилось двумя пробными рейсами. Въ виду того обстоятельства, что въ первое время пароходные рейсы по новымъ линіямъ, индѣйской и китайской, не будутъ окупаться, мы считаемъ совершенно естественнымъ со стороны правительства, чтобы оно поддержало эти линіи денежнымъ пособіемъ. Если же почему-нибудь такое пособіе признавалось бы невозможнымъ, то мы не видимъ причины, почему для нѣкоторыхъ китайскихъ и индѣйскихъ товаровъ, которые бы ввозились къ намъ на русскихъ пароходахъ, не были сдѣланы льготы взиманіемъ уменьшенной съ нихъ пошлины. Такого рода льготы не только въ пользу русскаго коммерческаго флага, но и въ пользу отдѣльныхъ торговыхъ предпріятій, вещь далеко у насъ не новая. Если признавалось возможнымъ еще въ то время, когда ввозъ кантонскаго чая былъ безусловно запрещенъ и онъ къ намъ шелъ только путемъ контрабанднымъ, дозволить бывшей россійской американской компаніи, которая никому, кромѣ членовъ правленія, пользы не приносила, ввозить ежегодно по 8,000 ящиковъ чая въ наши сѣверные порты съ платою за нихъ уменьшенной пошлины, то мы не видимъ основательной причины, почему подобныя льготы не могли бы быть даны и Русскому Обществу пароходства и торговли для того, чтобы поддержать начинаемое имъ полезное дѣло, которое съ избыткомъ вознаградитъ необходимыя временныя пожертвованія.

А что начинаемое дѣло полезно и имѣетъ большое торго-

вое и политическое значеніе, въ этомъ, нельзя сомнѣваться: съ установленіемъ прямыхъ сношеній Россіи съ Индіей и Китаемъ, русская торговля избавится отъ зависимости Англіи и Германіи въ доставкѣ товаровъ болѣе, какъ на 50 милліоновъ рублей въ годъ, чѣмъ, какъ мы выше сказали, можетъ сохраниться свыше 7-ми милліоновъ русскихъ капиталовъ; съ направленіемъ торговли дальняго Востока въ русскіе порты, и преимущественно въ Одессу, до 4-хъ милліоновъ пудовъ груза двинется оттуда въ Петербургъ и Москву, съ уплатою русскимъ желѣзнымъ дорогамъ въ годъ около 2-хъ милліоновъ рублей; Одесса, связанная съ центромъ нашей фабричной производительности, доставитъ нашимъ фабрикамъ возможность постоянно сбывать нѣкоторыя свои издѣлія въ Индію и Китай, и двинетъ на дальній Востокъ русскіе товары, могущіе конкуррировать на тамошнихъ рынкахъ съ англійскими и нѣмецкими. Помимо этихъ торговыхъ выгодъ, съ установленіемъ правильнаго сообщенія съ Индіей и Китаемъ правительство можетъ воспользоваться этимъ кратчайшимъ путемъ для удовлетворенія надобностей Приамурскаго края и вообще русскихъ владѣній на дальнемъ Востокѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ханькоу и Шангаи могутъ доставить на русскіе пароходы грузы не только на западъ и въ Одессу, но современемъ и по восточному направленію для приморскихъ нашихъ владѣній. На это новое поприще, открывающееся для русскаго пароходнаго торговаго плаванія, указываютъ какъ торговыя, такъ и политическія соображенія и Русское Общество пароходства и торговли могло-бы, не ограничиваясь плаваніемъ въ Остъ-Индію и Китай, содержать также срочное почтовое сообщеніе между Шангаи, Владивостокомъ и Хакодаде, заходя, если представится въ томъ надобность, и въ другіе русскіе порты Тихаго Океана, а современемъ, при дальнѣйшемъ развитіи дѣла, пойти въ Уссурійскій край и на Амуръ.

IV.

Сказанное нами до сихъ поръ имѣло цѣлью указать, какъ на зависимость нашей внѣшней торговли отъ посредничества иностранцевъ и иностранныхъ капиталовъ, по отношенію къ дальнему Востоку, такъ и на средства избавиться отъ этой зависимости. Мы находимся въ такой-же, если еще не въ большей зависимости отъ иностранцевъ по торговлѣ нашей съ Америкой.

Все количество потребляемаго Россіей американскаго хлопка,

до двухъ слишкомъ милліоновъ пудовъ въ годъ, цѣнностью болѣе 25-ти милліоновъ рублей, керосина и другихъ минеральныхъ маслъ, около милліона пудовъ, цѣнностью до 8-ми милліоновъ рублей и другіе грузы, Россія получаетъ изъ Америки, или черезъ посредство Англіи, или же черезъ посредство сѣверо германскихъ портовъ, особенно Гамбурга и Бремена. Привозимые изъ Америки для Россіи, на англійскихъ пароходахъ и парусныхъ судахъ, въ Ливерпуль, грузы доставляются намъ лѣтомъ изъ Англіи моремъ прямо въ Кронштадтъ, а зимой черезъ Германію; тѣже грузы, которые перевозятся изъ Америки для Россіи на гамбургскихъ и бременскихъ трансатлантическихъ пароходахъ и парусныхъ судахъ, зимою отправляются изъ Гамбурга и Бремена по прусскимъ желѣзнымъ дорогамъ до нашей границы, а затѣмъ доставляются уже по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ въ Петербургъ и Москву; лѣтомъ движеніе изъ Гамбурга и Бремена привезенныхъ изъ Америки для Россіи грузовъ измѣняется: они изъ Гамбурга и Бремена перевозятся по желѣзнымъ дорогамъ въ Любекъ, а оттуда доставляются въ Петербургъ моремъ. Съ открытіемъ правильнаго товарнаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ изъ Балтійскаго порта и Либавы внутрь Россіи, пароходы и парусныя суда изъ Любека направятся въ зимнее время несомнѣнно не въ Петербургъ, а уже въ Либаву и Балтійскій портъ, и оттуда внутрь Россіи по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Всѣ эти окольные пути доставки американскихъ грузовъ въ Россію обходятся точно также дорого и точно также ложатся тяжкимъ бременемъ на русскихъ потребителей, какъ и доставка окольными путями и черезъ посредство иностранныхъ судовъ и капиталовъ товаровъ дальняго Востока.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы можно было противопоставить этимъ окольнымъ путямъ болѣе прямой, быстрый и дешевый способъ сообщенія, то развитію русской торговли и освобожденію ея отъ иностраннаго вліянія и на сѣверо-западномъ прибрежьи была-бы оказана огромная услуга.

До сихъ поръ, правда, нельзя было относиться серьезно къ проекту прямого и правильнаго пароходнаго сообщенія въ теченіе круглаго года, между Россіей и Америкой. Наши балтійскіе порты, большею частью, заперты льдомъ впродолженіе зимы, времени, наиболѣе важнаго для отправки хлопка изъ Америки въ Россію; тѣ-же изъ нихъ, которые оставались доступными для судовъ, большую часть зимняго времени (какъ напримѣръ Ревель, Балтійскій портъ и Либава) не имѣли желѣзно-дорожнаго сообщенія съ внутренними губерніями Россіи.

Съ открытіемъ желѣзнаго пути между Балтійскимъ портомъ,

Гатчиною и Тосной, къ которому вскорѣ присоединится Либавско-Ковенская дорога, — это положеніе дѣлъ измѣнилось и въ скоромъ времени у насъ будутъ на Балтійскомъ морѣ два порта, соединенные желѣзною дорогою съ Петербургомъ и внутренними губерніями и почти всю зиму свободные отъ льда и доступные для судовъ самыхъ большихъ размѣровъ. Поэтому, теперь только остается разрѣшить вопросъ: найдется-ли у насъ достаточно товаровъ, чтобы правильное пароходное сообщеніе съ Америкой оказалось выгоднымъ? Вникнувъ въ дѣло, нельзя на этотъ вопросъ не отвѣчать утвердительно. Количество одного хлопка, ввозимаго въ Россію изъ Америки, какъ мы уже говорили, простирается до 2 хъ милліоновъ пудовъ, примѣрно 170,000 тюковъ, полагая по 12-ти пудовъ въ тюкѣ, стоимостью на сумму болѣе 25-ти милліоновъ рублей. Если предположить, что больше половины этого количества покупается въ Америкѣ непосредственно для Россіи и за счетъ Россіи, то окажется, что 90,000 тюковъ привозились въ Россію непосредственно изъ Америки съ мѣста производства. Допустивъ-же, что только двѣ трети, т.-е. 60,000 тюковъ будутъ доставляться въ первое время на пароходахъ, предназначенныхъ для непосредственнаго сообщенія съ Россіею, а остальное количество придетъ на парусныхъ судахъ и другими путями, получится все-таки для прямой пароходной линіи въ Америку 20 грузовъ хлопка, по 3,000 тюковъ каждый. Но кромѣ хлопка другіе товары, доставляемые изъ Америки, какъ-то: петролеумъ и нефть (болѣе полумилліона пудовъ) красильные экстракты, машины и другія издѣлія доставятъ еще отъ 5-ти до 10-ти грузовъ въ годъ.

Обратнымъ грузомъ изъ Россіи въ Америку могутъ быть тѣже товары, которые и теперь вывозятся изъ балтійскихъ портовъ, какъ-то: полосное и листовое желѣзо, веревки, тряпьё, грубое полотно, щетина, перья, конскій и коровій волосъ и кожи. Всѣ эти, вывозные изъ Россіи въ Америку, товары, по приблизительному исчисленію, дадутъ до 10,000 тоннъ груза, стоимостью болѣе 2-хъ милліоновъ рублей. Само собою разумѣется, что еслибы грузовъ изъ Россіи въ Америку было недостаточно, то они могли бы пополняться грузами на промежуточныхъ станціяхъ между Россіей и Америкой.

Такимъ образомъ, правильное пароходное сообщеніе между Россіей и Америкой могло бы устроиться слѣдующимъ путемъ: пароходы отправлялись бы на первыхъ порахъ два раза въ мѣсяцъ; пунктомъ отправленія изъ Америки съ октября по апрѣль мѣсяцъ могъ бы быть Новый-Орлеанъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ портовъ для нашей торговли хлопкомъ. Оттуда пароходы

могли бы отправляться за грузомъ хлопка въ Саванну и затѣмъ заходить въ Нью-Йоркъ; въ случаѣ надобности можно было бы брать еще грузы въ Мобилѣ и Чарльстонѣ. Изъ Нью-Йорка пароходы могли бы направляться прямо въ Копенгагенъ, заходя по мѣрѣ надобности въ порты Скандинавскаго полуострова; наконецъ, рейсъ пароходовъ изъ Америки могъ бы оканчиваться, смотря по времени года, въ Кронштадтѣ, Балтійскомъ портѣ или Либавѣ. Въ лѣтнее время нѣтъ надобности пароходамъ идти въ Новый Орлеанъ, такъ какъ въ южныхъ портахъ Сѣверной Америки въ это время нѣтъ хлопка, а слѣдуетъ ограничиваться рейсами въ Нью-Йоркъ, какъ это дѣлаютъ теперь гамбургскіе и бременскіе пароходы. Приэтомъ, отдавая преимущество прямымъ грузамъ въ Россію, въ видахъ развитія непосредственныхъ торговыхъ сношеній, не было бы, конечно, затрудненій брать грузы и во всѣ промежуточные порты. Сверхъ того, по пути изъ Россіи въ Америку можно было бы заходить за грузомъ не только въ Копенгагенъ, но и въ восточные порты Англіи, напр. въ Гулль, и вообще во всѣ важнѣйшіе порты, которые досихъ поръ не имѣютъ непосредственнаго сообщенія съ Соединенными Штатами. При хорошемъ устройствѣ рейсовъ изъ Россіи въ Америку, заходя въ промежуточные пункты и перевозя, кромѣ товаровъ, пассажировъ и почту, можно положительно разсчитывать, какъ на достаточное количество грузовъ, такъ и на то, что если не на первыхъ порахъ, то по крайней мѣрѣ скоро, рейсы станутъ окупаться и давать доходъ.

Все, сказанное до сихъ поръ не можетъ, кажется, не убѣдить въ возможности и выгодѣ для русской торговли прямого пароходнаго сообщенія между Россіей и Америкой.

Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этого предпріятія будетъ, конечно, служить то, что доставка въ Россію американскихъ товаровъ и преимущественно хлопка находилась и находится въ рукахъ иностранцевъ, имѣющихъ торговые дома и хлопчато-бумажныя фабрики въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересованныхъ, въ качествѣ основателей и акціонеровъ Бременскаго Ллойда (Nord-deutsche Lloyd), для котораго они, конечно, не захотятъ создать конкурренцію, въ чуждыхъ имъ видахъ преуспѣянія русской внѣшней торговли, русскаго пароходства и русской промышленности.

Для успѣшнаго противодѣйствія преобладанію иностранныхъ пароходныхъ обществъ и иностранныхъ капиталовъ въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Америкою,—необходимо новое пароходное русское общество, которое на сѣверо-западѣ Россіи могло бы сослужить туже службу русской торговлѣ и промысламъ, какую

Русское Общество пароходства и торговли сослужило на югѣ. Самое основаніе такого новаго пароходнаго общества не потребуетъ слишкомъ значительнаго капитала: для 32-хъ пароходныхъ рейсовъ въ годъ достаточно на первое время 8-ми пароходовъ, съ затратою на ихъ сооруженіе 5-и милліоновъ рублей и затѣмъ, чтобы дать первое движеніе этимъ пароходамъ, необходимъ ежегодно затрачиваемый и въ оборотѣ капиталъ, въ запасахъ угля, потребнаго до 2-хъ мил. пудовъ въ годъ, на ремонтные матеріалы, содержаніе экипажей и администраціи, всего не менѣе 2,500,000 рублей. Что же касается до стоимости пароходнаго рейса, то полагая отъ Кронштадта на Нью-Йоркъ до Нью-Орлеана 6,225 морскихъ миль, а въ оба пути 12,450 миль, потребуется на переѣздъ угля по $6^3/_4$ пуда на милю, считая по 15 к. съ пуда, всего на 12,611 рублей; къ этому слѣдуетъ прибавить ремонтъ пароходовъ, полагаемый обыкновенно въ 8% стоимости, проценты погашенія и страхованія, консульскіе, ластовые и другіе расходы, содержаніе агентовъ въ главнѣйшихъ портахъ и угольныхъ складовъ, всего такимъ образомъ опредѣлится сумма издержекъ плаванія на рейсъ между Кронштадтомъ, Нью-Орлеаномъ и обратно около 80,000 рублей серебромъ.

Само собою разумѣется, что эти издержки плаванія не могутъ, съ самаго начала, покрываться платою за перевозимые грузы. И здѣсь, на линіи между Америкой и Россіей русскому пароходному Обществу пришлось бы выдержать конкурренцію не менѣе сильную какъ ту, какую выдержало на югѣ уже существующее Общество пароходства и торговли. Точно также и здѣсь, какъ и на югѣ, конкурренцію эту русскіе пароходы выдержатъ только тогда, когда имъ будетъ оказана поддержка со стороны правительства. Такая поддержка, въ видѣ ежегоднаго денежнаго пособія, будущему русскому обществу пароходства въ Балтійскомъ морѣ положительно необходима въ первые годы, въ виду конкурренціи пароходныхъ обществъ сѣверныхъ городовъ Германіи, Бремена, Гамбурга и Любека и множества занимающихся уже перевозкой англійскихъ и американскихъ судовъ и пароходовъ, до тѣхъ поръ, пока наши непосредственныя торговыя сношенія съ Америкой не укоренятся и наши пароходы не обезпечатъ свои рейсы достаточнымъ количествомъ груза.

Выгоды, которыя могли бы побудить наше правительство къ содѣйствію въ учрежденіи новаго пароходнаго общества въ Балтійскомъ морѣ и затѣмъ къ поддержкѣ этого общества въ началѣ его дѣятельности — весьма существенны. Самое развитіе правильныхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Америкой и освобожденіе нашей внѣшней торговли отъ зависимости англійскихъ

и германскихъ капиталовъ, — есть уже дѣло первостепенной важности. Но, независимо отъ этого, образованіе въ Балтійскомъ морѣ хотя небольшого русскаго коммерческаго флота въ видѣ хорошо оснащенныхъ транспортныхъ пароходовъ, всегда готовыхъ, въ случаѣ войны, перевести необходимое количество войска, — есть дѣло чисто государственное. Что ни говорили про броненосные флоты и про ихъ значеніе въ морской войнѣ,—но недавнее бездѣйствіе французскаго флота у береговъ Германіи вполнѣ доказало, что безъ достаточнаго десанта, перевозить который могутъ только транспортныя суда, — броненосные флоты ни къ чему другому, кромѣ блокады береговъ и ловли купеческихъ кораблей, не способны. Нельзя, наконецъ, оставить безъ вниманія и того, что развитіе торговаго флота въ Балтійскомъ морѣ представитъ новыя средства къ приготовленію изъ нашего береговаго населенія опытныхъ моряковъ и матросовъ, всегда необходимыхъ нашему военному флоту.

Въ необходимости поддержать въ началѣ дѣло, имѣющее такое значеніе и будущность, конечно, не задумались бы ни на минуту ни Англія, ни Соединенные Штаты, значительно пособляющія изъ государственной казны даже и обыкновеннымъ морскимъ пароходнымъ компаніямъ. Желательно, чтобы у насъ, какъ въ Англіи и въ Америкѣ, правительство и общество одинаково прониклись убѣжденіемъ, что торговля есть источникъ національнаго богатства и силы, и что развитіе международныхъ торговыхъ связей, — скажемъ словами Д. С. Милля, — «будучи главною гарантіею мира на земномъ шарѣ, служитъ великимъ, прочнымъ залогомъ непрерывнаго прогресса понятій, учрежденій и свойствъ человѣческаго рода».

В. Л—въ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ

1860—1870 гг.

Статья первая.

Мы заключаемъ десятилѣтіе съ того дня какъ Россія сняла съ себя путы крѣпостнаго права и выступила на новую дорогу. Теперь наступило время оглянуться на пройденный нами путь. 1861-й годъ, бывшій свидѣтелемъ освобожденія крестьянъ, дѣйствительно составилъ эпоху въ русской исторіи, такъ какъ безъ этой реформы была бы немыслима всякая попытка къ исправленію нашего общественнаго быта. Намъ очень памятно время, непосредственно предшествовавшее освобожденію крестьянъ; памятны одушевленіе и надежды, охватившія лучшую часть нашего общества послѣ долгаго и томительнаго застоя; памятны и усилія защитниковъ стараго порядка остановить или дать другое направленіе дѣлу освобожденія,—усилія, нечистая сторона которыхъ прикрывалась патріотическими опасеніями за будущность Россіи и обвиненіями сторонниковъ реформы въ революціонныхъ замыслахъ. Не оправдались эти опасенія и клеветы—реформа совершилась и притомъ полнѣе, нежели было предположено въ началѣ, такъ какъ вмѣсто улучшенія быта крестьянъ вышло уничтоженіе крѣпостного права. Реформа вошла въ жизнь спокойно, несмотря на то, что при введеніи въ дѣйствіе Положенія 19-го февраля палка часто попадала въ колесо и тормазила спокойный ходъ дѣла. Нельзя отрицать, — реформа эта положила новыя основанія строю нашей частной жизни, но плоды новаго порядка еще впереди, и было бы нелѣпо утверждать, что и въ общественной жизни мы далеко ушли впередъ и что тѣ надежды лучшей части общества, о которыхъ мы говорили, уже осуществились. Многіе думали, что крестьянская реформа есть только первый шагъ къ уничтоженію не только однѣхъ грубыхъ формъ

крѣпостного права, но и самыхъ его принциповъ, которыми прониклись всѣ сферы нашей жизни, и что за этимъ первымъ шагомъ послѣдуютъ другіе въ томъ же направленіи, но этого не случилось. Хотя законодательная дѣятельность съ того времени не останавливалась и реформы слѣдовали одна за другой, но они какъ-то мало трогали наши крѣпостныя замашки, которыя остаются въ жизни по прежнему и поражаютъ наблюдателя, въ особенности въ провинціи. Въ столицахъ, конечно, замѣтно иное, но въ провинціи повсюду вы замѣчаете старые порядки, даже въ новыхъ учрежденіяхъ, и интересъ къ общественнымъ дѣламъ, который одушевлялъ общество передъ крестьянской реформой и вскорѣ послѣ нея, исчезаетъ совершенно. Каждая новая реформа все менѣе и менѣе интересуетъ общество, и послѣдняя, въ городскомъ управленіи— совершается почти незамѣтно. Объ ней вовсе не говорятъ въ обществѣ.

Сравнивая въ этомъ отношеніи 1860-й и 1870-й годы, приходится убѣдиться, что общество наше не только не подвинулось впередъ, но сдѣлало нѣсколько шаговъ назадъ. Прежде мы замѣчали всеобщій интересъ къ вопросамъ общественной жизни; всюду были слышны сужденія и толки, не только о главномъ, крестьянскомъ вопросѣ, но и о многихъ другихъ, несмотря на то, что они представлялись въ отдаленномъ будущемъ. Серьезныя статьи въ печати вызывали также сужденія въ обществѣ. Правда, сужденія эти шли часто и вкривь и вкось, но по крайней мѣрѣ видно было, что люди старались объяснить себѣ то, чего не понимали, видно было, что они думали, и что думы эти ихъ интересовали. Въ общественныхъ собраніяхъ появлялись люди, которыхъ возмущали прежніе порядки, которые ставили себѣ цѣлью общественную пользу и старались противодѣйствовать интригѣ и кумовству. Но вотъ проходитъ десять лѣтъ, и все измѣнилось. Людей, которыми руководилъ бы не личный интересъ, а общественная польза, какъ-то не видать; если же они и являются, то въ видѣ исключеній и безъ большого вліянія. Напротивъ, приверженцы стараго порядка вещей, прежде робко выражавшіе свое мнѣніе, теперь какъ будто устыдились своей прежней скромности и, вслѣдъ за „Московскими Вѣдомостями“, набросились на все живое и разумное въ обществѣ. Интрига, кумовство и личный интересъ по прежнему стали царствовать, и не только въ дворянскихъ, но и въ земскихъ собраніяхъ. Исключенія, конечно, есть, но эти исключенія ничего не доказываютъ, мы говоримъ о большинствѣ случаевъ. Несмотря на то, что многія изъ прежнихъ предположеній осуществились и возможность обсужденія достоинствъ и недостатковъ стараго и новаго законодательства сдѣлалась доступнѣе,—этихъ сужденій не слыхать и даже литература никого не интересуетъ. Послѣдняя, прежде имѣвшая такое значеніе и вліяніе, въ настоящее время утратила ихъ совершенно. Всѣ наши умники, повидимому, думаютъ, что они уже все знаютъ и что литература имъ ничего новаго не скажетъ. Что касается этого

послѣдняго обстоятельства, то намъ кажется, что въ немъ надо винить нѣкоторые органы нашей печати и больше никого. Беззастѣнчивая полемика нѣкоторыхъ органовъ, ихъ соперничество между собою и желаніе уронить въ глазахъ публики своего противника, а главное полицейско-сыскное направленіе, которому нѣкоторые посвятили себя преимущественно, достигли, наконецъ, того, что мало развитое общество не думало отличать хорошаго отъ дурного и потеряло вовсе довѣріе къ печатному слову. Въ такомъ положеніи упражненіе за зеленымъ столомъ получаетъ сугубое значеніе, и теперь безъ картъ — нечего дѣлать въ обществѣ. Такой порядокъ вещей, конечно, имѣетъ и свою хорошую сторону: онъ дѣйствуетъ весьма успокоительно на нервную систему провинціальнаго начальства, такъ какъ подобное благонамѣренное занятіе не обязываетъ слѣдить за настроеніемъ умовъ, а съ введеніемъ единства кассы, не угрожаетъ даже опасностію для казенныхъ суммъ.

Мы сказали, что законодательная дѣятельность правительства не бездѣйствовала въ теченіи всего десятилѣтія. Значительныя реформы, произведенныя въ это время, могли бы, кажется, возбудить въ обществѣ и интересъ и сочувствіе къ нимъ. Но временамъ это и дѣйствительно было замѣтно, но вскорѣ опять наступало охлажденіе и апатія, какъ будто русское общество, истративъ всѣ свои нравственныя силы на крестьянскую реформу, сдѣлалось неспособно интересоваться общественными вопросами на болѣе продолжительное время. Не говоря уже о тѣхъ реформахъ, которыя не прямо касались общества, сколько было такихъ, которыя во всякой другой странѣ произвели бы глубокое впечатлѣніе? Уничтоженіе откуповъ, отмѣна подушной подати съ мѣщанъ, земскія учрежденія, судебная реформа, новый законъ о печати и, наконецъ, новое городовое положеніе. Само собою разумѣется, что первенствующее значеніе въ этомъ перечнѣ имѣютъ земская и судебная реформы, и онѣ произвели на нѣкоторое время сенсацію въ обществѣ. Въ особенности это было замѣтно при введеніи въ дѣйствіе мирового института въ столицахъ, гдѣ личный составъ мировыхъ судей могъ стоять въ уровень съ высотою положенія. Въ провинціи же этого не было замѣтно. Отъ земскихъ учрежденій добродушные мечтатели ожидали многаго; даже нѣкоторые органы печати увлеклись этими ожиданіями, но прошло нѣсколько лѣтъ и пришлось разочароваться. Въ настоящее время ни земскія, ни судебныя учрежденія никого не интересуютъ; но хуже всего то, что отъ нихъ и не ожидаютъ ничего особеннаго. При такомъ положеніи вещей невольно представляется вопросъ: гдѣ же причина этого равнодушія? Многіе объясняютъ это явленіе неудачнымъ выборомъ дѣятелей; но вѣдь подобное явленіе могло быть только случайностью въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и притомъ случайностью временною. Оно не могло бы имѣть слѣдствіемъ равно-

душіе цѣлаго общества. Между тѣмъ это равнодушіе есть фактъ положительный, не одинъ разъ заявленный въ печати; въ любомъ земскомъ собраніи вы встрѣтите очень не много постороннихъ лицъ, интересующихся дѣломъ. Многіе ищутъ также этого объясненія въ неустойчивости характера русскаго человѣка, вслѣдствіе которой онъ за все горячо берется, но и скоро остываетъ. Довольствоваться подобнымъ объясненіемъ, какъ намъ кажется, значитъ относиться слишкомъ легко къ подобному грустному явленію. Если допустить, что въ нашемъ характерѣ дѣйствительно есть неустойчивость, то вѣдь и она имѣетъ свои причины. Притомъ, если это есть общая черта русскаго характера, то стало быть есть что-нибудь такое въ общихъ условіяхъ русской жизни, что способствуетъ развитію ея въ нашемъ характерѣ. Если люди довольствуются подобнымъ объясненіемъ причины нашего равнодушія къ общественнымъ дѣламъ, то вопросъ, какъ помочь горю, разрѣшается очень просто: передѣлать народный характеръ невозможно, а слѣдовательно надо махнуть рукой и ждать всего отъ времени. Такъ и поступаютъ у насъ очень многіе, какъ потому, что подобное разрѣшеніе весьма легко и не обязываетъ ни къ чему, такъ и потому, что подобные господа не въ состояніи прослѣдить явленій до болѣе отдаленныхъ причинъ, доступныхъ только при внимательномъ наблюденіи. Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ представляется вопросъ, если мы, не довольствуясь ближайшей причиной, взглянемъ нѣсколько глубже. Мы увидимъ тогда, что рѣшеніе вопроса, во-первыхъ, не такъ легко, во-вторыхъ, что неустойчивость характера не есть вовсе причина нашей апатіи, а напротивъ, оба эти недостатка являются слѣдствіемъ другихъ причинъ, съ устраненіемъ которыхъ они могутъ вовсе исчезнуть, и въ-третьихъ, что знаніе этихъ причинъ обязываетъ всякаго образованнаго человѣка принести свою лепту для ихъ устраненія, такъ какъ оно можетъ быть достигнуто только дружными усиліями цѣлаго общества.

Говоря о причинахъ равнодушія къ общественнымъ дѣламъ, мы не задаемся цѣлью представить читателю положительное рѣшеніе этого вопроса; нѣтъ, такую задачу мы считаемъ себѣ не по силамъ и будемъ вполнѣ удовлетворены, если намъ удастся ясно формулировать по этому предмету нѣсколько предположеній. При этомъ мы считаемъ нужнымъ оговориться: не оправдывая общества въ этомъ равнодушіи во что бы то ни стало, мы думаемъ однакожъ, что есть для него нѣкоторыя смягчающія вину обстоятельства, о которыхъ не мѣшаетъ подумать. Но для этого мы должны возвратиться нѣсколько назадъ и взглянуть на причины, вызвавшія необходимость нашихъ реформъ.

I.

Крымская война выказала всю несостоятельность нашего прежняго государственнаго быта. При этомъ всѣ поняли, что для народной обороны важно преуспѣяніе не въ одномъ военномъ дѣлѣ; что во время физической международной борьбы являются на сцену моральныя и умственныя силы страны, и что собственно онѣ только и рѣшаютъ борьбу окончательно. Поняли, однимъ словомъ, что государство, какъ бы ни были громадны его рессурсы, по обширности территоріи и численности населенія, не можетъ ими пользоваться какъ слѣдуетъ, если правительство дѣйствуетъ безъ поддержки другихъ общественныхъ силъ. При первомъ столкновеніи съ Западомъ наши финансы оказалась въ весьма плачевномъ состояніи, и военныя издержки, вслѣдствіе отсутствія кредита, пришлось покрывать выпускомъ бумажныхъ денегъ, что произвело кризисъ, отъ котораго Россія страдаетъ до сихъ поръ. Наша армія, на которой было сосредоточено все вниманіе, оказалась и плохо вооруженной и плохо образованной — въ этомъ убѣдились самые недальновидные люди; но тѣ, которые понимали дѣло глубже, заговорили прямо о недостаткахъ системы народнаго образованія, о стѣсненіяхъ гласности, объ отсутствіи правосудія, объ излишней централизаціи и т. д. и т. д. Словомъ, оказалось необходимымъ полное переустройство государственнаго зданія, но на пути всякаго улучшенія крѣпостное право лежало необходимымъ препятствіемъ. Правительство, вполнѣ сознавая это обстоятельство и важность задачи, къ которой оно должно было приступить, обратилось къ обществу не съ рѣшительнымъ опредѣленіемъ, а съ вопросомъ о необходимости улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Для достиженія своихъ цѣлей, оно рѣшилось въ первый разъ пригласить общество къ содѣйствію и при томъ такую часть этого общества, интересы которой преимущественно затрогивались реформой, и слѣдовательно, въ средѣ которой весьма естественно было ожидать хотя бы оппозиціи. Несмотря однакожъ на эту обстановку, намъ кажется, что правительство не имѣло повода раскаяваться въ такомъ осторожномъ веденіи этого дѣла. Оппозиція этому святому дѣлу дѣйствительно встрѣтилась во многихъ губернскихъ комитетахъ, но вопросъ о необходимости уничтоженія крѣпостного права настолько уже созрѣлъ въ средѣ тогдашняго дворянскаго общества, что вмѣстѣ съ людьми, которыхъ называли тогда крѣпостниками, вошли въ комитеты и люди искренно желавшіе не только улучшенія быта, но полнаго освобожденія крестьянъ, и притомъ съ землею. Эти люди, составляя въ комитетахъ весьма незначительное меньшинство, были сильны истиною своихъ убѣжденій и увѣренностію, что ихъ стремленія соотвѣтствуютъ общему благу. Люди эти вывели вопросъ на настоящую

дорогу. Вопросъ объ улучшеніи быта былъ замѣненъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею, а полицейская власть помѣщика, о которой такъ много хлопотали будущіе представители покойной теперь „Вѣсти“, вовсе исключена изъ программы. Литература, несмотря на ограниченія цензуры, поддерживала эти мнѣнія и, при дальнѣйшемъ обсужденіи, вопросъ этотъ удержался на томъ пути, на который поставило его либеральное меньшинство губернскихъ комитетовъ. Правительство оказало при этомъ всю мудрость, поддержавъ твердою рукою численное меньшинство, и только такимъ образомъ нравственная сила этого меньшинства могла одержать верхъ надъ огромнымъ большинствомъ, имѣвшимъ сильныхъ представителей даже въ правительственныхъ сферахъ. Все это могло произойти конечно потому, что дѣйствительное освобожденіе крестьянъ, а не одно улучшеніе ихъ быта, было въ видахъ верховной власти. Если же въ первоначальныхъ планахъ вопросъ былъ поставленъ въ видѣ улучшенія быта крестьянъ, то стало быть были къ тому достаточные поводы, и если впослѣдствіи программа была измѣнена, то это только потому, что правительство, встрѣтивъ поддержку въ лучшей части общества, убѣдилось въ необходимости устранить полумѣры и, несмотря на оппозицію, нашло возможнымъ осуществить свои мысли вполнѣ. Мы напоминаемъ эти факты, перешедшіе уже въ область исторіи, съ цѣлью указать, что всякая мѣра, соотвѣтствующая интересамъ народа, совершается гораздо легче при содѣйствіи общества, хотя бы часть его и находилась въ оппозиціи.

Несмотря на все громадное значеніе крестьянской реформы въ будущемъ, въ настоящее время она еще не имѣетъ слишкомъ осязательныхъ послѣдствій. Она дала пока одну *возможность* приступить къ другимъ реформамъ, которыя могутъ имѣть болѣе сильное и болѣе общее вліяніе на развитіе умственныхъ и матеріальныхъ силъ всего вообще русскаго народа, а не одной его части. Нѣкоторыя изъ этихъ реформъ совершились въ послѣднія десять лѣтъ, другія же стоятъ и до сихъ поръ на очереди, и при каждомъ изъ министерствъ образовано нѣсколько коммиссій, занятыхъ всестороннимъ разсмотрѣніемъ различныхъ проектовъ. Но прежде нежели мы будемъ говорить о каждой реформѣ въ отдѣльности, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ реформахъ вообще.

Крѣпостное право вредно въ государственной жизни не только потому, что оно подчиняетъ часть населенія произволу другихъ лицъ, и тѣмъ нарушаетъ справедливость, но и потому, что оно вноситъ во всѣ отрасли государственной жизни тѣ начала, на которыхъ само основано. Мы не будемъ доказывать этого положенія; по его очевидности, оно не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но если это такъ и если безъ уничтоженія крѣпостного права нельзя было приступить ни къ какимъ другимъ реформамъ, то, казалось бы, что съ отмѣною его не-

обходимо приступить и къ уничтоженію всѣхъ остатковъ этого права, которые вошли въ жизнь и законодательство. Такъ, при взглядѣ на нашъ бюджетъ, мы видимъ, что онъ весь проникнутъ началами крѣпостного права, по которымъ высшіе классы обязаны личною службою, а низшіе уплатою податей и налоговъ, для доставленія средствъ существованія высшимъ классамъ, и это, несмотря на то, что обязательность государственной службы давно уже уничтожена, и можетъ считаться скорѣе привилегіей, нежели тягостью. Въ немъ и тѣни нѣтъ тѣхъ началъ, на которыхъ основаны бюджеты болѣе образованныхъ народовъ Европы, гдѣ каждый гражданинъ участвуетъ въ общихъ налогахъ, соразмѣрно своему имуществу или доходу. Переходя затѣмъ къ другимъ отраслямъ государственнаго управленія, мы спросимъ, что такое нашъ наказъ губернаторамъ? Это полное выраженіе тѣхъ патріархальныхъ началъ, на основаніи которыхъ помѣщики управляли своими имѣніями. Законъ говоритъ прямо, что губернаторъ есть хозяинъ губерніи. И дѣйствительно, недалеко то время, когда многіе губернаторы пользовались вполнѣ предоставленными имъ правами и поступали по-хозяйски. Казалось бы, что первою заботой должно быть уничтоженіе этихъ и имъ подобныхъ недостатковъ. Но на дѣлѣ мы ничего подобнаго не видимъ, а напротивъ, встрѣчаемъ попытки частныхъ улучшеній, безъ всякаго измѣненія основныхъ началъ. Всѣ наши реформы потому носятъ на себѣ характеръ отрывочности. Въ этомъ отношеніи даже крестьянская реформа не избѣгла этого недостатка; она была составлена и введена отдѣльно отъ судебной реформы и, при сознаваемой несостоятельности нашихъ судебныхъ учрежденій, потребовала новыхъ спеціальныхъ органовъ судебной власти въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, ихъ съѣздовъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій для разрѣшенія возникавшихъ споровъ между помѣщиками и крестьянами. По судебной реформѣ такая отрывочность замѣняется въ учрежденіи должности судебныхъ слѣдователей при старой системѣ судовъ. Эти новыя должности потребовали огромныхъ суммъ безъ всякой особенной пользы. Создаются также земскія учрежденія для завѣдыванія хозяйственными нуждами въ губерніяхъ, но въ ихъ вѣдѣніе передаются далеко не всѣ эти нужды,—и рядомъ съ ними остаются особыя земскія присутствія и казенныя палаты. Всѣ эти новыя учрежденія ставятся въ полную зависимость отъ губернаторовъ, которые руководствуются прежнимъ наказомъ. Наконецъ, въ вопросахъ финансовыхъ, гдѣ необходимость радикальныхъ реформъ была всего настоятельнѣе, въ видахъ и интересахъ самого правительства, и гдѣ недостатокъ нашей податной системы былъ сознанъ еще до освобожденія крестьянъ, все дѣло ограничивается замѣною откупной системы акцизною, изданіемъ новаго устава о торговлѣ и промыслахъ, и наконецъ уставомъ о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ.

Между тѣмъ упадокъ цѣнности денежной единицы и новыя реформы потребовали увеличенія бюджетовъ всѣхъ вѣдомствъ; министерству финансовъ оставались только два средства для покрытія постоянно возраставшихъ государственныхъ нуждъ—это займы и возвышеніе налоговъ, — и оно пользовалось этими средствами весьма широко. Словомъ, вездѣ замѣчаются только попытки къ отдѣльнымъ улучшеніямъ частностей, попытки, значеніе которыхъ мы увидимъ впослѣдствіи; теперь же мы указываемъ лишь на тотъ фактъ, что въ этихъ попыткахъ нѣтъ ничего общаго, и они часто исходятъ изъ началъ совершенно несоотвѣтствующихъ началамъ крестьянской реформы. Такъ, въ основѣ этой послѣдней положено *освобожденіе труда*; между тѣмъ, какъ возвышеніе подушной подати, государственнаго земскаго сбора, падающаго также на душу, и установленіе налога на промыслы не могутъ считаться освобожденіемъ труда: налоги эти падаютъ прямо на трудъ, а не на имущество. Условія ценза не одинаковы въ земскомъ и городовомъ положеніи; условія гласности въ судебныхъ учрежденіяхъ одни, въ земскихъ другія. Эта непослѣдовательность и различіе въ принципахъ значительно подрываютъ самый авторитетъ законовъ. Но кромѣ этого вреда въ отдѣльныхъ реформахъ есть еще бóльшій. При такомъ порядкѣ являются рядомъ учрежденія, основанныя на старыхъ и новыхъ началахъ и между ними возникаютъ столкновенія, которыя не только отнимаютъ и время, и силы, и средства, нужныя для настоящаго дѣла, но часто подрываютъ въ обществѣ довѣріе къ новымъ учрежденіямъ—а это опаснѣе всего. Новыя учрежденія и помимо всякаго противодѣйствія, вслѣдствіе необходимости, встрѣчаются съ затрудненіями и, главное, съ недостаткомъ опытности; но если къ этому присоединяется еще противодѣйствіе со стороны разныхъ учрежденій, основанныхъ на старыхъ началахъ, учрежденій власть имѣющихъ и чувствующихъ, какъ эта власть уходитъ изъ ихъ рукъ, чтó не можетъ быть пріятно, тогда или вовсе не будетъ полезнаго результата дѣятельности новыхъ учрежденій, или онъ будетъ едва замѣтенъ. При такихъ обстоятельствахъ даже лучшіе люди теряютъ энергію и оставляютъ дѣятельность, изъ опасенія подвергнуться обвиненію въ неблагонамѣренности, чему бывали примѣры не одинъ разъ. Такимъ образомъ, исполненіе, быть можетъ, и хорошо задуманной реформы попадаетъ въ руки жалкой посредственности, которая умѣетъ только портить дѣло. Такой печальный исходъ всего опаснѣе, потому что можетъ породить въ обществѣ мысль о несостоятельности предпринимаемыхъ правительствомъ реформъ.

Въ защиту отдѣльныхъ попытокъ къ улучшенію частностей говорятъ обыкновенно, что это все-таки лучше, чѣмъ ничего, и нельзя же сдѣлать все вдругъ. Мы нисколько и не желали возражать противъ постепенности въ реформахъ, но мы понимаемъ постепенность совер-

шенно иначе. Мы думаемъ, что постепенность должна идти не отъ частностей къ общему, а на оборотъ. Если система признана несостоятельной, то не стóитъ дѣлать въ ней частныхъ улучшеній безъ измѣненія коренныхъ началъ, на которыхъ она основана. Всѣ усилія, направленныя на улучшеніе отдѣльныхъ частей, пропадутъ напрасно, потому что ложное основаніе испортитъ дѣло. Необходимо измѣнить общія основанія системы и затѣмъ уже переходить къ подробностямъ и отдѣльнымъ примѣненіямъ. Если главныя основанія системы измѣнены къ лучшему, то неудобства, являющіяся въ нѣкоторыхъ частяхъ, не такъ вредны и вообще легко исправимы постояннымъ дополненіемъ и развитіемъ законодательства. Но этого нельзя сказать, если основанія системы, признанной неудовлетворительною, остаются въ прежнемъ видѣ, а улучшаются отдѣльныя ея части. Здѣсь борьба стараго и новаго уничтожитъ окончательно все полезное новой реформы, заставитъ усомниться въ необходимости измѣненія старыхъ порядковъ, и дастъ возможность старовѣрамъ защищать эти порядки, несмотря на очевидную ихъ несостоятельность. Учрежденіе судебныхъ слѣдователей безъ общей судебной реформы поглотило огромныя суммы и не принесло никакой пользы; попытки къ регулированію отношеній между помѣщиками и крестьянами не привели ни къ чему; первоначальная мысль объ улучшеніи быта крестьянъ, при подробномъ размотрѣніи дѣла, оставлена и замѣнена дѣйствительнымъ ихъ освобожденіемъ. Факты эти вполнѣ объясняютъ и подтверждаютъ нашу мысль. На томъ же самомъ основаніи никакое улучшеніе немыслимо въ нашихъ финансахъ, пока крѣпостныя начала нашего бюджета не будутъ уничтожены и пока мѣриломъ участія въ государственныхъ тягостяхъ не будутъ признаны имущество и доходы, а не сословное положеніе человѣка; никакое земское хозяйство не можетъ быть ведено въ порядкѣ, если ему будетъ поручена незначительная его часть и притомъ подъ наблюденіемъ другого хозяина, въ вѣдѣніи котораго будетъ бóльшая часть хозяйства; никакой судъ не можетъ быть правиленъ, если администрація будетъ не только назначать, но и награждать и повышать судей; никакая администрація не можетъ уважать законъ, пока она отвѣчаетъ только передъ своимъ начальствомъ, а не передъ закономъ, т.-е. судомъ, на томъ основаніи, что административныя должностныя лица не могутъ быть поставлены въ такую независимость, какъ судебныя; наконецъ, печатное слово не можетъ быть свободно, пока оно подлежитъ административнымъ карамъ, потому что при такихъ условіяхъ редакторы обращаются въ цензоровъ, тѣмъ болѣе строгихъ, что ихъ отвѣтственность сильнѣе. Поэтому, хотя предварительная цензура уничтожена, но то, чѣмъ она вредила прежде успѣхамъ общественной жизни, осталось въ достаточной силѣ и дѣйствуетъ только въ иной формѣ.

II.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ частностямъ и, во-первыхъ, посмотримъ, что сдѣлано у насъ по управленію финансами, какъ въ законодательномъ, такъ и административномъ порядкѣ. Мы останавливаемся на нашемъ финансовомъ вопросѣ прежде другихъ потому, что отъ благопріятнаго положенія финансовъ государства зависитъ движеніе по всѣмъ другимъ. Въ этомъ мы должны убѣдиться горькимъ опытомъ: дѣло народнаго образованія и судебной реформы задерживается у насъ, между прочимъ, также и недостаткомъ средствъ.

Мы позволимъ себѣ при этомъ остановиться на тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовали непосредственно за крымской войной, на томъ основаніи, что, повидимому, вредныя послѣдствія тогдашнихъ ошибокъ не вполнѣ сознаются до сихъ поръ, и думаемъ, что для читателя не будетъ безъинтересно припомнить ихъ.

Несмотря на то, что наши финансы до крымской войны, казалось, были въ хорошемъ положеніи, война эта прямо выказала всю несостоятельность тогдашней системы. На покрытіе военныхъ издержекъ пришлось употребить значительную часть металлическаго фонда, обезпечивавшаго размѣнъ бумажныхъ денегъ, прекратить размѣнъ и выпустить до четырехъсотъ милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ. Другихъ средствъ государственное казначейство не имѣло и не могло имѣть. Кредита, который служилъ въ этихъ случаяхъ обыкновеннымъ средствомъ въ другихъ государствахъ, Россія, при безгласности нашихъ бюджетовъ, составлявшихъ государственную тайну, имѣть не могла, и, стало быть, оставалось только одно средство—выпускъ бумажныхъ денегъ. Казалось бы, что опытъ Франціи, въ концѣ прошлаго вѣка, Австріи и Россіи въ началѣ настоящаго долженъ былъ предостеречь отъ слишкомъ неосторожнаго пользованія этимъ средствомъ; но, по тогдашнему взгляду на вещи, примѣры ничего не доказывали. Чтобъ понять весь вредъ, произведенный выпускомъ такого громаднаго количества денежныхъ знаковъ, необходимо вспомнить, что до войны на нашемъ рынкѣ обращалось съ небольшимъ 300 милліоновъ бумажныхъ денегъ и что въ 1850-мъ году, при выпускѣ нѣсколькихъ милліоновъ вновь, размѣнный фондъ государственнаго заемнаго банка, до того времени постоянно возраставшій, внезапно понизился. Ясно было, что рынокъ былъ вполнѣ снабженъ бумажными деньгами. Фактъ этотъ также говорилъ въ пользу осторожности, но обстоятельства сложились иначе, и выпускъ бумажныхъ денегъ продолжался даже и послѣ заключенія мира въ 1856-мъ и 1857-мъ году. Понятно, что могло быть послѣдствіемъ такихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что для смягченія этихъ послѣдствій не было принято никакихъ мѣръ. Въ обществѣ явилось двойное коли-

чество денежныхъ знаковъ, тогда какъ производительность страны, истощенной войною, понизилась значительно. Съ одной стороны покупныя средства страны *номинально* удвоились,—съ другой предложеніе рынка, взамѣнъ этихъ средствъ, уменьшилось. Цѣны на всѣ предметы стали возвышаться, торговля внезапно оживилась, ввозъ заграничныхъ товаровъ усилился, и вклады банковъ, постоянно увеличиваясь, стали доходить до небывалыхъ размѣровъ. Общество, не имѣя никакого понятія о мѣрахъ правительства для покрытія военныхъ расходовъ и привыкшее исчислять свои средства количествомъ рублей, при оживленномъ сбытѣ товаровъ, расширяло свои обороты, не соображаясь съ упадкомъ цѣнности кредитнаго рубля, упадкомъ, котораго оно и не подозрѣвало и который выражался при обязательномъ курсѣ бумажныхъ денегъ въ возвышеніи всѣхъ цѣнъ вообще. Даже внѣшняя торговля не могла обнаружить этотъ упадокъ нашему обществу во всей его силѣ, такъ какъ вексельный курсъ поддерживался искуственно правительственными операціями, стоившими значительныхъ издержекъ. Такой порядокъ вещей не могъ не породить важнаго кризиса, тѣмъ болѣе вреднаго, что при медленности нашихъ оборотовъ онъ наступалъ также медленно и производилъ бѣдствія ничѣмъ непоправимыя. Кризисъ этотъ, противъ котораго въ свое время не было принято никакихъ мѣръ, тяготѣетъ до сихъ поръ на нашемъ рынкѣ, такъ какъ даже естественная реакція, которая является въ подобныхъ случаяхъ спасительнымъ средствомъ и выражается въ отсутствіи звонкой монеты, въ возвышеніи учета, въ паденіи вексельнаго курса и курса бумажныхъ денегъ, у насъ была или невозможна, или искуственно парализована: невозможна вслѣдствіе обилія бумажныхъ денегъ и ихъ принудительнаго курса, парализована — вслѣдствіе искуственной поддержки вексельнаго курса.

Еслибъ тогдашніе финансовые люди достойно оцѣнили дѣйствительное положеніе дѣлъ, еслибъ они имѣли въ виду, какія послѣдствія возникаютъ вслѣдствіе усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, то они могли бы въ значительной степени предупредить этотъ кризисъ. Имѣя въ виду усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ въ 1854-мъ и 1858-мъ годахъ, имъ слѣдовало не прибѣгать къ тому же средству по заключеніи мира, а объявить внутренній заемъ на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ условія кредитныхъ установленій и въ размѣрахъ достаточныхъ не только для покрытія государственныхъ издержекъ, но и для уничтоженія части бумажныхъ денегъ. Подобный заемъ былъ бы покрытъ съ избыткомъ подпиской въ однѣхъ столицахъ, и это можно доказать состояніемъ кассъ тогдашнихъ кредитныхъ установленій. Но дѣло сложилось иначе, и мы позволяемъ себѣ утверждать, что финансовые люди того времени не сознавали дѣйствительнаго положенія вещей и относили представлявшіяся имъ явленія къ послѣд-

ствіямъ причинъ совершенно противоположныхъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что оживленіе торговли и возвышеніе цифры вкладовъ въ банкахъ были сочтены за признаки возвышенія уровня благосостоянія и богатства страны, за признаки накопленія капиталовъ. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить себѣ пониженіе банковыхъ процентовъ, пониженіе, вызвавшее тогда панику и грозившее банкротствомъ опекунскимъ совѣтамъ. Финансовые люди того времени не отдали себѣ отчета въ той разницѣ, которая существуетъ между звонкою монетой и бумажными деньгами, не приняли въ соображеніе ихъ громадные выпуски и пришли къ заключенію о необходимости дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ заграничные банки при увеличеніи наличности кассы, т.-е. необходимости понижать банковый процентъ. Еслибъ законы, управляющіе экономическимъ бытомъ государствъ, имѣлись тогда въ виду, то, казалось бы, не трудно было принять въ соображеніе, что блокада портовъ, отвлеченіе огромной массы здоровыхъ и сильныхъ людей рекрутскими наборами и ополченіемъ отъ производительнаго труда, и перевозка военныхъ запасовъ на крайній пунктъ нашего отечества не могли не понизить степень производительности государства, и что накопленіе богатствъ помимо производительности страны невозможно,— не съ неба же свалились къ намъ эти богатства;—не трудно бы, казалось, принять все это къ свѣдѣнію и поискать другихъ болѣе основательныхъ объясненій замѣченнаго явленія; не трудно было догадаться также, что выпускъ бумажныхъ денегъ понизитъ цѣнность кредитнаго рубля, что всякое промышленное предпріятіе съ пониженіемъ цѣнности рубля потребуетъ бóльшаго количества этихъ рублей, и что увеличеніе вкладовъ есть только временное явленіе, впредь до установленія дѣйствительной цѣнности монетной единицы; что вклады эти какъ скоро вошли, такъ скоро могутъ и уйти. Но ничего этого не пришло въ голову нашимъ финансистамъ, и проценты были понижены. О послѣдствіяхъ этой мѣры мы будемъ говорить ниже, а теперь возвратимся къ нашему предположенію о внутреннемъ займѣ вмѣсто выпуска бумажныхъ денегъ.

Невыгодная сторона этой операціи представлялась въ томъ, что правительство принимало на себя уплату процентовъ съ того капитала, на который оно выпустило бы свои обязательства. Принимая же въ соображеніе, что цифра этого капитала не могла превышать двухъ сотъ милліоновъ и что заемъ этотъ могъ осуществиться по 5%, такъ какъ высшій банковый процентъ былъ тогда 4, оказывается, что правительство приняло бы на себя ежегодную уплату десяти милліоновъ рублей. Но такое пожертвованіе было бы чисто фиктивнымъ, въ дѣйствительности же оно принесло бы правительству несомнѣнную пользу, и вотъ почему.

Нашъ кредитный рубль понизился въ цѣнѣ на 25%, такъ какъ

цѣна золота въ настоящее время 6 руб. 45 коп. Принимая только эту потерю, мы видимъ, что правительство, получая свои доходы кредитными рублями и издерживая ежегодно на свои обыкновенные текущіе расходы въ періодъ съ 1857-го по 1870-й годъ, отъ 300 до 400 милліоновъ рублей, теряло въ годъ отъ 75 до 100 милліоновъ. Но мы думаемъ, что этимъ не исчерпываются потери государственнаго казначейства. Если кредитный рубль понизился въ цѣнѣ на 25% въ столицахъ, по отношенію къ звонкой монетѣ, то онъ еще болѣе потерялъ своей цѣнности въ провинціи по отношенію къ предметамъ потребленія. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что онъ понизился, по крайней мѣрѣ, на 50%. Цѣна на жизненные продукты вполнѣ это доказываетъ. Мы не будемъ говорить о настоящемъ времени. Послѣднее десятилѣтіе богато другими событіями, вслѣдствіе которыхъ могло произойти возвышеніе цѣнъ на жизненные припасы, но мы сошлемся на заготовительныя цѣны 1850-го и 1860-го годовъ. Мы не имѣемъ ихъ подъ руками въ настоящую минуту, но очень хорошо помнимъ, что разница эта болѣе 50%. Впрочемъ, это возвышеніе цѣнъ, какъ послѣдствіе выпуска бумажныхъ денегъ, доказывать нечего, оно всѣмъ понятно.

Еслибы эти займы вмѣсто выпуска бумажныхъ денегъ были произведены своевременно, начиная съ 1856-го года, когда возвышеніе цѣнъ едва только начиналось, то навѣрное можно сказать, что правительство предохранило бы себя отъ громадныхъ потерь. Цѣнность нашего кредитнаго рубля еслибъ и понизилась, то незначительно; во всякомъ случаѣ это пониженіе не поставило бы правительство въ невозможность поправить дѣло. Мѣры эти остановили бы возвышеніе цѣнъ и сохранили бы правительству ежегодно десятки милліоновъ, на которые можно бы было весьма быстро извлечь изъ обращенія излишнее количество кредитныхъ билетовъ, выпущенное во время войны. При медленности нашихъ тогдашнихъ оборотовъ, выпускъ этотъ не успѣлъ бы произвести такого сумбура въ понятіяхъ общества о дѣйствительной стоимости капиталовъ, оцѣниваемыхъ на кредитный рубль, и не вызвалъ бы промышленнаго кризиса, который былъ слѣдствіемъ неустановившейся цѣнности кредитнаго рубля. Намъ возразятъ, быть можетъ, что въ трудную эпоху войны и немедленно послѣ нея трудно было предвидѣть такое страшное возвышеніе цѣнъ. Мы готовы согласиться съ этимъ, но только въ половину. Дѣйствительно, во время войны нѣтъ возможности быть разборчивымъ, но съ прекращеніемъ ея слѣдовало бы воспользоваться и чужимъ и своимъ домашнимъ опытомъ. Въ началѣ нынѣшняго вѣка, во время наполеоновскихъ войнъ, Россія тоже прибѣгала къ усиленному выпуску бумажныхъ денегъ и ея ассигнаціи упали не на 25%, а на 75%. А между тѣмъ это не произвело такого громаднаго кризиса, какъ выпуски пятидесятыхъ годовъ, несмотря

на то, что тогда значительная часть Россіи была опустошена войной; но главное — тогдашній кризисъ былъ менѣе продолжителенъ; мы же чувствуемъ его до сихъ поръ. Причиною этого послѣдняго обстоятельства мы считаемъ то, что тогдашнее министерство финансовъ не думало дѣлать курса ассигнацій обязательнымъ, — напротивъ, слѣдя за ихъ курсомъ, оно само объявляло по какому курсу ихъ принимаетъ. Такой порядокъ не вытѣснялъ изъ обращенія звонкой монеты и не производилъ дороговизны, по крайней мѣрѣ въ той степени, какъ это произошло въ наше время. Звонкая монета всегда находилась на рынкѣ, и оцѣнка предметовъ купли и продажи производилась по отношенію къ ней; ассигнаціи же, появляясь на рынкѣ, падали въ цѣнѣ и слѣдовательно если и увеличивали покупныя средства общества, то лишь временно. Въ моментъ паденія цѣнности бумажныхъ денегъ, каждый терялъ лишь настолько, насколько имѣлъ при себѣ наличныхъ денегъ въ ассигнаціяхъ. Такимъ образомъ, общество не было сбито съ толку въ своихъ понятіяхъ о стоимости различныхъ вещей, оно понимало въ чемъ дѣло, и убытокъ распредѣлялся постепенно, и притомъ на всѣхъ имѣющихъ бумажныя деньги въ рукахъ. Всѣ разсчеты какъ по ссудамъ, такъ по подрядамъ, не приносили ни выгодъ, ни ущерба, потому что всякій получалъ платежи по дѣйствительной стоимости денежныхъ знаковъ въ моментъ платежа, стало быть ни кредитъ, ни торговыя сдѣлки не были парализованы, какъ въ наше время и не вели за собою потерю для одного, и незаслуженную выгоду для другого. Мы не хотимъ этимъ сказать, что излишній выпускъ бумажныхъ денегъ въ то время не принесъ вреда обществу; нѣтъ, онъ его принесъ и очень большой; — но этотъ вредъ можетъ быть точно опредѣленъ: онъ состоитъ въ той разности, которая существуетъ между цѣной выпуска бумажныхъ денегъ и ихъ дѣйствительной стоимостью на звонкую монету. При обязательномъ же курсѣ бумажныхъ денегъ послѣдствіемъ каждой изъ безчисленнаго множества какъ кредитныхъ, такъ и вообще срочныхъ торговыхъ сдѣлокъ, является положительный убытокъ, и зло отсюда происходящее неизмѣримо.

Мы нарочно распространились объ этихъ послѣдствіяхъ колебанія курса монетной единицы, потому что положеніе, созданное для нашего рынка въ пятидесятыхъ годахъ, остается тѣмъ же до сихъ поръ. Колебаніе курса кредитнаго рубля продолжается и, при обязательности его въ нашихъ внутреннихъ сдѣлкахъ, приноситъ тотъ же вредъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Пора бы кажется подумать объ упроченіи нашей монетной единицы. Толки объ этомъ уже идутъ съ 1859-го г. Всѣ сколько-нибудь солидныя общества, во избѣжаніе потерь, переводятъ свои счеты на франки, гульдены и фунты стерлинговъ. Неужели мы дождемся того, что лавочники, наконецъ, станутъ считать на

франки, а нашъ рубль будетъ только монетной единицей въ казначействахъ?

Но возвратимся къ нашему описанію финансовыхъ мѣръ. Выше мы замѣтили, что, вслѣдствіе накопленія вкладовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ того времени, были понижены проценты по вкладамъ съ 4 на 3, по ссудамъ съ 5 на 4, и это въ то время, когда рыночный процентъ стоялъ не менѣе 10%, а всего чаще 1% въ мѣсяцъ. Понятно, что при тѣхъ выгодахъ, которыя давали торговыя сдѣлки, капиталисты стали брать свои капиталы, а помѣщики закладывать и перезакладывать свои имѣнія. Не прошло и года послѣ этого распоряженія, какъ кассы опекунскихъ совѣтовъ стали пустѣть такъ, что выдачу по билетамъ, предъявляемымъ къ платежу, пришлось ограничивать сперва медленностью пріема билетовъ, потомъ сокращеніемъ часовъ пріема. Эти мѣры произвели совершенную панику, и мы видѣли опекунскіе совѣты, еще до свѣту осажденные массой желавшихъ получить свои вклады, такъ что пришлось поддерживать ихъ новымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ. Тутъ только наши финансисты поняли свою ошибку и убѣдились въ томъ, что мы вовсе не разбогатѣли, и что милліардъ вкладовъ былъ милліардомъ въ туманѣ, напущенномъ бумажными деньгами.

Съ этого времени дѣло вступаетъ въ новый фазисъ, еще болѣе худшій. До сихъ поръ та часть кредитныхъ билетовъ, которая въ видѣ вкладовъ мирно хранилась въ кассахъ банковъ, не производила никакого вліянія на денежный рынокъ; правда, опекунскіе совѣты платили за нихъ проценты вкладчикамъ напрасно, но этимъ и ограничивался приносимый ими вредъ. Впрочемъ, этого нельзя назвать вредомъ, потому что банки были правительственные, а правительство пользовалось капиталомъ безъ процентовъ, слѣдовательно платежъ процентовъ, этимъ способомъ, перенесенъ съ государственнаго казначейства на банки: другого вреда не было никакого, съ выходомъ же этихъ вкладовъ они явились на рынокъ и вновь произвели упадокъ цѣнности кредитнаго рубля. Впрочемъ, нельзя сказать также, что единственной причиной истребованія вкладовъ изъ банковъ было пониженіе процентовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, это истребованіе рано или поздно послѣдовало бы непремѣнно, вслѣдствіе паденія курса кредитнаго рубля, такъ какъ при возвышеніи покупной цѣны всѣхъ вообще предметовъ потребовалось бы бо́льшее количество денежныхъ знаковъ. Но нельзя отвергать, что пониженіе процента дало толчокъ этому движенію и притомъ съ двухъ сторонъ: и по вкладамъ, и по ссудамъ, — толчокъ тѣмъ болѣе сильный, что думали остановить его задержкою выдачъ. Мѣры эти произвели просто панику: вынималъ свои вклады даже тотъ, кто при другой обстановкѣ дѣла и не подумалъ бы объ этомъ. Такимъ образомъ, на рынкѣ вдругъ явилась новая масса денежныхъ знаковъ, ища помѣщенія. Всѣ старыя предпріятія расширились, стали образовываться новыя компаніи, капи-

талы предлагались со всѣхъ сторонъ и спекулятивная горячка охватила все общество. Дорого поплатилась Россія за это увлеченіе. Всѣ потерпѣли: серьезныя предпріятія лопнули, потому что вслѣдствіе возвышенія всѣхъ цѣнъ не хватило оборотнаго капитала, а кредита не было; дѣла же дутыя, потому что аферисты или сами надулись или другихъ надули. При такомъ печальномъ положеніи денежнаго рынка отовсюду раздается крикъ: денегъ нѣтъ! денегъ нѣтъ! и это послѣ такъ недавно выпущенной массы кредитныхъ билетовъ! Не денегъ не было, а не было капиталовъ. Обманутые обиліемъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, мы начали массу новыхъ промышленныхъ предпріятій, которыя потребовали значительныхъ основныхъ капиталовъ, а между тѣмъ общій оборотный капиталъ страны уменьшился, вслѣдствіе войны. Откуда же было взять эти новыя затраты въ основной капиталъ, какъ не изъ того же оборотнаго капитала? Такимъ образомъ, спросъ на оборотный капиталъ усилился, тогда какъ предложеніе его уменьшилось. Понятно, что такое положеніе не могло не вызвать вмѣстѣ съ финансовымъ и промышленнаго кризиса.

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ быстрое истребованіе вкладовъ изъ банковъ шло безостановочно, и его нужно было остановить во что бы ни стало. Какія же мѣры принимаются у насъ противъ этого? Припоминая это время, намъ еще разъ приходится дивиться, какъ мало понимали наши финансисты и законы денежнаго обращенія и дѣйствительное положеніе рынка. Теперь они поняли, что, убавивши процентъ, они сдѣлали ошибку; поправить ее можно было только возвышеніемъ процента. Но они понизили процентъ не только по вкладамъ, но и по ссудамъ, и слѣдовательно дали обязательство всѣмъ своимъ должникамъ взимать съ нихъ не болѣе 4%. Положимъ, что прибавить процентъ по вкладамъ было не трудно: вкладчики охотно бы стали получать лишній процентъ, но прибавить процентъ по ссудамъ было невозможно,—должники не согласились бы нарушить выгодное для нихъ условіе. Но возвышеніе процента по вкладамъ могло только задержать обратное требованіе на время, но не представляло никакой гарантіи за прочность положенія, такъ какъ ссуды были долгосрочныя, а вклады безсрочные, а потому настоящее затруднительное положеніе могло повториться во всякое время при усиленномъ требованіи вкладовъ. Въ такихъ обстоятельствахъ было рѣшено пожертвовать доходами банковъ, предложивъ кредиторамъ тѣ же 4%, которые взималъ банкъ съ своихъ должниковъ, но съ тѣмъ, чтобъ первые согласились взять вмѣсто билетовъ, уплачиваемыхъ по предъявленію, непрерывно-доходные билеты безъ возврата капитала. Такимъ образомъ хотѣли устранить возможность банкротства цѣною будущихъ доходовъ банка. Промышленность, нуждаясь въ оборотномъ капиталѣ, требовала денегъ за какой угодно процентъ и притомъ подъ вѣрные

залоги, а лица, управлявшія кредитными операціями, думали удержать вклады, предлагая имъ одинъ лишній процентъ и притомъ безъ права на истребованіе капитала. Само собою разумѣется, что въ эти билеты перешли только капиталы, внесенные на вѣчное обращеніе, которые и безъ этой прибавки процента не вышли бы изъ банка; остальные же вкладчики подобнаго условія не приняли, и банки пришлось поддерживать новыми выпусками бумажныхъ денегъ, за прекращеніемъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній.

Послѣ этой неудачи оставалось одно средство: возвысить еще процентъ по вкладамъ и разсрочить уплату на 37 лѣтъ по тиражу. Мѣра эта принята вкладчиками, но только какъ лучшій исходъ изъ дѣла почти безвыходнаго. Она принята не охотно, и только изъ опасенія потерять все. Затруднительное финансовое положеніе и громадный выпускъ бумажныхъ денегъ не были уже тайной ни для кого. Всѣ видѣли, что билеты опекунскихъ совѣтовъ уплачиваются кредитными билетами новаго издѣлія, что настаивать на уплатѣ по предъявленію, — значитъ заставлять правительство прибѣгать къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ, которыя съ каждымъ днемъ теряютъ свою цѣну—и что, если надо мѣнять бумагу на бумагу, то уже лучше взять такую, которая будетъ давать пять процентовъ, нежели ничего. Многіе крупные капиталисты поняли это и пошли обмѣнивать свои билеты, за ними двинулись и остальные, тѣмъ болѣе, что къ подобнаго рода сдѣлкамъ уже привыкли въ частномъ быту. Такимъ образомъ было выпущено на 580 мил. руб. пяти-процентныхъ билетовъ, и правительство приняло на себя обязательство уплачивать лишній процентъ противъ того, что́ получали банки съ своихъ должниковъ: это составляло по 5.800,000 руб. въ годъ чистой потери вслѣдствіе неосторожной сбавки процента. Не понять сдѣланной ошибки было нельзя.

Кредитныя операціи, къ которымъ конечно относится и обращеніе бумажныхъ денегъ, тѣмъ отличаются отъ другихъ правительственныхъ дѣйствій, что въ нихъ всякая ошибка даетъ скоро себя чувствовать. Ошибки въ сферахъ законодательной, административной и судебной дѣйствуютъ, быть можетъ, гораздо вреднѣе на весь общественный организмъ, именно потому, что онѣ долго не вызываютъ явныхъ симптомовъ этого вреда. Вообще, чѣмъ грубѣе ошибка и чѣмъ настойчивѣе она проводится въ жизнь, тѣмъ менѣе она оставляетъ видимыхъ слѣдовъ; она вгоняетъ, такъ сказать, болѣзнь внутрь и медленно подтачиваетъ жизненныя силы, пока болѣзнь не выльется наружу въ безнадежномъ положеніи. Ошибки подобнаго рода проявляются только въ такихъ катаклизмахъ, какой переживаетъ теперь Франція, гдѣ правительственныя дѣйствія не подлежали критикѣ и не могли быть во́ время остановлены. Люди—вездѣ люди; не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Конечно изъ всѣхъ правительственныхъ ошибокъ наиболѣе

вредны ошибки въ системѣ народнаго образованія. Здѣсь онѣ отнимаютъ даже возможность сужденія объ этихъ ошибкахъ, лишаютъ средствъ въ будущемъ замѣтить ихъ и исправить. Но всѣ ошибки этого рода не скоро даютъ себя чувствовать. Совсѣмъ другое дѣло съ кредитными операціями. Основанныя на довѣріи частныхъ лицъ, онѣ не могутъ совершаться безъ поддержки общества и вопреки его интересамъ. Всякая ошибка, всякое нарушеніе частныхъ интересовъ въ подобныхъ операціяхъ очень скоро уничтожаетъ довѣріе общества, и операція, если и состоится, то обращается во вредъ самому правительству. Такъ у насъ безгласность бюджета не допускала займа въ военное время и привела къ необходимости выпуска бумажныхъ денегъ; неостановленный во время выпускъ бумажныхъ денегъ и отсутствіе мѣръ противъ его необходимыхъ послѣдствій произвели кризисъ, отъ котораго пострадали многіе, но преимущественно финансы государства; неправильныя мѣры по банковымъ операціямъ—вызвали ликвидацію прежнихъ кредитныхъ учрежденій съ огромнымъ убыткомъ для казны. Хотя существованіе ихъ было шатко, но, не измѣняя процентовъ, можно было избѣжать ежегоднаго убытка въ 5.800,000 рублей. Всѣ эти послѣдствія совершились въ какіе-нибудь четыре года, несмотря на то, что въ нашемъ отечествѣ въ тогдашнее время всѣ торговые обороты совершались весьма медленно, и слѣдовательно также медленно должны были возникать и послѣдствія ошибочныхъ распоряженій. Въ настоящее время, при развитіи пароходства и желѣзныхъ путей такія послѣдствія высказываются гораздо быстрѣе, какъ увидимъ ниже.

Прекращеніе ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ населенныхъ имѣній послѣдовало ранѣе совершенной ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ учрежденій, оно было вызвано пониженіемъ процента. Правительство уже убѣдилось въ это время, что оно не въ состояніи дѣлать ссуды за такой низкій процентъ безъ серьезной опасности, такъ какъ обратное требованіе вкладовъ усиливалось все болѣе и болѣе. Между тѣмъ, еслибъ пониженія не было, то выдача ссудъ была бы возможнѣе какъ потому, что представляла при болѣе высокомъ процентѣ менѣе риска для банка, такъ и потому, что обратное требованіе вкладовъ не послѣдовало бы такъ скоро. Такимъ образомъ, посредствомъ залога совершалась бы мобилизація недвижимыхъ имѣній, мобилизація, которая въ значительной степени облегчила бы выкупную операцію, тогда уже принятую въ принципѣ. Поэтому, еслибъ наши финансисты смотрѣли впередъ, то они увидѣли бы, что крестьянская реформа не можетъ обойтись безъ выкупной операціи, что, слѣдовательно, необходимо облегчить всѣми возможными средствами мобилизацію населенныхъ недвижимыхъ имѣній, что залогъ въ тогдашнихъ кредитныхъ учрежденіяхъ есть одно изъ этихъ средствъ, что, имѣя громадные вклады въ банкахъ, слѣдовало не изгонять ихъ убавкою процента, а напротивъ, консолидировать долги банковъ, какъ это было сдѣлано впослѣдствіи,

а это тогда можно было сдѣлать за $4^1/_2$ процента. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдовало не прекращать ссудъ, а напротивъ, возвысить ихъ. Помѣщики воспользовались бы возможностію новаго займа въ виду новыхъ условій хозяйства и высоты рыночнаго процента; банки избавились бы отъ обременявшихъ ихъ вкладовъ, а выкупная операція была бы облегчена на всю сумму новыхъ ссудъ. Мы думаемъ, что такая операція была бы возможна даже и въ томъ случаѣ, еслибъ процентъ по ссудамъ былъ возвышенъ. Но недостатокъ единства взглядовъ въ правительственныхъ сферахъ помѣшалъ подобной обстановкѣ дѣла.

Говоря о прекращеніи ссудъ, мы должны упомянуть объ одномъ предположеніи, которое было тогда въ ходу. Многіе думали, что одной изъ причинъ прекращенія ссудъ было опасеніе, что помѣщики, получивъ ссуды, будутъ удерживаться отъ выкупныхъ сдѣлокъ съ крестьянами, между тѣмъ, какъ выкупъ въ принципѣ былъ признанъ окончательной формой рѣшенія крестьянскаго вопроса. Мы не знаемъ, справедливо ли такое предположеніе, и скорѣе склонны думать, что подобныя соображенія не могли входить въ разсчеты тогдашнихъ дѣятелей по крестьянскому вопросу; но это мнѣніе такъ упорно держалось въ обществѣ, что мы считаемъ необходимымъ упомянуть объ немъ въ виду характеристики взглядовъ того времени на выкупную операцію. Выкупъ крестьянскихъ надѣловъ считался тогда до такой степени противнымъ интересамъ помѣщиковъ, что многіе считали необходимымъ для успѣха его различныя косвенныя мѣры, которыя поставили бы помѣщика въ необходимость согласиться на эту мѣру. Добрые люди не подозрѣвали, что съ прекращеніемъ крѣпостного состоянія обоюдный интересъ требовалъ подобнаго рѣшенія вопроса. Во всякомъ случаѣ, если подобныя соображенія и не были побудительной причиной къ прекращенію ссудъ, тѣмъ не менѣе, послѣднія были одобрены именно въ видахъ возможности расширенія выкупной операціи, какъ будто мобилизація недвижимыхъ имѣній посредствомъ залога не составляетъ первой ступени къ мобилизаціи посредствомъ выкупа; какъ будто выкупъ, признанный окончательной формой рѣшенія вопроса, долженъ быть совершенъ непремѣнно по желанію помѣщиковъ, хотя бы и вынужденному, но никакъ не можетъ быть декретированъ въ видахъ государственной пользы. Мы указываемъ на это обстоятельство для характеристики тогдашнихъ мнѣній, не чуждыхъ ни крестьянскаго, ни земскаго положеній.

Ликвидаціей прежнихъ кредитныхъ учрежденій и учрежденіемъ государственнаго банка оканчивается періодъ правительственныхъ распоряженій по части финансовъ до крестьянской реформы. Дѣятельность этого новаго кредитнаго учрежденія и вліяние этой дѣятельности на финансовое положеніе страны относятся къ новому періоду мѣропріятій, тѣсно связанныхъ съ новымъ положеніемъ общественной жизни, созданнымъ крестьянской реформой. Объ этой дѣятельности, а

также о реформахъ послѣдующаго времени мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ; теперь же, чтобъ дать читателю полную картину того положенія, въ которомъ застала эта реформа наши финансы, намъ остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ нашего денежнаго рынка къ заграничнымъ, т.-е. о вексельномъ курсѣ и тарифѣ 1857-го г. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что вліяніе послѣдняго на нашу внѣшнюю и внутреннюю торговлю было совершенно не понято и истолковано людьми, заинтересованными въ дѣлѣ, совершенно въ превратномъ видѣ.

Мы заранѣе попросимъ извиненія у читателя, если при этомъ онъ не найдетъ у насъ тѣхъ подробностей, съ которыми слѣдовало бы связать сужденіе о такомъ вопросѣ; онъ не найдетъ въ нашей статьѣ и числовыхъ данныхъ, которыми слѣдовало бы подкрѣпить нѣкоторыя изъ нашихъ положеній. Мы представляемъ только перечень тѣхъ фактовъ, которые имѣли вліяніе на экономическое положеніе государства и желаемъ выяснить, какія именно условія были причинами извѣстнаго положенія дѣлъ. Еслибъ мы вздумали подтверждать наши положенія числовыми выводами, то объемъ нашего труда превзошелъ бы размѣры журнальной статьи и дошелъ бы до цѣлой книги. Мы не можемъ себѣ позволить этого уже и потому, что задача, которую мы себѣ поставили, не ограничивается обзоромъ однихъ финансовыхъ мѣропріятій, а касается и другихъ преобразованій, совершающихся въ нашемъ отечествѣ.

Мы говорили выше, что выпускъ бумажныхъ денегъ, между прочимъ, произвелъ усиленный ввозъ заграничныхъ товаровъ, начиная съ 1856-го года. Такое явленіе весьма естественно. Звонкая монета, ненужная во внутреннихъ оборотахъ, повсюду замѣняется бумажными деньгами. Излишество денежныхъ знаковъ понижаетъ ихъ цѣну или, что все равно, возвышаетъ цѣну другихъ предметовъ. Но такъ какъ при обязательномъ курсѣ кредитныхъ билетовъ звонкая монета принимается по той же цѣнѣ, какъ и бумажныя деньги, то она, какъ орудіе мѣны на всемірномъ рынкѣ, обращается туда, гдѣ существуетъ болѣе выгодное для нея отношеніе къ цѣнамъ на другіе предметы: она исчезаетъ на рынкѣ, переполненномъ бумажными деньгами. Другими словами, на этомъ рынкѣ дѣлается выгоднымъ продавать, а не покупать. Вслѣдствіе этого, первой, естественной реакціей противъ излишества денежныхъ знаковъ является отливъ звонкой монеты заграницу, затѣмъ упадокъ вексельнаго курса. Этотъ упадокъ курса, если онъ не нарушается никакимъ постороннимъ въ торговыя дѣла вмѣшательствомъ, сглаживаетъ, такъ сказать, различныя условія заграничнаго и внутренняго рынковъ и до извѣстной степени исправляетъ вредъ, нанесенный торговлѣ выпускомъ бумажныхъ денегъ. Онъ дѣлаетъ невыгоднымъ переводъ наличныхъ денегъ за-границу и тѣмъ задерживаетъ ввозъ и содѣйствуетъ вывозу товаровъ. Такимъ образомъ, упадокъ вексельнаго

курса уравновѣшиваетъ, до извѣстной степени, торговый балансъ государства. Между тѣмъ у насъ относились къ этому факту совершенно иначе. Мы, повидимому, боялись, что паденіе нашего курса уронитъ насъ въ глазахъ Европы; мы хотѣли показать ей, что наше финансовое положеніе гораздо лучше, нежели оно было на самомъ дѣлѣ. Для заграничныхъ торговцевъ, упадокъ нашего курса былъ дѣйствительно невыгоднымъ, потому что уничтожалъ для нихъ всю ту выгоду, которая являлась вслѣдствіе возвышенія нашихъ цѣнъ. Невыгоденъ онъ былъ также и для нашихъ богачей, толпами устремившихся, по заключеніи мира, за-границу. Для тѣхъ и другихъ было выгоднѣе, если правительство будетъ уплачивать часть ихъ издержекъ при переводѣ наличныхъ суммъ за-границу. Не знаемъ, какія изъ этихъ соображеній были тогда въ виду, но только знаемъ, что со времени исчезновенія на нашемъ рынкѣ звонкой монеты правительственныя лица были очень озабочены поддержкой вексельнаго курса; покупка и продажа векселей съ убыткомъ для казны производилась въ значительной степени, съ цѣлью не дать возможности упасть курсу до его естественныхъ предѣловъ. Мѣры эти продолжались въ теченіи многихъ лѣтъ и кончились только въ 1863-мъ году, когда даже заемъ въ девяносто милліоновъ рублей не далъ возможности, говоря языкомъ Кузьмы Пруткова, *объять необъятное*, т.-е. управлять вексельнымъ курсомъ. Но объ этой мѣрѣ мы еще поговоримъ впослѣдствіи. Теперь же мы должны замѣтить, что поддержка вексельнаго курса производилась въ значительной степени, такъ что курсъ держался тогда около десяти процентовъ ниже номинальной цѣнности нашего рубля. Неизвѣстно, какія суммы истрачены на эту поддержку, но ясно, что это не могло служить интересамъ русской торговли. Мы видѣли, что безъ правительственной поддержки нашъ курсъ упалъ на 20 и болѣе процентовъ: стало быть лица, занимавшіяся переводомъ наличныхъ капиталовъ на заграничные рынки, наживали 10 процентовъ ни за что, не ударивши, такъ сказать, палецъ о палецъ. Какая другая торговля могла быть выгоднѣе? Понятно, что ввозъ въ Россію капиталовъ въ видѣ различныхъ товаровъ и вывозъ ихъ въ видѣ наличныхъ суммъ былъ самой выгодной операціей, потому что, независимо отъ обыкновенной выгоды торговыхъ оборотовъ, подобная операція пользовалась преміей отъ правительства по меньшей мѣрѣ въ десять процентовъ. Всей этой выгодой воспользовались заграничные эксплуататоры нашего торговаго рынка. Еслибы мы пожелали опредѣлить размѣры, до которыхъ доходятъ наши потери въ этомъ случаѣ, и еслибъ намъ и была извѣстна цифра приплатъ сдѣланныхъ правительствомъ, то она не могла бы служить мѣриломъ въ этомъ случаѣ, потому что главная потеря наша состояла не въ положительныхъ издержкахъ на осуществленіе этой мѣры, а въ удобствѣ и выгодѣ перехода капиталовъ съ внутреннихъ рынковъ на заграничные. Даже цифры нашихъ таможенъ о ввозѣ и вывозѣ не могутъ дать намъ дан-

ныхъ для того, чтобъ судить о количествѣ капиталовъ, которыхъ лишилась наша промышленность за все время поддержки вексельнаго курса. Самый удобный товаръ для подобной операціи, по скорости совершаемыхъ оборотовъ, есть тотъ, который не значится на таможенныхъ таблицахъ, а между тѣмъ играетъ огромную роль въ вѣдѣніи международныхъ разсчетовъ: мы говоримъ о процентныхъ бумагахъ. Продажа заграничныхъ процентныхъ бумагъ на русскихъ рынкахъ по высокимъ цѣнамъ, вслѣдствіе паденія кредитнаго рубля, и возможность получить премію отъ правительства при обратномъ переводѣ капитала за-границу, т.-е. возможность пріобрѣсти заграничный вексель по удешевленной цѣнѣ,—такія операціи, говоримъ мы, были несомнѣнно выгодны и совершались въ огромныхъ размѣрахъ. Какъ велика, вслѣдствіе этихъ условій, потеря капиталовъ для нашей промышленности—неизвѣстно, и данныхъ для подобнаго сужденія не можетъ намъ дать никакая статистика; но всякій человѣкъ, понимающій значеніе подобнаго условія, согласится съ нами, что эта потеря могла быть громадна. Мы предвидимъ одно возраженіе. Намъ скажутъ: если Россія сдѣлала громадную потерю въ капиталахъ, то какъ же объяснить настоящее положеніе ея промышленности, которое видимо улучшается? На это мы можемъ замѣтить только то, что еслибъ на пути дѣятельности семидесятимилліоннаго населенія не было подобныхъ условій, то его промышленное развитіе ушло бы гораздо дальше.

Какъ бы то ни было, но въ это время капиталы уходили быстро за-границу, и одной изъ причинъ этого выхода можно считать поддержку вексельнаго курса со стороны правительства. Само собою разумѣется, что вслѣдствіе той же поддержки нашъ торговый балансъ былъ лишенъ возможности придти къ равновѣсію. Мы просимъ читателя обратить вниманіе на этотъ фактъ и припомнить его причину, такъ какъ онъ былъ впослѣдствіи перетолкованъ въ превратномъ смыслѣ, чтобы въ виду личныхъ интересовъ воспользоваться сбивчивостью понятій и остановить едва возникавшую тогда правильную систему торговаго законодательства.

Послѣ паденія меркантильной и покровительственной системы торговаго законодательства въ Англіи и въ особенности послѣ того, какъ отмѣна хлѣбныхъ законовъ принесла такіе благотворные результаты и нисколько не убила земледѣльческую промышленность, какъ полагали противники этой мѣры,—истина началъ свободной торговли не подлежала сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, Англія начала свою торговую реформу по отношенію къ той именно промышленности, въ которой конкурренція другихъ государствъ для нея была всего опаснѣе. Еслибы возраженія защитниковъ протекціонизма имѣли хотя какую-нибудь долю истины на своей сторонѣ, то сельская промышленность въ Англіи должна бы сдѣлаться невозможной, и цѣлая треть населенія, занятая сельско-хозяйственнымъ дѣломъ, должна бы остаться безъ работы. Но

этого не случилось; напротивъ, промышленность эта съ того времени получила новое небывалое развитіе. Въ виду подобныхъ фактовъ Россія, какъ государство по преимуществу земледѣльческое и притомъ съ громадною территоріей, служившей для ея промышленности достаточнымъ покровительствомъ, не могла нисколько опасаться конкурренціи, кромѣ развѣ тѣхъ фабрикъ и заводовъ, которые устроены въ столицахъ подъ покровительствомъ громадныхъ тарифовъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ производства. На основаніи этихъ соображеній наше финансовое управленіе рѣшилось приступить къ таможенной реформѣ, и въ 1857-мъ году изданъ былъ новый тарифъ, допускавшій къ ввозу нѣкоторые изъ числа воспрещенныхъ товаровъ, подъ условіемъ высокихъ пошлинъ на нѣкоторые уже ввозимые товары. Эта раціональная мѣра была принята правительствомъ съ полнымъ вниманіемъ къ затронутымъ интересамъ и съ большою осторожностью. Люди образованные, умѣющіе понимать дѣйствительные интересы народа и несмѣшивающіе ихъ съ интересами нѣсколькихъ личностей или нѣкоторыхъ мѣстностей, встрѣтили эту мѣру съ полнымъ сочувствіемъ, какъ первый шагъ на прямомъ и вѣрномъ пути къ промышленному прогрессу. Если можно было о чемъ пожалѣть, то развѣ только о томъ, что шагъ этотъ не былъ объявленъ безповоротнымъ, что не заявлено положительно объ измѣненіи нашей системы торговаго законодательства и о постепенномъ водвореніи началъ свободной торговли. Только при такомъ торжественномъ заявленіи наша промышленность могла бы стать на вѣрную дорогу, а общество постепенно освобождаться отъ крѣпостной зависимости, въ которой его держатъ фабриканты - монополисты. Но если и не было подобнаго заявленія, то все же мѣра эта вызвала сочувствіе, тѣмъ болѣе, что посреди тогдашнихъ финансовыхъ мѣръ она представляется явленіемъ необыкновеннымъ. Къ несчастію, моментъ принятія этой мѣры былъ выбранъ неудачно. Въ 1857-мъ году еще не кончился выпускъ бумажныхъ денегъ, а вслѣдъ затѣмъ начались всѣ описанныя нами бѣдствія нашего денежнаго и торговаго рынка. Поддержка вексельнаго курса, какъ мы сказали выше, уничтожала возможность возстановленія равновѣсія въ торговомъ балансѣ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались люди, для которыхъ не существуетъ никакихъ доказательствъ, потому что это вредитъ ихъ интересамъ или потому, что они просто идутъ на удочку ловкихъ людей. Всѣ печальныя явленія нашего рынка, происходившія совершенно отъ другихъ причинъ, выставлялись какъ послѣдствія пониженія ввозныхъ пошлинъ, хотя въ данномъ случаѣ ни повышеніе, ни пониженіе тарифа не могли имѣть важнаго значенія. „Взгляните—говорили гг. охранители русской фабричной промышленности—мы утверждали, что пониженіе тарифа обратитъ торговый балансъ противъ насъ, — наше предсказаніе сбылось; мы утверждали, что будетъ кризисъ, и кризисъ дѣйствительно наступилъ; денегъ потому нѣтъ, что фабриканты разорились и все это про-

изошло потому, что понижены пошлины". Напрасно вы стали бы утверждать, что они забыли войну, забыли выпускъ бумажныхъ денегъ и всѣ его послѣдствія. Васъ никто не слушалъ, васъ обвиняли въ недостаткѣ патріотизма, въ томъ, что вы желаете предать ваше отечество въ руки коварнаго Альбіона, и, конечно, вы не избѣгли бы обвиненія въ нигилизмѣ, еслибъ это слово было тогда извѣстно. Крики эти продолжаются до сихъ поръ и едвали не съ большей яростью; защитники свободной торговли рѣдко возвышаютъ свой голосъ, хотя доводы ихъ противниковъ не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Причина такого явленія весьма понятна: монополисты завидѣли свою кровь; для нихъ это вопросъ жизни и смерти. Напротивъ того, для защитниковъ свободной торговли это вопросъ и научный, и общественный: они не вносятъ въ споръ личнаго интереса и слѣдовательно той страстности, которая является со стороны защитниковъ монополіи. Чувство патріотизма такъ долго было эксплуатировано въ пользу народной промышленности, что эксплуатація эта не могла не подѣйствовать на многихъ, и наконецъ принесла плоды: послѣдній тарифъ дѣлаетъ нѣкоторыя уступки монополистамъ, хотя уступки не большія.

Въ заключеніе, мы обратимъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что тарифъ 1857-го года дѣйствовалъ до послѣдняго времени, что онъ нисколько не убилъ русскую промышленность, которая стала вновь оживляться, какъ только стали исчезать неблагопріятныя для нея условія, порожденныя выпускомъ бумажныхъ денегъ; стало быть, тарифъ тутъ былъ ни причемъ, и ставить его причиною всѣхъ печальныхъ явленій въ нашемъ отечествѣ можно только на основаніи положенія: post hoc, ergo propter hoc.

Мы представили читателю картину финансоваго положенія государства передъ крестьянской реформой. Еслибъ мы не сдѣлали этого, то читателю не былъ бы понятенъ дальнѣйшій ходъ нашихъ финансовыхъ реформъ. Объ нихъ мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ. Здѣсь же замѣтимъ только, что еще въ 1858-мъ году наша податная система была признана несостоятельною, и для составленія проекта новыхъ законовъ о податяхъ и налогахъ образована при министерствѣ финансовъ особая коммиссія. Результаты дѣятельности этой коммиссіи относятся уже къ позднѣйшему времени, а потому мы будемъ говорить о нихъ при разсмотрѣніи другихъ финансовыхъ мѣръ послѣдняго десятилѣтія.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го февраля, 1871.

Московскій реализмъ.—Допущеніе воспитанниковъ реальныхъ гимназій въ прусскіе университеты.—Бюджетъ на 1871 годъ.—Отчетъ государственнаго контроля за 1869 годъ.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1869 годъ.—Докладъ военнаго министра о военномъ преобразованіи. — Post-scriptum.

„Быть бѣдѣ", говоритъ народное повѣрье, „если курица пропоетъ пѣтухомъ". Недавно случилось нѣчто весьма подобное: „Московскія Вѣдомости" наканунѣ Рождества выступили съ передовою статьею *въ пользу реальнаго образованія:* „Насъ—говорятъ онѣ—выставляли противниками реальнаго образованія; это неправда: никто болѣе насъ не желаетъ развитія реальнаго образованія". На этотъ разъ мы готовы согласиться съ народнымъ повѣрьемъ и думать, что такая необыкновенная рѣчь „Москов. Вѣд." предвѣщаетъ бѣду, особенно если вмѣстѣ съ ними заговорятъ и тѣ, которые не только ораторствовали, но даже и дѣйствовали,—не скажемъ: на пользу классическаго образованія, нѣтъ! оно у насъ такъ плохо, что нельзя предполагать какихъ-нибудь особыхъ усилій въ его пользу,—но во всякомъ случаѣ съ цѣлью затормазить реальное образованіе, чтó впрочемъ и удалось вполнѣ. Въ справедливости нашихъ опасеній за будущую судьбу реальнаго образованія въ Россіи, принятаго такъ внезапно подъ защиту „Московскихъ Вѣдомостей", насъ убѣждаетъ таже самая вышеупомянутая передовая статья. Оказывается, что реализмъ этой газеты восходитъ ко временамъ допотопнымъ и оставляетъ далеко позади себя даже эпоху римской и греческой цивилизаціи: московскій реализмъ, какъ читатель въ томъ убѣдится самъ, есть копія съ браминскаго реализма, въ силу котораго одна часть населенія страны, рожденная изъ головы Брамы, получаетъ общечеловѣческое образованіе, въ данномъ случаѣ это — классическое; „не всѣмъ быть учеными, не всѣмъ быть двигателями идей или государственными дѣятелями", глубокомысленно замѣчаетъ редакція „Москов. Вѣд."; и затѣмъ вся остальная масса населенія,

происшедшая изъ ногъ и рукъ индѣйскаго божества, осуждается образовать касту ремесленниковъ и получаетъ образованіе ремесленное, которое „Москов. Вѣдомости“ и называютъ реальнымъ. Редакція „Московскихъ Вѣдомостей“, признавая, что наши классическія гимназіи „плохи и слабы“, указываетъ на необходимость усилить ихъ и возвысить въ нихъ классическій элементъ, но при этомъ великодушно допускаетъ, что „все это можно сдѣлать, однако, не отвлекая средствъ отъ спеціальныхъ школъ, назначаемыхъ для среднихъ *профессій*, въ которыхъ мы также имѣемъ надобность“. Однимъ словомъ, „всѣ слои общественнаго быта, говорятъ „Москов. Вѣд.“, должны имѣть соотвѣтственное себѣ образованіе“. Редакція „Москов. Вѣд.“ и тѣ, которые держатся за нихъ, хотятъ увѣрить наше общество, что реальное образованіе есть не что иное, какъ ремесленное образованіе, образованіе профессіональное, и ничего болѣе. „Но что за смыслъ требовать, — восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“—сверхъ существующихъ общеобразовательныхъ заведеній (разумѣй: классическихъ совокупно съ лицеемъ г. Каткова) и еще какихъ-то другихъ, тоже общеобразовательныхъ“?

Вотъ этотъ-то смыслъ мы и хотимъ разъяснить нашимъ читателямъ, и просимъ ихъ на этотъ разъ небольшого терпѣнія, такъ какъ на дняхъ случились такія обстоятельства, которыя выбили „Московскія Вѣдомости“ изъ послѣдней ихъ позиціи, и самый вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ разрѣшенъ теперь благополучно и окончательно такого рода людьми, которые считались компетентными и въ глазахъ редакціи „Москов. Вѣдомостей“.

До сихъ поръ на вышеприведенный вопросъ „Москов. Вѣд.“ о смыслѣ реальныхъ гимназій, какъ общеобразовательныхъ заведеній, отвѣчали имъ между прочимъ, ссылкою на прусскія реальныя школы. На это „Москов. Вѣд.“ отвѣчаютъ побѣдоносно: „Онѣ (реальныя гимназіи въ Пруссіи) возникли, какъ педагогическій экспериментъ, который не оказался удачнымъ. Число ихъ сравнительно ограниченное, и онѣ остаются, въ системѣ учебныхъ заведеній, такими же межеумками, какъ наши полуклассическія гимназіи... Въ научномъ отношеніи эти учебныя заведенія не имѣютъ той полноты правъ, какая предоставлена гимназіямъ, и воспитанники ихъ не считаются достаточно зрѣлыми для того, чтобы поступать въ университеты, съ правомъ на государственный экзаменъ“. Въ подтвержденіе всѣхъ этихъ нелѣпостей (ниже читатель увидитъ, почему мы имѣемъ право такъ относиться къ измышленіямъ „Москов. Вѣд.“), „Московскія Вѣдомости“ приводятъ мнѣнія факультетовъ берлинскаго университета противъ реальныхъ гимназій, забывая при этомъ напомнить своимъ читателямъ, что другіе нѣмецкіе университеты, какъ наприм., Кильскій университетъ, высказались рѣшительно въ пользу сравненія правъ реальныхъ гимназій съ классическими.

Мы въ свое время познакомили нашихъ читателей и съ отзывами нѣмецкихъ университетовъ о правахъ реальныхъ гимназій, что́ было ими сдѣлано по требованію парламента, и съ петиціями многихъ нѣмецкихъ городовъ, желавшихъ допущенія воспитанниковъ реальныхъ гимназій въ стѣны университета. Теперь это дѣло совершенно окончилось. 24-го декабря истекшаго года „Москов. Вѣд.“ упорно повторяли старую пѣсню нѣмецкихъ схоластиковъ и ретроградовъ, а за мѣсяцъ предъ тѣмъ, министръ народнаго просвѣщенія въ Пруссіи фонъ-Мюлеръ сдѣлалъ, 25 (7) ноября, слѣдующее распоряженіе, прочтенное нами въ „National-Zeitung“: „Вслѣдствіе желаній, высказываемыхъ со всѣхъ сторонъ (такія желанія высказываются и у насъ), а также принимая въ соображеніе одобрительные отзывы по тому же дѣлу университетскихъ факультетовъ (очевидно, фонъ-Мюлеръ читалъ не тѣ отзывы, которые приводилъ г. Катковъ своимъ читателямъ), я — говоритъ министръ народнаго просвѣщенія — желаю уничтожить прежнія ограниченія (правъ реальныхъ гимназій), и отнынѣ *реальныя школы перваго разряда пользуются правомъ выпуска въ университетъ тѣхъ своихъ воспитанниковъ, которые установленнымъ порядкомъ выдержали выпускной экзаменъ, и аттестаты такихъ реальныхъ школъ имѣютъ для поступленія въ философскій факультетъ* (въ нашихъ университетахъ нѣмецкому философскому факультету соотвѣтствуютъ два его отдѣленія: историко-филологическій и математическій съ естественными науками) *такую же силу, какъ и аттестаты гимназій* (т.-е. классическихъ). Но поступленіе въ прочіе факультеты (богословскій и юридическій) для воспитанниковъ реальныхъ школъ не допускается попрежнему“. Тѣмъ же распоряженіемъ дозволяется воспитанникамъ реальныхъ школъ держать государственный экзаменъ pro facultate docendi математики, естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ, но съ ограниченіемъ права поступать на службу не иначе, какъ въ реальныхъ гимназіяхъ.

Такъ или иначе, но послѣдняя ссылка на примѣръ Пруссіи для „Москов. Вѣд.“ сдѣлалась теперь невозможною. Воспитанники реальныхъ гимназій въ Пруссіи признаны способными слушать университетскій курсъ наравнѣ съ воспитанниками классическихъ гимназій. Оказывается, что „педагогическій экспериментъ“, на зло г. Каткову и его лицею, оказался удачнымъ; что изъ прусскихъ школъ выходятъ не „межеумки“; а главное, въ Пруссіи теперь рѣшено, и опять безъ предварительнаго согласія съ „Москов. Вѣд.“ и даже въ противность ихъ древнеиндѣйскому міросозерцанію, что всѣмъ можно быть учеными, всѣмъ можно быть двигателями идей или государственными двигателями, и всякая профессія требуетъ высшаго научнаго образованія. Все это, какъ мы видѣли, отвергается „Москов. Вѣдомостями“, съ цѣлью доказать, что подъ реальнымъ образованіемъ вездѣ разумѣютъ

одно только ремесленное образованіе, и если наше министерство народнаго просвѣщенія возьметъ на себя трудъ завести такія ремесленныя школы, то оно сдѣлаетъ все, что нужно странѣ и рѣшитъ окончательно вопросъ реальнаго образованія. Мы уже выразили сомнѣніе относительно справедливости слуха, пущеннаго „Московскими“ же „Вѣдомостями“ на счетъ подобнаго намѣренія министерства народ. просвѣщенія у насъ; мы указали также и на то, что забота объ устройствѣ ремесленныхъ училищъ можетъ быть дѣломъ скорѣе министерства финансовъ или внутреннихъ дѣлъ, нежели министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ обученіе ремеслу не есть еще просвѣщеніе человѣка. Вышеприведенное нами распоряженіе министра ф.-Мюлера ставитъ теперь внѣ всякаго сомнѣнія, что реальныя училища вовсе не есть ремесленныя училища, а такія же общеобразовательныя заведенія, какъ и классическія гимназіи, или иначе нельзя было бы дать воспитанникамъ первыхъ одинаковое право на поступленіе въ университетъ вмѣстѣ съ воспитанниками классическихъ гимназій.

Что скажутъ теперь „Москов. Вѣдомости“—мы не знаемъ; знаемъ только одно, что высказанное нами предчувствіе объ опасности народному образованію, если „Москов. Вѣд.“ и ихъ единомышленники „здѣ лежащіе и повсюду предстоящіе“, начнутъ защищать реальное образованіе — весьма основательно. Дѣло кончится улучшеніемъ ремеслъ и то не въ большой степени, а улучшенія людей мы не увидимъ. Нами было повторено извѣстіе о прошеніи кіевскаго университета допустить въ университеты воспитанниковъ реальныхъ гимназій; кажется, и одесскій университетъ просилъ о томъ же; неизвѣстно, чѣмъ кончилось дѣло [1]). Можетъ быть, имъ отказали на томъ основаніи, что это было до сихъ поръ неслыханнымъ дѣломъ, и что въ Германіи не допускается ничто подобное. Но что́ сказать теперь? Можно сказать развѣ одно, что наши реальныя гимназіи находятся въ такомъ плохомъ состояніи (по чьей винѣ?), что ихъ воспитанники окажутся неспо-

---

[1]) А вотъ еще извѣстіе весьма интересное; оно помѣщено въ № 3 «Недѣли»: «Упомянемъ здѣсь кстати еще объ одномъ ходатайствѣ, относительно котораго хотя и навѣрное можно предсказать, что оно останется «безъ послѣдствій», но которое все-таки имѣетъ значеніе, какъ новое доказательство важной общественной потребности, остающейся безъ удовлетворенія—мы говоримъ о ходатайствѣ харьковскаго губернскаго земскаго собранія по вопросу объ уравненіи правъ реальныхъ и классическихъ гимназій Особая земская коммиссія, разсматривая записку одного гласнаго объ учрежденіи въ Харьковѣ реальной гимназіи, замѣтила, что хотя *ходатайства многихъ земствъ по поводу уравненія правъ реальныхъ и классическихъ гимназій и не были удовлетворены правительствомъ*, но это обстоятельство не должно останавливать собраніе *вновь* ходатайствовать предъ правительствомъ о томъ же предметѣ, *какъ о настоятельной потребности общества*; за исключеніемъ одного голоса, собраніе единогласно рѣшило обратиться къ правительству съ этимъ ходатайствомъ».

собными къ слушанію университетскихъ лекцій. Но развѣ воспитанники классическихъ гимназій лучше? развѣ наши классическія гимназіи не въ такомъ плохомъ состояніи, что ихъ воспитанники, собственно говоря, точно также мало способны къ слушанію лекцій? Обратимся къ „Журналу мин. нар. просвѣщенія“: въ декабрьской книгѣ истекшаго года мы прочли тамъ цѣлую статью, написанную въ честь лицея г. Каткова: изъ этой статьи оказывается, что нашимъ классическимъ гимназіямъ далеко во всѣхъ отношеніяхъ до катковскаго лицея; авторъ основалъ свои свѣдѣнія на „Календарѣ“ г. Каткова на 1870/71 учебный годъ. Положимъ, календари имѣютъ вообще привилегію „лгать и не краснѣть“; но вѣроятно, авторъ провѣрилъ „Календарь, и редакція „Журнала мин. нар. просвѣщенія“ не даромъ напечатала эту статью, въ которой заключено весьма прозрачное осужденіе и программъ, и методовъ и всей системы воспитанія въ правительственныхъ классическихъ гимназіяхъ.

Итакъ, г. Катковъ напрасно увѣряетъ своихъ читателей въ той передовой статьѣ, о которой мы говорили, что несправедливо выставляли его противникомъ реальнаго образованія. Онъ остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ. Съ гораздо большимъ правомъ можемъ утверждать мы, что, съ самаго основанія журнала, „Вѣстникъ Европы“ никогда не возставалъ противъ классицизма, по той простой причинѣ, что у насъ нѣтъ никакого классическаго образованія, а слѣдов. нѣтъ именно того, противъ чего можно было бы возставать. Въ самой первой книгѣ журнала (мартъ, 1866 г.) мы говорили то, что продолжали и нынѣ продолжаемъ утверждать: „Послѣднее время—говорили мы пять лѣтъ тому назадъ — и даже можно сказать, послѣдніе дни, мы провели въ ожесточенной борьбѣ за классицизмъ и реализмъ. Свидѣтели этого спора могутъ теперь (точно также какъ и сегодня) придти къ одному справедливому заключенію, а именно, что чему бы ни учили, лишь бы *хорошо* учили, и всегда можно будетъ придти къ хорошему результату... Но мы прежде нежели довели у себя классицизмъ и реализмъ до *хорошаго* состоянія, начали не съ дѣла, а со спора, что изъ нихъ *лучше*. У насъ, должно сознаться, мало наличныхъ силъ (теперь нужно сознаться, что ихъ стало еще меньше), чтобы осуществить, какъ слѣдуетъ, которое-нибудь изъ тѣхъ двухъ направленій, а мы уже споримъ о ихъ относительномъ превосходствѣ. Такимъ образомъ, въ исторіи нашей школы, какъ то случается у насъ и въ обыденной жизни, мы не имѣемъ самаго обыкновеннаго комфорта, а уже роскошь существуетъ. И мы считаемъ именно роскошью такой споръ о классицизмѣ и реализмѣ, который ведется притомъ въ виду мало удовлетворительной дѣйствительности какого бы то ни было преподаванія у насъ, будетъ ли то классическое или реальное. Намъ приходится у себя болѣе читать о пользѣ того или другого мнѣнія для образованія, не-

жели видѣть эту пользу своими глазами". Прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы резюмировали такимъ образомъ состояніе народнаго просвѣщенія у насъ; но дѣла въ прежнемъ и даже еще въ худшемъ порядкѣ, и мы должны остаться при прежнемъ и даже еще худшемъ мнѣніи.

Занеся въ нашу хронику такой колоссальной важности фактъ, какъ допущеніе въ Пруссіи воспитанниковъ реальныхъ гимназій въ университеты наровнѣ съ классическими, обратимся къ текущимъ дѣламъ, и начнемъ съ разсмотрѣнія условій, въ которыя поставлено ближайшее наше будущее: мы разумѣемъ бюджетъ на 1871-й годъ.

Еслибы финансовое положеніе государства зависѣло отъ стройности годичныхъ бюджетовъ, составляемыхъ министромъ финансовъ и отъ улучшеній въ годичныхъ отчетахъ по исполненію росписи, составляемыхъ государственнымъ контролеромъ, то наше финансовое положеніе нельзя было бы назвать иначе, какъ цвѣтущимъ и годъ отъ году разцвѣтающимъ все обильнѣе. Если допустить на минуту аллегорію, что наши финансовыя дѣла когда-либо были несовсѣмъ здоровы, и что названные почтенные государственные дѣятели были призваны, для исцѣленія ихъ, въ качествѣ врачей, то придется сказать, что скорбные листы, которые ведутся ими, въ настоящее время уже вовсе не похожи на скорбные листы, а скорѣе на свидѣтельства о выздоровленіи.

Министръ финансовъ, который въ предшествующихъ росписяхъ жаловался на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства, мѣшавшія равновѣсію расходовъ съ доходами, нынѣ уже, повидимому, не встрѣчаетъ такихъ обстоятельствъ, и единственный отзывъ его объ общемъ финансовомъ результатѣ заключается въ словахъ, что онъ, министръ финансовъ, „уповаетъ, что финансы наши все болѣе и болѣе укрѣпятся на твердомъ основаніи уравновѣшиванія расходовъ съ доходами". И въ самомъ дѣлѣ, росписи даютъ поводъ къ такому упованію. Роспись 1868-го года предвидѣла еще дефицитъ въ 12½ милліоновъ, роспись 1869-го года предвидѣла дефицитъ въ 15 мил., но уже роспись 1870-го года предусматривала дефицитъ только въ 9 мил., а нынѣшняя роспись, на 1871-й годъ, ограничиваетъ дефицитъ всего 4-мя милліонами и около 400 т. р. Могло бы быть, что въ росписи 1872-го года дефицитъ не превысилъ бы цифры 2-хъ милліоновъ или 1-го милліона, и мало-по-малу, постепенно, былъ бы низведенъ къ размѣрамъ десятковъ тысячъ рублей; но совершенно онъ все-таки едва ли исчезнетъ, ибо какъ-то уже укоренилось понятіе, что у насъ существуетъ дефицитъ, и искоренить это понятіе труднѣе, чѣмъ при годовомъ казначейскомъ оборотѣ въ 1,000 мил. руб., ограничить цифру дефицита благоразумнымъ размѣромъ, будь то 1 мил., или ½ мил., или 4, или хотя бы 9 мил. рублей.

Государственный контролеръ, который въ прежнее время жаловался

на обиліе расходовъ сверхсмѣтныхъ и указывалъ на необходимость, чтобы всѣ вѣдомства точнѣе составляли свои предвидѣнія, и не обременяли хозяйства сверхсмѣтными требованіями, мѣшающими вести его въ порядкѣ, — въ настоящее время уже не признаетъ основаній къ подобнымъ сѣтованіямъ. Онъ находитъ, что смѣты составляются нынѣ съ полнотою, дальше которой идти нельзя, не нарушая раціональной бюджетной системы. Не взирая, однако, на эту полноту, цифра сверхсмѣтныхъ расходовъ опять стала расти. Въ 1866-мъ году, государственный контролеръ энергически настаивалъ на точности смѣтныхъ опредѣленій и благодаря тогдашней его энергіи, сумма сверхсмѣтныхъ расходовъ въ послѣдующемъ, 1867-мъ году, уменьшилась вдругъ слишкомъ на 17 мил., за одинъ годъ въ сравненіи съ цифрою 1866-го года. Какъ дальнѣйшее послѣдствіе тѣхъ же мѣръ, цифра сверхсмѣтныхъ расходовъ за 1868-й г. еще немного понизилась, и составила *всего* 30 мил. руб. Между тѣмъ, за 1869-й годъ таже цифра вдругъ снова поднялась слишкомъ до 37 мил. Такой, неожиданно-неблагопріятный результатъ вызываетъ государственнаго контролера къ подробнымъ объясненіямъ; онъ дѣлитъ сверхсмѣтныя требованія на категоріи, допускаетъ, что вообще они могутъ происходить или отъ неполноты смѣтъ, или отъ „излишнихъ" требованій вѣдомствъ, или, наконецъ, отъ совершенно исключительныхъ обстоятельствъ. Къ этой части отчета, одной изъ самыхъ интересныхъ, мы еще возвратимся. Но здѣсь, съ самаго начала, мы хотимъ только представить удостовѣреніе государственнаго контролера, въ дополненіе къ общему отзыву министра финансовъ о ходѣ нашихъ финансовыхъ дѣлъ. Министръ финансовъ считаетъ расходы съ доходами и уповаетъ, что они укрѣпятся въ равновѣсіи; государственный контролеръ, съ своей стороны, повѣряетъ дѣйствительное исполненіе такихъ предвидѣній, то-есть росписей, и находитъ непредвидѣнныхъ расходовъ за годъ 37 мил.,—фактъ, очевидно, ослабляющій надежды на уравновѣшиваніе, несмотря даже и на возвышеніе доходовъ, которое происходитъ все-таки въ меньшихъ размѣрахъ. Но за то онъ удостовѣряетъ, уже отъ себя, что это зависѣло не отъ неполноты росписи и не отъ излишества требованій, невызванныхъ крайностью [1]), а просто отъ „совершенно-исключительныхъ обстоятельствъ".

Если, оставивъ теперь на минуту предвидѣнія и удостовѣренія росписей и отчетовъ, мы примемъ во вниманіе такіе факты: что займы мы дѣлаемъ заграницей слишкомъ по 6%; что рынокъ нашъ отягощенъ безпроцентнымъ долгомъ, т.-е. ассигнаціями, на 721 мил. руб., что металлическій запасъ банка въ 1869-мъ году уменьшился; что вся

---

[1]) Такихъ излишнихъ, собственно по мнѣнію контроля, требованій было всего 1 м. 178 т. р. изъ слишкомъ 37 м. р.

сумма нашихъ государственныхъ долговъ (съ ассигнаціями) составляетъ 1 милліардъ 854 милліона руб.; что одна годовая сумма платежей по долгамъ составляетъ 82 мил. руб. на 1871-й годъ, то-есть главный государственный расходъ, послѣ военнаго, а именно 20 процентовъ всего чистаго, обыкновеннаго дохода государства; что податныя силы большинства населенія напряжены уже до такой степени, что въ обществѣ начинаетъ возникать мысль объ облегченіи выкупныхъ платежей; наконецъ, что курсъ нашъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, представляетъ потерю въ 20% въ заграничныхъ транзакціяхъ,—то совокупность этихъ обстоятельствъ, конечно, нельзя признать удовлетворительною.

Но она, эта совокупность, конечно не зависитъ отъ вліянія государственнаго контролера. Мало того, она не зависитъ даже и отъ желаній министра финансовъ. И не только у насъ, а нигдѣ министръ финансовъ и государственный контролеръ или палата счетная, не могутъ обезпечить истинное равновѣсіе не росписямъ только, а самимъ финансамъ: развѣ министръ финансовъ могъ сказать военному министру въ 1869-мъ году: нужно повременить съ тѣмъ или другимъ преобразованіемъ или передѣлкою; обстоятельствъ исключительныхъ пока вовсе *нѣтъ*; или министру народнаго просвѣщенія: зачѣмъ *сверхсмѣтно* 140 т. руб. на содержаніе университетовъ и академіи наукъ; или оберъ-прокурору синода: зачѣмъ торопиться и *сверхсмѣтно* назначать на содержаніе духовныхъ консисторій и правленій 111 т. р.? Неужели этого нельзя отложить до слѣдующей смѣты, если оно не внесено въ нынѣшнюю (т.-е. 1869-го года)? Можетъ ли министръ финансовъ возражать такъ: все это слѣдовало сдѣлать во́-время, и перевооруженія, и назначенія наградъ академіи наукъ, и прибавку консисторскимъ чиновникамъ, которые и такъ проживутъ; обо всѣхъ этихъ надобностяхъ можно догадаться и не въ половинѣ года, а еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но это не внесено въ роспись, а потому нужно подождать, иначе никакого порядка не будетъ; исключительныхъ обстоятельствъ *нѣтъ*, всѣ эти требованія исключительны только потому, что ихъ не предъявили во́-время, и т. п. Можетъ ли возражать такъ министръ финансовъ? Читатели хорошо знаютъ, что не можетъ, ибо онъ не судья потребностямъ другихъ вѣдомствъ, и право критики если и принадлежитъ ему, то только весьма условно, а затѣмъ каждому вѣдомству принадлежитъ право стать выше такой критики министра финансовъ, и объ этомъ результатѣ сообщить ему, къ надлежащему исполненію. Вотъ, что необходимо сказать въ защиту министерства финансовъ отъ неумѣренныхъ требованій, которыя дѣлаются относительно его въ обществѣ.

Но что дѣйствительно зависитъ отъ министра финансовъ и отъ государственнаго контролера, такъ это приведеніе въ стройность роспи-

сей, и доставленіе отчетамъ обильныхъ свѣдѣній, съ ясностью собственно изложенія. И надо сказать, что дѣло свое они исполняютъ весьма добросовѣстно, каждый годъ вводя новыя улучшенія, для стройности и обилія свѣдѣній, и довели это дѣло до мастерского исполненія. Такъ, что если и можно жалѣть о чемъ либо по этому поводу, то ужъ никакъ не о недостаткѣ помянутыхъ сейчасъ блестящихъ качествъ.

Наиболѣе интереса въ обоихъ документахъ, которые лежатъ предъ нами, именно въ государственной росписи на 1871-й годъ, и въ отчетѣ государственнаго контроля по исполненію росписи за 1869-й годъ, — представляютъ, конечно, соображенія относительно баланса, и тѣ контрольныя свѣдѣнія, которыя идутъ къ оцѣнкѣ предвидѣній по части баланса. Но прежде, чѣмъ взглянуть нѣсколько пристальнѣе на этотъ предметъ, обратимся къ нѣкоторымъ особымъ чертамъ предлежащихъ финансовыхъ документовъ.

Сумма обыкновенныхъ доходовъ по росписи 1871-го года назначена слишкомъ въ 454 мил., а безъ издержекъ взиманія—въ 403³/₄ мил. р. Цифра оборотныхъ поступленій принята въ 20 мил., а цифра спеціальныхъ рессурсовъ опредѣлена нѣсколько менѣе 10¹/₂ мил. р. Вмѣстѣ съ цифрою „особыхъ рессурсовъ“ изъ остатковъ росписи 1869-го года, 4 мил. 392 т. р.—которая и есть цифра предполагаемаго дефицита 1871-го года, вся валовая сумма бюджета доходитъ до 489 слишкомъ мил. руб., а чистая сумма, т.-е. безъ издержекъ взиманія, до 438¹/₂ м. Въ росписи на 1870-й годъ, этимъ цифрамъ соотвѣтствовали цифры 476³/₄ мил. (валовая) и 422¹/₂ мил. (чистая). Итакъ, бюджетъ продолжаетъ расти съ каждымъ годомъ; съ прошлаго на нынѣшній онъ возросъ около 16 мил. руб. Продолжается возрастаніе и доходовъ, и расходовъ.

Одни доходы увеличены, другіе уменьшены, но въ общемъ результатѣ предвидится возвышеніе обыкновенныхъ доходовъ почти на 14 мил. р. сравнительно съ росписью 1870-го г. Но увеличеніе это, замѣтимъ, меньше того, какое предвидѣлось по росписи 1870-го года, и опредѣлялось въ 20¹/₂ милл. Въ предвидимомъ нынѣ возрастаніи дохода главную роль играетъ уже не доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ, какъ въ прошломъ году, а доходъ питейный. Ожидается возрастаніе его слишкомъ на 10 милл. р. вслѣдствіе увеличенія размѣра акциза на градусъ спирта съ 5 на 6 коп., а также вслѣдствіе введенія нѣкоторыхъ новыхъ правилъ. Въ сравненіи съ этимъ возвышеніемъ, возрастаніе другихъ доходовъ, свидѣтельствующихъ собственно о развитіи производительныхъ силъ страны, представляется неважнымъ. Отъ сбора за право торговли ожидается возвышеніе въ 784 т. р., отъ таможеннаго дохода въ 215 т. р., причемъ записка министра финансовъ свидѣтельствуетъ, что несмотря на войну, таможенный доходъ поступаетъ весьма удовле-

творительно, именно уже до сихъ поръ далъ 1½ милл. больше, чѣмъ предвидѣлось по росписи 1870-го г. Въ соляномъ доходѣ возвышеніе предполагается на 217 т. р., въ почтовомъ доходѣ—на 1 м. 480 т. р. и т. д. Что касается дохода отъ желѣзныхъ дорогъ, то въ немъ предвидится уменьшеніе почти на 4 милл. р., зависящее, главнымъ образомъ, отъ передачи нѣкоторыхъ линій частнымъ обществамъ.

Увеличеніе расходовъ предположено, главнымъ образомъ, по государственному долгу на 3 м. 809 т. р., и по военному министерству на 9 м. 681 т. р. Увеличеніе это зависѣло отъ приготовленія металлическихъ патроновъ, переустройства тульскаго завода, увеличенія заготовленій обмундировальныхъ вещей и военныхъ запасовъ. Бюджетъ военнаго министерства, составлявшій въ прошлогодней (1870 г.) росписи 140¾ милл. р., теперь уже доросъ до 150½ милл. Но и эта цифра, разумѣется, ниже той, какая потребуется на самомъ дѣлѣ. Мы видимъ изъ отчета контроля, что въ 1869-мъ году военное министерство къ своимъ 140½ милл. (по смѣтѣ 1869 г.) потребовало еще сверхсмѣтныхъ кредитовъ на 12¼ милл., такъ, что въ дѣйствительности итогъ его расходовъ составилъ въ 1869-мъ году 152¾ милл. Не знаемъ, сколько оно превзойдетъ свой бюджетъ на 1870-й годъ къ истеченію бюджетнаго періода, но имѣемъ, кажется, основаніе полагать, что въ 1871-мъ году, вдобавокъ къ 150½ милл. его смѣты, потребуются по меньшей мѣрѣ тѣже 12¼ милл., какъ и въ 1869-мъ году, ибо оно начнетъ, въ виду преобразованія арміи, удвоивать свои запасы военнаго времени, да и самый наборъ 1871-го г. производится въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ. Сверхъ того, перевооруженіе если и кончится, то потребуется образованіе огромныхъ складовъ новаго оружія для резервовъ, не говоря уже о перестройкѣ крѣпостей, и т. д. Но пусть сверхъ смѣты военное министерство потребуетъ и не болѣе, чѣмъ въ 1869-мъ году, т.-е. 12¼ милл., всетаки, это составитъ итогъ годового расхода военнаго министерства въ 162¾ милл. рублей, т.-е. около 0,4 всей суммы чистаго обыкновеннаго дохода государства. Если же къ этой весьма вѣроятной цифрѣ 162¾ милл. расходовъ военнаго вѣдомства прибавить 17½ милл., идущихъ по смѣтѣ морскому вѣдомству, да 82 милл. платежей по государственному долгу, то и окажется, что на все остальное управленіе государствомъ (за исключеніемъ расходовъ по желѣзнымъ дорогамъ) остается гораздо менѣе половины собираемаго въ государствѣ дохода [1]).

Кстати замѣтимъ, что по морскому министерству на 1871-й г. назначается лишнихъ противъ прошлаго года 208 т. р.—„отъ внесенія въ бо́льшемъ размѣрѣ кредитовъ на кораблестроеніе и другія по постройкамъ издержки“. Замѣчательно въ числѣ увеличеній расходовъ

---

[1]) Цифра чистаго обыкн. дохода—403¾ милл. р.

увеличеніе на цѣлые 300 т. р. расходовъ казны на „церковно-строительныя работы".

Цифра расходовъ по устройству желѣзныхъ дорогъ и портовъ на 1871-й годъ опредѣлена менѣе $10^1/_2$ милл., т.-е. уменьшилась и противу прошлогодней (11 милл. р.), которая сама была на 20 милл. меньше той же цифры въ бюджетѣ 1869-го г. Желѣзностроительная непосредственная дѣятельность государства кончается. На недоборъ въ доходахъ нынѣ показано уже не 3 милл. по прежнимъ примѣрамъ, а только 2 милл. р.; но такъ какъ возвышеніе дѣйствительнаго сбора есть фактъ нормальный, на основаніи котораго ежегодно и возвышаются цифры доходовъ въ росписяхъ, то этой цифры на недоборъ можно бы и вовсе не ставить. Цифра издержекъ взиманія нынѣ нѣсколько понижена, въ сравненіи съ 1870-мъ г. Она была $54^1/_4$ милл., и теперь опредѣлена въ $50^1/_2$ милл. р.

Выше уже замѣчено, что хотя показываемая по отчетамъ государственнаго контроля цифра сверхсмѣтныхъ кредитовъ и не уменьшается, но составленіе самыхъ отчетовъ улучшается съ каждымъ годомъ; такъ какъ первое отъ контроля не зависитъ, а второе зависитъ отъ него, то въ общемъ нельзя не признать за контролемъ заслуги. Отчетъ контроля за 1869-й годъ представляетъ, подобно предшествовавшимъ, нѣкоторыя новости и дополненія. Главная новость состоитъ въ томъ, что отчетъ контроля въ концѣ истекшаго года явился двумя мѣсяцами ранѣе прошлогодняго. Въ прежнихъ отчетахъ были еще пробѣлы относительно дальнихъ областей, но нынѣшній отчетъ уже представляетъ полныя свѣдѣнія по дѣйствительному исполненію росписи во всей имперіи. Изъ дополненій по существу, важнѣе всего объясненіе причинъ назначенія главныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ и изложеніе съ бо́льшею подробностью оборотовъ по спеціальному желѣзнодорожному фонду.

Сверхсмѣтныхъ расходовъ въ 1869-мъ году потребовалось, какъ мы уже видѣли, свыше 37-ми милл. р. Такъ какъ цифра свыше 30-ти милл. руб. сверхсмѣтныхъ расходовъ есть фактъ нормальный, а цифра 30 милл. представлялъ даже minimum такихъ расходовъ за послѣдніе годы, то нѣтъ, конечно, ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что и за 1871-й г. у насъ потребуется свыше 30-ти милл. р. на сверхсмѣтные расходы. Это даже не только не невѣроятно, а наоборотъ, судя по фактамъ прежнихъ лѣтъ, невѣроятно, чтобы этого не случилось. Но въ такомъ случаѣ, во что же обращается цифра дефицита, опредѣляемая по росписи менѣе $4^1/_2$ м. р.? Но пусть не подумаетъ читатель, что мы этимъ хотимъ доказать неизбѣжность дѣйствительнаго дефицита въ 30 милл. р. (сверхмѣстный minimum)+$4^1/_2$ милл. р. (смѣтный дефицитъ). Опредѣлять точно дефицитъ будущій, конечно, не можетъ никто. *Мы же* не можемъ точно опредѣлить дѣйствительна́го дефи-

цита и за одинъ изъ прошедшихъ годовъ, напр. за 1869-й г. Какъ ни обильны свѣдѣнія контрольнаго отчета, но свѣдѣнія, чтó въ дѣйствительности *передержано* нами въ 1869-мъ году, изъ всѣхъ нашихъ ресурсовъ: внутреннихъ поступленій, заграничныхъ займовъ, позаимствованій въ кредитныхъ установленіяхъ и продажи находящихся въ рукахъ казны бумагъ,—нѣтъ; нѣтъ свѣдѣнія, насколько мы въ дѣйствительности вышли изъ средствъ доставляемыхъ каждому году его обыкновенными доходами.

По тѣмъ выводамъ, какіе даетъ намъ контроль, оказывается въ конечномъ результатѣ, что за 1869-й годъ дефицитъ, предвидѣнный въ 15 милл. р., не только не былъ превзойденъ, но наоборотъ, сократился почти на 4 милл. р. и составилъ всего немного болѣе 11-ти милл. руб. Судя по этому показанію, можно ожидать, что въ конечномъ результатѣ исполненія росписи 1871-го года дефицита вовсе не окажется, ибо онъ и весь-то опредѣленъ менѣе $4^1/_2$ милл. р.

Итакъ, вотъ факты: дефицитъ по росписи 1869-го г. былъ предвидѣнъ въ 15 милл. и опредѣлены были впередъ средства къ его погашенію; затѣмъ, втеченіи года произведено расходовъ на 37 милл. р. болѣе, чѣмъ было предвидѣно. И что же оказывается въ результатѣ? Въ результатѣ оказывается, что даже предвидѣнный дефицитъ уменьшился. Какимъ же образомъ это дѣлается и выходитъ, хотя бы и на счетахъ только? Дѣло вотъ въ чемъ: роспись ежегодно не предусматриваетъ свыше 30-ти милл. расходовъ, и въ самомъ дѣлѣ предусмотрѣть ихъ не можетъ. Но зато роспись ежегодно же не предусматриваетъ и на около 30-ти милл. (болѣе или менѣе) возрастанія доходовъ. Возрастаніе главныхъ доходовъ въ каждой росписи предвидится, но въ весьма умѣренныхъ предѣлахъ, такъ чтобы они соотвѣтствовали и предвидимому возрастанію расходовъ. Такъ, возьмемъ въ примѣръ нынѣшнюю роспись, роспись на 1871-й годъ: въ ней въ общей суммѣ доходовъ предвидѣно увеличеніе около 14-ти милл.; но нѣсколько менѣе этой же суммы опредѣлено и возвышеніе общей суммы расходовъ. Записка приложенная къ росписи говоритъ, что возвышеніе въ томъ или другомъ доходѣ опредѣлено по дѣйствительному его поступленію „въ настоящее время“. Но отчеты контроля показываютъ, что дѣйствительное поступленіе бываетъ на огромную сумму выше возрастанія, предусмотрѣннаго росписью.

Такъ, за 1869-й г. непредусмотрѣнныхъ расходовъ было на 34 милл. руб. Но за то и дѣйствительное возрастаніе доходовъ, сверхъ возрастанія опредѣленнаго росписью, было свыше $33^3/_4$ милл. р. При такихъ размѣрахъ непредвидѣннаго возрастанія какъ расходовъ, такъ и доходовъ, что же можетъ значить предвидѣніе дефицита въ $4^1/_2$ милл., или въ 9, или въ 15 милл.? И что значитъ сумма въ 3 или 2 милл. р., опредѣляемая росписью „на *недоборъ* въ доходахъ“? Что зна-

читъ для баланса недоборъ 2 милл. руб. въ нѣкоторыхъ доходахъ, когда извѣстно, что доходовъ поступитъ въ дѣйствительности на 30 милл. р. болѣе, чѣмъ поставлено въ смѣтѣ. А еслибы не только всѣ эти 30 милл. р., но хотя бы половина ихъ не поступили, то что сдѣлають 2 милл. опредѣленные на недоборъ? Ясно, что при составленіи росписи имѣется въ виду неизбѣжность, что расходы ея будутъ превзойдены милліоновъ на 30 и болѣе, и имѣется въ виду, что доходовъ поступитъ почти на такую же сумму болѣе, чѣмъ опредѣлено росписью. Если при этомъ ставится цифра 3 или 2 милл. на недоборъ въ доходахъ, то цифра эта въ отношеніи къ балансу — чисто условная. Точно такая же условная цифра и цифра дефицита. Въ нынѣшней росписи (на 1871 г.) составители могли, еслибы захотѣли, вовсе не поставить суммы 2 милл. на недоборъ, точно такъ, какъ отъ нихъ зависѣло принять ее на этотъ разъ въ 2 милл., а не въ 3, какъ прежде. Они могли вовсе ея не ставить, ибо имъ извѣстно, что при тѣхъ исчисленіяхъ дохода, какія приняты въ росписи, будетъ не ничтожный недоборъ, а огромный излишекъ. Еслибы захотѣли это сдѣлать, то отъ нихъ зависѣло тѣмъ самымъ тотчасъ уменьшить цифру дефицита съ $4^1/_2$ милл. до $2^1/_2$ милл.

Но они могли сдѣлать и иначе. Стóило только показать особыхъ рессурсовъ изъ остатковъ 1869-го года не 4 милл. 392 тыс. р., сколько нужно на покрытіе опредѣленнаго ими дефицита, а просто свободный остатокъ отъ исполненія росписи 1869-го г. Сумма остатка 1869-го г., представляющая свободный *рессурсъ* государственнаго казначейства, составляетъ, по показанію контрольнаго отчета, болѣе $14^1/_2$ милл. р. Въ другомъ же мѣстѣ отчета сказано (и въ росписи есть ссылки на это), что совершенно свободный остатокъ отъ исполненія росписи 1869-го года, который можетъ служить *рессурсомъ* для удовлетворенія потребностей послѣдующихъ лѣтъ, составляетъ $5^1/_2$ милл. руб. Вотъ которую либо изъ этихъ цифръ, положимъ послѣднюю, можно было бы не частью, а цѣликомъ показать особымъ рессурсомъ въ росписи 1871-го года, и тогда не только дефицита бы не было, а былъ бы излишекъ.

Свободные остатки прежнихъ лѣтъ должны быть почитаемы доходами настоящаго года. Во всякомъ случаѣ, если строгая раціональность бюджетной системы съ этимъ несогласна, то она еще болѣе несогласна съ такими важными исключеніями изъ бюджета, которыя совершенно затемняютъ самое его исполненіе. Мы говоримъ о росписаніи экстраординарныхъ рессурсовъ, т.-е. оборотовъ такъ-называемаго желѣзно-дорожнаго фонда. Въ росписи мы видимъ только, что на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и одесскаго порта въ такомъ-то году предполагается употребить 11 или 10 милл., или болѣе. Въ 1871-мъ году, предположено употребить на этотъ предметъ нѣсколько менѣе $10^1/_2$ милл. р.; для этого предположено взять изъ спеціальныхъ рессурсовъ равную сум-

му—около $10^1/_2$ милл. р.—и вотъ все, что намъ говоритъ балансъ росписи. Записка же сообщаетъ намъ, что желѣзнодорожнаго фонда въ настоящее время имѣется *въ наличности* около $15^1/_2$ милл. рублей. Что здѣсь значитъ слово *въ наличности*: то ли, что у насъ чрезвычайныхъ рессурсовъ всегда и есть $15^1/_2$ милл.? Вовсе нѣтъ; это значитъ только, что по распоряженію министерства финансовъ у насъ теперь находится *въ рукахъ* $15^1/_2$ милл. р. *изъ* нашихъ экстраординарныхъ рессурсовъ. Болѣе ничего объ этомъ предметѣ изъ росписи мы и не узнаемъ.

Но изъ контрольнаго отчета мы узнаемъ, что втеченіи одного года (1869) вновь поступило въ желѣзнодорожный фондъ слишкомъ 60 милл. рублей, которые вмѣстѣ съ остаткомъ отъ 1868-го года составили около $93^1/_2$ милл. р., которые втеченіи 1869-го года и находились въ распоряженіи финансоваго управленія. Если мы захотимъ сосчитать расходованіе этихъ рессурсовъ, то встрѣтимся съ такими сложными данными, которыя сдѣлаютъ счетъ совершенно невозможнымъ или, если хотите, дадутъ возможность придти къ тремъ, четыремъ совершенно различнымъ выводамъ. Такъ, мы видимъ, что *сверхъ* наличности этого фонда — 17 милл., общая цифра желѣзнодорожныхъ рессурсовъ была до 83 милл. р., считая бумаги по цѣнѣ пріобрѣтенія, но за исключеніемъ отсюда цѣнностей, немогущихъ быть реализованными во всякое время и непроизведенныхъ еще платежей по ссудамъ обществамъ, дѣйствительно свободный остатокъ желѣзнодорожныхъ рессурсовъ къ 1-му января 1870-го г. вмѣстѣ съ наличностью былъ 47 милл. р. Но за то изъ другихъ источниковъ произведены расходы за счетъ желѣзнодорожнаго фонда, да за обществами состоитъ неуплаченныхъ въ срокъ, къ 1-му янв. 1870-го г. $17^3/_4$ милл.

Если мы возьмемъ просто приведенную уже цифру $93^1/_2$ милл. спеціальныхъ рессурсовъ, бывшихъ въ распоряженіи финансоваго управленія втеченіи 1869-го г. и начнемъ высчитывать произведенные втеченіи года желѣзнодорожные расходы изъ нея ($76^1/_2$ милл. р.) и изъ другихъ источниковъ ($24^3/_4$ милл.), то найдемъ, что суммы $93^1/_4$ милл. руб. еще *недостало* на покрытіе этихъ желѣзнодорожныхъ расходовъ, произведенныхъ втеченіи года (недостало болѣе $7^1/_2$ милл. р.). Въ 1870-мъ г. изъ бумагъ, которыя имѣло въ своемъ портфелѣ финансовое управленіе, было реализовано до 12-ти милл. фунтовъ стерл., посредствомъ выпуска заграницей консолидированныхъ облигацій русскихъ желѣзныхъ дорогъ, что уже составляетъ до 85-ти мил. рублей.

Оговоримся, что указывая на эти цифры, мы считаемъ ихъ безусловно вѣрными, хотя и должны выразить сожалѣніе, что онѣ не приведены въ ясный балансъ. Отчетъ показываетъ размѣръ рессурса въ бумагахъ къ 1-му января 1870-го г. около 23 милл. руб., по цѣнѣ пріобрѣтенія, но не объясняетъ, какое значеніе имѣетъ этотъ рессурсъ и

сколько соотвѣтствовало ему обязательствъ. Но главное, на что мы хотимъ обратить здѣсь вниманіе, это вопросъ, почему къ ежегодной росписи не прилагается и смѣты предвидимыхъ доходовъ и расходовъ, и остающихся рессурсовъ, какъ займовъ такъ-называемаго желѣзнодорожнаго фонда? Предвидѣть ихъ не только можно, но необходимо, и смѣта такая, разумѣется, и существуетъ; иначе быть не можетъ. Но не лучше ли было бы включать ее въ общую роспись, или въ видѣ дополненія къ росписи? Теперь въ роспись вносится только малая часть рессурсовъ желѣзнодорожнаго фонда, именно часть отдѣляемая на работы; въ нынѣшней росписи она составляетъ, какъ уже сказано, менѣе 10½ милл. р. Разумѣется, здѣсь цифра расходовъ совершенно равна, и цифра отдѣляемой на нихъ части рессурсовъ и включеніе этихъ цифръ въ росписи не имѣетъ никакого значенія относительно общаго баланса расходовъ съ доходами. Ужъ если ее включаютъ въ роспись, то слѣдовало бы включить туда же весь предвидимый балансъ всего желѣзнодорожнаго фонда, съ показаніемъ остатка какъ его, такъ и другихъ займовъ. Это для сужденія объ общемъ финансовомъ балансѣ имѣло бы значеніе весьма существенное. А то, что́ можно думать о цифрѣ 4½ милл. дефицита, или о свободныхъ остаткахъ по счетамъ отъ прежнихъ росписей, когда въ распоряженіи финансоваго управленія, втеченіи года, находится 93 милл. р. чрезвычайныхъ рессурсовъ, и когда кассовые обороты государственнаго казначейства представляютъ въ годъ цифру свыше милліарда рублей?

Кстати, говоря объ отчетности, спросимъ, вполнѣ ли правильно показывать безпроцентный, т.-е. ассигнаціонный долгъ къ 1870-му году, за исключеніемъ 153¾ милліона металлическаго фонда, всего около 568-ми милл. руб., когда въ составѣ металлическаго фонда находится на 12 милл. руб. обязательствъ государственнаго казначейства?

Еще вопросъ по отчетности: отчего цифра необезпеченнаго безпроцентнаго долга состояла къ 1870-му году совершенно тождественна съ тою же цифрою къ 1869-му году, когда въ теченіи 1869-го года былъ сдѣланъ особый внутренній 5% заемъ на 15 милл. руб. для погашенія на эту сумму ассигнацій? Осталась ли эта сумма въ 15 милл. руб. безъ употребленія? Но въ такомъ случаѣ, почему же, за уплатою въ 1869-мъ г. долговъ на сумму до 19-ти милл., общая сумма долга уменьшилась только на 4 милл. рублей? Значитъ ли это, что вновь образовавшійся долгъ въ 15 милл. пошелъ не на погашеніе необезпеченнаго безпроцентнаго долга (который остался совершенно прежній), а на платежи по другимъ, процентнымъ, срочнымъ долгамъ? Но вѣдь это уже есть кредитный рессурсъ.

Указываемъ на возможность подобныхъ недоумѣній, для того собственно, чтобы показать, какъ можно было бы сдѣлать дополненіе росписи смѣтою кредитныхъ рессурсовъ и кредитныхъ обязательствъ. Если

положимъ, по недоразумѣнію, мы истолкуемъ себѣ употребленіе упомянутыхъ сейчасъ 15-ти милл. р. въ томъ смыслѣ, что они пошли на удовлетвореніе предвидѣнныхъ платежей по срочнымъ займамъ, вслѣдствіе того, что опредѣленная на эти платежи по росписи 1869-го года сумма до 77-ми милл. р. частью израсходовалась на сверхсмѣтныя потребности, да еще примемъ во вниманіе, что рессурсъ англо-голландскаго займа сократился въ 1869-мъ г. на 4 милл. руб., то какъ же мы должны смотрѣть на „свободные остатки“ отъ 1869-го г., которые теперь показываются по счетамъ, и еще будутъ показываться въ послѣдующихъ росписяхъ въ видѣ особыхъ рессурсовъ? Вообще, существованіе „свободныхъ остатковъ“ по счетамъ каждаго года, иногда милліоновъ на 20 рублей [1]), рядомъ съ дѣйствительнымъ дефицитомъ каждаго года только путаетъ всю отчетность. Для того, чтобы этой путаницы не было, слѣдуетъ предвидѣть точнѣе въ росписи возрастаніе доходовъ, и ограничивая сверхсмѣтные расходы, прямо показывать ихъ покрытіе чрезвычайными средствами. Тогда, хотя въ росписяхъ дефицита не будетъ, напротивъ будетъ излишекъ дохода, а въ отчетахъ по исполненію будетъ дефицитъ, но вполнѣ ясный и несомнѣнный. Конечно, это не представитъ наружнаго столь блестящаго результата, какой мы видѣли нынѣ, когда по росписи опредѣляется дефицитъ, а по отчету онъ оказывается меньше, чѣмъ былъ предположенъ. Но для истинной гласности, а стало быть и для истиннаго укрѣпленія довѣрія гораздо лучше будетъ ясный недочетъ, чѣмъ неясные успѣхи. Вотъ и все, чего можно требовать отъ министра финансовъ. На всякія же иныя требованія и ожиданія, онъ можетъ основательно отвѣчать повтореніемъ извѣстныхъ словъ: „faites-moi de bonne politique et je vous ferai de bonnes finances“.

Отъ отчета о матеріальныхъ результатахъ года, перейдемъ къ отчету о духовно-нравственныхъ успѣхахъ за тотъ же годъ. Въ тѣхъ извлеченіяхъ изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1869-й годъ, которыя нынѣ обнародованы, по обычаю установившемуся уже нѣсколько лѣтъ, мы находимъ мало новаго, какъ по содержанію, такъ и по формѣ самаго отчета. Говоря объ отчетѣ, мы разумѣемъ то, что изъ него предано гласности, и не можемъ не пожалѣть еще разъ о безжизненности этого гласнаго отчета, его пространности въ мелочахъ и почти безусловномъ молчаніи его о сущности высшаго духовнаго управленія, то-есть о его принципахъ и его видахъ на будущее. Изъ этого отчета нельзя составить себѣ понятія къ чему идетъ, къ какимъ цѣлямъ направляется наше министерство духовныхъ дѣлъ. Между тѣмъ здѣсь, какъ и вообще въ министерскихъ отчетахъ, важнѣе всего знать именно

---

[1]) Отъ 1868 г. $11^1/_2$ милл., отъ 1867 г.—$29^3/_4$ милл. руб.

главныя цѣли и предполагаемыя средства къ ихъ достиженію, важнѣе, конечно, чѣмъ знать, сколько именно какой-либо достаточный инородецъ пожертвовалъ денегъ на украшеніе мѣстнаго храма.

Если намъ возразятъ, что все существенное есть въ полномъ отчетѣ, но не печатается,—то это можетъ возбудить въ насъ только сожалѣніе и даже нѣкоторое удивленіе: развѣ сфера дѣятельности духовнаго вѣдомства похожа на сферу дѣятельности министерства иностранныхъ дѣлъ, чтобы, какъ послѣдняя, не подлежать гласности? Но если намъ возразятъ, что въ дѣятельности духовнаго управленія никакихъ особыхъ видовъ на будущее, ни особыхъ принциповъ управленія нѣтъ по той причинѣ, что оно никакихъ нововведеній не предполагаетъ, а принципы и виды его заключаются въ незыблемыхъ принципахъ и видахъ церкви — то такое возраженіе совершенно неосновательно и не могло бы быть искренно. Дѣятельность нашего министерства духовныхъ дѣлъ, хотя и имѣетъ отношеніе къ предметамъ вѣры и правиламъ церкви, но по самой своей сущности есть дѣятельность свѣтская, мірская, гражданская, а не религіозная. Непоколебимость догматовъ и каноническихъ правилъ нисколько не мѣшаетъ предпринимать такія или иныя мѣры для достиженія бо́льшаго благоустройства, для сближенія духовенства съ обществомъ, для освобожденія священниковъ отъ произвола консисторій, для предоставленія простора проповѣдникамъ, наконецъ, для устраненія отъ дѣятельности церкви всякаго характера свѣтской принудительности и содѣйствія мѣръ политическихъ или законодательно-уголовныхъ.

Совершенная независимость церкви, просторъ въ ней самой для личной дѣятельности ея членовъ, и освобожденіе гражданскаго общества отъ всякаго принужденія въ дѣлѣ религіи вполнѣ совмѣстимы со строжайшимъ соблюденіемъ догматической чистоты православія. Мы знаемъ также, изъ историческаго опыта, что догматы не могли воспрепятствовать и проведенію системы духовнаго управленія буквально-противоположной той, которую мы слегка очертили. Итакъ, еслибы министерство духовныхъ дѣлъ для своей дѣятельности не поставило себѣ ни принциповъ, сообразныхъ съ нуждами духовнаго и гражданскаго общества, ни цѣлей, ни средствъ сведенныхъ въ раціональную систему дѣйствія въ смыслѣ обоюдной пользы и благоустройства, согласнаго съ общимъ духомъ реформъ, то это означало бы, что управленіе это существуетъ собственно для занятій инспекторскою частью. Новый уставъ духовныхъ академій утвержденъ два года тому назадъ; прекрасно; но вѣдь нельзя же издавать каждые два года новые уставы для духовныхъ академій. Принципъ избранія благочинныхъ самимъ духовенствомъ введенъ нѣкоторыми начальниками епархій, и духовная администрація свидѣтельствуетъ, что примѣненіе его произвело благотворные результаты; прекрасно. Но въ другихъ епархіяхъ принципъ

этотъ не введенъ и—изъ отчета мы не узнаемъ, чтó же думаетъ объ *этомъ* фактѣ министерство духовныхъ дѣлъ?

Признаетъ ли вѣдомство духовнаго управленія выборный принципъ благотворнымъ вообще, или собственно только по отношенію къ благочиннымъ? Предполагаетъ ли это управленіе приняться когда-либо за преобразованіе консисторій, которыхъ дѣятельность, при нынѣшнемъ ихъ составѣ, признается и обществомъ и бѣлымъ духовенствомъ единогласно въ высшей степени неудовлетворительною и будетъ служить главнымъ камнемъ преткновенія для дѣйствительнаго осуществленія какихъ бы то ни было реформъ въ духовномъ вѣдомствѣ? Если преобразованіе консисторій имѣется въ виду, то будетъ ли оно направлено къ тому, чтобы часть ихъ власти перенесть на выборное собраніе, или ввесть выборное начало въ самыя консисторіи? Все это—вопросы не догматическіе, и даже не церковные, а чисто административные, и вотъ о нихъ-то желательно бы знать мнѣніе администраціи духовныхъ дѣлъ, вмѣсто подробныхъ разсказовъ объ обращеніи каждаго раскольничьяго игумена.

По поводу обращенія, выразимъ здѣсь же недоумѣніе наше насчетъ отзыва настоящаго отчета, что наша церковь „чужда духа пропаганды". Вслѣдъ за такимъ объявленіемъ, тотчасъ начинается длинный разсказъ о всѣхъ дѣятельныхъ и разнообразныхъ мѣрахъ, принятыхъ къ обращенію раскольниковъ, иновѣрцевъ и нехристіанъ. Да и есть ли церковь чуждая духа пропаганды? Протестантство, и то имѣетъ миссіонеровъ, стало быть занимается пропагандою. Или отреченіе отъ духа пропаганды выражено здѣсь въ смыслѣ отреченія отъ содѣйствія ей всякими иными мѣрами, кромѣ силы церковной проповѣди? Но въ такомъ случаѣ какъ объяснить такое явленіе, что наиболѣе блестящіе успѣхи обращенія за 1869-й годъ были въ средѣ римскихъ католиковъ и въ средѣ магометанъ, то-есть именно въ двухъ средахъ наименѣе доступныхъ силѣ проповѣди?

Общее число присоединившихся къ православію въ 1869-мъ г. было 18,754 челов., въ томъ числѣ магометанъ 8,243, католиковъ 3,332, язычниковъ 3,026 и раскольниковъ 2,795. Замѣчательно, что въ 1869-мъ году магометанъ было обращено болѣе, чѣмъ католиковъ, чтó не соотвѣтствуетъ примѣрамъ прежнихъ лѣтъ. Зависѣло это явленіе отъ того, что собственно въ Абхазіи въ теченіи весны 1869-го года одновременно обращено 7,894 человѣка, чтó и составляетъ около $^{22}/_{23}$ всего числа обращенныхъ магометанъ. Обращенію же абхазцевъ, по показанію отчета, содѣйствовало двукратное выселеніе жителей, отличавшихся фанатизмомъ, то-есть обстоятельства политическія. Тамъ же, гдѣ политическія обстоятельства на помощь обращенію не являлись, дѣло обращенія въ такой стойкой средѣ, какъ магометанская, представлялось далеко не такъ легкимъ. Всего магометанъ, кромѣ абхазцевъ, обра-

щено только 349 человѣкъ, и этотъ результатъ не великъ въ сравненіи съ тѣмъ прискорбнымъ фактомъ, что въ казанской епархіи 416 чел. отпали отъ православія и обратились вновь въ магометанство, и хотя вслѣдствіе неослабныхъ увѣщаній мѣстнаго духовенства, около половины этихъ вѣроотступниковъ и возвратились въ церковь, но остальные такъ и продолжаютъ упорствовать въ отступничествѣ.

Пропаганда въ средѣ раскольничьей въ 1869-мъ г. шла нѣсколько успѣшнѣе чѣмъ прежде; но и здѣсь, по свидѣтельству отчета, немало содѣйствовали обращенію тѣ внутренніе раздоры, какіе возникли въ важнѣйшихъ сектахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ, православная церковь современемъ пріобрѣтетъ союзника менѣе случайнаго, болѣе надежнаго, именно — распространеніе въ массахъ образованія, которое непремѣнно устранитъ наиболѣе нелѣпыя суевѣрія. Но для того, чтобы вызвать этого союзника, наше духовное управленіе должно обратиться къ нашему министерству народнаго просвѣщенія и стараться поддержать передъ нимъ и съ своей стороны требованія всего общества. Это будетъ гораздо надежнѣе, чѣмъ нѣкоторые отзывы прошлогодняго отчета, что расколу не слѣдуетъ „поблажать“, отзывы, какихъ мы въ нынѣшнемъ отчетѣ съ удовольствіемъ не нашли.

Приношенія въ пользу церквей и въ 1869-мъ г. были весьма значительны: они составили сумму болѣе 2.671,000 рублей; сверхъ того, 11-ти церквамъ и 13-ти монастырямъ были пожертвованы недвижимыя имущества. Казалось бы, при столь большой готовности народа къ пожертвованію въ пользу церквей, пастыри могли бы стараться благоразумно направить ее, то-есть такъ, чтобы распредѣлять пожертвованія равномѣрнѣе, указывая паствѣ на потребности церквей въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ, вмѣсто того, чтобы золотить главы богатаго храма, можно бы склонить жертвователя ту же сумму употребить на постройку цѣлой небольшой церкви, гдѣ она нужна или на поддержаніе полуразвалившейся.

Но въ силу существующаго у насъ подчиненія церкви государству, а государства церкви, духовное вѣдомство слишкомъ привыкло считать государственныя средства неистощимымъ для себя источникомъ. Пусть пожертвованія идутъ на украшеніе храмовъ и безъ того великолѣпныхъ, а гдѣ новыя церкви понадобятся, тамъ ихъ можно соорудить на счетъ государственнаго казначейства. Такъ, въ прошломъ (1870) году испрошено повелѣніе объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства на постройку православныхъ храмовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ по 150,000 руб., въ теченіи четырехъ лѣтъ, т.-е. всего 600,000 рублей.

Извѣстно, какъ много жертвуется въ пользу обителей, какіе обильные присвоены нѣкоторымъ изъ нихъ доходы съ оброчныхъ статей, и какъ богаты нѣкоторыя изъ обителей, въ особенности же троицко-сергіевская, александро-невская, кіево-печерская и почаевско-успенская лавры.

Между тѣмъ, въ печати было заявлено, что и на содержаніе ихъ отпускаются еще деньги изъ государственнаго казначейства, а именно на лавры и ставропигіальные монастыри 43,813 р., на 208 мужскихъ монастырей до 279,000 р., и на 95 монастырей женскихъ 70,290 руб. (по бюджету 1871 г.). Болѣе равномѣрное распредѣленіе доходовъ церкви, по всей вѣроятности, могло бы освободить государственное казначейство по крайней мѣрѣ отъ содержанія монаховъ. Для этого всего раціональнѣе было бы учрежденіе особаго церковнаго фонда, о которомъ мы говорили уже не разъ.

Число церковно-приходскихъ школъ, открытыхъ и большею частью содержимыхъ самимъ духовенствомъ, отчетъ за 1869-й г. опредѣляетъ въ 15,914, съ 326,082 учениками и 52,272 ученицами. Замѣтимъ, что это составляетъ уже значительное уменьшеніе въ сравненіи съ предшествующимъ отчетомъ, т.-е. отчетомъ за 1868-й г., а именно на 300 школъ, и около 12 тыс. учениковъ обоего пола. Но такъ какъ недавно послѣдовало распоряженіе о передачѣ списковъ этимъ школамъ министерству народнаго просвѣщенія, которое будетъ провѣрять число школъ по показаніямъ училищныхъ совѣтовъ, то любопытно будетъ узнать результатъ этой повѣрки.

Относительно религіозно-нравственнаго состоянія массы народа, отчетъ оберъ-прокурора за 1869-й г. повторяетъ свидѣтельство прежнихъ отчетовъ. По удостовѣренію отчета, въ православной паствѣ „не оскудѣваетъ, но какъ будто еще возрастаетъ искони присущій ей духъ благочестія“; отчетъ свидѣтельствуетъ о неослабной искренней преданности народа церкви, къ соблюденію ея уставовъ, къ обильнымъ приношеніямъ „не только отъ избытка, но и отъ скудости“, о замѣчаемомъ нѣкоторыми епископами явленіи въ низшихъ, „малообразованныхъ классахъ“, что „по мѣрѣ распространенія“ религіознаго образованія, въ нихъ развивается сознательность въ дѣлѣ вѣры, и народъ перестаетъ ограничиваться однимъ наружнымъ исполненіемъ обрядовъ религіи, но болѣе и болѣе входитъ въ духъ ея и начинаетъ понимать яснѣе ея требованія“. Изъ пороковъ же народныхъ, отчетъ останавливается, по прежнему, на пьянствѣ, но въ этотъ разъ упоминаетъ и о распространеніи воровства. Отчетъ также свидѣтельствуетъ, что православное духовенство „болѣе и болѣе проникается сознаніемъ значенія своего служенія“, и сочувственно содѣйствуетъ духовному усовершенію православной паствы.

Надо искренно желать, чтобы ожиданія отчета устранили тѣ весьма серьезныя опасенія, какія высказаны по этому поводу свѣтскою печатью. Въ послѣдней хроникѣ мы уже приводили весьма вѣскія показанія о. Беллюстина. Онъ находитъ усилія духовенства въ этомъ отношеніи до сихъ поръ совершенно недостаточными или неуспѣшными, и взываетъ къ большему усердію, и главное, къ большей искрен-

ности. Но послѣ того появился отвѣтъ ему, написанный г. Троицкимъ, который рѣшается даже положительно удостовѣрить безполезность совѣтовъ, тамъ гдѣ ихъ не просятъ и не желаютъ, а затѣмъ полную безвыходность въ высшей степени прискорбнаго положенія дѣлъ въ виду болѣзненнаго состоянія съ одной стороны и бездѣйствія духовныхъ врачей съ другой. Затѣмъ, по мнѣнію г. Троицкаго, которое — въ этомъ пунктѣ — мы раздѣляемъ безусловно, такъ какъ причина застоя въ самомъ духовенствѣ есть замкнутость его, привилегированность его сферы дѣятельности, и отсутствіе всякой конкурренціи, всякой необходимости для него стать въ умственномъ развитіи въ уровень съ образованнымъ обществомъ или хотя бы съ духовенствами иныхъ исповѣданій — то благотворное дѣйствіе православнаго духовенства на нравственное положеніе массъ, энергія его служенія, и возвышеніе собственнаго его умственнаго и нравственнаго развитія не могутъ и возникнуть до провозглашенія въ Россіи полной религіозной свободы, отмѣны всякаго принужденія въ переходѣ изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое, и отмѣны духовной цензуры. Г. Троицкій совершенно справедливо жалуется на отсутствіе въ Россіи этого „коренного закона всякаго образованнаго государства".

„Вотъ — говоритъ онъ — гдѣ корень спячки и равнодушія духовенства къ своему дѣлу. Освободите печать отъ духовной цензуры, снимите запретъ, лежащій на совѣсти милліоновъ людей, и вы не узнаете Россіи чрезъ двадцать лѣтъ". „Потомки наши—заключаетъ онъ— читая исторію нынѣшняго царствованія, найдутъ въ ней много прекрасныхъ страницъ; но лучшею изъ нихъ была бы конечно та, которая провозгласила бы свободу совѣсти въ Россіи".

Наконецъ, обнародованы предположенія о тѣхъ основахъ, на которыхъ предстоитъ совершиться нашему военному преобразованію. Предположенія эти, по словамъ доклада военнаго министра, не представляютъ основаній окончательно установленныхъ, а напротивъ „подлежатъ всестороннему обсужденію при разработкѣ самыхъ положеній, которыя должны быть представлены на утвержденіе обыкновеннымъ законодательнымъ порядкомъ". Тѣмъ не менѣе, предположенія эти имѣютъ важное значеніе, такъ какъ они должны служить инструкціями для коммиссій, на которыя возложено въ военномъ вѣдомствѣ составленіе полнаго проекта реформы.

Основанія ея, въ томъ видѣ, какъ они обнародованы нынѣ, не могли не произвесть нѣкотораго разочарованія въ тѣхъ, кто призывалъ эту реформу, увлекаясь собственно гуманными и либеральными цѣлями. Они увлекались болѣе всего идеями общеобязательности и краткосрочности. Но, еслибы настоящія инструкціи осуществились безусловно въ законѣ и перешли въ жизнь, то общеобязательность

воинской повинности состояла бы въ томъ, что только четверть всѣхъ гражданъ, достигающихъ 21-го года, призывались бы къ отправленію воинской повинности, а три четверти освобождались бы отъ нея. Вся разница этой системы отъ системы изъятій состояла бы въ томъ, что изъятія давались бы не по дѣйствительной потребности страны, съ цѣлью охраненія образованныхъ силъ и обезпеченія каждому семейству достаточной рабочей силы, а по слѣпому произволу жребія. И цѣлыхъ три четверти населенія все-таки не несли бы воинской повинности.

Населеніе Россіи такъ велико, что осуществленіе дѣйствительной *общеобязательности* военной службы невозможно. Но, тѣмъ болѣе, стало быть возможны изъятія, не по волѣ слѣпого случая, а по просвѣщенному предусмотрѣнію законодателя, оберегающаго въ странѣ тѣ элементы, которые развиты въ ней слабо, и въ которыхъ она наиболѣе нуждается. Между тѣмъ, инструкціи весьма заботливо оговариваютъ принципъ недопущенія никакихъ изъятій, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ объявляютъ, что даже замѣщенія и откупы „придется однако сохранить на первое время, какъ переходную мѣру". Какъ продолжительно должно быть это время, инструкціи не объясняютъ, и это умолчаніе кажется намъ вполнѣ естественнымъ, потому именно, что вопросъ о необходимости изъятій отъ конскрипціи, въ той или другой формѣ, и о степени своевременности ихъ отмѣны, или ограниченія, не можетъ быть рѣшенъ коммисіями военнаго вѣдомства, и вообще выходитъ изъ предѣловъ спеціальности этого вѣдомства.

Это есть вопросъ объ органическихъ потребностяхъ страны и лучше всего было бы, еслибы военное вѣдомство, даже въ окончательномъ своемъ проектѣ, оставило этотъ вопросъ объ изъятіяхъ и срокѣ ихъ отмѣны—вопросомъ открытымъ. Этотъ вопросъ подлежитъ обсужденію и рѣшенію другихъ вѣдомствъ. Для военнаго вѣдомства главная цѣль всей реформы заключается въ увеличеніи вооруженной силы страны. Но, по отношенію къ этой цѣли, вопросъ объ изъятіяхъ, какъ бы онъ рѣшенъ ни былъ, не представляетъ важности; сколько бы ни было допущено изъятій по образованію и семейному положенію, во всякомъ случаѣ число ихъ было бы ничтожно въ сравненіи съ тремя четвертями всего возраста, которыхъ военное министерство не находитъ ни нужнымъ, ни возможнымъ призывать къ отправленію воинской повинности.

Мечты о краткосрочности, какъ легко было предвидѣть, также не сбылись покамѣстъ. Даже предвидѣнія, что срокъ будетъ не меньше 6-ти лѣтъ, высказанныя тѣми, кто никакимъ самообольщеніямъ не предавался, превзойдены, и срокъ дѣйствительной службы подъ знаменами предположенъ 7-милѣтній, а затѣмъ 8-милѣтній въ резервѣ, такъ что общій срокъ остается прежній, т.-е. 15-тилѣтній. Итакъ, прин-

ципъ *краткосрочности* въ инструкціяхъ не осуществляется вовсе. Найти его признаки можно развѣ только въ нѣкоторыхъ оговоркахъ, включенныхъ въ редакцію соотвѣтствующаго пункта инструкцій. Такъ, относительно общаго 15-тилѣтняго срока службы, сказано, что онъ „долженъ бы былъ остаться, по крайней мѣрѣ на первое время". Здѣсь, по этому пункту назначеніе срока для переходнаго положенія, очевидно, должно уже зависѣть отъ усмотрѣнія военнаго вѣдомства, потому что срокъ службы опредѣляетъ самый составъ арміи. Но намъ, неспеціалистамъ, непонятно, почему собственно на первое время срокъ службы долженъ быть сохраненъ нынѣшній, когда измѣняется вся система, и почему впослѣдствіи (когда же?) удобнѣе будетъ сократить его, чѣмъ въ то самое время, когда предполагается ввести общеобязательность, которой логическимъ и необходимымъ дополненіемъ должна бы быть именно краткосрочность?

Обращаемъ вниманіе на этотъ пробѣлъ потому собственно, что увеличеніе ежегоднаго призыва людей, при сохраненіи нынѣшняго срока службы, ведетъ прямо къ огромному увеличенію постояннаго состава арміи, содержимаго страной и въ мирное время. Правда, срокъ дѣйствительной службы, то-есть службы подъ знаменами, предполагается въ 7-мь лѣтъ, и еще съ оговоркою, что „собственно въ строю большинство людей находилось бы только по 5—6-ти лѣтъ, а на остальное время увольнялось бы во временный отпускъ. Но весьма существенно при этомъ то соображеніе, что люди эти все-таки, до истеченія полнаго 7-милѣтняго срока, не пріобрѣтали бы *права* на увольненіе въ отпускъ, а увольнялись бы просто по усмотрѣнію властей и притомъ на время только, то-есть ничѣмъ не могли бы заняться до истеченія полнаго срока.

Сверхъ того, здѣсь невелико и различіе въ сравненіи съ нынѣшнею системою. И теперь солдаты нерѣдко увольняются во временные отпуски по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ службы, меньше не только 10-ти (когда они пріобрѣтаютъ право на безсрочный отпускъ), но и 7-ми. Солдатъ, прослужившій 6 лѣтъ и теперь у насъ считается старымъ солдатомъ, и за этотъ срокъ получаетъ шевронъ.

Итакъ, основные принципы прусскаго военнаго устройства, при пересажденіи ихъ на нашу почву, въ дѣйствительности измѣняются самымъ существеннымъ образомъ. Важнѣе всего, конечно, различіе въ срокахъ дѣйствительной службы: въ Пруссіи 3 года, а у насъ 7 лѣтъ. Въ молодые годы, тѣ годы, въ которые устанавливается карьера человѣка въ жизни, пожертвовать тремя годами далеко не то, что пожертвовать семью годами. Притомъ же, при предполагаемомъ у насъ жеребьевомъ порядкѣ, легко могутъ быть примѣры, что два, три сына въ семьѣ, по достиженіи каждымъ изъ нихъ 21-голѣтняго возраста, по-

очередно всѣ вынутъ жребій идти въ солдаты, и вотъ такая семья на два, на три года лишена будетъ *всей* своей рабочей силы.

Выше мы выразили опасеніе, какъ-бы увеличеніе ежегоднаго призыва вмѣстѣ съ незначительнымъ въ дѣйствительности сокращеніемъ срока службы, не повело къ значительному увеличенію не только резервныхъ силъ, но и постояннаго состава арміи. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что въ нынѣшнихъ инструкціяхъ, какъ онѣ ни подробны, нигдѣ не высказано нормы, которая бы ограничивала постоянный составъ арміи. Между тѣмъ, это такой пунктъ, съ которымъ коммиссіямъ необходимо было бы сообразжаться. Еслибы у насъ была принята хоть прусская норма, то-есть одинъ процентъ населенія, то и это составило бы уже постоянную армію гораздо значительнѣе той, какую мы содержимъ въ настоящее время. А такъ какъ военное вѣдомство и нынѣ издерживаетъ въ годъ около 150-ти милліоновъ рублей, то спрашивается, что-же было бы при значительно большемъ мирномъ составѣ? И соотвѣтствовалъ ли бы такой результатъ преобразованія той основной мысли, которою оно было мотивировано, именно: имѣть бóльшій запасъ вооруженной силы, безъ увеличенія расходовъ государства, тяжкихъ уже и въ настоящее время?

Увеличеніе ежегоднаго призыва само по себѣ налагаетъ такую новую тягость на производительныя силы страны, что ему должно бы соотвѣтствовать, по крайней мѣрѣ, облегченіе финансоваго бремени. Необходимо принять всѣ мѣры ограниченія, дабы не вышло совсѣмъ на оборотъ. На прусскую систему ужъ нисколько не была бы похожа такая система, которая не осуществляла бы ни общеобязательности [1]), ни краткосрочности, и вдобавокъ увеличивала бы расходы государства на армію.

Уменьшеніе нынѣшнихъ расходовъ на армію тѣмъ болѣе необходимо, что преобразованіе это ведетъ само по себѣ къ новымъ, весьма значительнымъ военнымъ расходамъ. Такъ, потребуется образованіе огромныхъ складовъ, запасовъ оружія, предметовъ обмундированія и снаряженія, а также и обоза. Всю эту матеріальную часть придется образовать уже не по разсчету нынѣшняго состава военнаго времени, а по разсчету состава *двойного*, такъ, чтобы резервныя части, при мобилизаціи, находили все въ готовности, и чтобы для самого ополченія было приготовлено хоть что-нибудь, иначе ополченіе—миѳъ. Замѣтимъ при этомъ, что и всякое улучшеніе въ оружіи, такъ часто заставлявшее насъ прибѣгать къ передѣлкамъ, придется теперь производить каждый разъ въ гораздо бóльшихъ размѣрахъ.

---

[1]) Въ томъ смыслѣ, что $^3/_4$ контингента у насъ вовсе освобождались бы отъ воинской повинности, будучи зачисляемы только въ общее ополченіе (ландштурмъ), а не въ *резервъ*, какъ въ Пруссіи.

Не трудно предвидѣть, что все это непремѣнно поведетъ къ значительному увеличенію военнаго бюджета (сюда же надо отнести и издержки на учебные сборы резервовъ). А потому, еслибы еще увеличился и постоянный составъ арміи, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ реформы было бы крайнее финансовое обремененіе страны,—что́ противорѣчило бы основной мысли, которою реформа была обусловлена въ самомъ началѣ. Итакъ, одною изъ существеннѣйшихъ статей всей схемы предполагаемаго военнаго преобразованія совершенно необходимо поставить значительное сокращеніе расходовъ на содержаніе постоянныхъ войскъ.

Теперь сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно предполагаемыхъ вновь правъ и обязанностей воинской службы. Каждый гражданинъ, по волѣ жребія, призванный въ службу, будетъ оставаться въ ней до 36-ти лѣтняго возраста. Втеченіи 7-ми лѣтъ онъ будетъ находиться подъ знаменами, а если и будетъ получать отпуски, то только временные, и во всякое время можетъ быть призванъ въ свою часть, по простому распоряженію высшаго, а можетъ быть—и ближайшаго своего начальства. Значитъ, всѣ эти 7 лѣтъ никто не можетъ серьезно заняться никакимъ дѣломъ, кромѣ усовершенствованія въ военномъ искусствѣ. Не будемъ настаивать еще разъ на продолжительности этого срока; приведемъ только справку изъ „Военно-Статистическаго Сборника“ (Вып. II), что даже *въ Турціи* срокъ службы въ „низамѣ“ (дѣйств. войскахъ) 5-тилѣтній, а въ „редифѣ“ (резервѣ)—7-милѣтній, между тѣмъ какъ для нашего низама предполагается 7-милѣтній, а нашего редифа—8-милѣтній сроки. Если европейскіе офицеры, которые устраивали турецкую военную реформу, сочли достаточнымъ 5 лѣтъ для полнаго обученія военному дѣлу турка, татарина и араба, то непонятно, почему же русскаго необходимо держать подъ знаменами 7 лѣтъ.

Отслуживъ эти 7 лѣтъ, нашъ гражданинъ, имѣя 28 лѣтъ отъ роду, поступитъ въ запасъ на 8 лѣтъ. Будетъ ли хоть въ продолженіи этого новаго, долгаго срока предоставлена ему возможность заняться профессіею, торговлею, обезпеченіемъ себѣ средствъ къ жизни, можетъ ли онъ даже вступить въ бракъ, не подвергая опасности своей будущей семьи? Въ инструкціяхъ, правда, сказано, что состоящіе въ запасѣ будутъ призываемы только „въ случаѣ войны“. Но значитъ ли это, что состоящіе въ запасѣ, т.-е. всѣ выслужившіе 7-милѣтній срокъ подъ знаменами,—будутъ призываемы только тогда, *когда уже объявлена война*, или-же что они могутъ быть призываемы какъ только представится возможность или вѣроятность войны, какъ нынѣ призываются отпускные? Судя по общему смыслу реформы въ томъ видѣ, какъ она опредѣляется инструкціями, слѣдуетъ думать, что состоящіе въ запасѣ будутъ призываемы, всѣ или частію, всякій разъ, какъ только признается необходимою общая или частная

мобилизація. А это далеко не все равно, что призывъ за послѣдовавшимъ уже объявленіемъ войны. Мобилизація, какъ извѣстно, производится иногда только съ цѣлью поддержать какой либо значительный шагъ дипломатіи.

Нельзя не пожалѣть, что въ инструкціяхъ это не выражено яснѣе. Въ нихъ даже не сказано, какою властью могутъ быть призываемы вновь подъ знамена люди, состоящіе въ запасѣ. Будетъ ли необходимо для этого испрашивать каждый разъ, и какъ-бы ограниченъ ни былъ такой призывъ въ своихъ размѣрахъ—высочайшее повелѣніе, или для этого достаточно будетъ приказа начальника главнаго штаба военнаго министерства, какъ для призыва временно-отпускныхъ? Опредѣлить это точнѣе въ инструкціяхъ было совершенно необходимо. Если гражданинъ до 36-ти лѣтъ будетъ при каждомъ тревожномъ политическомъ извѣстіи ожидать, что его призовутъ снова къ ружью, то вѣдь это значило бы, что для четверти всего населенія имперіи прочное устройство своей судьбы начиналось бы только *подъ сорокъ лѣтъ*; только подъ сорокъ лѣтъ можно будетъ вступить въ бракъ; а понятно, какъ послѣднее обстоятельство можетъ подѣйствовать на ростъ населенія въ Россіи.

Необходимость охранить въ странѣ силы образовательныя признается инструкціями только въ смыслѣ „облегченія образованнымъ классамъ отбыванія воинской повинности". Но это облегченіе предполагается единственно въ предоставленіи образованнымъ молодымъ людямъ права „поступать на службу вольно-опредѣляющимися, начиная съ 17-тилѣтняго возраста, *на сокращенныхъ срокахъ*". Итакъ, вотъ— институтъ вольно-опредѣляющихся, какъ въ Пруссіи, съ тою существенною разницею, что въ Пруссіи срокъ ихъ службы подъ знаменами положенъ въ *одинъ годъ*, а у насъ предполагаются для нихъ сроки „сокращенные" сравнительно съ *семилѣтнимъ*. Это одно изъ предположеній инструкціи, которому надо желать полнаго пересмотра. Для сохраненія силъ высшаго и средняго образованія въ Россіи нужно не сокращеніе 7-милѣтняго срока, а изъятіе.

Замѣтимъ, что о народныхъ учителяхъ въ инструкціяхъ не сказано ничего. Въ Пруссіи, гдѣ образованныхъ народныхъ учителей гораздо болѣе 30-ти тысячъ, признано возможнымъ не обязывать ихъ дѣйствительною службою въ войскахъ болѣе *6-ти мѣсяцевъ*. У насъ же, гдѣ число ихъ ничтожно, а потребность въ нихъ—одна изъ главныхъ государственныхъ потребностей — въ пользу народныхъ учителей необходимо должно быть допущено полное *изъятіе*. Умолчаніе объ этомъ въ инструкціяхъ тѣмъ необъяснимѣе, что высочайше утвержденнымъ 26-го прошлаго ноября мнѣніемъ государственнаго совѣта, народные учители, выдержавшіе экзаменъ, освобождаются отъ воинской повинности. Или умолчаніе именно и произошло оттого, что такой законъ уже

существуетъ? Но вѣдь инструкціи обнимаютъ всѣ стороны такой реформы, которая производитъ многочисленныя и важныя измѣненія въ существующихъ законахъ. Предполагается ли сообразоваться съ закономъ 26-го ноября, или отмѣнить его? Въ § 4 инструкцій положительно сказано, что отъ призыва на службу изъемлются только физически-неспособные". „Всѣ же остальные подростки", — говорится тамъ далѣе—„должны пройти чрезъ жребій". Но вѣдь молодые люди изъ учительскихъ семинарій въ огромномъ большинствѣ будутъ „подростки" недостигшіе 21-го года. Итакъ, полагается ли сохранить въ ихъ пользу изъятіе только что установленное закономъ, или отмѣнить этотъ законъ?

Замѣтимъ, что облегченіе, предположенное инструкціями въ пользу „образованныхъ классовъ" (?), сокращая для нихъ съ одной стороны срокъ службы подъ знаменами, въ тоже время для многихъ изъ образованныхъ молодыхъ людей *увеличиваетъ* полный срокъ службы до девятнадцати лѣтъ состоянія подъ знаменами и въ запасѣ. Въ самомъ дѣлѣ, 17-тилѣтнему юношѣ, при опредѣленныхъ условіяхъ образованія предоставляется § 9-мъ инструкцій,—вступить въ службу вольноопредѣляющимся. Но затѣмъ § 11-й прямо и совершенно опредѣлительно говоритъ, что „вольноопредѣляющіеся, перечисленные въ запасъ, какъ нижними чинами, такъ и офицерскимъ званіемъ, состоятъ въ запасѣ до 36-тилѣтняго возраста". Итакъ, „облегченіе" для образованнаго 17-тилѣтняго юноши, поступившаго вольноопредѣляющимся, будетъ состоять, между прочимъ, и въ томъ, что полный срокъ его службы будетъ не съ 21-го до 36-ти лѣтъ, а съ 17-ти до 36-ти лѣтъ, то-есть вмѣсто 15-ти лѣтъ — *девятнадцать?*

Представляя всѣ эти замѣчанія, которыя сводятся къ тому, чтобы пожелать переобсужденія многихъ изъ существеннѣйшихъ предположеній, вошедшихъ въ инструкціи, мы побуждаемся заботою, какъ объ осуществимости самой реформы на дѣлѣ, такъ и заботою объ охранѣ органическихъ: рабочихъ и образовательныхъ силъ страны. Военное министерство объявило о своемъ намѣреніи призывать въ засѣданіе своей коммиссіи лица всѣхъ сословій, и самое обнародованіе его предположеній, очевидно, сдѣлано съ цѣлью воспользоваться всесторонними отзывами. Въ словахъ, которыми самъ военный министръ открылъ коммиссіи, оговоренъ полный просторъ разработки ими данныхъ имъ основаній или инструкцій; нельзя не видѣть нѣкоторой поправки къ этимъ инструкціямъ въ выраженной генераломъ Милютинымъ надеждѣ, что будетъ избранъ такой срокъ военной службы, который, удовлетворяя образованію хорошей арміи, не будетъ отрывать напрасно отъ обычныхъ занятій массы изъ образованныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и сельскихъ классовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что семилѣтній срокъ никакъ не удовлетворяетъ такому сохраненію силъ страны.

Что же касается специальной цѣли — создать хорошую армію, то мы знаемъ изъ указаній опыта только одно, а именно, что лучшая въ настоящее время въ Европѣ армія создана срокомъ трехлѣтнимъ, а не-семилѣтнимъ.

Post-scriptum. Мы уже заключили нашу хронику, когда въ № 22 „Спб. Вѣд." появился слѣдующій слухъ: „Говорятъ, что проектъ о реальныхъ гимназіяхъ, выработанный еще въ прошломъ году особою коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника А. С. Воронова, принятъ и одобренъ, наконецъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія, и ему будетъ дано официальное движеніе. Къ этому прибавляютъ, что г. Катковъ нарочно пріѣзжалъ въ Петербургъ и представилъ въ министерство особую записку, съ цѣлью затормазить дѣло реальныхъ гимназій, но, къ счастію, его записка не была принята въ уваженіе и оставлена безъ послѣдствій". Въ прежнія времена, и весьма недавнія, подобные проекты предварительно публиковались; нынѣ одинъ г. Катковъ былъ поставленъ въ возможность подать „особую записку"; правда, говорятъ, что его записка не затормозила дѣло реальныхъ гимназій, но г. Катковъ — не единственный тормазъ, и для общества, озабоченнаго судьбою своихъ дѣтей, остается вопросъ громадной важности: приняла-ли та коммиссія, при составленіи проекта, въ соображеніе просьбы факультетовъ и земства о доставленіи права воспитанникамъ реальныхъ гимназій поступать въ университеты, какъ то теперь сдѣлано въ Пруссіи, и о чемъ мы говорили въ началѣ хроники? Наконецъ, если коммиссія приняла, то пропустило-ли то министерства? Еще болѣе общество можетъ быть озабочено мыслью: какомъ образомъ люди, обнаружившіе столько искусства въ нанесеніи вреда реальнымъ гимназіямъ, теперь окажутъ искусство въ ихъ устройствѣ? И не идетъ-ли все дѣло объ учрежденіи ремесленныхъ училищъ, которыя намъ будутъ отрекомендованы какъ реальныя?

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го февраля, 1871.

Четыре мѣсяца войны республики съ Германіею. — Общій ея характеръ. — Начало защиты Парижа и военныя дѣйствія на Луарѣ въ сентябрѣ.—Военное министерство Гамбетты и движеніе армій въ октябрѣ до сдачи Метца. — Походъ Орелля въ ноябрѣ до битвы при Бонъ-Роландѣ и большая вылазка изъ Парижа.— Дѣйствія Шанзи и Федэрба въ декабрѣ.—Бомбардировка Парижа и фантастическій планъ Бурбаки. — Послѣдняя вылазка 19-го января, и катастрофа.

Въ субботу, 16 (28) января, 11 ч. 25 минутъ вечера, Жюль Фавръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, отправилъ делегаціи правительства въ Бордо слѣдующую депешу: „Мы подписали сегодня договоръ съ графомъ Бисмаркомъ: заключено перемиріе на 21 день; въ Бордо будетъ созвано національное собраніе на 3 (15) февраля. Сообщите объ этомъ Франціи; распорядитесь объ исполненіи перемирія и созовите избирателей на 8-е февраля (27 января)“. Въ тотъ же день изъ Версаля сообщали въ Берлинъ условія капитуляціи Парижа: линейныя войска и мобили сдаются военно-плѣнными, но остаются въ Парижѣ; нѣмцы занимаютъ форты; Парижъ остается обложеннымъ, но подвозъ провіанта разрѣшенъ, какъ только будетъ сдано оружіе и т. д. Конецъ ли это войны, или перемиріе останется только перемиріемъ—все это предстоитъ рѣшить будущему національному собранію. Мы, съ своей стороны, воспользуемся перемиріемъ, чтобы бросить общій взглядъ на весь ходъ войны отъ Седанскаго плѣна и до капитуляціи Парижа.

Республика вела войну гораздо энергичнѣе имперіи и вдвое дольше. Оставшись почти совсѣмъ безъ регулярныхъ войскъ, за исключеніемъ 150-ти т. бывшихъ съ Базеномъ въ Мецѣ, имѣя для организаціи новыхъ силъ только тѣ слабые кадры, какіе представлялись остатками, приведенными генераломъ Винуа назадъ въ Парижъ, послѣ паденія Седана, небольшими гарнизонами сѣверныхъ крѣпостей и нѣсколькими полками вновь вызванными изъ Алжиріи, республиканское правительство въ теченіи трехъ мѣсяцевъ создало четыре большія арміи, выста-

вило войска гораздо болѣе, чѣмъ сколько успѣла собрать его имперія. Но для общаго руководства такимъ спеціальнымъ дѣломъ, какъ техника войны, необходимъ былъ талантливый спеціалистъ, хорошій генералъ. Система Наполеона III, система фаворитизма неспособностей, не поставила на видное мѣсто ни одного талантливаго военнаго человѣка. Единственные, оказавшіеся годными, были Орелль и Трошю, оба находившіеся въ немилости. Школа африканскихъ войскъ создавала только призрачныя военныя репутаціи. Самъ Макъ-Магонъ былъ только храбрый отрядный генералъ. Штыки зуавовъ сдѣлали его дѣло на Малаховомъ курганѣ, а при Маджентѣ, которая принесла ему герцогскій титулъ, вся его заслуга состояла въ томъ, что онъ пришелъ во время, — заслуга Десе и Келлермана при Маренго, вѣчно-битаго Блюхера при Ватерло, и принца Фридриха-Карла въ битвѣ при Бонла-Роландѣ, когда Орелль уже разбилъ часть арміи герцога Мекленбургскаго, стоявшую противъ французовъ, и вдругъ показались колонны 3-го корпуса, подъ предводительствомъ Фридриха-Карла, и побѣда, уже добытая шестичасовымъ боемъ, вдругъ перешла противъ Орелля, какъ нѣкогда противъ Меласа, а потомъ противъ Наполеона. Такіе генералы, какъ Мак-Магонъ, всегда будутъ во всякой большой арміи, видавшей кампаніи. Генералы Орелль, Шанзи и Федэрбъ никакъ не хуже черезчуръ прославленнаго Мак-Магона, и какъ видно изъ ихъ самостоятельныхъ дѣйствій, умнѣе его.

Но не такой человѣкъ былъ нуженъ Франціи. Ей былъ нуженъ мыслящій, ученый, хладнокровный, но рѣшительный полководецъ въ родѣ Мо́льтке, и притомъ ей нужно было, чтобы онъ стоялъ уже на замѣтномъ мѣстѣ, такъ что къ нему обратились бы не на угадъ, и не съ сомнѣніемъ, а съ довѣріемъ, основанномъ на дѣйствительныхъ заслугахъ,—не при дворѣ, и не на улицахъ Парижа въ памятную декабрьскую ночь, а на поляхъ битвы. Таковъ былъ Ніель. Имя Ніеля соединено со всѣми военными успѣхами Франціи съ сороковыхъ годовъ. Геніальный инженеръ и хладнокровный стратегикъ, умѣвшій всегда выбирать себѣ цѣлью главный пунктъ силы непріятели, онъ своими работами оказалъ наибольшую услугу при взятіи Константины, при взятіи Рима, онъ, въ дѣйствительности лично онъ былъ авторомъ единственныхъ успѣховъ восточной войны, и именно, какъ взятія Бомарзунда, такъ и взятія Севастополя. Онъ же, несмотря на всѣ сдѣланныя неспособнымъ Наполеономъ ошибки, выигралъ рѣшительное дѣло при Сольферино. Вотъ человѣкъ, который могъ бы стать противъ Мольтке. Найти такого человѣка было не трудно, пока былъ живъ Ніель. Онъ былъ—маршалъ Франціи. Но генераломъ онъ былъ еще до второй имперіи, и маршальскій жезлъ свой поднялъ не на окровавленныхъ улицахъ Парижа, какъ Сент-Арно́, Маньянъ и другіе. Пелисье и Мак-Магонъ прославились какъ нынѣ прославились

прусскіе принцы, потому что за ними стоитъ Мольтке; за тѣми стоялъ Ніель.

Такого человѣка не было. Школа второй имперіи не обучила, не создала такихъ людей; она создала Лебёфа. Главнокомандующимъ въ Парижѣ былъ Трошю, военный писатель, генералъ не боевой, а литературный; но во всякомъ случаѣ умный человѣкъ. Главнокомандующимъ во Франціи, внѣ Парижа, въ дѣйствительности былъ Гамбетта, энергическій волонтеръ, по спеціальности юристъ. Конечно, и Гамбетта былъ лучше, чѣмъ никто, лучше чѣмъ храбрѣйшій изъ оставшихся фаворитовъ второй имперіи — Бурбаки. Надо удивляться энергіи Гамбетты и его замѣчательному политическому таланту. Этотъ человѣкъ руководилъ образованіемъ всѣхъ армій, всюду являлся самъ, рѣшалъ вопросъ о планѣ кампаніи, велъ общую организацію защиты такъ хорошо, какъ только могъ весть такое дѣло не спеціалистъ, который думаетъ, что все дѣло въ томъ, чтобы набрать побольше людей, дать имъ въ руки оружіе и поставить ихъ гдѣ бы то ни было. Но и тѣ усилія, какія онъ сдѣлалъ, коллоссальны въ сравненіи съ ничтожествомъ, выказаннымъ второю имперіею. Откуда онъ досталъ сотни пушекъ, сотни тысячъ ружей, сотни тысячъ людей, милліоны денегъ? Страна слала ему людей и деньги, страна несла на себѣ Гамбетту; это такъ. Но странѣ нуженъ былъ дѣятельный, неутомимый агентъ для организаціи обороны—и такой агентъ былъ Гамбетта. Примирились всѣ партіи; даже въ Ліонѣ и Марсели затихли и прекратились безпорядки. Бретонскіе мобили, крестясь, становились въ дружный рядъ съ фабричными вольнодумцами. Папскіе зуавы, призывая на себя благословеніе непогрѣшимаго первосвященника, прикрывали собою новобранцевъ изъ отъявленныхъ марсельскихъ соціалистовъ, призванныхъ на Луару. Мало того, все древнее легитимистское дворянство Бретани и Туррени стало въ ряды республиканской арміи. Въ рядахъ ея солдатъ стояли новобранцами герцоги Люинъ и Ларошфуко. Люинъ убитъ, и много убито на Луарѣ графовъ и виконтовъ, изъ фамилій, которыя около семи десятковъ лѣтъ не принимали участія ни въ чемъ, что происходило во Франціи. Бурбаки и Гамбетта, Шареттъ и Гарибальди, — что за удивительный аккордъ въ этой плачевной, но мѣстами героической симфоніи!

А главнокомандующаго все-таки не было. Бросимъ краткій взглядъ на веденіе войны республикою. Трошю и Доріанъ — вотъ защитники Парижа. Остается пока еще сомнительнымъ, не принадлежала ли въ организаціи этой защиты главная роль именно Доріану, а не Трошю. Призвали флотъ и съ флота взяли тяжелыя орудія, которыми вооружили Парижъ. Вся новая, многочисленная артиллерія отлита была Доріаномъ во время осады. Усилены были южные верки, укрѣплена защита на востокѣ; указанія были Трошю, исполненіе принадлежало

отчасти Доріану. Въ числѣ осадныхъ орудій были такія, которыя били на 8300 метровъ, то-есть около 8-ми верстъ, но вооруженіе вновь такой огромной оборонительной линіи было не легко, и въ самомъ дѣлѣ, оно оказалось весьма неравномѣрнымъ и мѣстами недостаточнымъ. Для успѣшнаго производства стрѣльбы взята была у флота опытная артиллерійская прислуга. Наконецъ, парижскій гарнизонъ былъ даже подкрѣпленъ отчасти морскими солдатами. Но кромѣ позаимствованія этихъ средствъ и пріобрѣтенія оружія, Франція не воспользовалось окружающимъ ее моремъ, владѣніе которымъ могло представить ей еще многія преимущества въ самомъ веденіи войны.

Осада Парижа началась 8-го (20-го) сентября. Нѣтъ основанія видѣть въ этой осадѣ особой заслуги генерала Мольтке. Онъ двинулся на Парижъ послѣ Седана потому собственно, что не предвидѣлъ необыкновенной энергіи, какую проявилъ французскій народъ. Послѣ Седана, французское дѣло казалось уже совершенно проиграннымъ; Метцъ былъ обложенъ, и еслибы Базенъ пробился, то противъ его 150-ти т. чел. достаточны были 200 т. чел. арміи Фридриха-Карла. А больше ничего, казалось, во Франціи и не было. О долговременной защитѣ парижскихъ фортовъ, когда тамъ не было арміи, когда было извѣстно, что форты плохо вооружены, да и построены въ такія времена, когда артиллерія была несравненно слабѣе въ своемъ дѣйствіи, чѣмъ теперь, казалось нечего и думать. Еще менѣе можно было ожидать, что избалованное населеніе въ $2^1/_2$ милліона душъ согласится питаться кониной и хлѣбомъ въ теченіи четырехъ мѣсяцовъ, и не произведетъ въ самомъ началѣ междоусобной борьбы, еще прежде, чѣмъ драться съ непріятелемъ. Походъ подъ Парижъ казался прогулкою. А между тѣмъ взятіе его представлялось, и не безъ основанія, настоящимъ обезглавленіемъ Франціи. Еслибы Мольтке предвидѣлъ, что осада Парижа потребуетъ четырехъ мѣсяцовъ, страшныхъ жертвъ, второго призыва ландвера и вмѣстѣ дастъ возможность новымъ арміямъ сформироваться на западѣ, сѣверѣ и востокѣ Франціи, то онъ, разумѣется, не пошелъ бы на Парижъ, а прошелся бы тремя арміями по всей Франціи, уничтожилъ вездѣ возможность военныхъ сборовъ и, затѣмъ, сопротивленіе Парижа уже не имѣло бы цѣли, потому что не откуда было бы ему ждать помощи. Это была ошибка, но ошибка свойственная военному человѣку. Самъ Наполеонъ I, полководецъ достаточно предусмотрительный, никогда не разсчитывалъ на народныя движенія и никогда не умѣлъ ихъ предвидѣть.

Въ концѣ сентября, когда пали Страсбургъ и Туль, дѣйствія германскихъ армій распредѣлены были такъ: главная армія, подъ начальствомъ короля и наслѣднаго принца, окончательно обложила Парижъ. Арміи принца Фридриха-Карла было поручено взятіе Метца, а

изъ войскъ, освободившихся отъ осады Страсбурга, была составлена армія генерала Вердера, которой назначеніемъ было дѣйствовать противъ юга Франціи, чрезъ Дижонъ и Ліонъ. Между тѣмъ, въ Туръ прибыла делегація правительства народной обороны, еще безъ Гамбетты, и принялась прежде всего за образованіе арміи на Луарѣ. Набравъ на-скоро около 60-ти т. человѣкъ, со слабою артиллеріею, делегаты ввѣрили начальство надъ ними генералу Ла-Мотружу. Но Мольтке тоже не терялъ времени и тотчасъ направилъ къ Орлеану, для уничтоженія этихъ зачатковъ обороны на Луарѣ, 1-й баварскій корпусъ, подъ начальствомъ генерала фон-дер-Танна, славнаго и популярнаго въ Германіи, по своему участію въ качествѣ волонтера и въ чинѣ майора въ первой голштинской войнѣ. Баварскіе корпуса представляютъ численность только въ 30 т. чел. каждый. Поэтому, Танну была придана одна прусская дивизія и достаточное число кавалеріи. 10-го октября Таннъ разбилъ авангардъ французовъ, подъ начальствомъ Рейана, а 11-го разбилъ и самого Ла-Мотружа, заставивъ его отступить за Луару, по направлерію къ Буржу.

Вотъ въ эту-то критическую минуту вылетѣлъ изъ Парижа, надъ выстрѣлами, Гамбетта и прибылъ въ Туръ съ авторитетомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Къ этому авторитету онъ тотчасъ присоединилъ авторитетъ военнаго министра делегаціи, когда адмиралъ Фуррищонъ отказался отъ этого званія. Командующимъ луарскою арміею былъ назначенъ генералъ Орелль де-Паладинъ. Орелль занялся серьезно подготовкою своей арміи, и надо отдать ему справедливость, что его армія оказалась впослѣдствіи единственною стойкою изъ всѣхъ французскихъ армій въ теченіи настоящей войны. Къ этому времени поспѣли на Луару вызванные старослуживые солдаты, изъ которыхъ и были сформированы кадры, папскіе зуавы подъ начальствомъ Шаретта; за преступленіе противъ дисциплины Орелль казнилъ, за бѣгство въ виду непріятеля онъ также казнилъ; онъ перестрѣлялъ довольно своихъ солдатъ прежде, чѣмъ повелъ ихъ впередъ. Гамбетта, неизвѣстно откуда, досталъ ему артиллерію, такъ что къ ноябрю у Орелля было 120 т. порядочнаго войска, съ 400-ми орудіями.

Извѣстно, что движеніе этой арміи на Парижъ вызвало большое безпокойство въ главной квартирѣ въ Версали. Извѣстно также, что армію эту опрокинулъ только Фридрихъ-Карлъ, форсированными маршами прибывшій изъ-подъ Метца съ тремя корпусами. Ясно, что еслибы онъ не имѣлъ возможности прибыть къ этому сроку, т.-е. еслибы Базенъ не сдался, то осада Парижа была бы подвергнута большой опасности приближеніемъ Орелля, который дѣйствовалъ по предварительному соглашенію съ Трошю, и въ увѣренности успѣха своей аттаки вмѣстѣ съ вылазкою тысячъ 150-ти чел. изъ Парижа,—велъ съ собою цѣлые обозы провіанта для снабженія столицы.

Даже Фридрихъ-Карлъ съ тремя корпусами, которые были подкрѣплены изъ Версаля, могъ оттѣснить Орелля къ Орлеану только послѣ десятка сраженій. Что же могло быть, еслибы Базенъ продержался еще полмѣсяца?

Скажутъ, дни его были сочтены, и были сочтены такимъ вѣрнымъ счетчикомъ, какъ Мольтке; онъ зналъ впередъ, что Базенъ сдастся 27-го октября, и Базенъ сдался 27-го октября. Съ Базеномъ, конечно, можно было день въ день знать срокъ, потому что срокъ могъ быть условленъ. Но какъ можно было оставлять все это время, до 9-го ноября включительно, противъ 120-ти тысячной арміи Орелля—одного Танна, съ 25-ю тысячами человѣкъ? Ясно, что Мольтке ошибался насчетъ силъ луарской арміи и не предвидѣлъ возможности ея движенія на Парижъ. Слѣдствіемъ того было, что нѣкоторое время, такъ сказать, на волоскѣ висѣла вѣроятность перерыва въ осадѣ Парижа. 9-го ноября, Орелль перешолъ Луару ниже Орлеана и 10-го оттѣснилъ Танна. Тогда только Мольтке на-скоро подкрѣпилъ его корпусомъ герцога Мекленбургскаго. Между тѣмъ, Орелль двинулся прямо на сѣверъ, для соединенія съ бретонскою арміею, которая была организована Кератри. Здѣсь Орелль, неизвѣстно почему, потерялъ дней десять, и далъ время одному изъ корпусовъ Фридриха-Карла прибыть 19-го ноября въ Этампъ и войти въ сообщеніе съ герцогомъ Мекленбургскимъ. Тогда Орелль двинулся прямо на востокъ, къ Фонтебло, но такъ какъ Фридрихъ-Карлъ, герцогъ Мекленбургскій и фон-дер-Таннъ стали между нимъ и Парижемъ, то онъ взялъ южнѣе, думая обойти ихъ лѣвое крыло, на востокъ, и ударить затѣмъ не на Версаль, а на юго-востокъ Парижа, на войска наслѣднаго Саксонскаго принца.

Вслѣдствіе того, условлено было между Ореллемъ и Трошю, что парижскій гарнизонъ, одновременно съ движеніемъ луарской арміи на востокъ, сдѣлаетъ сильную вылазку изъ Парижа тоже на востокъ и юго-востокъ. Между тѣмъ Фридрихъ-Карлъ стоялъ самъ тамъ, гдѣ его поставилъ Мольтке, котораго главное правило, что всѣ отдѣльныя арміи должны обращаться около одного, главнаго центра, не допускать ничего между собою и этимъ центромъ и не отдѣлять себя отъ этого центра, заходя за какой-либо непріятельскій отрядъ. Главная квартира Фридриха-Карла была въ Питивье и линія его войскъ, вмѣстѣ съ войсками герцога Мекленбургскаго простиралась отъ Шартра до Бон-ла-Роланда (на юго-востокъ отъ Фонтенбло). Фридриху-Карлу поручено было отрѣзать Орелля отъ Луары, т.-е. дѣйствовать въ тылъ его. Между тѣмъ, Орелль смѣлымъ движеніемъ на крайнее лѣвое крыло нѣмцовъ, именно на 10-й корпусъ, поставленный въ Бон-ла-Роландѣ, смялъ его и пробился бы къ Фонтенбло, еслибы Фридрихъ-Карлъ не хватился во-время и не подоспѣлъ на помощь. Появленіе

его парализировало наступленіе Орелля, но за то о предположенномъ Мольтке и порученномъ Фридриху-Карлу дѣйствіи — отрѣзать Орелля отъ Луары уже не могло быть рѣчи. Напротивъ, самъ Фридрихъ-Карлъ быстро сталъ стягивать свои войска, въ томъ числѣ и корпусъ герцога Мекленбургскаго отъ Луары и отъ Шартра къ себѣ назадъ. Но между тѣмъ два корпуса луарской арміи сбили Танна съ его позиціи въ Патэ, вблизи Луары. Такимъ образомъ путь Ореллю остался свободенъ , но путь—къ Луарѣ, то-есть путь отступленія.

Сраженіе при Бон-ла-Роландѣ было 28-го ноября. Согласно условію, на другой день изъ Парижа была сдѣланна сильная вылазка въ двухъ направленіяхъ: на юго-востокъ, къ л'Э и Шуази (Винуа) и прямо на востокъ на Виллльеръ, Бри и Шампиньи (Дюкро). Движеніе Дюкро не удалось 29-го, по причинѣ разлива Марны или по той причинѣ, что у этого генерала всегда встрѣчались помѣхи, и въ настоящемъ случаѣ оказались слишкомъ короткими понтоны. Но 30-го оно было повторено съ успѣхомъ. Битвы 30-го ноября и въ особенности 2-го декабря, были страшно кровопролитны. Но 3-го декабря, Орелль уже началъ отступленіе и вылазка изъ Парижа оказывалась безцѣльною. Единственнымъ прочнымъ результатомъ ея, если не считать страшной потери (до 8,000), понесенной саксонцами 2-го декабря подъ огнемъ фортовъ, было укрѣпленіе Монт-Аврона, который потомъ былъ сданъ постыдной оплошностію (французы не замѣтили батарей, которыя были возведены нѣмцами подъ прикрытіемъ рощи и взяли Монт-Авронъ своимъ огнемъ во флангъ).

Мы остановились дольше на этомъ эпизодѣ войны потому, что онъ былъ самый серьезный. Въ немъ одномъ представилась Франціи, вслѣдствіе энергіи Гамбетты и нѣкоторой оплошности Мольтке, возможность подать помощь Парижу. Остальной ходъ войны продолжалъ свидѣтельствовать о готовности французской націи къ самопожертвованіямъ, и о необыкновенныхъ трудахъ провинціальнаго диктатора, но уже не обѣщалъ успѣха. Оттѣсненный къ Орлеану цѣлымъ рядомъ битвъ, Орелль выказывалъ большую стойкость, но не выказывалъ ни таланта, ни распорядительности. Такимъ образомъ, корпуса его, хотя отступали въ порядкѣ, т.-е. не бѣжали и не теряли орудій, но пришли въ разъединеніе, такъ что Орлеанъ, хотя и укрѣпленный батареями, но оставленный съ небольшимъ отрядомъ, былъ взятъ пруссаками, а луарская армія раздѣлилась на двѣ части: одна перешла Луару и направилась къ югу на Буржъ (Бурбаки), другая отступала на сѣверозападъ отъ Луары, на Мёнъ. Ею командуетъ Шанзи, замѣнившій Орелля.

Шанзи сперва отступалъ медленно, и отбивался съ большой энергіею отъ герцога Мекленбургскаго. А между тѣмъ, многочисленныя толпы мобилей направились въ арріергардъ его, въ Ле-Манъ и попол-

няли собою потери луарской арміи. Но самое это пополненіе совершенно измѣнило характеръ этой арміи. Изъ порядочно обученной, стойкой, она обращалась въ массу съ нестройными частями. Въ нѣкоторыхъ частяхъ ея всѣ солдаты были новобранцы, небывавшіе въ огнѣ, не умѣвшіе стрѣлять.

И вотъ, хотя Шанзи былъ лучшій изъ генераловъ Орелля, онъ съ этою новою арміею не могъ сдѣлать уже ничего, не могъ даже отступать въ порядкѣ. Тѣ части, которыя уцѣлѣли отъ арміи Орелля, вели себя и далѣе хорошо, но части вновь сформированныя оказывались совершенно негодными. Вотъ почему Шанзи, хотя и терялъ очень мало пушекъ, прикрывая батареи надежными отрядами, терялъ въ каждомъ плѣнными по нѣскольку тысячъ человѣкъ. Такъ съ 6-го января, когда принцъ Фридрихъ-Карлъ, вслѣдствіе сумасброднаго движенія Бурбаки изъ Буржа на востокъ, возобновилъ серьезныя дѣйствія противъ Шанзи въ окрестностяхъ Вандома, и по 12-ое января, когда онъ нанесъ Шанзи рѣшительное пораженіе при Ле-Манѣ, прогнавъ, такимъ образомъ, непріятеля въ теченіи 6-ти дней на 100 верстъ,—Шанзи лишился 14 пушекъ, и до 30 т. человѣкъ., изъ которыхъ болѣе 20 т. чел. плѣнными. Нѣмцы въ этихъ сраженіяхъ лишились около 4000 человѣкъ.

По сдачѣ Ле-Мана самъ Шанзи, признавая свое пораженіе, говорилъ о „непонятной паникѣ" и „постыдномъ поведеніи" нѣкоторыхъ частей. Разбивъ Шанзи, нѣмцы овладѣли значительными запасами оружія (въ лагерѣ Конли), и захватили 4 локомотива, 400 вагоновъ, наполненныхъ провіантомъ и 1000 нагруженныхъ судовъ. Чтобы предупредить подкрѣпленіе Шанзи изъ Шербурга, нѣмцы заняли Алансонъ. О Шанзи послѣ взятія Ле-Мана стало неслышно, какъ будто его армія совершенно разсѣялась. Главная квартира его была въ Лавалѣ, потомъ въ Майеннѣ. Для достиженія такихъ блестящихъ успѣховъ, Фридриху-Карлу не потребовалось даже брать подкрѣпленій изъ арміи осаждающей Парижъ. Только корпусъ Танна, который съ 30-ти тысячъ человѣкъ уменьшился до 6-ти т. человѣкъ, былъ замѣненъ свѣжими войсками, а самъ включенъ въ осадную армію.

Не надо забывать, что къ началу января, когда германскій главнокомандующій сталъ вдругъ дѣйствовать рѣшительнѣе всѣми фигурами на своей шахматной доскѣ, когда онъ началъ и бомбардированіе Парижа, и энергическое преслѣдованіе Шанзи на западѣ, а Федэрба на сѣверѣ, когда, наконецъ, онъ образовалъ новую армію на востокѣ, подъ именемъ „южной" и подъ начальствомъ Мантейфеля, призваннаго съ сѣвера Франціи,—не надо забывать, что къ этому времени Мольтке вытребовалъ изъ Германіи подкрѣпленіе около 200 т. чел. Говорятъ — Германія не можетъ уже выставить болѣе. Но того, что она выставила вновь, оказалось пока совершенно достаточно.

Итакъ, хотя нелѣпое движеніе Бурбаки на востокъ Франціи изъ Буржа, дѣйствительно, развязало руки Фридриху-Карлу, измѣнило весь планъ обороны Франціи и совершенно спутало всѣ ходы, но не слѣдуетъ однако думать, что причиною внезапно усиленныхъ съ самаго начала января дѣйствій Мольтке, на всемъ ихъ кругѣ, было только одно движеніе Бурбаки. Мольтке не могъ бы отдѣлять отъ центра (т.-е. отъ Парижа) цѣлый померанскій корпусъ Франсецкаго на помощь Вердеру, и саксонскую кавалерійскую дивизію Липпе въ помощь Гёбену, противъ Федэрба, еслибы не вытребовалъ предварительно, въ замѣнъ ихъ, достаточное число войскъ изъ Германіи. Часть ихъ примкнула къ центру, т.-е. къ арміи осаждающей Парижъ, а часть направилась прямо на востокъ, гдѣ въ настоящее время силы Вердера, Цастрова и Мантейфеля составляютъ до 150-ти т. чел.

Прежде, чѣмъ слѣдить за Бурбаки, обратимся на сѣверъ. Генералъ Федэрбъ, хотя и сообщалъ нѣсколько разъ о такихъ побѣдахъ, послѣ которыхъ самъ поспѣшно отступалъ, но иногда успѣхи его оказывались и правдою. Главная же его заслуга та, что разъ остановившись на условленномъ съ Гамбеттою и Трошю планѣ,—онъ постоянно держался его, не мѣняя предположеній, какъ Орелль, и не сбивая всего хода дѣла, какъ Бурбаки. Федэрбъ стоялъ сперва у Амьена, но 27-го ноября былъ разбитъ при Вилльеръ-Бретонне и долженъ былъ очистить Амьенъ. Тогда онъ отступилъ къ сѣверу, на Дулланъ, и оперся на сѣверо-восточный четвероугольникъ крѣпостей: Камбре́, Валансьеннъ, Дуэ и Аррасъ. Подъ защитою этого четвероугольника, Федэрбъ вновь организовалъ свою армію, и самъ перешолъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. При Пон-Ноаелль, 23-го декабря, онъ потерпѣлъ новую неудачу, и опять скрылся въ четвереугольникъ. Но уже черезъ десять дней онъ явился оттуда на юго-западъ, по направленію къ Парижу и далъ 3-го января сраженіе при Бапомѣ. Это сраженіе было очень значительное, и хотя нѣмцы упорно приписывали себѣ побѣду, но фактъ былъ тотъ, что Федэрбъ, послѣ этой битвы, занялъ Бапомъ. Узнавъ о движеніи непріятеля въ обходъ своего лѣваго крыла, и по направленію къ Камбре, Федэрбъ, боясь болѣе всего быть отрѣзаннымъ отъ своей надежной опоры, снова отступилъ въ четвероугольникъ.

Между тѣмъ фланговое движеніе, сдѣланное по распоряженію Мантёйфеля, было только хитростью. Онъ выслалъ въ обходъ многочисленную кавалерію, а между тѣмъ главныя его силы, подъ начальствомъ Гёбена, послѣ битвы при Бапомѣ, отступили далеко на югъ, а именно перешли на лѣвый берегъ Соммы. Это движеніе, очевидно, означало, что послѣ битвы при Бапомѣ Мантёйфель и не думалъ нападать на Федерба, а ограничился тѣмъ, чтобы преградить ему путь къ Парижу, и для этого поставилъ Гёбена на крѣпкія позиціи, прикрытыя рѣкою Соммою. Стало быть, хотя Федэрбъ, въ сущности, ничего не выигралъ

дѣломъ при Бапомѣ, потому что не пошелъ далѣе впередъ, но дѣло это было для него скорѣе побѣдою, чѣмъ пораженіемъ.

Какъ бы то ни было, отступивъ снова въ свой четвероугольникъ, Федэрбъ озаботился пополненіемъ своей потери въ людяхъ. Армія Федэрба, которой начало положилъ Бурбаки въ Лиллѣ (прежде, чѣмъ онъ былъ призванъ въ луарскую армію), имѣла въ себѣ элементы надежные. Ядро ея составили гарнизоны сѣверовосточныхъ крѣпостей, въ которыхъ нашлись и нѣкоторые запасы полевой артиллеріи. Запасы эти были пополнены Гамбеттою изъ Шербурга, черезъ Гавръ, а когда Мантейфель пресѣкъ сообщенія Федэрба съ Гавромъ, то Федэрбъ продолжалъ получать все-таки хоть ружья, черезъ Булонь. Сверхъ того, въ составъ сѣверной арміи вошло множество французскихъ плѣнныхъ, бѣжавшихъ изъ Бельгіи, и значительное число морскихъ солдатъ изъ всѣхъ сѣверныхъ портовъ. Вотъ тѣ стойкіе элементы, въ которыхъ была сила сѣверной французской арміи. Но элементы эти, постепенно, издерживались, какъ и въ луарской арміи, и замѣнились новобранцами, мобилями, собранными на сѣверѣ. Эти мобили у Федэрба съ самаго начала были плохи, потому что онъ, часто переходя къ наступательнымъ дѣйствіямъ, не успѣлъ обучить ихъ, какъ то сдѣлалъ Орелль на Луарѣ. По мѣрѣ того, какъ процентъ ихъ въ составѣ арміи возрасталъ, а кадры ухудшались, армія Федэрба становилась хуже, точно такъ, какъ армія Шанзи́.

Посвятивъ, послѣ Бапома, около двухъ недѣль на пополненіе арміи и обученіе наскоро новыхъ людей, Федэрбъ рѣшился снова выйти изъ своего четвероугольника и перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Но въ теченіи этого времени произошли два неблагопріятныя для него обстоятельства. Во-первыхъ, въ то время, какъ онъ самъ получилъ подкрѣпленіе мобилями, и противникъ его Гёбенъ (Мантейфель самъ лично былъ отозванъ около этого времени на востокъ) получилъ значительныя подкрѣпленія надежными войсками изъ главнаго центра германскихъ силъ. Во-вторыхъ, крѣпость Пероннъ (къ югу отъ Бапома, между Амьеномъ и Сен-Кантеномъ) сдалась нѣмцамъ, такъ что при движеніи Федэрба на Амьенъ, Гёбенъ могъ опереться на Пероннъ, который значительно укрѣпилъ его оборонительную линію на Соммѣ, между Амьеномъ и Перонномъ. Эта позиція нѣмцевъ была слишкомъ сильна, чтобы Федэрбъ могъ разсчитывать на успѣшную аттаку ея. Итакъ, ему оставалось только обойти ее гдѣ-нибудь ниже на Соммѣ, или на источникахъ Соммы, Сен-Кантена. Если бы онъ избралъ первое, то Гёбенъ непремѣнно бы отрѣзалъ его отъ четвероугольника крѣпостей. Итакъ, Федэрбъ, если хотѣлъ идти впередъ, то долженъ былъ идти на Сен-Кантенъ, т.-е. къ юго-востоку, чтобы обойти правое крыло нѣмцевъ.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Но выше указаны причины, почему въ этотъ

разъ армія Федэрба не могла мѣряться съ арміею Гёбена. Какъ только Федэрбъ вступилъ въ Сен-Кантенъ—Гёбенъ тотчасъ сошелъ со своей позиціи, перешолъ Сомму, двинулся на востокъ и въ битвахъ 18-го и 19-го января, разбилъ Федэрба, который потерялъ 2 пушки и 4,000 чел. одними плѣнными! Затѣмъ Гёбенъ преслѣдовалъ его, такъ что хотя Федэрбъ и укрылся снова въ свой завѣтный четвероугольникъ, но Гёбенъ уже принялся и за эту опору непріятеля, и началъ бомбардированіе одной изъ крѣпостей, именно Камбре.

Обратимся теперь къ Бурбаки. Въ половинѣ декабря, когда луарская армія была раздвоена и оставалась въ бездѣйствіи, Бурбаки, командовавшій южною ея частію, т.-е. тою, которая перешла Луару и удалилась въ Буржъ, уговорилъ Гамбетту, что можно весь неуспѣхъ Орелля поправить смѣлымъ, совершенно непредвидѣннымъ ударомъ на востокъ. Можно было пресѣчь всѣ сообщенія нѣмцевъ съ Германіею и заставить ихъ снять осаду Парижа; можно было раздавить Вердера, у котораго было всего 60 т. чел.; мало того, можно было, приведя на востокъ армію въ 120 т. чел., еще усилить ее, стянувъ къ ней Брессаля съ 30-ю т. чел. изъ Ліона, и тысячъ около 20-ти войска Гарибальди изъ Отена, снять осаду Лангра и Бельфора, и образовавъ вмѣстѣ съ этими подкрѣпленіями армію въ 200 тысячъ человѣкъ, не только раздавить Вердера, но и перенесть войну въ Германію, въ Баденъ. Наконецъ, наименьшимъ изъ великихъ послѣдствій, какія могло произвесть движеніе, выдуманное Бурбаки, считалось то, что Фридрихъ-Карлъ будетъ принужденъ возвратиться съ Луары на востокъ, и оставить герцога Мекленбургскаго одного противъ Шанзи, который тогда, поправивъ свою армію, ударитъ на Парижъ.

Подобные геніальные планы, если могутъ быть осуществимы, то развѣ при такомъ полководцѣ, каковъ былъ Наполеонъ, и посредствомъ такихъ войскъ, которыя представляютъ совершенно надежное орудіе для совершенія по крайней мѣрѣ перваго шага, для преодолѣнія ближайшаго препятствія, однимъ словомъ, для исполненія того, что обусловливаетъ возможность всего остальнаго. Иначе такіе планы входятъ въ категорію тѣхъ, которые такъ обильно сочиняютъ и подсказываютъ главнокомандующимъ газетные публицисты, незнающіе точно ни свойствъ арміи, ни естественныхъ трудностей, представляемыхъ различными путями.

Планъ Бурбаки, безъ всѣхъ серьезныхъ условій для его исполненія, былъ именно такой блестящій, газетный планъ. Что подобный планъ могъ плѣнить Гамбетту — было довольно естественно. Но что Гамбетта рѣшился на дѣло столь рискованное, рѣшился отказаться въ его пользу отъ всего плана, условленнаго съ самаго начала его дѣйствій,—вотъ что непонятно и вотъ въ чемъ на Гамбеттѣ лежитъ тяжкая отвѣтственность. Очень вѣроятно, что дѣла все равно пошли бы

худо, по мѣрѣ того, какъ ухудшался составъ луарской и сѣверной армій, а германскія войска получали новыя, хотя бы даже и послѣднія, но огромныя подкрѣпленія. Но принявъ планъ Бурбаки, Гамбетта самъ очевидно портилъ собственное свое дѣло.

Начать съ того, что весь этотъ пресловутый планъ сталъ извѣстенъ въ германской главной квартирѣ и подвергся даже обсужденію въ газетахъ еще прежде, чѣмъ Бурбаки двинулся съ мѣста. Армія его, если даже и допустить численность ея въ 120 т. чел., была вовсе не такимъ надежнымъ орудіемъ, которое необходимо для рискованнаго шага; чѣмъ больше она числомъ, тѣмъ слабѣе она была свойствами, потому что изъ арміи Орелля, Бурбаки привелъ въ Буржъ только меньшую часть, и притомъ выдержавшую мѣсячный походъ, съ нѣсколькими битвами, стало быть никакъ не больше 60-ти т. чел. Значитъ, цѣлая половина арміи Бурбаки, если она составляла 120 т. чел., состояла изъ конскриптовъ, которыхъ въ это время въ самомъ дѣлѣ прибыли на Луару огромныя массы, но массы совсѣмъ не обученныя и едва одѣтыя. Имѣя наполовину такихъ солдатъ, которые, „подкрѣпивъ“ Шанзи, сдавались тысячами, Бурбаки предпринялъ свое рискованное дѣло. Надо было время, чтобы снабдить его артиллеріей и достаточнымъ обозомъ для большого похода, наконецъ одѣть людей, пришедшихъ въ блузахъ и дырявыхъ сапогахъ, на 10-ти-градусный морозъ. Смѣлый, рѣшительный ударъ долженъ быть быстръ. Но быстрота здѣсь была невозможна, какъ по составу и положенію арміи, такъ и потому, что движеніе предстояло верстъ за триста, по дорогамъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ.

Ненадежна была армія Бурбаки, но ненадеженъ былъ и ея главнокомандующій. Можно только удивляться, какъ Гамбетта рѣшился измѣнить весь свой прежній планъ потому только, что наполеоновскій генералъ, фаворитъ, командиръ императорской гвардіи, человѣкъ, посыланный Базеномъ изъ Метца въ Лондонъ, — просилъ отпустить его съ арміей къ германской границѣ! Да всѣ наполеоновскіе генералы только и стремились къ этой границѣ.

Какъ бы то ни было, планъ Бурбаки, возникшій въ срединѣ декабря, только черезъ мѣсяцъ былъ приведенъ къ первому исполненію, появленіемъ Бурбаки, 9-го числа, близъ Везуля и 12-го января при Виллерсекселѣ, близъ Монбельяра и Бельфора. Вердеръ отступилъ изъ Дижона на Везуль и оттуда на Виллерсексель къ Монбельяру. При Виллерсекселѣ, 13-го января, Бурбаки одержалъ надъ нимъ несомнѣнный успѣхъ, но не „раздавилъ“ его, и даже не отрѣзалъ ему пути въ Монбельяръ, хотя передовыми отрядами и занялъ позицію всего верстахъ въ 9-ти отъ Монбельяра (Арсé и Сен-Мари). Движеніе, условленное съ Брессалемъ и Гарибальди было исполнено ими исправно; Гарибальди вступилъ въ оставленный Дижонъ, а Брессаль

(пришедшій, какъ выше сказано, изъ Ліона) сталъ при Пьеррфонтенѣ, южнѣе Виллерсекселя и Монбельяра, вблизи самой границы. Еще одинъ успѣхъ—осада Лангра была снята, хотя осада Бельфора продолжалась.

Но къ этому времени и нѣмцы успѣли стянуть на юго-востокъ силы, немногимъ уступавшія силамъ французовъ даже по численности, не говоря объ опытности и надежности войскъ. Отступленіе Вердера изъ Дижона къ Монбельяру имѣло цѣлію сосредоточеніе германскихъ силъ вокругъ Бельфора. Тресковъ продолжалъ осаду Бельфора, а на помощь къ корпусу Вердера, поспѣли корпусъ Франсецкаго (2-й) отъ Парижа и корпусъ Цастрова (7-й) изъ Оксерра (стоявшій прежде въ Метцѣ и замѣненный ландверомъ). Вердеръ выжидалъ ихъ, стоя въ крѣпкой позиціи близъ Монбельяра, прикрывая свой фронтъ рѣчкою Лиссеною. Главная, большая заслуга Вердера была та, что онъ удержалъ эту позицію до прибытія помощи. Въ самомъ дѣлѣ, 15-го января Бурбаки аттаковалъ его снова соединенными силами изъ четырехъ корпусовъ (надо думать, что они не были введены въ дѣло въ полномъ составѣ), и Вердеръ хотя понесъ значительныя потери, но удержалъ за собою позицію.

Какъ только пришли Франсецкій и Цастровъ, дѣла тотчасъ приняли иной оборотъ. Они составили южную армію, отданную подъ начальство Мантёйфеля, вызваннаго съ сѣвера. Они явились на помощь Вердеру, въ тылу его противниковъ. Какъ только Бурбаки узналъ о взятіи Доля, въ тылу его, къ юго-востоку отъ Дижона, такъ онъ тотчасъ началъ отступленіе, а Вердеръ перешелъ къ наступленію. Въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, бывшихъ въ теченіи трехъ дней съ 13—16-го января, Вердеръ лишился около 1,200 чел., но былъ все-таки довольно силенъ, чтобы преслѣдовать непріятеля, разстроеннаго появленіемъ нѣмцевъ въ тылу его.

Мантёйфель, принявъ, 13 января, въ Шатильонѣ на Сенѣ, начальство надъ корпусами Франсецкаго и Цастрова, двинулся на Дижонъ. Передовой отрядъ его, 21-го числа, уже произвелъ нападеніе на Дижонъ, и Гарибальди, у котораго всего 20 т. чел., долженъ былъ развернуть всѣ свои силы: бригады Меннотти, Босака и Ричотти. Онъ отразилъ это первое нападеніе и Ричотти при этомъ взялъ даже одно знамя (61-го прусскаго полка); при этомъ былъ убитъ Боссакъ. Между тѣмъ, Бурбаки бросился на юго-западъ къ Безансону, но занятіе другимъ передовымъ отрядомъ Мантёйфеля Доля, заставило его идти еще южнѣе, приближаясь къ швейцарской границѣ и наконецъ перейти ее, съ 80-ю тыс. чел. Здѣсь мы остановимъ свое изложеніе. Вся исторія Бурбаки, заключившаяся самоубійствомъ (онъ замѣненъ генераломъ Кленшаномъ), не вполнѣ ясна, по тѣмъ извѣстіямъ, какія мы до сихъ поръ имѣемъ. Прибавимъ только, что парижскіе правители

или были жестоко обмануты Бисмаркомъ, при заключеніи капитуляціи, или постыднымъ образомъ предали Гарибальди, Кленшана и Бресселя на жертву; дѣло въ томъ, что капитуляція *не распространяетъ* перемирія на районъ ихъ дѣйствій. Такъ, что нѣмцы пріобрѣли парижскіе форты, можно сказать, даромъ, потому что преслѣдовать Шанзи и Федэрба имъ пока не нужно, а Гарибальди и другіе французскіе генералы на востокѣ, которыхъ нѣмцамъ желательно и легко уничтожить — *изъ перемирія исключены*. Исключенъ изъ него и полусгорѣвшій, геройски защищающійся Бельфоръ.

Пораженіе всѣхъ трехъ армій, назначенныхъ къ освобожденію Парижа, произошло въ теченіи около двухъ недѣль, именно съ 6-го по 20-е января. Оно лишило Парижъ надежды на внѣшнюю помощь. Шанзи и Федэрбъ, конечно, могли оправиться, но спрашивалось, могъ ли Парижъ выдержать еще мѣсяцъ, когда уже самый хлѣбъ пришлось отпускать раціонами, и притомъ выдержать это страшное испытаніе, безъ значительной вѣроятности на помощь извнѣ, хотя бы и черезъ мѣсяцъ.

Бомбардированіе Парижа началось на новый годъ и первымъ успѣхомъ его было принужденіе къ молчанію Монт-Аврона, а затѣмъ и взятіе его. Бомбардированію были подвергнуты южные форты: Исси, Ванвръ и Монружъ, и восточные, Ножанъ и Росни. Французскіе форты отвѣчали сперва бѣшенымъ, но неровнымъ огнемъ, и постепенно слабѣли, по мѣрѣ того, какъ наносимый имъ ущербъ заставлялъ снимать съ нихъ орудія, и ставить ихъ на вновь возводимыя земляныя казематированныя батареи. Въ послѣднее время, пруссаки открыли огонь и противъ группы сѣверныхъ фортовъ, носящихъ общее названіе Сен-Дени.

Сверхъ того, нѣмецкія батареи на югѣ и востокѣ бросали гранаты въ самый городъ и циркуляръ германскаго канцлера, въ отвѣтъ на циркулярный протестъ помощника Гамбетты, графа Шодорди, старался оправдать такое дѣйствіе. Но его можно только подкрѣпить примѣромъ, а оправдать его нельзя. Зачѣмъ избирали городъ съ $2^1/_2$ милл. населеніемъ для устройства крѣпости—вотъ что отвѣчалъ Бисмаркъ. Но это возраженіе было бы основательно, еслибы близко къ центру Парижа, почти до самой Сены, достигали нечаянно снаряды, назначенные къ разбитію фортовъ. Въ дѣйствительности же было совсѣмъ не то. Форты обстрѣливались своимъ порядкомъ и съ такой вѣрностью стрѣльбы, что всѣ снаряды падали на нѣсколькихъ квадратныхъ саженяхъ избраннаго цѣлью пункта. Итакъ, если гранаты и бомбы падали, сверхъ того, на площадь Пантеона, въ Люксамбургскій садъ, и даже на самой Сенѣ у Palais de Justice, т.-е. за пять верстъ отъ фортовъ, то снаряды эти падали не потому, что нельзя было этого избѣгнуть, а потому, что такова именно была ихъ цѣль. Итакъ, стрѣ-

ляли въ беззащитное населеніе, для того, чтобы, по громкому требованію прусской печати, произвесть то, что ею названо такъ удачно „психологическій эффектъ“. Итакъ, тутъ уже дѣйствовали не требованія стратегіи, а указанія психологіи, примѣненной къ бомбардированію.

И психологическій эффектъ *былъ* произведенъ, какъ ни отрицали это въ Парижѣ; эффектъ былъ не тотъ, который предполагался въ статьяхъ „Крестовой“ и „Національной“ газетъ, т.-е. не страхъ. Правда, изъ населенія лѣваго берега Сены до 400 т. чел. переселились на правый берегъ, а оставшіеся въ кварталахъ гренелльскомъ, сен-жерменскомъ, люксамбургскомъ и т. д. на ночь прятались въ погреба (бомбардированіе самого города производилось особенно сильно ночью). Но страха, по единогласному показанію англійскихъ корреспондентовъ, не было, и никто не говорилъ о сдачѣ.

Тѣмъ не менѣе психологическій эффектъ *былъ* произведенъ. Бомбардированіе города и видъ ежедневныхъ его жертвъ приводили парижанъ въ бѣшенство. Нельзя стоять подъ выстрѣлами неподвижно, безъ всякой цѣли и не предвидя конца. Въ битвѣ это возможно только потому, что ежеминутно все-таки ожидается движеніе впередъ или перемѣна. И то, только опытныя войска способны выдержать это психическое состояніе временной неподвижности и бездѣйствія подъ непріятельскимъ огнемъ. Ясно, что психическимъ послѣдствіемъ бомбардированія должно было быть общее, бѣшеное требованіе національной гвардіи, то-есть Парижа, чтобы его вели впередъ, не оставляли подъ огнемъ сложа руки, а вели на огонь. Однимъ словомъ, бомбардированіе города непремѣнно должно было произвесть неудержимое стремленіе парижанъ къ большимъ вылазкамъ, стало быть—ускорить кризисъ, а именно сдачу Парижа, потому что даже самая удачная вылазка, если бы Трошю пробился изъ Парижа съ 300-ми тысячъ войска, все-таки отдала бы самый Парижъ въ руки нѣмцевъ.

Заслуга этого разсчета принадлежала не графу Мольтке, а лично графу Бисмарку. Онъ давно требовалъ бомбардированія для психологическаго эффекта, и бомбардированіе въ дѣйствительности было приказано королемъ не такъ рано, какъ хотѣлъ Бисмаркъ, но ранѣе, чѣмъ предполагалъ Мольтке. Мольтке, по увѣренію версальскаго корреспондента „Times“, ошибся и въ той опасности, какой приближеніе линіи батарей къ фортамъ должно было подвергнуть нѣмцевъ; а именно, предполагалъ, будто бы, ежедневную потерю около 1000 чел., между тѣмъ, какъ она оказалась и всего-то гораздо менѣе этой цифры. Итакъ, Бисмаркъ выказалъ и военную заслугу. Со стороны странно, конечно, видѣть, что серьезный человѣкъ, и притомъ великій государственный мужъ, на высотѣ своего историческаго величія и славы, добивается зачисленія его военнымъ чиномъ. Характеристично для сфе-

ры, въ которой родился и живетъ Бисмаркъ, что въ ней изъ великихъ людей, за отличіе, производятъ въ генералъ-лейтенанты. Но нельзя не согласиться, что, своими настояніями на безотлагательномъ бомбардированіи, графъ Бисмаркъ оказалъ военную заслугу, стоющую военной награды.

Трошю, котораго бездарность постоянно укрывалась за какой-то таинственный „планъ“, не могъ долѣе усидѣть за этимъ прозрачнымъ прикрытіемъ. Неудержимый порывъ населенія „принудилъ его руку“, какъ говорятъ французы; онъ долженъ былъ рѣшиться на большую вылазку, но рѣшился на нее нé-хотя, и пригласилъ на этотъ разъ самихъ парижанъ, т.-е. часть мобилизованной національной гвардіи прогуляться на такую вылазку и посмотрѣть, что́ она такое.

Трошю, 19-го числа, вывелъ изъ Парижа около 100 т. чел. и 300 орудій. Эти цифры не оставляютъ сомнѣнія, что Трошю дѣлалъ вылазку противъ желанія. Въ томъ положеніи, въ какомъ находился Парижъ, если могла вести къ какой-либо цѣли вылазка, то только вылазка со всѣми силами, какими онъ могъ располагать, оставивъ на фортахъ національную гвардію, т.-е. выступленіе по меньшей мѣрѣ 200 т. чел. Ни оставлять часть мобилей и линейныхъ войскъ и полевой артиллеріи въ Парижѣ, ни брать съ собою часть національной гвардіи, какъ онъ сдѣлалъ 19-го числа, не было никакой нужды, если онъ хотѣлъ пробиться, *выйти* изъ Парижа. Очевидно, что онъ этого не хотѣлъ. А въ такомъ случаѣ вылазка не могла имѣть никакой раціональной цѣли. Вылазка 29-го и 30-го ноября уже представляла готовый опытъ, что частная, хотя и значительная вылазка, вела только къ потерѣ людей и, пожалуй, къ возможности похвальбы. Но та вылазка была комбинирована съ движеніемъ Орелля и должна была принять большіе размѣры, какъ только онъ бы приблизился. Послѣдняя же вылазка не вела рѣшительно ни къ чему, развѣ только къ тому, чтобы убѣдить Парижъ въ безвыходности его положенія.

Извѣстны результаты вылазки 19-го января. Дюкро, командовавшій правымъ флангомъ, какъ всегда, наткнулся на непредвидѣнныя препятствія (артиллерія 4-го прусскаго корпуса взяла его во флангъ съ сѣвера), и замедлилъ все движеніе на нѣсколько часовъ. Вылазка была направлена прямо на западъ отъ Мон-Валерьена на высоты Монтрету, Бюзанваль, Гаршъ, Рюэйль, Мальмезонъ; лѣвымъ флангомъ командовалъ Винуа, Трошю распоряжался общимъ направленіемъ. Прусскій 5-й корпусъ сильно защищалъ позиціи, но его 30 т. чел. не могли отстоять всѣ линіи противъ 100 т., Монтрету и Бюзанваль были взяты, послѣ нѣсколькихъ часовъ упорной битвы. Но къ 3-мъ часамъ пополудни, германскія войска, подкрѣпленныя со всѣхъ сторонъ, отбили непріятеля, и къ вечеру обѣ стороны возвратились къ statu quo. Французы лишились 4,800 чел. (по нѣмецкимъ показаніямъ 6,000

чел.), нѣмцы 600. Французскія войска вели себя очень хорошо, но ихъ вели очень худо. Даже національная гвардія держалась такъ, что свидѣтельство въ мужествѣ ей выдаетъ Лабушеръ (извѣстный корреспондентъ „Daily News" въ Парижѣ), который доселѣ всегда осыпалъ ее насмѣшками.

Полная неудача вылазки, совершенно безцѣльной и значительныя потери, потерпѣнныя между прочимъ и національною гвардіею, и повергшія въ уныніе не малую часть парижскаго населенія, произвели взрывъ негодованія противъ Трошю. Онъ сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго, что уже означало капитуляцію, потому что, когда главнокомандующій, который несъ на своихъ плечахъ отвѣтственность за судьбу 2½ м. людей въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ, въ самую критическую минуту хочетъ сложить съ себя эту отвѣтственность, то это значитъ, что онъ только не желаетъ *подписать* капитуляцію, но считаетъ ее неизбѣжною. Итакъ, въ дѣйствительности сдался на капитуляцію не Винуа, а Трошю. А такъ какъ всего дней за десять передъ тѣмъ онъ торжественно произнесъ: „Я не сдамся на капитуляцію", то поведеніе его въ послѣдніе дни нельзя не признать лишеннымъ всякаго чувства достоинства.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о членахъ временного правительства въ Парижѣ. Уже послѣ вылазки, они обнародовали прокламацію о необходимости защиты до послѣдней крайности. И вдругъ, Жюль Фавръ обѣдаетъ у Бисмарка, покоряется судьбѣ, и все правительство покоряется также судьбѣ, и заключаетъ капитуляцію, по которой, сдавая германскому императору всю армію военноплѣнною, сдавая ему свои форты и разоружая свою ограду, не получаетъ за это *ничего*, а еще платитъ 200 милл. фр.

Нужда, крайность, конечно, могутъ быть непреодолимы. Но онѣ въ настоящемъ случаѣ не могли сдѣлаться такими въ теченіи *пяти дней*. Если Парижъ не могъ дольше держаться, значитъ всѣ увѣренія правительства до этого времени были обманомъ; если наступила безусловная крайность 26-го числа, то смѣшно было 21-го числа призывать оффиціально народъ къ сопротивленію до послѣдней крайности, какъ то сдѣлали Жюль Фавръ и его товарищи. Если капитуляція была неизбѣжна, то, провозглашать: „я не сдамся на капитуляцію"—со стороны Трошю было чистымъ шарлатанствомъ.

Нѣтъ, конечно, возможности утверждать, что Трошю могъ и долженъ былъ пробиться. Очень вѣроятно, что и съ 200-ми т. чел. линейныхъ войскъ и мобилей онъ бы не пробился, или понесъ бы потери, которыя сдѣлали бы его армію безсильною для оказанія помощи провинціямъ. Но дѣло въ томъ, что парижскіе правители и въ особенности Трошю, съ своимъ таинственнымъ планомъ, который онъ все обѣщалъ привесть когда-то въ исполненіе, сами сдѣлали всякій иной

исходъ, кромѣ страшной, быть можетъ самоубійственной катастрофы, невозможнымъ для сохраненія своей репутаціи серьезныхъ людей. Кто говорилъ: „я не сдамся на капитуляцію“ въ самые послѣдніе дни, тому предстояло только или пробиться, рискуя погубить тысячъ пятьдесятъ народу, и самому пасть на полѣ битвы, выходя изъ Парижа, или-же—получить въ исторіи мало почтительный эпитетъ. Трошю завѣрялъ, что не сдастся, когда его же генералъ Дюкро, еще передъ вылазкою 19-го января, ставъ передъ фронтомъ своихъ солдатъ, говорилъ имъ: „сражайтесь со всею энергіею, потому это—послѣднее серьезное усиліе, на которое способенъ Парижъ“. Это говорилъ, отправляясь изъ Парижа, 18-го января, на западъ, тотъ самый Дюкро, который, выходя 29-го ноября на востокъ, также торжественно объявилъ, что онъ не возвратится въ Парижъ иначе какъ убитымъ. Выводъ изъ всего этого ясенъ: народъ въ Парижѣ выказалъ въ самомъ дѣлѣ геройство, превзошелъ всѣ ожиданія. Но люди, которые руководили имъ, выказали, кто—слабость, кто—бездарность, и почти всѣ были заражены шарлатанствомъ—болѣзнью, укоренившеюся въ эпоху имперіи, игравшей искусно только громкими фразами, разсчитанными на эффектъ.

Съ этой минуты общественный интересъ сосредоточенъ на Бордо. Прежній вопросъ: успѣютъ ли нѣмцы овладѣть Парижемъ, или нѣтъ? смѣнился другимъ вопросомъ: удастся ли устроить національное собраніе, и каково можетъ быть его рѣшеніе? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, временное правительство считало невозможнымъ, въ военное время, созывать представительство страны, четверть которой въ рукахъ непріятеля; теперь признано возможнымъ сдѣлать тоже, когда почти половина страны въ рукахъ нѣмцевъ. Или временное правительство ошибалось тогда, или оно ошибется теперь—но еще нѣсколько дней, и этотъ вопросъ рѣшится самъ собой и безапелляціонно.

ШВЕЙЦАРСКІЯ ПИСЬМА.

17 (29) января 1871.

Парижъ предъ капитуляціею.

Кому не вспоминались въ эти жестокіе, тяжелые дни для человѣчества, кому не приходили на мысль слова древняго пѣвца Греціи, носившіяся надъ Парижемъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ:

> Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя,
> Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама!

Наконецъ, этотъ день наступилъ... У насъ, въ городѣ, шумъ и смятеніе; изъ всѣхъ домовъ высыпаютъ на улицу люди, особенно женщины, по большей части въ траурномъ нарядѣ, съ французскими лицами, и спѣшатъ... къ площади Бель-Эръ. На этой площади находится красивое зданіе, гдѣ помѣщается Agence de publicité Березова и Гаррига. Пестрая, густая толпа окружила зданіе и повидимому хочетъ ворваться въ дверь агентства; въ толпѣ идетъ отрывистый говоръ: „Это правда?—Говорятъ!“ Быть не можетъ! о, мы посмотримъ еще что будетъ! варвары дорого заплатятъ за такой позоръ!...“ Толпа все увеличивалась и ждала съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ отвѣта на вопросъ: быть или не быть!... И такъ она ждала цѣлые два часа, несмотря на снѣгъ и холодъ; еслибъ не было такъ холодно, я потрудился бы записать всѣ дипломатическія соображенія и патріотическіе вопли, вырывавшіеся изъ этой толпы... но я не съумѣлъ бы нарисовать выраженія ея лицъ, а между тѣмъ, въ этомъ выраженіи многихъ женщинъ, стоявшихъ на морозѣ въ грустномъ ожиданіи, сказывалось гораздо болѣе, чѣмъ во всей болтовнѣ; я говорю о женщинахъ - француженкахъ, потому что о мущинахъ-французахъ нечего говорить: тѣ изъ нихъ, которые спокойно проживаютъ въ Женевѣ, заклеймены общественнымъ позоромъ: это люди, 20 лѣтъ рукоплескавшіе имперіи и всѣмъ ея воинственнымъ оргіямъ; люди, обѣими руками, обагренными въ крови, вотировавшіе плебисцитъ, означа́вшій войну; люди, впервые запѣвшіе фальшивымъ голосомъ Марсельезу тогда, когда ее *приказалъ* запѣть *Пьетри* въ честь похода на Рейнъ, и люди, со всѣхъ ногъ бѣжавшіе въ Женеву послѣ Седана, оставляя защиту Франціи тѣмъ, которые протестовали противъ войны и плебисцита, несмотря на тюрьмы и гоненія, и которые въ великодушномъ отчаяніи порѣшили, на другой день Седанской битвы, что слово *республика* должно спасти Францію своимъ чарующимъ всесильнымъ вліяніемъ... Но я обратилъ вниманіе въ этой толпѣ на женщинъ-француженокъ; ихъ

положеніе иное: я знаю, что радикалы не прощаютъ и имъ бѣгства изъ Франціи, но я менѣе взыскателенъ; я думаю, что онѣ не могли стать въ одинъ день соціалистками и отказаться отъ своей ренты— какъ того требуютъ радикалы, и я думаю, что къ какому бы классу онѣ ни принадлежали, хотя бы къ тому биржевому царству, которое заправляло судьбами Франціи, онѣ все же не виноваты во всемъ случившемся. Вы читали хоть бы романы Дроза, его „Monsieur, Madame et Bébé"; вы видѣли въ немъ истинную картину французской общественности; вы слѣдовательно знаете, на какую жалкую роль восточной наложницы обречена была женщина образованнаго общества второй имперіи; знаете, что ея воспитаніе ограничивалось бѣлилами, корсетами и кринолинами; что даже, когда въ ней пробуждалось естественное чувство самой глубокой любви—любви матери къ ребенку— то и это чувство было обезображено, вбитымъ въ ея пустую голову понятіемъ о *карьерѣ* сына, о *партіи* дочери: ея материнскую мечту составляло ожиданіе того момента, когда сынъ продастся красной ленточкѣ Легіона *бонапартовской* чести, когда дочь будетъ куплена въ придачу къ богатому приданому титулованнымъ искателемъ приключеній. Чего же хотите вы ждать и отъ такой женщины и отъ общества, въ которомъ женщина была поставлена въ такое низкое положеніе? И вотъ почему я останавливаюсь съ одинаковымъ уваженіемъ передъ печалью всякой женщины, по поводу войны, — къ какому бы классу она ни принадлежала; она не виновата въ этой войнѣ, она не знала куда ведутъ ея сыновей, мужей и братьевъ бонапартовскіе порядки; и она стоитъ теперь на этой площади, съ трепетомъ ожидая извѣстій о новыхъ событіяхъ — можетъ быть самое близкое ей существо погибло, и она только и чувствуетъ, что лучше погибли бы всѣ *проклятые вопросы*, чѣмъ дорогой для нея человѣкъ!...

Чѣмъ болѣе я слѣжу за войною, за ея *моральными* проявленіями, чѣмъ болѣе я читаю всякихъ соображеній человѣческаго ума о причинахъ войны и о ея ходѣ, тѣмъ болѣе я сожалѣю, что современная пресса до сихъ поръ не обратила ни малѣйшаго вниманія на одну изъ весьма существенныхъ *причинъ* и войны, и гигантскихъ размѣровъ безчеловѣчности, съ которою она преслѣдуется съ обѣихъ сторонъ, на причину, лежащую именно въ положеніи женщины: люди будутъ изобрѣтать новые дипломатическіе договоры и клясться вѣчнымъ миромъ во имя новыхъ трактатовъ, будутъ мечтать о международныхъ трибуналахъ, будутъ ораторствовать на собраніяхъ всяческихъ лигъ мира,—а войны будутъ поить землю кровью и питать вороновъ трупами, до тѣхъ поръ, пока люди не поймутъ громаднаго, воспитующаго и соціальнаго вліянія женщины, и пока они не признаютъ за ней, сообразнаго съ такимъ понятіемъ, равнаго права и на образованіе и на участіе въ общественной жизни.

Вотъ, французы хохочутъ надъ письмами нѣмецкихъ Гретхенъ, найденными на плѣнномъ нѣмцѣ: одна Гретхенъ проситъ привезти ей изъ Парижа красивыя серьги; другая Гретхенъ, болѣе высокаго полета, радуется, что парижанки не будутъ болѣе царицами модъ и нарядовъ; третья Гретхенъ ропщетъ на этихъ несносныхъ буйныхъ парижанъ, *не хотящихъ* сдаться и удовлетворить требованіямъ чести прусскаго оружія, для того, чтобъ, наконецъ, наступилъ миръ и ея Вильгельмъ вернулся къ опустѣлому очагу. Но развѣ Гретхенъ виноваты за такія письма, а не тѣ, которые только и научили ихъ, что писанію такихъ писемъ? — Имъ надо серьги; имъ колетъ глаза первенство парижанокъ, потому что безъ серегъ и безъ послѣдней моды ихъ Вильгельмы будутъ мечтать не о нихъ, а о парижанкахъ... Война кончится, Гретхенъ станетъ женою *героя* Вильгельма, и няньчая ребенка, будетъ пѣть ему про подвиги отца; а другая Гретхенъ напрасно будетъ провожать глазами всѣхъ возвращающихся героевъ,—*ея* герой остался на *полѣ чести* и оставилъ ей своего ребенка, и онъ будетъ вскормленъ ея ненавистью къ французамъ за смерть возлюбеннаго, и она будетъ мечтать, какъ сынъ отмститъ за отца... Та же перспектива стелется предъ Франціей: вслѣдъ за бомбардированіемъ самого Парижа, въ театрахъ начались литературныя *утра* въ пользу *жертвъ бомбардированія;* 14-го января, было такое утро въ Théâtre-français: громъ рукоплесканій привѣтствовалъ поэму 18-ти-лѣтняго поэта: *Le maître d'ecole*; въ этой поэмѣ сельскій учитель разсказываетъ деревенскимъ мальчикамъ о варварствѣ нѣмцевъ и наполняетъ дѣтскія сердца ненавистью и жаждою мщенія; молодая вдова сидитъ у колыбели ребенка и поетъ ему пѣснь про то, какъ онъ выростетъ и какъ отмститъ за гибель отца....

Вамъ конечно, съ перваго взгляда, можетъ показаться все это *временною* воинственною *идилліей*, и вы пожалуй посмѣетесь надо мною за то, что я вижу въ этихъ, повидимому, *мелкихъ* явленіяхъ зародышъ будущихъ кровавыхъ грозъ; но я все же останусь при своемъ взглядѣ, и буду видѣть въ такомъ настроеніи великое зло впереди;—тѣмъ болѣе, что я сознаю, что причины такого настроенія, помимо временнаго возбужденія войною, лежатъ въ самомъ воспитаніи и положеніи женщины, и я не слышу пока, чтобъ кто-либо подумалъ объ этомъ и постарался понять, какой переворотъ произошелъ бы въ общественныхъ и въ международныхъ отношеніяхъ, еслибъ люди обратились наконецъ къ кореннымъ причинамъ кровавыхъ бѣдствій, и между прочимъ рѣшились бы воздать женщинѣ должное и, преобразуя ея собственное воспитаніе и ея общественную жизнь, тѣмъ самымъ оградили бы самихъ себя отъ гибельныхъ катастрофъ войны, грозящихъ иначе снова разразиться надъ цѣлой Европой!...

— „Вотъ оно! вотъ оно"! прервало наконецъ мои гуманныя раз-

мышленія всеобщее восклицаніе; въ боковое окошечко агентства просунулась рука и протянула толпившимся разнощикамъ газетъ цѣлую кипу — *Прибавленіе* къ женевскому журналу.... Толпа выхватила прибавленіе изъ рукъ разнощиковъ и всѣми своими сотнями глазъ впилась въ послѣднія телеграммы. Чрезъ 5 минутъ весь городъ огласился оглушительнымъ крикомъ: Voilà le supplement du Journal de Genève! Телеграмма объявляла объ отставкѣ Трошю, о поѣздкѣ Жюля Фавра въ прусскую главную квартиру, о предложеніяхъ.... *капитуляціи!!..*

Напрасно доктора говорятъ вамъ у постели любимаго больного, что ему грозитъ смерть, напрасно вы приготовляетесь къ неизбѣжному удару, отсчитывая минуту за минутою послѣднія усилія жизни въ борьбѣ со смертью; когда наконецъ организмъ уступитъ разрушающей осадѣ смерти и сдастся ей на капитуляцію, — вы все равно будете поражены какъ громомъ, какъ совершенно непредвидѣннымъ и неожиданнымъ ударомъ.... Подобное же тяжелое чувство, сколько я могу судить, овладѣваетъ теперь невольно всѣми въ борьбѣ Франціи за сохраненіе независимости и свободы!... Свершилось! Вмѣсто торжественнаго протеста Ж. Фавра на лондонской конференціи, народы услышали его просьбу о снисходительныхъ условіяхъ капитуляціи....

Сотни вопросовъ въ сотый разъ рождаются въ головѣ о состояніи Франціи, о положеніи Европы,—я попробую ихъ разогнать и остановиться на двухъ-трехъ наиболѣе существенныхъ и важныхъ: какъ совершится эта капитуляція? насколько сильно правительство народной обороны, чтобъ гарантировать соблюденіе условій капитуляціи? насколько выражаетъ оно собою вѣрнаго представителя народнаго настроенія въ Парижѣ? приметъ-ли парижское населеніе условія, принятыя его правительствомъ? Чтó довело Жюль Фавра до такого прямого шага??. И далѣе, чтó пророчитъ сдача Парижа? Конецъ-ли это войны или... или, какъ я говорилъ въ предыдущемъ письмѣ, — *начало* новой, *народной* войны?

И если это не конецъ войны, то какъ пойдетъ новая война?—кто поведетъ ее теперь? та же ли делегація, или вѣрнѣе, тотъ-же ли Гамбетта останется во главѣ народной войны, или народное броженіе, народная рѣшимость смететъ его диктатуру и вызоветъ изъ своей среды новыхъ руководителей? — Возможенъ ли еще успѣхъ даже народной войны, и что же, наконецъ, ожидаетъ Францію? какой внутренній порядокъ, какой режимъ? устоитъ ли молодая, крещеная въ крови своихъ дѣтей, республика? подкоситъ ли ее новый бонапартовскій заговоръ, старая бурбонская интрига??..

Мало отказаться отъ разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, мало при этомъ сослаться на время и сказать, что оно разрѣшитъ эти вопросы; надо еще прибавить, что только *долгое*, *долгое* время отвѣтитъ

на нихъ, и не скоро еще общественное вниманіе всего міра посмѣетъ отвернуться отъ судьбы Франціи и обратиться къ инымъ жизненнымъ задачамъ общества, если только сама Франція не выдвинетъ впередъ такихъ задачъ на очередь!

Останемся же при своей роли *гаданія* и утѣшимся хотя тѣмъ, что будемъ гадать не на обумъ, а по фактамъ, представляемымъ Франціей за этотъ послѣдній мѣсяцъ....

Что́ довело Ж. Фа́вра до его поѣздки въ непріятельскій лагерь, и дѣйствовалъ ли онъ согласно съ настроеніемъ парижскаго населенія?—вотъ прежде всего, что требуетъ отвѣта для того, чтобы судить о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ капитуляціи. Отвѣтить повидимому можно очень коротко: голодъ и холодъ! надо было предвидѣть то, что предвидѣли Бисмаркъ и Мольтке—голодъ долженъ былъ, наконецъ, предстать предъ Парижемъ въ своей ужасающей, неотвратимой и безпощадной дѣйствительности. Холодъ оказался едва ли еще не лучшимъ союзникомъ прусской стратегіи. Да, это правда, но этимъ вопросъ далеко еще не исчерпывается. Еслибъ Парижъ состоялъ только изъ безоружнаго населенія, то конечно, голодъ побѣдилъ бы его, и о его поведеніи не могло бы быть двухъ различныхъ мнѣній; потому что не могло бы идти и рѣчи о защитѣ. Но Парижъ, въ четыре мѣсяца блокады, укрѣпился и вооружился, его форты оказались неприступными, и его армія насчитываетъ полмилліона людей. Парижъ согласился на всевозможныя лишенія; богатые люди подчинились мало по малу режиму реквизицій и опредѣленныхъ порцій съѣстныхъ припасовъ; рабочее населеніе согласилось отложить въ сторону пока всѣ свои политическія и экономическія требованія отъ *республики* и, такъ сказать, снова вотировало *кредитъ* правительству національной защиты, какъ вотировало 3-хъ-мѣсячный *кредитъ* временному правительству въ 48-мъ году, готовое переносить всѣ нужды и подвергать себя и свою семью всѣмъ страданіямъ, лишь бы не быть *помѣхою* правительству, *обѣщавшему* спасеніе Франціи!... А правительство, дѣйствительно, обѣщало спасти Францію и отъ раздробленія, и отъ нашествія варваровъ! Въ отвѣтъ на такое обѣщаніе народъ только потребовалъ оружія и не успокоился, пока не добился оружія.

Вслѣдъ затѣмъ, новая гроза: по логикѣ народа, если употреблены средства на оружіе, если полмилліона людей обрекли себя на битву съ врагомъ, то это для того, чтобъ дѣйствительно драться, а не сидѣть сложа руки, ожидая капитуляціи передъ гранатами и голодомъ. „Разъ, что человѣкъ обжегся на кипяткѣ, онъ боится и холодной воды“, говоритъ французская пословица; обожженные на предательствахъ Бонапарта и Базена, парижане стали бояться и предательства Трошю и его товарищей по правительству. Раздался ропотъ, приведшій къ 31-му октября, о которомъ я говорилъ въ первомъ

письмѣ: предмѣстья выдвинули впередъ свой *desideratum*, свое понятіе о самоуправленіи; національное правительство выдвинуло впередъ свой *ultimatum*—пушки и національную гвардію! Дѣло, какъ вы знаете, кончилось тѣмъ, что правительство все же рѣшилось во-1-хъ, произвести выборы меровъ въ 20-ти округахъ; во-2-хъ, сдѣлать первую серьезную вылазку, о которой я разсказывалъ въ декабрьскомъ письмѣ. Позже доносились слухи о новыхъ смутахъ,—Флурансъ, Мильеръ и ихъ друзья очутились въ Мазасѣ, какъ и во время имперіи.... Клубы продолжали настаивать на своемъ: общая вылазка, и нападеніе на Версаль; общее, равенственное распредѣленіе всѣхъ продуктовъ, потребныхъ для жизни, передача власти въ руки муниципалитета или коммюны.

Вторая неудачная вылазка изъ Парижа въ послѣднихъ числахъ декабря (21-го), конечно, не могла возбудить довѣрія населенія къ парижскому главнокомандующему; а французы, какъ, впрочемъ, и всякая нація, не могутъ идти смѣло въ битву безъ довѣрія и безъ вѣры въ командующихъ. Вотъ почему для парижанъ представляется, какъ и совершенно понятно, столь важнымъ вопросъ о перемѣнахъ въ правительственной сферѣ. Какъ до сихъ поръ провинція привыкла во всемъ полагаться на Парижъ, такъ, въ свою очередь, Парижъ привыкъ возлагать всю заботу и всю отвѣтственность на свое правительство; отъ этого вообще происходитъ то, что повидимому всякое правительство въ Парижѣ кажется весьма сильнымъ, всемогущимъ, но на дѣлѣ оно менѣе прочно, чѣмъ всякое другое, и летитъ въ бездну съ своей высоты при первомъ критическомъ моментѣ, когда народъ, отъученный отъ вѣры въ самого себя, утрачиваетъ внезапно довѣріе къ своему правительству и требуетъ новаго на смѣну ему, которое было бы въ состояніи вывести его изъ кризиса.

Вслѣдъ за неудачною вылазкою, послѣдовала новая неудача съ *Монтъ-Авронъ*, хотя французы обличаютъ нѣмцевъ въ томъ, что они преувеличиваютъ значеніе *занятія* этого возвышенія: М. Авронъ былъ оставленъ французами, но, по ихъ мнѣнію, нѣмцы тоже не могутъ удержаться въ немъ, подъ огнемъ фортовъ Росни и Ножанъ.

Въ то же самое время разразилось въ Парижѣ новое внутреннее *междуусобіе*, но на этотъ разъ инсургентами предводительствовалъ уже не Флуранст, а самъ—*генералъ Морозъ*: 31-го октября было движеніе политическое; декабрьское *возстаніе* было движеніемъ экономическимъ и гораздо болѣе переполошило, если не правительство, то *мирныхъ* гражданъ. Раздался крикъ о *вооруженномъ* покушеніи на частную собственность! Дѣйствительно, парижане, *вооруженные* — топорами и пилами — покусились на деревья, на заборы и прочія деревянныя *украшенія частныхъ* владѣльцевъ! Дѣло въ томъ, что холодъ выгналъ бѣдное населеніе на улицу, покупка дровъ оказалась ему не-

доступною, такъ какъ торговцы чрезмѣрно подняли цѣну; оно обратилось къ правительству за дровами: правительство отвѣтило, что *не разсчитывало* на неожиданные морозы (между тѣмъ, какъ французскіе журналы, на свою бѣду, привѣтствовали морозы, надѣясь, что нѣмцы пострадаютъ отъ нихъ) и не заготовило дровяныхъ запасовъ, но теперь приказало рубить Булонскій лѣсъ и другіе. Парижанамъ оставалось въ перспективѣ умирать отъ холода съ пріятнымъ сознаніемъ, что черезъ недѣлю послѣ ихъ смерти явятся дрова: они предпочли вырубить дрова вездѣ, гдѣ только могли, объясняя собственникамъ, что правительство имъ заплатитъ за защитниковъ націи. Собственники, тѣмъ не менѣе, объявили, что это бунтъ противъ частной собственности, порожденный соціалистическими идеями, и въ этомъ взглядѣ они могутъ совершенно основываться на всѣхъ ученіяхъ политической экономіи, которая, къ общему сожалѣнію, опустила во всѣхъ своихъ трактатахъ весьма современную главу о блокадѣ двухмилліоннаго города, и о политико-экономическихъ правахъ и обязанностяхъ гражданъ во время такой блокады! *Дровяная* смута возбудила различныя размышленія въ головахъ парижанъ: одни—осажденные (въ своихъ оградахъ и садахъ) — стали думать о томъ, что́ же будетъ впереди, если уже теперь, при первой надобности, люди сами такъ безцеремонно распоряжаются чужимъ имуществомъ? „Сопротивленіе до конца" представилось ихъ воображенію не совсѣмъ въ привлекательномъ и вовсе не въ героическомъ видѣ; другіе осаждавшіе (дрова)— еще болѣе увѣровали въ свою мечту о необходимости общаго равенственнаго распредѣленія казною всѣхъ жизненныхъ припасовъ. Ропотъ противъ правительства увеличился, въ силу этого, съ обѣихъ сторонъ.

Я обращаю вниманіе читателя на приводимые здѣсь эпизоды, которые ему можетъ быть уже извѣстны изъ газетъ, и которые я только напоминаю ему здѣсь въ ихъ общей связи и послѣдовательности для того, чтобъ стало ясно, какимъ образомъ туча собиралась надъ головою правительства и наконецъ разразилась грозою общаго недовольства; мы увидимъ сейчасъ, что это общее недовольство играло не послѣднюю роль въ поѣздкѣ Ж. Фавра за капитуляціей.

То, чего не могли сдѣлать за нѣсколько недѣль предъ тѣмъ требованія предмѣстій, то сдѣлало самое положеніе вещей: правительство національной защиты, повидимому, само устрашилось своей отвѣтственности въ виду истощенія запасовъ и само обратилось за помощью къ муниципалитетамъ. Оно назначило еженедѣльное собраніе всѣхъ 20-ти меровъ и ихъ помощниковъ (по два у каждаго) въ Городской Думѣ, для обсужденія мѣръ о провіантахъ, и такое же еженедѣльное собраніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для совѣщанія объ общемъ положеніи дѣлъ. По газетамъ видно, что первое засѣданіе было весьма бурное; впереди всѣхъ выдвинулся Делеклюзъ, считающійся

правою рукою Ледрю-Роллена; говорятъ, что онъ и его единомышленники требовали выполненія энергическихъ мѣръ или отставки правительства; ни то, ни другое не было принято, и Делеклюзъ, вмѣстѣ съ своими помощниками, подалъ въ отставку отъ должности мера, объявляя, что правительство смѣется надъ ними, созываетъ ихъ только для *выслушанія* ихъ мнѣній, а вовсе не для общаго *рѣшенія* всѣхъ вопросовъ. Несмотря на порицаніе отставки Делеклюза даже со стороны нѣкоторыхъ радикаловъ, отставка въ подобныхъ обстоятельствахъ имѣетъ особое угрожающее значеніе: она указываетъ, что партія Делеклюза, объявляя разрывъ правительству, намѣрена дѣйствовать относительно его открыто, враждебно. Поднялся смутный слухъ о предательствѣ, о намѣреніи правительства довести Парижъ до капитуляціи. Въ то же время „Siècle“ опубликовалъ цѣлое обличеніе противъ Трошю, намекая на то, что Трошю можетъ стать Базеномъ! Статья смутила всю прессу,—монархическія газеты ополчились на защиту Трошю, и стали обвинять Гамбетту, доказывая, что „Siècle“ на откупу у Гамбетты (Le Français и др.). Никто однако не высказалъ совсѣмъ иного, болѣе логическаго соображенія: конечно, Трошю—не предатель и не продастъ Парижа и своей арміи осаждающимъ нѣмцамъ; но если Парижъ принужденъ будетъ сдаться безъ отчаяннаго сопротивленія, то Базенъ можетъ, съ своей стороны, торжествовать, доказывая примѣромъ парижской капитуляціи, что и онъ не былъ предателемъ!... Слухи о капитуляціи сильно встревожили населеніе: въ предмѣстьяхъ раздалось обвиненіе торговцевъ, буржуазіи въ желаніи капитулировать, на томъ будто основаніи, что торговцы стояли за отчаянное сопротивленіе до тѣхъ поръ, пока, обладая большими запасами, могли наживаться въ безграничныхъ размѣрахъ; а когда правительство должно было прибѣгнуть къ реквизиціи всѣхъ съѣстныхъ припасовъ и всего топлива,—то они увидѣли, что имъ нѣтъ болѣе поживы и стали думать о капитуляціи. — Я привожу это мнѣніе предмѣстій, какъ рисующее еще одну черту недовѣрія и антагонизма въ самой средѣ парижскаго населенія; исчезло ли это недовѣріе послѣ прямого участія національной гвардіи въ послѣдней вылазкѣ (19-го января)—неизвѣстно еще, но весьма сомнительно.

Въ виду тревожныхъ слуховъ, правительство сочло себя обязаннымъ возвѣстить на всѣхъ стѣнахъ Парижа, что оно не намѣрено капитулировать, что оно будетъ защищаться до послѣдней крайности и увѣрено въ поддержкѣ всѣхъ доблестныхъ гражданъ. Въ другихъ прокламаціяхъ оно объявляло, что въ его средѣ нѣтъ никакого раздора, а царитъ единодушіе и миръ, необходимый для войны.— „Большая манифестація,—писала парижская „Liberté“ 2-го января—готовится противъ правительства. Ея цѣль смѣстить правительство и замѣнить его новою властью, состоящею изъ меровъ и ихъ помощниковъ. Ге-

нералу Трошю, конечно, нечего бояться радикальныхъ меровъ, но онъ *долженъ понять*, что моментъ дѣйствій наступилъ!“

Между тѣмъ приближалось знаменитое 5-е января. Непріятельское бомбардированіе фортовъ Росни и Ножана пока не увѣнчалось успѣхомъ: нѣмецкія газеты объявляли, что форты были принуждены замолчать, но на дѣлѣ это молчаніе оказывается только весьма кратковременнымъ; прусскія бомбы наносятъ повреждевіе укрѣпленіямъ, требуются поправки, и снова начинается чортовъ концертъ артиллерійской дуэли. Нѣмецкія же газеты сообщали, что бомбы попадали даже въ предмѣстье Бельвиля и Лавилета, и это обстоятельство имѣетъ свою, весьма важную характеристическую сторону. Вы знаете, кѣмъ населены эти предмѣстья? — бѣднымъ рабочимъ людомъ; этотъ рабочій людъ никогда не желалъ войны; напротивъ, онъ протестовалъ, насколько только могъ протестовать, противъ войны; онъ вотировалъ противъ имперіи при плебисцитѣ, впередъ объявляя, что вотировать за имперію, значитъ призывать на страну всѣ бѣдствія безсмысленной династической войны; онъ громко и торжественно высказывалъ свои миролюбивыя чувства, объявляя, что всѣ народы братья и ихъ интересы одни и тѣ же. Бонапартъ преслѣдовалъ этотъ *черный* народъ кастетами своихъ сержантовъ, остроумно прозванныхъ alouettes de potence, тюрьмами своихъ Пьетри и судами своихъ Делево; оффиціальное и биржевое общество рукоплескало Бонапарту, одобряя его за подавленіе гражданской войны и не понимая, что онъ давитъ ихъ только для того, чтобъ свободнѣе вести Францію на убой! До послѣдней минуты имперіи, рабочее населеніе оставалось въ миролюбивомъ настроеніи и, безъ сомнѣнія, это только свидѣтельствуетъ о совершающемся развитіи и здравомъ смыслѣ этой новой политической силы на Западѣ, этого четвертаго сословія, борющагося теперь противъ третьяго—средняго, какъ и оно боролось въ XVIII-мъ вѣкѣ противъ первыхъ двухъ—дворянства и духовенства. И только, когда пала имперія, когда Пруссія заявила притязанія на Эльзасъ и Лотарингію, — когда народное волненіе въ Парижѣ и провинціи выдвинуло впередъ знамя республики, и объявило войну за свободу противъ чужеземнаго деспотизма—то рабочее населеніе предмѣстій встало на защиту столицы съ полной готовностью и самоотверженіемъ. Вотъ это-то самоотверженіе и было испытано бомбардированіемъ фортовъ Росни и Ножана: еслибъ они пали, чего весьма возможно было ожидать, участь Бельвилля и Лавилетъ оказалась бы въ рукахъ (или вѣрнѣе, въ пушкахъ!) пруссаковъ; но ни одинъ голосъ не задрожалъ предъ истребленіемъ, грозившимъ фобургамъ; ни одинъ голосъ не раздался въ пользу капитуляціи для спасенія фобурговъ, и въ то же время оказалось, что одинъ бельвилльскій батальонъ защищалъ укрѣпленія до послѣдней крайности, между тѣмъ,

какъ реакціонныя газеты поносили рабочія предмѣстья за ихъ трусость и способность только *„орать“* противъ высшихъ властей...

Англійскій корреспондентъ Лабушеръ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ населенію предмѣстьевъ, отзывается о немъ такимъ образомъ:

„Парижская пресса—пишетъ Лабушеръ—вѣчно заклинаетъ рабочихъ людей не рѣзать горла другъ у друга или у своихъ ближнихъ и поздравляетъ ихъ съ благороднымъ поведеніемъ, только за то, что они не дѣлаютъ этого. Такого рода похвалы кажутся мнѣ нисколько не лучшими какого бы то ни было ругательства. Я не вижу причины, почему на рабочихъ людей можно смотрѣть, какъ на менѣе воодушевленныхъ патріотизмомъ, чѣмъ всѣ другіе. Что они недовольны Трошю и проповѣдуютъ политическія и соціальныя убѣжденія иныя, чѣмъ буржуазія—это возможно. Но вѣдь всякое убѣжденіе свободно (англійскій корреспондентъ, какъ видите, *неисправимый* островитянинъ, и до сихъ поръ не понялъ мудрости континентальной логики, вовсе не допускающей подобнаго послабленія всякимъ мнѣніямъ!), и они доказали до сихъ поръ, что они готовы подчинить выраженіе своихъ мнѣній требованіямъ національной защиты. Я часто бываю теперь между ними, и хотя многіе изъ нихъ желали бы введенія общей системы распредѣленія продуктовъ (a general system of rationing), ибо они полагаютъ, что такимъ образомъ провизія могла бы сохраниться долѣе, тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ не имѣетъ желанія грабить или вызвать столкновеніе съ правительствомъ. Я, лично, смотрю на нихъ по отношеніямъ къ качествамъ, представляющимъ добраго гражданина,—какъ на далеко превосходящихъ достоинствомъ тѣхъ журналистовъ, которые обращаются къ нимъ съ своею проповѣдью, и которые гораздо лучше поступили бы, еслибъ взяли на плечо ружье и пошли впередъ въ рядахъ войска, вмѣсто того, чтобъ истреблять бумагу на ругàніе пруссаковъ и на превознесеніе своего героизма. Какъ солдатъ, рабочій виноватъ въ томъ, что онъ не хочетъ подчиняться дисциплинѣ, но это болѣе вина правительства чѣмъ рабочаго класса. Какъ на гражданъ, ни кто не можетъ жаловаться на рабочихъ,—и потолковать съ кѣмъ-либо изъ нихъ, послѣ прочтенія руководящихъ статей газетъ,—является серьезнымъ отдыхомъ. Французскій журналистъ рядится въ свою тогу, становится на пьедесталъ и изрекаетъ безсмысленныя, внѣ всякой практичности — фразы, разсчитывая на эффектъ. Французскій рабочій быть можетъ слишкомъ склоненъ смотрѣть на каждаго, за исключеніемъ самого себя и особаго кумира, поставленнаго имъ надъ собою,—какъ на глупца, но онъ отнюдь не лишенъ полной способности руководиться вполнѣ практическимъ взглядомъ и относительно своихъ собственныхъ интересовъ и относительно интересовъ своей страны. Сначала осады появилось 49 новыхъ журналовъ,

изъ которыхъ многіе скоро прекратились, но тѣмъ не менѣе въ Парижѣ теперь публикуется по крайней мѣрѣ 60 газетъ. Тѣ, которыя стояли самымъ усерднымъ образомъ за имперію, теперь самые рьяные защитники республики! Издатели и писатели, мечта которыхъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ была добиться до приглашенія въ Тюльери или Пале-Рояль или заслужить самой гнусною лестью ленточку почетнаго Легіона, тѣ стали теперь совершенными Катонами и бичуютъ дворъ и придворныхъ, бонапартистовъ и орлеанистовъ. Они смотрятъ теперь на войну, какъ на самое ужасное преступленіе, и они, повидимому, совершенно забыли, какъ въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ они привѣтствовали съ кликами восторга *начало* тріумфальнаго марша... въ Берлинъ!"

Запомните эту характеристику англичанина, она очень можетъ пригодиться для сужденія о дальнѣйшихъ событіяхъ.

Пока Бельвилль и Лавилетъ протестовали противъ бездѣйствія Трошю и высказывали свои подозрѣнія относительно патріотизма торговцевъ,—прусаки перенесли свои главныя дѣйствія съ восточной на южную сторону и начали бомбардировать форты Исси, Ванвръ и Монружъ; странный свистъ и гулъ раздался надъ головами парижанъ; гранаты посыпались на Пантеонъ и на окружные кварталы (5-го января). Св. Женевьева не оградила отъ *вандализма* пруссаковъ великаго храма, посвященнаго Конституантой въ 1791-мъ году, по смерти Мирабо: „Великимъ людямъ, благодарное отечество." Гранаты ударили въ церковь Св. Жака, — прощай старенькая улица Суффло съ своими кабинетами для чтенія и дешевыми букинистами, пріурочившимися у перилъ улицы! Прощай Музей Клюни, красовавшійся съ своимъ садомъ, какъ средневѣковой отшельникъ, на углу бульвара С. Мишеля,— бульвара студентства и его подругъ! прощай Люксембургскій садъ, изъ-за Pépinière котораго мы такъ шумѣли въ 1866-мъ году, отстаивая эту святыню юныхъ воспоминаній отъ злокозненнаго покушенія Бонапарта; изъ-за Люксембурга мы даже буйствовали въ Ecole de médecine и даже занесли тогда свистки въ Collège de France,—пруссаки теперь занесли туда *другіе* свистки и ихъ гранаты хотятъ выжечь свободолюбивыя традиціи нашей юности.... Вотъ гранаты вторглись въ госпитали—Val de Grâce, Charité,—здѣсь наши товарищи-медики знакомились впервые и съ практической наукой и съ практической жизнью народа, въ лицѣ ея больныхъ и бездомныхъ; напрасны перевязки раненыхъ — прусскія гранаты летятъ и отрываютъ руки у раненыхъ; напрасны успокоительныя средства родильницамъ, гранаты успокоиваютъ ихъ и ихъ младенцевъ — вотъ гдѣ разсказывается *повѣсть* „кто виноватъ" — только врядъ ли найдется столь талантливый повѣствователь, который съумѣетъ указать людямъ наконецъ, *кто* дѣйствительно виноватъ... во всякомъ случаѣ, не эти женщины

и не эти младенцы! Мальчишки потѣшаются гранатами и тоже ведутъ между собою войну изъ-за *осколковъ*; основывается новая *коммерція* осколковъ; цѣлая лоттерея учреждается съ выигрышами изъ осколковъ, выручаются сотни франковъ въ пользу пострадавшихъ, да бѣда въ томъ, что скоро и за сотни франковъ нельзя будетъ ничего достать...

Началось „великое переселеніе народовъ" изъ бомбардированныхъ кварталовъ; съ лѣваго берега (Rive Gauche) поплелись караваны со всякою утварью на правую сторону—да здравствуетъ равенство, братство и свобода, во имя которыхъ пострадавшіе и выгнанные изъ своихъ жилищъ идутъ занимать опустѣлые кварталы бѣжавшихъ до осады или тѣснятся въ гостепріимныхъ углахъ знакомыхъ и добрыхъ людей, въ *спокойныхъ* кварталахъ. Сообразите, какъ это должно было дѣйствовать на развитіе болѣзней, когда теперь въ Парижѣ, вмѣсто обыкновенной еженедѣльной смертности въ 1,200 человѣкъ, умерло, за послѣднюю недѣлю, 4000 человѣкъ! Героизмъ обходится не дешево! Цѣлый переворотъ неизбѣжно слѣдуетъ за переселеніемъ во всей государственной экономіи; мясники и лабазники не знаютъ, что и кому выдавать; билеты, выданные изъ муниципальныхъ округовъ переселенцевъ, предъявляются этими послѣдними въ новыхъ кварталахъ, и порцій не хватаетъ для раздачи. А между тѣмъ положеніе становится все тяжеле. 12-го января правительство объявило ложными слухи о выдачѣ хлѣба по порціямъ, — на дѣлѣ оказалось это объявленіе ложнымъ; послѣ всѣхъ обысковъ въ квартирахъ бѣглецовъ и въ запасныхъ магазинахъ лавочниковъ, послѣ запрещенія булочникамъ печь какой бы то ни было хлѣбъ, кромѣ обыкновеннаго, одинаковаго для всѣхъ [1]), послѣ устройства исполинскихъ казенныхъ пекарень и мельницъ, дошли наконецъ и до порціонной раздачи хлѣба — хлѣба, состоящаго изъ 50-ти частей муки, 30-ти частей рису и 20-ти частей овса, и выдаваемаго въ количествѣ 300 граммовъ ($^3/_5$ фунта) для взрослыхъ и 150-ти граммовъ для дѣтей. Говорятъ, что въ винѣ тоже недостатокъ этотъ голодъ, вмѣстѣ съ холодомъ, на которомъ должны стоять цѣлые часы женщины, толпящіяся у лавокъ и мерій за порціями, —конечно производитъ гораздо болѣе деморализующее вліяніе на населеніе Парижа, чѣмъ самое бомбардированіе. Въ виду такого очевиднаго истощенія съѣстныхъ припасовъ, рядомъ со всѣми лишеніями и страданіями, которымъ парижане охотно подчинились, лишь бы не переносить позора капитуляціи, — понятно, что передъ ними съ каждымъ днемъ все болѣе разростался и мучилъ ихъ вопросъ: чѣмъ же все

[1]) Во время директоріи первой франц. Республики народъ не разъ волновался и даже осаждалъ Конвентъ съ крикомъ: «хлѣба и поменьше рѣчей!» Чего имъ надо? спросила великосвѣтская дама, глядя на бунтовавшую толпу. Хлѣба, а хлѣба нѣтъ. «Ну такъ пусть ѣдятъ бріоши!» Теперь и бріошей нельзя ѣсть.

это кончится? — Наша армія бездѣйствуетъ, запасы истощаются, мы неминуемо придемъ къ капитуляціи, насъ продадутъ, послѣ всего что мы претерпѣли,—вылазка, выходъ изъ Парижа всей вооруженной массой, la sortie en masse! Этотъ кликъ заглушилъ всѣ другія требованія и повидимому имѣлъ то значеніе, что вмѣсто розни, порождаемой всѣми другими требованіями, онъ соединилъ воедино всѣ слои населенія.

Недовѣріе, ропотъ противъ Трошю становился все громче и громче. 8-го января, крайняя политическая партія—Делеклюза и Ледрю Роллена—опубликовала свой манифестъ, подписанный 20-ью *делегатами* муниципальныхъ округовъ.

„Насъ 500 тысячъ бойцовъ, и 200 тысячъ пруссаковъ насъ душатъ?... Правительство отказало намъ въ поголовномъ возстаніи. Оно оставило въ правленіи—бонапартистовъ и бросило въ тюрьмы республиканцевъ. Оно рѣшилось дѣйствовать противъ пруссаковъ только по истеченіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, и послѣ 31-го октября.... Своей медленностью, своей нерѣшительностью, оно довело насъ до края бездны.... Оно не поняло, что въ осажденномъ городѣ все, что участвуетъ въ борьбѣ за спасеніе отечества, пріобрѣтаетъ равное право на полученіе отъ него содержанія; оно ничего не съумѣло предусмотрѣть: тамъ, гдѣ могло быть все въ избыткѣ, теперь нищета, люди умираютъ съ холоду и уже почти съ голоду, женщины страдаютъ, дѣти вянутъ и мрутъ.

„Военное управленіе еще печальнѣе: вылазки безъ цѣли, кровавыя битвы безъ результата; многократныя неудачи, которыя могли смутить даже самыхъ храбрыхъ борцовъ, и наконецъ бомбардированіе Парижа... Спасеніе Парижа требуетъ безотлагательнаго, быстраго рѣшенія. Правительство отвѣчаетъ только угрозами на упреки общественнаго мнѣнія... Если въ людяхъ городской думы есть еще сколько-нибудь патріотизма, они должны удалиться и предоставить самому народу заботу о его избавленіи... Продолженіе этого режима—означаетъ капитуляцію, и Метцъ и Руанъ показали намъ, что капитуляція означаетъ только продолженіе голода, она ведетъ за собою всеобщее разореніе и позоръ! Капитуляція—это отправка арміи и національной гвардіи въ Германію, на посмѣшище и поруганіе чужеземцамъ; это разореніе торговли, уничтоженіе промышленности, это военныя контрибуціи, которыя задавятъ Парижъ: вотъ что готовятъ намъ неспособность и предательство. Великій народъ 89-го года, разрушившій бастиліи и ниспровергшій троны, будетъ ли онъ ожидать въ бездѣйствіи и отчаяніи, пока холодъ и голодъ заставятъ застыть въ его сердцѣ послѣднюю каплю крови? Нѣтъ! населеніе Парижа никогда не захочетъ подвергаться этимъ бѣдствіямъ и позору. Оно знаетъ, что еще есть время; что рѣшительныя мѣры дадутъ рабочимъ возможность жить и всѣмъ сражаться. Всеобщая

реквизиція, безплатная раздача пищи, нападеніе на врага всей массою. Мѣсто народу! мѣсто коммюнѣ!".

Безъ сомнѣнія, мы не можемъ судить объ этой прокламаціи, какъ о произведеніи спокойнаго духа въ нормальное время: писанная подъ гранатами и среди труповъ, она важна для насъ только какъ выраженіе крайней партіи, которая можетъ повидимому очутиться во главѣ Парижа ранѣе, чѣмъ населеніе захочетъ принять условія капитуляціи, и которая показываетъ намъ, къ какимъ мѣрамъ она намѣрена прибѣгнуть для послѣдней, геройской, отчаянной попытки освобожденія. Прокламація, конечно, весьма грѣшитъ тѣмъ, что не указываетъ практическихъ мѣръ, ограничивается *страшнымъ* словомъ коммюны и обвиняетъ правительство въ предательствѣ—общими мѣстами. Въ послѣдніе дни партія Делеклюза однако опубликовала предложеніе выбрать правительственный совѣтъ изъ 200 представителей; но и это еще очень мало поясняетъ: что стали-бы дѣлать эти 200 представителей и какъ произвести выборы? Гораздо важнѣе припомнить здѣсь призывъ Рошфора и его сочленовъ по комитету баррикадъ—въ которомъ они призывали все населеніе быть на готовѣ;—этотъ призывъ предостерегалъ Парижъ о возможности битвы съ пруссаками въ самыхъ улицахъ города и выражалъ рѣшимость биться до конца.

А ропотъ и недовольство росли все болѣе; крики о предательствѣ стали чаще и громче; слухи о несогласіяхъ въ правительствѣ вызвали новое оффиціальное опроверженіе его; Трошю долженъ былъ уступить и созвать вокругъ себя военный совѣтъ: одни стояли за частыя небольшія вылазки, другіе—и все общественное мнѣніе—за общій выходъ массою за стѣны Парижа, на врага. Гроза *голода* и капитуляціи не оставляла другого выбора. Конечно, обвиненія противъ Трошю во многомъ грѣшатъ: нельзя отъ человѣка требовать того, чего онъ не въ силахъ ни дать, ни создать. Онъ создалъ громадную армію, но ни онъ, ни другіе генералы никогда не высказывали довѣрія къ новобранцамъ, къ національной гвардіи; онъ боялся вести свои войска и всю артиллерію далеко отъ фортовъ, боясь неудачи, бѣгства войска и потери всей артиллеріи. Всѣ его планы основывались на помощи изъ провинцій, на арміи Шанзи, Федэрба, Бурбаки; Гамбетта ему обѣщалъ эту помощь; Шанзи, Федэрбъ... уже были такъ близки отъ Парижа. Безъ ихъ помощи, Трошю не представлялся возможнымъ успѣхъ: онъ, въ сущности, сдѣлалъ свое дѣло, онъ укрѣпилъ Парижъ какъ неприступную крѣпость, онъ удовлетворялъ потребностямъ двухъ-милліоннаго *гарнизона* въ теченіи цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ, когда едвали можно было надѣяться, что Парижъ продержится и четыре недѣли; онъ далъ провинціямъ вдвое болѣе времени, чѣмъ самому себѣ и при несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ—для сформированія армій, цѣль которыхъ должна была быть помощь Парижу. Его ли вина, что эта помощь не явилась?

а безъ этой помощи, по его мнѣнію, идти со всею массою на Версаль равнялось бы безплодной бойнѣ и вѣрному пораженію, тѣмъ болѣе, что, какъ говорятъ, Версаль укрѣпленъ пруссаками не хуже Парижа! Но парижанамъ до этого всего нѣтъ дѣла, идея ихъ освобожденія стала для нихъ, повидимому, религіозной идеей, они вѣрятъ въ свое освобожденіе, оно должно совершиться какимъ бы то ни было чудомъ: нѣтъ генераловъ—изъ земли выйдутъ генералы и поведутъ насъ на истребленіе нѣмцевъ, мы принесли все—свое здоровье, своихъ дѣтей, свою жизнь въ жертву нашей вѣрѣ, вѣра спасетъ насъ! Такое настроеніе поневолѣ внушаетъ корреспондентамъ сомнѣніе о *мирной капитуляціи* Парижа, и заставляетъ ихъ ожидать со стороны парижанъ всего возможнаго и невозможнаго прежде, чѣмъ отдаться живымъ въ руки врага.

Общій голосъ заставилъ Трошю предпринять послѣднюю вылазку 19-го января: здѣсь въ первый разъ участвовали граждане войны, національная гвардія, которую провожали жены и дѣти, цѣлыя сутки оставшіяся на улицѣ въ ожиданіи побѣдителей... раненыхъ или труповъ... На этотъ разъ, дѣйствительно, всѣ сословія безъ разбору выказали свой парижскій патріотизмъ, свою готовность умереть за честь и спасеніе великаго родного города... въ рядахъ артиллеріи національной гвардіи былъ раненъ Рошфоръ, въ пятницу 20-го января... О чрезмѣрномъ числѣ убитыхъ и раненыхъ можно только судить по просьбѣ Трошю о 48-ми-часовомъ перемиріи!.. Я не буду здѣсь разсказывать о кровавыхъ битвахъ этой *послѣдней* попытки Трошю, все таже исторія: форты гремѣли, войска двинулись, пруссаки отступили къ своимъ укрѣпленнымъ позиціямъ, одинъ французскій генералъ запоздалъ почему-то (на этотъ разъ самъ Дюкро!), батальонъ дрогнулъ и попятился назадъ; войска ночевали на завоеванныхъ позиціяхъ; на другой день ждали новой отчаянной битвы... войска вернулись въ Парижъ, прокламація губернатора снова объяснила *безполезность* дальнѣйшаго боя!.. Можетъ быть, съ точки зрѣнія военной стратегіи, иначе и нельзя поступать, но подите объясните стратегію вдовѣ или матери, которой у изуродованнаго трупа мужа или сына говорятъ о *безполезности* дальнѣйшаго боя!

Трошю, однако, напрасно не объявилъ прямо и открыто о наиболѣе серьезной причинѣ своей неудачи: дѣло въ томъ, что онъ на полѣ битвы, или на своемъ обсерваціонномъ пунктѣ въ фортѣ М. Валерьенъ узналъ о пораженіи Шанзи и о разбитіи Федэрба! А когда враги Трошю узнали въ свою очередь объ этихъ пораженіяхъ, то они нашли въ нихъ только новую причину для обвиненія Трошю: онъ не хотѣлъ отважиться на общую вылазку, и онъ не дѣлалъ частныхъ вылазокъ (частныя вылазки однако были произведены въ пятницу 13-го января, ночью, на сѣверо-восточной и юго-западной сторонѣ, опять противъ Лебурже (Le Bourget) и опять безуспѣшно), важность которыхъ за-

ключалась бы въ томъ, чтобъ удержать всѣ нѣмецкія силы подъ стѣнами Парижа и не дать имъ возможности выдѣлить изъ себя десятки тысячъ армій для дѣйствія противъ Шанзи и Федэрба, и даже Бурбаки; такимъ образомъ, Трошю представлялся виновнымъ даже въ неудачахъ провинціальныхъ армій. Въ сущности же, главная вина Трошю была въ томъ, что онъ взялся повидимому не за свое дѣло: онъ оказался отличнымъ организаторомъ, онъ образовалъ полмильонную парижскую армію, но онъ никогда не былъ способнымъ стать полководцемъ этой арміи, боевымъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ. Это объясненіе—самое выгодное для Трошю; внѣ этого объясненія—оставалось бы потвердить противъ него обвиненій парижскаго населенія въ предательствѣ республики,—потому что онъ никогда не былъ республиканцемъ: парижскіе республиканцы навсегда останутся при убѣжденіяхъ, что Трошю предалъ Парижъ въ пользу того или другого монархическаго трона...

Въ пятницу вечеромъ, 20-го января, раздался набатъ, зловѣщій революціонный tocsin — въ предмѣстьяхъ; пронесся слухъ о вооруженномъ походѣ предмѣстій на городскую думу; Ж. Ферри укрѣпилъ думу митральезами... Я пишу эти строки 27-го числа... въ эту минуту хозяйка моего пансіона — старая француженка изъ Страсбурга, принесла депешу, говорящую о возмущеніи въ Парижѣ и о подавленіи его *войсками!* Бѣдная старушка не можетъ удержать слезъ и съ трепетомъ спрашиваетъ меня: Est-ce vrai, monsieur, que nous aurons la guerre civile? (правда-ли, что у насъ будетъ гражданская война?). Я не хочу усугублять горе моей гостепріимной хозяйки, она уже не разъ разсказывала мнѣ, какъ гунны (пруссаки) разорили ея домикъ подъ Страсбургомъ и какъ она не жалѣетъ, что принесла свой домикъ на autel de la patrie (алтарь отчизны); но я не хочу также обманывать ее и прямо говорю: „да, будетъ, если захотятъ снова посадить Бонапарта на престолъ“.—„Oh, le scélérat! je ne survivrai à cette ignominie!“ (О злодѣй! я не переживу этого униженія!), неужели-же вы думаете, что всѣ *сильные* нашей націи погибли и никто не найдется, чтобъ уничтожить его?—Cela se peut—отвѣчаю я,—это возможно; но, ma pauvre dame, я видѣлъ двадцать разъ въ Парижѣ, какъ сержанты бьютъ самыхъ смѣлыхъ людей кастетами и тесаками и никто изъ нихъ не нашелся, чтобъ уничтожить даже тѣхъ сержантовъ“... Моя старушка плачетъ и,—извините за признаніе—глядя на нее, я какъ-бы вижу предъ собою большую часть Франціи, и я самъ-бы готовъ заплакать, еслибъ слезы могли чему-нибудь помочь; но слезы не помогутъ и я одобряю мою старушку, бормоча: il ne faut jamais désesperer, ma pauvre dame! (никогда не слѣдуетъ отчаяваться!). Бѣдная старушка! я впередъ знаю что она на дняхъ, если не сегодня и не завтра, принесетъ мнѣ еще гораздо болѣе печальныя извѣстія, и

читатель, пробѣжавъ мой быстрый очеркъ о состояніи Парижа, тоже теперь знаетъ, что въ Парижѣ не обойдется безъ кровавыхъ междоусобныхъ смутъ прежде, чѣмъ онъ подпишетъ свой приговоръ и сдастся на капитуляцію...

А далѣе? конецъ ли это войны, или начало новой? конецъ ли это республики, начало ли новой реставраціи?—вотъ вопросы, которые мы задали себѣ третьяго дня въ началѣ этого письма... Какъ отвѣчать на нихъ? Вы знаете ужасающую исторію провинцій за этотъ мѣсяцъ! Я говорилъ въ прошломъ письмѣ объ опасеніяхъ за армію Шанзи. Опасенія оправдались въ самыхъ тяжелыхъ размѣрахъ—Фридрихъ-Карлъ и „Мекленбургъ“ бросились за нимъ въ погоню; онъ опять дрался нѣсколько дней сряду: лагерь *Конли* (см. прошлое письмо) вмѣсто подкрѣпленія принесъ пораженіе: папскіе бретонцы, шедшіе въ бой за вѣру и короля (отечество)—побѣжали и ихъ бѣгство порѣшило битву, порѣшая ею въ тоже время и участь Парижа! Конечно, республиканскія газеты юга платятъ теперь папистамъ, клерикаламъ и реакціи ихъ же монетою, когда указываютъ на пораженіе столь восхваляемыхъ сыновъ католицизма; но я думаю, что эти насмѣшки такъ же неумѣстны, какъ и всѣ гнусныя выходки клерикаловъ противъ гарибальдійцевъ; потому что я убѣжденъ, что эти насмѣшки вовсе не возбудятъ въ сельскомъ населеніи республиканскаго духа,—они только изобличатъ самую страшную язву, отъ которой страдаетъ Франція—язву неугомонныхъ старыхъ партій, кующихъ интриги и заговоры противъ республики...

Газеты объявляютъ, что Шанзи снова готовится къ наступательному движенію, точно также, какъ и Федэрбъ, разбитый при Сенъ-Кентенѣ (по причинѣ своего нелѣпаго стратегическаго плана, разъединившаго каналомъ двѣ части своей арміи) и который вмѣстѣ съ Гамбеттою въ Лиллѣ объявляетъ, что сѣверная армія поспѣшитъ на помощь Парижу;—но эти объявленія останутся только любопытнымъ документомъ для сужденія о психологическомъ состояніи людей, взявшихъ на себя защиту Франціи, — другого результата врядъ ли отъ нихъ можно ожидать. Къ тому же психологическому состоянію должна быть отнесена другая черта, проявляющаяся въ это время во французахъ: пораженіе идетъ за пораженіемъ и рядомъ съ тѣмъ, вмѣсто безвѣрія, отчаянія,—одна надежда рождается за другой: вчера былъ героемъ Орелль де-Паладинъ и вся надежда Франціи сосредоточивалась на немъ, на его походѣ изъ Орлеана на Версаль; Орелль потерпѣлъ пораженіе, явился на сцену Шанзи; съ нимъ неудача, — выдвинулся впередъ Федербъ и отъ успѣховъ сѣверной арміи чаяли спасенія и Парижа и провинціи; Федэрбъ разбитъ на голову,—новая надежда является на востокѣ—армія Бурбаки освободитъ Бельфоръ и ринется изъ Альзаса, гдѣ перерѣжетъ всѣ пути нѣмцамъ, въ самую

Германію. Битва опять слѣдовала за битвой на сѣверѣ, западѣ и востокѣ Франціи; сегодня успѣхъ, повидимому, ободряющій сопротивленіе, завтра—новая бѣда! Въ эту минуту, судя по нѣмецкимъ депешамъ, Вердеръ съ Мантейфелемъ нанесли жестокое пораженіе Бурбаки, ударившемуся въ бѣгство; судя по французскимъ и даже швейцарскимъ депешамъ, ничего нельзя еще сказать положительнаго, кромѣ того, что попытка Бурбаки освободить Бельфоръ не удалась и каждый часъ можетъ наступить у швейцарской границы битва, конецъ которой, если не увѣнчается разбитіемъ нѣмецкихъ войскъ, что весьма невѣроятно (т.-е. разбитіе), то кончится или плѣномъ арміи Бурбаки, или спасеніемъ ея на нейтральной почвѣ Швейцаріи. И опять блеснула надежда, и по Франціи снова пронесся кликъ ободренія; Гарибальди побилъ пруссаковъ, и побилъ иначе, чѣмъ французы били досихъ-поръ: французамъ дѣйствительно удавалось иногда нанести пораженіе нѣмцамъ, но всегда затѣмъ нѣмцы возвращались въ двойномъ числѣ и всегда заставали французовъ врасплохъ, жестоко платя имъ за первый уронъ.

На этотъ разъ дѣло вышло иначе; сраженіе завязалось сразу весьма упорное съ обѣихъ сторонъ; Риччоти окружили враги со всѣхъ сторонъ, онъ уже почти взятъ въ плѣнъ съ своимъ отрядомъ, но онъ пробился сквозь густые ряды и кончилъ тѣмъ, что вышелъ изъ сраженія съ прусскимъ знаменемъ—это первое, единственное нѣмецкое знамя, завоеванное французами въ эту войну. День кончился пораженіемъ нѣмцевъ; они бѣжали предъ гарибальдійцами и *старикъ* вернулся въ Дижонъ, встрѣченный восторженными благословеніями благодарнаго населенія. Вѣрные своей тактикѣ, нѣмцы вернулись снова подъ Дижонъ и снова были прогнаны. Отъ этой-то побѣды Гарибальди и ликуетъ теперь вся республиканская пресса Франціи, въ то время, какъ „Décentralisation“ ліонская, „France“ бордосская и всѣ другіе органы клерикализма и реакціи не щадятъ никакихъ ругательствъ, ни клеветъ относительно Гарибальди и его сподвижниковъ. Но этотъ старый Тарасъ Бульба съ своими Остапомъ и Андреемъ нисколько не смущается и дѣлаетъ свое дѣло; онъ и устроился-то вовсе не на манеръ французскихъ генераловъ, а скорѣе дѣйствительно, подобно Тарасу Бульбѣ, образовалъ вокругъ себя родъ запорожской сѣчи. Не было такого оскорбленія, какого бы онъ не вынесъ даже отъ самого правительства; его лишали всякихъ средствъ, какъ я уже не разъ говорилъ это; когда онъ пошелъ въ первый разъ въ Дижонъ, ему надо было завладѣть прусскими пушками и снарядами; войдя въ Дижонъ онъ укрѣпился, и главнымъ образомъ при помощи своихъ гарибальдійскихъ комитетовъ, выросшихъ на всѣхъ углахъ южной Франціи; въ послѣднее время, онъ съорганизовалъ ихъ окончательно, образовавъ изъ нихъ цѣлую федерацію, связавъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ.... Его побѣды

достаются ему не легко: въ противоположность французскимъ генераламъ, *его* генералы платятся жизнію на полѣ битвы: въ этотъ разъ подъ Дижономъ мѣткая пуля сразила генерала Боссака-Гауке.... Боссакъ былъ правою рукою Гарибальди и въ этой войнѣ. Онъ отправился къ Гарибальди, какъ только Гарибальди прибылъ во Францію; онъ принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ битвъ съ нѣмцами.... 21-го января онъ былъ убитъ, и только чрезъ три дня нашли его тѣло въ лѣсу,—съ него были сняты часы, кольцо, сапоги. Рядомъ съ Боссакомъ пало много другихъ отважныхъ бойцовъ, стекавшихся со всѣхъ сторонъ, изъ Марсели, изъ Италіи, изъ Испаніи, изъ Америки, подъ знамя Гарибальди, на борьбу за свободу. Гарибальди остался и на этотъ разъ побѣдителемъ, но что ждетъ его впереди? Нѣмцы успѣли перерѣзать линію сообщенія между Безансономъ и Ліономъ, занявъ Доль, и лишивъ такимъ образомъ Бурбаки подвоза пищи и снарядовъ. Чѣмъ кончитъ Бурбаки начатое отступленіе? Компетентные судьи не предвидятъ ничего добраго: или онъ будетъ отброшенъ на швейцарскую территорію, или онъ попадетъ въ плѣнъ со всею своей арміей, оцѣпленной со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Если Бурбаки не задумалъ какого-либо отчаянно-смѣлаго плана, который обманулъ бы всѣ соображенія и извѣстную боевую тактику нѣмцевъ, если и онъ будетъ разбитъ, то положеніе Гарибальди можетъ тоже оказаться весьма критическимъ, потому что и онъ можетъ очутиться между двухъ огней—съ одной стороны Вердера и Мантейфеля, съ другой—Фридриха-Карла и герцога Мекленбургскаго. Если же ему удастся удержаться въ Дижонѣ и собрать вокругъ себя болѣе многочисленную армію, то, повидимому, вся надежда, всѣ упованія Франціи сосредоточатся на немъ, и онъ, наконецъ, станетъ во главѣ новой войны за освобожденіе....

Въ этихъ послѣднихъ словахъ читатель можетъ увидѣть предположеніе, что война не окончится съ капитуляціей Парижа. Конечно, ничего нельзя сказать опредѣленнаго, потому что, говоря серьезно, никто не знаетъ, какъ самъ народъ относится теперь къ войнѣ и ея продолженію,—его голоса еще неслышно въ провинціяхъ настолько, чтобъ можно судить о дальнѣйшемъ ходѣ войны съ достаточной достовѣрностью. Но, во-1-хъ, зная настроеніе парижскаго населенія, трудно предположить, чтобъ Парижъ покорно сдался на капитуляцію *); во-2-хъ, судя по всѣмъ органамъ республиканской прессы въ провинціи, война не кончится и будетъ продолжаться съ новымъ ожесточеніемъ и отчаяніемъ. Вопросъ слѣдовательно въ томъ, насколько эта пресса выражаетъ истинное настроеніе народа.

---

*) Предположенія почтеннаго корреспондента не оправдались быть можетъ потому, что нѣмцы дали обязательство не вводить своего войска въ Парижъ во время перемирія. — *Ред.*

Прислушайтесь къ голосу республиканской прессы: она единодушно проповѣдуетъ „сопротивленіе до послѣдней крайности"; она критикуетъ правительство и негодуетъ на него, на его неумѣлость, ошибки, виллянья и колебанья, на его неспособность организовать дѣятельную администрацію военныхъ дѣлъ; на его упорство относительно передѣлки старыхъ ружей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, республиканская пресса указываетъ на полную солидарность между побѣдою и республикою; она прямо признаетъ, что въ окончательномъ пораженіи Франціи она видитъ паденіе республики, и она откровенно говоритъ, что за военнымъ пораженіемъ Франціи наступитъ казнь и гоненіе всего, что носитъ одно хотя имя республики и республиканцевъ; пораженіе, капитуляція—это Ламбесса, Кайена, это изгнаніе, галеры и разстрѣляніе для всѣхъ республиканцевъ; пораженіе—это реставрація бонапартизма или орлеановъ. Такъ говорятъ всѣ органы этой прессы: Droits de l'homme (Монпелье), Égalité и Révolution (Марсель), Émancipation (Тулуза), Progrès (Ліонъ) и всѣ другіе.... Я говорилъ уже въ прошломъ письмѣ, что война можетъ скоро принять другой характеръ; я думаю, что если войнѣ суждено продлиться, то она именно теперь вступитъ въ новую фазу, она станетъ подъ знамя новыхъ руководителей. Вмѣстѣ съ паденіемъ Трошю и Ж. Фавра, врядъ ли устоитъ на пьедесталѣ диктатуры и Гамбетта: эта диктатура все болѣе обличаетъ свою несостоятельность и ее все болѣе подкашиваетъ и неуспѣхъ ея военныхъ предпріятій, и недовольство всѣхъ рѣшительно партій, самыхъ противоположныхъ и враждебныхъ и только согласныхъ между собою въ этомъ одномъ пунктѣ—въ нападеніи на Гамбетту.... И во всякомъ случаѣ, война приметъ самый отчаянный оборотъ и сведется на кровопролитнѣйшее междоусобіе, если въ самомъ дѣлѣ монархическіе претенденты попытаются реставрировать свои троны, сломленные ихъ собственнымъ безуміемъ, ихъ собственнымъ гнетомъ, ихъ собственною дешевою готовностію подвергать всю Францію неизмѣримымъ бѣдствіямъ изъ-за личныхъ династическихъ интересовъ. Въ послѣднее время, республиканскіе органы нисколько не скрываютъ своихъ опасеній бонапартовскихъ и орлеанистскихъ интригъ, и республиканская партія предпринимаетъ всѣ мѣры, считаемыя ею за практичныя, для того, чтобъ въ извѣстный моментъ вызвать въ народѣ отпоръ всѣмъ династическимъ притязаніямъ. Такъ, изъ Парижа посланъ въ провинціи призывъ въ организованію *республиканскаго союза* (l'Alliance républicain), долженствующаго покрыть сѣтью группъ и обществъ всю Францію, во имя одной общей программы. Съ тою же цѣлью, для общаго рѣшенія о томъ, какія мѣры должны быть безотлагательно приняты правительствомъ для изгнанія внѣшнихъ враговъ, и какимъ способомъ слѣдуетъ подавить внутреннихъ враговъ—собрались въ Тулузѣ на-дняхъ делегаты отъ органовъ республиканской прессы, обнародовавшей те-

перь свой манифестъ. Разборъ программы республиканскаго союза и манифестъ конгресса журналистовъ вывелъ бы насъ далеко за рамки этого письма; я долженъ окончить однимъ указаніемъ на эти явленія, свидѣтельствующимъ, что республиканцы признаютъ опасность своего положенія и намѣрены употребить всѣ самыя энергическія средства для сопротивленія и пруссакамъ и Бонапарту или Орлеанамъ, потому что, какъ я сейчасъ указалъ, въ пораженіи ихъ или торжествѣ лежитъ вопросъ жизни или смерти для республики и республиканцевъ, и тамъ, гдѣ ставится такой вопросъ на очередь, тамъ, особенно среди французской націи, мы можемъ быть зрителями такихъ событій, которыя внезапно разсѣкаютъ гордіевы узлы, совершенно вопреки всѣмъ ожиданіямъ и разсчетамъ самыхъ тонкихъ политиковъ и дипломатовъ.

Ав. Семъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ

5 (17) января 1871.

Театръ въ Италіи.

Событія, волнующія Европу въ теченіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ, не такого свойства, чтобы говорить объ увеселеніяхъ общественной жизни даже и среди вѣчно веселыхъ и смѣющихся народовъ Юга, между которыми итальянцамъ принадлежитъ, быть можетъ, въ этомъ отношеніи первое мѣсто; вдобавокъ, суровая зима, одѣвшая въ нынѣшнемъ году непривычнымъ снѣжнымъ покровомъ веселые холмы Фіезоли и Беллосгуардо, способна оцѣпенить всякое оживленіе. Но торжественный день de' Re Magi наступилъ, и у насъ все бросилось на встрѣчу карнавалу. Театръ войны забытъ на-время для театра искусствъ, а потому и мнѣ приходится бесѣдовать теперь объ этомъ послѣднемъ.

Нѣтъ страны, которая придавала бы столько значенія театру, какъ Италія, и на то, помимо историческихъ причинъ, существуетъ одна причина чисто соціальная и чисто мѣстная, заставляющая насъ, итальянцевъ, особенно заботиться о театрѣ. Эстетическіе мотивы здѣсь ни при чемъ, равно какъ и нравственные, хотя и желательно, чтобы театръ былъ проводникомъ и тѣхъ и другихъ.

Мы идемъ въ театръ, какъ идемъ въ кофейни, какъ въ церковь слушать проповѣдника, въ университетъ—слушать профессора, какъ на площадь смотрѣть на salto mortale акробата, слушать шарлатана-

дантиста и прочій людъ, изощряющійся для потѣхи почтенной публики.

Мы идемъ въ театръ, вслѣдствіе той чисто мѣстной потребности проводить все время внѣ дома, дышать инымъ воздухомъ, а не тѣмъ, которымъ мы дышемъ въ кругу своего семейства, у домашняго очага. Свой домъ кажется намъ тѣсенъ и душенъ; мы рвемся изъ него не потому, чтобы мы не любили своихъ дѣтей и своихъ женъ, но потому что у насъ вообще не лежитъ душа къ семейной жизни; понятно теперь, что иностранцы, пріѣзжая къ намъ, находятъ наши дома недостаточно комфортабельными. Мы таскаемъ своихъ ребятишекъ въ конные цирки, и если они поднимутъ крикъ, испуганные какой-нибудь выходкой клоуновъ, то мы все-таки не рѣшимся оторваться отъ зрѣлища, если только сосѣди, обезпокоенные шумомъ, насъ къ тому не принудятъ.

Вся наша жизнь проходитъ внѣ дома, на воздухѣ, на солнцѣ, на улицахъ, на площадяхъ, въ общественныхъ мѣстахъ, на общественныхъ праздникахъ. А праздниковъ много у насъ, и мы охотно соблюдаемъ ихъ, по той самой причинѣ, что они даютъ намъ поводъ проводить время внѣ дома. Изъ всего этого можно было бы, казалось, предположить, что мы народъ восторженно поклоняющійся природѣ. Ничуть не бывало: мы чувствуемъ природу, мы наслаждаемся ею, не глядя на нее, не понимая ее, и не восхищаясь ею. Мы чувствуемъ ее невольно и такъ сказать матеріально; прекрасныя линіи, красивые цвѣта и вся ея жизнь *необходимо* отражаются на насъ; но природа властвуетъ надъ нами, а не мы властвуемъ надъ природой; мы рабы, а не властелины всей этой дивной красоты. Отсюда красивая, но безсодержательная пластичность нашихъ движеній. Мы строимъ великолѣпные фасады у нашихъ церквей, красивые подъѣзды у нашихъ дворцовъ, но внутри всего этого нѣтъ души. Походка наша величественна, размѣренна, торжественна; поглядѣть на насъ, подумаешь, что мы народъ боговъ; но мы боги неодушевленные. Мы извлекаемъ сладкіе звуки и набрасываемъ яркія краски, но все это одна только внѣшность: умственная жизнь, чуждая намъ самимъ, чужда и нашимъ произведеніямъ. Немногія исключенія не могутъ опровергнуть печальной истины моихъ словъ, тѣмъ болѣе печальной, что если Италія не обновится свѣжими элементами, если не появится между нами много энергическихъ людей, способныхъ реагировать противъ нашей застарѣлой лѣни и побѣдить ее, то даже счастливое событіе—возвращеніе Рима Италіи, не послужитъ ни къ чему.

Теперь Риму слѣдуетъ проявить новыя добродѣтели; тѣхъ добродѣтелей, которыя присущи римлянамъ и которыя могли спасти отъ пороковъ поповскаго Вавилона — недостаточно. Многіе, правда, гово-

рятъ, что съ Римомъ Италія натворитъ чудесъ; но не знаю, многіе ли изъ тѣхъ, которые это говорятъ, расположены дѣйствовать.

Такимъ образомъ, многіе льстятъ себя надеждой, что съ перенесеніемъ столицы итальянскій театръ воскреснетъ.

Говоря, что театръ воскреснетъ, употребляютъ собственно неправильное выраженіе, потому что оно заставляетъ предполагать, что было время, когда итальянскій театръ процвѣталъ. Но этого въ сущности никогда не было. Италія первая, въ средніе вѣка, подала примѣръ драматическихъ представленій и первая создала драматическихъ писателей, въ числѣ которыхъ въ позднѣйшее время были геніальные, какъ напр. Метастазіо, Гольдони, Альфьери. Но кто прочитаетъ мемуары Гольдони, написанные имъ самимъ, тотъ легко убѣдится, что если состоянія нашего театра нельзя назвать цвѣтущимъ, то состояніе театра въ прошломъ столѣтіи было еще плачевнѣе.

Но кто говоритъ о воскресеніи итальянскаго театра въ Римѣ, тотъ конечно не думаетъ о нашемъ прошломъ, развѣ захочетъ вернуться къ золотому вѣку республиканскаго Рима, къ вѣку Сципіоновъ, когда добрый римскій народъ поспѣшно покидалъ представленія комедій Теренція, не досидѣвъ до конца, и бѣжалъ смотрѣть на бой въ циркѣ. Наши мечтатели надѣются, что удастся создать въ Римѣ единственный, несравненный театръ, который, подобно парижскому театру, будетъ поглощать всѣ національныя силы. Но, къ счастью, наши *провинціальные города* зовутся Флоренціей и Неаполемъ, Миланомъ и Венеціей, Туриномъ и Палермо, Генуей и Болоньей; они не захотятъ, ради того только, что Италія надѣется объединиться въ Римѣ,—отказаться отъ всякой иниціативы и утратить такимъ образомъ всѣ свои жизненныя силы, только потому, что они провинціальные города. Мое увлеченіе идеей унитаризма не настолько фанатично, чтобы я могъ этому повѣрить.

Нѣтъ такого маленькаго городка въ Италіи, въ которомъ не было бы своего театра. Во время карнавала эти театры даютъ нѣсколько представленій, затрачивая на нихъ сотню, другую лиръ, сверхъ своего скромнаго бюджета.

Предпочтеніе всегда оказывается музыкальнымъ произведеніямъ, въ особенности когда къ оперѣ можно присоединить балетъ. Само собою разумѣется, что на этихъ маленькихъ сценахъ выступаютъ впервые и начинаютъ свою музыкальную карьеру всѣ тѣ пѣвцы, которымъ непосчастливилось найти въ большихъ городахъ мецената или импрессаріо, съумѣвшихъ оцѣнить ихъ талантъ. Нерѣдко случалось, что на скромныхъ сценахъ провинціальныхъ театровъ проявлялись таланты, пріобрѣтавшіе впослѣдствіи европейскую извѣстность. И часто бываетъ, что на микроскопическихъ театрахъ микроскопическихъ городковъ, самымъ злополучнымъ изъ пѣвцовъ удается сколотить столько

деньжонокъ во время карнавала, что они могутъ расплатиться съ долгами, сдѣланными въ предшествовавшіе мѣсяцы и найти кредитъ для новыхъ долговъ въ послѣдующіе мѣсяцы, когда они находятся безъ занятій. Они начинаютъ обыкновенно свою карьеру въ качествѣ хористовъ; затѣмъ переходятъ въ званіе перваго хориста, и наконецъ признаются артистами и иногда вполнѣ заслуженно, потому что не всѣ геніи выходятъ изъ школъ и консерваторій.

То, что въ маленькихъ городкахъ дѣлается въ маленькихъ размѣрахъ, то въ большихъ принимаетъ большіе размѣры. Когда Италія была раздѣлена на множество государствъ, то-есть до 1859-го г.,—каждый дворъ имѣлъ свой королевскій или императорскій, или герцогскій или велико-герцогскій театръ, который разъ въ году затрачивалъ большія суммы, и такимъ образомъ въ Италіи, до 1859-го г. бывали поистинѣ грандіозныя и торжественныя представленія съ первостепенными пѣвцами и баллеринами, богатой постановкой и костюмами въ миланскомъ *la Scala*, въ неаполитанскомъ *San-Carlo*, въ туринскомъ *Regio*, въ флорентинскомъ *Pergola* и въ венеціанскомъ *Fenice*. Съ 1859 года у всѣхъ этихъ театровъ *королевскаго* осталось одно только названіе, подобно тому, какъ *королевскими* называются многіе другіе театры, академіи, школы, госпитали, казна, такъ что одинъ изъ нашихъ остряковъ справедливо выразился однажды, что въ Италіи все называется *королевскимъ*, кромѣ *государственнаго долга*, который называется *національнымъ*.

Когда всѣ большія лирическія сцены лишились поддержки правительства, ограничившагося содержаніемъ балетной школы и оркестра въ первыхъ театрахъ королевства, — тогда прекратились въ нашихъ главныхъ городахъ грандіозныя музыкальныя представленія. Въ Миланѣ и въ Неаполѣ стараніями муниципіи и усердіемъ гражданъ, желающихъ имѣть достойный театръ и жертвующихъ значительныя суммы, дѣлается еще возможнымъ повтореніе, время отъ времени, музыкальныхъ празднествъ; но вообще музыка и балетъ, что касается исполненія, находятся въ настоящее время въ большомъ упадкѣ въ Италіи; между тѣмъ, для поддержанія любви къ музыкальному искусству правительство содержитъ на свой счетъ консерваторіи и музыкальныя школы, хотя съ довольно скудными результатами. Еслибы правительство и муниципіи оказывали драматическому искусству половину той благосклонности, съ какой они относятся къ музыкѣ, то не только заслужили бы больше чести, при меньшихъ издержкахъ, но и страна выиграла бы отъ подобнаго покровительства: въ короткое время Италія не преминула бы создать такой великолѣпный драматическій театръ, — какъ по оригинальности произведеній, такъ и по искусству исполненія,—что могла бы служить примѣромъ всѣмъ другимъ цивилизованнымъ націямъ. У нея имѣются всѣ необходимые для

того элементы: публика, охотно посѣщающая драматическія представленія, многочисленные актеры, искусные, интеллигентные, многочисленные писатели, у которыхъ нѣтъ недостатка въ доброй волѣ. Но правительство и муниципіи ничего не дѣлаютъ для поддержанія драматическаго искусства, потому что содержать тамъ и сямъ, съ жалкими средствами, какого-нибудь учителя декламаціи, конечно не значитъ покровительствовать искусству и оцѣнять его значеніе.

Сардинское правительство при короляхъ Карлѣ-Феликсѣ, Карлѣ-Альбертѣ и въ началѣ царствованія Виктора-Эммануила содержало, по крайней мѣрѣ, королевскую драматическую труппу, состоявшую изъ извѣстнѣйшихъ сочинителей и первѣйшихъ актеровъ Италіи, для которыхъ предназначенъ былъ въ Туринѣ прекрасный, спеціальный театръ. Эта сардинская королевская труппа, имѣвшая себѣ *pendant* въ неаполитанской королевской труппѣ, дѣйствовавшей на театрѣ *dei Fiorentini* въ Неаполѣ, соединяла въ себѣ всѣ элементы для превосходныхъ представленій и побуждала писателей создавать драматическія произведенія; благодаря ей появились въ Пьемонтѣ комедіи Альберта Нота и Анджело Брофферіо, трагедіи Сильвіо Пеллико и Карла Маренко. Одинъ день въ недѣлю былъ обыкновенно посвященъ представленію новаго драматическаго произведенія. Нѣкоторые мѣсяцы въ году королевская сардинская труппа покидала Пьемонтъ и знакомила съ своими писателями и актерами другіе города Италіи къ великой пользѣ искусства и къ великому энтузіазму публики, восхищавшейся такими артистами, какъ Гаэтано Вестри, Чезаре Дондини, артистками, какъ Карлотта Маркіонни, Аделаида Ристори и цѣлой вереницей первостепенныхъ артистовъ, окончившейся Эрнестомъ Росси, который до сихъ поръ все еще остается нашимъ первымъ трагикомъ. Можно сказать по справедливости, что королевская сардинская труппа сторицею возвратила Пьемонту то, что получила отъ него на свое содержаніе; но послѣ неожиданныхъ преній въ суб-альпинскомъ парламентѣ, благодаря необузданной маніи дѣлать экономіи, сардинская королевская труппа была распущена къ великому ущербу нашего искусства и нашей литературы. Удержалась только правительственная премія за наилучшее драматическое національное произведеніе, представляемое ежегодно, но во всѣхъ остальныхъ субсидіяхъ драматической сценѣ отказано. Между тѣмъ, хотя я и не принадлежу къ числу людей, требующихъ вмѣшательства правительства во всѣ національныя дѣла; хотя я и полагаю, что искусство, освобожденное отъ правительственной опеки разовьется благороднѣе и безкорыстнѣе,—однако мнѣ сдается, что не будетъ слишкомъ дерзкимъ задать вопросъ: почему, если въ Италіи тратится около пятнадцати милліоновъ франковъ для поощренія общественнаго образованія, — не истратить еще нѣсколько тысячъ лиръ на улучшеніе на-

шего драматическаго театра, находящагося въ настоящее время въ очень жалкомъ состояніи?

У насъ, къ счастію, вовсе не надо строить новыхъ зданій для театра. Нѣтъ другой страны, которая насчитывала бы такъ много театровъ, какъ наша. Достаточно сказать, что въ одной Флоренціи, городѣ, насчитывавшемъ еще недавно менѣе 120-ти тысячъ жителей, вовремя настоящаго карнавала открыто не менѣе двѣнадцати театровъ (изъ нихъ въ пяти идетъ опера, въ шести драматическія представленія, а одинъ занятъ циркомъ), не считая театровъ различныхъ филодраматическихъ обществъ. Это значитъ, что на десять тысячъ жителей съ небольшимъ приходится по театру; половина изъ этихъ десяти тысячъ составляютъ дѣти и старцы, больные, неимущіе, ханжи,— словомъ, лица ни въ какомъ случаѣ не посѣщающія театра; остается около 5,000, могущихъ ходить въ театръ, причемъ, если распредѣлить это число на шестьдесятъ вечеровъ карнавала, то, предположивъ, что всѣ они пойдутъ въ театръ, придется среднимъ числомъ менѣе ста человѣкъ на каждый вечеръ и на каждый театръ. Общій выводъ этому слѣдующій: еслибы одни не *наживались* на счетъ другихъ, которые *разоряются*, то ни одинъ театръ во Флоренціи не вынесъ бы издержекъ на представленія, — издержекъ, которыя и безъ того очень велики, а между тѣмъ еще увеличены гнуснымъ налогомъ, недавно наложеннымъ на антрепренёровъ, и въ силу котораго они обязаны отдавать за каждый вечеръ правительству десятую часть чистаго сбора. Не велика бѣда, скажете вы: если они ничего не выручатъ, то ничего и не заплатятъ; но послѣднее справедливо лишь въ нѣкоторой степени: дѣло въ томъ, что, большею частью, антрепренёръ и агентъ фиска, чтобы избѣжать неудобства и непріятности инквизиторскаго осмотра кассы, условливаются въ уплатѣ извѣстной суммы, которую въ такомъ случаѣ антрепренёръ обязанъ внести агенту фиска, до открытія театра и объявленія о немъ. Я слышалъ отъ одного антрепренёра, напримѣръ, что ему пришлось внести агенту фиска за 59 представленій въ одномъ изъ театровъ Флоренціи предварительнаго налога двѣ тысячи лиръ; а тотъ же самый антрепренёръ, будучи кромѣ того актеромъ, уже уплатилъ другой налогъ за право играть на сценѣ. Я вдаюсь во всѣ эти подробности, чтобы дать образчикъ того, какимъ образомъ итальянское правительство покровительствуетъ драматическому искусству и чтобы вы вмѣстѣ со мной преклонились передъ мужествомъ и стойкостью бѣднягъ антрепренёровъ, которые, несмотря на всѣ эти затрудненія, продолжаютъ кочевать по городамъ Италіи съ своими труппами, для поддержанія въ нашей публикѣ любви къ драматическому искусству.

Итакъ, театровъ слишкомъ много и они чрезчуръ отягчены правительственными налогами; а вмѣстѣ съ тѣмъ претензіи *абонентовъ*

не въ мѣру велики. Въ Италіи укоренился нелѣпый обычай брать за абонементъ на весь сезонъ уменьшонную плату. Представьте себѣ, что абоненты театра *Pagliano* во Флоренціи, на которомъ играетъ въ настоящее время труппа знаменитаго актера Томмазо Сальвини, за всѣ 50 представленій, на которыя они имѣютъ право, заплатятъ не болѣе *восьми* лиръ, то-есть немного болѣе 15-ти сантимовъ за каждое представленіе. Антрепренёры, по большей части пріѣзжая въ новый городъ, чтобы открыть серію представленій, бываютъ совсѣмъ безъ денегъ, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже вамъ сказалъ, платятъ впередъ и за-разъ тотъ налогъ, который правительство должно было бы взимать съ нихъ послѣ каждаго представленія. Открывая абонементъ, они получаютъ заразъ нѣкоторую сумму денегъ, позволяющую имъ сдѣлать самыя необходимыя издержки; вслѣдствіе этого довольно трудно, чтобы этотъ обычай вывелся изъ употребленія: драматическія труппы не могутъ прочно основаться въ какомъ-нибудь итальянскомъ городѣ и прекратить свою скитальческую жизнь. Между тѣмъ *абонентъ* составляетъ сущее наказаніе и для актеровъ и для авторовъ; абонентъ хочетъ, чтобы его развлекали каждый вечеръ какой-нибудь новинкой. Это влечетъ страшный трудъ для актеровъ, которые, выступая въ новыхъ роляхъ каждый вечеръ, не могутъ хорошенько изучить ни одной; для авторовъ же, ставящихъ на сцену новое произведеніе, абонентъ является непримиримымъ врагомъ; боязнь, что пьеса понравится публикѣ и что неабонированные посѣтители потребуютъ ея повторенія, заставляетъ его встрѣчать пьесу свистками. Отъ этого невозможно, чтобы какая-нибудь пьеса, даже изъ наиболѣе популярныхъ, давалась нѣсколько вечеровъ сряду; абонентъ кладетъ свое *veto*, абонентъ, которому долгая привычка посѣщать одинъ и тотъ же театръ, видѣть все одних и тѣхъ же актеровъ, одни и тѣже жесты, слышать одни и тѣже интонаціи голоса, — набила оскомину и располагаетъ его относиться къ представленію скорѣе враждебно, чѣмъ сочувственно. А публика въ нашихъ театрахъ, къ несчастію, на половину по крайней мѣрѣ состоитъ изъ абонентовъ. Послѣ всего этого чудовищная несправедливость требовать отъ антрепренёровъ, чтобы они исключали изъ своей труппы всякаго посредственнаго актера, чтобы главный актеръ и главная актриса были всегда геніальнаго таланта, чтобы *mise en scène* была всегда великолѣпна, чтобы голоса суфлёра не было слышно и чтобы они избѣгали давать слишкомъ много переводныхъ съ французскаго пьесъ, ради поощренія итальянскихъ сочинителей. Авторы и антрепренёры кажутся мнѣ геройски мужественными уже потому, что они не бѣгутъ толпой со сцены, имѣя дѣло съ такой неблагодарной публикой. Требовать отъ нихъ новыхъ жертвъ, не давая имъ никакого вознагражденія, будетъ по истинѣ неблагодарностью.

Теперь, когда я далъ вамъ нѣкоторое понятіе объ общихъ условіяхъ, въ которыя поставлены въ Италіи актеры, быть можетъ, вамъ не покажется лишнимъ, если я прибавлю нѣсколько словъ объ актерахъ, пользующихся у насъ наибольшей славой и приносящихъ наиболѣе чести нашему драматическому искусству.

Одно только имя Аделаиды Ристори достигло до васъ, и избранная петербургская публика имѣла случай провѣрить ея славу въ тѣ оба раза, когда она играла съ своей собственной труппой въ Россіи. Носятся слухи, что будущею зимой она намѣрена посѣтить Москву, но уже не съ своей труппой, а въ качествѣ главной актрисы труппы, управляемой актеромъ Джузеппе Перакки. По правдѣ сказать, друзья Ристори желали бы, чтобы она удовольствовалась тѣмъ успѣхомъ, какимъ она пользовалась до сего времени и принесшимъ ей и много денегъ и много славы, и заблаговременно оставила бы сцену, для избѣжанія непріятности быть покинутой самой публикой, которая рукоплещетъ ей уже цѣлыхъ тридцать лѣтъ (синьора Ристори родилась, согласно однѣмъ біографіямъ, въ 1816 г., а по другимъ въ 1821 г.; первое достовѣрнѣе). Въ Италіи театръ всегда пустъ, когда играетъ Ристори, не потому, чтобы она перестала быть великой актрисой, но потому, что ея репертуаръ уже слишкомъ извѣстенъ и пріѣлся, а актеры, играющіе съ ней, слишкомъ похожи на маріонетокъ, предназначенныхъ лишь на то, чтобы еще больше оттѣнять игру великой актрисы. Кромѣ того, за счастіе посмотрѣть на синьору Ристори приходится платить слишкомъ высокую цѣну за билетъ, а между тѣмъ артистическіе пріемы ея весьма однообразны и настолько пріѣлись, что ее нельзя безъ скуки смотрѣть каждый вечеръ. Затѣмъ упрямство, съ которымъ она продолжаетъ играть роли Франчески да-Римини, Мирры и т. п., неподходящія къ ея лѣтамъ, оскорбляетъ нашъ вкусъ и слишкомъ мало производитъ очарованія, для того, чтобы синьора Ристори могла надѣяться, по крайней мѣрѣ въ Италіи, на какой-нибудь новый грандіозный успѣхъ. Совсѣмъ тѣмъ справедливо и то, что съ удаленіемъ Ристори со сцены, ни одна актриса не будетъ въ состояніи замѣнить ее, очаровать, подобно ей, красотой своего греческаго профиля, величавостью поступи, металлическимъ тембромъ голоса, пластическимъ совершенствомъ жеста. Нельзя назвать синьору Ристори самой интеллигентной изъ нашихъ актрисъ, но несомнѣнно, что никакая другая никогда не съумѣетъ такъ хорошо передать и голосомъ и жестомъ то, чтó ей удалось понять. По всѣмъ этимъ причинамъ, она навсегда останется царицей нашей драматической сцены и много времени пройдетъ, прежде чѣмъ въ Италіи появится достойная ей соперница. Ристори родилась въ Чивидале, маленькомъ городкѣ Фріульскаго округа, гдѣ родители ея, неизвѣстные актеры, подвизались на театрѣ; была воспитана знаменитой и умнѣйшей Карлоттой Мар-

кіонни, для которой Сильвіо Пеллико написалъ свою *Францеску*, вышла замужъ за маркиза Капроника и успѣла нажить около милліона франковъ состоянія. Желаніе удвоить свое состояніе заставляетъ ее упорствовать и не сходить со сцены, которую ей слѣдовало бы немедленно оставить.

Немного лѣтъ тому назадъ на нашей сценѣ подвизалась симпатичная актриса, синьора Клементина Кацколя Брицци, которая пожинала лавры вмѣстѣ съ актеромъ Томмазо Сальвини; въ то время, какъ Ристори энергически выражаетъ чувства изображаемыхъ ею героинь, она выражала ихъ мягко и изящно; она не была красавицей, но кротость ея взгляда и гармонія, разлитая во всемъ ея существѣ, плѣняли. Преждевременная смерть похитила ее. Она разошлась съ мужемъ и жила съ Сальвини, который воздвигнулъ ей мавзолей на кладбищѣ Сан-Миніато, на холмахъ Флоренціи.

Третья актриса наша, о которой стòитъ упомянуть,—это синьора Джіачинта Пеццана Гуальтьери, женщина, отличающаяся большимъ умомъ и чувствомъ. Она не родилась на сценѣ, подобно большинству своихъ товарокъ, и одна изъ тѣхъ немногихъ актрисъ, которыя чему-нибудь учились, получили хорошее воспитаніе и заботятся о своемъ женскомъ достоинствѣ. Она замужемъ за синьоромъ Луиджи Гуальтьери, сочинителемъ романовъ и драмъ, причемъ его скорѣе можно назвать романистомъ, чѣмъ драматургомъ. Остальныя актрисы, пользующіяся нѣкоторой извѣстностью, суть: синьора Фанни Садовская, синьора Аделаида Тессеро, синьора Джузеппина Казали-Пьери, синьора Елена Піерри-Тіоццо, синьора Вирджинія Марини, синьора Челестина де-Мартини, синьора Лаура Бонъ, синьора Піа-Марки и еще нѣсколько другихъ.

Лучшіе элементы можно найти между мужчинами. Конечно, у насъ нѣтъ ни одного генія, который могъ бы сравняться съ безсмертнымъ Густавомъ Модена, человѣкомъ съ большимъ дарованіемъ, большими познаніями, великимъ сердцемъ, имѣвшимъ мужество бороться противъ старинной методы условной и академической игры и замѣнить ее игрой естественной. Онъ превратилъ сцену въ настоящую арену свободы и честности. Густаво Модена былъ республиканецъ и большой патріотъ и презиралъ всякое раболѣпство; поэтому, несмотря на свою громкую славу, умеръ въ бѣдности. Къ счастью, трое даровитыхъ юношей: Эрнесто Росси, Томмазо Сальвини и Джузеппе Перакки стали его преемниками, и хотя первые два гораздо талантливѣе послѣдняго, но всѣ три составили довольно блестящую карьеру.

Эрнесто Росси и Томмазо Сальвини родились въ Ливорно и почти одного возраста (обоимъ около сорока лѣтъ). Росси изучалъ права въ Пизанскомъ университетѣ, но страсть къ театру заставила его бросить пандекты и послѣдовать за скромной драматической труппой.

Столкнувшись съ Модена, онъ заимствовалъ у него художественную правду, а природныя средства, усидчивость и добрая воля довершили остальное. Его нельзя назвать собственно красивымъ, но у него чрезвычайно выразительная физіономія, сложенъ онъ великолѣпно, всѣ движенія его граціозны, а интонація голоса очаровательна. Онъ одинаково быстро́ понимаетъ, выражаетъ и запоминаетъ безконечно разнообразныя мысли и чувства; такимъ образомъ, онъ плѣнительный *Паоло* въ *Франческѣ да-Римини* и въ то же самое время одинъ изъ самыхъ совершеннѣйшихъ *Гамлетовъ*, какіе только бывали на европейскихъ сценахъ. Такъ какъ я упомянулъ о Гамлетѣ, то скажу кстати, что Эрнесто Росси первый изъ актеровъ сдѣлалъ популярными въ Италіи драмы Шекспира; до него онѣ были знакомы весьма немногимъ и не оцѣнялись по достоинству. Росси играетъ великолѣпно, кромѣ *Гамлета* — лучшей изъ его ролей — *Короля Лира*, *Отелло*, *Макбета*, *Шейлока*, *Коріолана* и *Ромео*. Въ настоящее время онъ находится во Флоренціи и чрезъ два мѣсяца уѣдетъ съ своей труппой въ Бразилію, куда его ангажировали почти на цѣлый годъ и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Я полагаю, что тотъ импрессаріо, который ангажировалъ бы его, по возвращеніи изъ Америки, въ Петербургъ, сдѣлалъ бы выгодную аферу, а ангажировать его слѣдуетъ именно теперь, пока онъ еще находится въ полномъ цвѣтѣ силъ; черезъ нѣсколько лѣтъ Эрнесто Росси также устарѣетъ, какъ и Ристори.

Томмазо Сальвини во многихъ роляхъ оспариваетъ пальму первенства у Росси, напр., въ роли *Отелло* никто изъ актеровъ не умѣетъ выразить ревность съ такой правдой и такой силой, какъ Сальвини. Но онъ злоупотребляетъ этой способностью и вкладываетъ ревность и въ тѣ роли, гдѣ ее вовсе не требуется. Высокаго роста и величественной фигуры, онъ всего охотнѣе играетъ тѣ роли, въ которыхъ можетъ выставить свое атлетическое сложеніе и мускульную силу. Въ *Саулѣ* Альфіери онъ напоминаетъ въ нѣскольких мѣстахъ своего великаго учителя Густава Модена.

Джузеппе Перакки третій изъ артистовъ, воспользовавшихся уроками Модена, обѣщалъ въ ранней юности самобытнаго артиста; главное стремленіе его заключается въ томъ, чтобы избѣгать по возможности жестовъ и выражать все взглядомъ и голосомъ. Но такое стремленіе его сосредоточивать весь эффектъ въ своемъ голосѣ, придаетъ этому послѣднему нѣчто монотонное и гробовое, и благодаря этому онъ кажется актеромъ неестественнымъ и лишеннымъ всякаго блеска.

Къ тому же роду актеровъ, но только болѣе естественный, болѣе вѣрный правдѣ, несмотря на неблагодарнѣйшій голосъ и на мало привлекательную наружность, принадлежитъ Аламанно Морелли, нѣкогда бывшій директоромъ древней ломбардской драматической труппы.

Кромѣ нихъ, я не могу назвать еще никого изъ замѣчательныхъ актеровъ, потому что мнѣ кажется, что у молодого актера Луиджи Монти нѣтъ будущности, несмотря на изящество, съ какимъ онъ исполняетъ нѣкоторыя роли; онъ граціозенъ, сдержанъ, съ правильной дикціей, но холоденъ.

У насъ есть еще три замѣчательныхъ *caratteristi*: Чезаре Дондини, Гаэтано Гаттинелли и Чезаре Росси. Справедливость требуетъ также упомянуть о *capocomico* Джіованни Тозелли, который основалъ въ Туринѣ театръ на пьемонтскомъ діалектѣ и самъ играетъ, въ качествѣ *caratterista*, на пьемонтскомъ діалектѣ съ такой естественностью и учитъ своихъ артистовъ естественной дикціи, такъ что его труппа до нѣкоторой степени служитъ образцомъ для другихъ итальянскихъ драматическихъ труппъ, которыя, слѣдуя примѣру старика Модена и новѣйшему примѣру Тозелли и изъ желанія подражать французскимъ труппамъ, которыя пребываютъ постоянно въ Италіи и играютъ съ большимъ ансамблемъ и правдой въ главныхъ городахъ Италіи,—измѣняютъ мало-по-малу древней, традиціонной методѣ игры и оставляютъ мало-по-малу пластическія позы, нелѣпыя формы, вздохи, завыванія, необходимую принадлежность античной школы. Несчастіе наше заключается въ томъ, что всѣ эти истинныя дарованія, которыми можетъ похвалиться наша драматическая сцена по части персонала, разъединены и разбросаны, часто даже враждебно настроены противъ другъ друга и готовы бороться одинъ противъ другого къ взаимному ихъ и нашему вреду.

Не лучше обставлено драматическое искуство въ Италіи, что касается самихъ писателей, изъ которыхъ никто не можетъ сказать, что онъ составилъ себѣ хорошее положеніе писаніемъ драмъ и комедій. А между тѣмъ у насъ нѣтъ недостатка въ искусныхъ драматургахъ. Но такъ какъ драматическіе писатели въ Италіи не получаютъ никакого другого вознагражденія за свой трудъ, кромѣ десятой части изъ чистой прибыли, доставляемой каждымъ представленіемъ, то понятно, что если дѣла антрепренёровъ, по изложеннымъ мною выше причинамъ, идутъ довольно плохо, то надежды писателей—зашибить копѣйку своими произведеніями, еще несбыточнѣе. Чтобы дать вамъ понятіе о размѣрѣ ихъ заработка, приведу вамъ одинъ примѣръ: Паоло Феррари, быть можетъ лучшій изъ нашихъ драматическихъ писателей, какъ, быть можетъ, Джіачинта Пеццана лучшая изъ нашихъ актрисъ; между тѣмъ одно представленіе въ Генуѣ *Лекарства больной дѣвушки*, комедіи Феррари, гдѣ играла Пеццана, принесло автору сумму *трехъ* франковъ (историческій фактъ). Конечно, случай этотъ исключительный, но онъ все-таки бросаетъ свѣтъ на экономическое положеніе нашихъ авторовъ, изъ которыхъ одни только такъ-называемые *faiseurs* заработываютъ кое-что, фабрикуя по одной комедіи въ мѣсяцъ.

Наши старые писатели почти совсѣмъ перестали писать для театра, какъ напр. Паоло Джіакометти, плодовитый драматургъ, который много писалъ въ эпоху между 1840 и 1855-мъ гг. и особенно прославился своими соціальными драмами: *Женщина*, *Второй бракъ женщины*, исполненными таланта и глубокаго чувства. Ему принадлежитъ также: *Всякая вина мститъ за себя*—драма *съ сенсаціей*, и множество историческихъ драмъ, изъ которыхъ послѣднія были написаны послѣ 1858-го г. съ цѣлью создать хорошія роли для синьоры Ристори (такъ напр. *Юдиѳь*, *Марія Висконти* и *Марія Антуанетта*). Джіакометто былъ дѣйствительный поэтъ по природѣ, съ сильнымъ воображеніемъ и способностью вкладывать жизнь въ свои фантазіи, но нужда и спѣшная работа не позволяли ему создать совершенныхъ произведеній. Онъ живетъ по настоящее время въ одной деревушкѣ въ совершенномъ уединеніи, позабытый неблагодарными соотечественниками, для которыхъ онъ все-таки много сдѣлалъ какъ поэтъ - гражданинъ и драматургъ. Давидъ Кіоссоне, генуэзскій медикъ, писалъ одно время драмы съ эффектами и его *Арфистка* до сихъ поръ дается съ успѣхомъ филодраматическимъ обществомъ. Леоне Фортисъ, венеціанецъ, живущій въ Миланѣ, гдѣ редактируетъ политическій журналъ, *Il Pungolo*, отдавшись всей душой политикѣ, почти совершенно оставилъ литературу. Но и онъ имѣлъ въ свое время литературный успѣхъ, благодаря тремъ драмамъ, въ которыхъ онъ, сказать по правдѣ, довольно безцеремонно позаимствовался изъ нѣкоторыхъ французскихъ драмъ, но которыя тѣмъ не менѣе произвели большое впечатлѣніе: *Сердце и Искуство*, *Промышленность и Спекуляція* и *Луиджи Камоэнсъ*. Томмазо Герарди дель-Теста основалъ въ Тосканѣ настоящій комическій театръ. Сказать по правдѣ, его комедіи скорѣе просто удачныя сцены, чѣмъ настоящія драматическія произведенія, но онѣ написаны такъ граціозно и до того пропитаны тосканскимъ духомъ, что всегда съ удовольствіемъ смотришь напр. на слѣдующія: *Съ людьми плохія шутки*, *Царствованіе Аделаиды*, *Система Джіорджіо и Система Аделаиды*. Но въ послѣдніе годы, находя, что сцена требуетъ теперь болѣе сильныхъ ощущеній и можетъ имѣть великое общественное значеніе, онъ попробовалъ свои силы въ высокой комедіи и имѣлъ успѣхъ съ своими: *Золото и мишура* и *Vero Blasone*.

Но еслибы намъ приходилось разсчитывать только на этихъ старыхъ писателей нашихъ для поддержки нашего національнаго театра, то сцена наша скоро бы оскудѣла и намъ пришлось бы ухватиться, какъ утопающему за соломинку, за нашего вѣрнаго и неизмѣннаго *papa* Гольдони, или за переводы съ французскаго и подражанія. Потому что, конечно, для оживленія нашей драматической сцены недостаточно удачныхъ подражаній, въ прекрасныхъ стихахъ, античному театру старика Даль Онгаро и отрывковъ изъ Менандра.

Къ счастью, существуетъ большая и разнообразная фаланга юношей и не старыхъ писателей, преданныхъ труду и поддерживающихъ въ Италіи любовь къ національному театру. Хотя я не могу указать вамъ ни на одно мастерское произведеніе изъ числа великаго множества ихъ, но могу васъ увѣрить, что дѣятельность, проявляемая нашими драматургами, не уступаетъ дѣятельности французскихъ и нѣмецкихъ драматурговъ и конечно оставляетъ позади себя англійскихъ.

Я уже говорилъ вамъ о пьемонтскомъ театрѣ, основанномъ Тозелли; на этомъ театрѣ даются драматическія произведенія четырехъ или пяти молодыхъ талантливыхъ авторовъ: Луиджи Пьетраккуа, автора *Sablin a bala*, *Gigén a bala nen* и *Porer Pazzuci*; синьоръ Тонисъ, авторъ *Mariacma Clarin*; Витторіо Берсеціо, уже составившій себѣ извѣстность, какъ романистъ и авторъ *Disgrassie d'Monsù Travet*, настоящей драматической физіологіи, которая, переведенная на нѣмецкій языкъ, имѣла большой успѣхъ въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, и нѣкоторыя другія.

Успѣхъ пьемонтскаго театра побудилъ ломбардцевъ попытаться создать миланскій театръ, который въ послѣдніе два года пользовался большимъ успѣхомъ, благодаря драматическимъ произведеніямъ, написаннымъ на миланскомъ діалектѣ романистами Гисланцони и Клетто Арриги и синьора Антоніо Скальвини, который одно время писалъ раздирательныя драмы для бульварныхъ театровъ.

Эти удачныя попытки создать народный театръ на мѣстныхъ діалектахъ подали мысль нѣкоторымъ авторамъ попытаться создать народный театръ на итальянскомъ языкѣ; многіе брались за это, но одинъ только кажется достигъ цѣли, а именно синьоръ Валентино Коррера, написавшій народную драму, которая давалась годъ тому назадъ съ большимъ успѣхомъ на всѣхъ итальянскихъ театрахъ. Цѣль произведенія—убѣдить народъ жить своимъ собственнымъ трудомъ и отказаться отъ лоттерейной игры. Въ настоящее время Коррера окончилъ другую народную комедію, въ которой трактуется о рабочемъ вопросѣ въ антисоціалистическомъ духѣ; заглавіе новой комедіи, которая нѣсколько дней тому назадъ была дана въ Туринѣ труппою Луиджи Беллоти Бонъ,—*Мастеръ Паоло*.

Въ то время какъ Коррера подвизается на поприщѣ народной комедіи, другіе талантливые писатели съ успѣхомъ пробуютъ свои силы въ другихъ родахъ.

Въ Тосканѣ Фердинандо Мартини, Луиджи Синьеръ, Луиджи Альберти пишутъ комедіи изъ жизни высшаго общества, но въ этомъ родѣ имѣлъ, можно сказать, блестящій успѣхъ одинъ неаполитанскій юноша Торелли, авторъ слѣдующихъ произведеній: *Призваніе женщины*, *Истина*, *Мужья*, *Жены*, *Коварная монахиня* и проч. Остроуміе въ нихъ неисчерпаемое, но невсегда доброкачественное; есть также претензіи и на мораль, но чтобы добраться до этой, часто весьма сомнительной

морали, Торелли заставляетъ зрителя пробираться по грязи; женщины въ его комедіяхъ всѣ болѣе или менѣе смахиваютъ на кокотокъ. У Торелли большой талантъ, но онъ больше хлопочетъ о томъ, чтобы писать остроумныя вещи, чѣмъ служить искусству; языкъ его далеко не изысканный, слогъ отнюдь не возвышенный; но онъ блещетъ остроуміемъ и нравится главнымъ образомъ потому, что онъ неаполитанецъ, хорошо знаетъ, что такое *la Camorra*, и чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, не пренебрегаетъ никакими средствами. Подобно тому, какъ онъ извращаетъ въ своихъ произведеніяхъ мораль, точно также онъ извращаетъ и вкусъ; въ его комедіяхъ немногіе безпристрастные и умные люди видятъ сильное подражаніе двусмысленному французскому *жанру*, который во Франціи поощрялся наполеоновскимъ цезаризмомъ, съ цѣлью развратить націю. Но онъ имѣетъ талантъ нравиться и раздувать свои успѣхи; звонитъ о нихъ вездѣ, гдѣ можетъ; устраиваетъ себѣ пиры и демонстраціи и такимъ образомъ пользуется славой, частью заслуженной, частью эскамотированной.

Другой неаполитанецъ, изображающій салонное общество, баронъ Федериго де-Ренци, блестящій офицеръ, пишущій *пословицы* и о которомъ по справедливости можно сказать, что въ своемъ родѣ онъ достигъ большого успѣха.

Другой офицеръ, пишущій для сцены и комедія котораго *Il Brindisi* имѣла недавно успѣхъ — синьоръ Леопольдо Пулле; онъ пишетъ подъ псевдонимомъ *Лео Кастельнуово*. Этотъ псевдонимъ настолько любопытенъ, что заслуживаетъ упоминовенія. Леопольдо Пулле, сынъ одного бывшаго австрійскаго полицейскаго чиновника, который много писалъ, и до сихъ поръ продолжаетъ писать, для театра, подъ именемъ *Риккардо Кастельвеккіо*. Такъ какъ псевдонимъ Кастельвеккіо антипатиченъ публикѣ, которая постоянно признаетъ подъ нимъ прежняго полицейскаго, либерализму котораго не довѣряетъ, то сынъ принялъ новое литературное прозвище, пользующееся благосклонностью публики. Это еще не доказываетъ, чтобы и Кастельвеккіо былъ драматическимъ писателемъ безъ всякаго таланта; его *Романическая женщина*, *Лукавая горничная* и *Сельскій учитель* доказываютъ противное; къ несчастью, нужда заставляетъ Кастельвеккіо писать много, писать спѣшно, перелагать въ драмы иностранные романы, и это окончательно подорвало его литературную славу.

Я упомянулъ о Паоло Феррари, и потому пора сказать о немъ что-нибудь. Паоло Феррари родился въ Моденѣ, гдѣ изучалъ право, но покинулъ университетъ послѣ того, какъ профессора не дали ему диплома, послѣ экзамена. Отецъ его, который былъ полковникъ и любимецъ великаго герцога Моденскаго, могъ бы принудить профессоровъ дать дипломъ сыну, но для этого послѣднему нужно было бы просить милости у великаго герцога. Это противно было его искренней и бла-

городной душѣ; поэтому онъ оставилъ Модену и пріѣхалъ въ Тоскану, гдѣ написалъ комедію подъ заглавіемъ: *Гольдони и его шестнадцать комедій*, имѣвшую блистательный успѣхъ. За этой комедіей слѣдовала *Parini e la satira*, произведеніе менѣе замѣчательное, но весьма забавное, благодаря выведенному въ немъ типу дурака, маркиза Коломби, глупости котораго вошли въ пословицу въ Италіи. Въ другой граціозной комедіи *La poltrone storica* Паоло Феррари вывелъ Альфьери, также какъ въ другой драмѣ онъ пытался вывести Данте въ Веронѣ. Но послѣ этихъ произведеній онъ захотѣлъ попытать свои силы на соціальной и народной комедіи; прекрасный образецъ первой *Дуэль*; образцомъ второй можетъ служить уже упомянутая выше: *Лекарство больной дѣвушки*. Паоло Феррари въ настоящее время профессоръ исторіи въ Миланской академіи наукъ и искусствъ.

Говоря о сардинской королевской труппѣ, я упоминулъ о Карло Маренко; въ настоящее время сынъ его Леопольдо возбудилъ много толковъ, но его *Piccarda Donati*, *Speronella*, *Saffo* доказываютъ его талантъ, но не обѣщаютъ истиннаго и великаго трагическаго поэта. Трагическихъ поэтовъ, которые бы дѣйствительно заслуживали этого имени, у насъ больше нѣтъ въ Италіи, а объ авторѣ *Re Nala* и *Dasarata* не стóитъ и говорить. Но у Леопольдо Маренко есть своя спеціальность, которая заслуживала бы разработки; онъ рожденъ писать драматическія идилліи, которыя ему вполнѣ удаются: его *Марчеллина*, *Джіорджіо Ганди*, *Челесте* останутся конечно надолго украшеніемъ нашей сцены. Они напоминаютъ, до извѣстной степени, идилліи Жоржа Санда, *La Petite Fadette*, *François le Champi* и т. п., обработанныя для сцены, и кто знаетъ *Claudia* Жоржа Санда, тотъ можетъ себѣ составить приблизительно вѣрное понятіе о родѣ и достоинствѣ произведеній нашего Леопольдо Маренко.

Я могъ бы назвать вамъ еще около ста другихъ драматическихъ писателей, которые съ различнымъ успѣхомъ выступали на это поприще, но между ними я не встрѣчаю ни одного, о которомъ бы стоило упоминать. Достаточно сказать, что драматическій театръ, несмотря на всѣ обстоятельства, которыя, казалось бы, способствуютъ къ тому, чтобы уронить его, изобилуетъ актерами и писателями. Дальнѣйшія мелочныя подробности, въ которыя я могъ бы войти, показались бы, пожалуй, неинтересными для иностранныхъ читателей и ничего не прибавили бы существеннаго къ той картинѣ, которую я пытался вамъ изобразить.

D. G.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ УШИНСКІЙ.

Некрологъ.

Въ декабрѣ минувшаго года скончался въ Одессѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, нашъ извѣстный педагогическій писатель, бывшій инспекторъ классовъ Смольнаго института и редакторъ Журнала министерства народнаго просвѣщенія, Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Имя его въ послѣднія десять лѣтъ получило у насъ громкую извѣстность; по составленнымъ имъ книгамъ обучается все почти наше молодое поколѣніе, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что „Дѣтскій Міръ" и „Родное Слово" Ушинскаго въ исторіи нашего образованія займутъ такое же мѣсто, какое въ XVII-мъ столѣтіи на Западѣ занималъ извѣстный „Orbis sensualium pictus" Коменскаго, давшій направленіе первоначальному умственному образованію многихъ поколѣній. Но оцѣнка того вліянія, какое имѣютъ и будутъ имѣть у насъ труды Ушинскаго на успѣхи первоначальнаго обученія, принадлежитъ будущему; заслуги же его какъ практическаго педагога, какъ инспектора и преобразователя двухъ перворазрядныхъ учебныхъ заведеній, безъ сомнѣнія, найдутъ своего историка въ средѣ сотрудниковъ Ушинскаго, непосредственныхъ свидѣтелей и очевидцевъ его дѣятельности на этомъ поприщѣ. Въ настоящей же замѣткѣ, пишущій эти строки, какъ бывшій товарищъ Ушинскаго по университету, какъ близкій другъ его въ продолженіи болѣе 30-ти лѣтъ, намѣренъ сообщить, по личнымъ своимъ воспоминаніямъ, нѣсколько чертъ характера умершаго друга, которыя, можетъ быть, пригодятся для будущаго его біографа.

К. Д. Ушинскій происходилъ изъ стариннаго малороссійскаго дворянскаго рода и родился въ г. Тулѣ, въ началѣ 1824-го года. Отецъ его долгое время служилъ въ военной службѣ и впослѣдствіи былъ уѣзднымъ судьею въ г. Новгородъ-Сѣверскѣ, Черниговской губерніи; мать его была урожденная Гусакъ. Константинъ Дмитріевичъ получилъ первоначальное образованіе въ родительскомъ домѣ, а потомъ въ новгородъ-сѣверской гимназіи, имѣвшей тогда хорошаго руководителя въ лицѣ своего директора, извѣстнаго Ильи Θедоровича Тимковскаго,

бывшаго профессора харьковскаго университета. О первыхъ годахъ жизни Ушинскаго и о гимназическомъ его ученіи у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Изъ разсказовъ его мы помнимъ, что онъ, обучаясь въ гимназіи, жилъ въ домѣ родителей, верстахъ въ 4-хъ отъ города, и каждый день ходилъ пѣшкомъ на уроки. Ушинскій горячо любилъ и всегда вспоминалъ съ восторгомъ то мѣсто, въ которомъ провелъ первые годы юности. Домъ его родителей стоялъ на высокомъ берегу Десны и былъ окруженъ садомъ, въ которомъ росли вѣковые дубы. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ полюбилъ природу и деревенскую жизнь и сохранилъ эту любовь до самой смерти; только въ деревнѣ онъ бывалъ совершенно здоровъ и могъ свободно предаваться своимъ любимымъ занятіямъ.

Въ сентябрѣ 1840-го года пишущій эти строки поступилъ, въ числѣ полутораста другихъ молодыхъ людей, въ московскій университетъ студентомъ по юридическому факультету. Уже во время пріемныхъ экзаменовъ и первыхъ лекцій въ университетѣ, мы всѣ обратили вниманіе на Ушинскаго, тогда весьма молодого человѣка, почти мальчика, съ черными выразительными глазами, съ умнымъ и чрезвычайно симпатическимъ лицомъ, котораго живая и бойкая рѣчь, съ чуть замѣтнымъ малороссійскимъ акцентомъ, оригинальныя и рѣзкія сужденія по поводу университетскихъ лекцій, тогдашнихъ литературныхъ и театральныхъ явленій и всего того, что интересовало нашъ университетскій міръ, невольно возбуждали общее сочувствіе, какое возбуждаетъ всякій, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, молодой человѣкъ. Въ то время студентамъ жилось хорошо въ московскомъ университетѣ. Послѣ измѣненія устава въ тридцатыхъ годахъ, и обновленія состава профессоровъ при попечителѣ графѣ С. Г. Строгановѣ, бóльшая часть каѳедръ занята была молодыми преподавателями, воспитанниками бывшаго профессорскаго института, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшими изъ Германіи, гдѣ они доканчивали свое образованіе. Мы, юристы, слушали всеобщую исторію у Крюкова и Грановскаго, римское право у Крылова, политическую экономію и статистику у Чивилева. Преподаваніе ихъ стояло на уровнѣ европейской науки и побуждало слушателей къ самостоятельному труду. Особеннымъ сочувствіемъ студентовъ пользовались два первые изъ названныхъ профессоровъ, которыхъ чтенія, при всей основательности и глубинѣ содержанія, отличались еще необыкновенною художественностью формы. Но никто изъ тогдашнихъ преподавателей не производилъ на насъ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ профессоръ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственнаго права П. Г. Р—нъ. Въ его чтеніяхъ было именно то, что могло увлечь молодыхъ людей,—былъ юношескій жаръ и глубокое убѣжденіе. Онъ умѣлъ возбудить въ своихъ ученикахъ любовь къ наукѣ, потому что самъ искренно, можно сказать страстно любилъ науку, хотя эта

любовь вовсе не была у него любовью науки для науки; это собственно была любовь науки для человѣчества, ибо П. Г. искренно вѣрилъ и заставилъ насъ вѣрить, что наука и цивилизація могутъ и должны побороть всякое зло на землѣ, что онѣ водворятъ свободу и миръ и осчастливятъ людей! Въ сороковыхъ годахъ такіе идеалистическіе взгляды были еще возможны. Чтенія П. Г., всегда увлекательныя, переходили иногда въ восторженныя импровизаціи, которыя производили на слушателей потрясающее дѣйствіе. Эти лекціи привлекали множество слушателей, не только юристовъ всѣхъ курсовъ, но даже медиковъ и математиковъ, и часто случалось, что студенты другихъ факультетовъ, прослушавъ одну лекцію П. Г., переходили въ юридическій факультетъ единственно затѣмъ, чтобы имѣть возможность постоянно слушать его лекціи[1]). Чтенія П. Г. имѣли для юристовъ особенное значеніе: въ то время философія въ университетахъ вовсе не преподавалась, и не будь П. Г., то для студентовъ философскія знанія оставались бы совершенно чуждыми, тѣмъ болѣе, что другіе преподаватели считали излишнимъ давать своимъ курсамъ философскую основу. Курсъ гражданскаго права, читаемый Морошкинымъ, отличался большимъ богатствомъ историческихъ и практическихъ объясненій, но страдалъ совершеннымъ отсутствіемъ не только философскихъ, но и всякихъ теоретическихъ основаній; подъ именемъ же теоріи уголовнаго права предлагался слушателямъ довольно безсвязный обзоръ всевозможныхъ теорій нѣмецкихъ криминалистовъ, безъ всякой критики и путеводной нити. Этотъ недостатокъ философскаго взгляда на юридическія науки восполнялся до нѣкоторой степени чтеніями П. Г., который, сознавая безполезность и невозможность изученія права безъ надлежащей философской подготовки, посвящалъ цѣлую половину курса краткому, но весьма отчетливому и удобопонятному очерку исторіи философіи и обзору гегелевской философской системы. Лекціи П. Г. имѣли рѣшительное вліяніе на умственное развитіе Ушинскаго и на дальнѣйшее направленіе его занятій; онѣ впервые ознакомили его съ философскими науками и возбудили къ нимъ любовь, и если впослѣдствіи Ушинскій всякому занимавшему его явленію старался отыскать философское основаніе и во всѣхъ своихъ трудахъ строго слѣдовалъ философскимъ началамъ, то этимъ онъ преимущественно обязанъ П. Г.

Ушинскій уже въ то время поражалъ всѣхъ насъ своими необыкновенными способностями. Имѣя не болѣе 16-ти лѣтъ отъ роду, получивъ довольно посредственное первоначальное образованіе, какое только и

---

[1]) Въ сосѣднемъ съ университетомъ, извѣстномъ академическомъ трактирѣ «Великобританія», если днемъ не было никого изъ студентовъ, то это считалось вѣрнымъ признакомъ, что въ это время П. Г. читаетъ лекцію въ университетѣ.

можно было получить въ нашихъ провинціальныхъ гимназіяхъ 30-хъ годовъ, плохо зная въ то время иностранные языки, онъ однако съ необыкновенною легкостью и быстротою усвоивалъ себѣ самыя трудныя философскія и юридическія теоріи, относясь къ нимъ всегда критически. Нерѣдко случалось, что послѣ выслушанія лекціи, въ которой намъ передавалась какая-либо слишкомъ мудреная теорія (напр. теорія владѣнія по римскому праву и разъясненію нѣмецкихъ юристовъ, или Нибуровскія идеи о древней римской исторіи), слушатели, плохо понявъ суть дѣла, обращались къ Ушинскому съ просьбою изложить имъ всю эту мудрость по-своему, и онъ всегда успѣвалъ растолковать имъ сущность лекціи совершенно вѣрно и удобопонятно. Память у него была до такой степени объемиста, что онъ даже вполнѣ зналъ ту часть статистики, въ которой профессоръ Чивилевъ знакомилъ насъ съ профилями центральной Европы, съ помощью исчисленія всѣхъ горныхъ вершинъ и проходовъ, съ показаніемъ вышины ихъ надъ уровнемъ моря. До такого совершенства никто изъ насъ, товарищей Ушинскаго, никогда не доходилъ. Благодаря этой памяти, онъ почти вовсе не готовился къ университетскимъ экзаменамъ, и ему достаточно было въ теченіи года прослушать любой университетскій курсъ, чтобы въ маѣ мѣсяцѣ сдать переходный экзаменъ. Свободное отъ лекцій время онъ посвящалъ чтенію, которое уже тогда было у него весьма серьезно и разнообразно. Наиболѣе любимые въ тó время авторы его были Пушкинъ, Гёте, Гоффманъ и Жанъ-Поль-Рихтеръ, изъ которыхъ онъ много переводилъ, и ради которыхъ весьма скоро изучилъ основательно нѣмецкій языкъ. Въ исторіи онъ въ то время съ любовью изучалъ эпоху французской революціи, къ героямъ которой имѣлъ особенное пристрастіе. Вольтера и Наполеона I-го онъ просто ненавидѣлъ, и это служило поводомъ къ безконечнымъ спорамъ съ товарищами, въ числѣ которыхъ было довольно много поклонниковъ Наполеона и вольтеріанцевъ. Эта ненависть къ Вольтеру и Наполеону объясняется его убѣжденіями, которымъ онъ оставался вѣренъ во все продолженіе своей жизни. Относясь критически ко всѣмъ явленіямъ науки и жизни и будучи весьма далекъ отъ всякихъ піетистическихъ или клерикальныхъ направленій, онъ потому всегда былъ истинный христіанинъ и человѣкъ глубокихъ религіозныхъ убѣжденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ величайшимъ благомъ свободу. Въ Наполеонѣ I-мъ онъ видѣлъ такого же врага свободы, какого христіанство встрѣтило въ Вольтерѣ. Въ послѣдніе годы университетскаго курса онъ началъ весьма прилежно заниматься изученіемъ философіи и русской исторіи, которую основательно зналъ по источникамъ. Здоровье его уже тогда было весьма ненадежно, и городская жизнь дѣйствовала на него губительно. Къ концу академическаго года онъ обыкновенно,

блѣдный, худой и харкающій кровью, отправлялся съ земляками на родину, въ Малороссію, которую страстно любилъ. Бóльшею частью онъ и его товарищи совершали путешествіе изъ Москвы до Брянска на долгихъ, въ Брянскѣ покупали лодку и спускались по Деснѣ до Новгородъ-Сѣверска. Въ деревнѣ онъ меньше занимался, писалъ стихи, много гулялъ, удилъ рыбу, и пріѣзжалъ къ сентябрю въ Москву румяный, полный и совершенно здоровый. Ушинскій и его малороссійскіе товарищи, возвращаясь въ Москву послѣ вакацій, обыкновенно привозили съ собою большіе мѣшки малороссійскаго сала, которое для насъ служило важнымъ подспорьемъ во время частыхъ финансовыхъ кризисовъ.

Вообще, въ частномъ студенческомъ быту Константинъ Дмитріевичъ былъ совершенный студентъ-демократъ, жившій, что называется, душа на распашку и дѣлившійся съ товарищами послѣднимъ рублемъ и послѣдней трубкой табаку. Онъ вовсе не чуждался театровъ и извѣстныхъ трактировъ Печкина и „Великобританіи“, которые замѣняли для насъ клубы и читальни, такъ какъ въ нихъ имѣлись всегда въ нѣсколькихъ экземплярахъ не только лучшіе тогдашніе журналы, но и вновь выходившія, наиболѣе тогда читаемыя книги. Уже тогда Ушинскій отличался нѣкоторыми качествами, которыя впослѣдствіи надѣлали ему много враговъ и принесли не мало огорченій,—именно полнѣйшею независимостью характера и привычкою высказывать каждому откровенно свои убѣжденія, не взирая на то, какъ будетъ принята эта откровенность. Будучи отъявленнымъ врагомъ всякой пошлости, всякаго заискиванія и низкопоклонства, онъ безпощадно казнилъ своими сарказмами тѣхъ изъ товарищей, которые, въ виду приближавшихся экзаменовъ, ѣздили къ профессорамъ съ визитами и поздравленіями, или старались обратить на себя вниманіе прилежнымъ записываніемъ лекцій у такихъ профессоровъ, которые читали по печатнымъ книгамъ. Студенты-аристократы, любившіе пускать пыль въ глаза французскими фразами, рысаками, франтовскими мундирами и всякими модными затѣями, страшно боялись Ушинскаго, котораго остроты попадали очень мѣтко. Впрочемъ, всѣ эти выходки легко сходили съ рукъ въ университетѣ, и Ушинскій постоянно пользовался любовью всѣхъ своихъ товарищей. Впослѣдствіи, въ жизни, выходило совершенно другое. Недолюбливалъ также К. Д. нѣкоторыхъ профессоровъ; особенно часто страдалъ отъ его острыхъ словъ одинъ профессоръ русской словесности, впрочемъ человѣкъ весьма ученый и оказавшій большія услуги наукѣ, но читавшій лекціи съ невыносимой аффектаціей. Ненавистенъ былъ ему еще одинъ профессоръ, котораго теорія уголовнаго права не отличалась гуманностью взглядовъ.

Въ маѣ 1844-го года Константинъ Дмитріевичъ окончилъ универси-

тетскій курсъ вторымъ кандидатомъ правъ [1]). Тогдашній попечитель московскаго учебнаго округа, графъ С. Г. Строгоновъ, не могъ не обратить вниманія на его необыкновенныя способности и многостороннее образованіе. Въ то время гр. Строгоновъ задумалъ преобразовать ярославскій демидовскій лицей въ высшее камеральное училище и старался обновить составъ его преподавателей новыми, молодыми силами. Съ этою цѣлью онъ предложилъ мѣста профессоровъ въ лицеѣ нѣкоторымъ наиболѣе талантливымъ кандидатамъ московскаго университета, въ томъ числѣ Львовскому, Татаринову и Ушинскому. Послѣдній принялъ на себя преподаваніе энциклопедіи законовѣдѣнія, государственнаго права и науки финансовъ.

О жизни и дѣятельности Константина Дмитріевича въ Ярославлѣ, автору этой замѣтки извѣстно весьма немного, такъ какъ онъ, съ 1844-го по 1852-й годъ, жилъ въ другомъ концѣ Россіи и только изрѣдка переписывался съ Ушинскимъ. По разсказамъ бывшихъ ярославскихъ студентовъ 40-хъ годовъ, Ушинскій превосходно и увлекательно излагалъ свои курсы въ лицеѣ и много работалъ по государственному праву. Съ какою легкостью онъ овладѣвалъ каждымъ предметомъ, какъ мѣтки и самостоятельны были уже въ то время его взгляды и сужденія, это видно изъ рѣчи его „О камеральномъ образованіи", произнесенной въ торжественномъ собраніи лицея 18-го сентября 1848 г. и напечатанной въ томъ же году въ Москвѣ, въ университетской типографіи. Рѣчь эта прошла у насъ почти незамѣченною, хотя подобныя самостоятельныя научныя произведенія въ то время составляли, какъ и теперь составляютъ, весьма рѣдкія явленія. Первую часть своей рѣчи Ушинскій посвящаетъ критическому разбору системъ нѣмецкихъ камералистовъ и находитъ, что они, создавая науку камералистики, смѣшали науку и искусство, и такъ какъ предметъ науки не былъ ими схваченъ, то осталось одно искусство. Вслѣдствіе такой ошибки, нѣмецкіе учебники камералистики, вмѣсто того, чтобы излагать научнымъ образомъ законы частнаго и общественнаго хозяйства, представляютъ сборники совѣтовъ и наставленій по всѣмъ отраслямъ промышленной дѣятельности. Находя существованіе въ этомъ видѣ камералистики, какъ науки, невозможнымъ, Ушинскій предлагаетъ свою систему камеральныхъ наукъ, основаніе которой кладетъ изученіе земли, изученіе общества и изученіе хозяйственной дѣятельности въ томъ общемъ философскомъ смыслѣ, въ какомъ изучали ихъ Карлъ Риттеръ и Адамъ Смитъ; затѣмъ всѣ техническія знанія, составляющія предметъ искусства, а не науки, по мнѣнію Ушинскаго, вовсе не должны входить въ область камералистики, какъ науки. Впослѣдствіи, Ушинскій эту же самую

---

[1]) Первымъ кандидатомъ правъ въ 1844 году окончилъ курсъ, если не ошибаемся, князь В. Черкасскій, нынѣшній московскій городской голова.

мысль проводилъ въ отношеніи къ педагогикѣ; онъ не признавалъ наукой того, что нѣмцы разумѣютъ подъ наукой педагогики; по его мнѣнію, педагогика есть не наука, а искусство, то-есть примѣненіе общихъ началъ антропологіи къ воспитанію. Поэтому-то онъ, исполняя порученіе правительства, которое возложило на него обязанность составить руководство для воспитателей, написалъ не педагогику, а антропологію.

Реформа демидовскаго лицея, задуманная гр. Строгоновымъ, повидимому, не вполнѣ удалась. Ярославскій камеральный факультетъ не получилъ надлежащаго развитія, число студентовъ въ немъ было незначительно и всѣ почти молодые профессоры, которые должны были поднять уровень лицейскаго преподаванія, въ томъ числѣ и Ушинскій, оставили службу въ лицеѣ и переселились въ Петербургъ. Это переселеніе случилось, если не ошибаемся, въ 1850-мъ году.

Осенью 1852-го года авторъ этой замѣтки также переѣхалъ на жительство въ Петербургъ и нашелъ здѣсь Ушинскаго, уже женатаго [1]), служащаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и дѣятельно занимающагося литературой.

Въ то время министерствами внутреннихъ дѣлъ и удѣловъ управлялъ Л. А. Перовскій, привлекавшій къ себѣ на службу людей науки. У него, въ числѣ начальниковъ отдѣленій и столоначальниковъ, было не мало магистровъ и докторовъ правъ и философіи; между прочимъ къ нему поступили на службу нѣкоторые изъ профессоровъ московскаго университета, оставившіе учебную службу послѣ смѣны попечителя гр. Строгонова. Вѣроятно, при помощи бывшихъ своихъ профессоровъ Ушинскій опредѣлился на службу въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій. Но къ департаментской службѣ Ушинскій, какъ самъ часто говорилъ, былъ совершенно неспособенъ, и повидимому онъ не принималъ никакого участія въ производствѣ текущихъ дѣлъ департамента и даже рѣдко туда являлся, занимаясь на дому составленіемъ историческихъ записокъ и исполненіемъ другихъ подобнаго рода поручаемыхъ ему работъ. Не будучи особенно стѣсняемъ службою, онъ началъ изучать англійскій языкъ и литературу, много занимался изученіемъ философіи и особенно пристрастился къ землевѣдѣнію. Усвоивъ себѣ философскій взглядъ Карла Риттера на землю и человѣка, онъ ревностно занимался изслѣдованіемъ воздѣйствія природы на человѣка и человѣка на природу, и результатомъ этихъ изслѣдованій было нѣсколько замѣчательныхъ критическихъ статей, написанныхъ подъ вліяніемъ риттеровскихъ идей [2]). Первая, напечатан-

---

[1]) К. Д. Ушинскій былъ женатъ на Надеждѣ Семеновнѣ, урожденной Дорошенко.

[2]) Сюда относятся статьи Ушинскаго: Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой. Труды уральской экспедиціи, 7 статей «Соврем.» 1853 г. №№ 8, 9, 10 и

ная имъ въ Петербургѣ статья, если не ошибаемся, есть весьма живо написанный разсказъ, подъ заглавіемъ „Поѣздка на Волховъ“ [1]). Познакомившись, по поводу этой статьи, съ редакторами „Современника“, онъ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ этого журнала и напечаталъ въ немъ много статей по предмету литературы, исторіи и землевѣдѣнія [2]); нѣкоторое время онъ составлялъ для него отдѣлъ иностранныхъ извѣстій. Впослѣдствіи, разойдясь почему-то съ редакціей „Современника“, онъ сталъ печатать свои статьи въ „Библіотекѣ для Чтенія“, редакторъ которой, г. Старчевскій, началъ взваливать на него всю тяжелую журнальную работу, какъ-то: составленіе хроникъ и обозрѣній, разборъ выходившихъ книгъ и т. п. Этотъ безпрерывный и монотонный литературный трудъ совершенно разстроивалъ здоровье Ушинскаго, отнималъ у него возможность продолжать научныя занятія, а главное, плохо обезпечивалъ его въ матеріальномъ отношеніи. Ушинскаго чуть не постигла тогда печальная судьба, загубившая не одного изъ нашихъ талантливыхъ писателей, — судьба литературнаго поденщика. Счастливый случай вывелъ его на другой путь и далъ ему возможность примѣнить свои познанія и способности на такомъ поприщѣ, на которомъ они принесли несомнѣнную пользу его соотечественникамъ.

Въ 1855-мъ году, Ушинскій случайно встрѣтился въ Петербургѣ съ П. В. Голохвастовымъ, бывшимъ начальникомъ своимъ по Демидовскому лицею, занимавшимъ тогда мѣсто директора Гатчинскаго Сиротскаго Института. По предложенію Голохвастова онъ принялъ должность преподавателя словесности и законовъ, а потомъ и инспектора классовъ въ Гатчинскомъ институтѣ [3]). Переселившись въ Гатчину, Ушинскій ревностно принялся за исполненіе новой для него обязанности руководителя учебной части въ большомъ учебномъ заведеніи, составлявшемъ не одну школу, а такъ сказать цѣлую систему школъ, ибо въ немъ воспитывались и обучались въ разныхъ отдѣленіяхъ дѣти весьма

---

11. Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій — критическая статья. «Соврем.» 1854 г. № 6. Рецензія путешествія въ Персію Бларамберга и проч.

[1]) «Соврем.» 1852 г. № 9.

[2]) Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ этихъ статей: Литературный характеръ или исторія генія, заимствованная изъ собственныхъ чувствъ и признаній, Дизраели. «Соврем.» 1853 г. №№ 5, 6, 7 и 8. Исторія одной французской эскадры, извлеченіе изъ книги принца Жуанвильскаго. «Соврем.» 1853 г. № 3. Свѣдѣнія о современномъ состояніи Турціи. «Соврем.» 1854 г. №№ 6, 7 и 8.

[3]) Не можемъ не упомянуть, что приглашеніе Ушинскаго на службу въ Гатчинскій институтъ свидѣтельствуетъ о благородствѣ души П. В. Голохвастова. Нужно замѣтить, что П. В., бывши директоромъ Демидовскаго лицея, не совсѣмъ ладилъ съ молодыми профессорами лицея. Несмотря на то, онъ, зная способности и высокія нравственныя достоинства Ушинскаго, не задумался предложить ему должность главнаго своего помощника и руководителя учебной части въ институтѣ.

различныхъ возрастовъ, изъ коихъ одни учились азбукѣ, а другіе слушали курсы законовѣдѣнія. Осматривая библіотеку заведенія, онъ нашелъ въ ней довольно большое собраніе педагогическихъ сочиненій первой четверти нынѣшняго столѣтія, и эта находка побудила его заняться изученіемъ педагогики. Вотъ какъ описываетъ Ушинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ первое знакомство свое съ педагогической библіотекой:

„Помню я, какъ, поступивъ на службу въ одно учебное заведеніе и разсматривая его библіотеку, довольно многотомную, нашелъ я цѣлый шкафъ съ медицинскими книгами, хотя въ этомъ заведеніи никогда не учили медицинѣ. Ихъ пожертвовалъ одинъ купецъ, которому онѣ достались за долги или по наслѣдству... Наконецъ смотрю, стоятъ два шкафа, запыленные, почернѣлые, запечатанные. Видно по всему, что ихъ лѣтъ двадцать не отпирали. Прошу отворить и нахожу очень полное собраніе педагогическихъ книгъ. Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и, Боже мой! отъ скольких бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, еслибы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновеннымъ у насъ человѣкомъ [1]). Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ приводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства перемѣнились,—и бѣднякъ мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой, педагогическими идеями. Недаромъ же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ одною и тою же мертвою рукою, я думалъ, лучше бы было, еслибъ онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились лучше цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи“.

Въ Гатчинѣ Ушинскій началъ изучать педагогическую литературу отъ Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта, и съ тѣхъ поръ, до конца жизни, вся дѣятельность его была посвящена исключительно наукѣ воспитанія. Въ единственномъ тогда педагогическомъ Журналѣ для воспитанія, издававшемся подъ редакціею Чумикова, печатались его педагогическія статьи [2]). Къ этой же гатчинской эпохѣ

---

[1]) Это былъ Евг. Ос. Гугель, инспекторъ Гатчинскаго института.

[2]) Въ Журн. для Воспитанія Ушинскій помѣстилъ слѣдующія статьи: «О пользѣ педагогической литературы». 1857 г. Т. I; «О народности въ общественномъ воспитаніи». 1857. Т. II; «Школьная реформа въ Сѣверной Америкѣ». 1858. Т. III; «Внутреннее устройство Сѣверо-американскихъ школъ». 1858. Т. IV. Ему также

жизни Ушинскаго относится начало наиболѣе важныхъ его трудовъ,—по составленію книгъ для первоначальнаго обученія. Первую изъ этихъ книгъ—„Дѣтскій Міръ и Христоматію"—онъ началъ составлять еще въ 1858-мъ году и напечаталъ ее въ началѣ 1861-го года. Читая эту книжку, составленную, повидимому, изъ такихъ простыхъ, легкихъ и безъискусственныхъ разсказовъ и описаній, съ перваго взгляда можно подумать, что составленіе ея не требовало особеннаго труда и усилія. Между тѣмъ Ушинскій посвятилъ ей цѣлыхъ три года усидчиваго труда. За исключеніемъ статей христоматіи, заимствованныхъ большею частію изъ русскихъ писателей, все остальное сочинено самимъ Ушинскимъ, который сотни разъ передѣлывалъ каждую статейку, стараясь изложить ее въ такомъ видѣ, чтобы она вполнѣ годилась для достиженія назначенной цѣли—постепеннаго развитія вниманія и мыслительной способности дѣтей. Каждая фраза въ этой книгѣ тщательно обдумана и обработана и языкъ ея представляетъ замѣчательный образецъ простого, правильнаго, логическаго и художественнаго изложенія мысли. Когда Ушинскій задумалъ наконецъ печатать свой трудъ, то оказалось, что его успѣлъ предупредить г. Паульсонъ, издавшій въ 1860-мъ г. свою „Книгу для Чтенія", которая по цѣли и содержанію, до извѣстной степени, сходилась съ книгою Ушинскаго. Опасаясь окончательно разориться изданіемъ „Дѣтскаго Міра", Ушинскій долго не рѣшался печатать его въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, и только вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ и убѣжденій друзей, напечаталъ въ количествѣ 3600 экз., назначивъ продажную плату за два тома 1 р. 80 к. Книга имѣла громадный успѣхъ: въ томъ же 1861-мъ году потребовались еще два изданія и авторъ былъ въ состояніи понизить цѣну ея до 1 р. 20 к., дѣлая еще значительную сбавку для учебныхъ заведеній [1]).

принадлежитъ статья: «Три элемента школы» (1857. Т. I), подписанная, по нѣкоторымъ причинамъ, псевдонимомъ Виссаріона Жукова.

[1]) Приведемъ здѣсь не лишенныя, можетъ быть, интереса свѣдѣнія о количествѣ разошедшихся экземпляровъ изданій Ушинскаго:

1) Дѣтскій Міръ и Христоматія ч. I, 10 изданій . . .	135.000	экз.
2) » » » » » II, » »	105.000	»
3) Родное Слово, годъ I, 10 изданій	215.000	»
4) » » » II, 9 »	171.000	»
5) Книга для учащихъ для двухъ первыхъ годовъ, 9 изданій	26.000	»
6) Родное Слово годъ III, 2 изданія	15.000	»
7) Книга для учащихъ для 3-го года, 2 изданія	6.000	»
Итого . . .	673.000	экз.

Замѣтимъ, кстати, что въ оффиціальномъ «Каталогѣ учебныхъ руководствъ и пособій по русскому языку, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ», напечатанномъ въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» за августъ 1867-го года, изданія Ушинскаго совершенно пропущены, изъ чего можно бы сдѣлать заключеніе,

Улучшенія, сдѣланныя Ушинскимъ въ учебной части Гатчинскаго института, обратили на него вниманіе начальства IV-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи и онъ, въ 1859-мъ году, переведенъ былъ на мѣсто инспектора классовъ Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскаго Александровскаго училища (Смольнаго института), остававшееся вакантнымъ послѣ смерти Тимаева. Если не ошибаемся, онъ не мало также обязанъ былъ назначеніемъ этимъ—своимъ письмамъ о воспитаніи, писаннымъ для одной высокопоставленной особы, которыя, къ сожалѣнію, не были напечатаны и едва ли сохранились въ бумагахъ покойнаго. Мы не станемъ здѣсь говорить о преобразованіяхъ, которыя, по мысли и подъ руководствомъ Ушинскаго произведены были въ 1860-мъ году въ Смольномъ институтѣ, такъ какъ предметъ этотъ изложенъ въ книгѣ г. Лядова [1]), и вѣроятно будетъ еще обстоятельно разсмотрѣнъ въ составляемой нынѣ г. Пятковскимъ „Исторіи учрежденій Императрицы Маріи Ѳеодоровны“. Замѣтимъ только, что, вступивъ въ управленіе учебною частью Смольнаго института, Ушинскій успѣлъ обновить составъ преподавателей и привлечь въ это заведеніе весьма талантливыхъ и пріобрѣвшихъ нынѣ почетную извѣстность въ наукѣ и литературѣ дѣятелей, изъ коихъ назовемъ Я. П. Пугачевскаго, Н. Н. Раевскаго, В. Ф. Буссе, В. И. Лядова, А. И. Павловскаго, В. И. Водовозова, Д. Д. Семенова, Л. Н. Модзалевскаго, барона М. О. Косинскаго, О. Ѳ. Миллера, Г. С. Дестуниса и М. И. Семевскаго. Всѣ они составляли тѣсный дружескій кружокъ, котораго центромъ былъ Ушинскій, умѣвшій сообщить ему свою любовь къ дѣлу воспитанія. Они часто собирались у Ушинскаго и въ откровенной дружеской бесѣдѣ обмѣнивались педагогическими идеями и наблюденіями, отчего происходило, что учебная часть въ институтѣ развивалась дружно и гармонически и преподаваніе давало превосходные результаты. Несмотря на значительныя затрудненія, Ушинскій успѣлъ осуществить на дѣлѣ въ институтѣ многія свои воспи-

---

что они *не могутъ* быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Но, принимая во вниманіе, что «Дѣтскій Міръ» Ушинскаго былъ допущенъ къ употребленію въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ еще въ 1861-мъ г. министромъ Е. П. Ковалевскимъ вслѣдствіе одобренія этой книги ученымъ комитетомъ (Журн. Мин. Нар. Пр. часть оффиціальная, 1861 г. 1 іюня № 9) и что книга эта въ 1867 году уже расходилась сотнями тысячъ экземпляровъ и признавалась всѣми нашими педагогами лучшею и ничѣмъ незамѣнимою книгою при первоначальномъ обученіи, что, наконецъ, эта книга, какъ и всѣ другія сочиненія Ушинскаго, проникнута истинно-христіанскимъ и патріотическимъ духомъ,—мы полагаемъ, что пропускъ ея въ оффиціальномъ „Каталогѣ“ произошелъ вслѣдствіе какой-либо ошибки—во всякомъ случаѣ, непростительной.

Ред.

[1]) Историческій очеркъ столѣтней жизни Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и С.Петербургскаго Александровскаго училища. Составилъ В. И. Лядовъ, стр. 61—79.

тательныя идеи и совершить преобразованія, за которыя вѣроятно помянутъ его добрымъ словомъ воспитанницы института и ихъ родители. Человѣкъ, болѣе уступчивый, чѣмъ Ушинскій, обладающій большимъ дипломатическимъ тактомъ, которымъ Ушинскій вовсе не отличался, по всей вѣроятности, съ большею легкостью успѣлъ бы провести эти преобразованія; но Ушинскому они стоили неимовѣрныхъ трудовъ и усилій. Онъ шелъ прямымъ путемъ, не зная окольныхъ дорогъ, добивался осуществленія своихъ идей настойчиво, со свойственной ему энергіею и рѣзкостью, не щадя чужого самолюбія и не отступая ни на шагъ отъ своихъ убѣжденій. Борьба, которую онъ долженъ былъ выдержать, пока осуществились его планы, совершенно истощила его силы и разстроила его здоровье.

Педагогическая дѣятельность Ушинскаго обратила на себя вниманіе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскаго. Въ то время министерство приступало къ коренному преобразованію своихъ учебныхъ заведеній, которое приведено было къ окончанію А. В. Головнинымъ. Ученому комитету поручено было составить проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ, и трудъ этотъ былъ окончень въ февралѣ и напечатанъ въ мартовской книжкѣ журнала министерства. Печатая этотъ проектъ, министерство имѣло въ виду вызвать замѣчанія на него со стороны лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, причемъ признано было полезнымъ сдѣлать журналъ министерства органомъ для такихъ замѣчаній и вообще для обсужденія педагогическихъ вопросовъ и распространенія педагогическихъ знаній. Ушинскому предложена была должность редактора журнала министерства и на него возложена обязанность преобразовать это изданіе въ спеціальный педагогическій журналъ. Въ этомъ новомъ видѣ журналъ министерства началъ издаваться съ іюля 1860-го года и выходилъ подъ редакціею Ушинскаго до ноября 1861-го года. Не подлежитъ сомнѣнію, что преобразованіе этого журнала, бывшаго до того времени совершенно безцвѣтнымъ, въ изданіе спеціально посвященное педагогикѣ и наиболѣе близкимъ къ ней наукамъ, произвело несомнѣнную пользу и значительно увеличило кругъ читателей журнала, которымъ прежде никто почти не интересовался. Однако новая редакція журнала не встрѣтила особеннаго сочувствія къ себѣ въ тогдашней нашей періодической прессѣ. Ушинскій, имѣя извѣстныя убѣжденія, несогласныя съ господствовавшимъ тогда въ журнальной литературѣ направленіемъ, считалъ невозможнымъ и позорнымъ для себя скрывать эти убѣжденія и высказывалъ ихъ какъ въ общемъ духѣ и направленіи изданія, такъ и въ собственныхъ своихъ статьяхъ, особенно въ психически-воспитательномъ очеркѣ, подъ заглавіемъ „Трудъ“ [1]) и въ статьѣ

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1869 г. Іюль.

„О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи"[1]), а также въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ напечатанному въ журналѣ министерства переводу извѣстнаго сочиненія Гайма „Гегель и его время". Высказанные Ушинскимъ взгляды возбудили противъ него рѣзкія нападенія со стороны нѣкоторыхъ журналовъ, причемъ, къ сожалѣнію, эти нападенія были направлены не только противъ убѣжденій автора, но и противъ его личности. Ушинскій на опытѣ убѣдился, что мы еще не научились относиться съ уваженіемъ къ личности людей, которыхъ убѣжденій мы не раздѣляемъ. Не одинъ, впрочемъ, Ушинскій подвергался въ то время глумленію со стороны нашихъ, считавшихъ себя передовыми, органовъ печати: ему подвергались и такіе люди, какъ Н. И. Пироговъ.

Смѣнившій въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго, графъ Путятинъ, имѣлъ въ виду снова измѣнить программу журнала министерства и преобразовать его въ періодическое изданіе, посвященное всѣмъ вообще наукамъ, въ родѣ французскаго „Journal des Savants". Ушинскій, не считая себя способнымъ быть редакторомъ такого энциклопедически-научнаго изданія, въ ноябрѣ 1861-го года вовсе оставилъ службу по министерству народнаго просвѣщенія[2]).

Оставивъ службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, Ушинскій однако не переставалъ быть дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала этого министерства, который сохранялъ еще нѣкоторое время свою педагогическую программу. Въ мартовской книжкѣ за 1862-й годъ появилась весьма замѣчательная критическая статья его по поводу педагогическихъ сочиненій Н. И. Пирогова, въ которой подробно разобраны главныя идеи и педагогическіе взгляды нашего великаго хирурга и отдана должная дань заслугамъ его, какъ писателя и какъ руководителя общественнаго образованія въ двухъ учебныхъ округахъ. Дѣятельность Н. И. Пирогова на поприщѣ воспитанія, къ сожалѣнію, давно уже прекратилась; насъ отдѣляетъ уже болѣе чѣмъ десятилѣтній промежутокъ отъ того времени, когда каждая статья его, каждый циркуляръ по управленію учебнымъ округомъ, съ такимъ восхищеніемъ встрѣчаемы были нашими педагогами. О заслугахъ Пирогова въ дѣлѣ воспитанія, о проводимыхъ имъ взглядахъ какъ-то забыло

---

[1]) Тамъ-же ноябрь и декабрь. Кромѣ названныхъ статей, въ то время, напечатаны были въ Журн. Мин. Нар. Пр. еще слѣдующія статьи: Психологическія монографіи. Вниманіе. (Авг. и Сент. 1860 г); Проектъ учительской семинаріи. (Февраль и Мартъ 1861 г.; Воскресныя школы. Письмо въ провинцію (Янв 1861 г.) и Родное Слово (Май 1861 г).

[2]) Вступившій, въ декабрѣ 1861 г., послѣ гр. Путятина, въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, А В. Головнинъ, предлагалъ Ушинскому снова поступить на службу по вѣдомству министерства; но здоровье Ушинскаго, требовавшее тогда серьезнаго леченія, не дозволило ему принять это предложеніе.

нынѣшнее поколѣніе, и энтузіазмъ, возбужденный „Вопросами жизни“ замѣтно охладѣлъ. Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ еще такъ недавно, по поводу просьбы учениковъ о дозволеніи играть имъ въ публичномъ театрѣ, нашъ великій педагогъ, въ статьѣ „Быть и казаться“, передавалъ сотрудникамъ по воспитанію свои свѣтлые и глубокіе психологическіе взгляды на душу ребенка и на опасность развивать въ ней страсть ко всему кажущемуся, ко всякому блеску и мишурѣ, — въ томъ самомъ городѣ мы нынѣ заботимся о приличной ливреѣ швейцаровъ при гимназіяхъ. Въ виду такой забывчивости нашей о тѣхъ идеяхъ, которымъ мы недавно сочувствовали и о тѣхъ людяхъ, кои проповѣдывали эти идеи, можетъ быть не совсѣмъ излишне будетъ привести здѣсь заключительныя слова статьи Ушинскаго, въ которыхъ онъ изображаетъ заслуги и значеніе у насъ Н. И. Пирогова.

„Мы надѣемся—говоритъ Ушинскій—что педагогическое поприще только что началось для Н. И. Пирогова (къ сожалѣнію, оно тогда окончилось); мы убѣждены, что для его педагогической дѣятельности предстоитъ еще блестящая будущность; по крайней мѣрѣ мы желаемъ этого всѣми силами нашей души. Никакіе уставы, никакія реформы, никакіе штаты не сдѣлаютъ ничего въ такой практической и вмѣстѣ духовной области, каково образованіе народа, если люди, подобные Н. И. Пирогову, не внесутъ въ эту область всей живительной силы своего могучаго и до глубины искренняго духа. Самый геніальный уставъ не сдѣлаетъ того, что можетъ сдѣлать одинъ такой человѣкъ, потому что въ образованіи духа важна не форма, а самый духъ.... Мы знаемъ довольно, но мы желаемъ слабо; насъ слѣдуетъ не столько учить, сколько возвысить и укрѣпить; намъ нуженъ человѣкъ, примѣръ котораго увлекалъ бы насъ, жизнь котораго служила бы намъ великимъ образцомъ; а другой такой жизни, какова жизнь Н. И. Пирогова, мы не знаемъ въ Россіи, да и у другихъ народовъ такихъ жизней не много. Если Н. И. Пироговъ призываетъ насъ къ безкорыстной дѣятельности на пользу народа, если онъ говоритъ намъ о нравственной силѣ духа, если онъ указываетъ намъ необходимость нравственнаго самовоспитанія, какъ единственнаго средства дѣйствовать благотворно на воспитаніе народа, если онъ говоритъ намъ о религіи, нравственности, любви къ людямъ и любви къ отечеству, безкорыстіи, самопожертвованіи, то эти слова уже не однѣ громкія фразы, а дѣла, или укоряющія насъ въ бездѣйствіи, или призывающія насъ къ спасительной дѣятельности.... Народъ, изъ среды котораго выходятъ такія личности, какова личность Н. И. Пирогова, можетъ съ увѣренностью глядѣть на свою будущность. Всѣ эти журнальные крики затихли, всѣ они скоро изчезнутъ безъ слѣда; но личности, подобныя личности нашего почтеннаго хирурга и педагога, не боятся времени. Время — ихъ искренній другъ: оно мало-по-малу возращаетъ сѣмена, ими по-

сѣянныя, и выдвигаетъ все ярче и ярче, ставитъ все выше и выше того, кого можетъ быть въ началѣ закрывали страсти и предразсудки современности.... Мы убѣждены, повторяемъ еще, что педагогическимъ способностямъ и наклонностямъ знаменитаго хирурга, что его истинно-гуманной личности предстоитъ еще обширное поле педагогической дѣятельности. Можетъ ли быть, чтобы такіе люди долго оставались безъ дѣла, когда каждый день ихъ жизни, потерянный для государства, есть величайшая потеря, потеря невознаградимая, особенно въ такое важное переходное время, какъ наше. Но если, по несчастію, педагогическая дѣятельность Н. И. Пирогова остановилась на томъ, что онъ уже сдѣлалъ, то и тогда почтенное имя его не умретъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Наконецъ-то мы имѣемъ посреди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можемъ указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодыя поколѣнія. Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ — и будущность нашего отечества будетъ обезпечена. Литература наша любитъ рисовать мрачные характеры, любитъ развѣнчивать историческія личности, любитъ топтать въ грязь прежніе авторитеты; но ей не удастся поколебать того нравственнаго авторитета, который уже пріобрѣлъ себѣ Н. И. Пироговъ".

Вполнѣ сочувствуя свѣтлымъ и глубоко-гуманнымъ взглядамъ Пирогова на воспитаніе, Ушинскій однако не раздѣлялъ его убѣжденій относительно необходимости класть въ основу общаго образованія классическіе языки, и полагалъ, что если изученіе организаціи языка является лучшимъ средствомъ духовнаго развитія, то для такого развитія слѣдуетъ употреблять не классическіе языки, а родной языкъ. Убѣжденія свои по этому вопросу Ушинскій изложилъ какъ въ цитируемой нами критической статьѣ о сочиненіяхъ Пирогова, такъ и въ статьяхъ, которыя онъ впослѣдствіи печаталъ, если не ошибаемся, въ газетѣ „Голосъ". Для осуществленія же своей задушевной мысли—положить въ основу духовнаго развитія родной языкъ, онъ составилъ всѣмъ извѣстныя руководства, подъ названіемъ „Родное Слово" [1]).

Въ началѣ мая 1862-го года Ушинскій уѣхалъ съ семействомъ загра-

---

[1]) Константинъ Дмитріевичъ отдалъ своего старшаго сына, Павла, не въ общую, а въ военную гимназію, не потому, чтобы желалъ готовить его для военной карьеры, а единственно изъ опасенія, что молодой человѣкъ, поступивъ въ общую гимназію и будучи обязанъ посвящать бо̀льшую часть времени и труда изученію древнихъ языковъ, не будетъ въ состояніи достаточно успѣвать въ другихъ предметахъ. Сознавая однако необходимость и пользу знанія древнихъ языковъ, онъ заставилъ сына своего обучаться латинскому языку частнымъ образомъ, у покойнаго воспитателя филологическаго института, хорошаго филолога, В. В. Игнатовича, который давалъ ему уроки по воскресеньямъ. О несчастной судьбѣ, постигшей старшаго сына Ушинскаго, скажемъ ниже.

ницу. Кромѣ необходимости озаботиться поправленіемъ разстроеннаго здоровья, онъ чувствовалъ необходимость нравственно отдохнуть на время отъ той кипучей жизни, которую онъ велъ въ послѣдніе два года и той борьбы, которую долженъ былъ выдерживать по поводу изданія журнала и преобразованія Смольнаго института. Его влекло также заграницу желаніе наглядно ознакомиться съ воспитаніемъ народа въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно сдѣлало наиболѣе существенные успѣхи. Наконецъ, онъ тогда рѣшился посвятить остатокъ жизни воспитанію дѣтей своихъ и серьезнымъ педагогическимъ трудамъ и полагалъ, что для осуществленія той и другой цѣли онъ найдетъ заграницей болѣе средствъ чѣмъ въ Россіи. Начальство IV-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи умѣло цѣнить высокія дарованія Константина Дмитріевича и не согласилось уволить его вовсе отъ службы. Онъ былъ уволенъ только отъ должности инспектора классовъ Смольнаго института, съ причисленіемъ, въ качествѣ члена, къ состоящему при IV-мъ отдѣленіи учебному комитету, причемъ ему данъ былъ отпускъ на продолжительное время заграницу и возложена на него обязанность составить руководство для воспитателей. Съ 1862 по 1867-й годъ Ушинскій жилъ постоянно заграницей, бо́льшею частію въ Швейцаріи, близъ Веве, и въ Гейдельбергѣ, гдѣ, между прочимъ, познакомился и сблизился съ Н. И. Пироговымъ, жившимъ въ то время въ Гейдельбергѣ въ качествѣ руководителя научныхъ занятій кандидатовъ къ профессорскому званію, отправленныхъ заграницу министерствомъ народнаго просвѣщенія. Почти каждый годъ Ушинскій пріѣзжалъ на нѣкоторое время въ Россію для изданія своихъ сочиненій, устройства своихъ дѣлъ и леченія кумысомъ въ Самарской губерніи.

Поселившись въ Швейцаріи, Ушинскій началъ заниматься изученіемъ ея школьнаго устройства, въ особенности народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ училищъ. Результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ шести весьма любопытныхъ письмахъ, напечатанныхъ подъ заглавіемъ „Педагогическая поѣздка по Швейцаріи“ [1]). Въ этихъ письмахъ онъ изложилъ школьное законодательство и организацію учебной части въ Бернскомъ кантонѣ и описалъ извѣстное, состоящее подъ дирекціею Фрелиха, женское училище „Einwohner-Mädchenschule“ въ Бернѣ и учительскія семинаріи въ Мюнхенбухзее и Веттингенѣ, получившія европейскую извѣстность, благодаря трудамъ своихъ директоровъ Рюга и Кеттигера. Письма Ушинскаго знакомятъ читателя не только съ устройствомъ и состояніемъ швейцарской школы, но еще съ духомъ этого превосходнаго учрежденія и съ тѣми условіями, при которыхъ оно могло достигнуть нынѣш-

[1]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» декабрь 1862, и январь, мартъ и апрѣль 1863 года.

няго своего совершенства. Въ Швейцаріи Ушинскій началъ составлять свои книжки для первоначальнаго обученія отечественному языку дѣтей младшаго возраста, изданныя подъ заглавіемъ „Родное Слово", получившія у насъ еще бо̀льшую популярность, чѣмъ „Дѣтскій Міръ". Двѣ первыя книжки „Родного Слова", предназначенныя для дѣтей отъ 6-ти до 9-ти лѣтняго возраста и изданныя въ 1864-мъ году, Ушинскій старался приспособить не только къ употребленію въ училищахъ, но также и въ домашнемъ воспитаніи, о правильномъ развитіи котораго въ Россіи онъ въ особенности заботился. Съ этою цѣлью онъ приложилъ къ нимъ превосходное руководство для родителей и наставниковъ, подъ названіемъ „Книга для учащихъ", въ родѣ извѣстнаго Дистервеговскаго „Der Unterricht in der Klein-Kinder-Schule". Эта книга для учащихъ Ушинскаго несомнѣнно оказала огромныя услуги нашему народному образованію, распространивъ между родителями и наставниками хорошій методъ первоначальнаго обученія, которому у насъ, вслѣдствіе отсутствія учительскихъ семинарій, можно выучиться единственно по книгамъ. Третья книжка или третій годъ „Родного Слова" есть единственный у насъ опытъ, такъ сказать, нагляднаго изложенія грамматики. Она вышла только въ минувшемъ году и къ ней также приложено руководство для преподавателей, въ которомъ основательно разобраны недостатки нынѣшняго первоначальнаго преподаванія грамматики и изложенъ способъ употребленія новаго учебника.

Послѣдній трудъ Ушинскаго, къ сожалѣнію, едва ли оконченный, есть его опытъ педагогической антропологіи, изданный подъ заглавіемъ „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія". Трудъ этотъ задуманъ Ушинскимъ весьма давно; матеріалы для него онъ готовилъ со времени вступленія своего на педагогическое поприще и первые его опыты общедоступнаго изложенія началъ антропологіи въ примѣненіи ихъ къ дѣлу воспитанія сдѣланы имъ были еще въ 1860-мъ году, въ статьяхъ подъ заглавіемъ „Психологическія монографіи. Вниманіе", напечатанныхъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв." Мы уже упомянули, что начальство IV-го отдѣленія собств. Е. И. В. канцеляріи возложило на него обязанность составить руководство для воспитателей, или какъ обыкновенно говорятъ, руководство къ педагогикѣ. Но Ушинскій находилъ безполезнымъ писать руководство къ наукѣ педагогики, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ нѣмецкіе педагоги. Всѣ нѣмецкіе учебники педагогики представляютъ не систему положеній науки, а только собраніе правилъ воспитательной дѣятельности, такихъ правилъ, которыхъ научныя основанія извлечены изъ весьма разнообразныхъ отраслей знаній, входящихъ въ систему наукъ антропологическихъ. Педагогика, по мнѣнію Ушинскаго, имѣетъ такое же отношеніе къ наукамъ, изъ которыхъ извлекаетъ свои положенія, какое имѣютъ лечеб-

ники или собранія медицинскихъ совѣтовъ и рецептовъ къ наукамъ медицинскимъ. Какъ никто не можетъ сдѣлаться хорошимъ медикомъ, изучивъ самые полные и лучшіе лечебники, но не зная анатоміи, физіологіи и т. п., такъ точно, по мнѣнію Ушинскаго, изученіе самыхъ лучшихъ руководствъ къ педагогикѣ не создастъ у насъ хорошихъ педагоговъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ распространены познанія антропологическія. Въ Германіи, гдѣ философскія знанія составляютъ основу всякаго высшаго обученія, нѣмецкіе учебники вполнѣ достигаютъ своей цѣли. Но у насъ философскія знанія распространены менѣе чѣмъ гдѣ-либо, и мы, по скудости университетскаго преподаванія философскихъ наукъ и по отсутствію сколько-нибудь удовлетворительныхъ философскихъ сочиненій въ нашей литературѣ, лишены всякой возможности пріобрѣтать эти знанія. Поэтому-то, желая добросовѣстно исполнить принятую на себя обязанность, Ушинскій не видѣлъ другого средства, какъ написать общепонятный учебникъ антропологіи. Первый томъ этого сочиненія, встрѣченный несовсѣмъ дружелюбно нашими оффиціальными философами и педагогами [1]), вышелъ въ концѣ 1867-го года, и содержитъ въ себѣ изложеніе необходимыхъ для каждаго педагога физіологическихъ свѣдѣній и, изъ психологіи, процессъ сознанія. Второй томъ, выпущенный въ свѣтъ въ 1869-мъ году, заключаетъ въ себѣ анализъ процессовъ чувствованій и воли. Въ третьемъ томѣ авторъ предполагалъ закончить часть психологическую, изложивъ въ немъ анализъ тѣхъ духовныхъ особенностей, которыя составляютъ отличительную черту психической жизни человѣка, и затѣмъ изложить тѣ педагогическія мѣры, правила и наставленія, которыя сами собою вытекаютъ изъ изложенныхъ авторомъ явленій человѣческаго организма и человѣческой души. Большая часть этого послѣдняго тома, сколько намъ извѣстно, была уже написана, но смерть автора помѣшала его изданію.

Пятилѣтнее пребываніе Ушинскаго заграницей принесло обильные научные результаты. Укрѣпивъ свое здоровье, будучи удаленъ отъ тѣхъ треволненій, которыми сопровождались въ Россіи его служебная и литературная дѣятельность, Ушинскій имѣлъ возможность исключительно посвятить себя научнымъ трудамъ. Глубокое изученіе философскихъ и естественныхъ наукъ, личное знакомство съ лучшими ихъ представителями и непосредственное наблюденіе политической и соціальной жизни наиболѣе развитыхъ обществъ, сгладили нѣкоторые слишкомъ исключительные и рѣзкіе его взгляды и дали необыкновенное развитіе его интеллектуальнымъ силамъ. Вѣроятно многимъ изъ здѣ-

[1]) См. рецензію Владиславлева въ майской кн. «Ж. М. Н. Пр.» 1869 г. Первый томъ «Человѣка» Ушинскаго разошелся весь и его нынѣ нѣтъ въ продажѣ. Это едва-ли не единственный у насъ примѣръ столь быстрой распродажи философскаго сочиненія.

шнихъ педагоговъ памятны замѣчательныя пренія, происходившія въ 1865-мъ году въ здѣшнемъ Педагогическомъ обществѣ, по поводу реферата Ушинскаго „Педагогика какъ искусство", въ которыхъ онъ поразилъ слушателей основательностью и многосторонностью своихъ познаній, глубиною анализа и силою діалектики. Къ сожалѣнію, протоколъ этихъ преній, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не былъ напечатанъ.

Въ 1867-мъ году Ушинскій возвратился въ Россію. Имъ овладѣла тоска по родинѣ, и онъ опасался, что, живя съ семействомъ заграницею, не будетъ имѣть возможности дать своимъ дѣтямъ такое образованіе, которое бы могло ихъ приготовить для жизни и дѣятельности въ отечествѣ. Здоровье его до такой степени поправилось, что онъ считалъ для себя возможнымъ жить если не въ Петербургѣ, то въ которомъ-либо изъ южныхъ университетскихъ городовъ, въ Кіевѣ или Одессѣ. Возвратившись въ 1867-мъ году изъ-заграницы, онъ большею частью жилъ въ Петербургѣ, дѣлая отъ времени до времени поѣздки заграницу, въ Малороссію и въ Крымъ. Хотя онъ бывалъ не рѣдко боленъ, но казалось, что здоровью его не угрожала никакая серьезная опасность, и онъ могъ бы еще долго жить и работать, если бы не случилась страшная катастрофа въ его семействѣ, которая окончательно разрушила его здоровье и свела его въ могилу.

Въ мартѣ 1870-го года Ушинскій, постоянно избѣгавшій оставаться въ Петербургѣ весною, отправился чрезъ Вѣну въ Крымъ для пользованія кумысомъ, намѣреваясь въ срединѣ лѣта возвратиться къ своему семейству въ имѣніе Ушинскихъ, Богданку, Черниговской губерніи Новгородъ-сѣверскаго уѣзда. Жена и дѣти Ушинскаго отправились изъ Петербурга прямо въ деревню въ началѣ іюня. Старшій сынъ Ушинскихъ, Павелъ, 17-ти лѣтній молодой человѣкъ, котораго первоначальнымъ обученіемъ занимался самъ Константинъ Дмитріевичъ съ необыкновеннымъ усердіемъ и любовью, тогда окончилъ полный гимназическій курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. Это былъ весьма способный молодой человѣкъ, отличавшійся необыкновенно симпатическимъ характеромъ и прекрасными качествами души. Мы всѣ, друзья и знакомые Ушинскихъ, любили ихъ Пашу, какъ собственное дитя. Этотъ-то старшій изъ дѣтей Ушинскихъ имѣлъ несчастье ранить себя нечаянно на охотѣ, заряжая ружье, и умеръ на рукахъ матери послѣ 14-ти-часового мученія. Константинъ Дмитріевичъ пріѣхалъ домой изъ Крыма чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти сына, вовсе не зная о случившемся. Онъ пріѣхалъ совершенно здоровый и веселый, и поздоровавшись съ семьей, сейчасъ спросилъ, гдѣ Паша. Домашніе, желая хоть на нѣсколько часовъ скрыть отъ него страшное горе, сказали, что Паша легъ спать. Но въ тотъ же вечеръ несчастный отецъ узналъ отъ прислуги о постигшемъ его несчастьи. Ударъ былъ

слишкомъ силенъ для нервной и впечатлительной натуры Ушинскаго. Услышавъ роковую вѣсть, онъ упалъ въ обморокъ, и съ того времени здоровье его уже болѣе не поправлялось. Онъ переѣхалъ съ семействомъ въ Кіевъ, но усилившаяся болѣзнь заставила его искать болѣе теплаго климата, и онъ отправился въ Одессу, гдѣ въ концѣ октября слегъ въ постель и скончался, окруженный горячо имъ любимою семьею, 21-го декабря минувшаго года. Хотя въ Одессѣ его лично никто почти не зналъ, однако вѣсть о смерти талантливаго педагога быстро распространилась въ городѣ, и общее сочувствіе къ высокимъ качествамъ его души и драгоцѣннымъ трудамъ на пользу отечественнаго образованія выразилось огромнымъ стеченіемъ людей всѣхъ сословій, которые пожелали проводить его къ мѣсту послѣдняго успокоенія. К. Д. Ушинскій умеръ 47-ми лѣтъ отъ роду.

Отрѣшившись на минуту отъ личныхъ чувствъ, которыя мы питали къ покойному, мы смѣло и съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ сказать, что преждевременная кончина его есть большое несчастіе и невознаградимая утрата для нашего общества и нашей науки. Личность его далеко выходила изъ ряда обыкновенныхъ и представляла рѣдкое соединеніе необыкновенныхъ способностей ума, глубокой вѣры, высокихъ, истинно-христіанскихъ качествъ души [1]) и непоколебимой независимости характера. Обогативъ нашу бѣдную педагогическую и учебную литературу драгоцѣнными сочиненіями, онъ не успокоился на лаврахъ, но работалъ неутомимо, работалъ не для славы, не для матеріальныхъ выгодъ или почестей [2]), а въ полномъ сознаніи той глубокой христіанской идеи, что отъ того, кому многое дается, многое и требуется.

Ю. Рехневскій.

Январь, 1871 г.

---

[1]) Послѣ смерти К. Д. Ушинскаго мы узнали отъ одного изъ самыхъ близкихъ его друзей, Я. П. П—аго, что ему часто передаваемы были Константиномъ Дмитріевичемъ денежныя суммы, на взносъ платы за бѣдныхъ учащихся, на вспомоществованіе бѣднымъ и т. п., причемъ К. Д. обязалъ П—аго ни подъ какимъ видомъ не объявлять отъ кого получены эти деньги.

[2]) Изъ формулярнаго списка Ушинскаго видно, что онъ въ теченіе своей 26-ти лѣтней службы получилъ двѣ награды: въ 1858 году—денежную награду въ 450 р., и въ 1860 г., по случаю выпуска воспитанницъ Смольнаго института—бриліантовый перстень.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РОЛЬ ВООБРАЖЕНІЯ ВЪ НАУКАХЪ ТОЧНЫХЪ.

J. Tyndall, On the scientific use of the imagination. Lond. 1870.

Осенью 1870-го года, извѣстный англійскій естествоиспытатель Тиндаль, на съѣздѣ Британскаго Королевскаго Общества въ Ливерпулѣ, прочелъ статью объ участіи или роли воображенія въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Въ массѣ публики, неизучавшей спеціально такъ называемыхъ наукъ точныхъ, существуетъ вообще та мысль, что воображеніе составляетъ преимущественный органъ изслѣдователя нравственныхъ и эстетическихъ сторонъ жизни, орудіе нравственныхъ и общественныхъ философовъ, моралистовъ, психологовъ, художниковъ и романистовъ. Мы легко и охотно представляемъ себѣ, что для созданія романа, философской системы и даже сколько-нибудь цѣльнаго взгляда на какую-либо отдѣльную серію нравственныхъ явленій, необходимо значительное участіе той нашей способности, которая живо представляетъ себѣ явленія, недоступныя въ данную минуту ни одному изъ внѣшнихъ чувствъ, или своеобразно группируетъ явленія, никогда не наблюдавшіяся въ дѣйствительности, впрочемъ, группируетъ соотвѣтственно природѣ вещей. Безъ способности воображенія необходится ни одно обобщеніе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое обобщеніе дѣлается на основаніи ничтожнаго числа фактовъ, ставится, какъ говорятъ, a priori, для того, чтобы быть провѣрену мало по малу и позже, рядомъ частныхъ случаевъ; однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ изслѣдователь, по общепринятому выраженію, идетъ дедуктивнымъ путемъ къ своей цѣли. Дедуктивный путь или методъ и есть тотъ путь, при которомъ общій законъ явленія или ряда явленій, какъ бы онъ ни былъ широкъ, представляется скорѣе результатомъ отгадки, нежели прямого вывода изъ наблюденій, дѣломъ произвольнаго построенія такого живого логическаго цѣлаго, доказательствъ вѣрности котораго нѣтъ въ рукахъ у того, кто его строитъ.

Въ основаніи такого построенія лежитъ обыкновенно незначительный рядъ фактовъ, пріобрѣтенныхъ чисто случайно, и очень часто фактовъ не вполнѣ доказанныхъ и сомнительныхъ по себѣ, которые даютъ только слабый намекъ, слабое указаніе того направленія, въ которомъ можетъ быть сдѣлано обобщеніе. Очевидно, что тамъ, гдѣ человѣку приходилось строить нѣчто цѣлое изъ такого ничтожнаго матеріала, дѣло построенія не могло обойтись безъ значительной помощи способ-

ности воображенія. Тамъ, гдѣ прямыя, фактическія указанія такъ рано покидаютъ изслѣдователя и отказываются ему служить, естественно будетъ прибѣгнуть къ помощи той способности, которая не измѣняетъ человѣку и тогда, когда отказывается служить непосредственное чувство. Нравственный философъ, какой бы спеціальной стороной человѣческой жизни онъ ни занимался, часто въ теченіи своей прошлой исторіи прибѣгалъ именно къ этому способу доходить до истины и часто злоупотреблялъ этимъ способомъ.

Такимъ образомъ, по общему признанію, *методъ наукъ нравственныхъ былъ методомъ дедуктивнымъ*. Но въ тоже время составилось и другое убѣжденіе, что въ отдѣлѣ наукъ точныхъ господствовалъ будтобы другой методъ — методъ *индуктивный*. Между обоими отдѣлами знанія, какъ и между двумя методами въ его представленіи провелась рѣзкая черта. Рѣзкія черты вообще удобны для памяти, но за то онѣ рѣдко отвѣчаютъ вполнѣ природѣ вещей и не обходятся безъ преувеличенія и искаженія, которыя впослѣдствіи трудно бываетъ и разобрать. Такъ, для большинства читателей, въ отдѣлѣ наукъ точныхъ все составляетъ прямой, роковой выводъ изъ наблюденія или опыта, однимъ словомъ, увидѣннаго, услышаннаго,—до чего мы, такъ сказать, дотронулись пальцемъ. Поэтому для большинства и нѣтъ мѣста воображенію въ наукахъ опытныхъ; этотъ источникъ произвола и химеры—говорятъ многіе—вовлекавшій цѣлыя поколѣнія и вѣка въ философскія заблужденія, устраненъ теперь отъ серьезнаго дѣла за ненадобностью, онъ лишній, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ области опыта нѣтъ мѣста дедуктивному методу или апріористическому построенію теорій. Такимъ образомъ, многіе, считая себя матеріалистами, полагаютъ, что они вѣрятъ только въ то, что они осязаютъ, видятъ собственными глазами, словомъ, могутъ провѣрить внѣшними чувствами. Для людей такого взгляда, точность наукъ точныхъ заключается именно въ ихъ предполагаемомъ матеріализмѣ. Но лица, до извѣстной степени посвященныя въ это знаніе, знаютъ очень хорошо, какъ ошибочно такое представленіе; впрочемъ, можно встрѣтить сплошь и рядомъ даже спеціалистовъ химиковъ, физіологовъ, ботаниковъ, медиковъ, производящихъ ученыя работы, разсѣкающихъ собакъ и лягушекъ, работающихъ микроскопомъ, и которые раздѣляютъ подобное же вѣрованіе. Одни физико-математики, самые точные изъ всѣхъ изслѣдователей, знакомые съ самыми разнообразными сторонами и средствами точнаго метода, знаютъ, насколько воображеніе и дедукція утилизируются точными знаніями. Одно физико-математическое образованіе даетъ вполнѣ сознательное и критическое отношеніе къ пріемамъ и средствамъ, допускаемымъ при изслѣдованіи. Но физико-математическое образованіе (которому несомнѣнно суждено стать общимъ основнымъ образованіемъ всякаго ученаго, какова бы ни была его

спеціальность, будетъ ли онъ астрономъ, физіологъ или статистикъ и политико-экономъ), весьма мало распространено въ массѣ ученыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и критическая оцѣнка и сознательное представленіе о самомъ методѣ изслѣдованія. Недостатокъ этотъ ясно чувствуется западными учеными, и мнѣніе, что только физико-математическое основаніе можетъ служить пробнымъ камнемъ изслѣдованія, удовлетворяющаго современнымъ требованіямъ, становится всеобщимъ въ западной литературѣ.

Въ числѣ физико-математическихъ орудій, напримѣръ, которыми современная техника обогатила изслѣдователей, едва ли есть болѣе распространенное, и именно въ средѣ спеціалистовъ не физико-математическаго отдѣла точныхъ знаній, какъ микроскопъ. Имъ работаетъ физіологъ, медикъ, минералогъ, — тѣ именно естествоиспытатели, въ средѣ которыхъ легче всего встрѣтить безусловную вѣру въ точность внѣшняго чувства. Вмѣстѣ съ тѣмъ это есть тотъ именно аппаратъ, который скорѣе и осязательнѣе всего способенъ доказать не только ограниченность, но и обманчивость и неточность такого критеріума.

Здѣсь изслѣдователь узнаетъ предѣлы видимыхъ для него величинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждается, что дѣленія и формы жизни простираются глубоко за эти предѣлы; $^1/_{50000}$ дюйма,—вотъ предѣлы размѣра тѣхъ предметовъ, которые могутъ быть увидѣны нашими микроскопами,—предѣлы, слѣдовательно, непосредственнаго чувственнаго воспріятія при помощи одного изъ самыхъ героическихъ орудій, и слѣдовательно предѣлы матеріалистической науки. Тотъ, кто знакомъ съ устройствомъ этого аппарата и его свойствами, самъ собою понимаетъ, и въ какія ошибки онъ можетъ вводить изслѣдователя. Эти ошибки будутъ ясны лицу знакомому съ началами діоптрики, и такое лицо въ состояніи будетъ избѣгнуть ихъ до извѣстной степени.

Но мы, кажется, вовсе не преувеличимъ, если скажемъ, что большинство образованныхъ медиковъ, употребляющихъ этотъ аппаратъ, не только незнакомы достаточно съ началами оптики, но едва ли могутъ дать себѣ отчетъ о томъ, что совершаетъ надъ лучами каждая часть аппарата и потому судить, какія отсюда могутъ проистекать ошибки въ полѣ зрѣнія. Критика,—это вѣчная мать сомнѣнія; но тамъ, гдѣ нѣтъ средствъ въ рукахъ для критики—нѣтъ мѣста сомнѣнію, и потому весьма часто естествоиспытатель вѣритъ и въ безграничную силу и непогрѣшимость наблюденія, вооруженнаго внѣшними чувствами. Западная литература знаетъ цѣну физико-математическаго образованія, и въ ней сознается указываемый нами недостатокъ, въ ней появляются цѣлыя сочиненія, въ которыхъ стараются доказать неизбѣжность физико-математическаго основанія при всѣхъ изслѣдованіяхъ и облегчить изслѣдователю пользованіе этими основаніями. Извѣстный физіологъ Валентинъ издалъ, три года тому назадъ, книгу подъ заглавіемъ

„Физическое изслѣдованіе тканей“ (Die Physikalische Untersuchung der Geverbe. Leipzig u. Heidelberg. 1867). „Современное состояніе физіологіи — писалъ онъ — требуетъ болѣе обстоятельной и глубокой обработки ученія о тканяхъ. Простой описательный пріемъ, простое описаніе формъ, безъ всякой мысли, и чѣмъ до сихъ поръ довольствовались, неудовлетворительно. Нужно не только опредѣлить математически отдѣльныя формы, но установить механическія условія ихъ образованія“. Далѣе: „Ученіе о тканяхъ должно стать настоящей физикой и химіей тканей для того, чтобы оно могло приносить дѣйствительную пользу физіологіи и патологіи“; и далѣе, въ другомъ мѣстѣ: „Лица, незнакомыя съ математикой, обыкновенно потому думаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь только о выраженіи знаками пространственныхъ и временныхъ отношеній. Математическое же разсужденіе даетъ въ руки критическое орудіе, съ которымъ по силѣ не можетъ сравняться обыкновенное разсужденіе... Мы всегда можемъ только до извѣстной степени приблизиться къ истинѣ, вслѣдствіе несовершенства нашихъ внѣшнихъ чувствъ и нашего ума“.... „Когда мы знаемъ, что нашъ выводъ приближается къ истинѣ, то въ этомъ случаѣ мы называемъ его, приблизительно, условно-вѣрнымъ; но при этомъ мы вовсе не знаемъ, насколько именно онъ далекъ или близокъ къ истинѣ. Математическій анализъ даетъ намъ средство измѣрять самую степень нашего приближенія къ истинѣ и, слѣдовательно, знать въ точности вѣсъ каждаго научнаго положенія“.

Авторъ начинаетъ, поэтому, свою книгу съ объясненія способовъ оцѣнки наблюденій путемъ теоріи вѣроятностей. Затѣмъ вся книга представляетъ не собственно изслѣдованіе тканей или физико-математическую монографію о тканяхъ, а только руководство для наблюдателя при такомъ физико-математическомъ изслѣдованіи тканей. Идя шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ наблюдателемъ черезъ отдѣлы физическаго изслѣдованія, разсматривая пріемъ опредѣленія геометрическихъ, свѣтовыхъ, тепловыхъ и пр. свойствъ тканей, способы подвергать ихъ отдѣльнымъ физическимъ реакціямъ, авторъ постоянно указываетъ на возможныя ошибки наблюденій и условность выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы.

Лицо, познакомившееся вполнѣ съ этой книгой, должно убѣдиться, какъ рано, при изслѣдованіи естественныхъ явленій наиболѣе точномъ, какое только возможно, начинается область воображенія и кончается предѣлъ прямого осязанія явленій. Но дѣло въ томъ, что знакомство съ книгой невозможно для лица, не владѣющаго физико-математическимъ образованіемъ хотя до извѣстной степени, такъ, что она вообще болѣе интересна для физико-математика, который бы хотѣлъ заняться микроскопомъ, чѣмъ медика, который бы захотѣлъ пріобрѣсти необходимыя физико-математическія свѣдѣнія. Мы знали молодыхъ, весьма

основательно изучившихъ медицину медиковъ, которые изъ чтенія книги вынесли только одно заключеніе—это то, что имъ слѣдуетъ оставить всякую мысль о серьезныхъ микроскопическихъ работахъ.

Какъ бы то ни было, физико-математическій методъ рекомендуется не въ одной физіологіи. Онъ рекомендуется точно также въ статистикѣ, политической экономіи, и даже, психологіи. Онъ примѣняется къ изученію теченія болѣзней, и проч.

Это всеобщее уваженіе къ физико-математическому методу изслѣдованія, какъ къ самому точному изъ всѣхъ, дѣлаетъ само собой изъ физико-математическаго метода, какъ образцоваго метода наукъ точныхъ, лучшій предметъ для наблюденія и, такъ сказать, для опытнаго рѣшенія вопроса о томъ, какую роль играетъ воображеніе и дедукція въ методѣ точныхъ наукъ. Слова физико-математика, знакомаго въ подробности съ пріемами своего метода, пріобрѣтаютъ въ этомъ случаѣ особый авторитетъ, и вотъ почему рѣчь такого человѣка, какъ Тиндаль, по этому предмету, намъ кажется особенно любопытной.

Рѣчь Тиндаля, хотя онъ и читалъ въ обществѣ спеціальныхъ ученыхъ, составлена столь популярно, что онъ несомнѣнно разсчитывалъ на болѣе обширный кругъ читателей. Главнымъ мѣстомъ примѣненія ипотетическаго метода была физическая наука. Но торжествомъ его были наиболѣе разработанные отдѣлы ея акустики и оптики. На этихъ двухъ отдѣлахъ преимущественно и останавливается Тиндаль и изъ нихъ преимущественно черпаетъ свои примѣры. Если бы онъ могъ войти во всѣ подробности предмета; еслибы онъ могъ ознакомить читателя съ тѣмъ, что сдѣлано для оптики трудами Френеля; еслибы онъ могъ показать, какъ сложнѣйшіе и повидимому неразрѣшимѣйшіе вопросы были разрѣшены при помощи a priori построенныхъ ипотезъ, тогда читатель не зналъ бы чему болѣе удивляться:—героической ли силѣ ипотезы, какъ метода, въ разрѣшеніи научныхъ вопросовъ, или силѣ творческой фантазіи великаго изслѣдователя.

Тиндаль, оставаясь популярнымъ, не могъ входить въ такія подробности. Но и тѣхъ примѣровъ, которые имъ приведены, достаточно, чтобы показать читателю, какъ мало общій характеръ точнаго изслѣдованія можетъ быть названъ матеріалистическимъ и какъ велика въ немъ доля дедукціи. Мы изложимъ мысли Тиндаля въ той послѣдовательности, въ какой онѣ изложены у него самого.

Великіе результаты точнаго знанія, пишетъ Тиндаль, заключались въ томъ, что оно сдѣлало понятными вещи, недоступныя непосредственному наблюденію и дало возможность представить ихъ себѣ столь же ясно, какъ еслибы мы ихъ видѣли собственными глазами. Какъ же оно могло достигнуть этого? спрашиваетъ Тиндаль. Какъ мы могли, напримѣръ, узнать физическое основаніе свѣта, если оно не доступно нашему прямому ощущенію? Философы могутъ быть правы, когда они

говорятъ, что мы не можемъ обойтись безъ опыта. Но мы можемъ идти дальше опыта. Мы можемъ комбинировать опыты и дѣлать изъ нихъ основаніе для совершенно новыхъ предположеній.

Мы одарены силой воображенія и этимъ средствомъ мы можемъ освѣщать тѣ потемки, которые окружають міръ нашихъ чувствъ. Наука имѣетъ своихъ *тори*, которые полагаютъ, что воображеніе должно быть изгнано изъ науки. Они наблюдали его дѣйствія въ старой посудѣ и составили себѣ о немъ невыгодное представленіе. Но тоже было бы осуждать паръ за то, что онъ также можетъ наносить вредъ. Дисциплинированное надлежащимъ образомъ, воображеніе становится могущественнымъ средствомъ науки и физическаго изслѣдованія. Безъ него наше знаніе оставалось бы простой номенклатурой фактовъ въ ихъ послѣдовательности. Мы вѣрили бы въ слѣдованіе дня за ночью, лѣта за зимою, но причинная связь явленій должна была бы исчезнуть, и вмѣстѣ съ нею та наука, которая связываетъ для насъ все существующее въ одно органическое цѣлое.

Поэтому, Тиндаль хочетъ объяснить нѣсколькими примѣрами то употребленіе, которое наука дѣлала изъ воображенія и вѣроятно будетъ продолжать дѣлать и впередъ. Начнемъ съ самаго простого, элементарнаго опыта. Наблюдайте паденіе дождевыхъ капель въ стоячую воду; всякая падающая капля, упавъ въ воду, дѣлается центромъ возмущенія этой, до того стоячей, воды,—возмущенія, которое распространяется вокругъ точки, въ которую упала капля, въ видѣ концентрическихъ круговъ.

Дѣятелями такого возмущенія были тяжесть и инерція, и измѣреніями не трудно показать, что скорость распространенія такого возмущенія въ водѣ вокругъ капли не достигаетъ фута въ секунду. Еслибы при этомъ мы погрузили нашу голову и уши въ воду, то удары или толчки падающихъ капель въ воду были бы переданы слуховому нерву, и мы услышали бы шумъ паденія капель гораздо ранѣе, чѣмъ нашей головы достигала бы водяная волна, которую мы только-что наблюдали. Кромѣ этой волны, паденіе капли сообщаетъ слѣдовательно водѣ другую, звуковую волну, скорость распространенія которой равняется, какъ извѣстно, 4.700 футамъ въ секунду. Эта послѣдняя образуется вслѣдствіе упругости воды, и такъ какъ эта упругость весьма значительна и вода почти не сжимается, то этой упругости мы обязаны такой скоростью распространенія въ ней звуковой волны.

Вода однако вовсе не необходима для распространенія звука послѣдній точно также можетъ распространяться въ воздухѣ, притомъ при температурѣ 0°, со скоростью 1,090 футовъ въ секунду, то-есть ровно въ четыре раза медленнѣе, чѣмъ въ водѣ. Мы знаемъ способъ производить звуковыя волны. Мы знаемъ законы вибрирующихъ струнъ, органныхъ трубокъ, перепонокъ, колоколовъ и пр. Мы можемъ унич-

ложить звукъ звукомъ, то-есть, произвести то, что называется интерференціей звука. Мы знаемъ причины гармоніи и дисгармоніи звуковъ. Мы можемъ заставить камертоны произносить гласныя—все это на основаніи извѣстной теоріи и представленія о причинахъ звука. Мы имѣемъ, словомъ, ясную и опредѣленную теорію о звукѣ, и нужно думать, что эта теорія должна быть признаваема за вѣрную, если она столь блистательно оправдалась на такомъ разнообразномъ рядѣ частныхъ случаевъ. Откуда же мы взяли эту теорію? спрашиваетъ Тиндаль. Вѣдь мы не можемъ видѣть, ни считать непосредственными чувствами звуковыя волны. Все построеніе этихъ волнъ, вся эта теорія звука, столь точная и совершенная, была продуктомъ нашего—воображенія.

Мы строили эти волны въ нашемъ умѣ, въ нашемъ воображеніи, и несмотря на то, мы столь же твердо вѣримъ въ ихъ реальность, какъ вѣримъ въ реальность, напримѣръ, воздуха.

Перейдемъ къ явленіямъ свѣта. Мы знаемъ, отъ чего зависитъ скорость распространенія звука. Отъ плотности и упругости среды; чѣмъ меньше плотность и, въ то же время, больше упругость среды, тѣмъ быстрѣе распространяется звукъ. Малая плотность и большая упругость составляютъ два необходимыя условія для быстраго распространенія волнъ. Свѣтъ, какъ извѣстно, движется съ быстротой 185.000 миль въ секунду. Какъ объяснить себѣ такую скорость распространенія иначе, какъ предположивъ для этого дѣйствительное существованіе среды, достаточно разрѣженной и въ тоже время упругой для распространенія волнъ съ скоростью, соотвѣтствующей скорости свѣта.

Предположеніе такой среды есть дѣло опять нашего воображенія. Сдѣлаемъ же изъ такого предположенія отправную точку опоры нашихъ разсужденій о свѣтѣ и пойдемъ отъ него дедуктивнымъ путемъ къ частнымъ свѣтовымъ явленіямъ, подлежащимъ уже чувственному воспріятію. Если мы нигдѣ не встрѣтимъ противорѣчія, если это предположеніе будетъ постоянно подтверждаться фактами, если, мало того, оно заставитъ насъ обратить вниманіе на такія явленія, которыя ускользали отъ бдительности нашихъ внѣшнихъ чувствъ, то, кажется, мы можемъ смотрѣть на такое предположеніе свѣтового эфира, какъ на нѣчто большее, чѣмъ простую научную фикцію, и „я полагаю, пишетъ Тиндаль, что въ этомъ случаѣ та способность творчества, которую намъ даетъ воображеніе въ связи съ мышленіемъ, вводитъ насъ въ міръ не менѣе реальный, чѣмъ способность прямого чувственнаго воспріятія, міръ, которому міръ чувственныхъ воспріятій служитъ подтвержденіемъ и оправданіемъ“.

Но не думайте, чтобъ эта способность была нужна только для разрѣшенія высшихъ и спеціальныхъ вопросовъ науки, чуждыхъ для васъ

по своей спеціальности. Всѣ частные вопросы окружающихъ насъ обыденныхъ физическихъ явленій тамъ, гдѣ они не разрѣшаются прямымъ наблюденіемъ, могутъ быть нами разрѣшаемы только при помощи той же способности. Тиндаль беретъ обыденный примѣръ. Вы видите обыкновенно цвѣтъ неба голубымъ, цвѣтъ облаковъ бѣлымъ. Какъ объясните вы себѣ это явленіе? Вы увидите сейчасъ, что объяснить его нельзя иначе, какъ обратившись къ той же ипотезѣ, которая составляетъ основаніе въ объясненіи всѣхъ свѣтовыхъ явленій, и въ ея примѣненіи приходится призвать не разъ на помощь воображеніе.

Для того, чтобы дать отвѣтъ на этотъ, повидимому, простой вопросъ, нужно войти въ нѣкоторыя подробности самой свѣтовой ипотезы. Свѣтовой эфиръ есть только передатчикъ свѣтовыхъ волнъ, онъ получаетъ ихъ и передаетъ, но не возбуждаетъ самъ. Возбудителями такихъ волнъ служатъ частицы свѣтящихся тѣлъ, колебанія атомовъ или молекулъ свѣтящихся тѣлъ. Волны, возбуждаемыя атомами различнаго рода тѣлъ, имѣютъ различную длину и амплитуду. Амплитуда есть ширина колебанія или разстояніе крайняго удаленія частицы во время колебанія отъ своего центра равновѣсія; длина волны есть разстояніе между двумя послѣдовательными вершинами или долинами волны. Сумма волнъ, высылаемыхъ солнцемъ, можетъ быть раздѣлена на два рода: однѣ могутъ быть видимы, другія нѣтъ. Но отдѣльныя свѣтовыя волны различны между собою по длинѣ и амплитудѣ. Длина самыхъ широкихъ волнъ почти вдвое больше длины самыхъ слабыхъ; но ширина или амплитуда самыхъ длинныхъ волнъ вѣроятно во сто разъ больше самыхъ короткихъ. Сила же или интенсивность свѣта пропорціональна квадрату амплитудъ, слѣдовательно сила свѣта самыхъ длинныхъ видимыхъ волнъ, по всей вѣроятности, въ $100^2 = 10{,}000$ разъ превосходитъ ту же силу самыхъ короткихъ волнъ и если взять въ разсчетъ не одни только видимые лучи, то вѣроятно разность между энергіями двухъ крайнихъ по длинѣ лучей спектра возрастетъ до 1 милліона. Съ точки зрѣнія ощущенія, волны различной длины пораждаютъ въ нашемъ глазу различные цвѣта—болѣе длинныя волны красный, болѣе короткія фіолетовый и т. д., средніе желтый и голубой. При переходѣ изъ болѣе рѣдкой среды въ болѣе плотную, скорость хода лучей замедляется, но замедляется въ различной степени для различныхъ лучей,—болѣе всего замедляется скорость лучей съ короткими волнами, то-есть фіолетовыхъ, менѣе всего красныхъ.

Это и даетъ возможность разложить солнечный лучъ на отдѣльные цвѣта или произвести спектръ. Въ такомъ спектрѣ мы различаемъ обыкновенно 7 цвѣтовъ; но собственно говоря, ихъ безчисленное множество или безчисленное множество волнъ различной длины. Смѣшанныя вмѣстѣ отдѣльные цвѣта спектра даютъ бѣлый цвѣтъ; и этотъ бѣлый

цвѣтъ независитъ отъ силы свѣта, а отъ пропорціи, въ которой являются смѣшанными отдѣльные лучи въ такомъ сложномъ лучѣ. Поэтому, ослабляя всѣ составляющіе элементы отдѣльныхъ волнъ сложнаго луча воды въ одинаковой пропорціи, мы все-таки получаемъ бѣлый цвѣтъ, хотя и менѣе интенсивный.

Иными словами, цвѣтъ останется бѣлый, если составляющія каждаго луча уменьшатся на ту же относительную часть, то-есть вдвое, трое и пр. Но если отдѣльные лучи будутъ ослаблены въ различной степени, то пропорція цвѣтовъ соотвѣтствующихъ бѣлому будетъ нарушена, и мы получимъ въ результатѣ цвѣтъ, окрашенный преобладающими лучами.

Съ этими предварительными свѣдѣніями попробуемъ рѣшить теперь нашъ простой вопросъ: отчего именно происходитъ голубое окрашеніе неба и бѣлое—облака? Бѣлое окрашеніе облака происходитъ потому, что частицы его отражаютъ всѣ лучи солнечнаго свѣта, который на него падаетъ въ той пропорціи, которая соотвѣтствуетъ бѣлому цвѣту. Но отчего происходитъ голубой цвѣтъ тверди?

Первое предположеніе, которое можетъ придти на мысль, есть то, что не есть ли самый воздухъ голубого цвѣта, не подобенъ ли онъ голубому стеклу, которое пропускаетъ одни голубые лучи и поглощаетъ остальные. Но еслибы это было такъ, то какъ могъ бы быть цвѣтъ неба при восходящемъ или заходящемъ солнцѣ желтый, оранжевый и даже пурпуровый? Прохожденіе бѣлаго цвѣта солнца черезъ голубую среду не могло бы дать пурпуроваго окрашенія, а только голубое. Стало быть нужно другое рѣшеніе.

Наша твердь состоитъ изъ слоевъ воздуха, разрѣженіе которыхъ послѣдовательно увеличивается. Для простоты вообразимъ себѣ ее въ видѣ ряда воздушныхъ куполовъ, плотность которыхъ становится все меньше и меньше. Куполы эти выпуклы къ солнцу, поверхность каждаго изъ нихъ дѣйствуетъ на солнечные лучи какъ выпуклое зеркало, то-есть, одну часть изъ нихъ пропускаетъ, другую отражаетъ. Допустимъ, что слои воздуха отражаютъ голубые лучи и пропускаютъ красные и оранжевые, и мы будемъ имѣть вѣроятное объясненіе.

Облака не дѣлаютъ ничего подобнаго, они безразличны къ свѣтовымъ волнамъ различной длины и отражаютъ ихъ всѣ безразлично. Воздухъ, напротивъ, отражаетъ болѣе короткія и слабыя волны и пропускаетъ болѣе длинныя и интенсивныя или высокія. Такое объясненіе есть уже чистое дѣло нашего воображенія. Но мы еще болѣе должны будемъ положиться на эту способность и отдаться ея средствамъ, если захотимъ узнать: въ чемъ можетъ заключаться причина такого избирательнаго свойства однѣхъ частицъ, несвойственная другимъ?

Морская скала отражаетъ одинаково какъ глубокіе валы, такъ и

береговую зыбь. Но если мы представимъ себѣ, вмѣсто морской скалы, которая больше амплитудъ не только зыби, но и большой волны, матеріальную частицу, которая меньше набѣгающей на нее волны, то такая частица не отразитъ волны, а послѣдняя пройдетъ далѣе, почти не стѣсняясь этой частицей. Большая часть волны пройдетъ черезъ такую частицу неотраженная, и чѣмъ больше будетъ волна въ сравненіи съ частицей, тѣмъ меньшую долю этой волны въ состояніи отразить частица.

Но мы знаемъ, что волны отдѣльныхъ лучей спектра имѣютъ различныя величины, слѣдовательно частицы, размѣръ которыхъ меньше большихъ и приближается къ болѣе слабымъ волнамъ, должны отразить болѣе слабыя голубыя волны и пропустить большія красныя, нарушить пропорцію смѣшенія отдѣльныхъ лучей въ бѣломъ солнечномъ свѣтѣ. Среда съ такими частицами будетъ намъ казаться желтой или оранжевой при проходящемъ свѣтѣ, и голубой или холодной, разсматриваемая въ отраженномъ свѣтѣ. Такой средой долженъ быть именно воздухъ.

Когда солнце спускается отъ зенита къ закату, то лучи его встрѣчаютъ на пути все большую и большую массу частицъ, пропорція отражаемыхъ частицами холодныхъ волнъ все болѣе увеличивается, и въ проходящемъ свѣтѣ остаются все большей и большей пропорціи длинныя волны.

Явленіе это мы можемъ наблюдать не только въ этомъ случаѣ; ему даютъ мѣсто многія химическія реакціи. По словамъ профессора Брюке, растворяя одинъ граммъ мастикса въ 87-ми частяхъ абсолютнаго спирта и приливая затѣмъ къ раствору воды, получимъ такой осадокъ, который въ отраженномъ свѣтѣ окрашиваетъ жидкость въ голубоватый цвѣтъ. Два атома сѣры, соединяясь съ двумя атомами кислорода, даютъ прозрачный газъ сѣрнистой кислоты; подвергая этотъ газъ дѣйствію пучка солнечныхъ лучей, получимъ подъ вліяніемъ свѣта разложеніе газа и осажденіе сѣры въ видѣ мельчайшихъ частицъ, которыя придаютъ газу въ отраженномъ свѣтѣ голубоватый цвѣтъ. Цвѣтъ этотъ, по мѣрѣ продолжающагося разложенія, переходитъ въ бѣловатый и, наконецъ, бѣлый. Еслибы мы продолжали опытъ, то сосудъ, въ которомъ былъ заключенъ первоначально совершенно прозрачный газъ, наполнился бы частицами сѣры такой величины, что онѣ стали бы видимыми для нашего глаза. Тоже явленіе теплаго окрашенія въ пропущенномъ свѣтѣ и холоднаго въ отраженномъ являетъ множество органическихъ осажденій, дымъ нашихъ трубъ и т. д. Въ только-что приведенномъ опытѣ газа сѣрнистой кислоты подъ вліяніемъ свѣта началось освобожденіе сѣры въ видѣ невидимыхъ атомовъ; послѣдніе, соединяясь въ частицы, образовали облачную муть и

наконецъ, продолжая рости, достигли величины, лежащей въ предѣлахъ зрѣнія. Все это потребовало нѣсколькихъ минутъ времени. Какъ же велика должна быть величина, на которую разрослись частицы сѣры отъ состоянія атомовъ до состоянія видимыхъ частицъ? Наши лучшіе микроскопы могутъ дѣлать для насъ видимыми предметъ, не превышающій $^1/_{50000}$ дюйма въ діаметрѣ. Эта величина меньше длины красной волны; во всякомъ случаѣ микроскопъ даетъ намъ средство судить о величинѣ частицы. Если она не меньше самой крайней видимой волны, она еще можетъ быть видима; если же она меньше, то она не можетъ быть видима. Профессоръ Гексли изслѣдовалъ частицы дававшіе голубоватое отраженіе въ опытѣ Брюке своимъ сильнѣйшимъ микроскопомъ: онъ завѣрялъ Тиндаля, что еслибы эти частицы имѣли величину $^1/_{100000}$ дюйма, они бы могли быть еще увидѣны, а между тѣмъ жидкость казалась чиста подъ микроскопомъ какъ дистилированная вода. Онѣ должны были быть, слѣдовательно, меньше, чѣмъ $^1/_{100000}$ дюйма въ діаметрѣ. Вотъ, стало быть, частицы, которыя росли въ теченіи 15-ти минутъ и въ концѣ доросли до размѣра, котораго не въ состояніи уловить самое идеальное микроскопическое увеличеніе.

Какое же представленіе вы должны себѣ составить объ ихъ первоначальной величинѣ? Какъ разсужденіе надъ междузвѣзднымъ пространствомъ не даетъ вамъ никакого яснаго представленія о его величинѣ, а только неопредѣленное, туманное представленіе громадности; такъ точно въ этомъ случаѣ приведенныя разсужденія ведутъ къ такому же неопредѣленному представленію неуловимой малости.

„Но два путешественника—пишетъ Тиндаль—изъ которыхъ одинъ поднимается въ гору, другой спускается съ горы, будутъ имѣть различныя впечатлѣнія. Для одного жизнь будетъ представляться убывающей, для другого она будетъ разростаться. Такая же разница существуетъ между двумя естествоиспытателями, изъ которыхъ одинъ привыкъ имѣть дѣло съ наблюденіями надъ осязательными величинами; для него $^1/_{100000}$ дюйма будетъ казаться предѣльной, безконечно малой величиной. Для другого, напротивъ, привыкшаго постоянно разсуждать надъ атомами, $^1/_{100000}$ дюйма будетъ казаться весьма значительной величиной. Для перваго будетъ существовать поэтому одинъ шагъ между бактеріей, которую онъ видитъ подъ микроскопомъ и атомомъ. Для другого, между этими двумя величинами, долженъ существовать цѣлый рядъ органическихъ градацій, неуловимыхъ для зрѣнія. Сказанное показываетъ, что, отказываясь отъ помощи воображенія и дедукціи, наука должна была бы отказаться отъ изученія цѣлой части доступнаго ей міра явленій, если не прямо, то косвенно; отказаться отъ цѣлаго ряда тѣхъ именно самыхъ драгоцѣнныхъ и любопытныхъ свѣдѣній, которыми обладаетъ теперь физическая наука. По странному, можетъ быть, на первый взглядъ противорѣчію, оказывается

однако, что части естествознанія, какъ біологія, физіологія, медицина и прочія, имѣющія дѣло повидимому съ наиболѣе осязательными и доступными непосредственному чувству явленіями, гораздо менѣе точны до сихъ поръ, чѣмъ отдѣлъ естествознанія физико-математическій, столь много опиравшійся на ипотезы.

Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что эта самая привычка преслѣдовать предметъ до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ, всѣми, доступными человѣческому изслѣдованію средствами, дѣлаетъ физико-математическое изслѣдованіе болѣе требовательнымъ и строгимъ, чѣмъ всякое другое.

Отсюда то, что удовлетворяетъ одного рода изслѣдователей, неудовлетворяетъ другихъ. Когда біологи и физіологи описываютъ намъ, напримѣръ, содержимое клѣтки, какъ безформенное, однородное, лишенное всякой структуры, потому только, что микроскопъ ихъ не показываетъ этой структуры,—то они могутъ довольствоваться такимъ положеніемъ, но оно не можетъ удовлетворить физико-математика.

Для послѣдняго это только показываетъ, что микроскопъ не имѣетъ голоса и авторитета въ отношеніи вопроса о началахъ органическаго зарожденія.

Дистилированная вода еще болѣе кажется однородной, чѣмъ содержимое всякаго возможнаго органическаго зародыша, а между тѣмъ, что же останавливаетъ сокращеніе ея объема при 4°/₀ Цельзія и обусловливаетъ расширеніе при дальнѣйшемъ пониженіи температуры, какъ не извѣстный процессъ внутренняго строенія, о которомъ не можетъ дать отчета никакой микроскопъ.

Помѣстите эту воду между полюсами электро-магнита, и глядите на нее въ микроскопъ: увидите ли вы какое-либо измѣненіе. А между тѣмъ, въ водѣ произошли сложныя и глубокія измѣненія. Можетъ ли микроскопъ намъ сказать что-нибудь о вращеніи плоскости поляризаціи черезъ индукцію, о строеніи алмаза, аметиста и прочихъ подобныхъ тѣлъ, а между тѣмъ, развѣ они лишены организаціи и правильной внутренней структуры. Ясно, что между царствомъ, доступнымъ микроскопическому зрѣнію, и царствомъ молекулъ, лежитъ цѣлое поле возможныхъ организацій, недоступныхъ прямому зрѣнію. Въ этомъ недоступномъ глазу промежуткѣ совершаются вообще первыя сложенія атомовъ и первыя же сложенія ихъ, дающія начало органическимъ образованіямъ. Такимъ образомъ, за предѣломъ непосредственнаго наблюденія, является постоянное дѣло воображенію и творческой способности человѣка. Правда, пользованіе этой способностью не должно выходить изъ своихъ предѣловъ, и точный умъ никогда не злоупотребитъ ею, но онъ будетъ постоянно пользоваться этимъ духовнымъ окомъ тамъ, гдѣ измѣняетъ прямое и непосредственное зрѣніе. Нашъ взглядъ на происхожденіе солнечной системы есть та-

жая же ипотеза, построенная при помощи той же творческой способности человѣческаго ума.

Ставшая столь популярною, въ послѣднее время, теорія происхожденія видовъ Дарвина, есть подобная же дедуктивная ипотеза. Мы имѣемъ, относительно развитія съ одной стороны неорганическихъ, съ другой органическихъ формъ на землѣ, теорію, удовлетворяющую самыхъ ревностныхъ читателей, матеріалистовъ, которые, исповѣдуя эти теоріи, можетъ быть не подозрѣваютъ, что обѣ теоріи суть продуктъ творческой силы человѣческаго воображенія и обѣ выходятъ изъ предѣловъ возможной матеріальной повѣрки непосредственнымъ ощущеніемъ.

Такова рѣчь Тиндаля въ ея существенномъ содержаніи.

Если англійскій ученый заговорилъ объ этомъ, то вѣроятно имѣлъ въ виду извѣстныя неясныя представленія по этому предмету своего, англійскаго общества. Самая форма его рѣчи показываетъ, что онъ имѣлъ въ виду не столько спеціалистовъ, сколько слушателей, требующихъ самаго популярнаго изложенія.

Между слабостями въ воззрѣніяхъ людей, хотя и различныхъ національностей, но одной эпохи, должно быть свое сходство, и мы позволяемъ себѣ думать, не имѣлъ ли онъ въ виду тѣхъ же заблужденій въ общемъ представленіи по настоящему предмету, которыя мы признаемъ отчасти за нашимъ читателемъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ читатель можетъ видѣть, что точное знаніе, въ своемъ послѣднемъ выраженіи, вовсе не такъ матеріально, какъ онъ, можетъ быть, привыкъ думать, что точность науки и матеріализмъ вовсе не составляютъ синонима, и точная наука едвали не болѣе опирается на высшія способности человѣческаго ума, его философскія свойства, чѣмъ на способность чувственнаго воспріятія. Иначе оно и не можетъ быть. Границы непосредственнаго воспріятія слишкомъ ощутительны, гдѣ бы мы его ни примѣняли къ настоящему или прошедшему, во всѣ стороны; зоркость и дальновидность нашего зрѣнія имѣетъ свой предѣлъ. Знаніе можетъ дать намъ извѣстныя орудія, посредствомъ которыхъ увеличить предѣлы нашего зрѣнія до извѣстной степени, оно можетъ вооружить нашъ глазъ, но только не до безпредѣльности. Тоже и относительно остальныхъ чувствъ. Тамъ, гдѣ кончаются предѣлы непосредственнаго ощущенія, человѣческому уму остается одно: это разсуждать о вещахъ по аналогіи съ узнанными фактами. Если эта аналогія возможна и можетъ быть плодотворна, то это потому только, что между фактами въ природѣ существуетъ непрерывная связь, и жизнь природы, въ ея доступныхъ и недоступныхъ для нашего непосредственнаго наблюденія проявленіяхъ, подчинена общимъ законамъ, связующимъ между собою всѣ проявленія. Если бы этой связи не существовало между явленіями открытаго нашему наблюденію міра и

закрытаго, то мы можемъ положительно сказать, что никогда не узнали бы послѣднюю.

Если есть явленія, неподчиняющіяся общимъ законамъ нашего міра, то мы никогда ничего не въ состояніи будемъ сказать о природѣ этихъ явленій, и они навсегда останутся внѣ предѣловъ нашего пониманія. Только вѣра въ кровное родство прошедшаго и будущаго съ настоящимъ, слишкомъ великаго и далекаго и слишкомъ малаго и близкаго съ тѣмъ, что мы способны наблюдать, обусловливаетъ всю смѣлость нашего научнаго творчества и дедукціи, и только въ предѣлахъ дѣйствительности такой связи эта вѣра можетъ найти свое оправданіе. За предѣлами нашего ощущенія лежитъ, по ту и другую сторону въ пространствѣ и времени міръ, безъ сомнѣнія, безконечный въ сравненіи съ тѣмъ, который доступенъ нашему воспріятію. Этотъ міръ манитъ насъ своей загадочностью. Но мы можемъ надѣяться узнать его лишь настолько, насколько въ средѣ доступныхъ намъ явленій есть достаточно основаній для вывода общихъ законовъ для тѣхъ и другихъ явленій.

Насколько наше знаніе въ этомъ случаѣ можетъ быть точнымъ? какъ далеко оно можетъ простираться? На это можно дать только наглядное объясненіе. Какъ бы ни казались намъ значительны матеріальныя орудія, которыя дало намъ знаніе для наблюденій природы, та именно творческая способность человѣческаго ума, которую мы только что наблюдали, обогатила это знаніе орудіемъ несравненно болѣе плодотворнымъ и могущественнымъ — мы разумѣемъ послѣдніе успѣхи математическаго анализа. Здѣсь вовсе дѣло не въ подробностяхъ великаго открытія современной точной философіи — открытія Ньютона и Лейбница, намъ нужно только одно изъ его существенныхъ положеній.

Если намъ извѣстенъ законъ безконечно малаго элемента кривой, то нами можетъ быть построена вся кривая, и намъ извѣстенъ весь законъ кривой, если онъ только не измѣняется въ теченіи ея образованія. Міръ доступныхъ нашему наблюденію фактовъ есть этотъ безконечно малый элементъ кривой жизни. Въ суммѣ, наше знаніе недоступныхъ прямому наблюденію вещей можетъ быть математически точно, но настолько, насколько въ предѣлахъ доступной намъ жизни заключаются данныя для опредѣленія закона элемента, и насколько мы приблизились къ узнанію закона этого элемента. Подъ этими условіями раіонъ доступнаго человѣку знанія можетъ быть вовсе не такъ ограниченъ; но само собою разумѣется, что какъ тѣ основанія, на которыхъ опирается такое сужденіе, такъ и самое дальнѣйшее содержаніе нашего знанія, должно быть обязано своею возможностью преимущественно тѣмъ высшимъ философскимъ способностямъ нашей природы, неизмѣннымъ орудіемъ которыхъ останется навсегда *ипотеза*.

Если все это справедливо, то не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что предполагаемое различіе между методами наукъ нравственныхъ и точныхъ вовсе не существуетъ. Дедукція и индукція, опытъ и ипотеза остаются такими же орудіями, какъ наукъ нравственныхъ, такъ и точныхъ, и все замѣчаемое различіе, между двумя отдѣлами наукъ, заключается въ одномъ лишь способѣ пользованія этими средствами, въ большей строгости наукъ точныхъ къ себѣ и въ своихъ наблюденіяхъ и въ своихъ ипотезахъ, и въ меньшей строгости въ этомъ отношеніи къ себѣ другихъ наукъ.

Ю. Ж.

Исторія Императорской Академіи наукъ въ Петербургѣ. *Петра Пекарскаго.* Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ первый. Спб. 1870.

Вышедшій теперь томъ „Исторіи“ есть только начало обширнаго труда, предпринятаго г. Пекарскимъ: этотъ томъ обнимаетъ первый періодъ академической исторіи, 1725—1742 годы. Въ предисловіи авторъ даетъ понятіе объ архивахъ Академіи, которые послужили главнѣйшимъ источникомъ его труда; затѣмъ въ нѣсколькихъ главахъ введенія онъ дѣлаетъ обзоръ предположеній о распространеніи просвѣщенія въ Россіи при Петрѣ Великомъ, разсказываетъ объ учрежденіи Академіи Наукъ при Петрѣ и о первомъ періодѣ ея существованія, ея устройствѣ, положеніи въ тогдашнемъ обществѣ и т. п., — и, наконецъ приступаетъ къ главному содержанію настоящаго тома, состоящему въ длинномъ рядѣ жизнеописаній президентовъ и членовъ академіи, вступившихъ въ нее съ 1725-го по 1742-й годъ.

Трудъ г. Пекарскаго исполненъ чрезвычайно обстоятельно и представляетъ массу фактическихъ свѣдѣній, извлеченныхъ авторомъ, кромѣ упомянутыхъ архивовъ, изъ множества академическихъ изданій и цѣлой исторической литературы; нѣкоторыя изъ жизнеописаній особенно подробны и составляютъ почти цѣлые біографическіе трактаты, напр. біографіи Шумахера, Эйлера, Мюллера, Тауберта, Стеллера, особливо Мюллера. Біографіи снабжены обильными литературными указаніями и библіографическими списками сочиненій описываемыхъ лицъ. Изложеніе, какъ бываетъ необходимо въ подобныхъ книгахъ, почти вездѣ очень сжатое, что впрочемъ не мѣшаетъ книгѣ представлять много любопытнаго чтенія даже для обыкновеннаго читателя.

Такова новая книга г. Пекарскаго, которую можно поставить въ уровень съ его первымъ изслѣдованіемъ о „Наукѣ и литературѣ въ Россіи при Петрѣ I“, и по пріему изслѣдованія, и по исполненію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ цѣломъ составѣ своемъ эта „Исто-

рія“ будетъ столь же необходимой настольной книгой для всѣхъ, занимающихся исторіей русскаго образованія въ XVIII-мъ столѣтіи.

Исторія петербургской Академіи Наукъ должна, конечно, занять очень важное мѣсто въ цѣлой исторіи нашего образованія со временъ Петра Великаго и до нашихъ дней. Понятно, что въ началѣ своей книги г. Пекарскій, ставя главной своей задачей собраніе и изложеніе внѣшнихъ фактовъ, не нашелъ возможнымъ или нужнымъ опредѣлять общее значеніе Академіи для русскаго государства и общества, въ различные періоды ея существованія; но надобно думать, что академическій историкъ не опуститъ, въ теченіи своего труда, разъяснить различныя стороны вопроса объ историческомъ и современномъ общественномъ значеніи этого учрежденія. Со временъ Петра и до нашихъ дней петербургская Академія Наукъ ведетъ особенное существованіе, непохожее на обыкновенное существованіе подобныхъ учрежденій въ другихъ странахъ. Академическій историкъ, разсказывая объ основаніи Академіи по мыслямъ Петра Великаго, находитъ (стр. XXVIII), что это учрежденіе представляло по своимъ цѣлямъ и составу „безспорно единственный примѣръ въ исторіи европейскаго просвѣщенія“. Надобно согласиться, что оно остается единственнымъ и до нашихъ дней; потому что, если оно перестало быть таковымъ по своему назначенію, такъ какъ давно уже перестало быть, кромѣ ученаго, и учебнымъ заведеніемъ (какъ было въ первое время) и въ настоящее время по характеру своихъ цѣлей вошло въ обыкновенный разрядъ ученыхъ академическихъ обществъ; то оно продолжаетъ оставаться единственнымъ по своему составу, который до сихъ поръ все еще въ большой мѣрѣ состоитъ изъ нѣмцевъ и пополняется изъ нѣмцевъ. Въ ученыхъ заслугахъ петербургской Академіи въ старое и новое время не можетъ быть сомнѣнія; ей должно отдать справедливость, что еще въ XVIII-мъ столѣтіи многіе изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые ее наполняли, оказали существенную пользу русскому просвѣщенію; но съ другой стороны въ ней было столько нерусскаго, столько чуждаго и не имѣвшаго никакихъ отношеній къ русской жизни, что характеристика становится очень затруднительна. Это было европейское учрежденіе, попавшее на иную почву, и съ этой почвой часто не имѣвшее никакой связи, а иногда находившее въ ней помѣху для своихъ дѣйствій: г. Пекарскій упоминаетъ нѣсколько случаевъ этого послѣдняго рода (стр. XVI, LXV и др.), гдѣ академическая европейская наука оказывалась не только чуждою русской жизни, но и подвергалась нѣкоторой опасности, и такіе случаи бывали не только въ первый періодъ существованія Академіи, но и въ гораздо болѣе позднія времена. Авторъ замѣчаетъ, что появленіе въ 1717-мъ г. русскаго перевода „Книга мірозрѣнія“ Гюйгенса еще не означало какого-нибудь дѣйствительнаго успѣха русскаго образованія, и онъ вѣрно очерчи-

ваетъ положеніе европейской науки при ея первой встрѣчѣ съ условіями русской жизни; но точно также не были успѣхомъ русскаго образованія и многіе позднѣйшіе труды Академіи Наукъ: появленіе ихъ на русской почвѣ — на европейскомъ ученомъ языкѣ, нѣмецкомъ или латинскомъ — было результатомъ оригинально сложившихся обстоятельствъ, и не было бы особенно удивительно, еслибы какой-нибудь изъ современныхъ нѣмецкихъ патріотическихъ историковъ вздумалъ изобразить дѣятельность петербургской Академіи какъ однимъ изъ фактовъ нѣмецкаго культурнаго величія и нѣмецкаго Drang nach Osten. Академики работали — одни больше, другіе меньше — въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, для той чистой науки, которую они вывозили изъ Европы; во-вторыхъ, для науки элементарной и прикладной, которой чаще требовали русскія условія; ихъ труды часто имѣли великое значеніе въ научномъ европейскомъ смыслѣ и — были индифферентны для русской жизни; ихъ другіе, прикладные или элементарно-педагогическіе труды приносили пользу и цѣнились въ Россіи, но — не имѣли никакого значенія въ наукѣ.

Въ такихъ „единственныхъ" формахъ часто складывалась дѣятельность Академіи Наукъ въ прошломъ столѣтіи, а отчасти и въ нынѣшнемъ. Эти формы составляютъ столь существенную черту въ ея исторіи, что опредѣленіе значенія Академіи въ исторіи нашего образованія должно указать этотъ двойственный характеръ учрежденія и мѣру отношеній его, съ одной стороны, къ наукѣ, съ другой — къ русскому государству и обществу. Г. Пекарскій отчасти уже намѣтилъ нѣкоторыя черты этого рода въ періодъ основанія Академіи; онѣ встрѣтятся въ обиліи и въ дальнѣйшей ея дѣятельности, и было бы желательно, чтобы исторія учрежденія, размѣстивъ факты по ихъ различному значенію, въ конечномъ выводѣ послужила и къ разъясненію настоящаго вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ вопросъ не разрѣшенъ и въ настоящее время. Русское общество долго не могло освоиться съ этимъ учрежденіемъ: основанная государствомъ для научныхъ цѣлей, понимаемыхъ съ правительственной точки зрѣнія, Академія несомнѣнно служила государству, получила даже извѣстный учено-бюрократическій характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, прямо и косвенно Академія служила и обществу, но прямыхъ связей съ нимъ она не имѣла, и въ русскомъ обществѣ это чувствовалось. Русскіе стараго закала чувствовали это грубымъ инстинктомъ, когда называли нѣмецкихъ академиковъ „супостатами"; враждебное отношеніе было ясно и открыто заявлено Ломоносовымъ въ средѣ самой Академіи, и наконецъ, еще недавно мы читали рѣзкіе инвективы противъ нѣкоторыхъ академическихъ порядковъ, показывающіе, что и въ наше время для многихъ людей, принимавшихъ къ сердцу интересы русскаго про-

свѣщенія, эти порядки не казались удовлетворительными и сочувственными.

Сколько мы замѣтили, авторъ намѣревается въ дальнѣйшихъ частяхъ своей „Исторіи“ изобразить и эти отношенія Академіи къ обществу: это будетъ, безъ сомнѣнія, одна изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ частей его исторической задачи, и надобно ожидать, что онъ исполнитъ ее со всѣмъ безпристрастіемъ, sine ira и sine studio.

Русскія дѣтскія сказки, собранныя *А. Н. Аѳанасьевымъ.* 2 части, М. 1870.

Наша дѣтская литература разростается съ каждымъ годомъ, но нельзя сказать къ сожалѣнію, чтобы весь этотъ ростъ былъ ей въ прокъ. Всего больше, какъ всегда, является въ ней вещей, очень плохо разсчитанныхъ на дѣтское чтеніе и плохо исполненныхъ. Издѣлія наиболѣе извѣстныхъ и распространенныхъ фирмъ въ особенности представляютъ много этого плохого чтенія: дѣло въ томъ, что наиболѣе извѣстныя фирмы всего меньше заботятся о внутреннемъ достоинствѣ своихъ изданій, они привыкли къ старой рутинѣ и издаютъ дѣтскія книжки до сихъ поръ такъ же, какъ онѣ издавались лѣтъ тридцать и сорокъ тому назадъ. Здѣсь до сихъ поръ вы встрѣтите извѣстную глуповатую поддѣлку подъ дѣтское пониманіе, натянуто-книжный языкъ, дешевую нравоучительность и переплетъ съ золотомъ, возвышающіе цѣну книги впятеро.

До какой степени рутина преобладала въ этой дѣтской литературѣ, можно видѣть изъ того обстоятельства, что въ ней замѣчательнымъ образомъ отсутствовали вещи, которыхъ на первомъ планѣ слѣдовало бы ожидать въ этой литературѣ. Мы говоримъ о сказкахъ, и именно русскихъ народныхъ сказкахъ для дѣтей. Было нѣсколько опытовъ воспользоваться ими для дѣтскихъ книжекъ, а нѣкоторые пересказы, очень небольшого однако числа сказокъ, не были совершенно плохи; въ послѣднее время г. Ахшарумовъ попробовалъ свои силы надъ литературной передѣлкой сказокъ, — но порядочнаго изданія не поддѣланныхъ и не „обработанныхъ“ народныхъ сказокъ для дѣтей не было до сей минуты, — хотя съ другой стороны есть и „Красная шапочка“, и нѣмецкія сказки Гримма и даже неизвѣстно зачѣмъ сдѣланное дорогое изданіе сказокъ Перро. Изданіе г. Аѳанасьева является первымъ въ своемъ родѣ, какъ значительное собраніе дѣтскихъ сказокъ, сохраненныхъ въ ихъ подлинномъ народномъ текстѣ. Эта книга составляетъ одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній нашей дѣтской литературы за послѣднее время, и мы не сомнѣваемся, что она будетъ оцѣнена всѣми, кому приходится искать хорошихъ книгъ для дѣтскаго чтенія.

У насъ еще до сихъ поръ есть нѣкоторое предубѣжденіе противъ подобнаго чтенія, заимствованнаго непосредственно изъ произведеній народной фантазіи. Одни, по старому преданію, продолжаютъ считать его вульгарнымъ, почти въ томъ самомъ смыслѣ, какъ говорилось объ этомъ еще во времена Тредьяковскаго; по крайней мѣрѣ думаютъ, что народныя пѣсни или сказки, хотя и заслуживающія вниманія въ этнографическомъ смыслѣ, неудобны для педагогическаго употребленія, потому что въ нихъ много представленій грубыхъ и неизящныхъ. Другіе находятъ педагогическое неудобство съ другой стороны, полагая, что сказки вообще не годятся для педагогическаго чтенія по исключительному господству фантастическаго элемента, что по отсутствію реальнаго содержанія онѣ не даютъ дѣтской мысли никакой дѣйствительной пищи и только развиваютъ одностороннимъ образомъ воображеніе. Относительно перваго изъ этихъ мнѣній можно замѣтить, что въ немъ еще слышенъ слѣдъ барскаго и полу-барскаго пренебреженія къ мужицкому народу, и опровергать это мнѣніе нѣтъ надобности; это — простое невѣжество. Второе выставляетъ аргументы, довольно раціональные, но также ошибочно, потому, что преувеличиваетъ дѣло: фантастичность сказокъ можетъ быть вредна развѣ въ томъ только случаѣ, когда ей дается слишкомъ много мѣста въ обиходѣ умственныхъ дѣтскихъ занятій, и особенно, когда она усиливается постороннимъ образомъ, разсказами нянюшекъ о разныхъ страхахъ и пугалахъ. Но вообще говоря, внѣ подобныхъ исключеній, фантастическое содержаніе сказки удовлетворяетъ потребностямъ воображенія въ дѣтскомъ возрастѣ, точно также, какъ иная поэзія и искусство для взрослаго. Опасенія противъ чрезмѣрнаго возбужденія именно фантазіи бываютъ ошибочны прежде всего потому, что нѣсколько смышленые дѣти очень скоро сами, безъ чужихъ объясненій, догадываются о степени достовѣрности этихъ сказаній, и очень понимаютъ, что „въ самомъ дѣлѣ“ ничего этого нѣтъ.

Необходимость этой дѣятельности воображенія знаютъ, конечно и самые строгіе реалисты педагогіи, и они думаютъ удовлетворить ей содержаніемъ, менѣе фантастическимъ и представляющимъ больше практическаго и дѣйствительнаго. Въ послѣднее время наша литература пріобрѣла довольно много переводныхъ произведеній этого рода, для болѣе взрослаго юношества въ книгахъ Верна, Масе, Майнъ-Рида и т. п.; онѣ дѣйствительно сообщаютъ не мало реальныхъ свѣдѣній, и въ тоже время чрезвычайно завлекательны для своей молодой, и не только молодой публики; но едва ли не страдаютъ такой же чрезмѣрностью чудеснаго, которая вредитъ наконецъ и первоначальнымъ цѣлямъ авторовъ. Въ концѣ концовъ чтеніе подобной литературы можетъ быть безплодно, какъ для болѣе юныхъ дѣтей чрезмѣрное слушаніе и чтеніе сказокъ...

Такимъ образомъ, здѣсь нужна только извѣстная педагогическая мѣра и выборъ чтенія. Съ другой стороны, знакомство съ произведеніями народной поэзіи имѣетъ большую воспитательную важность, которую упускаютъ изъ виду слишкомъ строгіе реалисты. Направляемое должнымъ образомъ, оно даетъ возможность приготовлять въ воспитаніи дальнѣйшее знакомство съ народной жизнью: не всѣмъ дѣтямъ представляется случай видѣть непосредственно эту жизнь, освоиваться съ ея впечатлѣніями и выносить изъ дѣтства запасъ пониманія, слишкомъ важный въ позднѣйшей жизни, и если недостатокъ этой близости съ народной жизнью долженъ восполняться чтеніемъ, то для начала этого чтенія сказки и пѣсни составляютъ самый естественный матеріалъ; трудно уловить дѣйствіе, какое можетъ производить это чтеніе, но въ нормальныхъ условіяхъ оно конечно пріучитъ дѣтскую мысль и воображеніе къ мотивамъ народной поэзіи и народной жизни и дастъ подкладку для ихъ дальнѣйшаго уразумѣнія. Нечего говорить о томъ, какъ можетъ служить подобное чтеніе въ чисто народной школѣ, когда въ первыхъ опытахъ читать книгу ученикъ встрѣчаетъ въ ней знакомые и любопытные ему разсказы...

Изданіе г. Аѳанасьева восполняетъ существенный пробѣлъ, который до сихъ поръ оставался въ нашей дѣтской литературѣ въ этомъ отношеніи. Его большое изданіе употреблялось уже для педагогическихъ цѣлей, но предпринятое въ чисто этнографическомъ интересѣ, оно не было особенно удобно для дѣтскаго чтенія: оно строго соблюдало записанную форму сказокъ, собирало всѣ, какія находились, варіанты одной и той же сказки, во многихъ случаяхъ передавало сказки на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ, представляло иногда сюжеты, мало понятные или не совсѣмъ удобные для дѣтей. Все это необходимо было для этнографической полноты и точности, и не годилось для книги дѣтской. Настоящее изданіе собрало спеціально сказки, наиболѣе соотвѣтствующія дѣтскому чтенію и устранило ученый аппаратъ и варіанты.

Изданіе заключается въ двухъ неравной величины выпускахъ: первый, небольшой, съ картинками; другой, бо́льшій, безъ картинокъ;— первый изданъ съ предварительной цензурой, которая требуется для изданій съ картинками; второй—безъ предварительной цензуры. Мы слышали, что это обстоятельство и подѣйствовало на объемъ перваго выпуска. Если это дѣйствительно такъ, то очень жаль, что подобное обстоятельство могло оказать вліяніе даже на изданіе сказокъ, несмотря на то, что оно было въ рукахъ столь извѣстнаго писателя и серьезнаго этнографа.

Картинки перваго выпуска, рисованныя г. Башиловымъ, очень хороши.

ПО ПОВОДУ ЗАМѢТКИ О. Ѳ. МИЛЛЕРА.

На-дняхъ, въ одной изъ здѣшнихъ газетъ напечатана замѣтка г. О. Миллера, подъ заглавіемъ: „Каразинъ и Карамзинъ". Почтенный авторъ нашелъ, что не совсѣмъ лестные отзывы о Каразинѣ основаны отчасти на особыхъ условіяхъ, въ которыя поставлена русская печать, и вслѣдствіе которыхъ „Записка" Каразина явилась у насъ съ большими вырѣзками: „На одной 20-й страницѣ помѣщается — говоритъ г. Миллеръ — то, что помѣщалось въ первоначальномъ наборѣ на цѣлыхъ шести страницахъ; да кромѣ того, во многихъ мѣстахъ записки встрѣчаются цѣлые ряды точекъ, отъ которыхъ мы, спроста, совершенно-было отвыкли, и къ которымъ, повидимому, придется намъ опять привыкать, къ великому, разумѣется, удовольствію нашихъ заграничныхъ пріятелей. Въ самомъ дѣлѣ, перелистовавъ послѣднія книжки большей части нашихъ журналовъ, наши старшіе братцы (т. е. западные народы) могутъ вполнѣ успокоиться на счетъ той поспѣшности, съ какою, будто-бы, развязали болтливые языки намъ, непрошколеннымъ недорослямъ въ европейской семьѣ".

Позволимъ себѣ дополнить соображенія г. Миллера: и наши младшіе „братцы", т.-е. славянскіе народы, могутъ также не безъ основанія сказать намъ, что не лучше ли заботиться о своемъ собственномъ благосостояніи, нежели протягивать имъ постоянно руку помощи. Впрочемъ, это мимоходомъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Вышеприведенныя слова г. Миллера сопровождаются подстрочнымъ замѣчаніемъ, которое требуетъ объясненій. „Нельзя не подивиться при этомъ — говоритъ почтенный авторъ — тому образцовому смиренію (или чему-нибудь другому) нашихъ редакторовъ, съ какимъ они отказываются отъ своего *законнаго* права — ссылаться на судъ.... Что касается читающаго общества, то оно, вѣроятно, охотно-бы отказалось отъ удовольствія получать каждую

книжку журнала въ строго опредѣленный срокъ, съ тѣмъ, чтобы получить ее хотя поздно, но неурѣзанную". Авторъ, очевидно, упрекаетъ редакторовъ въ недостаткѣ гражданской доблести, но толкованіе этого недостатка обнаруживаетъ въ авторѣ весьма отдаленное знакомство съ нашими законами о печати, или иначе онъ не указывалъ бы много редакторамъ на ихъ „законное право ссылаться на судъ". Вотъ какимъ образомъ говоритъ законъ: „Въ тѣхъ *чрезвычайныхъ* случаяхъ, когда, по значительности вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противозаконнаго сочиненія или повременнаго изданія, наложеніе ареста не можетъ быть отложено до судебнаго о семъ приговора, совѣту главнаго управленія и цензурнымъ комитетамъ предоставляется право немедленно останавливать выпускъ въ свѣтъ сего сочиненія, *не иначе, впрочемъ, какъ начавъ въ тоже самое время судебное преслѣдованіе противъ виновнаго*".

Мы не говоримъ уже о томъ, что выраженіе: „чрезвычайный случай" недостаточно опредѣлено закономъ, въ виду вреда, который можетъ быть нанесенъ изданію, когда личное неодобреніе цензоромъ какой-нибудь мысли или выраженія будетъ принято за „чрезвычайный случай", угрожающій будто-бы общественному спокойствію; положимъ, судъ не найдетъ послѣ справедливымъ преслѣдованіе какого-нибудь № газеты, но и возстановить значеніе и цѣну этого № также нельзя. Помимо этого соображенія, намъ важно указать г. Миллеру и на другое обстоятельство въ этомъ законѣ, на который онъ не обратилъ, повидимому, вниманія. Законъ говоритъ, что судебное преслѣдованіе должно начаться „въ тоже самое время". Оно дѣйствительно и начинается въ тоже самое время, но самый судъ можетъ произойти черезъ годъ, даже черезъ два, и нѣтъ причины происходить ему еще позже. Составленіе обвинительнаго акта есть уже начало преслѣдованія; но его можно составлять очень долго, такъ какъ законъ не опредѣляетъ срока между арестомъ книги и днемъ процесса, что было бы сдѣлать легко, такъ какъ литературное дѣло не представляетъ для обвинительной власти трудностей, сопряженныхъ съ потерею времени: тутъ не нужно ни отыскивать преступника, ни выслушивать свидѣтелей и т. п. Между тѣмъ, трудность дождаться суда и притомъ иногда по дѣлу, которое было принято за „чрезвычайный случай", а собственно не заключало въ себѣ ничего „чрезвычайнаго", и еще менѣе опаснаго

для общественнаго спокойствія, — именно, эта-то трудность и дѣлаетъ весьма несущественными „законныя права редакторовъ — ссылаться на судъ". Для читателя также является, въ случаѣ суда, вопросъ вовсе не о томъ, чтобы получить конфискованный № газеты или журнала нѣсколько позже, какъ думаетъ г. Миллеръ. Между тѣмъ, характеръ періодическаго изданія таковъ, что пріостановка одной книги останавливаетъ выходъ дальнѣйшихъ, если въ пріостановленной книгѣ заключалось начало той или другой статьи. Потому намъ кажется, что г. Миллеръ обратился съ упрекомъ къ редакторамъ въ недостаткѣ гражданскаго мужества единственно потому, что не вникнулъ въ текстъ закона и не принялъ въ соображеніе практику. По закону 6-го апрѣля, который въ настоящее время пересматривается, судъ въ литературныхъ процессахъ имѣетъ вовсе не то значеніе, какое онъ представляетъ въ общихъ дѣлахъ: подсудимый въ литературномъ процессѣ теряетъ не только въ случаѣ обвиненія, но и въ случаѣ оправданія: что онъ теряетъ въ первомъ случаѣ, это справедливо и понятно само собою; но онъ долженъ иногда еще больше потерять, если его оправдаютъ, напримѣръ, годъ, два спустя послѣ ареста № газеты или журнала, и когда убытки отъ предварительнаго ареста могутъ равняться не только уничтоженію изданія, но потерѣ всего затраченнаго на предпріятіе. При такомъ положеніи дѣла, г. Миллеръ вѣроятно откажется объяснять многія явленія нашей печати „образцовымъ смиреніемъ" редакторовъ, или „чѣмъ-нибудь другимъ", кромѣ тѣхъ условій, въ которыя поставлена печать. Чтобы выразить нашу мысль г-ну Миллеру еще яснѣе, укажемъ на примѣръ, извѣстный ему вмѣстѣ со всѣми: въ декабрьской книгѣ „Русскаго Архива" (1870 г.) мы встрѣчаемъ на оберткѣ: „Записка о старой и новой Россіи" Карамзина; а самой статьи не находимъ. Значитъ, она была подведена подъ „чрезвычайный случай", предвидѣнный вышеупомянутымъ § 14. Содержаніе „Записки" слишкомъ извѣстно всѣмъ, и потому каждый легко можетъ понять, что г. редакторъ „Русскаго Архива" не могъ опасаться дурныхъ послѣдствій суда для себя: по § 14, онъ былъ бы непремѣнно оправданъ, такъ какъ трудно найти въ сочиненіяхъ Карамзина не только что-нибудь „значительно вредное", но и просто вредное. Очевидно, редакція „Русскаго Архива" предвидѣла хорошія послѣдствія суда, но тѣмъ не менѣе имѣла причины ихъ опасаться по обстоятельствамъ, теперь, надѣемся, совершенно понят-

нымъ для г. Миллера. И дѣйствовала такъ редакція вовсе не изъ личныхъ выгодъ, такъ какъ невозможность дальнѣйшаго изданія, подобнаго журналу „Русскій Архивъ“, можно принять за нарушеніе выгодъ всей публики. Наконецъ, и публика, вѣроятно, предпочтетъ отложить на время свое удовольствіе прочесть „Записку“ Карамзина въ русскомъ изданіи, лишь бы „Русскій Архивъ“ не былъ поставленъ въ невозможность продолжать свое дѣло.

А.

ПОПРАВКА.

Въ январьской книжкѣ, стр. 365, строк. 7 сн., по недосмотру вкралась весьма важная ошибка, а именно, напечатано: *одинъ процентъ*, вмѣсто—*одиннадцать процентовъ*.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 1871.

Книга первая. — Январь.

Книга вторая. — Февраль.

дебное слѣдствіе. Сборникъ практическихъ замѣтокъ *К. К. Арсеньева*. Спб. 1871. Стр. 361. Ц. 1 р. 50 к.

Съ небольшимъ годъ тому назадъ явилось въ
чати сочиненіе нашего опытнаго юриста и
иоката К. К. Арсеньева, подъ заглавіемъ: «Пре-
іе суду и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла до
чала судебнаго слѣдствія»; теперь предъ нами
одолженіе этого труда. «Цѣль и планъ нашего
уда—говоритъ авторъ —остались тѣже самые;
авную часть его по прежнему составляетъ си-
ематическое обозрѣніе рѣшеній уголовнаго кас-
ціоннаго департамента Прав. Сената». Но авторъ
здѣсь, какъ и тамъ, не ограничивался однимъ
стематизированіемъ фактовъ, хотя и это было
само по себѣ значительною услугой. Онъ от-
еся критически къ этимъ фактамъ и изучалъ
ь притомъ сравнительно съ заграничными ко-
ксами и судебными обычаями. Настоящій вы-
скъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ одномъ,
ложены общія условія производства уголовныхъ
лъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, а именно: глас-
сть и непрерывность судебнаго засѣданія, уст-
сть судопроизводства, и права и обязанности,
къ предсѣдателя суда, судей, присяжныхъ и
окурора, такъ и права сторонъ. Второй отдѣлъ
священъ самому судебному слѣдствію. Авторъ
многомъ отдаетъ преимущество нашему уставу
оловнаго судопроизводства предъ иностранны-
; даже признаетъ, что первоначальный духъ
тавовъ 1864 года не погибъ въ нашей магистра-
рѣ; но въ тоже время не можетъ не сознаться,
о «въ симптомахъ, заставляющихъ опасаться
будущность нашей магистратуры, къ несчастью
ѣтъ недостатка». Такого рода опасенія весьма
рьезны, такъ какъ законы могутъ быть даже
иты, но и это еще не ручается за торжество
авды въ практикѣ частной и общественной
изни.

едняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. Съ картою Средней Азіи. Состав. кап. ген.-шт. *Л. Костенко*. Спб. 1871. Стр. 358. Ц. 2 руб.

Въ послѣднюю эпоху, когда у насъ началась
троиваться внутренняя жизнь на основаніяхъ,
изкихъ къ общеевропейскому современному
ну, насъ начали серьезно занимать внѣшнія
ловія государственной жизни, къ числу кото-
хъ принадлежатъ особенно наши отношенія къ
татымъ, но варварскимъ сосѣдямъ въ Средней
зіи. Въ виду пристрастныхъ сужденій по этому
лу иностранныхъ писателей и внутренней по-
лемики партизановъ и противниковъ нашего движенія на Востокъ, авторъ, изучивъ вопросъ на мѣстѣ, задался справедливою мыслью содѣйствовать къ разрѣшенію нашей задачи на Востокѣ обстоятельнымъ описаніемъ сдѣланныхъ уже нами пріобрѣтеній въ Ср. Азіи и того, что должно ожидать отъ нихъ въ будущемъ. Указываемъ особенно на послѣднюю главу, гдѣ изложены авторомъ наши послѣдующіе виды, какъ политическіе, такъ административные и торговые по средне-азіатскому вопросу, съ критическимъ взглядомъ на нихъ автора. Что касается насъ, то мы всегда держались того мнѣнія, что только тогда наши внѣшнія успѣхи будутъ прочны и плодотворны, когда въ основаніе ихъ ляжетъ широкое и правильное развитіе внутреннихъ силъ нашего общества.

Австралія. Исторія открытія и колонизація, растенія и животныя пятой части свѣта. Съ 106 картин. и рисунк. Пер. съ нѣм. Изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной. Спб. 1871. Стр. 394. Ц. 2 р. 50 к.

Отъ описанія Средней Азіи будетъ кстати перейти къ описанію Австраліи. Тамъ мы имѣемъ дѣло съ планами подчиненія новыхъ странъ европейской цивилизаціи; тутъ мы встрѣчаемъ исторію совершившагося факта, какъ Англія успѣла въ какихъ нибудь сто лѣтъ устроить въ Австраліи цвѣтущія колоніи съ двухмилліоннымъ населеніемъ. Австралія начала свою новѣйшую исторію, какъ мѣсто ссылки преступниковъ, а потому въ настоящемъ изданіи интересующіеся вопросомъ колонизаціи преступниковъ у насъ найдутъ весьма важныя и полезныя практическія указанія. Изданіе снабжено политипажами и самый переводъ исполненъ весьма тщательно и добросовѣстно.

Американки XVIII-го вѣка. Составлено по мемуарамъ мистриссъ Эллетъ. *М. Цебриковой*. Спб. 1871. Ц. 1 р. 75 к.

Нашимъ читателямъ извѣстенъ отчасти этотъ трудъ г-жи Цебриковой по двумъ статьямъ того же автора: «Женщины американской революціи». Намъ остается только указать на новое, отдѣльное его изданіе значительно дополненное авторомъ и представляющее цѣлый рядъ женскихъ портретовъ съ интересною ихъ характеристикою и подробностями домашней и общественной жизни американокъ, напоминающихъ собою древнихъ римскихъ матронъ.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1871 году.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**;—2) *съ до-ставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловье*— **15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50 к.** въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получать журналъ съ достав или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ бил вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять св адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ.— Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая бил для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаютс подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Жела щіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакц и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, ф миліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ свои коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и ин городные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для го родскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія и Германія*— 18 руб.; *Бельгія, Нидерланды и Придунайскія Княжества* — 19 руб.; *Франція Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція* — 21 р *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльны книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страниц— шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, кни сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ тра товъ. Журналъ доставляется на почту въ бандероляхъ; экземпляры иногородные, имѣя себѣ адрессъ подписчика, отправляются при особой *именной картѣ* для росписки получ телей, съ обозначеніемъ дня сдачи книгъ въ Газетную Экспедицію.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе мо поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣсти редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой но адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адр для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто пр няго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногор ные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается пр въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Контор ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Г зетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельс Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта посл

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго мера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписч

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редак

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.